

СКОТТ ЛИНЧ

ОБМАНЫ
ЛОККИ
ЛАМОРЫ

Скотт Линч

Обманы Локки Ламоры

Серия «Благородные Подонки», книга 1

Скан – <http://oldmaglib.com>, вычитка – Кайл Иторр

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160048

Обманы Локки Ламоры: АСТ, АСТ Москва, Хранитель; М.; 2007

ISBN 978-5-17-040279-3, 978-5-9713-5153-5, 978-5-9762-2279-3

Оригинал: ScottLynch, “The Lies of Locke Lamora”

Перевод:

Татьяна В. Минина

Е. И. Свешикова

Аннотация

Локки Ламора. Незаконнорожденный бретер, ставший знаменитым «бандитом – джентльменом».

Он и его друзья готовы на все, чтобы пробиться наверх – в общество, путь в которое им заказан.

Однако блестящая афера, задуманная Локки, принимает неожиданно опасный оборот, ведь он случайно становится на пути у таинственного Серого Короля.

Начинается долгое противостояние сильных и хитроумных людей, обреченных сражаться до победы – или гибели!

Содержание

От автора	5
Пролог. Мальчик, который слишком много крал	7
КНИГА I. ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ ЗАМЫСЕЛ	60
Глава 1. Игра с доном Сальварой	61
Интерлюдия. Объяснения Локки	119
Глава 2. Вторая встреча на Зубастом Шоу	128
Интерлюдия. Локки остается на ужин	171
Глава 3. Вымышленные люди	200
Интерлюдия. Последняя ошибка	252
КНИГА 2. ОСЛОЖНЕНИЕ	281
Глава 4. При дворе капы Барсави	282
Интерлюдия. Мальчик, плачущий над мертвым телом	344
Глава 5. Серый король	378
Интерлюдия. Жан Таннен	413
Глава 6. Ограничения	434
Интерлюдия. Юный талант	465
Глава 7. Из окна	486
Интерлюдия. Вверх по реке	516
Глава 8. Погребальная бочка	530
Интерлюдия. Война с Полукронами	557
КНИГА 3. РАЗОБЛАЧЕНИЕ	576
Глава 9. Забавная история для графини	576

Янтарного Кубка	
Интерлюдия. Наставник из Обители	600
Хрустальных Роз	
Глава 10. Уроки анатомии	606
Интерлюдия. Притча про игроков в ручной мяч	643
Глава 11. При дворе капы Разо	648
Интерлюдия. Госпожа Долгого Молчания	685
КНИГА 4. ОТЧАЯННАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ	697
Глава 12. Толстый священник из Тал-Верарра	697
Интерлюдия. Маги белого золота	729
Глава 13. Орхидея для наемного убийцы	733
Глава 14. Три приглашения	780
Интерлюдия. Дочери Каморра	818
Глава 15. Укус паука	823
Интерлюдия. Трон на пепелище	865
Глава 16. Правосудие в красном	871
Интерлюдия. Небольшое пророчество	956
Эпилог. Лжесвет	957

Скотт Линч

Обманы Локки Ламоры

Посвящается Джесси – той, которая все время стояла за моей спиной и своим присутствием благословляла рождение этого маленького мира. С вечной любовью.

От автора

Огромная, невероятная удача свалилась на меня с небес в счастливый день, когда этот роман был принят к публикации. Хочу выразить самую горячую благодарность людям, которые этому способствовали – Саймону Спэнтону, Джиллиан Рэдферн, Кристине Куявинске, Ханне Уитейкер, Сюзан Хоу из «Орион Букс», а также Энн Гроуэлл из «Бантама» и, конечно же, Динне Хоук.

Чтобы сохранить эго начинающего автора на высоте (или в узде – как понадобится), требуется побыть в деревне. Я не мог бы пожелать более терпеливой или щедрой поддержки в этом отношении, чем та, которую обеспечили мне мои родители Джил и Том Линч. И у меня точно все получилось бы совсем иначе без совершенно конкретной энергичной команды онлайн-подонков-помощников, в число которых входили: Гейб Шуйнар, Мэтью Вудринг Стовер, Кейдж Бей-

кер, Боб Юрелл, Саммер Брукс, М. Линн Букер, Крис Биллетт, Габриэль Меса, Алекс Берман, Клаки, Нэйт Блюминфельд, Илья Попов, Ариэль и все остальные, включая читателей и участников ролевой игры «Дела, а не слова».

Также благодарю друзей, близких и дальних – Джейсона Маккрея, Даррена Виланда, Клео Мак-Адамс, Джейсона Стивенса, Пег Керр, Филипа Шилла, Бредфорда Уокера, Дж. Х.Фрэнка, Джейсона Сартина, Абру Стаффин-Вебе, Сэмми и Луиса, Майка и Бекки, Бриджит и Джо, Энни и Джосайю, Эрика и Омана, Майка и Лауру, Пола, Адриана, Бена и Дженни Роуз, Аарона, Джесси, Криса, Ирен, Энди Нельсона и не в последнюю очередь Роуз Миллер – которая пока еще недостаточно большая, чтобы ездить верхом, но мы все равно ей это позволяем.

Нью-Ричмонд, Висконсин, 16 сентября 2005 г.

Пролог. Мальчик, который слишком много крал

1

В самый разгар долгого и влажного лета семьдесят седьмого года Сендовани к Безглазому Священнику храма Переландро с неожиданным визитом явился Учитель из Каморра. Вообще-то в определенных кругах за этим человеком давно и прочно закрепилась кличка «Делатель Воров», но самому ему больше нравилось строгое и почтительное «Учитель». Он пришел не просто так – в душе его теплилась надежда сбить с рук этого несчастного мальчишку Ламору.

– Хочу предложить тебе весьма выгодную сделку, – с напускным воодушевлением начал Учитель.

– Еще одну? Как в случае с Кало и Гальдо? – вскинулся Безглазый Священник. – Я до сих пор пытаюсь выбить из этой парочки хихикающих идиотов дурные манеры, которые они подцепили от тебя, и заменить их иными, необходимыми лично мне!

– Да ладно тебе, Цепп, – пожал плечами Учитель. – Я сразу же честно предупредил, что эти мальчишки – грязные обе-

зьяны, и ты вполне мог...

– Или, может, повторяется история с Сабетой? – в голосе хозяина дома появились угрожающие нотки, и возражения замерли на губах Учителя. – Помнишь, как было дело? Ты ободрал меня дочиста, разве что коленные чашечки моей покойной матушки не забрал. Я заплатил тебе чистой медью, а затем был вынужден наблюдать, как ты пытаешься утащить все обратно.

– Ну, знаешь, Сабета – особый случай. Однако этот мальчишка тоже совершенно необычный. Именно то, что ты просил подыскать после продажи Кало и Гальдо, и то, что ты так ценишь в Сабете. Он родом из Каморра, но не чистый южанин – похоже, помесь теринской и вадранской кровей. Выглядит скорее как вадранец из Парлея или Сомнея. И самое главное, Цепп: воровство у него в крови! Это столь же бесспорно, как то, что в море полно рыбьей мочи. К тому же я продам его тебе, э-э... со скидкой.

Несколько долгих мгновений Безглазый Священник обдумывал предложение.

– Извини, но подобная щедрость с твоей стороны не может не насторожить, – проговорил он наконец. – Так и подмывает прижаться спиной к стене и взять в руки что-то тяжелое.

При этих словах Учитель напустил на себя оскорбленный вид, что при его репутации выглядело довольно забавно.

– Не стану скрывать, что у меня возникли некоторые про-

блемы с этим Ламорой, – продолжил он, пожав плечами с нарочитой небрежностью. – Но все они проистекают исключительно из нынешнего положения, когда мальчишка находится под моей опекой. Уверен: как только он перейдет в твою собственность, все проблемы исчезнут сами собой.

– Ах вот как! У тебя на руках чудо-мальчик? Почему бы не сказать об этом прямо? – Священник поскреб лоб под белой шелковой повязкой, скрывающей оба его глаза. – Великолепно! Предполагается, что я высажу это семя в нашу грешную землю и получу магическую лозу, которая приведет меня прямо в сказочную заоблачную страну.

– Ха-ха-ха! Как мне знаком этот сарказм. – Учитель отвесил шутовской поклон. – Он прекрасно маскирует твою заинтересованность, Цепп.

Безглазый Священник сплюнул.

– Хорошо, предположим, что твой мальчишка имеет какую-то ценность. Например, сможет составить компанию для игр Кало, Гальдо и Сабете, хотя бы в качестве козла отпущения. Предположим далее, что я соглашусь отдать три медяка и еще какую-то ерунду за мальчишку, которого в глаза не видел. Но я, по крайней мере, хочу знать, в чем его проблема. Имею я на это право или нет?

– Проблема в том, – с расстановкой произнес Учитель, – что если мальчишку не удастся продать, то мне придется перерезать ему глотку, а тело бросить в залив. И сделать это не позднее сегодняшнего вечера.

В ту достопамятную ночь, когда мальчишка Ламора попал в руки Учителю, старое кладбище на Сумеречном холме было полно детей. Ребятишки молча стояли, ожидая прихода новых братьев и сестер, которых надлежало отвести в подземные склепы.

Все они держали в руках свечи; их холодное голубое сияние пробивалось сквозь серебристую пелену речного тумана – подобно тому, как уличные фонари просвечивают сквозь грязное закопченное окно. Цепочка призрачных огоньков спускалась по склону холма, петляя меж каменных столбов и протоптанных дорожек, – вниз, к широкому стеклянному мосту, перекинутому через Угольный канал. Сам канал еле просматривался в клубах нагретого зловонного тумана, который летними ночами источали отсыревшие кости Каморра.

– Вперед, мои возлюбленные! Шире шаг, мои вновь обретенные дети, – шептал Учитель, подталкивая отстающих ребятишек к мосту. Их было тридцать человек – все сироты из Огневого района. – Не бойтесь! Свет, который вы видите, не опасен. Это ваши новые друзья: они пришли, чтобы указать вам путь на мой холм. Шагайте, шагайте, мои сокровища.

Ночь коротка, а у нас впереди долгий разговор.

В глубине души Учитель считал себя художником. Точнее, скульптором: мастерской ему служило старое кладбище на Сумеречном холме, а глиной – те самые сироты, которых судьба сунула под его крыло.

Восемьдесят восемь тысяч обитателей города регулярно выталкивали из себя новые человеческие отходы, и в общество постоянно вливался ручеек потерянных, никому не нужных и брошенных детей. Некоторым из них предстояло навечно отправиться в рабство – их уже поджидали корабли, идущие в Тал-Верарр или на Джеремитские острова. Хотя в Каморре существовал официальный запрет на рабство – кого интересует судьба неприкаянных сирот?

Те, кому повезло ускользнуть из рук работорговцев, делались жертвами обычной человеческой тупости. Голод и болезни косили детей, которым не хватало ловкости и отваги, чтобы урвать себе место под солнцем. Были и другие, храбрые, но недостаточно умелые – они заканчивали жизнь на Черном мосту перед Дворцом Терпения. Судейские чиновники герцога обходились с юными воришками точно так же, как с их старшими товарищами. Именно они следили, чтобы к ногам несчастных жертв, которых сбрасывают с моста, были привязаны тяжелые камни – казнь должна осуществиться успешно и по всем правилам.

Те же сироты, которым посчастливилось ускользнуть от смерти в ее разнообразных обличьях, рано или поздно по-

падались на глаза команде Учителя. Ее члены отбирали детей и приводили их, группами и поодиночке, к своему главарю. Наверное, поначалу беднякам казалось, что они попали в рай – горячая пища, ласковые речи... Довольно скоро им предстояло осознать, какая жизнь ждет их под старым кладбищем, в царстве строгого Учителя. Но выбор делался ими в тот момент, когда они преклоняли колени перед своим повелителем, сладкоголосым чудаковатым стариком.

– Поспешите, мои сокровища, мои новые сыновья и дочери! Следуйте вдоль цепочки огней и взбирайтесь на вершину холма. Мы уже почти дома, вдали от тумана, дождя и этой вонючей удушливой жары.

Вспыхивавшие время от времени эпидемии предоставляли Учителю дополнительные возможности. Нынешние сироты из Огневого района бежали от Черного Шепота, столь любезного сердцу Делателя Воров. Эта невесть откуда свалившаяся болезнь принесла гибель многим жителям несчастной окраины. Кто-то умер, заразившись. Иные, кто уже после объявления карантина пытался пересечь канал вплавь или на лодках, приняли смерть от дубины в руках санитаров, оберегавших от беды остальной город. Эпидемия и впрямь не коснулась основной массы каморрцев – прошла, оставив после себя лишь смутное чувство тревоги и нарастающего опасения. Черный Шепот означал немедленную и ужасную смерть для всех, кто старше одиннадцати-двенадцати лет (впрочем, этот возраст, определенный врачами, был весьма

условной границей, ибо пути Нары неисповедимы). То же через несколько дней ждало и детей младше одиннадцати, если у них внезапно сильно краснели щеки и отекали веки.

Примерно на пятый день карантина крики смолкли, одновременно прекратились попытки переправиться через канал. В очередной раз судьба настигла жителей Огневого района – та самая, что нередко выпадала им в годы предшествующих эпидемий. Когда на одиннадцатый день карантин был снят, и к району устремились герцогские «чайки», желая выяснить положение дел, из четырех сотен детей, имевшихся здесь до болезни, в живых остался лишь каждый восьмой, а необходимость выживания в жесточайших условиях сбила их в сплоченные шайки, дерущиеся за кусок хлеба.

Делателю Воров оставалось лишь отобрать лучших из лучших и увести их прочь с улиц, застывших в зловещем молчании.

Учитель заплатил серебряную монету за тридцать детей, еще одну доплатил стражникам, чтобы держали язык за зубами. Таким образом те освободились от забот о выживших детях, а Учитель получил свою глину. Он уводил их – окоченевших, худых и смердящих – во тьму и духоту каморрской ночи, навстречу могилам Сумеречного холма.

Мальчишка Ламора был самым младшим и мелким из них – пожалуй, ему едва сравнялось лет пять-шесть. Справедливости ради стоит отметить, что Учитель не включил в число избранных эту кучу костей, обтянутых грязной кожей. Маль-

чишка сам потащился вслед за толпой товарищей. Разумеется, строгий наставник отметил сей факт, но решил не отвергать подарок, поднесенный ему не слишком милостивой судьбой.

Стоял семьдесят седьмой год Гандоло – Отца счастливых возможностей, Покровителя торговли и звонкой монеты. Учитель конвоировал ватагу вновь приобретенных оборванцев, направляясь в свое королевство.

Мог ли он тогда предположить, что через какую-то пару лет будет обивать порог отца Цеппа, умоляя забрать мальчишку! А также втихомолку точить нож – на случай, если священник откажется.

3

– А не врешь? – Безглазый Священник поскреб щетинистую шею.

– Обижает. – Учитель пожал плечами. Покопавшись под полкой своего дублета, он достал кожаный мешочек цвета ржавчины, болтавшийся на красивом шнурке. – Я даже успел сходить к большому начальству и выбить разрешение. Так что если ты откажешься, я перережу мальчишке горло от уха до уха и отправлю на корм рыбам.

– О боги, какая душераздирающая история! – Безглазый

Священник пробежался пальцами по груди стоящего перед ним Учителя. – Вот что, трус несчастный, пойдя и поищи другого осла, который поможет тебе облегчить совесть.

– К черту совесть, Цепп! Я толкую о нашей обоюдной выгоде. Я не могу оставить этого мальчишку у себя, поэтому пришел к тебе с предложением. Поверь, это честная сделка.

– Если паренек слишком норовистый, почему бы тебе попросту не посадить его под замок? И не подержать там какое-то время, пока он не обретет продажную стоимость?

– Я даже обсуждать это не буду, Цепп. Не тот случай. И прогнать его я тоже не могу: нельзя допустить, чтобы остальные дерьменыши узнали, что он... э-э... натворил. Если у них появятся хоть какие-то подозрения... о боги, я навсегда утрачу контроль над подчиненными! Нет, у меня два варианта: либо быстро убить мальчишку, либо еще быстрее продать. Сам посуди, что лучше – ничтожная прибыль или вообще никакой. Заодно угадай, каково мое решение.

– Интересно... Мальчишка сделал нечто такое, о чем ты боишься даже упомянуть перед лицом прочих засранцев? – Цепп помассировал лоб над повязкой и вздохнул. – Черт, тебе удалось заинтриговать меня!

Старинная каморрская поговорка гласит: душа человека неизменна лишь в своем непостоянстве. Вечных вещей не существует, все проходит и выходит из моды – даже такая, казалось бы, практичная вещь, как холм, нашпигованный мертвецами.

Сумеречный холм стал первым респектабельным кладбищем в истории Каморра. Это возвышенное место идеально подходило для того, чтобы оградить останки почтенных граждан города от соленых вод Стального моря. Однако время шло, появились похоронные бюро, профессиональные могильщики и ваятели склепов. Все реже аристократы хоронили своих усопших на Сумеречном холме. Теперь они предпочитали расположенный неподалеку Холм Шепотов – новое просторное кладбище, где высились впечатляющие памятники и надгробия. За свои деньги знать хотела получать роскошь даже после смерти. Войны, болезни и государственные беспорядки делали свое дело – в живых оставалось все меньше и меньше родственников тех, кто был когда-то похоронен на Сумеречном холме. В конце концов единственными людьми, которые изредка сюда наведывались, стали жрецы и жрицы Азы Гуиллы, которые ночевали здесь в период своего ученичества. Кладбище полностью перешло во власть стаи бездомных сирот, облюбовавших темные заброшенные склепы.

Учитель (хотя в ту пору еще никто не величал его так) очутился на Сумеречном холме в один из прискорбнейших

периодов своей жизни. Сложно найти более жалкое зрелище, чем вор-карманник с девятью перебитыми пальцами!

Сиротки встретили его настороженно, не обошлось и без угроз. Но все-таки в их душах еще сохранились остатки, возможно, неосознанной потребности в опеке взрослого человека. Именно эти чувства уберегли Учителя от позорной смерти во сне. Он же, со своей стороны, освоился с новыми условиями и стал – сначала скуп, неохотно, затем все более щедро – делиться с местными оборванцами секретами своего ремесла.

Со временем руки его начали заживать... относительно, конечно, ибо большая часть пальцев так и осталась скрюченной на манер дважды переломленных прутиков. Выздоровливая, Учитель проводил все больше времени с чумазами отщепенцами, которые прятались в полуразвалившихся склепах от непогоды и городской стражи, и передавал им свою порочную, извращенную мудрость. Количество учеников неуклонно росло – как и совместные доходы. Воровскому сообществу требовалось место, и дети начали осваивать все новые и новые уголки старого кладбища.

Через несколько лет искалеченный карманник превратился в Учителя, то есть Делателя Воров, безраздельного правителя Сумеречного холма.

Мальчишка Ламора вместе со своими товарищами из Огневого района попал в это кладбищенское королевство где-

то на двадцатом году его существования. В ту ночь их глазам предстало скопище старых склепов, скрытых под неглубоким слоем земли и соединенных меж собой обширной сетью туннелей и крытых галерей. Изогнутые опоры, похожие на ребра причудливых деревянных драконов, укрепляли стены. Прежние истлевшие обитатели склепов были давным-давно выдворены и брошены в воды залива. Теперь Сумеречный холм больше всего напоминал гигантский термитник, внутри которого вместо насекомых сновали бесчисленные сироты-воришки.

Вновь прибывших провели под один из главных мавзолеев, возвышавшихся на вершине холма. Они шли по туннелю с деревянными перекрытиями, озаренному серебристым светом алхимических шаров, по полу стелился призрачный туман. Из каждого закоулка их провожали холодные любопытные взгляды местных обитателей. В спертom воздухе стоял запах сырой земли и немых человеческих тел.

– Входите, входите! – приговаривал Учитель, потирая руки. – Добро пожаловать. Мой дом теперь – ваш дом. У всех детей здесь одинаковая судьба – они сироты, без отцов-матерей. Бедняжки, конечно... зато теперь у вас сколько хочешь братьев и сестер. И надежный кров над головой. Это ваш дом и ваша семья.

Вереница сирот-старожилов устремилась вглубь холма. На ходу они задували зловещие голубоватые огоньки свечей, и вскоре путь через туннель освещался лишь серебряным

сиянием настенных светильников.

В самом сердце владений Учителя располагалась просторная и теплая пещера с плотно утрамбованным земляным полом. Она была примерно тридцать ярдов в длину и ширину, потолок нависал на высоте двукратного роста взрослого мужчины. У дальней стены стояло кресло с высокой спинкой из полированного ведьмина дерева. Учитель сразу же поспешил к нему и с видимым облегчением опустился на сиденье.

Пол был застелен грязными грубыми одеялами, а на них... о боги! На них стояла еда: разложенные по мискам костлявые цыплята, вымоченные в дешевом миндальном вине; хвосты морских лисиц, переложённые беконом и сдобренные уксусом; черный хлеб, политый свиным жиром, а также соленый горох с чечевицей и груды перезрелых груш и помидоров. Бросовые, дешевые продукты... но изголодавшиеся сироты из Огневого района никогда не видели пищи в таком количестве и разнообразии. Не сговариваясь, они дружно налетели на угощение. Учитель лишь глядел и снисходительно улыбался.

– Я не настолько глуп, чтобы мешать вам вкушать столь замечательную еду, мои дорогие. Поэтому ешьте, сколько влезет, наверстывайте упущенное. Мы поговорим позже.

Пока новенькие насыщались, вокруг них собрались все обитатели Сумеречного холма. Они стояли и молча наблюдали. Воздух в помещении становился все более тяжелым и душным. А счастливчики, пережившие Черный Шепот, ели

и ели до тех пор, пока на столе не осталось буквально ничего. Только тогда, слизывая с пальцев остатки уксуса и жира, они обратили настороженные взоры на хозяина и его гвардию.

Учитель вскинул вверх три скрюченных пальца.

– Поговорим о деле! – воскликнул он. – Тут важны три момента. Во-первых, вы здесь потому, что я **ЗАПЛАТИЛ** за вас. И заплатил даже сверх положенного – ради того, чтобы этого не успел сделать кто-то другой. Поверьте, всех ваших товарищей, которые не попали ко мне, ждет незавидная судьба рабов. Кому еще нужны глупые, ничему не обученные сироты? Вам некуда идти, никто не жаждет заботиться о вас. С другой стороны, для стражников вы – дармовые деньги. Сержант даже не позаботится упомянуть вас в своем рапорте, а капитану и вовсе неохота забивать себе мозги. Теперь, – продолжал Учитель, – когда с Огневого района снят карантин, все каморрские ловцы рабов – и настоящие, и вероятные – будут настороже и очень, очень взбудоражены. Вы, конечно, можете покинуть наш холм в любое время, но имейте в виду: и дня не пройдет, как вы, мои дорогие красавчики, начнете предлагать себя в подворотне или окажетесь прикованы к веслу до конца жизни. И это впрямую подводит меня ко второму пункту. Все мои друзья, которых вы здесь видите, – он широким жестом обвел толпу детей, стоящих вдоль стен, – вольны уходить, когда им вздумается, и гулять почти повсюду. А знаете, почему? Да потому, что они под моей защитой! Нет, конечно, сам по себе я значу не слишком мно-

го, – он сделал внушительную паузу, во время которой царила гробовая тишина. – Зато у меня есть весьма могущественные приятели, которые могут обеспечить безопасность мне и моим воспитанникам. Случись какому-нибудь... скажем, работорговцу поднять руку на одного из моих питомцев – что ж, ему не позавидуешь. Наказание последует немедленно и будет впечатляющим. Я бы даже сказал – безжалостным.

Никто из новеньких не проявил воодушевления. Тогда Учитель прочистил горло и уточнил:

– Этот долбаный подонок проживет совсем недолго. Усвоили?

В ответ послышалось несколько робких утвердительных возгласов.

– Вот мы и дошли до третьего пункта. А именно – лично вас, мои дорогие. Наше маленькое семейство всегда нуждается в новых братьях и сестрах. Поэтому можете считать, что вас пригласили – более того, поощрили – предложить нам вашу искреннюю и вечную дружбу. Если вы решите избрать наш холм своим родным домом, а меня – своим покровителем, то сразу же приобретете множество надежных и любящих родственников. У вас не будет проблем с едой, крышей над головой и защитой от любых врагов... Либо вы можете уйти отсюда, чтобы вскоре попасть в какой-нибудь публичный дом Джерема, где всегда требуется свежатинка. Ну как, есть желающие?

Никто не пошевелился.

– Я так и знал, что могу рассчитывать на вас, мои Огневые бриллианты! – Раскинув руки в обнимающем жесте, Учитель ощерился, показав гнилые зубы цвета болотной воды. – Однако знайте, что за любовь и поддержку надо платить той же монетой. Я хочу сказать: важно не только брать, но и давать. Еда не растет у меня из задницы – так же, как ночные горшки не опорожняются сами собой. Следите за моей мыслью, красавчики?

На сей раз толпа несколько оживилась, кое-кто нерешительно кивнул.

– Мои правила не сложны, и вы все их выучите в свое время. А пока запомните следующее: всякий, кто ест, должен работать. Но зато всякий, кто работает – ест. Вот мы и подошли к работе – четвертому и самому важному пункту... О боги! Дети, окажите любезность рассеянному старику – представьте, что я уже поднял четыре пальца! Так вот, мое четвертое условие. Мы все имеем определенные обязанности здесь, на холме. Все должны работать. Но у нас есть дела и в других местах, с которыми тоже надо справляться. Эти другие дела весьма деликатные и необычные... я бы даже сказал, забавные и очень интересные. Для их выполнения приходится выходить в город – днем и ночью. Они требуют ловкости, смелости и разумной осторожности. Будет очень приятно, если вы возьметесь помогать нам в этих особых деликатных заданиях.

Он ткнул пальцем в того мальчишку, который достался

ему бесплатно, незначительный довесок к его приобретению. Малыш стоял прямо напротив Учителя, не сводя с него серьезных немигающих глаз. Рот у него был по-прежнему перепачкан томатным соком.

– Вот ты, непрощеный гость, тридцать первый... Что скажешь? Будет от тебя какая-нибудь польза? Ты хотел бы помогать своим братьям и сестрам в их интересной работе?

Несколько секунд мальчишка размышлял, не говоря ни слова, а затем спросил высоким писклявым голоском:

– Вы хотите, чтобы мы крали для вас разные вещи?

Теперь настал черед старика разглядывать собеседника. Молчание затягивалось, некоторые дети из старожилов Сумеречного холма даже позволили себе похихикать, из скромности прикрывая рот рукой. Наконец Учитель медленно, с расстановкой кивнул.

– Пожалуй, именно это я и имел в виду, – согласился он. – Хотя мне не очень нравится такой... э-э... прямолинейный подход к обсуждаемому вопросу. Речь идет о проявлении личной инициативы, и я бы предпочел более тонкие и непрямые формулировки. Впрочем, не знаю, понимаешь ли ты меня. Как твое имя, мальчик?

– Ламора.

– Наверное, твои родители были изрядными скупцами, если наделили тебя только фамилией. А как *ЕЩЕ* они тебя звали?

Казалось, мальчишка глубоко задумался над этим про-

стейшим вопросом.

– Меня называли Локки, – наконец произнес он все тем же тонким голоском. – В честь отца.

– Отлично звучит! – одобрил старик. – Так и скатывается с языка. Останься, Локки-в-честь-отца-Ламора, я хочу с тобой поговорить. Остальные могут идти прочь. Ваши братья и сестры укажут место, где вы будете спать сегодня ночью. Они также покажут, где отлить это и положить то... ну, вы понимаете, о чем я. Пока от вас требуется всего-навсего прибраться в зале, но затем появятся еще кое-какие дела. Обещаю – к тому времени, когда вы узнаете, каким именем меня зовут за пределами нашего холма, все они покажутся вам вполне осмысленными.

Локки подошел вплотную и встал перед креслом, в котором, как на троне, восседал Учитель. Тем временем сироты Сумеречного холма смешались с толпой новеньких и начали знакомить их с особенностями здешней жизни. Очень скоро зал опустел – старик, как и хотел, остался наедине с мальчишкой.

– Видишь ли, дитя мое, – начал он, – обычно мне приходится проявлять некоторую сдержанность с вновь прибывшими членами нашего сообщества. Ты знаешь, что означает слово «сдержанность»?

Ламора помотал головой. Пряди грязных волос неопределенного цвета спадали ему на лоб, томатные пятна вокруг рта подсохли и уже не так бросались в глаза. Учитель потя-

нулся и осторожно вытер их рукавом своей потрепанной синей куртки. Мальчик не отшатнулся.

– Я хочу сказать, что до встречи со мной детям внушали: красть нехорошо. Поэтому мне приходится приложить немало усилий, чтобы приучить их к самой идее воровства. Понимаешь? Однако с тобой, похоже, не требуется подобной деликатности. Поэтому давай говорить напрямик. Ты ведь крал раньше, не правда ли?

Паренек кивнул.

– Еще до чумы, да?

Снова кивок.

– Даже так? А скажи-ка, милый мальчик... ты ведь не сейчас лишился родителей?

Глядя себе под ноги, малыш едва заметно покачал головой.

– То есть у тебя уже имеется опыт самостоятельной жизни? Тут нечего стыдиться, дитя мое, – вкрадчиво заговорил Учитель, заметив колебания ребенка. – Наоборот, это поможет тебе заслужить всеобщее уважение у нас на холме. Если, конечно, ты на деле докажешь свои таланты.

Вместо ответа Ламора вытащил что-то из-под своих лохмотьев и протянул старику. Тот с удивлением посмотрел на два маленьких дешевых кошелька, которые легли ему на ладонь – засаленные, из толстой негнущейся кожи, затянутые грубыми шнурками.

– Где ты их взял? – спросил он.

– У стражников, – тихонько отозвался Локки. – Некоторые из них были так добры, что несли нас на руках.

Учитель отпрянул, будто его ужалила гадюка, и недоверчиво уставился на кошельки.

– Ты вытащил их у герцогских стражников?! У «желтых курток»?!

Локки снова кивнул – на этот раз гораздо бодрее.

– Ну да. Я же говорю: они брали нас на руки и несли.

– О боги! – прошептал Учитель. – Да ты можешь закопать всех, кто обитает здесь, Локки-в-честь-отца-Ламора! Очень даже легко!

5

– Представь, этот мелкий нахальный гаденыш нарушил Тайный Договор в первый же вечер, как появился у меня! – сокрушался Учитель.

Они с удобством устроились в садике Безглазого Священника, разбитом на крыше храма. Учитель держал в руке просмоленную кожаную кружку с вином. Вино было совершенно омерзительное – перестоявшая кислятина, чуть ли не уксус, и он усматривал в этом тайный знак: погоди радоваться, еще ничего не решено.

– Такого никогда не бывало, ни до, ни после того...

– Значит, кто-то научил его чистить карманы, но не объяснил про неприкосновенность «желтых курток». – Отец Цепп скривил губы. – Любопытно... в самом деле любопытно. Наш дорогой капа Барсави будет в совершеннейшем восторге от подобного экземпляра.

– И что интересно, я так и не выяснил, кто же это был! Мальчишка настаивает, что научился сам. Но пусть пытается впихнуть это дерьмо кому-нибудь другому. Прости, игрушками пятилетним сорванцам обычно служат полудохлые рыбешки и сухой коровий навоз. Подобный материал отнюдь не приспособлен для того, чтобы развивать ловкость рук малолетних воришек.

– И что ты сделал с этими кошельками?

– Что-что?! Стрелой понесся обратно на Огневую заставу, целовал им каблук и лизал задницы до тех пор, пока губы не почернели. Пришлось объяснять капитану, что во всем виноват один из новеньких. Мол, мальчишка совсем зеленый и пока не выучил, что к чему у нас в Каморре. Я же, как только узнал, поспешил принести кошельки обратно, да не просто так, а с возмещением за ущерб... нижайше прошу прощения и рассчитываю на милосердие господина капитана... ну и так далее.

– И как, они согласились?

– Знаешь ли, Цепп, деньги настраивают человека на миролюбивый лад. Их треклятые кошельки едва ли не лопались от моего кровного серебра. А затем еще пришлось дать на

выпивку каждому из патрульных, причем хорошо дать, чтобы хватило на всю неделю, и униженно просить пропустить по стаканчику за здоровье капы Барсави. На том и столковались. Решили, что, конечно же, не стоит докучать ему рассказом о том, как обделался его верноподданный Учитель с пятилетним нарушителем Договора.

– Так-так... – протянул Безглазый Священник. – И все это, значит, произошло в первый же вечер твоего знакомства с моим неожиданным сокровищем?

– Мне так приятно слышать, как ты называешь своим этого маленького мерзавца! Просто музыка для ушей! Потому что я и в самом деле не знаю, как быть, Цепп. У меня бывали дети, которым нравилось воровать. Попадались такие, которым все едино – воруй, не воруй... Были и такие, которые волей-неволей смирялись, поскольку знали, что ничего другого они делать не умеют. Но никогда еще – в буквальном смысле никогда, хрен ему в душу! – я не встречал ребенка, столь жадного до воровства. Уверяю тебя, если он будет лежать с порванным брюхом, а к нему придет лекарь, то и тогда этот паршивец Ламора предпочтет стянуть у него иголку с ниткой и сдохнет, довольный собой. Он... он *ЧЕРЕСЧУР* вор.

– Чересчур вор... – задумчиво повторил Безглазый Священник. – Никак не ожидал услышать такую жалобу от человека, который натаскивает юных карманников.

– Можешь смеяться, но я тоже не ожидал, что когда-ни-

будь ее выскажу, – мрачно заметил Учитель.

6

Проходили месяцы. На смену Парфису пришел Фестал, его, в свою очередь, сменил Аурум. Летние грозы миновали, уступив место зимним затяжным дождям. Семьдесят седьмой год Гандоло превратился в семьдесят седьмой год Моргайте, Отца города, Повелителя петли и лопаты.

Ряды сироток из Огневого района, пришедших на Сумеречный холм, заметно поредели. Семеро из них, не слишком преуспевших в «деликатных и необычных» заданиях Учителя, окончили свои дни на Черном мосту перед Дворцом Терпения. Обычное дело; уцелевшие счастливики были слишком заняты собственными деликатными и необычными занятиями, чтобы заметить исчезновение товарищей.

Вскоре Локки выяснил, что кладбищенская коммуна делится на две неравноценных категории – «уличных» и «форточников». Последние были небольшой группой избранных и трудились после заката. Эти ребята карабкались по крышам и дымоходам, проскальзывали в дома сквозь любые плохо закрытые отверстия и тащили все, что подвернется под руку – от монет и драгоценностей до оставшегося без присмотра окорока.

Мальчишки же и девчонки из «уличных» большими командами работали на улицах и мостах города в дневное время. Те, что постарше и поопытней, «ловцы», обрабатывали карманы и кошельки клиентов, в то время как младшие и неопытные «живцы» отвлекали публику – ревели по якобы пропавшей мамаше, разыгрывали приступы всяческих болезней или попросту метались по улице с истошными криками: «Держи вора!» – тоже действенный прием.

Каждый сиротка, вернувшийся с «дела», тут же становился добычей старших и более сильных товарищей. Ежедневная выручка проходила через руки местных забияк и лишь после этого попадала к Учителю. Тот оценивал добычу каждого работника и ставил подходящую отметку в своем зловещем списке. Учитель ничего не забывал – даром, что список существовал лишь у него в уме. Тот, кто отличился, получал еду, неудачникам же приходилось в тот вечер постараться вдвойне.

Так ночь за ночью Делатель Воров обходил свои владения, нагруженный кошельками, шелковыми платками, ожерельями, срезанными металлическими пуговицами и другими предметами, попавшими в руки «ловцов». Его доверенные лица следили за тем, чтобы никто не увиливал от работы и не утаивал добычу. Тех, кто был замечен или хотя бы заподозрен в подобных грехах, ждала жестокая и немедленная кара. При этом побоям Учитель предпочитал добрую порцию неразбавленного имбирного масла из специальной фля-

ги. Провинившийся должен был выпить ее под насмешливые возгласы товарищей. Каморрское имбирное масло, как прекрасно знал Учитель, было страшной гадостью. Пить его – все равно что глотать тлеющую золу ядовитого дуба.

Строптивцы, не желавшие открывать рот, все равно получали свою порцию – ее вливали им через нос, пока старшие дети держали их. Как правило, хватало одной такой экзекуции, после чего провинившиеся чудесным образом исправлялись.

Со временем даже неудачники с обваренными имбирем языками и распухшим горлом усваивали начатки воровской науки. Учитель постоянно давал своим подопечным указания относительно устройства камзолов, дублетов, курток и поясов – все в свете последних мод. Его ученики безошибочно определяли, что можно срезать, что оторвать, а что следует вытащить ловкими тренированными пальчиками.

– Помните, мои дорогие: вы не должны бросаться в ноги клиенту, подобно бешеным псам, или вцепляться ему в руку, как испуганные дети. Ваш телесный контакт с объектом не должен превышать полсекунды. И даже такой контакт может оказаться слишком долгим... роковым! – Учитель жестом изобразил петлю, накинутую на шею, для пущей убедительности закатив глаза и вывалив наружу язык. – Ваша жизнь или смерть зависит от соблюдения трех священных правил. Прежде всего – убедитесь, что предмет вашей охоты надежно отвлечен; это могут быть наши «живцы» или ка-

кой-то случайный переполох – например, драка или пожар. Пожары – просто великолепная okazия в нашем деле, цените их, мои драгоценные! Правило второе: вам следует свести на нет – я не шучу, именно свести на нет! – контакт с вашим клиентом, даже при наличии отвлекающего фактора. – Он выпутался из воображаемой петли и хитро усмехнулся. – И наконец, запомните: как только вы сделали дело, тут же рвите когти. Даже если ваш клиент молчит, как ящик с гвоздями. Чему я учил вас, мои дорогие?

– Тронешь раз – убежишь, – хором проскандировали ученики. – Тронешь дважды – загремишь.

Новые сироты поступали регулярно – по одному, по двое. В свою очередь, ребята постарше каждые три-четыре недели покидали Сумеречный холм, и всякий раз это сопровождалось небольшим торжеством. Локки подозревал в их исчезновениях некое наказание, вроде действия с имбирным маслом. Однако, осознавая свое низкое положение в неофициальной иерархии воровской коммуны, он никогда не задавал вопросов – и никогда не верил тому, что ему говорили.

Что до его практической деятельности, то уже на следующий день после прибытия на холм Локки отправился на улицу в многочисленной ватаге «живцов». К концу второго месяца он настолько продвинулся, что Учитель перевел его в разряд «ловцов» – ощутимый шаг вперед. Как ни странно, мальчишка Ламора не обрадовался этому. Казалось, он предпочел бы остаться в прежней команде.

В нерабочее время, на территории кладбища, он казался угрюмым и нелюдимым, но на улице оживал, выказывая подлинный артистизм в ремесле отвлечения публики. Это он придумал использовать пережеванную апельсиновую мякоть для имитации рвоты. Там, где другие «живцы» попросту хватались за живот и стонали, Локки разыгрывал целые спектакли. Надо было видеть, с каким страдальческим видом он извергал бело-желтую массу под ноги своим жертвам, а порой, будучи в дурном настроении, окатывал ею штаны или подол несчастных.

Еще одним замечательным изобретением Ламоры была сухая ветка, которую он прятал под штаниной, привязав к лодыжке. Когда мальчишка падал на колени, ветка ломалась с громким хрустом. Вкупе с пронзительными воплями это надежно обеспечивало внимание и сочувствие толпы, особенно если падение происходило на проезжей части улицы. Сделав дело, Локки, как правило, избавлялся от назойливых сочувствующих при помощи своих же товарищей. Появлялось двое-трое ребят, которые объявляли, что «отведут беднягу к мамочке», чтобы та могла показать его лекарю. Надо ли говорить, что способность ходить у Локки восстанавливалась чудесным образом, как только мальчишки оказывались за углом?

Он столь быстро и блестяще освоил весь репертуар «живцов», что вскоре Учителю пришлось отвести юного гения в сторону на вторую по счету частную беседу. Первая состо-

ялась после того, как Локки исхитрился перочинным ножом так подрезать пояс на юбке одной девицы, что та целиком упала наземь к неподдельному восторгу окружающих.

– Послушай меня, ты, Локки-в-честь-отца-Ламора, – веско произнес Учитель. – На сей раз, так и быть, обойдемся без имбирного масла. Но впредь запомни: мне бы очень хотелось, чтобы твои уловки были менее эффектными, но более полезными.

Мальчишка молчал, уставясь себе под ноги.

– Ладно, скажу проще. Ты знаешь, что остальные «живцы» выходят на улицу не работать, а глазеть на тебя? Так вот, в мои планы никак не входит содержание собственного цирка. Поэтому давай договоримся, что ты не будешь отвлекать маленьких бездельников от их работы. Хочешь валять дурака – делай это в одиночестве.

После этого разговора какое-то время все было спокойно.

Затем – через шесть месяцев после своего прибытия на Сумеречный холм – Локки сподобился сжечь дотла знаменитую таверну «Лоза Древних» и спровоцировал санитарную тревогу, которая едва не стерла Муравейник с карты Камора.

Муравейником называли район трущоб в северной, беднейшей части города. Здесь рельеф местности образовывал что-то вроде просторной чаши глубиной в сорок футов. Террасы, сбегавшие полукруглым амфитеатром, были плотно

застроены многоквартирными ночлежками и убогими, без окон и витрин, лавчонками. Стенка подпирала стенку, по склонам змеились узкие улочки, где вряд ли могли разминуться два человека.

«Лоза Древних» приютилась на краю мощеной дороги, которая соединяла Муравейник с остальным городом. Если идти по ней в западном направлении, а затем пересечь каменный мост, попадешь в зеленые лабиринты Мары Каморраццы. Таверна представляла собой чудовищное, покоробившееся от времени трехэтажное строение в переплетении ветхих лестниц. На этих стертых, ненадежных ступеньках свернул себе шею уже не один посетитель. Среди завсегдатаев существовал даже своеобразный тотализатор – кто из пьянчуг окажется следующей жертвой «Лозы Древних»? Хозяева устроили из своего заведения настоящий притон для курильщиков трубок и так называемых «глядельцев» – пропащих наркоманов, которые прямо здесь прилюдно потребляли вожаделенное зелье. Обычно, закапав в глаза свое драгоценное снадобье, они без чувств валились на пол и лежали так часами во власти фантастических видений. В это время можно было рыться в их карманах, перекачивать с места на место, использовать как подставку – «гляделец» не реагировал.

Это случилось в самом начале семьдесят седьмого года Моргайте. Под вечер в общий зал «Лозы Древних» ввалился Локки Ламора, жалобно хныча и размазывая по пылающим щекам слезы и сопли. Запекшиеся губы и опухшие глаза до-

вершали набор примет Черного Шепота.

– Прошу вас, добрый господин, – еле слышным голосом обратился Локки к застывшему вышибале. Остальные посетители – местные шлюхи и игроки в кости – прервали свои занятия и в ужасе уставились на него. – Пожалуйста... Мои родители больны, я не знаю, что с ними. Они лежат... я один еще на ногах. Господин, вы должны помочь им! – Он зашмыгал носом. – Пожалуйста...

Всхлипывания мальчишки заглушил отчаянный вопль вышибалы:

– Шепот! Черный Шепот!

То, что произошло потом, правильнее всего было бы назвать паническим и неуправляемым бегством. То, что малыша Локки не растерзали и не затоптали в этой давке, можно объяснить лишь суеверным ужасом, который вызывала у всех его хрупкая фигурка с явными признаками страшной болезни. Брякнулись на столы ненужные кости, карты веером полетели в сторону. Побросав кружки, переворачивая на ходу столы и стулья, посетители ударились в бегство. Из опрокинутых кувшинов потекло на пол дешевое пиво, люди скользили и падали. В воздухе замелькали ножи и дубинки; все стремились поскорее добраться до дверей – любых, лишь бы не тех, в которых стоял и тщетно взывал о помощи несчастный мальчишка. В считанные минуты таверна опустела. В зале осталось лишь несколько бесчувственных «глядельцев», неподвижно валявшихся на полу.

Тогда-то в «Лозу» и ворвались подручные Ламоры – ва-тага из двенадцати самых быстрых и ловких сорванцов, специально отобранных для данной операции. Они принялись шнырять меж опрокинутых столов, подбирая все хоть сколько-то ценное, что осталось после панического бегства посетителей. Здесь пригоршня забытых монет, там – игральные кости с гранатовыми вкраплениями, а вот совсем неплохой нож... Маленькие мошенники наведались в кладовую и вынесли корзину черствого, но вполне съедобного хлеба, не пренебрегли также куском соленого масла и дюжиной винных бутылок. На все про все Локки положил им полторы минуты; он вел счет в уме и одновременно оттирал с лица не нужный более грим. По истечении этого срока он подал знак, и юные налетчики растворились в ночи.

Над городом уже разносился ритмичный грохот барабанов – тревога! А где-то вдали слышалось тоскливое, леденящее кровь пение дудок: это приближались герцогские «чайки» – Карантинная служба.

Перепуганные, охваченные паникой обитатели Муравейника высыпали на улицы. Локки и его товарищи с трудом прокладывали себе путь сквозь растущую толпу. Петляя и увертываясь, группками по двое-трое они пробирались домой через окрестности Мары Каморраццы и Угольного канала.

Зато добыча их превзошла все ожидания. Никогда еще сироты Сумрачного холма не видели такой кучи продуктов

и всяческих вещей. Больше всего удивило Локки количество изъятых медных полу-баронов – в силу своего возраста мальчишка еще не играл ни в кости, ни в карты и понятия не имел, что во время игры участники обычно выкладывают деньги прямо на стол.

Несколько часов Учитель провел в мрачных размышлениях. Неудивительно – выходка его подопечных имела самые печальные последствия. Кто-то из подвыпивших посетителей случайно поджег «Лозу Древних». До самого заката над городом разносился тревожный бой барабанов. В Муравейнике началась облава, однако мальчишку, послужившего источником переполоха, так и не удалось найти. Сотни охваченных ужасом жителей пытались покинуть район, но не тут-то было: по приказу герцога Никованте стражники блокировали мосты, а на воде снова появились плоскодонки с лучниками. Весь день и часть ночи они курсировали по каналам, ограждающим Муравейник.

На следующее утро Учитель снова пригласил на беседу этого проклятого сопляка.

– Проблема в том, Локки-черт-тебя-побери-Ламора, что ты недостаточно осмотрителен. Ты знаешь, что означает это слово – осмотрительность?

Мальчишка покачал головой.

– Тогда позволь мне объяснить. У сожженной таверны был владелец, который, подобно мне самому, работал на очень важного человека – капю Барсави. Скажу больше: этот

самый владелец – как и я сам – платил капе немалые деньги за то, чтобы не иметь никаких неприятностей. И что же выходит? Благодаря тебе он все же получил эти неприятности, хотя заплатил денежки и ничего подобного не ждал! Так вот – ты следишь за моей мыслью, сынок? – такое поведение, в результате которого таверна сгорела дотла, а в городе разразилась напрасная паника, как раз и является противоположностью того, что я называю осмотрительностью. Может, теперь у тебя появились догадки, что означает это слово?

На сей раз Локки счел за благо энергично покивать.

– О да... В прошлый раз, когда ты сделал попытку раньше времени вогнать меня в могилу, я сумел откупиться, но сейчас такой номер не прошел бы – уж больно знатный переполох ты учинил. Прошлым вечером «желтые куртки» отделали дубинками две сотни горожан, прежде чем выяснили, что никто из них не болен Черным Шепотом. Герцог ввел в Муравейник свои чертовы войска и едва не предал огню многострадальный район. Так вот, мой милый, в награду за такие заслуги тебе уже полагалось бы плавать в брюхе у акулы, сохраняя крайне удивленное выражение на невинном личике. А единственная причина – да-да, именно единственная, – по которой этого не произошло, заключается в следующем: «Лозы Древних» больше не существует, она превратилась в кучку пепла. И никому не известно, что перед тем, как превратиться в эту самую кучку пепла, она была разграблена. Никому, кроме нас. Значит, сделаем вид, будто никто из нас

не знает, что произошло на самом деле. Но *ты*, Локки Ламора, накрепко вбей себе в голову те правила, которые я озвучил, когда ты едва прибыл на этот холм. Ты же их помнишь?

Еще один кивок.

– Я ведь хочу от тебя совсем немного, Ламора. Мне нужно, чтобы ты тихо и аккуратно выполнял свою скромную работу. Кошелек там, пара колбас здесь... И все! Подавись ты своими амбициями, выкинь их из задницы, как вчерашнюю жратву! И следующий миллион лет будь просто маленьким *ОСМОТРИТЕЛЬНЫМ* «живцом». Понятно? Можешь ты это сделать для меня? Больше не грабить герцогских «желтых курток», не жечь таверны и не ставить город на уши по поводу несуществующих эпидемий! Представь себе, что ты обычный маленький карманник – как твои братья и сестры. Ясно тебе?

Мальчишка опять кивнул – с самым покаянным видом.

– Отлично. А это, – Учитель поднял флягу, доверху наполненную имбирным маслом, – поможет тебе лучше усвоить мои наставления.

И снова на какое-то время – после того, как Локки восстановил способность нормально говорить и дышать – воцарилось спокойствие.

Но семьдесят седьмой год Моргайте сменился семьдесят седьмым годом Сендовани, и хотя теперь Локки научился скрывать свои похождения от Делателя Воров, тем не менее вновь произошел случай, когда мальчишка явно позабыл

про осмотрительность.

Когда Учитель осознал, *что* стряслось на сей раз, он отправился к капе Каморра и купил у него разрешение на одну маленькую смерть. И лишь потом, движимый не милосердием, а скорее банальной жадностью, догадался пойти к Безглазому Священнику.

7

Небо успело окраситься в багряные тона, об угасшем дне напоминала лишь тонкая золотая полоска на западном горизонте. Локки Ламора скромно следовал за своим наставником, прячась в его длинной тени. Они направлялись к Дому Переландро, где Учитель рассчитывал продать мальчишку. Очень скоро Локки предстояло наконец узнать, куда исчезают старшие ребята.

Они спустились по северо-западному склону Сумеречного холма и оказались перед широкой аркой стеклянного моста, ведущего в восточную часть Храмового района. В самой верхней точке моста Учитель остановился и обратил взгляд на север. Там, за темными домишками Закутка, за стремительными туманными водами Анжевены, простирались белокаменные проспекты и роскошные особняки Альсегранте. Над ними на невероятную высоту вздымались фантастиче-

ские Пять башен.

Эти таинственные башни были наиболее выдающимися каморрскими строениями из Древнего стекла. Самая маленькая из них, Ловушка Зари, была восьмидесяти футов в ширину и четыре сотни в высоту. Сейчас, в лучах заходящего солнца, трудно было разобрать истинный цвет каждой из башен, а оплетавшая их вершины паутина канатов с грузовыми клетями и вовсе терялась на фоне алеющего неба.

– Задержись на минутку, мой мальчик, – произнес Учитель с непривычно задумчивым видом. – Постоим здесь, на моем мосту. Так мало людей пользуется этим путем, чтобы попасть на Сумеречный холм, что его вполне можно считать моей собственностью.

Весь день дул Ветер Герцога, несущий свежесть и прохладу Стального моря. Теперь же, как и всегда к ночи, его сменил сырой и теплый Ветер Палача, который задувал с суши на море и был напоен запахами полей и гниющих болот.

– Ты, без сомнения, догадываешься, что я намерен расстаться с тобой, – вновь заговорил Учитель после минутного молчания. – Я долго с тобой мучился, но теперь прощай навсегда. Очень жаль, но тебе не хватает... скажем так, здравого смысла.

Локки ничего не ответил, молча разглядывая огромные стеклянные башни на фоне темнеющего неба. Там уже появлялись первые, еще совсем блеклые звездочки, а гаснущее на западе солнце напоминало огромный закрывающийся глаз.

Едва оно полностью исчезло, над городом зародился новый свет – неверный, мерцающий, он разгорался в Древнем стекле башен и в прозрачном веществе стеклянного моста, на котором они стояли. Поначалу едва заметное, с каждой истекающей минутой таинственное сияние набирало силу и омывало город сказочным неземным светом, гоня подступающие сумерки.

Наступало время Лжесвета.

Повсюду, от заоблачных высот Пяти башен до идеально гладких обсидиановых волнорезов, уходящих под темные воды Стального моря к искусственным рифам, Лжесвет лился из каждого кусочка Древнего стекла, разбросанного по всему Каморру. Этот чуждый материал существовал тут издавна – его оставили те таинственные создания, которые когда-то построили сам город. Каждую ночь, едва солнце скрывалось за горизонтом, стеклянные мосты превращались в призрачные светящиеся ленты. Стеклянные башни, стеклянные мостовые, диковинные сады со стеклянными изваяниями начинали испускать бледное свечение – голубое и фиолетовое, оранжевое и жемчужно-белое... Звезды и луны в небе меркли перед ними и казались блекло-серыми.

Это происходило в Каморре каждый раз, когда дневные труженики оканчивали работу, запирались городские ворота, а по улицам проходила ночная стража. На город спускались сумерки – краткий час таинственного свечения, который предшествовал настоящей ночи.

– Что ж, к делу, – наконец произнес Учитель, и они направились в Храмовый район, ступая прямо по слабому призрачному свету.

8

По традиции в пору Лжесвета двери городских храмов еще оставались открытыми, и Безглазый Священник из Дома Переландро не упускал случая выжать из горожан несколько лишних медяков. Он сидел на ступенях своего обветшалого храма, перед ним стоял кувшин для пожертвований.

– Сироты! – возглашал он трубным голосом, более уместным на поле боя. – Разве все мы рано или поздно не станем сиротами? Увы всем нам, оторванным от материнской груди по истечении блаженного младенчества!

По обе стороны от жертвенного кувшина застыли две тощие фигурки в белых балахонах с капюшонами – мальчики, очевидно, призванные изображать тех сирот, о которых рассуждал священник. Отблеск таинственного Лжесвета отражался в их темных немигающих глазах, когда они провожали взглядом немногочисленных горожан, спешащих по своим делам вдоль улиц и площадей Храмового района.

– Увы тем, кого безжалостный рок швырнул в мир, где их никто не ждет! В мир, где им нет места! Эти несчаст-

ные превращаются в рабов! Именно так – они становятся рабами или, что еще хуже, игрушками в руках нечестивцев и безбожников, которые обрекают их на столь страшное падение, перед коим даже рабство покажется благословенной участью!

Локки застыл с открытым ртом. На простодушном лице мальчика был написан восторг человека, впервые попавшего на хорошо поставленное выступление опытного оратора. В голосе священника звучало такое презрение, которое заставило бы закипеть даже камень. От горьких упреков сердце мальчика начинало учащенно биться, он испытывал непонятные угрызения совести – тем более непонятные, что и сам он являлся сиротой. Ах, как ему хотелось еще послушать этого великолепного громогласного старика!

Слава отца Цеппа, Безглазого Священника, была так велика, что достигла даже ушей маленького Локки. Раньше он лишь слышал об этом пожилom, но еще крепком мужчине, теперь же своими глазами увидел широкую, как конторка ростовщика, грудь и пышную бороду, больше всего напоминавшую подушку из нечесаной шерсти, приклеенную к грубому морщинистому лицу. Лоб и глаза священника были закрыты плотной белой повязкой. Одежанием ему служила белая ряса из хлопка, ниспадающая до самых обнаженных лодыжек. На запястьях поблескивали черные металлические кандалы, от которых тянулась стальная цепь, уходящая куда-то вглубь здания. Судя по ее натяжению, сейчас отец Цепп находился

на границе отведенного ему пространства.

Если верить слухам, он никогда не покидал пределов своего храма. В знак безграничной преданности Переландро – Богу милосердия, Покровителю всех сирых и беспризорных – священник тринадцать лет назад приковал себя к стенам внутреннего святилища. Тогда же специальный лекарь по просьбе отца Цеппа ослепил его на глазах у изумленной толпы.

– Уверяю вас, Всеблагой Переландро присматривает за всеми своими сыновьями и дочерьми! Он благословляет тех, кто по зову сердца, а не в силу кровных уз оказывает помощь и поддержку бедным сиротам, лишенным отцов и матерей...

Странное дело: священник был слеп, сверх того – в повязке, и тем не менее Локки мог поклясться, что он обернулся в их сторону, пока они с Учителем пересекали храмовую площадь.

– ...Тем, кто черпает в душе своей силы питать и защищать детей Каморра – не в угоду собственной алчности, а исключительно из бескорыстной доброты! Воистину благословенны защитники слабых и беззащитных сирот Каморра! – заключил оратор с жаром.

Тем временем Учитель достиг лестницы и начал подниматься по ступенькам, нарочито печатая шаг, чтобы возвестить о своем приходе.

– Кто-то приближается, – воскликнул отец Цепп. – Их двое, если уши не обманывают меня.

– Я привел вам мальчика, о котором мы говорили, отец, – возвестил Учитель достаточно громко, чтобы случайные прохожие могли слышать его слова. – Я, как мог, подготовил его к ученичеству в вашем храме для дальнейшего посвящения.

Священник сделал несколько шагов навстречу гостям – цепь при этом еще больше натянулась. Стоявшие возле кувшина мальчишки в капюшонах бросили на него беглый взгляд, но ничего не сказали.

– Вот как? – произнес отец Цепп, вскидывая руку. Его мозолистые пальцы пробежались по лицу Локки, ощупали лоб, щеки, подбородок. – Похоже, он еще совсем маленький. Хотя уже с характером... насколько я могу заключить по осунувшемуся лицу этого бедного сиротки.

– Его зовут Локки Ламора, – продолжал Учитель. – Уверен, что орден Переландро сумеет найти множество применений его, э-э... крайне деятельной натуре.

– Лучше бы он обнаруживал такие качества, как честность, прямота, склонность к послушанию и раскаянию, – проворчал священник. – Впрочем, нимало не сомневаюсь, что, находясь под вашей опекой, он неизбежно почерпнул эти качества от своего учителя. Мальчишки! – Он трижды хлопнул в ладоши. – Наши труды на сегодня завершены. Соберите подаяния добрых граждан Каморра и вернемся в храм вместе с нашим вновь обретенным товарищем.

Учитель потрепал Локки по плечу и подтолкнул вверх по

лестнице навстречу Безглазому Священнику. Затем он полез в карман, и когда мальчики-служки проходили мимо, побрякивая содержимым кувшина, быстрым движением бросил туда маленький кожаный кошелек, после чего раскинул руки и низко поклонился с характерной змеиной грацией.

Оглянувшись, Локки увидел, как его бывший наставник быстро удаляется по улице: знакомо скрюченные пальцы шевелятся на ходу, костистые плечи весело расправлены. У Учителя был довольный вид человека, который только что скинул с плеч тяжкую ношу.

9

Святилище Дома Переландро представляло собой пустую сырую комнату с покрытыми плесенью каменными стенами и лужами на полу.

Пара ветхих, изъеденных грибом гобеленов, казалось, готова прямо на глазах распасться на составные нити. Помещение освещалось лишь призрачным Лжесветом да единственным слабеньким алхимическим шаром, криво сидевшим в своей подставке. Как раз под ним на стене располагалась стальная пластина, к которой крепилась цепь отца Цеппа. В дальнем углу Локки разглядел занавешенный дверной проем. Помимо этого, в комнате ничего не было.

– Кало, Гальдо! – окликнул священник. – Будьте добры, займитесь дверями!

Мальчики в балахонах поставили жертвенный кувшин прямо на пол и направились к одному из гобеленов. Им пришлось немало потрудиться, чтобы отодвинуть его в сторону. За гобеленом скрывалось устройство непонятного назначения. Мальчишки нажали на какие-то кнопки, и внутри стен святилища пришел в действие некий, судя по всему, проржавевший механизм. Створки ворот, до того распахнутые на лестницу, начали со скрипом закрываться. Алхимический шар внезапно вспыхнул и засветился на полную мощность.

– Подойди ко мне, Локки Ламора! – произнес Безглазый Священник, опускаясь на колени, отчего цепь образовала возле него маленький стальной холмик. – Проверим, каковы твои способности и позволят ли они тебе стать посвященным нашего храма.

Теперь, когда отец Цепп стоял на коленях, он был примерно одного роста с мальчиком. Локки послушно приблизился и замер в ожидании. Священник сморщил нос.

– Вижу, твой бывший хозяин не слишком брезглив по части запахов, – заметил он. – Ладно, мы это быстро поправим. А сейчас дай мне твои руки... вот так. – Мягким, но уверенным жестом Цепп притянул руки мальчика и положил их себе на повязку. – Так... закрой глаза и сосредоточься... Я сказал, сосредоточься! Пусть все твои добродетельные мысли выйдут наружу. Пусть внутреннее тепло струится с твоих

невинных рук... Да-да, вот так...

Локки слабо понимал, чего хочет от него старик, но ему стало любопытно. С легкой тревогой он заметил, как черты лица священника постепенно разгладились, рот приоткрылся в блаженном предвкушении.

– О-о, – восторженно прошептал отец Цепп, – да-да, у тебя, несомненно, есть талант... и сила... Я чувствую ее! Это может стать настоящим чудом!

С этими словами священник резко вскинул голову, и Локки испуганно отскочил в сторону. Цепь звякнула, когда старик вскинул закованные руки и театральным жестом сорвал повязку с глаз. Мальчик испугался, что сейчас его взору предстанет безобразное зрелище – однако глаза священника выглядели вполне нормально.

Цепп зажмурился, будто от боли, затем энергично потер веки, стараясь не глядеть на яркий алхимический шар.

– А-а! – вскричал он, протягивая руки к мальчику. – Я исцелен! Исцелен! Я снова вижу!!!

Локки в удивлении разинул рот, не зная, что и сказать. За его спиной – там, где стояли юные помощники священника – раздалось тихое хихиканье, и в душу мальчика закралось сомнение. Он недоверчиво нахмурился.

– Вы... вы совсем не слепой, – медленно произнес он.

– А ты совсем не глупый! – воскликнул Цепп, вскакивая на ноги с таким проворством, что в коленях у него что-то влажно чавкнуло. – Кало! Гальдо! – Он замахал закованны-

ми в кандалы руками, будто птица, пытающаяся взлететь. – Снимите с меня эти проклятые железки, чтобы я мог пере- считать нашу благословенную дневную выручку!

Двое мальчишек поспешили к священнику и сделали с кандалами что-то, чего Локки не успел рассмотреть. В тот же миг они раскрылись и упали на пол с резким звоном. Цепи осторожно растер запястья – кожа там была белая, будто мя- со свежей рыбы.

– Вы... вы вовсе не священник! – ахнул Локки, пока ста- рик продолжал массировать запястья, к которым постепенно возвращался нормальный цвет.

– Почему же? – возразил тот. – Я священник, просто слу- жу не Переландро. Мои помощники тоже не являются посвя- щенными Переландро. И ты не станешь посвященным Пере- ландро, Локки Ламора. Кстати, поздоровайся с Кало и Галь- до.

Мальчики в белых балахонах откинули капюшоны, и Лок- ки увидел, что они близнецы, постарше него на год-другой, но значительно здоровее. Оба имели темно-оливковую ко- жу и черные волосы, присущие чистокровным каморрцам, и лишь одинаковые длинные крючковатые носы не очень вя- зались с остальной внешностью. Взявшись за руки, братья с улыбкой поклонились.

– Привет, – произнес Локки. – И кто из вас кто?

– Сегодня я Гальдо, – сказал тот, что стоял слева.

– А завтра я буду Гальдо, – добавил второй.

– Или же мы оба будем Кало, – со смехом закончили оба.

– Со временем ты научишься различать их по количеству вмятин, которые я оставил на их задницах. Один из них всегда умудряется каким-то образом вылезать вперед. – Священник стоял за спиной мальчика, положив обе широкие тяжелые ладони ему на плечи. – Знакомьтесь, ослы, это Локки Ламора. Как видите, я только что приобрел его у вашего бывшего благодетеля, хозяина Сумеречного холма.

– Мы помним тебя, – подал голос тот, который вроде бы был Гальдо.

– Сиротка из Огневого, – поддержал его вроде бы Кало.

– Отец Цепп продал нас вскоре после твоего прибытия, – ухмыляясь, сказали они хором.

– Кончайте трепаться, – не терпящим возражения тоном прервал их священник. – Вы вроде как вызвались приготовить ужин? Груши, жареную колбасу, не помню, что еще... Вот и приступайте. Новенькому – двойную порцию. А мы с Локки займемся пожертвованиями.

Толкаясь и перекидываясь шуточками, близнецы поспешили к завешенной двери и скрылись за ней. Локки услышал, как их пятки простучали по какой-то лестнице, уводящей вниз. Отец Цепп сделал ему знак присесть рядом с медным жертвенным кувшином.

– Садись, сынок. Давай обсудим то, что здесь происходит. – Священник опустил на влажный пол, уселся, скрестив ноги, и вперил в мальчика задумчивый взгляд. – Твой

бывший хозяин уверял меня, что ты знаком с арифметикой. Это правда?

– Да, господин.

– Чтобы я больше не слышал никакого «господина»! У меня от этого слова зубы раскалываются, а яйца съеживаются, как на морозе. Зови меня отцом Цеппом. Ну а теперь покажи, как ты вскроешь этот кувшин и пересчитаешь денежки в нем.

Локки с трудом потянул на себя кувшин, пытаясь его наклонить. Теперь он понял, почему Кало и Гальдо носят его вдвоем. В конце концов священник сжалился и помог мальчишке – толкнул кувшин в днище, тот опрокинулся, и деньги высыпались на пол.

– Кувшин нарочно сделан тяжелым, чтобы усложнить работу вора, – пояснил Цепп.

– Но как... как вы можете прикидываться священником? – наконец задал Локки мучавший его вопрос. Он сидел, разбирая кучу пожертвований: целые медные монеты – в одну сторону, половинки – в другую. – Разве вы не боитесь богов? А если Переландро покарает вас?

– Конечно, боюсь, – ответил Цепп, поглаживая спутанную бороду. – Очень даже боюсь. Но я уже сказал тебе, что я и в самом деле священник, правда, вовсе не Переландро. Я посвященный служитель Безымянного Тринадцатого Бога – Хранителя воров, Ловкача, Отца и Покровителя неизбежных уловок.

– Но... ведь богов всего двенадцать...

– Смешно, до какой степени люди верят в подобную чушь!

Мой дорогой мальчик, а не приходило ли тебе в голову, что у этих Двенадцати случайно был младший братец, так сказать, тот урод, не без которого в семье? А его уделом, тоже случайно, являлось воровство. Да-да, мой милый, он был воровом, как мы с тобой. И хотя Двенадцать всячески замалчивают существование такого родственничка, не позволяя даже упоминать вслух его имя, в душе они питают тайную симпатию к его ремеслу. Вот почему старым лицемерным позерам вроде меня вполне дозволяется жить и здравствовать. Ты же видишь: я сижу на ступенях храма уважаемого бога Переландро, но в меня не ударяет молния, и разъяренная толпа до сих пор не разорвала меня на части.

– Так вы священник этого... Тринадцатого?

– Именно так, мой мальчик. Жрец воров и ворующий жрец. Кало и Гальдо тоже когда-нибудь станут... да и ты, можешь быть, если сумеешь отработать те денежки, которые я за тебя заплатил.

– Но, отец... – Локки выковырял из кучи подаяний ржаво-красный кошелек Учителя и передал его священнику. – Если вы за меня заплатили, почему мой бывший хозяин оставил вам пожертвование?

– О, будь уверен, я действительно заплатил, правда, совсем немного. А это – вовсе не пожертвование – Цепп развязал тесемки и вытряхнул себе на ладонь содержимое кошель-

ка – один-единственный белый зуб акулы, длиной с большой палец Локки. – Тебе доводилось когда-нибудь видеть нечто подобное?

– Нет... а что это?

– Смертельная метка, мой милый. Зуб волчьей акулы – личный знак капы Барсави, который является хозяином твоего бывшего хозяина и, кстати, нашим с тобой тоже. А означает этот знак, что ты – упрямый тупоголовый недоумок – настолько достал своего хозяина, что он и впрямь пошел к капе и получил разрешение на твое убийство.

Мальчишка вздрогнул, а Цепп усмехнулся, довольный произведенным эффектом.

– Ага, проняло? Очень хорошо, мой мальчик. Внимательно посмотри на этот зуб, Локки, и хорошенько подумай. Подобная метка выдается в подтверждение оплаченной смерти. Твоей смерти, Локки Ламора. Я перекупил ее, когда заключил сделку с твоим бывшим хозяином. Это означает, что если даже завтра сам герцог Никованте надумает усыновить тебя и объявить своим наследником, я все равно смогу разбить твою глупую башку, а самого приколотить к столбу на площади. И никто в этом городе не скажет мне ни слова.

Цепп опустил акулий зуб обратно в кошелек и повесил его на шею мальчишке.

– Отныне ты будешь носить его, Локки Ламора, – до тех пор, пока я не посчитаю необходимым снять его. Или не решу воспользоваться той властью, которую дает мне этот ко-

шелек... вот так! – Он чиркнул пальцем по горлу Локки. – Носи его под одеждой, прямо на теле. Пусть он напоминает тебе, как чертовски близко подошла к тебе смерть сегодня вечером. Если бы твой хозяин был менее жаден – совсем на капельку, – ты бы уже лежал на дне залива с перерезанным горлом.

– Но что такого я сделал?

Лицо священника мгновенно затвердело, взгляд изменился. В глазах его мелькнуло нечто такое, от чего Локки съёжился и сжал в руке злополучный кошелек.

– Послушай меня, мальчик! Мы только-только начинаем наши отношения, и не стоит обижать меня подозрением в излишней глупости. Запомни: на свете есть три человека, которых ты никогда не сможешь провести – ростовщик, шлюха и родная мать. Поскольку твоя мать мертва, я занял ее место. Таким образом, не стоит кормить меня сказками и строить из себя невинную овечку. – Голос священника был очень серьезен. – Ты сам прекрасно знаешь, чем расстроил своего бывшего хозяина.

– Он сказал, что я недостаточно осмотрителен.

– «Осмотрителен»! – передразнил Цепп. – Отличное слово. В самом деле, никто не упрекнет тебя в излишней осмотрительности. Учитель все мне рассказал.

Сидя над маленькой кучкой монет, Локки вскинул на священника большие, широко распахнутые глаза, в которых блестели слезы.

– Все?

– Именно так, все. – Цепп смерил мальчишку долгим испытующим взглядом, затем вздохнул. – И сколько же пожертвовали сегодня Переландро добрые граждане Каморра?

– Примерно двадцать семь медных баронов.

– Хм... Значит, чуть больше четырех серебряных солов. Негусто. Однако это выгоднее, чем любая другая форма воровства.

– Вы крадете эти деньги у Переландро, отец?

– А как же иначе, мой мальчик? Я ведь вор, забыл, что ли? Только не такой, как ты, а гораздо лучше. Видишь ли, в Каморре полным-полно идиотов, которые делают много лишних движений, пытаясь украсть пару медяков... а заканчивают тем, что их вывешивают на веревке. И все оттого, что они воруют *РУКАМИ*.

Священник презрительно сплюнул.

– А чем тогда воруете вы, отец Цепп?

Бородатое лицо священника расплылось в улыбке. Он постучал себя по лбу, затем по зубам.

– Своими мозгами и хорошо подвешенным языком, мой мальчик. Именно так – мозгами и языком! Тринадцать лет назад я пристроил задницу на этих ступеньках, и с тех пор благочестивые придурки Каморра ежедневно несут мне свои медяки. К тому же слава обо мне идет от Эмберлина до самого Тал-Верарра. Да что в этой славе... звонкую монету я люблю куда больше.

– А разве это удобно? – спросил Локки, оглядывая обшарпанную комнату. – Жить здесь и никогда не выходить наружу...

– Это убогое помещение так же соотносится со всеми угольями храма, как твоя нора на Сумрачном холме – со всем кладбищем, – хохотнул Цепп. – Повторяю, мы необычные воры, Ламора, и методы у нас совсем иные. Обмануть, сбить с толку – вот наши способы заработать на жизнь. К чему потеть, когда можно всего добиться при помощи умной лжи?

– Тогда получается... что вы вроде как «живцы».

– Можно сказать и так. Хотя сходство здесь такое же, как между бочкой горючего масла и щепоткой красного перца. Возможно, теперь ты начинаешь понимать, почему я выкупил тебя, невзирая на то, что здравого смысла в тебе не больше, чем в пучке моркови. Ты прирожденный лгун, гибкий, как спина акробата. Полагаю, я смогу сделать из тебя настоящего вора... если решу, что тебе можно доверять.

Священник снова остановил на мальчишке взыскующий взгляд, и Локки почувствовал: надо срочно что-то сказать.

– Мне бы очень хотелось этого, – прошептал он. – Что я должен делать?

– Для начала – честно рассказать о том, что натворил на Сумеречном холме. Чем ты умудрился так рассердить своего хозяина?

– Но вам же и так все известно...

– Известно. Однако я хочу услышать это от тебя. Мне ну-

жен подробный и правдивый рассказ, без всякой путаницы и умолчаний. Если ты попытаешься что-то скрыть – а я это сразу пойму, – вини себя одного. Я сочту тебя недостойным моего доверия, а дальше... твоя судьба уже висит у тебя на шее.

– И с чего мне начать? – спросил Локки.

– Например, с твоих недавних проступков. Я знаю, что на Сумеречном холме существует один закон, непреложный для всех братьев и сестер. Тем не менее, по словам Учителя, ты дважды его нарушил, хотя и сумел замести следы.

Лицо у мальчишки вспыхнуло, он потупился и уставился на свои пальцы.

– Не смущайся, Локки. Старый Делатель Воров рассказал мне, что ты подстроил убийство двух мальчиков с Холма. Причем так хитро, что даже он не смог схватить тебя за руку. – Священник задумчиво посмотрел на мальчика со смертельной меткой на шее. – Меня интересует, зачем ты их убил, а также то, как ты это сделал. Я хочу услышать ответы из твоих собственных уст, и немедленно.

КНИГА I. ЧЕСТОЛЮБИВЫЙ ЗАМЫСЕЛ

Что ж, я могу с улыбкой убивать,
Кричать: «Я рад!» – когда на сердце скорбь,
И увлажнять слезой притворной щеки,
И принимать любое выраженьё.

(Шекспир, «Генрих VI», часть 3, акт III, сцена 2.)

Глава 1. Игра с донем Сальварой

1

У Локки Ламоры было незыблемое правило: хочешь, чтобы мошенничество удалось на славу, – потратить три месяца на планирование, три недели на репетицию и три секунды на то, чтобы обмануть жертву. Сегодня отведенные три секунды ему полагалось провести в удавке.

Локки стоял на коленях, а вокруг шеи у него была обвита пеньковая веревка, которую держал стоявший за его спиной Кало. Выглядело сие вполне убедительно – и веревка, и багровый след на шее... Конечно, Локки понимал, что ни один нормальный каморрский убийца не станет пользоваться веревкой – для того, чтобы надежно пережать горло клиенту, существует проволока или шелковый шнурок. Но если дон Лоренцо Сальвара, наблюдая их постановку с расстояния в тридцать шагов на протяжении секунды, сумеет отличить фальшивку от настоящего убийства – что ж, значит, они сильно недооценили свою жертву. А тогда вся затея в любом случае летит к черту.

– Не видно его пока? И Жук не сигналил? – еле слышно прошипел Локки и издал несколько эффектных булькающих

звук.

– Пока ничего – ни сигнала, ни дона Сальвары. Ты дышать-то можешь?

– Все нормально, – прошептал Локки. – Потряси меня как следует для пущей убедительности.

Они находились в узкой аллее за старым храмом Благих Вод. Где-то неподалеку за оштукатуренной стеной слышалось журчание священных водопадов храма. Локки снова подергал грубую веревку у себя на шее и бросил взгляд на стоящую в нескольких шагах кобылу. К ее спине были приторочены солидные на вид тюки, призванные изображать торговый груз. Лошадь они взяли Кроткую, безупречно глупую и бесстрастную. Ее молочно-белые глаза смотрели с абсолютным безразличием – ни любопытства, ни страха. Даже разыграйся на ее глазах настоящее убийство, она бы и ухом не повела.

Драгоценные секунды истекали. Солнце уже поднялось высоко и теперь раскаленным шаром светило с белесого неба. Жидкая грязь, в которой стоял Локки, подсыхала и цементом стягивала его бриджи на коленях. Жеану Таннену было еще хуже: он валялся неподалеку в том же самом месиве, согласно сценарию, изображая второго потерпевшего, а над ним застыл Гальдо, в любой миг готовый нанести ему мнимо сокрушительный удар по ребрам. Они ждали уже по крайней мере минуту – ровно столько, сколько второй близнец душил Локки.

Предполагалось, что дон Сальвара вот-вот пройдет мимо злополучного тупика и, увидев зловещую сцену, бросится спасать несчастных торговцев. Скорей бы он появился и избавил актеров от затянувшегося ожидания!

– Где носят боги этого проклятого Сальвару? – прошипел Кало на ухо Локки. Со стороны казалось, будто он ему угрожает. – И куда подевался Жук? Так мы целый день проторчим здесь среди дерьма. Или, не приведи Богодетель, дождемся, что кто-нибудь в самом деле пройдет мимо!

– Прекрати паниковать, – прошептал в ответ Локки. – Помни о двадцати тысячах полновесных крон и не выпускай веревку. Лично я могу хоть целый день провести в удавке, если это необходимо.

2

Утром назначенного дня все шло замечательно – даже учитывая неизбежное волнение юного вора, впервые допущенного к участию в столь сложной операции.

– Сколько ж можно, черт побери! – кипятился Жук, долговязый лохматый парнишка лет двенадцати. – Конечно же, я знаю, где должен находиться, когда все начнется. Еще бы мне не знать, если я проторчал на этой долбаной крыше больше, чем в утробе собственной матушки!

Лениво приоткрыв один глаз, Жеан Таннен посмотрел на собеседника. Он лежал, развалившись на носу их плоскодонной баржи, расслабленно свесив правую руку в теплые воды канала, а в левой сжимая кислое болотное яблоко. Его массивная фигура четко рисовалась на фоне алеющего рассветного неба – мускулистые руки, живот, подобный пивному бочонку, кривые ноги и прочие стати. Кроме них, на судне никого не было. Жеан блаженно отдыхал и вел беседу с Жуком, который в поте лица работал на корме шестом.

– Не иначе твоя маменька невероятно торопилась от тебя избавиться, – беззлобно заметил Жеан. Здесь, на борту, его тихий занудный голос казался удивительно неуместным – так мог бы говорить учитель музыки или переписчик свитков. – А нам с тобой торопиться не следует. Поэтому позволь мне еще раз убедиться, что ты как следует запомнил план предстоящей игры.

– Проклятье! – взвыл парнишка, снова отталкиваясь шестом, чтобы преодолеть ленивое течение, гнавшее баржу к заливу. – Ты, Локки и Кало с Гальдо находитесь в тупике между Благими Водами и священными садами храма Нары, верно? Я торчу на крыше храма, что через дорогу.

– Продолжай, – невнятно пробубнил Жеан, набив полный рот своей кислятины. – А где в таком случае дон Сальвара?

Мимо них, рассекая желтоватые от глины воды, скользили другие баржи, тяжело нагруженные всякой всячиной – от бочонков с пивом до жалобно мычащих коров. Жук медлен-

но продвигался по Виа Каморрацце, главной водной магистрали города, направляясь к Плавучему рынку. За бортом проплывал просыпающийся Каморр.

Серые накренившиеся домишки из осклизлого камня вылевывали на улицы своих обитателей – навстречу яркому свету и набирающей силу летней жаре. Стоял месяц Парфис, а значит, на небе не было ни облачка. Солнечные лучи уже успели разогнать клубы ночного тумана и осушить росу на стенах зданий.

– Примерно в полдень он выходит из храма Благих Вод, как делает это в каждый День Покаяния. Если нам посчастливится, с ним будет один человек и две лошади.

– Забавный ритуал, – проворчал Жан. – Интересно, какого черта он так поступает?

– Выполняет последнюю волю усопшей матери. – Жук воткнул шест в дно и на мгновение застыл, сопротивляясь течению. – Выйдя замуж за старого дона Сальвару, она осталась верна вадранской вере. Поэтому и ее сын раз в неделю приносит дары в вадранский храм, а затем поскорее спешит домой, чтобы никто не заметил... Проклятье, Жан, я уже наизусть знаю всю это белиберду! Скажи на милость, какого черта я здесь делаю, если вы мне не доверяете? А заодно объясни, почему всю дорогу к рынку эту проклятую баржу толкаю именно я?

– Ха, ты, конечно же, можешь не делать этого. Только сначала возьми у меня три из пяти схваток врукопашную. – Же-

ан оскалил в ухмылке два ряда кривых щербатых зубов записного драчуна. Его плоское помятое лицо выглядело так, будто форму ему придавал какой-то не слишком искусный кузнец на своей наковальне. – Кроме того, чучело, не забывай, что пока ты новичок в нашем деле. Но тебе посчастливилось иметь наставниками самых авторитетных и требовательных специалистов в этой области. Так что считай выполнение грязной работы частью своего нравственного воспитания.

– Как-то я не замечал, чтобы вы занимались моим нравственным воспитанием.

– Пожалуй. Наверное, это оттого, что мы с Локки и сами не достигли совершенства к своим двадцати пяти годам. А что до повторения плана операции, то не забывай: единственный промах – и мы черной завистью будем завидовать этим ублюдкам.

Жеан небрежно махнул рукой в сторону помойных баков, стоящих на побережье канала в ожидании, когда из окон распивочных ударит темная вонючая струя. Обслуживала их команда мелких воришек, содержание которых во Дворце Терпения считалось нецелесообразным. Вместо этого они каждый день встречали рассвет в кожаных накидках, прикованные к помойным бакам. Увы, наслаждаться солнечными лучами им приходилось недолго: большую часть времени они проклинали чистоплотность нескольких тысяч каморрцев, которые спешили поутру опорожнить свои ночные горшки.

– Не беспокойся, Жеан, я не напорчу... – Жук лихорадочно, словно в пустом кошельке, начал копаться в своем сознании в поисках убедительных слов. Ему ужасно хотелось выглядеть таким же спокойным и самоуверенным, как старшие товарищи – знаменитые Благородные Подонки. Увы, в двенадцать лет поступки всегда опережают мысли...

– Я ничего не напорчу, – в конце концов повторил он, так ничего и не придумав. – Слышишь, черт тебя побери? Я ничего не напорчу, клянусь чем хочешь.

– Отлично, парень, – кивнул Жеан. – Рад слышать. Но давай все же повторим еще раз. Поподробнее, пожалуйста: что именно ты не напортишь?

Жук тоскливо вздохнул.

– Я подам сигнал, когда дон Сальвара выйдет из храма Благих Вод. Кроме того, я должен присматривать, чтобы кто-нибудь не появился возле вашей аллеи... особенно городская стража. Если же кто-то все-таки пройдет, я спрыгну с крыши с мечом в руке и на месте срублю их поганые головы.

– Что-что ты сделаешь?!

– Я сказал, что всеми силами постараюсь их отвлечь. Ты что, туговат на ухо, Жеан?

Слева от них проплыла череда высоких добротных домов; мраморные фасады, темные полированные двери, шелковые навесы и прочие свидетельства роскоши и богатства – во всем здесь ощущались большие деньги и власть. Это место полностью оправдывало свое имя – улица Поцелуй-Монет-

ку – ибо здесь издавна селились богатейшие банкиры и финансисты. Они жили по собственным, давно выработанным правилам, уподобляясь в этом Пяти башням – месту добровольного заточения герцога и членов Пяти семейств, откуда те повелевали всем остальным городом.

– Медленно двигайся вдоль берега под мостами, – распорядился Жеан, дожевывая яблоко. – Его милость дожидается там, чтобы подняться на борт.

Двойной мост из Древнего стекла был перекинут через Виа Каморраццу как раз посередине улицы Поцелуй-Монетку. Верхняя, более узкая арка предназначалась для пешеходного движения, нижняя, пошире, использовалась для грузовых перевозок. Для непривычного глаза огромный мост без единого стыка выглядел фантастическим сооружением. Чуждое, неземное стекло, из которого он был построен, сверкало и переливалось в лучах утреннего солнца, словно некий великан взял расплавленный алмаз, изогнул его и перебросил через канал. Справа по борту располагалась Фория – островок, плотно застроенный многоярусными каменными сооружениями с висячими садами. Большие деревянные колеса крутились, вспенивая и перегоняя воду из канала в систему желобов и виадуков, которые сетью оплетали улицы Фории на всех уровнях, будто та же гигантская рука проложила стежки, стягивающие весь остров в нечто единое.

Жук подвел баржу к хлипкому причалу под мостом. Тут же из тени появился человек, спрыгнувший на дощатые

мостики. Одет он был, как и Жук с Жеаном, в поношенные кожаные бриджи и грубую полотняную рубаху. Еще один легкий прыжок – и он оказался на борту баржи, которая слегка колыхнулась при его появлении.

– Приветствую вас, мастер Жеан Таннен, и поздравляю со своевременным прибытием!

– В свою очередь примите поздравления по поводу крайне эффектного появления на борту нашего скромного судна, мастер Ламора. – Свое приветствие Жеан подкрепил тем, что отправил в рот остатки яблока – целиком, вместе с хвостиком и сердцевинкой – и влажно захрустел ими.

– Опять жрешь всякую дрянь, – скривился Локки. – Кой черт ты это делаешь? Разве тебе не известно, что из семечек этой гадости черные алхимики готовят яд для рыбы?

– Мне повезло – я не рыба, – ухмыльнулся Жеан, глотая пережеванную массу.

К внешности Локки лучше всего подходило слово «средний»: средний рост, среднее телосложение, не светлые и не темные пепельные волосы, подрезанные до линии подбородка, обрамляют лицо, которое нельзя назвать ни слишком красивым, ни чересчур приметным. С виду настоящий теринец, разве что в его коже явно присутствовал бледноватый оливковый оттенок, придавая ей характерную матовость, а вот медного было куда меньше, чем у смуглых Жеана и Жука. При ином освещении или цвете одежды Локки вполне мог сойти и за сильно загорелого вадранца. Лишь яркие се-

рые глаза нарушали общую картину, выдавая в Ламоре человека, отмеченного богами. Поздоровавшись с другом, он уселся у левого борта и непринужденно скрестил ноги.

– Привет, Жук, – улыбнулся он. – Так и знал, что на тебя можно положиться. Ты всегда сжалишься над старшими товарищами и дашь им погреться на солнышке, пока сам паришься с шестом.

– Все дело в том, что Жеан самый ленивый подонок, каких я только видел, – огрызнулся мальчишка. – А если я не буду толкать эту проклятую баржу, он вышибет мне все зубы и заставит их проглотить.

– Ай-яй-яй, Жук, как ты можешь так говорить! Жеан – сама доброта. Своими несправедливыми обвинениями ты разбиваешь ему сердце. Он теперь проплачет всю ночь напролет.

– Да я и без того по ночам не сплю, – вздохнул Жеан. – Ревматизм покоя не дает. Сижу и жгу свечи, чтобы разогнать ядовитые испарения.

– И это вовсе не означает, что днем наши бедные косточки не болят, – добавил Локки, массируя колено. – Не забывай, бессердечный юноша, что мы по крайней мере вдвое старше тебя. Согласись, при нашей профессии это более чем почетный возраст.

– На этой неделе жрецам Азы Гуиллы шесть раз выпадал случай прочитать надо мной заупокойную молитву, – пожаловался Жеан. – Тебе еще повезло, что мы с Локки сохра-

нили достаточно прыти. Иначе не видать бы тебе настоящей игры, как своих ушей, Жук.

Со стороны сия троица, должно быть, выглядела командой нанятой баржи, которая направляется за грузом к Плавучему рынку на пересечении Виа Каморраццы и Анжевены. Чем ближе они подплывали к своей цели, тем теснее становилось вокруг от лодок и множества утлых скорлупок, порой едва держащихся на плаву.

– Кстати, о предстоящей игре, – бросил Локки. – Запомнил ли наш юный друг, в чем заключается его роль?

– Жеан твердит мне об этом все утро. Экзаменует... – вздохнул Жук.

– И каковы результаты?

– Да все я выучил! – Жук с силой воткнул шест в дно, протискивая баржу меж двух баркасов с высокими бортами, больше напоминавших плавучие сады. Когда Благородные Подонки всплыли под свисающие ветви, на них лавиной обрушился аромат жасмина и цветущих апельсиновых деревьев. Тут же на борту показался бдительный охранник с шестом в руках, готовый оттолкнуть их, если возникнет опасность столкновения. Очевидно, баркасы везли драгоценные саженцы для садов богачей, расположенных выше по течению.

– Успокойтесь, я все знаю и не завалю вам дело! Обещаю! Знаю назубок и свое место, и сигналы... и ничего не напорчу!

Кало решительно встряхнул Локки, и тот очень убедительно застонал. В качестве жертвы ограбления он был просто неподражаем. Все хорошо, но где же дон Сальвара? Мучительно тянулись мгновения. Вся эта пантомима выглядела иллюстрацией к весьма красочному описанию ада из теринской теологии: двое воров, которые навечно застряли в грязном тупике. Проходят годы, а они все стоят со своими жертвами, и никакого разрешения ситуации – ни бегства, ни денег...

– О Боги, я один здесь трясусь, что ли? – прошептал Кало.

– Тс-с, – ответно прошипел Локки. – Не выпадай из образа. Ты не можешь одновременно взывать к Богам и душить меня.

Откуда-то справа донесся душераздирающий вопль, эхом отразившийся от каменных стен Храмового района. За ним последовала какофония беспорядочных криков, шарканья, звуков ударов – судя по всему, там шла яростная схватка. Странное дело: суматоха почему-то не приближалась к ним, а, наоборот, удалялась.

– Похоже, это выход Жука, – заметил Локки.

– Надеюсь, он не переусердствует, – отозвался Кало, на секунду ослабив хватку на удавке. В это мгновение у них над

головой, на фоне узкой полоски неба, затертой стенами проулка, вдруг промелькнул какой-то темный силуэт.

– Черт побери, а это что еще за хрень? – воскликнул Кало.
Справа снова раздался вопль.

4

Неспешно передвигаясь по Виа Каморрацце, Жук достиг Плавучего рынка точно в назначенный час – как раз тогда, когда система труб из Древнего стекла на вершине Западного Стража поймала утренний бриз, дующий с моря, и пропела одиннадцать часов.

Плавучий рынок разместился в самом центре Каморра. Здесь каменные волнорезы умеряли течение стремительной Анжевены и образовывали относительно спокойную заводь окружностью примерно в полмили. Сотни торговцев на своих лодках приплывали сюда заранее и пытались занять выгодные места вокруг плоских каменных поверхностей, где толпились покупатели и зеваки.

Порядок обеспечивали городские стражники в горчично-желтых плащах, сновавшие туда-сюда на черных, блестящих от воды тендерах с закованными в кандалы гребцами – узниками Дворца Терпения. При помощи грубых окриков, а где надо, и длинных шестов они кое-как расчищали уз-

кие проходы в кипящей круговерти рынка. По этим каналам медленно продвигались прогулочные яхты аристократов, тяжело груженные баржи с товарами и полупустые лодки с покупателями, подобные той, на которой трое Благородных Подонков, рыская вокруг глазами, рассекали это море людской алчности и надежды.

Они миновали кучу утлых лодчонок, с которых торговали дешевыми побрякушками. Далее на круглом плотике, именуемом *вертола*, приткнулся продавец пряностей – товар его был аккуратно разложен на треугольном стеллаже. Затем их окатило волной цитрусового запаха: мимо, покачиваясь на надувном кожаном плоту, проплыло Древо Канала, алхимический гибрид лайма и лимона. Его уходящие вглубь корни очищали воду каналов, вытягивая из нее мочу и прочие городские миазмы. Плотом управляла женщина средних лет и трое ребятишек, которые рыскали в изумрудно-зеленой кроне дерева, отыскивали плоды и бросали их покупателям на проплывавших мимо лодках.

Над заводью Плавучего рынка реяла на ветру целая выставка рекламных флажков и шелковых штандартов, радуя глаз покупателей и привлекая их внимание своими картинками. На одних были Линч изображены рыба и дичь, на других – пивные кружки и винные бутылки. На иных можно было видеть пироги и караваи хлеба, одежду и обувь, фрукты и кухонную утварь. Здесь же развевались вывески портного и плотника. Сотни товаров и услуг на любой вкус! Как прави-

ло, торговцы располагались целыми выводками по цеховому признаку. Между ними разгоралась жестокая конкуренция – каждый нахваливал собственный товар или поносил соседа со всей его родней до седьмого колена. Стражники чутко наблюдали за ними из своих лодок – не перешел ли кто, увлекшись, к открытым боевым действиям?

– Как порой обидно прикидываться бедняками, – задумчиво произнес Локки. Жук с удовольствием разделил бы его переживания, не будь его внимание приковано к опасно приближающейся барже. На ее палубе громоздилась дюжина деревянных клеток с подвывающими и мяукающими домашними кошками. Над судном реял голубой флаг с живописным изображением мертвой мыши; из ее разорванного горла обильно текла алая кровь. – В этом месте есть какие-то флюиды... Даже я начинаю всерьез верить, что мне позарез необходима пара фунтов рыбы, моток новой лески, поношенные туфли или садовая лопата. С трудом удерживаюсь от покупки.

– К счастью, мы уже приближаемся к следующему пункту на нашем пути к денежкам дона Сальвары. – Жеан указал на проплывающие за северо-восточным волнорезом великолепные гостиницы и таверны, которые отделяли рынок от Храмового района.

– Ты, как всегда, прав, – откликнулся Локки. – Жадность бежит впереди воображения. Двигаемся назначенным маршрутом. – Он с преувеличенным азартом ткнул пальцем в

том же направлении, куда указывал Жан. – Жук, выплывай на реку и сворачивай направо. Один из близнецов, должно быть, уже ждет нас у «Скромного жилища» – это третья по счету гостиница.

С усилием отталкиваясь шестом от дна заводи, которая была мельче, чем окружающие каналы, Жук направил баржу на север. Они успешно избежали столкновения с чересчур усердными продавцами грейпфрутов и мясных рулетов, затем миновали плавучую лавку светящихся алхимических палочек. Локки с Жаном развлекались своей излюбленной игрой, высматривая юных карманников в толпах, собравшихся на волнорезах. Скоро двадцать лет, как они простились с «термитником» Сумеречного холма, однако ничего не изменилось – беспечность каморрской публики по-прежнему позволяла кормиться старому Учителю и его подопечным.

Едва баржа покинула стоячие воды рынка и оказалась в русле реки, Жук и Жан без слов поменялись местами. Быстрое течение Анжеваны не позволяло зевать – тут требовались литые мышцы Жана, мальчику же стоило как следует отдохнуть перед началом предстоящей операции. Как только Жук с облегчением плюхнулся на место старшего товарища, Локки словно из воздуха вытащил коричный лимон и кинул его мальчишке. Тот быстро, в шесть укусов, прикончил плод вместе с кожурой, источающей острый запах эфирного масла.

– Надеюсь, из них не делают яд для рыбы? – ухмыльнул-

ся он, перемалывая красновато-желтую массу кривыми, но крепкими зубами.

– Ни в коем случае, – затряс головой Локки. – На яд идет исключительно та пакость, которую поглощает Жеан.

– Чуток рыбьего яду настоящему мужчине не повредит, – насмешливо фыркнул с кормы его друг. – От него волосы на груди растут. Особенно если ты рыба... по натуре, ха-ха!

Он продолжал вести баржу вдоль южного берега Анжеваны, стараясь избегать глубоких мест, где шест не доставал до дна. В какой-то момент мост из Древнего стекла заслонил от них восходящее солнце, и баржу окатил поток горячего жемчужно-белого света, пропущенного сквозь таинственный материал.

К северу от них маячили колеблющиеся в утреннем мареве пологие склоны Альсегрантских островов – места, облюбованного мелкой знатью. Это было царство тенистых садов и белых усадеб, укрытых высокими стенами, в которых прятались бассейны и великолепные фонтаны, украшенные статуями. Люди в такой одежде, как Локки, Жеан и Жук, могли лишь мечтать о подобной роскоши. Огромная тень Пяти башен, поглощавшая в этот час Верхний город, едва доползала до северных границ Альсегранте, рассеиваясь и превращаясь в розовато-смуглый полумрак.

– О боги, как я люблю это место! – воскликнул Локки, нетерпеливо постукивая пальцами по коленям. – Порой мне кажется, весь наш город возник лишь потому, что богам нра-

вится воровство само по себе. Смотрите: карманники крадут у простых людей, торговцы обчищают всякого, кого сумеют одурачить, капа Барсави грабит воров, а вместе с ними и горожан, мелкая знать наживается за счет всех и каждого. Что же до герцога Никованте, он со своей армией выдавливает последнее дерьмо из Тал-Верарра и Джерема, не говоря уже о собственных подданных.

– Выходит, что мы грабим грабителей, – вмешался Жук. – И при этом делаем вид, будто работаем на вора, который ворует у других воров.

– Прелестная картинка получается, не так ли? – усмехнулся Локки. – Знаешь, парень... рассматривай то, что мы делаем, как некое скрытое налогообложение аристократов, у которых слишком много денег. Э, вот мы и приехали!

Возле «Скромного жилища» был устроен добротный просторный причал с дюжиной швартовых кнехтов, в данный момент совершенно свободных. К набережной, возвышавшейся над уровнем воды на десять футов, вела широкая каменная лестница и мощный пандус для грузов и лошадей. На краю причала друзья увидели Кало Санцу, одетого ничуть не лучше, чем они сами. Рядом с ним мирно стояла кобыла Кроткая.

– Эй, какие новости? – крикнул, помахав рукой, Локки. Жан тем временем плавно и уверенно приближался к пристани: сначала их разделяло двадцать ярдов, затем десять, и вот уже баржа с легким скрежещущим звуком скользнула

бортом по каменному бортику.

– Галь до доставил все необходимое в гостиницу. Это Бушпритовый номер на первом этаже, – прошептал Кало, наклоняясь, чтобы закрепить швартовы на кнехте.

Смотреть на него было одно удовольствие: золотисто-смуглый загар, копна иссиня-черных волос, безупречная гладкость кожи, нарушаемая лишь тонкой сеточкой мимических морщинок вокруг темных глаз – от частого смеха (хотя те, кто близко знал близнецов Санца, сказали бы, что от глупой и зловредной ухмылки). На этом благообразном лице, подобно боевому кинжалу, выдавался невероятно острый и крючковатый нос.

Справившись со швартовами, Кало достал из кармана и бросил Локки тяжелый железный ключ с прикрепленной кисточкой из красно-золотых шелковых нитей. Номера в «Скромном жилище», как и во всякой приличной гостинице, были снабжены запирающими блоками с часовым механизмом. Выполненные в виде плоской коробочки, они помещались в особые ниши, достать из которых их могли лишь сами владельцы гостиницы при помощи хитрых методов. Запоры менялись всякий раз, когда въезжал новый постоялец, а он получал соответствующий ключ. Учитывая, что все несколько сотен коробочек внешне ничем не отличались друг от друга и хранились в специальной гостиничной стойке, предполагаемым ворами абсолютно не имело смысла снимать оттиски ключей.

Подобная система давала Локки и Жеану возможность быстро и незаметно переодеться в номере, что вполне соответствовало их планам.

– Замечательно! – воскликнул Локки, ловко перепрыгивая на причал. Жеан, вернув шест Жуку, последовал за товарищем. – Войдем же внутрь и выйдем уже уважаемыми гостями из Эмберлина.

Локки с Жеаном пошли к гостинице, а Кало двинулся к барже, чтобы помочь Жуку с лошадью. Хотя белоглазая скотина стояла совершенно спокойно, не проявляя ни малейших признаков страха, она вполне могла создать проблемы при погрузке на баржу – именно в силу отсутствия инстинкта самосохранения. После нескольких минут совместных осторожных подталкиваний и подтягиваний им удалось водрузить животное на палубу, где оно и осталось стоять, как случайно ожившее каменное изваяние.

– Удивительная тварь, – заметил Кало. – Я зову ее Препонной. Если угодно, можешь использовать ее в качестве стола или подпорки.

– Меня от этих животных мороз по коже продирает, – передернул плечами Жук.

– Ой, не знаю, – покачал головой Кало. – Меня так от них продирает не просто мороз, а жуткий мороз. Только неопытные новички и полные недоумки соглашаются иметь дело с Кроткими лошадьми. Впрочем, наш эмберлинский торговец как раз из таких.

Обсудив эту тему, Кало и Жук застыли в молчании. Шли минуты, а они все так же неподвижно стояли под жаркими лучами южного солнца. Со стороны могло показаться, что команда баржи терпеливо дожидается пассажира, который должен выйти из «Скромного жилища».

Прошло еще немного времени – и пассажир действительно появился на набережной, спустился по ступенькам причала и деликатно покашлял, чтобы привлечь их внимание. Это был Локки Ламора собственной персоной, но изменившийся до неузнаваемости: волосы гладко зачесаны назад и уложены с помощью розового масла; грим на лице заострил скулы и сделал щеки более впалыми; глаза скрылись под очками в оправе из черного перламутра, отблескивающими серебром на солнце.

Теперь на нем был черный жесткий кафтан эмберлинского покроя – тесно облегающий в груди и свободно расходящийся от пояса, скупо отделанный серебряными нашивками. Талию охватывал двойной кожаный ремень с блестящими серебряными пряжками. Из-под воротника спускался черный присборенный шейный платок из тончайшего шелка, заложенный в три складки, которые тербил горячий ветер. Икры обтягивали серые чулки с серебряными стрелками, на ногах были туфли из акульей кожи – на высоком каблуке, с пучками черных атласных лент. Выглядело это весьма нелепо, словно к ступням прилепились какие-то фантастические тепличные цветы. Каморрское солнце отнюдь не

испытывало снисхождения к сему наряду, рассчитанному на куда более северный климат – на лбу Локки уже выступили мелкие капельки пота, блестя, как крошечные бриллианты.

– Меня зовут Лукас Фервит, – произнес Локки ровным невыразительным голосом, лишенным привычных модуляций. Сейчас в его речи прорезался легкий намек на резкий вадранский акцент, вкрадчиво проникающий в естественный каморрский выговор, словно разные слои в коктейле – один в другой. – На мне одежда, которая через несколько минут насквозь пропитается потом. Я настолько глуп, что путешествую по Каморру без всякого оружия. И к тому же, – добавил он с неожиданным сожалением в голосе, – я абсолютно вымышленный персонаж.

– Примите мои соболезнования, мастер Фервит, – ответил Кало. – Может быть, вас утешит тот факт, что лодка и лошадь готовы к вашему большому выезду.

Локки осторожно спустился на борт баржи, покачиваясь на ходу, как человек, который долгое время провел в море и отвык от неподвижности под ногами. Прямая спина, скованные движения... Он носил манеры Лукаса Фервита, словно еще один незримый предмет одежды.

– Мой помощник появится с минуты на минуту, – сообщил Локки-Фервит, когда они оба оказались на палубе. – Его имя Грауманн, и он тоже страдает от своей нереальности.

– О милосердные боги! – вздохнул Кало. – Должно быть, это заразно.

На мощеном пандусе показался Жан, тянувший на себе сто двадцать фунтов конской упряжи и кожаных мешков, битков набитых разными товарами. Его наряд состоял из белой шелковой рубахи, плотно обтягивающей живот и изрядно промокшей от пота, и черной куртки с короткими рукавами; шею украшал щегольской белый платок. Волосы он старательно расчесал на прямой пробор и обильно смазал каким-то темным маслом. Казалось, будто неведомый шутник нахлобучил ему на голову две шерстяные подушки.

– Мы опаздываем, Грауманн, – начал выговаривать ему Локки, заложив руки за спину. – Поспешите; и перестаньте изображать из себя выючную лошадь.

Его помощник поспешно переложил груз на спину Кроткой кобылы, на что та никак не отреагировала. Затем Жан нагнулся и надежно закрепил упряжь у нее под брюхом. Жук передал шест Кало, отцепил веревку от кнехта, и баржа наконец-то тронулась с места.

– Вот будет смешно, если именно сегодня дон Сальвара изменит своим правилам, – пробормотал Кало.

– Можешь не волноваться, – отозвался Локки. Теперь, на барже, он говорил своим обычным голосом, но по-прежнему сохранял осанку Лукаса Фервита. – Он свято чтит материнские заветы. К тому же когда дело доходит до привычек, он надежен, как водяные часы.

– Твои бы слова да богам в уши, – откликнулся Кало, с легкостью орудуя шестом. – В конце концов, если ты оши-

бешься, не мои яйца взопреют. Это тебе приходится в самый разгар Парфиса таскать на себе черную шерстяную тряпку в десять фунтов весом.

Они продолжали двигаться вдоль Анжевены, и вскоре справа показался западный конец Храмового района. Его границу отмечал перекинутый через реку прозрачный стеклянный мост. Когда баржа нырнула под него, друзья заметили стоящего на мосту в пятидесяти футах над их головами худощавого темноволосого мужчину, как две капли воды похожего на Кало. Как бы случайно Гальдо Санца выронил надкушенное красное яблоко, которое с тихим всплеском упало в воду в нескольких ярдах от баржи.

– Сальвара в храме! – воскликнул Жук.

– Великолепно! – Локки развел руками и усмехнулся. – Разве я не говорил тебе, что он страдает преувеличенным чувством долга?

– Какая удача, что все твои жертвы столь ревностны по части морали, – язвительно заметил Кало. – В противном случае они могли бы послужить дурным примером для Жука.

Едва показались общественные верфи на северо-западном берегу Храмового района – как раз под новым высоким Домом Ионо, Отца штормов, Повелителя алчных вод, – Жан тут же, не мешкая, пришвартовался и вывел на берег нагруженную Препону. Выглядели они безупречно: помощник богатого купца ведет лошадь с товаром.

За ними последовал Локки, который теперь, отбросив

шутки, в полном блеске выставлял на обозрение слегка нервное достоинство Фервита. Жук метнулся на берег и немедленно растворился в толпе. Он спешил занять наблюдательную позицию на крыше возле того тупика, где донна Сальвару ждало серьезное испытание. Кало заметил своего брата – тот уже спускался с моста – и неспешным шагом двинулся ему навстречу. Оба близнеца непроизвольно прикоснулись к оружию, которое скрывалось под их просторными рубахами.

К тому времени, как братья Санца встретились и вместе направились к условленному месту, Локки с Жеаном были уже в двух кварталах от них. Они тоже шли к месту встречи, но с другой стороны. Игра началась.

В четвертый раз за эти три года Благородные Подонки держали под прицелом одного из самых могущественных жителей Каморра. Они задумали операцию, которая могла бы освободить донна Сальвару ни много ни мало от половины его состояния. Теперь все зависело от его пунктуальности.

5

Со своего наблюдательного пункта Жук раньше всех заметил пеший патруль – в полном соответствии с планом. Появление патруля тоже было предусмотрено... некоторым образом. И означало, что план летит к черту.

– Ты будешь контролировать игру сверху, Жук, – несколько раз объяснил ему Локки, а затем еще Жеан занудствовал все утро. – Мы запланировали встречу с доном Сальварой в заведомо безлюдном месте Храмового района, и любой наземный наблюдатель будет здесь виден за милю. Другое дело – мальчишка, залегший на высоте двух этажей.

– А за чем я должен следить?

– За всем, что движется. Хоть герцог Никованте, хоть Ночные Стекольщики, хоть король Семи Сущностей. Хоть старушка, которая катит тачку с навозом. В любом случае, как только появятся нежданные гости, твоя задача – подать сигнал. Если это будут простые горожане, ты, наверное, сможешь как-то отвлечь их. Если же нам не повезет и заявится стража... тогда придется либо разыгрывать святую невинность, либо удирать со всех ног.

И вот пожалуйста – шесть человек в горчично-желтых плащах и новеньком боевом снаряжении, с дубинками и зловеще бряцающими клинками неторопливо шагают откуда-то с юга. От храма Благих Вод их отделяет лишь несколько дюжин шагов. Так ли, иначе – они неминуемо пройдут мимо входа в заветный тупичок. Даже если Жук вовремя оповестит товарищей... положим, Кало успеет спрятать веревку, но Локки и Жеан все равно останутся вываленными в грязи, а близнецы по-прежнему будут одеты как балаганные бандиты, да еще и с маскировочными платками на лицах. Попробуй разыграть невинность в такой ситуации! Нет, им оста-

нется один выход (разумеется, при условии своевременного сигнала) – бежать со всех ног.

Еще никогда в жизни Жуку не приходилось соображать столь быстро. Мысли молниеносно проносились в голове – в такт ударам сердца, которое билось в груди так, будто кто-то внутри перелистывал толстую книгу.

Стоп. Он должен оставаться хладнокровным и внимательным. Он просто обязан найти выход! Что у него в запасе? Жук быстро окинул мысленным взором свои возможности.

Возможности его, прямо скажем, были плачевны. Двенадцатилетний мальчишка, скорчившийся на высоте двадцати футов в саду, разросшемся на крыше заброшенного храма. Никакого оружия дальнего действия, да и вообще никаких приспособлений для отвлечения публики. Дон Сальвара, должно быть, все еще воздает дань богам своей матери в храме Благих Вод. Единственные люди в поле зрения Жука – это его несчастные товарищи, Благородные Подонки, и разморенный жарой патруль, совершающий дневной обход.

Подождите, а это что?

Внизу, примерно в шести футах справа, возле стены, на которой он застыл, портила пейзаж большая куча мусора. Что-то вроде полусгнивших джутовых мешков с какой-то перепревшей дрянью.

Самым благоразумным в его положении было бы подать знак товарищам, чтобы те успели убежать. Кало и Гальдо не единожды приходилось играть в догонялки с «желтыми

куртками». Может быть, они просто перенесут свою затею на следующую неделю? Может быть... А может быть, сегодняшняя попытка так напугает начальство, что в последующие дни здесь будет вдвое больше патрулей. Поползут слухи, что в Храмовом районе стало не слишком спокойно. А еще может быть, что эти слухи насторожат капу Барсави – что за гастролеры на его территории? – и он направит сюда собственные команды. И тогда прощайте, богатства дона Сальвары...

Нет, к черту благоразумие. Жук просто обязан выиграть. И наличие мусорной кучи подвигло мальчика на самую большую и славную глупость в его жизни.

Не задумываясь ни на секунду, он прыгнул вниз – точнее, упал. Он падал на спину, раскинув руки и уставившись в знойную синь неба, падал с непоколебимой уверенностью двенадцатилетнего мальчишки, что смерть и увечье просто не могут иметь никакого отношения к нему, Жуку. В падении он закричал – тонко и отчаянно, но лишь для того, чтобы с гарантией привлечь внимание стражников.

В последний миг он почувствовал под собой огромную мрачную громаду земли. И в то же мгновение его взгляд уловил в небе какой-то темный силуэт, тенью промелькнувший над куполом храма Благих Вод. Прекрасный в своей обтекаемости, довольно массивный... Что это – птица? Может, чайка? Во всяком случае, в Каморре не водилось других птиц подобного размера. Однако чайки не движутся по траекто-

рии арбалетного болта и...

Вот уж отвлек так отвлек! Куча мусора несколько смягчила удар, но все равно эффект превзошел любые ожидания: воздух со свистом вылетел из груди, голова подпрыгнула, как мяч. Острый подбородок мальчишки с силой ударился в худую грудь, и в тот же миг рот наполнился солоноватым привкусом – Жук прокусил язык. Он снова закричал, на этот раз уже непроизвольно, и сплюнул кровью. Синее небо над головой накренилось сначала влево, затем вправо, словно мир пытался показать себя со всех сторон, дабы заслужить одобрение Жука. Попытка потерпела неудачу.

По булыжникам затопали тяжелые башмаки, заскрипела и забренчала военная амуниция. В промежутке между Жуком и небом нарисовалось немолодое, красное от натуги лицо с мокрыми от пота усами.

– Клянусь яйцами Переландро, это мальчишка! – в голосе стражника было удивление пополам с тревогой. – Какого хрена ты здесь делаешь, бездельник чертов? Повезло еще, что приземлился в это дерьмо!

Среди солдат, маячивших за его спиной, послышались одобрителльные возгласы: «желтые куртки» были согласны со своим товарищем. Жук ощущал запах мужского пота и масла для смазки оружия, смешавшийся со зловонием мусорной кучи у него под спиной. Что ж, когда ныряешь в груды чего-то черного на улице Каморра, глупо ожидать, что найдешь там леденцы и цукаты. Жук потряс головой – белые мухи, ле-

тавшие перед глазами, немного рассеялись. Затем он попробовал согнуть-разогнуть ноги, дабы убедиться, что ничего не сломано. Вроде все в порядке... Слава богам, не оставившим его своими заботами. Когда все закончится, Жук обязательно пересмотрит свое отношение к вере.

– Господин, – прохрипел мальчик, пуская кровавые пузыри – язык у него болел не на шутку. – Господин сержант...

– Ну? – Глаза у мужчины распахнулись еще шире. – Ты можешь двигать руками-ногами? Что ты чувствуешь?

Жук протянул к сержанту руку, которая дрожала почти подлинной дрожью, и вцепился в его плащ, будто хотел удержаться.

– Сержант, – продолжил он, выдержав секундную паузу, – что-то твой кошелек не слишком тяжелый. Наверное, погулял с девочками минувшей ночью?

И он потряс маленьким кожаным кошельком прямо перед носом У стражника. Воровская сторона его души (которая, прямо скажем, составляла большую ее часть) вспылала радостью при виде ошарашенного выражения в глазах «желтой куртки». На какой-то миг отступила даже боль от падения. Затем другая рука Жука взметнулась, словно под действием магии, и его «сиротский узелок» врезался прямо в лоб сержанту – аккуратно между бровей.

«Сиротский узелок», он же «маленькая красная записка», представлял собой утяжеленный мешочек – своего рода кистень, который городские сорванцы обычно носили под

одеждой, но ни в коем случае не на голом теле. Его традиционно набивали молотым жгучим перцем, смешанным с особыми веществами, которые можно найти на задворках алхимических лавок. Такую штучку трудно назвать серьезным оружием, но она незаменима в уличных драках против таких же подростков, как ты. Или против взрослых, которые распускают руки.

А также неплохо двинуть ею в ничем не защищенное лицо, находящееся на расстоянии плевка.

Опытный Жук успел откатиться влево, так что оказался в нескольких дюймах от облака мельчайшей рыжей пыли, вырвавшейся из его «зачапки». Сержанту повезло меньше: прямой удар оделил жгучей дрянью не только его нос, но и открытый рот, и широко распахнутые глаза. Он поперхнулся жалобным воем и, схватившись за греки, рухнул на своих товарищей. К этому моменту Жук был уже на ногах. Он вновь обрел способность двигаться с проворством и грацией, присущими его возрасту. Даже боль в прикушенном языке сделалась чем-то незначительным в свете необходимости срочно уносить ноги.

Теперь ему удалось всецело завладеть вниманием стражников. Летя по булыжной мостовой и со свистом вдыхая воздух, Жук слышал за спиной топот и крики. Душа его ликовала. Он отлично отыграл свою роль, сделав все, чтобы намеченное представление не сорвалось. Теперь настал черед других актеров. Пусть играют, пока он занимает полицей-

ских герцога физическими упражнениями.

Один из наиболее сообразительных солдат выхватил свисток и на бегу подал условный сигнал: три коротких трели, пауза, затем еще три – «Стража, на помощь!» Хреново... Теперь половина городского участка выбежит на улицу с оружием наизготовку. Так дело и до арбалетов дойдет. Жук понял, что должен уйти от погони до того, как «желтые куртки» поставят на крышах наблюдателей. Игра в догонялки резко перестала нравиться ему. У него есть минута, самое большее полторы, чтобы добежать до одного из своих тайников и укрыться там.

Неожиданно Жук снова ощутил, как сильно болит поврежденный язык.

6

Лоренцо Сальвара шагнул из-под портика храма в удушливую и сырую жару каморрского дня. Разумеется, он и понятия не имел о той кутерьме, которая происходила в районе благодаря стараниям чересчур умного мальчишка-вора. Поэтому он нерешительно замер, услышав отдаленные трели полицейских свистков, нарушившие полуденную тишину Храмового района. Еще больше Сальвара удивился, узрев одинокого носителя желтой куртки, который неуверенно,

словно слепой, брел в отдалении по улице. Споткнувшись на булыжной мостовой, стражник со всего маху налетел на стену и с испугом схватился за голову, будто опасаясь, что та сейчас сорвется с плеч и взмоет в небо.

– Нет, как вам это нравится, м'лорд? – подал голос Конте. Он уже успел вывести лошадей из маленькой храмовой конюшни, утопленной в каменной стене, и теперь поджидал хозяина. – Еще только полдень, а он уже надрался в доску. В этой новой страже все сплошь идиоты и пьяницы.

Будучи давно не молод, Конте тем не менее сохранял талию профессионального танцора и мышцы галерного гребца. Достаточно было одного взгляда на этого старого солдата, чтобы безошибочно определить, какие услуги оказывает он знатному молодому человеку, а пара длинных стилетов на поясе лишь подтверждала догадку.

– В твои времена было лучше, да? – усмехнулся Сальвара. Со своей стороны Лоренцо – черноволосый, с кожей темно-медового оттенка – являл собой образец классической каморрской красоты. Крупные и мягкие черты лица составляли странный контраст с изящной подтянутой фигурой. Лишь цепко прищуренные глаза цвета дымчатого топаза за модными очками без оправы выдавали, что перед вами отнюдь не скромный студент, переодетый аристократом – в них горел азарт лучника, ищущего достойную мишень.

– В мои дни мы, по крайней мере, не позорились на людях. – Конте передал поводья молодому хозяину и придер-

жал кобылу – серую, чуть повыше пони. Животное, хотя и не Кроткое, было отлично выучено – как раз то, что надо для неспешной прогулки по городским улицам.

Тем временем несчастный стражник скрылся за дальним углом – очевидно, побрел туда, откуда доносился истошный свист. Выждав еще какое-то время, Сальвара беспечно пожал плечами и направил лошадь на улицу.

Здесь их во второй раз за этот день поджидало необычайное зрелище. Едва завернув за угол храма, Лоренцо и его слуга наткнулись на узкий тупик, обнесенный высокими стенами. И то, что в нем творилось, сильно не понравилось молодому аристократу: пара головорезов собиралась прикончить двоих вполне приличных с виду торговцев.

Сальвара даже замер от удивления – убийцы в масках в Храмовом районе?! Один из них душил человека с пепельными волосами, одетого в плотный черный костюм. О милостивые Двенадцать, это вадранец! Чуть поодаль безразлично стояла тяжело нагруженная Кроткая лошадь.

После мгновенного замешательства Лоренцо бросил поводья и устремился в тупик. Даже не оглядываясь, он знал, что верный Конте следует за ним с ножами наизготовку.

– Эй, вы! – крикнул Сальвара уверенным тоном. – Сейчас же отпустите этих людей и стойте смирно!

Один из разбойников, тот, что поближе, вскинул голову. Глаза его над платком-маской расширились, когда он увидел приближавшихся Лоренцо и Конте. Он рывком поднял на

ноги свою жертву, загоротившись таким образом от неожиданного вмешательства.

– Нет нужды беспокоиться, господин, – произнес он. – У нас тут маленькое недоразумение. Просто выясняем отношения.

– Может быть, вы продолжите в каком-нибудь другом месте? В глазах разбойника мелькнуло отчаянное выражение.

– А что, герцог подарил вам эту аллею в личное владение? – возразил он. – Остановитесь! Если вы сделаете еще шаг, я сверну шею этому заморышу.

– Только попробуй. – Дон Сальвара угрожающе положил руку на круглый эфес своей рапиры. – Мы с моим слугой перекрываем единственный выход из тупика. Ты, конечно, можешь потешить свою душонку, убив этого несчастного, но в следующее же мгновение получишь три фута стали в горло.

Первый бандит начал потихоньку пятиться вглубь тупика, не выпуская из рук веревки, которой было обмотано горло еле живой жертвы. Та – путаясь в тяжелом кафтане, в двух шагах от обморока – неуклюже поползла за своим мучителем. Второй головорез отступил от распростертого тела, которое он только что безжалостно избивал, и обменялся со своим подельщиком быстрым многозначительным взглядом.

– Убедительно прошу не делать глупостей, друзья мои. – Сальвара наполовину вытащил рапиру из ножен. Прекрасная каморрская сталь зловеще блеснула на солнце. Конте, слегка согнув ноги в коленях, принял боевую стойку. Только идиот

не признал бы в нем прирожденного бойца, к тому же хорошо обученного.

Ни слова не говоря, бандит толкнул полузадушенную жертву прямо на аристократа со слугой. Пока бедный вадранец ловил ртом вожаденный воздух и цеплялся за своих спасителей, грабители рванули к стенке в дальнем конце тупика. Отодвинув в сторону трясущегося, ослабевшего купца, Конте бросился в погоню. Увы, разбойники оказались не только проворны, но и хитры – оставили на стене тонкую, едва заметную веревку, на которой с равными промежутками были завязаны узлы. В мгновение ока оба разбойника вскарабкались на высокую стену и скрылись за ней. Конте со своими стилетами опоздал на какую-то пару секунд – веревка, перерезанная на том конце, шлепнулась в грязь у его ног.

– Все правильно! Чего еще можно ждать при такой страже? Абсолютно бесполезные лентяи! – воскликнул он в сердцах и выверенным движением сунул оружие обратно за пояс. После этого он подошел к неподвижному телу, так и лежащему посреди тупика. Кроткая кобыла, казалось, следила за ним белесыми глазами, когда Конте наклонился и приложил два пальца к шее мужчины, проверяя пульс. – Пока насмерть перепившиеся стражники валяют дурака, выясняя, что произошло в проклятом Храмовом районе...

– Благодарение Сущностям! – прохрипел мужчина в черном, распутав наконец веревку на своей шее и швырнув ее наземь. Теперь дон Сальвара разглядел, что костюм его был

превосходного качества, невзирая на не подходящую к погоде тяжеловесность и жирную грязь, заляпавшую сукно. В нем чувствовался искусный крой, хороший пошив и отменный вкус в отделке – та изысканная сдержанность, что смотрится куда лучше крикливой яркости. – Благодарение Соли и Сладости! Слава Рукам-под-Водами, что эти презренные ублюдки напали на нас совсем рядом со средоточием силы, и священные течения привели вас на помощь!

Он говорил по-терински достаточно хорошо, невзирая на сильный акцент и хриплый после травмы голос. Одной рукой массируя поврежденное горло, он присел и принялся шарить другой по грязи, что-то разыскивая.

– Надеюсь, что смогу помочь вам еще раз, – произнес дон Сальвара на прекрасном вадранском. Он подобрал с земли очки в перламутровой оправе (замечательная конструкция и почти невесомы – великолепная, исключительно дорогая вещь!), протер их рукавом своего ярко-красного камзола и подал чужеземцу.

– О, так вы говорите по-вадрански! – перейдя на родной язык, мужчина в черном заговорил свободно и бегло – во всяком случае, на слух Сальвары. Он нацепил очки на нос и воззрился на своего спасителя. – Это истинное чудо! Я не смел даже надеяться на подобное...

Тут он заметил своего товарища и направился к нему на нетвердых ногах.

– Ох, Грауманн!

Конте кое-как сумел перевернуть поверженного толстяка, и теперь тот лежал на спине. Грудь его под мокрой и грязной рубашкой мерно вздымалась и опадала.

– С ним все в порядке, – сообщил Конте, проведя рукой по грудной клетке и животу пострадавшего. – Судя по всему, ничего не сломано, хотя в ближайшие несколько недель лицо вашего приятеля будет зеленое, как вода в пруду, а затем почернеет, как ночь. Уж поверьте, в этом я разбираюсь – не спутаю жидкое дерьмо с заварным кремом.

– Заварной крем? О да, конечно... – Изящный, хорошо одетый вадранец вздохнул с видимым облегчением. – Святые Сущности исключительно великодушны! Грауманн – мой секретарь и помощник, так сказать, надежная правая рука. Увы, он никуда не годный боец, да и я сам предпочту отступить, когда дело идет к схватке. Мне так неловко, что я беспокоил вас... – он снова перешел на теринский и обратился к дону Сальваре, глядя на него широко раскрытыми глазами: – Насколько я могу судить, вы из каморрской знати?

С этими словами он отвесил низкий поклон, едва не ткнувшись лбом в землю. Он проявил даже больше усердия, чем предписано этикетом иностранцу, приветствующему члена одного из Пяти семейств Благословенного Герцогства Каморр.

– Позвольте представиться, – продолжал он. – Лукас Фервит, служащий дома бел Аустеров из Эмберлинского кантона в Королевстве Семи Сущностей. Примите мою без-

мерную благодарность за ваш благородный поступок. Отныне и навечно я ваш должник. Повелевайте – я к вашим услугам.

– Меня зовут Лоренцо, дон Сальвара, а это мой слуга Конте. И позвольте заметить, что это мы полностью к вашим услугам. – Аристократ поклонился не менее любезно, одновременно протянув правую руку для пожатия. – Я в некотором роде чувствую себя обязанным оказывать гостеприимство иностранцам в Каморре. А то, что приключилось с вами, никак нельзя назвать гостеприимством. Помочь вам в таком положении было для меня делом чести.

Фервит сжал протянутую руку в запястье и с воодушевлением потряс ее. Сальвара ответил тем же. Пожатие Фервита было на удивление слабым, но Лоренцо снисходительно отнес это на счет пережитого испытания. Затем Фервит склонил чело и осторожно коснулся им тыльной стороны руки своего спасителя.

– И все же позволю себе возразить, благородный господин. С вами рядом вооруженный слуга, весьма умелый, судя по его виду. Вы вполне могли ограничиться тем, что послали бы его нам на помощь. Тем не менее вы сами изъявили готовность вступить в схватку. С того места, где я стоял, мне показалось, что, напротив, он бросился вслед за вами. Уверяю вас, хотя я и находился в затруднительном положении, но все прекрасно рассмотрел.

– Мне очень жаль, что разбойникам удалось сбежать, ма-

стер Фервит, – отмахнулся Лоренцо в ответ на его слова. – Таким образом, мы лишены возможности покарать их по заслугам. Опять-таки приношу за это извинения от имени Каморра.

Опустившись на колени перед своим товарищем, Фервит осторожно откинул с его лба волосы, слипшиеся от пота и грязи.

– Покарать? О чем вы говорите? Я счастлив остаться в живых. Боги и так благословили меня без меры, даровав спокойное путешествие и вашу помощь в этой неприятной ситуации, Я сохранил жизнь и могу заняться делом, ради которого прибыл сюда. Это главное. – Изящный вадранец снова вскинул глаза на своего собеседника. – Скажите, вы случайно не тот самый дон Сальвара, что владеет виноградниками Накоццы? А ваша жена – донья София, знаменитый алхимик в области ботаники?

– Вы не ошиблись, я имею удовольствие владеть этими землями. А вы... я не ослышался, вы действительно служите *ТОМУ САМОМУ* дому бел Аустеров? Вы ведете дела с...

– О да, я действительно служу тем самым бел Аустерам. Занимаюсь поставкой и транспортировкой вещества, которое вы имеете в виду. Забавно, очень забавно. Вот так шутка Святых Сущностей! Должно быть, Руки-под-Водами желают, чтобы я умер от удивления. Сколько совпадений – именно вы спасаете мне жизнь, далее, вы изъясняетесь по-вадрански, и в конце концов оказывается, что нас с вами связывают

общие деловые интересы. Просто невероятно!

– Я тоже нахожу сие удивительным и приятным совпадением. – Дон Сальвара окинул тупичок задумчивым взглядом. – Моя мать была уроженкой Вадрана, потому я владею этим языком, хотя и не столь хорошо, как хотел бы. А вы, очевидно, направлялись в храм? Веревка, которую оставили бандиты, говорит о заранее подготовленном нападении. Странно, обычно в Храмовом районе так же безопасно, как в личной библиотеке господина герцога.

– Мы прибыли только сегодня утром, – ответил Фервит. – Разместились в гостинице «Скромное жилище» – уверен, вы знаете ее – и сразу же направились сюда, чтобы вознести благодарность и скромные дары Сущностям за наше удачное путешествие из Эмберлина. Я не успел даже разглядеть, откуда появились эти люди... – он на миг задумался, затем продолжил: – Хотя, кажется, один из них действительно перекинул веревку после того, как сбил с ног бедного Грауманна. Проклятые разбойники проявили предусмотрительность, но даже им было не под силу предвидеть ваше внезапное вмешательство.

Сальвара что-то проворчал себе под нос и переключил внимание на пустоглазую Кроткую лошадь.

– Любопытно, вы всегда возите с собой груз, направляясь в храм с подношениями? Тюки так и ломаются от товаров. Неудивительно, что вы привлекли внимание местных разбойников.

– Вы правы, мой друг, такие вещи лучше хранить в гостинице под замком. Обычно я так и поступаю, но в данном случае... боюсь, я должен постоянно возить этот груз с собой. – Фервит задумчиво, как бы в нерешительности, поскреб подбородок. – Я и без того в неоплатном долгу перед вами, дон Лоренцо, поэтому мне неловко снова затруднять вас. Но это связано с моей миссией здесь, в Каморре. Скажите, возможно, вы знаете некого дона Джакобо?

Сальвара бросил на вадранца пристальный взгляд. Уголок рта у него дрогнул и слегка опустился.

– Да, – коротко уронил он и замолчал.

На несколько секунд воцарилась тишина.

– Этот дон Джакобо... говорят, он очень богат? Исключительно богат, даже для аристократа.

– Это правда.

– Говорят также, что он очень смел. Даже дерзок. Якобы он... как это у вас говорится, склонен к авантюрам. Не боится риска.

– Наверное, можно сказать о нем и так.

Фервит в волнении облизнул губы.

– Дон Лоренцо, это очень важно. Если все, что говорят про дона Джакобо, правда, то не могли бы вы, как один из каморрских аристократов, взять на себя труд помочь мне встретиться с ним? Мне очень совестно просить вас об этом, но еще страшнее провалить миссию, порученную мне домом бел Аустеров.

Дон Сальвара невесело усмехнулся и отвернулся к несчастному Грауманну, который по-прежнему неподвижно лежал в грязи посреди тупика. Конте поднялся на ноги и во все глаза смотрел на своего господина.

– Мастер Фервит, – произнес наконец молодой аристократ, – вам, скорее всего, неизвестно, что Палери Джакобо является моим злейшим врагом. Мы дважды вступали с ним в смертельную дуэль, и лишь высочайшее повеление герцога Никованте удерживает нас от возобновления этого поединка.

– Ох! – воскликнул Фервит, и на лице его появилось выражение человека, который только что уронил горящий факел в огромную бочку масла. – Как неловко! Какая непростительная глупость с моей стороны! Мне несколько раз приходилось бывать по Делам в Каморре, но поверьте, я и понятия не имел... Простите, я даже не думал оскорбить вас. Забудьте о моей просьбе, она невыполнима.

– Как сказать. – Тон Сальвары снова потеплел. Он в задумчивости побарабанил пальцами правой руки по эфесу рапиры. – Вы здесь по поручению дома бел Аустеров. К тому же с вами груз, который вы ни на минуту не можете оставить без внимания. Очевидно, у вас есть определенный план в отношении дона Джакобо, и вам необходимо встретиться с ним. Скажите честно... у меня создалось впечатление, что он ничего не знает ни о вашем прибытии, ни о тех надеждах, которые вы связываете с его личностью. Это так?

– Я... простите, но я боюсь излишне распространяться о своей миссии.

– Ваша миссия абсолютно ясна мне, – в голосе Лоренцо появились веселые нотки. – Разве вы не утверждали, что находитесь в неоплатном долгу передо мной, мастер Фервит? Припомните, я вас разубеждал, но вы настаивали. Или теперь вы решили отступить от своих слов?

– Я... при всем моем желании... проклятье! – Фервит покачал головой. – Мне так стыдно, дон Лоренцо. Сейчас я стою перед нелегким выбором: либо огорчить человека, спасшего мою жизнь, либо нарушить обещание хранить тайну, данное дому бел Аустеров.

– Совсе не обязательно, – возразил Лоренцо. – Я помогу вам справиться с вашей задачей. Вы все еще не понимаете? Раз дон Джакобо не осведомлен о вашем приезде, значит, у вас нет никаких обязательств перед ним. Ясно, что вы здесь по делу. У вас есть определенный план, схема... вы уполномочены сделать некое предложение. Очевидно, вы намереваетесь начать новое дело, иначе у вас уже имелись бы налаженные связи. Не сердитесь, мастер Фервит, но все это совершенно логично. Разве не так?

Вадранец нехотя кивнул, глядя себе под ноги.

– Отлично! Идем дальше. Хотя я и не столь богат, как дон Джакобо, но все же обладаю определенным состоянием. К тому же наши с вами деловые интересы некоторым образом пересекаются, не правда ли? Приходите со своим предложе-

нием ко *мне*... Скажем, завтра на мою яхту на Речных Игрищах. Мы все подробно обговорим. – В глазах дона Сальвары загорелись огоньки, различимые даже на ярком полуденном солнце. – Раз вы считаете себя моим должником, оплатите мне своим доверием. Просто навестите меня. Никаких обязательств, всего лишь обсудим возможность взаимной выгоды. Разве вы не понимаете, что я не могу не воспользоваться случаем лишиться своего врага удачной сделки, даже если он никогда об этом не узнает? Особенно если он никогда об этом не узнает – тогда он не станет на вас гневаться, не правда ли? Или, может быть, я недостаточно смел на ваш взгляд? В чем дело? У вас лицо вытянулось, будто заколдованное.

– Это не из-за вас, дон Лоренцо. Просто Руки-под-Водами вновь выказали мне свое безмерное благоволие. А у нас, вадранцев, есть присловье: незаслуженное благо таит в себе опасность.

– Не стоит беспокоиться, мастер Фервит. Если у вас действительно имеется какое-то предложение, можете не сомневаться, что нам предстоит тяжелая работа и масса проблем. Так вы согласны пообедать со мной завтра утром? Мы посидим на Речных Игрищах и все как следует обсудим.

Фервит судорожно сглотнул, посмотрел в глаза каморрскому аристократу и решительно кивнул.

– То, что вы говорите, выглядит разумным. Наверное, это счастливая возможность для нас обоих. Считайте, что ваше приглашение принято. Я приду завтра и все вам расскажу. С

нетерпением буду ждать нашей встречи.

– Было очень приятно познакомиться с вами, мастер Фервит. – Дон Сальвара вежливо склонил голову. – Я бы даже сказал, чрезвычайно приятно. Позвольте проводить вас до гостиницы. Хотелось бы убедиться, что с вами больше не произойдет ничего неприятного.

– Буду чрезвычайно благодарен, если только вы согласитесь немного задержаться. Не присмотрите ли за бедным Грауманном и моим грузом, пока я все-таки схожу в храм? – Локки вытащил из поклажи, навьюченной на спину лошади, небольшой кожаный мешочек. – Мне надлежит сделать более щедрое подношение, чем я рассчитывал изначально. Но полагаю, мои хозяева понимают, что в нашем деле нельзя экономить на благодарности.

7

Обратное путешествие в «Скромное жилище» заняло много времени. Неудивительно – пошатывающийся и путающийся в ногах Жеан являл собой жалкое зрелище. Если вид одетых не по погоде и с ног до головы заляпанных грязью иностранцев в сопровождении уважаемого аристократа и трех лошадей и вызывал у горожан удивление, то виду они не подавали. Самое большее, на что они решались, – украд-

кой бросить взгляд в спину дону Сальваре.

По пути они пересеклись с Кало в одежде простого рабочего. Он успел подать незаметный знак: «Жук исчез бесследно, будем ждать его в условленном месте и молиться богам».

– Лукас! Не может быть! Лукас Фервит собственной персоной!

Не успел Кало раствориться в толпе, как на смену ему появился брат-близнец. Теперь на Гальдо были яркие шелка и батист процветающего каморрского купца; один его камзол с разрезами на присборенных рукавах стоил как целая баржа – к примеру, та, на которой они плыли сегодня утром. Сейчас – без маски, с волосами, убранными под маленькую круглую шапочку – он выглядел вполне преуспевающим горожанином, ничем не напоминая разбойника, с которым дон Сальвара столкнулся в злополучном тупике. Поигрывая легкой лакированной тросточкой, Гальдо шел навстречу живописной компании дона Лоренцо и широко улыбался.

– Ты ли это, Эванте? – Локки-Фервит застыл на месте, как вкопанный, с удивлением глядя на приближавшегося мужчину. – Какая приятная неожиданность!

– Еще бы, Лукас, еще бы... Но что с тобой стряслось? И ты, и Грауманн выглядите так, будто вас только что изрядно поколотили.

– Так оно и было. – Локки посмотрел себе под ноги и усиленно потер глаза. – Ты даже не представляешь, Эванте, что за дурацкое утро сегодня выдалось! Мы с Грау вполне мог-

ли бы проститься с жизнью, если бы не наш славный провожатый! – Приобняв приятеля за плечи, он указал ему на донна Лоренцо. – М'лорд Сальвара, позвольте представить вам Эванте Эккари, адвоката из округа Радзона. Эванте, это дон Лоренцо Сальвара, владетель виноградников Накоццы... если ты по-прежнему интересуешься земельной собственностью.

– Благословенные Двенадцать! – Сдернув с головы шапочку, Гальдо низко поклонился аристократу. – Как же я сразу не узнал вас, м'лорд! Тысяча извинений. Эванте Эккари к вашим услугам.

– Очень приятно, мастер Эккари. – Дон Сальвара учтиво, но довольно сдержанно поклонился, затем, пресекая дальнейшие расшаркивания, шагнул вперед и пожал руку новому знакомому. – Значит, вы знакомы с мастером Фервитом?

– О, мы с Лукасом давние приятели, м'лорд. – Стараясь не поворачиваться спиной к дону Сальваре, мнимый адвокат суетливо отряхнул присохшую грязь с черного кафтана Локки. – Я работаю у Мераджио. В основном занимаюсь таможенными пошлинами и лицензиями для наших северных коллег. А Лукас – один из самых выдающихся представителей дома бел Аустеров.

– Ты меня перехваливаешь. – Локки застенчиво улыбнулся. – Эванте прорабатывает все наиболее важные законы и постановления вашего государства, а затем еще и излагает их на внятном теринском. В мои прошлые приезды он стал

для меня сущим спасением. Должно быть, у меня дар находить неприятности здесь, в Каморре. Но с другой стороны – и дар находить друзей среди добрых каморрцев, которые помогают выпутываться из этих неприятностей.

– Думаю, Лукас, что немногие клиенты отзываются обо мне столь великодушно. Но все-таки объясни, что означает эта грязь и синяки? Я так понял, что ты с кем-то сцепился.

– Да, в вашем городе водятся очень предприимчивые грабители. Дон Сальвара и его слуга только что отогнали от меня двоих таких молодцов. Боюсь, что без них нам с Грауманном пришлось бы туго.

Гальдо шагнул к Жеану и сочувственно похлопал его по спине. Тот весьма правдоподобно содрогнулся. Да что там правдоподобно – это был настоящий театр!

– Двенадцать Богов! Я преклоняюсь перед вами, дон Сальвара! Поверьте, Лукас замечательный человек, как говорится, высшей пробы, даром что ходит летом в дурацком зимнем костюме. Я глубоко благодарен вам за то, что вы сделали для него, и я...

– Довольно, господин, довольно. – Сальвара предупреждая вскинул ладонь, держа другую руку на поясе. – Я сделал то, что диктовали обстоятельства, не более того. И, пожалуй, на сегодня с меня достаточно изъявлений благодарности.

Тем не менее дон Лоренцо и мастер Эккари еще некоторое время обменивались любезностями. В итоге Гальдо на-

стоял на своем праве в предельно вежливой форме объявить: «Спасибо, а теперь иди на хрен».

– Ладно. – Он поклонился. – Все это, конечно, удивительно, но боюсь, меня ждут клиенты. У вас, м'лорд Сальвара, тоже явно дела с Лукасом. Так что не буду мешать. С вашего позволения...

– Конечно, конечно. Рад был познакомиться, мастер Эккари.

– Аналогично, м'лорд. Лукас, если выдастся свободная минутка, ты знаешь, где меня найти. И если возникнет необходимость в моих скромных способностях, то я с радостью...

– Естественно, Эванте. – Локки обеими руками стиснул ладонь собеседника и с воодушевлением пожал ее. – Подозреваю, что нам понадобится твоя помощь, причем скорее рано, чем поздно.

Он провел пальцем по левому крылу носа. Гальдо кивнул. Затем последовал общий обмен поклонами и рукопожатиями. Уже покидая компанию, Гальдо просигналил, просто поправляя шапочку на голове: «Я ничего не знаю о Жуке; собираюсь пошарить по городу».

Несколько секунд дон Сальвара смотрел ему вслед, затем вновь обернулся к Локки.

Компания продолжила свой путь к «Скромному жилищу». По дороге разговаривали мало – Локки после ухода «своего приятеля Эккари» как-то сник, а вскоре и вовсе замолчал, сославшись на головную боль, которую отнесли на

счет попытки удушения. Дон Сальвара и его слуга покинули двух Благородных Подонков в апельсиновой аллее перед гостиницей. На прощание они посоветовали вадранцам как следует отдохнуть ночью, а все заботы отложить до утра.

Снова оказавшись в номере (разумеется, мешки с «товарами» опять пришлось затаскивать бедняге Жеану), Локки и его друг тут же сменили перепачканные вадранские наряды на чистую одежду каморрского простонародья и поспешили в условленное место в надежде получить какие-то известия о Жуке – если, конечно, они появятся.

На сей раз никто из них не заметил быстрой черной тени, которая перепархивала с крыши на крышу, следуя за ними по пятам.

8

Лжесвет угасал. В воздухе стоял запах туманных болотных испарений, которые приносил Ветер Палача. Отсыревшая одежда противно липла к телу, табачный дым застаивался в воздухе, окутав Кало и Гальдо легким сизоватым облачком. Оба близнеца сидели, надвинув капюшоны, в арочном проеме одного из ломбардов на севере Старокрепостного района. Лавка была уже заперта на ночь, на окнах – надежные ставни, а владелец со всей семьей, должно быть, ве-

село пировал у себя в гостиной двумя этажами выше.

– По-моему, все прошло неплохо, – заметил Кало.

– И не говори. Первоклассное мошенничество, – откликнулся Гальдо.

– Я бы сказал, что это наше лучшее выступление. Хотя возни, конечно, было с этими переодеваниями, зато выглядели мы настоящими красавчиками.

– Честно говоря, не рассчитывал, что мне тоже придется наряжаться.

– А почему бы и нет? Ты ничем не хуже меня на морду. Если тебе чего и не хватает, так это моих знаний. А также бесстрашия и дара очаровывать женщин.

– Если имеется в виду та легкость, с которой ты швыряешь деньги шлюхам, тогда ты, безусловно, прав. Ты у нас вообще лакомый кусочек для каморрских потаскушек, не так ли?

– Не слишком-то ласково ты отзываешься о собственном брате, – обиделся Кало.

– Прости...

Еще с минуту близнецы курили молча.

– Что-то сегодня вечером чересчур шумно. Из-за этого маленького гаденыша у меня все в животе свело. Видел, что творится?

– Да, пеших патрулей сверх меры. Все на ушах стоят. Шум, свист... Хотел бы я знать, что такого он учудил и зачем это сделал.

– Наверное, у него были на то причины. В конце концов,

мальчишка внес свой вклад в наше сегодняшнее действо. Без него оно бы вообще накрылось. Надеюсь, с ним все в порядке – а то не из кого будет выбивать дерьмо за весь этот переполох.

Редкие прохожие проплывали мимо темными контурами в тумане. На островке Старой Крепости находилось совсем мало Древнего стекла, потому освещение в этот час Лжесвета было слабым. Вскоре откуда-то с юга донеслось цоканье копыт. Братья прислушались: вроде бы звук приближался.

Тем временем Локки рыскал в районе Дворца Терпения. Он внимательно рассматривал все патрули, проходящие по Черному мосту, дабы убедиться, что они не ведут с собой хундьянского двенадцатилетнего пленника. Или не тащат похожее тело. Что касается Жеана, то он дежурил в другой контрольной точке, расхаживая туда-сюда и нетерпеливо хрустя суставами. Разумеется, Жук никогда не позволил бы себе заявиться прямо в храм Переландро или появиться возле «Скромного жилища». Старшие товарищи должны были дожидаться его в условных местах. Вот они и ждали...

Теперь уже стал слышен перестук деревянных колес по мостовой и недовольное ржание лошади. Едва различимая в тумане телега остановилась в двадцати шагах от братьев Санца.

– Авендандо? – громко спросил незнакомый голос.

Кало и Гальдо как по команде вскочили на ноги. Имя Авендандо было условным сигналом, который обозначал

незапланированную встречу.

– Я здесь! – закричал Кало, отбросив недокуренную сигарету и позабыв ее раздавить.

Из тумана показался лысый бородатый мужчина с натруженными руками. Впрочем, судя по его брюху, этот трудяга отнюдь не голодал.

– Уж не знаю, в чем там дело, – заговорил он, – но только мне сказали, что если я доставлю сюда эту бочку, то некий Авендандо выдаст мне десять солонов.

И он ткнул большим пальцем себе за плечо, на темневшую телегу.

– Да-да, бочка... ясное дело... – бормотал Гальдо, лихорадочно нашаривая кошелек. Сердце у него учащенно билось. – Э-э... а что в бочке-то?

– Да уж не вино, точно, – прогудел незнакомец. – И не вежливый смышленный паренек... Но десять серебряных он мне точно обещал.

– Само собой. – Гальдо поспешно отсчитывал монеты и шлепал их на открытую ладонь рабочего. – Десять за бочку и еще одну за то, чтобы вы поскорее обо всем забыли. Годится?

– Проклятье, да у меня память, как прохудившийся котелок! Я даже не помню, за что вы мне платите.

– Вот и отлично, – Гальдо сунул кошелек обратно под плащ и поспешил к брату, который, взгромоздившись на телегу, разглядывал средних размеров деревянную бочку. Затычка, которая обычно торчала в ее верхней части, сейчас

отсутствовала, а на ее месте темнело небольшое отверстие. Кало трижды стукнул по бочке и услышал тихое постукивание в ответ. На лицах братьев Санца расцвели улыбки. Они вдвоем не без усилия сняли бочку и кивнули рабочему на прощанье. Тот, не мешкая, залез в свою телегу и удалился. Некоторое время из темноты еще доносился его веселый свист. Сумма, в двадцать раз превосходящая стоимость пустой бочки, несомненно, грела ему карман.

– Так, – проговорил Кало, когда они благополучно вкатили бочку в убежище под дверной аркой. – Боюсь, что это вино еще слишком молодое для разлива.

– Может, положим бочку в подвал лет на пятьдесят-шестьдесят? – подмигнул ему Гальдо.

– Думаю, лучше просто утопить ее в реке.

– Да? – Гальдо постучал по бочке. – А чем это река заслужила такую честь?

Изнутри донесся какой-то невнятный шум, который можно было расценить как несогласие с их предложениями. Оба брата склонились к дыре в бочке.

– Уверен, Жук, что ты сможешь объяснить нам, какого черта делаешь в этой бочке, – начал Кало. – И почему, хрен тебе в душу, мы должны полночи мерзнуть на ветру и беспокоиться о тебе?

– Еще как объясню, – голос Жука гулко отдавался в бочке. – Уверен, вам понравится мое объяснение. Но прежде расскажите, как все прошло.

– Это был исключительно красивый спектакль, – ответил Гальдо.

– Пройдет три недели и мы заполучим все состояние уважаемого дона вплоть до исподнего его милой женушки, – добавил Кало.

В ответ раздался вздох облегчения.

– Здорово! А со мной не случилось ничего особенного – просто объявилась целая куча «желтых курток», и все они двигались прямо в вашу сторону. Пришлось их как следует *ОТВЛЕЧЬ*. После чего я побежал к одному знакомому бондарю в Старой Крепости. Он обслуживает некоторые лавки выше по течению, так что у него там целый склад винных бочек. Я пораскинул мозгами да и пригласил сам себя запрыгнуть в одну из них. А ему объяснил, что если он позволит посидеть в ней, а потом, сразу после Лжесвета, доставит меня сюда, то получит восемь солонов.

– Восемь? – Кало поскреб подбородок. – Этот паршивец запросил десять, а получил одиннадцать.

– Ничего, не жалей. – Изнутри донесся смех, более похожий на кашель. – Мне было так скучно сидеть в этой бочке, что я решил развлечься – стянул у него кошелек. Взял около двух солонов медью. Так что, считай, лишние монеты мы вернули.

– А я-то собирался посочувствовать бедному мальчику, который полдня просидел в тесноте, – с издевкой произнес Гальдо. – Но теперь вместо этого скажу – ты сделал большую

глупость, парень.

– Да ладно тебе! – обиженно протянул Жук. – Он ведь думает, что я все время провел в бочке. Ему и в голову не придет меня подозревать. А что до тебя, так ты только что отвалил ему целую кучу денег. Уж кого-кого, но тебя он точно подозревать не станет. По-моему, все просто великолепно! Локки оценил бы по достоинству.

– Жук! – наставительно произнес Кало. – Локки наш брат, и мы его безгранично любим. Но запомни: если в теринском языке существует невозможная фраза, то она звучит именно так: «Локки оценил бы по достоинству».

– А поспорить с ней может лишь «Я научил Локки новому трюку», – добавил Гальдо.

– Единственный человек, которому игры Локки Ламоры сходят с рук...

– ...Это сам Локки.

– А знаешь, почему? Потому что, по нашему мнению, Боги приберегают его для по-настоящему великой смерти. Что-нибудь с ножами и раскаленным железом...

– ...И многотысячной толпой благодарных зрителей, – хором закончили оба брата.

– Так или иначе, я это сделал и улизнул, – пробормотал Жук. – Может, теперь мы отправимся домой?

– Домой? – задумчиво переспросил Кало. – Почему бы и нет? Локки с Жеаном будут рыдать от умиления, когда узнают, что ты жив. Поэтому не будем испытывать их терпение.

– Пожалуй, тебе не стоит вылезать. Наверняка ноги у тебя затекли и не ходят, – подал голос Гальдо.

– Так и есть! – проскрипел мальчишка. – Но я не хочу, чтобы вы тащили меня всю дорогу...

– Ты прав, дружище Жук! Прав, как никогда.

Гальдо занял позицию с одной стороны бочки и кивнул брату. Присвистнув в унисон, они поднатужились и столкнули бочку с места. Они катили ее по мощеной мостовой, направляясь в Храмовый район... и никто не стал бы утверждать, что братья выбирали самый короткий или ровный путь.

Интерлюдия. Объяснения Локки

– Это был несчастный случай, – наконец произнес Локки. – То, что случилось с ними обоими.

– Прошу прощения, я, должно быть, не расслышал. – Отец Цепп прищурился в неярком свете крошечной керамической лампы, которую держал мальчик. – Мне показалось – я даже могу в этом поклясться, – будто ты только что сказал: «Сбросьте меня через перила. Я маленький бесполезный поганец и готов умереть прямо сейчас».

По желанию священника беседа продолжилась на крыше храма. Они удобно расположились возле увитого растениями невысокого парапета. Эти запущенные, бурно разросшиеся висячие сады Дома Переландро вносили мелкий, но весьма важный штрих в трагический портрет Безглазого Священника. Дополнительный элемент декорации, помогающий привлекать сочувствие, а значит, и денежки публики.

Небо над головой было затянуто облаками, которые слабо отсвечивали благодаря отраженным огням ночного Каморра и почти затмевали свет лун и звезд. Ветер Палача потихоньку набирал силу, разгоняя сырой влажный воздух вокруг отца Цеппа и мальчика, который давал ему объяснения.

– Нет! Я хотел наказать его, сделать ему больно. Только и всего! Я же не знал... понятия не имел, что все так выйдет!

– Положим, я тебе верю. Почти верю. – Цепп постучал

указательным пальцем правой руки по открытой ладони левой. На языке каморрских деловых людей этот жест означал: «Поехали дальше». – Продолжай в том же духе. Видишь ли, мальчик, это самое «почти» является большой проблемой. В твоих же интересах, чтобы я в ней разобрался. Поэтому рассказывай внятно и подробно. Как звали первого паренька?

– Веслин, – прошептал Локки. – С ним был еще Грегор... но все началось с Веслина.

– Точно, Веслин, – кивнул священник. – У бедняги ни с того ни с сего образовалась огромная дыра в горле, и проделал ее ни кто иной, как ваш старый Учитель. Ему пришлось сходить к капе и купить один из его очаровательных акульих зубов. А затем *использовать* его. Очень хотелось бы знать, что его на это толкнуло.

– Дело в том, что некоторые старшие мальчики и девочки у нас на холме перестали выходить в город для работы. – Локки уставился на переплетенные пальцы рук, словно те могли подсказать ему правильный ответ. – Они попросту отнимали у нас то, что мы приносим каждый день, вытряхивали нашу добычу и передавали хозяину. А кое-что оставляли себе.

– Все правильно, – хмыкнул Цепп. – Привилегия более сильных, более взрослых и более искушенных в лизании задницы начальства. Обычное дело... Если ты сумеешь пережить сегодняшнюю беседу, мальчик, то узнаешь, что подобные порядки царят в большинстве банд. В большинстве!

– И там был один парень по имени Веслин. Ему показалось мало этого. Он постоянно бил и пинал нас, отнимал нашу одежду, заставлял работать на себя. Передавая хозяину нашу добычу, он не раз обманывал его, а сам дарил наши вещи старшим девчонкам из «форточниц». В результате все «уличные», особенно «живцы», получали меньше еды. – Теперь Локки расплел пальцы, и его маленькие руки непроизвольно сжались в кулачки. – Мы пытались жаловаться хозяину. Но он только смеялся, будто все это знал и, более того, находил очень забавным! А Веслин... Веслин после наших жалоб становился еще злее.

Цепп кивнул и повторил свой жест: давай, продолжай.

– Я думал об этом. Очень много размышлял. Мы все были слишком маленькие, чтобы померяться с ним силами, и к тому же не имели друзей среди старших ребят на холме. Я думал – может, наброситься на него всем скопом... но ведь сразу прибежали бы его приятели. Каждый день Веслин выходил в город с кем-нибудь из них. Мы видели их, пока работали. Они не вмешивались в наши дела, просто наблюдали, понимаете? А Веслин потом говорил...

Его хмурое, насупленное лицо могло бы показаться комичным, не будь оно таким грязным, осунувшимся и с такими голодными глазами. Сейчас мордашка Локки напоминала настенное изображение горгульи, изготовившейся к прыжку.

– Он по-всякому оговаривал нас, когда мы возвращались

домой. Говорил, что мы ленивые, неуклюжие... мало работаем... И чем дальше, тем больше он нас высмеивал и обижал – толкал, бил, обкрадывал. Я все время думал об этом и не мог придумать, что же делать...

– А затем возникла идея, – подсказал Цепп. – Роковая идея. Неужели ты сам это придумал?

– Да! – Мальчишка энергично закивал. – Именно так все и случилось. Я был совсем один, когда мне в голову пришла замечательная мысль. Я смотрел на «желтых курток» из патруля и думал... думал об их дубинках и кинжалах. Я мечтал – вот бы *ОНИ* побили Веслина, вот бы им что-то в нем не понравилось... – Локки судорожно перевел дыхание и продолжал: – Сколько я ни размышлял, мне не удавалось придумать, как это можно устроить. А потом мои мысли пошли в другую сторону. Пусть «желтые куртки» ничего не имеют против Веслина. Но может быть, их удастся использовать, чтобы на него рассердился наш хозяин?

Цепп кивнул с пониманием.

– И где ты взял монету из белого золота?

– В городе. – Локки вздохнул. – Все мы, кто держал обиду на Веслина, воровали больше, чем надо. Мы внимательно наблюдали, хватали то, что плохо лежит, и очень-очень старались. У нас ушли недели. Теперь мне кажется, что это была целая вечность! Я во что бы то ни стало хотел добыть монету из белого золота и наконец украл ее у одного толстяка, одетого во все черное. В черную шерсть. Кафтан чуть не

до колен и галстук из трех сборок.

– Вадранец, – задумчиво произнес Цепп. – Наверняка приехал в Каморр по торговым делам. С ними так часто: сначала слишком заносчив, чтобы переодеться по погоде, а затем уже не хватает денег на местного портного. Итак, ты раздобыл монету из белого золота – целую крону.

– Да. Каждому хотелось посмотреть. Я показывал, но предупреждал, чтобы молчали. Со всех своих товарищей я взял обещание не болтать и сказал, что это поможет нам поквитаться с Веслином.

– И что ты сделал с монетой?

– Положил в маленький кожаный кошелек – мы постоянно срезали такие у клиентов – и спрятал в городе, чтоб никто не мог отнять. В надежное место, о котором не знал никто, кроме нас самих. И однажды, убедившись, что Веслин со своими приятелями развлекается в городе, я достал монету и пораньше вернулся на холм. Пришлось дать хлеба и медяков старшим девчонкам, которые стояли на входе. Монета лежала у меня в башмаке. – Локки умолк и повертел в руках свою маленькую лампу, от чего по лицу его прошла красноватая тень. – Я оставил ее в комнате Веслина, ну, в той, где спали они с Грегором. Она была в отличном сухом склепе, в самом центре холма. Я отыскал шатающийся камень и спрятал монету под ним. А затем, когда был уверен, что никто меня не видит, попросил хозяина о разговоре. И рассказал ему, будто один из нас видел Веслина в местах, где

обычно отираются «желтые куртки»... посты там, укрепления... Якобы он получил монету у них, а потом показывал ее нам и грозил, что если мы расскажем хозяину, он выдаст нас патрульным.

– Любопытно!.. – Цепп в задумчивости поскреб в бороде. – Ты, кстати, не замечал, что когда начинаешь рассказывать, как провел кого-нибудь, то перестаешь мямлить и заикаться?

Мальчик удивленно моргнул, затем, вскинув подбородок, вызывающе уставился на священника. Тот засмеялся.

– Не обращай внимания, сынок. Это я не к тому, чтобы ты заткнулся. Продолжай свой рассказ. Откуда ты узнал, что ваш хозяин рассердится? «Желтые куртки» когда-нибудь раньше предлагали деньги тебе или твоим друзьям?

– Нет, – ответил Локки. – Но зато я знал, что им дает деньги наш хозяин – за сведения, за какие-то услуги. Мы видели, как он иногда раскладывает монеты по кошелькам. Вот я и подумал, что смогу повернуть дело по-своему.

– А-а.

Цепп порылся в складках своей рясы и извлек плоский футляр, в красноватом свете лампы имевший цвет обожженного кирпича. Вытащив из него кусок бумаги, священник насыпал на нее темного порошка, который хранился в другом углу футляра, после чего умело свернул бумажку в плотный цилиндр и поджег его от лампы Локки. Вскоре он уже пускал дымные кольца в серые туманные небеса. Запах стоял,

как от горящей сосновой смолы.

– Извини, – произнес Цепп, отодвигаясь, чтобы дым не попадал на мальчика. – Я позволяю себе всего две сигаретки за вечер – одну, с жесткой набивкой, перед ужином и еще одну, помягче, после него. От этого жизнь кажется немного приятнее.

– Так я останусь на ужин?

– Ха! Только посмотрите на этого маленького нахала! Скажем так – ситуация остается под вопросом. Итак, ты намекнул хозяину, что Веслин работает осведомителем в одном из полицейских участков Каморра. А дальше он, должно быть, сам смекнул, что к чему.

– Он пообещал убить меня, если выяснится, что я вру. – Мальчик сдвинулся на край скамейки, еще дальше от дыма. – Но я рассказал, что Веслин прячет монету в их с Грегором комнате, и Учитель все там перерыл. Я очень хорошо спрятал монету, но он в конце концов нашел ее. Как и предполагалось...

– Хм... Что же, по твоему плану, должно было случиться потом?

– Я не знал, что их убьют! – выкрикнул мальчик. В его тонком голоске Цепп не уловил ни малейшего сожаления – скорее неподдельное удивление и обиду. – Я хотел, чтобы хозяин наказал Веслина... Думал, он его отделает при всех... Знаете, мы, как правило, ели все вместе, а провинившиеся должны были развлекать обедающих, прислуживать им, да

потом еще все мыть и убирать... Или побьет его как следует. Или заставит пить имбирное масло... Что-нибудь в этом роде. Может, даже все сразу...

– Понятно. – Глядя мимо мальчишки, Цепп глубоко затянулся дымом, словно это помогало ему вникнуть в ситуацию, затем выдохнул серию мелких колечек, которые поплыли в воздухе, постепенно растворяясь в вечернем полумраке. Наконец священник снова повернулся к Локки.

– Ты получил хороший урок, не так ли? Теперь ты знаешь, чем оборачиваются наши добрые намерения. Значит, ты все рассчитал: избитый, униженный враг... Э-хе-хе! Бедный Веслин получил все сразу и полной мерой. И как же твой старый хозяин это проделал?

– Он ушел куда-то на несколько часов, а затем вернулся и стал ждать. Когда в тот вечер Веслин с Грегором пришли к себе, там уже толпились старшие ребята, так что те не могли никуда сбежать. А затем... хозяин просто убил их. Обоих. Перерезал Веслину глотку и... Те, кто там был, потом рассказывали: Учитель посмотрел на Грегора – долго смотрел и ничего не говорил. А затем... – Мальчик повторил двумя пальцами тот жест вдоль горла, который раньше показал ему Цепп. – Прикончил и Грегора тоже.

– Еще бы не прикончить! Бедняга Грегор! Грегор Фосс... кажется, так его звали? Один из тех счастливых, которые попали на Холм достаточно большими, чтобы помнить свое полное имя – в отличие от тебя. Естественно, старый хозяин

прикончил и его тоже. Ведь они с Веслином были – водой не разлить, не так ли? Нетрудно догадаться – если один прячет под камнем богатство, то другой наверняка об этом знает – Цепп вздохнул. – Все просто, как кочерыжка. А теперь, когда ты закончил, позволь объяснить тебе, какую невероятную гадость ты сделал всем вокруг. И заодно уточнить, по какой причине всем твоим маленьким друзьям – тем самым, что помогли тебе достать монету из белого золота – было не суждено дожить до рассвета!

Глава 2. Вторая встреча на Зубастом Шоу

1

День Бездельника, одиннадцатый час утра, Речные Игрища. Снова сверкающим алмазом взошло губительно-яркое солнце и принялось изливать свой яростный жар с пустынных небес. Локки, вновь облаченный в костюм и манеры Лукаса Фервита, стоял под шелковым навесом на яхте дона Сальвары и смотрел, как народ собирается на Игрища. Сегодня на нем был другой кафтан – очень похожий на первый, но с более вычурными манжетами и вместо аппликаций украшенный тонкой серебряной вышивкой.

По соседству с яхтой на открытой площадке баржи расположился аттракцион «танцующие веревки». Четверо артистов стояли по углам невидимого квадрата на расстоянии примерно пятнадцати футов друг от друга, а между ними была протянута ярко окрашенная шелковая веревка – она обвивала их руки, шеи, торсы, образуя своеобразную «кошачью колыбель». Казалось, что каждый из участников держит по пять-шесть нитей одновременно. В этой паутине хитрым об-

разом, благодаря искусным пересечениям и точно выверенным изгибам, висели шпаги, ножи, плащи, сапоги, стеклянные статуэтки и блестящие безделушки. Вся эта коллекция находилась в медленном, но непрерывном движении – благодаря плавным, почти незаметным телодвижениям артистов одни пересечения расходились, но тут же появлялись новые, которые и перехватывали готовые упасть предметы.

Великолепное зрелище, но далеко не единственное, достойное внимания на этой реке чудес. Тут было на что посмотреть – хотя бы на суда самих посетителей, среди которых выделялась яхта дона и доны Сальвара. Многие из местных аристократов украшали свои плавучие дома отдельными растениями, но Сальвара решили пойти дальше – вся их яхта представляла собой сад в миниатюре. Поверхность судна – примерно пятьдесят шагов в длину и двадцать в ширину – была покрыта толстым слоем плодородной почвы, достаточным, чтобы на нем укоренилась дюжина дубов и множество олив. Все стволы были безукоризненно черны, а шелестящие кроны деревьев радовали глаз изумительно-зеленой, прямо-таки изумрудной листвой – убедительное свидетельство применения алхимической ботаники.

Вокруг нескольких таких деревьев обвивалась винтовая лестница, по которой можно было подняться в заросшую растениями беседку под шелковым навесом, откуда открывался замечательный вид на все пространство Речных Игрищ. С каждой стороны яхты – по сути, являвшейся до-

вольно тяжелым основанием плавучего сада – крепились для устойчивости особые брусья, на которых сидело по двадцать наемных гребцов; именно их труд поддерживал судно на плаву.

В означенной беседке без труда могли поместиться двадцать человек, но сейчас здесь находились лишь хозяева, Локки с Жеаном и вездесущий Конте, который сейчас занимался напитками в специальном баре, столь сложно обустроенном, что его вполне можно было принять за лабораторию аптекаря. Локки наблюдал за «веревочными танцорами», странным образом ощущая сродство с ними. В это утро он, как и ярмарочные артисты, тоже разыгрывал сложнейший спектакль, где каждый миг мог случиться провал.

– О боги, что за жуткое одеяние на вас, мастер Фервит! – Донья София Сальвара присоединилась к Локки на его наблюдательном пункте. Ее руки опустились на перила всего в паре дюймов от его пальцев. – Уверена, ваш костюм дивно хорош где-нибудь зимой в Эмберлине, но с какой стати мучить себя в нашем знойном климате? Вы, должно быть, обливаетесь потом! Взгляните на себя в зеркало – вы покраснели, как роза! Почему бы вам не снять с себя хотя бы верхнее платье?

– Уверяю вас, госпожа, мне вполне хорошо, – спокойно возразил Локки.

Тринадцать Богов! Эта женщина определенно заигрывала с ним. К тому же легкая улыбка, скользнувшая по лицу ее му-

жа, указывала на то, что все спланировано заранее. Маленькая женская уловка, призванная подогреть интерес неловкого северянина, так сказать, проба сил...

– Я считаю, что то неудобство, которое доставляет моя одежда в вашем весьма своеобразном климате, лишь заставляет меня быть всегда собранным. Не позволяет расслабляться. А это исключительно полезно для делового человека.

Стоявший неподалеку Жеан вовремя прикусил язык. Атаковать Локки Ламору блондинкой – столь же неудачная мысль, как попытка отделаться от голодной акулы с помощью листка салата. Хотя следовало признать, что донья София была сверх-блондинкой. Чего стоил один лишь медово-янтарный оттенок ее кожи, столь редкий среди теринцев, и роскошные волосы цвета миндального масла! Ее серые, как и у Локки, глаза были удивительно глубоки. Легкое темно-оранжевое платье не скрывало заманчивых изгибов фигуры, из-под его подола кокетливо выглядывала нижняя юбка цвета топленого молока. И все это великолепие пропадало зря! Сальваре редкостно не повезло: его красавица-жена наткнулась на вора, чертовски разборчивого по части женщин. Ладно, Жеан будет восхищаться прекрасной аристократкой за себя и за товарища, тем более, что сегодняшняя незначительная роль, а также повреждения, якобы полученные накануне, не позволяли ему заняться чем-то более осмысленным.

– Мастер Фервит сделан из особо прочного материала, моя дорогая, – откликнулся дон Лоренцо. Он стоял поодаль

у перил, одетый в белый шелк; лишь легкий камзол без рукавов, наброшенный поверх рубашки и не застегнутый, был точно того же цвета, что и платье жены. Концы белого шейного платка, которые в Каморре обычно заправляют под камзол, сейчас небрежно болтались. – Вчера он безропотно принял удар судьбы, сегодня носит на себе количество шерсти, достаточное для пятерых человек, искушая наше беспощадное солнце. Должен признаться, Лукас, я безмерно рад, что перехватил у дона Джакомо такого компаньона.

Локки ответил на эту похвалу легким поклоном и понимающей улыбкой.

– По крайней мере, выпейте чего-нибудь, мастер Фервит.

Рука доньи Софии коснулась руки гостя, задержавшись на какой-то миг – но этого хватило, чтобы Локки почувствовал на ней мозоли и следы от химических ожогов, которых не могли скрыть никакие ухищрения. Хозяйка яхты увлеклась алхимической ботаникой, и этот плавучий сад был творением ее рук и творческого гения. Налицо немалый талант – и весьма расчетливый ум. Судя по всему, Лоренцо, будучи импульсивным человеком и зная за собой эту черту, наверняка прислушается к мнению своей хладнокровной жены, прежде чем принять какое бы то ни было предложение Лукаса Фервита. Поэтому Локки улыбнулся доне Софии и смущенно кашлянул – пусть думает, что он поддался ее чарам.

– С удовольствием, – ответил он. – Однако боюсь, что это не очень поможет делу, любезная госпожа. Я уже бывал в

Каморре и знаю, КАК здесь пьют за переговорами.

– Утро для потения, ночь для сожаления, – с улыбкой проговорил дон Сальвара, отходя от перил и делая жест слуге. – Конте, я уверен, что мастер Фервит по достоинству оценит «имбирный поцелуй».

Двигаясь с грацией опытного стюарда, Конте направился в бар выполнить просьбу хозяина. Выбрав высокий узкий бокал из хрусталя, он на два пальца плеснул в него чистейшего светло-коричневого имбирного масла, которым славится Каморр, затем щедро долил в стакан жемчужно-молочного бренди, а поверх – прозрачной жидкости под названием *адженто*, в данном случае настоящей на ломтиках редьки. Собрав воедино необходимые компоненты, телохранитель-бармен обернул руку мокрой салфеткой и достал из жаровни, стоявшей тут же, в углу бара, раскаленный металлический прут с тлеющим оранжевым концом. Конте опустил его в бокал для коктейля – раздалось легкое шипение, в воздух поднялось легкое облачко пара – и тремя быстрыми точными движениями перемешал напиток, после чего поставил бокал на тонкое серебряное блюдечко и передал гостю.

За свою жизнь Локки неоднократно приходилось участвовать в подобном ритуале, однако частое повторение не смогло стереть давних детских воспоминаний. Едва «имбирный поцелуй» тронул его губы, обволакивая жгучей нестерпимой болью каждую трещинку, каждый зазор между зубами, еще до того, как жжение коснулось языка и хлынуло в горло, пе-

ред его глазами встали картины жизни на Сумеречном холме и излюбленная расправа Учителя – жидкий огонь, который заливался в носовые пазухи, оттуда проникал за глазные яблоки и высекал из них неудержимые слезы. И все-таки даже этот набор неприятных переживаний был более терпим, чем необходимость изображать восхищение доньей Софией.

– Непередаваемые ощущения, – произнес Локки, закашлявшись, и мелкими порывистыми движениями ослабил шейный платок – совсем чуть-чуть. Этот жест не укрылся от четы Сальвара, и они обменялись легкими довольными улыбками. – Теперь понимаю, почему моя торговля более легкими напитками идет в Каморре столь успешно.

2

По традиции один день в месяц – последний День Бездельника – считался на Плавучем рынке выходным. Торговые баржи покидали запруду, медленно дрейфуя или стоя на приколе поблизости, в водах Анжеваны. На очищенном же пространстве собиралась добрая половина города, чтобы полюбоваться на аттракционы Речных Игрищ.

К сожалению, в Каморре не было столько камня или Древнего стекла, чтобы построить постоянные трибуны для зрителей, поэтому каждый раз приходилось сооружать времен-

ный амфитеатр из того, что плавает по воде. Огромные многопалубные баржи с сидячими местами, напоминающие куски стадиона, вырезанные неведомой рукой, выстраивались полукругом возле каменных волнорезов рынка. Каждой такой трибуной заправляло отдельное семейство, либо несколько семей объединялись в своеобразную гильдию. Они беспощадно конкурировали в борьбе за зрителей – как между собой, так и с обычными горожанами на собственных лодках.

Но в конце концов все устраивалось: плотно поставленные баржи занимали примерно половину периметра заводи, а между ними оставался узкий канал для того, чтобы другие лодки могли проплывать в центр водного пространства. Вторая половина окружности предназначалась для яхт аристократии. Обычно их насчитывалось не меньше сотни, а в дни крупных праздников и того больше. Сегодня тоже собралось изрядное количество народу – близилось летнее солнцестояние с его Днем Перемен.

Даже до начала представления Речные Игрища представляли собой живописное зрелище. Развлечься сюда явилось пол-Каморра. Бедные и богатые, на роскошных яхтах и пешком – все теснились и толкались в споре за лучшее место. Тут же маячили десятки «желтых курток», но, к сожалению, все силы у них уходили на то, чтобы гасить уже вспыхнувшие стычки, а не предотвращать новые. Ладно, пусть народ пошумит... Речные Игрища являлись тем местом, где мож-

но было безнаказанно выпустить пар на вполне законных основаниях. Неспроста герцог оплачивал данное мероприятие из собственного кармана. Подобно опытному хирургу, он предпочитал заблаговременно вскрывать нарыв, понемногу выпуская накапливающийся гной народного недовольства и раздражения.

Солнце медленно приближалось к своему зениту, от его испепеляющего жара не спасал даже шелковый навес, а «имбирный поцелуй», который потягивали Локки и его гостеприимные хозяева, лишь усугублял положение. Конте приготовил для четы Сальвара аналогичные коктейли (хотя имбирного масла в их бокалы налил ощутимо меньше), однако подал их хозяевам яхты, согласно требованиям местного этикета, Грауманн, слуга гостя. Локки к тому времени наполовину опустошил свой бокал. Выпитое ощущалось клубком тепла, которое непрерывно росло и расширялось в его желудке, а также до боли знакомым жжением в горле.

– Итак, о деле, – наконец промолвил он, обращаясь к хозяевам. – Вы оба так добры к нам с Грау, что не хочется долго томить вас неизвестностью. Я готов дать разъяснения по поводу своей миссии в Каморре... если, конечно, это доставит вам удовольствие.

– Поверьте, мастер Фервит, никогда еще у вас не было столь внимательных слушателей, – заверил его дон Сальвара. Благодаря усилиям гребцов их яхта уже прибыла в заводь Плавучего рынка и заняла свое место в ряду других речных

судов. В глазах Лоренцо читался живой и жадный интерес. – Так расскажите же нам!

– Ни для кого не секрет, – вздохнул Локки, – что Королевство Семи Сущностей распадается на части.

Супруги Сальвара невозмутимо потягивали свои напитки и ждали продолжения.

– Пока Эмберлинский кантон находится в стороне от основной борьбы, но граф фон Эмберлин и Черный Стол – каждый со своей стороны – делают все, чтобы втянуть наш край в губительный процесс.

– Черный Стол? – переспросил дон Сальвара.

– О, прошу прощения. – Локки сделал еще один маленький глоток из бокала и умолк на миг, борясь с ощущением огня, разлитого по языку. – Этим словом мы называем сообщество наиболее могущественных купцов Эмберлина, а мои хозяева из дома бел Аустеров, разумеется, входят в их число. Сфера деятельности этого сообщества охватывает весь Эмберлинский кантон, за исключением военной политики и налогов. И ему до смерти надоел сам граф и Торговые гильдии в остальных шести кантонах. Они устали от постоянных ограничений. Будущее Эмберлина – за новыми формами торговых предприятий. Старые же гильдии, с точки зрения Черного Стола, – это камень на шее, который тянет их назад.

– Вы употребили слово «их», а не «нас», – пронизательно заметила София. – Это что-то означает?

– Вы зрите в самый корень, многоуважаемая донья. – Локки позволил себе еще один глоток, изображая нервозность. – Дом бел Аустеров признает, что гильдии изжили себя, и требуется пересмотреть законы, по которым ведется торговля. Но это вовсе не означает, что мы поддерживаем идею... скажу прямо, смещения графа фон Эмберлина. Все планируется проделать, пока граф с большей частью армии будет представлять интересы своих кузенов в Парлее и Сомнее.

– Святые Двенадцать! – Дон Сальвара помотал головой, словно пытаясь встряхнуть мысли – слишком уж неожиданно прозвучал рассказ вадранца. – Как можно всерьез обсуждать подобные вещи? Эмберлин меньше Каморра, к тому же с двух сторон открыт для подхода с моря. Его очень трудно защищать.

– Тем не менее подготовка ведется полным ходом. Торговые дома и банки Эмберлина вчетверо увеличили свой годовой оборот. Черный Стол активно занимается накоплением золота, считая, что это обеспечит ему мощь. Мои же хозяева считают это ошибочной политикой. – Одним долгим глотком Локки прикончил свой коктейль. – Так или иначе, гражданская война разразится в течение ближайших месяцев, а за ней последует совершеннейший хаос. Страды и Дворимы, Разулы и Стриги – все они собираются с силами и точат ножи. Со своей стороны купцы Эмберлина в отсутствие графа намереваются провести аресты среди знати, захватить флот, объявить мобилизацию «свободных граждан» и прикупить

наемников. И все это для того, чтобы отколоться от Семи Сущностей. Поверьте, война неминуема.

– И как связана с этим ваша миссия в Каморре? – спросила донья София, сжимая побелевшими пальцами бокал с выпивкой. Локки не ошибся в ней – эта женщина разглядела самую суть проблемы. Она сразу поняла, что вытекает из рассказа Фервита – самый большой катаклизм за последние два столетия, гражданская война, осложненная экономическим кризисом.

– Видите ли, – Локки выразительно наклонил голову, – мои хозяева из дома бел Аустеров полагают, что у крыс в трюме тонущего корабля крайне мало шансов захватить штурвал. Зато они легко могут сбежать с этого корабля.

3

Центральный пяточок водного пространства занимали высокие железные клетки, опущенные под воду. Некоторые из них служили подставками для деревянных площадок – на них стояли артисты, бойцы с помощниками и их жертвы. В других же, особо тяжелых и прочных, метались, описывая круги, какие-то темные силуэты, которые публика могла видеть сквозь прозрачную сероватую воду. Этот пяточок окружала плотная цепочка лодок с надстроенными платфор-

ми.

Сейчас на них выступали «веревочные танцоры», метатели ножей, акробаты, жонглеры и прочие экзотические участники представления. Над водой разносились пронзительные крики зазывал и протяжное пение медных труб.

Популярной частью программы на каждом Игрищах являлись Покаянные Бои, в которых не слишком опасные преступники из Дворца Терпения могли испытать судьбу. Как ни странно, находились смельчаки, которые вызывались участвовать в аттракционе в обмен на смягчение меры наказания или улучшение условий содержания. В настоящий момент сильный мускулистый *никавеццо*, один из личных телохранителей герцога, наносил им удары. Боец был облачен в черную кожу с блестящими нагрудными пластинами, на голове – стальной шлем, увенчанный свежесрезанным плавником гигантской летучей рыбы. Металлические детали ослепительно сияли и переливались от движений бойца; переступая взад-вперед, он поражал своих противников резкими тычками посоха с набалдашником.

Никавеццо стоял на небольшой, но устойчивой платформе. Вокруг него на расстоянии вытянутой руки покачивались деревянные плотки, на которых балансировали угрюмые тощие пленники с небольшими дубинками. Их было человек двенадцать, и согласованное нападение на никавеццо, скорее всего, позволило бы им справиться с вооруженным мучителем. Но, увы, этим беднякам явно не доставало ума и

характера, чтобы объединить свои усилия. Вместо этого они приближались к бойцу поодиночке или группами и быстро выбывали из игры. Резкий выпад никавеццо, звук удара – и очередная жертва падала в воду. Тут же, неподалеку, кружили легкие лодочки, в чью задачу входило вылавливать бесчувственные тела, пока они не ушли на дно. Герцог Каморра не желал, чтобы Покаянные Бои завершались смертельным исходом.

Локки отодвинул от себя опустевший бокал. Конте подхватил его с грацией опытного мастера клинка, разоружающего противника.

– Не торопитесь снова наполнять мой бокал, Конте, – произнес Локки, глядя в спину удаляющемуся слуге. – Вы очень любезны, но погодите немного. – И обернулся к хозяевам: – С вашего позволения, любезные дон и дона Сальвара, я хотел бы преподнести вам пару скромных даров. Один из них – простой знак благодарности за ваше гостеприимство, другой же... Впрочем, вы сами увидите. Грауманн?

Локки щелкнул пальцами; его помощник с готовностью кивнул. Здоровяк Грауманн подошел к небольшому деревянному столику возле бара и поднял два кожаных саквояжа с металлическими уголками и маленькими замочками. Поставив их на пол так, чтобы хозяева могли рассмотреть, Жан отошел в сторонку, уступая дорогу Локки, который отпер оба саквояжа тонким резным ключиком. Из первого он достал изящный деревянный сосуд, от коего сразу же повеяло

какими-то экзотическими благовониями, длиной примерно в фут и полфута в диаметре, и передал хозяину яхты, чтобы дон Сальвара смог прочитать на скромной темной этикетке: «Коньяк Аустерсхолин № 502».

Дон Лоренцо с шумом вздохнул, ноздри его раздулись от волнения. Локки сохранял на лице Лукаса Фервита вежливое и нейтральное выражение.

– Святые Двенадцать, «Пятьсот второй»! Если вам показалось, что я искушал вас расстаться с вашими товарами, прошу принять мои глубочайшие...

– В этом нет необходимости. – Локки вскинул руку, прерывая поток излияний хозяина. – Позвольте преподнести вам этот скромный дар, дон Сальвара, в знак благодарности за ваше вчерашнее отважное вмешательство, а также за ваше отменное гостеприимство, прекрасная дона. Пусть он украсит ваши винные погреба.

– Скромный?! – Лоренцо держал деревянную емкость с таким благоговением и осторожностью, точно это был новорожденный младенец. – У меня имеется лишь «Пятьсот шестой» и два «Пятьсот четвертых». Не знаю, есть ли в Каморре счастливый обладатель «Пятьсот второго»... разве что сам герцог.

– Мои хозяева держат у себя несколько бочонков еще с тех пор, как данная марка стала известной, – заметил Локки. – Мы используем их, если можно так выразиться, в качестве аргумента при серьезных деловых переговорах.

На самом деле указанный сосуд стоил Локки восьмисот полновесных крон, плюс поездка на ашмерское побережье, где они с Жеаном умудрились при помощи не слишком честной игры в карты вытянуть заветный бочонок у одного чудаковатого аристократа. Большая же часть денег ушла на то, чтобы откупиться от погони, которую старик отправил вслед за своей утраченной собственностью. В результате сей «Пятьсот второй» обошелся Локки слишком дорого, чтобы без затей распить его.

– Какой щедрый жест, мастер Фервит! – Донья София взяла мужа под руку и победоносно улыбнулась ему. – Лоренцо, дорогой, тебе стоило бы почаще спасать незнакомцев из Эмберлина. Они столь очаровательны!

– Вы слишком добры, госпожа. – Локки смущенно откашлялся. – А теперь, дон Сальвара...

– Прошу вас, зовите меня просто Лоренцо.

– Как вам будет угодно, дон Лоренцо. То, что я собираюсь показать вам сейчас, имеет самое непосредственное отношение к цели моего визита.

Из второго саквояжа Локки извлек еще один сосуд, очень похожий на первый. Его этикетка была помечена единственной стилизованной буквой «А» внутри виньетки из виноградных лоз.

– Это образец того же сорта прошлогодней перегонки, – пояснил он. – «Пятьсот пятьдесят девятый».

Дон Сальвара выронил из рук емкость с «Пятьсот вто-

рым». С проворством девочки его жена подставила правую ногу и перехватила драгоценный сосуд в воздухе. Это своевременное движение спасло бочонок – вместо того, чтобы треснуть, он глухо стукнулся о палубу и остался лежать там невредимый. Однако, потеряв равновесие, донья София, в свою очередь, уронила бокал с коктейлем, который полетел за борт и с легким всплеском ушел под воду. Супруги Сальвара помогли друг другу устоять на ногах, после чего Лоренцо наклонился и трясущимися руками поднял «Пятьсот второй».

– Лукас, – с трудом произнес он, – скажите, что вы шутите.

4

Локки не слишком-то нравилось завтракать, наблюдая, как джериштийский кальмар рвет на части дюжину несчастных, оказавшихся в воде. Но он благоразумно решил, что торговцу из Эмберлина за время его многочисленных плаваний, скорее всего, приходилось наблюдать и не такое. Поэтому Локки взял себя в руки и мужественно продолжал есть с невозмутимым выражением лица.

Полдень миновал. Покаянные Бои закончились, настало время для Испытания Случаем. Этим изящным иносказан-

нием, по сути, именовалась казнь опасных преступников – убийц, насильников, поджигателей и торговцев рабами – на потеху развлекающейся публики. По идее, жертвы снабжались оружием, следовательно, у них сохранялся какой-то шанс уцелеть. Но их оружие было столь смехотворным, а тварь, с которой им приходилось сражаться – столь ужасной, что так или иначе все сводилось к верной и мучительной смерти.

Кальмар имел двенадцатифутовые щупальца, еще столько же составляло в длину само колышущееся черно-серое тело. Он находился внутри шестидесятифутовой клетки, которую теперь разместили вплотную к неустойчивым плиткам с преступниками. Крича и беспорядочно молотя руками, несчастные жертвы рано или поздно оступались и падали в объятия хищника. Их жалкие кинжалчики позволяли продержаться в воде не более секунды-другой. Мало того, специальные охранники с арбалетами и пиками в руках патрулировали внутренний периметр и сталкивали обратно тех преступников, которые в панике пытались вскарабкаться обратно на плиты. Время от времени ужасное чудовище высывалось из вспененной кровавой воды, и Локки ловил взгляд огромного круглого глаза, размером напоминавшего столовую тарелку.

– Еще, мастер Фервит? – за спиной Локки появился Конте с большой супницей, где в охлажденном томатном бульоне плавали белые пальчатые креветки Стального моря, при-

правленные луком и перцем. Похоже, у супругов Сальвара было весьма извращенное чувство юмора.

– Благодарю вас, Конте. Очень любезно с вашей стороны, но я уже и так вполне удовлетворен пребыванием здесь.

Локки поставил свою тарелку рядом с начатым бочонком «Пятьсот пятьдесят девятого» (на самом деле это был всего-навсего скромный «Пятьсот пятидесятый» стоимостью в пятьдесят крон, щедро разбавленный самым лучшим ромом, какой удалось раздобыть Жеану) и отхлебнул янтарной жидкости из своего бокала. Невзирая на сомнительное происхождение напитка, вкус у него был отменный. Грауманн в предупредительной позе замер за спиной супругов Сальвара, которые восседали за отдельным маленьким столиком из серебряного дерева. Донья София задумчиво ковыряла ложечкой в блюдечке с засахаренными апельсиновыми дольками, которые были затейливо уложены в виде лепестков цветка. Дон Лоренцо недоверчивым взглядом пожирал свой бокал с фантастическим напитком.

– Простите, но это кажется мне каким-то святотатством! – произнес он. Отбросив переживания, он сделал изрядный глоток – и на лице его отразилось блаженство. В этот момент за его спиной из воды вылетело нечто, весьма напоминающее по виду разодранный человеческий торс. Он взмыл в воздух и с громким всплеском упал обратно. Толпа восхищенно взревела.

Всем известно, что после очистки и купажа аустерсхолин-

ский коньяк выдерживается не меньше семи лет. До истечения этого срока получить доступ к бочке практически невозможно, особенно неспециалисту. Агентам дома бел Аустеров запрещалось даже упоминать товар, еще не готовый к продаже. Места, где происходила выдержка и отстой коньяков, держались в строгом секрете. Если верить слухам, хозяйка коньячных линий не останавливалась даже перед убийством, дабы сохранить тайну своего производства. Не удивительно, что дон Лоренцо так поразился, получив в подарок вожаденный «Пятьсот пятьдесят девятый». И уж совсем добило его сделанное небрежным тоном предложение гостя откупорить драгоценный бочонок за завтраком.

– Вы недалеки от истины. – Локки усмехнулся. – Коньяк и впрямь является религией дома Аустеров, мы относимся к нему с трепетом. Масса правил, ритуалов... и наказаний! – Посерьезнев, он красноречиво провел пальцем поперек горла. – Вполне возможно, что мы с вами – единственные люди в истории, которые сподобились попробовать невыдержанный коньяк за тарелкой супа. Надеюсь, вы получили удовольствие, дон Лоренцо?

– О, несомненно! – Сальвара покрутил в руке бокал, зачарованно наблюдая за колыханием янтарно-карамельного напитка. – И стораю от любопытства по поводу планов, которые вы лелеете.

– Что ж... – Локки тоже покачал свой бокал театральным жестом. – За последние двести пятьдесят лет имели ме-

сто три вторжения на территорию Эмберлина. Скажем прямо, престолонаследие в Королевстве Семи Сущностей гораздо чаще связано с оружием и кровопролитием, чем с пирами и благодеяниями. Когда между графами разгорается война, Аустерсхолинские горы становятся нашим единственным щитом, превращаясь в поле боя. И эти сражения... – Тут Локки умолк на миг и сплюнул. – ...неминуемо переливаются на восточные склоны гор – прямо на виноградники дома бел Аустеров. На сей раз Черный Стол собирается вновь обрушить на нас это бедствие. Тысячи лошадей и вооруженных людей пройдут по нашим землям, вытопчут драгоценные виноградники, разграбят все поселения. Сейчас, когда у нас появилось горючее масло, все может окончиться еще более плачевно – через каких-нибудь полгода наши виноградники превратятся в пепелище.

– Что поделаешь, крысы, бегущие с тонущего корабля, не могут упаковать и забрать с собой виноградники, – заметил дон Лоренцо.

– Увы, – тяжело вздохнул Локки. – Аустерсхолинский коньяк невозможен без наших земель. Потеря виноградников означает прекращение процесса выращивания и перегонки на десять, двадцать или даже тридцать лет. Но возможно, все обернется еще хуже. Наше положение просто ужасно. Эмберлин – богатый край с морскими портами, и если разразится гражданская война граф со своими союзниками не оставит нас в покое. Они постараются как можно скорее захва-

тить нас. Скорее всего, они уничтожат Черный Стол, присвоят себе его богатства, национализировать капиталы, а дому бел Аустеров грозит истребление. Должен сказать, что в настоящий момент Черный Стол действует тихо, но решительно. Мы с Грау отправились в плавание пять дней назад – за двенадцать часов до предполагаемого закрытия порта. Насколько мне известно, больше ни один корабль под эмберлинским флагом не может выйти в море – все они задержаны для «ремонта и карантина». Уже сейчас все аристократы, даже те, кто не поддерживает графа, находятся под домашним арестом, их слуги разоружены. Наши капиталы в различных кредитных домах Эмберлина заморожены на неопределенный срок. Все участники Черного Стола пошли на это по взаимному согласованию – так сказать, жест доброй воли. Это гарантирует, что какой-нибудь дом не сбежит со своим золотом и товарами. По счастью, мы с Грау работаем на вашей местной кредитной линии, много лет назад созданной господином Мераджио. Мой дом... понимаете, обычно мы не храним свои средства за пределами Эмберлина. Просто немного тут, немного там – на всякий случай...

Излагая все это, Локки внимательно наблюдал за реакцией супругов Сальвара. Для своей аферы он по возможности использовал самые свежие и не самые открытые сведения относительно Эмберлина. Но не исключено, что у Лоренцо имеются свои источники, которые не были доступны Благородным Подонкам в период подготовки операции. Так, все,

что касалось Черного Стола и надвигающейся гражданской войны, относилось к разряду обоснованных и очень грамотных предположений – и, скорее всего, было недалеко от истины. А вот рассказ о недавнем закрытии портов и аресте счетов был вымыслом от начала и до конца. По подсчетам самого Локки, описанные беспорядки если и грозили Эмберлину, то отнюдь не в ближайшие месяцы. Если Сальвара заподозрит гостя в умышленном обмане, Конте в считанные секунды приколет наглеца к столу своими стилетами. Естественно, Жеану придется достать топорик, спрятанный за поясом. В результате вся их компания, расположившаяся под шелковым навесом, окажется в крайне неприятном положении. Шансы на удачную игру снизятся до нуля.

Но ни дон Лоренцо, ни его супруга ничего не сказали. Они лишь смотрели на своего гостя широко распахнутыми глазами и ждали продолжения. Приободрившись, Локки пустился рассуждать дальше.

– Подобное положение невыносимо. Мы не хотим быть ни заложниками неправого дела, ни жертвами мести графа после его неминуемого возвращения. Вместо этого мы выбираем некую рискованную альтернативу. Но для этого нам понадобится существенная помощь какого-нибудь каморрского аристократа. – Например, ваша, дон Сальвара, – если это вам по средствам.

Краем глаза он уловил, как Лоренцо и его жена взволнованно стиснули под столом руки.

– Мы могли бы пожертвовать нашими фондами. Отказавшись от попыток спасти их, мы тем самым выигрываем время для предусмотренных действий. В конце концов, их можно будет восстановить заново – надо только постараться. Мы даже готовы бросить наши виноградники... – Тут Локки драматически скрипнул зубами. – Сожжем их, чтобы они никому не достались. Когда все кончится, мы обогатим наши почвы алхимическим путем. Ведь натуральная почва – это лишь исходный материал, а секрет ее обогащения хранят наши Мастера Культивации.

– Вы имеете в виду аустерсхолинский метод? – прерывающийся голос доны Софии выдал ее волнение.

– Да. Конечно же, вам доводилось слышать о нем, – кивнул Локки. – Этим занимаются наши Мастера Культивации, которых в Эмберлине никогда не было больше трех одновременно. А метод слишком сложен, чтобы пренебрегать изучением почвы – даже для человека с вашими талантами, моя госпожа. Многие соединения из тех, что используют наши алхимики, являются инертными, их предназначение – лишь запутать непосвященных... Единственное, чего мы никак не можем бросить, – это наши запасы невыдержанного купажа за последние шесть лет, которые содержатся в особых емкостях, а также редкие и экспериментальные марки коньяков. «Аустерсхолин» хранится в бочках по тридцать два галлона, всего у нас примерно шесть тысяч таких бочек. Все это богатство необходимо вывезти из Эмберлина, причем лучше

бы сделать это в ближайшие несколько недель – до того, как Черный Стол введет строгие меры контроля, а граф начнет осаду своего кантона. К сожалению, как я уже говорил, наши корабли сейчас под охраной, а фонды недоступны.

– И вы хотите... вы хотите вывезти эти бочки из Эмберлина? – Лоренцо даже задохнулся от волнения.

– Все, что возможно, – кивнул Локки.

– А какая же роль отводится нам? – вмешалась дона София. В голосе ее чувствовалась нервозность.

– Я уже говорил, что корабли под эмберлинским флагом не могут ни покидать порт, ни возвращаться в него. Другое дело – небольшая флотилия под каморрским флагом, с каморрской командой и финансируемая кем-нибудь из каморрской знати. – Поставив свой бокал на стол, Локки вытянул обе руки вперед.

– Вы хотите, чтобы я снарядил морскую экспедицию?!

– Нам хватит двух-трех ваших больших галеонов. Давайте прикинем... у нас груз примерно в тысячу тонн, бочки и бутылки. Постараемся обойтись наименьшей командой – скажем, пятьдесят-шестьдесят человек на корабль. Подберем причал, найдем серьезных, надежных капитанов. Дорога на север займет шесть или семь дней, плюс время на то, чтобы нанять корабли и сколотить команды... Думаю, не больше недели. Вы со мной согласны?

– Неделя... Да, но... вы хотите, чтобы я это финансировал?

– Поверьте, ваши затраты будут щедро возмещены.

– При условии, что операция пройдет успешно. Вопрос о возмещении мы обсудим позже. Но затраты на срочное приобретение двух кораблей, хороших капитанов и надежную команду...

– Добавьте сюда еще груз, который мы повезем на север, – уточнил Локки. – Дешевое зерно, сухой сыр, устойчивые к хранению овощи... Обычные продукты. Но не забывайте, что в ближайшее время Эмберлину предстоит осада, и Черный Стол будет счастлив, если вы пополните запас городского продовольствия. Положение Эмберлина слишком шатко, чтобы портить отношения с суверенным Каморром. По этой причине мои хозяева рассчитывают, что ваши корабли беспрепятственно пропустят туда и обратно. Но, конечно, дополнительные меры предосторожности не повредят.

– О да, – начал размышлять вслух дон Лоренцо. – Два галеона, команды, офицеры, дешевый груз. Небольшая группа зрителей за грузом, человек десять-двенадцать на корабль. К тому же в эту пору, когда происходят казни, офицеры напиваются у Врат Висконте и в таком виде лезут драться. Мне хочется, чтобы на каждом корабле во избежание осложнений имелась группа надежных вооруженных людей.

Локки согласно кивнул.

– А каким образом вы планируете извлечь бочки из своих складов и доставить их на причал?

– О, небольшая хитрость, – улыбнулся Локки. – У нас

имеется несколько пивоварен – так сказать, побочное занятие, что-то вроде развлечения для некоторых наших Мастеров Купажа. Пиво хранится в похожих бочках на вполне легальных складах. Так вот, отправляясь сюда, на юг, я отдал своим мастерам приказ потихоньку перевезти бочки с «Аустерсхолином» в пивных хранилищах и поменять этикетки. Они будут заниматься этим, пока мы готовим все здесь.

– Значит, вы используете обманный маневр! – воскликнула донья София. – Все будут думать, что вы везете бочки с пивом!

– Совершенно верно, госпожа. Экспорт крупной партии пива вызовет меньше подозрений, чем вывоз невыдержанного марочного коньяка. Это станут рассматривать просто как удачную коммерческую операцию, ведь мы окажемся первыми, кто сделает попытку обойти запрет на выход эмберлинских кораблей в море. Не забывайте, что накануне осады мы доставим в город кучу полезных товаров и сделаем на этом неплохую прибыль. Затем, когда весь коньяк окажется в безопасности, мы переправим на юг шестьдесят-семьдесят человек из дома бел Аустеров, а также наемных специалистов, заложив таким образом основу нового производства в Каморре. Тот факт, что позже наш обман раскроется, будет уже несущественным.

– И на все это потребуется... дайте-ка подумать... – Дон Сальвара произвел в уме необходимые вычисления. – Я бы

оценил сумму затрат где-то в пятнадцать тысяч крон. Возможно, двадцать.

– Примерно так, мой господин, – согласился Локки. – Добавьте сюда еще тысяч пять на взятки чиновникам в Эмберлине, чтобы отвести от наших дел излишне любопытные глаза.

– Тогда выходит двадцать пять тысяч крон... Проклятье! – Лоренцо допил свой коньяк, отставил в сторону бокал и в волнении стиснул пальцы. – Это половина моего состояния, даже больше того. Вот что, Лукас... вы мне нравитесь, но сейчас настало время обсудить другую сторону вашего предложения.

– Разумеется. – Лукас нацелился предложить Лоренцо еще одну порцию поддельного коньяка, уже взялся за бутылку – но в силу серьезности темы остановился. Сальвара тоже заколебался, однако жадность гурмана восторжествовала над здравомыслием – он снова протянул свой бокал. Жена последовала его примеру, и Жеан поспешил передать Локки ее пустой бокал. Обслужив супругов, Локки за компанию щедро плеснул и себе самому.

– Прежде всего, – серьезно заговорил он, – мне от лица дома бел Аустеров хотелось бы сразу расставить приоритеты – на что вы можете рассчитывать в предполагаемой сделке, а на что, уж простите, нет. Так вот, мне поручено со всей серьезностью заявить: секреты производства «Аустерсхолина» вы не узнаете. Долгие годы мы передавали их от поколе-

ния к поколению в устной форме и лишь внутри своего дома. Так оно и останется. Также мы не можем обещать вам – ни в уплату за оказанные услуги, ни в качестве дополнительного стимула – что-либо из нашей земельной собственности, ибо, покидая Эмберлин, мы попросту лишаемся ее. Как вернуть свои виноградники в будущем – это наша собственная забота, тут мы не собираемся прибегать к вашей помощи. Любая попытка с вашей стороны проникнуть в тайну производственного процесса, например, через подкуп членов дома бел Аустеров, будет расценена как нарушение договоренностей. – Локки отхлебнул из своего бокала. – Уж не знаю, какие именно меры примут мои хозяева в подобном случае, дабы выразить свое неудовольствие, но поверьте – они обязательно изыщут для этого возможность. Меня просили специально остановиться на данном вопросе.

– Считайте, что вы это сделали. – Донья София опустила руку на плечо мужа. – Однако мы пока не услышали ваших предложений.

– Прошу простить меня за столь решительный тон, любезная донна София, но я хотел быть уверенным, что вполне довел до вашего сведения данное требование дома бел Аустеров. Мои хозяева особо на этом настаивали. Прошу понять меня правильно: в настоящий момент мы с Грау держим в своих слабых руках будущее нашего производства. Поэтому не в моей власти говорить с вами как частное лицо по имени Лукас Фервит. Сейчас моими устами вещает дом бел Аусте-

ров. Вы должны понять, что некоторые карты мы не намерены раскрывать даже в самой отдаленной перспективе.

Дон Сальвара согласно кивнул; его жена, после некоторого колебания, – тоже.

– Теперь давайте проанализируем ситуацию. В Эмберлине вот-вот начнется война. Она грозит нам потерей не только капиталов, но и наших драгоценных виноградников. Это означает, что производство «Аустерсхолина» приостановится на неопределенное время. Сколько это займет – десять лет, тридцать? Одним Сущностям известно. Даже вернув назад свои земли, мы потратим на их восстановление долгие годы. Я знаю, о чем говорю – в нашей истории уже трижды случалось подобное несчастье. Пройдет немало времени, прежде чем мы получим новый «Аустерсхолин» из той части бочек, что нам удастся вывезти из Эмберлина. Ужасно – перевозить на чужбину свое же добро тайком, подобно вора́м в ночи... Но представьте, каков тогда будет спрос! Цены невероятно подскочат!

Губы Лоренцо непроизвольно зашевелились – в уме он уже подсчитывал прибыли. Дона София, нахмурившись, смотрела в пространство. Аустерсхолинский коньяк был наиболее качественным и востребованным из всех алкогольных напитков, доступных в Каморре. Даже алхимические вина Тал-Верарра во всем их многообразии не могли тягаться по цене с продукцией бел Аустеров. Сейчас розничная цена самого молодого «Аустерсхолина» составляла трид-

пать полновесных крон за полгаллона. Само собой, выдержанный коньяк стоил гораздо дороже. Чего же ожидать при неожиданно возникшем дефиците и загубленных аустерсхольдинских виноградниках?

– Хрен мне в душу!.. – вырвалось у дона Сальвары, когда в голове у него окончательно нарисовался порядок предполагаемой суммы. – ...Ох, простите, пожалуйста, донья София. Я совсем потерял голову.

– Прекрасно понимаю. – Она решительно, по-мужски, в один глоток осушила свой бокал. – Подозреваю, что вы еще скромны в своих прогнозах. Реальные цены по крайней мере втрое превышают ваши подсчеты.

– Дом бел Аустеров, – продолжал Локки, – очень рассчитывает на партнерские отношения с вами, чтобы в период, так сказать, вынужденного изгнания иметь возможность хранить и продавать свои запасы в Каморре. В обмен на вашу неоценимую и столь своевременную помощь в перевозке наших сокровищ мы готовы предложить вам... скажем, пятьдесят процентов всей выручки от продажи нашего коньяка – того, что вам удастся перевезти. Все это с учетом сложившейся ситуации и новых цен в условиях жесточайшего дефицита. Ваши затраты с лихвой – я бы сказал, десятикратно – окупятся еще в течение года. Если же заглянуть вперед на пять-десять лет...

– Безусловно, – промолвил дон Лоренцо, поигрывая очками. – Но, Лукас, позвольте ли вопрос? Я смотрю, как вы

сидите здесь и рассуждаете о предстоящей гибели налаженного дела, о его переносе куда-то за полторы тысячи миль на юг – и как-то не замечаю особого расстройтва в вашем поведении. Интересно, почему?

Тут-то и настал звездный час Локки. Он позволил себе грустную обезоруживающую улыбку, которую на протяжении недель терпеливо репетировал перед зеркалом.

– Подобная катастрофа не стала для нас неожиданностью, уважаемый дон Сальвара. Мои хозяева сумели осмыслить происходящее и уловить суть момента. Они просчитали неизбежное возникновение искусственного дефицита и поняли, как можно обратиться к вящей славе нашего дома даже это досадное препятствие. Если на протяжении нескольких лет продавать содержимое указанных шести тысяч бочек по новым ценам, мы сможем вернуться в Эмберлин с такими накоплениями, которые затмят все наши прежние достижения. Что же касается лично вас...

– То здесь речь идет не о сотнях тысяч крон, а о миллионах! – вынырнула из своего транса донья София. – Даже если иметь в виду процент от вашей выручки...

– Это не все, – перебил ее Локки. – Мои хозяева склоняются к тому, чтобы даровать вам еще одну привилегию – уже после нашего успешного возвращения и восстановления в Эмберлине. Мы предлагаем семейству Сальвара постоянный пай в торговых операциях бел Аустеров. Естественно, речь идет отнюдь не о контрольном пакете акций, но, ду-

маю, вы будете довольны. Предположим, десять-пятнадцать процентов от нашей прибыли вас устроят? Вы станете первым и, надеюсь, единственным иностранцем, удостоенным подобной чести.

На секунду в беседке повисла тишина.

– Это очень заманчивое предложение, – проговорил наконец дон Лоренцо. – Подумать только, волею случая все это достанется мне, а не Джакобо! Во имя Богов, Лукас, если мне когда-нибудь доведется снова встретиться с вашими разбойниками, я выражу им самую искреннюю благодарность за то, что они свели меня с вами!

– Вполне вас понимаю. – Локки рассмеялся. – Возможно, Грауманн меня не поддержит, но я всегда считал, что надо отпускать прошлое с благодарностью, а не с укоризной. В конце концов, важны результаты. Мое сердце переполнено радостью от мысли, что в ближайшем времени мы заключим с вами сделку, пошлем корабли на север и ухватим удачу за хвост. Нынешнее положение вещей напоминает мне сказочный приз, подвешенный на подгнившей веревке. Перетрется последняя нить, и он упадет нам в руки. – Локки отсалютовал супругам Сальвара бокалом коньяка и добавил: – Поверьте, наш приз неминуемо оборвется!

В этот момент обьевшийся кальмар всплыл на поверхность – и немедленно был вознагражден отравленным арбалетным болтом. Служители Речных Игрищ посчитали излишним трудом заталкивать такую машину обратно в ящик.

При помощи крючьев и цепей они попросту оттащили труп чудовища на край заводи. Синяя кровь кальмара смешалась с кровью его жертв – по водной поверхности расплывалось огромное неопределенно-темное пятно, которому надлежало сыграть свою роль в дальнейшем представлении.

5

Ученые из Теринской Коллегии, проживающие в безопасной дали от морских просторов, наверняка назвали бы волчью акулу, обитающую в Стальном море, одним из самых прекрасных и удивительных созданий. Они могли бы долго распространяться о ее великолепной мускулатуре и неповторимой окраске. И впрямь, полосатые глянцевые тела хищников демонстрируют богатую гамму оттенков – от позеленевшей бронзы до черного цвета грозовых туч. Но тот, кому доводилось работать в открытом море и вдоль береговой линии, скажет вам коротко и ясно: волчьи акулы – это мерзкие агрессивные твари, которые обожают прыгать.

Заключенные в прочные клетки, голодные и обезумевшие от запаха крови, волчьи акулы являлись гвоздем программы Речных Игрищ. В других городах тоже устраивают гладиаторские бои, в которых немногочисленные смельчаки схватываются насмерть с дикими зверями. Но только в

Каморре можно увидеть, как вооруженные гладиаторы (они называются *контрареквиллами*) сражаются на воде со смертельно опасными прыгающими акулами. Причем по давней каморрской традиции контрареквиллами дозволено становиться лишь женщинам.

Все это и называется Зубастым Шоу.

6

Локки не без интереса разглядывал четверку контрареквилл на воде. Трудно сказать, насколько они красивы, размышлял он, но, безусловно, эффектные женщины... Судя по смуглой коже, все участницы являлись уроженками Каморра с хорошо развитой мускулатурой сельских жительниц – это бросалось в глаза даже на расстоянии. Тем более, что традиционный костюм контрареквиллы оставлял открытым почти все тело: черная хлопковая полоса на груди, борцовская набедренная повязка и тонкие кожаные перчатки. Темные волосы убраны под красные банданы, скрепленные медными или серебряными обручами, – они ярко блестели на солнце, и их отражения сливались на воде в цепочку ослепительных сполохов. Относительно этих обручей существовали разные мнения. Одни утверждали, будто их предназначение – слепить и так не слишком зорких акул. Большинство же скло-

нялось ко мнению, что яркие вспышки, наоборот, помогают хищникам следить за своими жертвами.

Каждая из контрареквилл держала в одной руке короткий дротик, в другой – топор особой конструкции, древко которого имело специальную перекладину, чтобы оружие не выскользнуло в пылу схватки. Сам топор был двуглавым: с одной стороны, как и полагается, закругленное лезвие, с другой – прочный шип наподобие остроконечной кирки. Обычно опытная воительница сначала отсекала акуле под корень плавники и хвост и лишь потом приканчивала тварь. Однако попадались и такие мастерицы, которые умудрялись расправиться с врагом при помощи одного только шипа. Надо сказать, что по толщине шкура акулы может сравниться с корой многовекового дуба.

Локки с привычным восхищением разглядывал мранных сосредоточенных контрареквилл, готовящихся к выступлению. По его мнению, эти женщины были столь же отважны, сколь и безумны.

– Вон та, что слева, – Цецилия де Рикюра, – специально для Лукаса Фервита пояснил дон Лоренцо, по такому поводу решив прервать деловые переговоры, которые длились уже больше часа. – Отличный боец. Рядом с ней Аганесса; она знаменита тем, что никогда не пользуется своим дротиком. Остальные две, должно быть, новенькие. По крайней мере, на наших Игрищах.

– Очень жаль, что сегодня вы не сможете увидеть сестер

Беранджиас, мастер Фервит, – подала голос донья София. – Они лучшие в своем роде.

– Безусловно, лучшие из всех, кто когда-либо выступал, – подтвердил дон Сальвара. Прищурившись на солнце, он вглядывался в воду, пытаясь оценить размеры акул, что неясными темными тенями метались в своих клетках. – Или когда-либо будут выступать. Но они вот уже несколько месяцев не появляются на Игрищах.

Локки кивнул и задумчиво закусил собственную щеку. Будучи уважаемым вором, *гарристой* Благородных Подонков, он лично был знаком с двойняшками Беранджиас и доподлинно знал, где именно они провели эти несколько последних месяцев.

Тем временем первая воительница заняла боевую позицию. По правилам контрареквиллы сражались, балансируя на небольших деревянных площадках в два фута длиной и выступающих из воды примерно на полфута. Площадки были разбросаны на расстоянии четырех-пяти футов друг от друга, образуя на поверхности воды подобие решетки. Между ними оставалось достаточно места, чтобы дать вертким и стремительным акулам возможность проплывать туда и обратно. Более того, они могли выпрыгивать из воды, настигая свои жертвы даже в воздухе. Женщинам оставалось лишь резво перепрыгивать с одной деревяшки на другую, соревнуясь в скорости с хищницами. Падение в воду однозначно знаменовало окончание этой смертельной схватки.

Позади клеток с акулами, открывавшихся издалека при помощи блоков с цепями, плавала маленькая лодочка. Гребцов в нее набирали из числа добровольцев, польстившихся на высокую плату. Пассажирами же ее были трое обязательных наблюдателей за опасным представлением. Прежде всего там находился священник Ионо в своем изумрудном с серебряной каймой одеянии. Рядом с ним сидела одетая в черное, в серебряной маске жрица Азы Гуиллы – Госпожи Долгого Молчания, Богини Смерти. И, наконец, неизменный лекарь, чье присутствие Локки всегда воспринимал как совершенно нелепый и неоправданный оптимизм.

– Каморр! – с этим возгласом молодая женщина – судя по всему, Цецилия де Рикюра – вскинула вверх свое оружие. Тут же все разговоры в толпе смолкли, над заводью воцарилось гробовое молчание, нарушаемое лишь плеском волн о борта лодок и каменные волнорезы. Пятнадцать тысяч горожан как один затаили дыхание. – Я посвящаю грядущую смерть герцогу Никованте, нашему господину и повелителю!

Это было традиционное приветствие. Причем слова «эта смерть» могли относиться к любой из участниц смертельного сражения – как к акуле, так и к самой контрареквилле.

Пронзительное пение труб смешалось с громкими криками зрителей: зазвенели цепи, клетка открылась – на волю, внутрь круга, выпустили первую из акул. Десятифутовая рыбина, ошалевшая от запаха крови, стрелой метнулась вперед и начала описывать круги вокруг деревянных площадок. Ее

зловещий серый плавник с шумом рассекал воду. Искусно сохраняя равновесие, Цецилия шлепнула одной ногой по воде, привлекая внимание хищницы. При этом она выкрикивала клятвы Богам и проклятия противнику. Акула отреагировала на приглашение; несколько секунд ее массивное полосатое тело металось взад-вперед между площадками, напоминая гигантский зубастый маятник.

– Похоже, эта тварь не станет терять время попусту! – воскликнул дон Сальвара, в волнении стиснув руки. – Готов спорить, сейчас она прыгнет...

Не успел он закончить фразу, как акула взметнулась в воздух в фонтане сверкающих брызг, метя в пригнувшуюся контрареквиллу. Однако прыжок получился не слишком высокий – Цецилия легко ускользнула, перескочив на расположенную справа платформу. В прыжке она успела метнуть свой дротик, угодив в бок хищнице. На какую-то долю секунды рыба зависла в воздухе – дротик мелко дрожал, торча из толстой шкуры. Затем блестящая обтекаемая туша шлепнулась обратно в воду и ушла на глубину. Толпа неодобрительно взревела: удар контрареквиллы оказался быстрым, но недостаточно сильным. В результате девушка лишь разозлила акулу и к тому же лишилась оружия.

– Довольно глупо, – прокомментировала дон София, с сожалением поцокав языком. – Девочке явно не хватает терпения. Посмотрим, как поведет себя ее кровожадная подруга – даст ли шанс исправить ошибку?

Акула металась из стороны в сторону, вспенивая розовую воду и ориентируясь на тень девушки – она готовилась к новому нападению. Цецилия резво перепрыгивала с одной дощечки на другую, держа топор крюком наружу.

– Я готов принять ваши условия, мастер Фервит. – Дон Лоренцо снова снял очки и стоял, крутя их в руках. Очевидно, он страдал дальновзоркостью, и для дали помощь его глазам не требовалась. – Однако хочу подчеркнуть, что, вкладываясь в это дело, я беру на себя значительную долю риска – особенно учитывая общие размеры предполагаемых вложений. Посему предлагаю иное распределение прибыли от продажи «Аустерсхолина» – пятьдесят пять на сорок пять процентов в мою пользу.

Локки сделал вид, что обдумывает предложение Сальвары, тем временем наблюдая, как контрареквилла, размахивая руками, бежит изо всех сил. Серый плавник следовал за ней буквально по пятам.

– В принципе от лица моих хозяев я уполномочен на подобную уступку, – произнес он неторопливо. – Но я хочу предложить вам другой вариант. Как вы посмотрите на то, чтобы закрепить за вами, скажем, семь процентов от восстановленных Аустерсхолинских виноградников?

– Годится! – улыбнулся аристократ. – Я оплачу два галеона, команду и капитанов, а также необходимые взятки и груз, отправляемый на север. Я поплыву на одном судне, вы – на другом. На борту каждого из галеонов разместится охрана,

которую я подберу сам из числа наемников. Конте будет сопровождать вас, ваш Грауманн может путешествовать вместе со мной. Вопрос о любых расходах, выходящих за пределы оговоренных двадцати пяти тысяч каморрских крон, я решаю лично.

Акула снова прыгнула – и вновь совершила промах; Цецилия выполнила безукоризненную стойку на одной руке, размахивая в воздухе топором. Под дружный рев публики хищница неуклюже развернулась в воде и изготовилась к новому маневру.

– Согласен. – Локки кивнул. – Мы подпишем два идентичных договора – один для вас, другой для меня. Еще одна копия на теринском будет храниться у независимого адвоката, которого мы выберем по взаимному согласию. Он вскроет его в течение месяца, если в процессе перевозки бочек с кем-нибудь из нас произойдет несчастный случай. Дополнительную копию на вадранском я передам своему агенту для предоставления моим хозяевам. Таким образом, сегодня вечером мне потребуется секретарь из таможни и ваш вексель на пять тысяч крон, чтобы завтра с утра он уже поступил к Мераджио. Тогда я смогу начать действовать.

– И это все?

– Все. – Локки пожал плечами.

Несколько секунд дон Сальвара хранил молчание, затем махнул рукой.

– Ладно, во имя всех богов! Я согласен. Ударим по рукам

и будем надеяться на удачу.

На поверхности воды Цецилия замерла на площадке с занесенным топором. Она зорко следила за акулой, которая приближалась к ней с правой стороны неспешными волнообразными движениями. Слишком медленно для хорошего прыжка... Девушка перехватила топор поудобнее – и в этот самый миг огромное полосатое тело согнулось пополам, образовав что-то вроде буквы «U», и ринулось в ее сторону. В броске акула резко выпрямила хвост и нанесла сильнейший удар по ногам контрареквиллы – аккуратно под колени. Цецилия де Рикюра вскрикнула – скорее от неожиданности, чем от боли – и опрокинулась на спину.

Далее все произошло в считанные секунды. Мощные челюсти сомкнулись, и девушка лишилась одной, а может, и обеих ног. Стиснув зубами свою жертву, хищница кружила по воде – женское тело яростно извивалось на фоне темной блестящей шкуры. Смертельная карусель – белое, серое... белое, серое... Затем два сцепившихся тела ушли под воду, а на поверхности расплылось новое темно-красное пятно.

И вновь мнения зрителей разошлись. Кто-то неистово вопил и топал ногами, распаленный кровавым зрелищем. Другие молча склонили головы, отдавая дань отважной контрареквилле. Впрочем, длилось это недолго – на воде уже появилась следующая девушка. Праздник продолжался.

– О боги! – воскликнула донья София, глядя на расширяющееся пятно. Подруги стояли, потупившись; рядом жре-

цы вполголоса бормотали свои молитвы. – Просто невероятно! Как она ее подловила... и на какой примитивный трюк! Недаром мой отец говорил: мгновенная оплошность на Речных Игрищах стоит десятка в обычной жизни.

С низким поклоном Локки прильнул губами к ее руке.

– Он совершенно прав, донья София. Совершенно прав.

Он еще раз поклонился хозяйке дома, вложив в улыбку все свое очарование, затем обернулся для прощального рукопожатия с ее мужем.

Интерлюдия. Локки остается на ужин

1

– Как? – Локки чуть не вскочил с места. – Что вы такое говорите?

– Мой мальчик, – медленно произнес Цепп. – Моя маленькая непредсказуемая звездочка... Увы, твои горизонты весьма ограничены. Ты способен замыслить и провернуть хитрую комбинацию, но не можешь предугадать, к чему она приведет. Запомни: пока ты не научишься заглядывать в будущее и просчитывать отдаленные последствия, ты постоянно будешь подвергать опасности себя и своих единомышленников. Конечно, пока ты еще молод и зелен – тут уж ничего не поделаешь, – но даже в такие годы совсем не обязательно быть идиотом. Поэтому слушай меня внимательно. Первая твоя ошибка – ты приписал Веслину то, что он взял монету у стражника. За такое полагаются не зуботычины или плети, а смерть. Надеюсь, это ясно? В Каморре стража берет деньги у нас, но никак не наоборот. Это незыблемое правило, оно не допускает исключений. Будь ты хоть трижды выдающимся вором с самыми гениальными задумками, ты все равно обязан подчиняться этому закону и не имеешь права даже

помыслить о его нарушении. А кара одна – неважно, перерезанное горло или зубы акулы, но в любом случае ты предстанешь перед Богами. Проникся?

Локки кивнул.

– Поэтому когда ты подставил Веслина, ты *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО* подставил его. Но это еще не все. Ты многократно усугубил свою ошибку, воспользовавшись монетой из белого золота. Ты знаешь, сколько стоит полная крона?

– Много.

– Ха! «Много» – ничего не значащее слово. Ты что, не в ладах с теринским языком? Или в самом деле не знаешь?

– Полагаю, что в самом деле не знаю.

– Так слушай. В нормальных условиях этот крошечный кусочек блестящего белого металла стоит сорок серебряных солонов. Да-да, именно столько – двести сорок медяков. Судя по тому, как расширились твои глазенки, ты сумел представить себе эту кучу денег.

– Ни хрена ж себе!

– Вот именно. А теперь давай проясним еще кое-что. Обычная «желтая куртка» из числа нашей бескорыстной и неизмеримо великодушной городской стражи зарабатывает такую сумму за два месяца неустанного бдения. А ведь им неплохо платят по сравнению с обычными горожанами. И разрази меня гром, если им платят в белом золоте!

– Ой...

– Таким образом выходит, что Веслин взял не просто

деньги, а чересчур большие деньги. Целую крону! Моргайте рыдает, Нара хохочет! По большому счету, любую жизнь можно купить гораздо дешевле, в том числе и твою.

– А... а сколько вы заплатили за мою? – Локки прикоснулся к груди, где болталась на шнурке смертельная метка.

– Мне жаль огорчать тебя, но сумма составила два медяка, и я до сих пор не уверен, что с пользой потратил эти деньги. – Глядя на вытянувшееся лицо мальчика, Цепп разразился хриплым веселым смехом, но затем снова посерьезнел. – Ничего я тебе не скажу, можешь гадать дальше. Да это и не важно. Важно другое: серьезные парни делают серьезную работу за куда меньшие деньги. За крону можно купить весьма приличный пай в стоящем деле... если ты понимаешь, о чем я толкую. Вот и получается, что когда ты подкинул Веслину белую монету...

– Это получилось слишком много... за какую-то простую работу?

– В точку. Не просто много, а чертовски много за обычную информацию или что-то подобное. Ни один здравомыслящий человек не заплатит простому кладбищенскому вооришке целую крону за обычную работу. Другое дело, если ему поручили что-то особенное... Например, убить старого хозяина. Или выкурить его на хрен с Сумеречного холма вместе со всеми подопечными. Сам понимаешь, бедному Делателю Воров и так было неприятно обнаружить, что его парня подкупили. Когда же он узнал, о *КАКОЙ* сумме идет

речь...

Локки поспешно закивал.

– Итак, мы разобрали два серьезных промаха. Но и это еще не все. Твоей третьей ошибкой стала смерть Грегора. Скажи-ка, ты с самого начала предполагал для него такую ужасную кару?

– Нет. Я, конечно же, не любил его... но не настолько. Мой целью был Веслин. Если даже я и хотел насолить Грегору, то совсем не так сильно.

– Вот-вот. Ты выбрал цель, разработал хитрую комбинацию, но не просчитал весь расклад. Твоя интрига против Веслина неожиданно расширилась и затянула в свою орбиту беднягу Грегора.

– Ну да, все именно так и вышло! Я ведь уже признался, чего вам еще надо?

– Ага, теперь ты злишься! Еще бы не злиться... ты ведь сел в изрядную лужу, не так ли, мой мальчик? Выяснилось, что ты вовсе не такой умный, как думал. Оказывается, куча народу отнюдь не глупее Локки Ламоры. Какое невезение!

Мальчик резко задул свою лампу и в сердцах отшвырнул прочь. Описав дугу, та перелетела через парапет и исчезла в ночи. Звук ее падения затерялся в ночных шорохах. Локки сидел, обиженно нахохлившись, скрестив руки на груди.

– Ах, как легко и приятно избавиться от угрозы, которую несет простая лампа, – насмешливо проговорил Цепп, выпустив последнюю струйку дыма, и растер остаток самокрутки

о каменный парапет. – А позволь поинтересоваться, донесли ли герцогу обо всей этой истории?

Локки хранил молчание. Зубы стиснуты, нижняя челюсть выпячена – обычное упрямство смертельно обиженного ребенка, хмыкнул про себя священник.

– Что ж, Локки Ламора, я верю тебе, поскольку твой рассказ полностью совпадает с тем, что сообщил мне Делатель Воров. Если помнишь, перед заключением сделки я имел долгий разговор с твоим прежним хозяином, и он все мне рассказал. От него я узнал о твоей последней и самой страшной ошибке. Той самой, которая окончательно решила твою судьбу. Догадываешься, о чем речь?

Мальчишка помотал головой.

– Не знаешь или не хочешь говорить?

– Честно не знаю, – Локки потупился. – Я... я об этом не думал.

– Хорошо, подскажу. Для того, чтобы привлечь на свою сторону других ребят из «уличных», ты показывал им белую монету, не так ли? Возможно, даже объяснил, как собираешься ее использовать. И велел им помалкивать обо всем. Не скажешь ли, с какой-то стати им беспрекословно слушаться тебя?

Мальчик молчал, глядя на священника расширенными глазами. Прежняя упрямая гримаса сползла с его лица.

– Они... они тоже ненавидели Веслина, – предположил он наконец. – И хотели увидеть, как его накажут.

– Бесспорно. Вы получили это удовольствие. Но что потом, Локки? После того, как Веслин оказался мертв, и Грегор тоже, ваш хозяин наконец сумел немного успокоиться и обдумать ситуацию. Неужели в его голове не возникло никаких вопросов по поводу малыша Ламоры? А ну как он прихватил твоих разговорчивых товарищей и стал допытываться, не совершал ли этот самый Локки Ламора чего-нибудь необычного? Необычного даже для него?

– Ох ты! – Мальчишка ощутимо вздрогнул.

– То-то и оно! – Священник протянул руку и похлопал Локки по плечу. – Вот оно, просветление! Всегда сваливается, будто кирпич на голову, не так ли?

– Ну да...

– Итак, теперь ты видишь, *что* натворил. Сколько детей живет на вашем маленьком холме, Локки? Сто? Сто двадцать? Еще больше? А теперь прикинь, что будет делать ваш старый хозяин, если его подчиненные взбунтуются? Ну, один или два – это не проблема, с ними он справится. А если четыре? Восемь? Или вообще все вместе?

– Но мы... думаю, никому из нас такое даже в голову не приходило!

– А знаешь, почему? Потому что его власть основана не на здравом смысле, а на страхе. Самые старшие ребята боятся Учителя, а их, в свою очередь, боятся те, кто помладше – вроде тебя. Уничтожь этот страх, и трон Делателя Воров зашатается. И вот – пожалуйста: появляется Локки Ламора, ко-

торый размахивает своими идиотскими выходками, как флагом, и считает себя на порядок умнее всех остальных.

– Но на самом деле я не считаю себя умнее остальных...

– Брось, малыш. Еще три минуты назад ты именно так и думал. Послушай, что я тебе скажу, Локки Ламора. Я – гарриста в своей собственной, пусть и маленькой банде. Это означает, что я заправляю всеми делами по своему усмотрению. Точно так же твой старый хозяин является гарристой Сумеречного холма. А когда полномочия вожака подвергаются сомнению, в ход идут ножи. Посуди сам, как долго продержится у власти Учитель, если всем станет известно о том, что ты провел его, как незрячего щенка? О том, что он позволил одурачить себя какому-то сопляку?! Поверь, старик никогда не смог бы восстановить свой контроль над сиротками. Они тянули бы его в разные стороны, пока дело не кончилось кровопролитием.

– Именно потому он и захотел от меня избавиться? А как с остальными «уличными»? С теми, кто помогал мне в деле с Веслином?

– Хороший вопрос. Ответ на него напрашивается сам собой. Делатель Воров берет детишек с улицы и какое-то время держит их у себя, пока тем не исполнится тринадцать-четырнадцать лет. Он преподает им основы своего искусства – как обработать жертву, как изъясняться на воровском жаргоне и заводить нужные знакомства среди Правильных Людей, как правильно вести себя в обществе и как избежать петли.

Когда детишки подрастают, Учитель продает их в шайки покрупнее, в настоящие банды. Понимаешь? Он работает по заказу. Например, Серолицым нужна девчонка-домушница, а, скажем, Парни из Арсенала хотят маленького задиристого хулигана. Очень удобно – банды получают нужных людей, которых уже не надо переучивать.

– Да, я понимаю. Так вот почему он продал меня вам...

– Именно. Потому что ты – весьма необычное создание. Ты обладаешь рядом чрезвычайно ценных качеств, хотя и обращаешь их на отвратительные цели. А что представляли собой твои маленькие друзья из «уличных»? Какими талантами отличались? Да никакими. Обычная стайка мелких «щипачей» и «живцов». Со временем Делатель Воров, конечно, довел бы их до ума, но сейчас они еще просто не дозрели. Никто не даст за них и медяка... не считая, конечно, работорговцев. Но ваш старый хозяин не лишен определенных понятий о чести – он никогда не продаст своего воспитанника в рабство. Даже за все богатства Каморра.

– Выходит, как вы сказали, ему пришлось что-то делать с ними... со всеми, кто знал о белой монете и мог проболтаться. А я оказался единственным, кого он сумел продать.

– Именно, мой мальчик. Что же касается остальных... – Цепп пожал плечами. – Обычно все происходит очень быстро. Три-четыре недели, и никто даже не вспомнит о них. Ты же знаешь, как это бывает на Холме.

– Получается, я *УБИЛ* их?!

– Да. – Цепп даже не потрудился понизить голос. – Ты в самом деле сделал это. Затеяв охоту на Веслина, ты попутно убил Грегора и своих маленьких сообщников. Сколько их было – четверо, пятеро?

– Черт!!!

– Теперь ты понимаешь, что такое последствия? Осознаешь, почему надо продвигаться к своей цели осторожно, заглядывать вперед, контролировать происходящее? Ты должен на какое-то время успокоиться и выждать, чтобы твой разум созрел и смог уравновесить твой поистине уникальный преступный талант. Впереди у нас годы совместной работы, Локки. Долгой, кропотливой и спокойной работы. И если ты хочешь остаться здесь, то должен принять то же самое железное правило, что и остальные мои ученики: никаких проделок, никакого жульничества. Забавы кончились, мой мальчик – ты будешь делать только то и тогда, когда я скажу. Запомни: когда такой умник как ты давит на мир, мир с такой же силой давит на него. В результате страдают те, кому не повезло оказаться поблизости. Я ясно выражаюсь?

Локки кивнул.

– Отлично. – Цепп распрямил плечи и с усилием pokrutil головой – откуда-то изнутри его тела донеслись щелчки и хруст. – О-хо-хо! А теперь ответь мне: ты знаешь, что означают слова «плата за смерть»?

– Нет.

– Это то, что мы делаем друг для друга во имя нашего

Благодетеля. Не только те, кто посвятил себя Тринадцатому, но и все, живущие за счет обмана и мошенничества. Короче, все Правильные Люди Каморра. Когда кто-то умирает по нашей вине, мы обязаны добыть нечто ценное и принести это в жертву. Да-да, буквально выбросить, понимаешь? В огонь, на дно моря... как угодно, но расстаться с данной вещью. Мы делаем это для того, чтобы облегчить нашим друзьям их дальнейший путь. Ты меня понимаешь?

– Да-а, но мой старый хозяин...

– Он тоже так поступает, можешь мне поверить. Для него это нелегко, ведь Делатель Воров – страшный скряга. Поэтому свои жертвоприношения он делает в одиночестве, без лишних глаз. Скорее всего, даже не говорит вам об этом. Но старик всегда – слышишь, всегда! – оплачивает свои счета. Он расплатился за каждого потерянного воспитанника. Но тут есть еще один важный момент: ты не можешь принести в жертву какую-то *свою* вещь, ту, которой уже обладаешь. Чтобы все прошло правильно, ты должен обязательно выйти на улицу и украсть ее. Да-да, именно украсть! Нельзя взять вещь с согласия ее владельца или тем паче при его участии. Улавливаешь? Это должно быть настоящее, стопроцентное воровство.

– Да...

Отец Цепп похрустел пальцами, разминая суставы.

– Так вот, Локки Ламора, тебе предстоит внести плату за смерть каждого из своих товарищей. Причем за каждого в

отдельности. За Веслина, за Грегора... и еще по одной за каждого из «уличных» мальчишек и девчонок, которых ты убил. Точное количество станет известно мне в ближайшие дни.

– Но я... они ведь не...

– Ошибаешься, Локки, они были твоими друзьями. Очень хорошими друзьями! Только настоящие друзья могут преподать тебе такой важный урок, а именно: каждая смерть влечет за собой последствия. Одно дело – убить кого-нибудь в схватке, для самозащиты или из мести. И совсем другое – лишить человека жизни по беспечности, просто потому, что не дал себе труда подумать... Подобные смерти бременем ложатся тебе на плечи и остаются там до тех пор, пока ты не станешь настолько осмотрителен, чтобы заставить плакать самого Переландро. Твоя плата за смерть составит тысячу полных крон за голову. И все эти деньги ты должен украсть собственноручно, с соблюдением указанных условий.

– Что-о?! Тысячу крон за каждого?! Целую тысячу?

– Ты сможешь снять со своей шеи смертельную метку лишь тогда, когда выплатишь последнюю монету. И ни секундой раньше!

– Но это же невозможно! На это уйдет вечность!

– Точнее сказать – уйдут годы. Но таковы правила, мой мальчик. Запомни: все мы, живущие в этом храме, – воры, а не убийцы. Если ты хочешь жить со мной, то должен научиться уважать мертвых. Заруби это себе на носу, Локки:

погибшие дети – твои жертвы, и ты, перед лицом всех Богов, кое-что задолжал им. Поэтому прежде, чем остаться здесь, тебе придется принести клятву на крови. Готов ли ты к этому?

На какое-то время мальчишка погрузился в раздумья. Затем мотнул головой, будто разгоняя черные мысли, и решительно кивнул.

– Тогда дай мне свою левую руку.

Локки повиновался. Достав откуда-то из складок рясы тонкий черненый стилет, священник провел им по своей ладони, потом крепко взял протянутую руку мальчика и сделал неглубокую царапину на складке между его большим и указательным пальцами. После чего оба мужчины, старый и совсем маленький, пожали друг другу руки, удерживая захват, пока кровь их не перемешалась и не потекла по запястьям.

– Теперь ты стал одним из нас – Благородных Подонков. Я твой гарриста, а ты мой *пезон*, маленький солдат. Ты только что поклялся на крови сделать то, о чем я говорил. Принести жертвы за тех, кого погубил по неосторожности.

– Я сделаю это, – тихо произнес Локки.

– Хорошо. В таком случае ты можешь остаться на ужин. Идем отсюда.

Они подошли к завешенной двери в святилище. За ней открывался мрачный закопченный коридор, который вел к таким же грязным и убогим кельям. Повсюду царила сырость, толстый слой плесени покрывал стены. В каморках горели масляные лампы, в их мутно-желтом свете Локки разглядел грубо сколоченные нары с соломенными тюфяками. На них валялись свитки и потрепанные книги, с крючьев на стене свисали поношенные рясы весьма сомнительной чистоты.

– Пусть тебя не удивляет такое убожество, – заметил Цепп, остановившись на пороге ближайшей к двери каморки. Он обвел помещение широким жестом радушного хозяина, представляющего гостям свои владения. – Это необходимая маскировка. Видишь ли, порой к нам заглядывает то отец-попечитель, то какой-нибудь бродячий священник из ордена Переландро, и будет лучше, если они увидят то, на что рассчитывают.

Личное ложе Цеппа (как рассудил Локки, исходя из длины цепи, ведущей к кандалам в соседней комнате) располагалось поверх куска скальной породы, выступающей из стены на манер естественной полки. Засунув руку под кипу несвежих одеял, священник что-то повернул – раздался металлический щелчок, после чего верх постели откинулся, как

крышка гроба. Выяснилось, что ложе представляет собой деревянную панель, посаженную на металлические петли. Изпод нее лился золотистый свет и целый букет ароматов, свойственных высококлассной каморрской кухне. Тут у Локки не имелось сомнений – именно такие запахи приносил ветер, дующий с Альсегранте, так же пахло из открытых дверей городских гостиниц и особняков.

– Вперед! – взмахнул рукой Цепп. Мальчик опасно заглянул под откинутую крышку. Там обнаружилась деревянная лестница, которая спускалась футов на двадцать, заканчиваясь на отполированной деревянной площадке. – Хватит пялиться, полезай внутрь!

Локки повиновался. Ступеньки оказались широкими и совсем невысокими, спускаться было легко. Вскоре мальчик уже стоял в начале высокой галереи, которая, казалось, перенеслась сюда из герцогской башни. Насчет покрытия он не ошибся: пол действительно устлала доска из золотистого полированного дерева, тихонько поскрипывая под ногами. Стены и арочные перекрытия были целиком вырезаны из золотисто-молочного стекла, которое испускало слабое мерцающее свечение. Оно напоминало солнечные лучи, в ненастный день пробивающиеся сквозь пелену облаков. Казалось, свет идет отовсюду и ниоткуда – светились сами стены.

Скрип ступенек и стариковское кряхтенье дали понять, что отец Цепп спускается следом. Звук его шагов сопровождался тихим звяканьем. Локки заметил, что священник та-

щит джутовый мешок с пожертвованиями горожан. Через минуту Цепп спрыгнул с лестницы и оказался рядом с мальчиком. Он потянул за веревку, привязанную к лестнице, и крышка с фальшивой постелью вновь захлопнулась.

– Что скажешь? По-моему, здесь несколько приятнее.

– Да. – Локки провел рукой по идеально гладкой поверхности стены – она была ощутимо прохладной. – Это ведь Древнее стекло?

– Да уж не штукатурка, – проворчал Цепп, подталкивая мальчишку налево по коридору, который заворачивал за угол. – Тут повсюду Древнее стекло. Подвал вроде как вырезан в нем, а наземная часть храма – само здание – служит своего рода затычкой, наглухо запирающей это подземелье. Причем, насколько я могу судить, в стенах нет ни единой трещинки, ни одного разлома, кроме нескольких туннелей, которые ведут в другие весьма любопытные места. Благодаря такой конструкции подземные помещения всегда остаются сухими, сюда не просачивается ни капли воды, даже во время наводнений. Опять же никаких крыс, тараканов и прочей подземной пакости. Здесь можно спокойно жить и заниматься своими делами.

Мальчик прислушался. Из глубины коридора доносился звон металлических кастрюль и приглушенное хихиканье братьев Санца. Пройдя несколько шагов и завернув за угол, священник с Локки очутились в достаточно удобной кухне. Высокие деревянные шкафы вдоль стен, в центре сто-

ит длинный стол из ведьмина дерева, окруженный стульями с высокими спинками. Разинув от удивления рот, мальчик рассматривал их черную бархатную обивку и золотые вензеля на дереве. Вот так кухня!

Кало и Гальдо хлопотали возле кирпичной полки, центральную часть которой занимала огромная плита из белого алхимического камня. Близнецы переставляли на ней сковородки и что-то нарезали, звеня ножами. Локки знал об удивительных свойствах этого диковинного материала – ему и раньше доводилось видеть небольшие кусочки алхимического камня. Если плеснуть на него водой, камень раскалялся и давал устойчивое бездымное тепло. Но этот образец поражал своими размерами: плита весила, наверное, не меньше самого отца Цеппа. На глазах у Локки один из братьев (Кало или Гальдо?) приподнял сковороду и подлил воды из кувшина прямо на шипящую поверхность. Тут же от нее поднялся поток пара, щедро сдобренный такими запахами, что рот у мальчика мгновенно наполнился слюной.

Над столом из ведьмина дерева сияла удивительная люстра – стеклянная, с дугами из чистого золота. Уже позже, став постарше, Локки узнал, что называется она армиллярной сферой.¹ В самом центре устройства находился алхимический шар, изображающий Солнце, который испускал

¹ Армиллярная сфера – древний астрономический инструмент для измерения углов на небесной сфере, состоящий из подвижных колец, изображающих различные круги небесной сферы

бело-бронзовое свечение. Вокруг него на концентрических стеклянных кольцах, соответствующих небесным орбитам, располагалась их земля и прочие планеты со спутниками, включая три земные луны. Все вместе составляло довольно точную копию небесной сферы. На ее внешних границах поблескивали сотни мелких звездочек, выглядевших так, будто брызги раскаленной магмы внезапно застыли на лету. Свет играл и блестел на всех гранях люстры, но было в нем что-то неправильное. Казалось, что стены и потолок вытягивают свет из алхимического солнца, поглощая его и перераспределяя по всей поверхности Древнего стекла в этом диковинном подземелье.

– Добро пожаловать в наш настоящий дом, маленький храм, посвященный Благодетелю! – Цепп скинул на стол мешок с монетами. – Наш официальный покровитель Переландро придерживается точки зрения, будто благочестие предполагает аскетизм, то есть отказ от мирских благ. Мы же здесь, внизу, выражаем свое понимание вещей через их приятие... если ты понимаешь, о чем я. Эй, мальчики, полюбуйтесь – он пережил-таки свое собеседование!

– Мы и не сомневались, – заявил один из близнецов.

– Ни секунды, – поддержал его другой.

– А еще нам не терпится услышать, за какие-такие проделки его выперли с Сумеречного холма, – как водится, хором закончили братья.

– Узнаете позже, когда станете старше. Много старше! –

отрезал священник, покачав головой и бросив выразительный взгляд на Локки, словно желая убедиться, что тот его понял. – Сдается мне, Локки, ты понятия не имеешь, как накрывать на стол?

Мальчик отрицательно помотал головой, и Цепп повел его к высокому шкафчику, стоящему слева от плиты. Внутри на полке хранились стопки фарфоровых тарелок с ручной росписью. Достав одну из них, священник предъявил своему новому питомцу герб в центре тарелки: рука в рыцарской перчатке сжимает стрелу и виноградную лозу. По краю шла золотая каемка.

– Позаимствована в бессрочное пользование у доны Изабеллы Манечеццо, вдовствующей тетушки нашего герцога, – пояснил Цепп. – Пожилая бездетная госпожа вряд ли устраивала шумные пиры, поэтому эти чудесные тарелки были ей совсем ни к чему. Готов поспорить, что она ими ни разу не пользовалась. Видишь – наши действия, которые со стороны могут показаться жестокими и несправедливыми, на поверку весьма разумны и целесообразны. Все дело в правильной точке зрения. Вот тебе, кстати, великолепный пример, показывающий отношение нашего Благодетеля к жизни. По крайней мере, то, как я его вижу – разница невелика.

Священник передал тарелку Локки (тот судорожно вцепился в реликвию, пожирая глазами золотую кайму фарфорового чуда) и любовно погладил полированную столешницу из ведьмина дерева.

– А этот стол когда-то принадлежал Мариусу Кордо, известному тал-вераррскому торговцу, и занимал почетное место в огромной каюте трехпалубного галеона. Видел бы ты это судно... Грандиозно! Восемьдесят шесть весел! Мы не слишком поладили с его хозяином, поэтому я обчистил корабль – забрал старинные кресла, ковры, гобелены, всю дорожную одежду... Деньги не тронул – у меня были свои принципы. И все украденное отправил на дно Медного моря, оставив себе лишь этот стол. Теперь посмотри на это. – Священник ткнул пальцем в сторону люстры. – По заказу старого дона Левиана ее перевозили по суше в охраняемой повозке. И, представь себе, в дороге драгоценный груз непонятным образом исчез – в пункт назначения прибыл пустой ящик с соломой. – Цепп достал еще три тарелки и передал их мальчику. – Черт побери, я был виртуозом в былые времена, когда еще зарабатывал на пропитание *ОБЫЧНЫМ* воровством!

– Ой... – Локки опасливо прижал к себе тяжелые тарелки.

– Поставь одну там – для меня. – Небрежным жестом старик указал на стул, стоящий во главе стола. – Еще одну – слева, это будет твое место. Оставшиеся две справа, для Кало и Гальдо. И запомни, как если бы ты был моим слугой – это наша повседневная столовая посуда. Сможешь повторить?

– Повседневная столовая посуда.

– Молодец. Такую посуду аристократия использует для трапез в узком кругу.

Строго посмотрев на мальчика – все ли усвоено? – священник продолжил знакомить его с многообразием бокалов, столовых приборов и льняных салфеток.

– Разве это острое? – удивился мальчик, разглядывая скругленный нож для масла. – Он никуда не годится – не то что убить, даже порезать нельзя!

– Пожалуй, это было бы непросто, мой мальчик, – согласился Цепп, забирая нож и водружая его рядом с тарелкой. Затем он аккуратно расставил мелкие блюдечки и глубокие суповые тарелки. – Но запомни, сынок: за столом у знати считается неприличным убивать с помощью ножа – только яды! И вообще этим предметом намазывают масло, а не перерезают горло врагу.

– Сколько сложностей ради того, чтобы просто поесть!

– Понимаю, у себя на Сумеречном холме вы ели горелую поджарку и черствые горбушки прямо с задницы друг у друга – ваш хозяин не слишком заботился об этикете. Но теперь ты вступил в славные ряды Благородных Подонков. Подчеркиваю – не просто Подонков, но еще и благородных. Поэтому учись есть и обслуживать своих гостей, как принято в приличном обществе.

– Но зачем?

– Да затем, Локки Ламора, что когда-нибудь тебе придется обедать с баронами, графами и герцогами. Ты можешь оказаться за одним столом с богатыми купцами, с адмиралами и генералами, с прекрасными знатными дамами! И когда

это случится... – Священник двумя пальцами прикоснулся к подбородку мальчика и, приподняв его, заставил посмотреть себе в глаза. – Так вот, я хочу, чтобы никто из тех надутых идиотов даже не заподозрил, что рядом с ними сидит вор.

3

– Разве не очаровательно?

Приподняв пустой бокал, Цепп указал им на роскошно накрытый стол. От медных мисок и тяжелых фаянсовых тарелок поднимался ароматный пар – сотрапезникам предстояло испробовать результаты стряпни братьев Санца. Локки, восседавший на дополнительной подушке – так, чтобы его локти дотягивались до края стола, – глядел на все широко распахнутыми глазами. Переход от его прежней жизни на старом кладбище к новому существованию в обществе этих милых и необычных людей произошел столь быстро, что у мальчика слегка закружилась голова.

Цепп взял бутылку, где переливалось темное и вязкое как ртуть содержимое, которое он назвал алхимическим вином. Едва он откупорил бутылку, воздух в комнате наполнился терпким запахом можжевельника, перебившим все ароматы горячей еды. Священник щедро плеснул вина в пустой бокал и поднял его на уровень глаз. На просвет жидкость блестела

и переливалась, как расплавленное серебро.

– Я наполняю этот бокал для того, кто незримо присутствует за нашим столом – нашего защитника и покровителя, Хранителя всех плутов, Отца неизбежных уловок.

– Благодарим тебя за полные карманы наших беспечных сограждан, – произнесли в унисон близнецы, и Локки поразился их серьезному тону.

– Благодарим за глубокий сон часовых на страже, – подержал их Цепп.

– Благодарим за этот город, который нас кормит, а также за темную ночь, что нас укрывает, – откликнулись братья.

– Благодарим за друзей, которые помогают нам пристроить добычу! – закончил посвящение отец Цепп и осторожно поставил бокал на середину накрытого стола. Затем он взял еще один бокал и на палец налил в него серебряной жидкости. – А этот бокал – для нашей отсутствующей подруги. Мы все желаем крепкого здоровья Сабете и молимся за ее успешное возвращение.

– Может, нам повезет, и она вернется не такой сумасшедшей, как прежде, – вмешался один из братьев Санца, которого Локки для удобства обозначил про себя как Кало.

– И хоть чуточку поскромнее, – добавил Гальдо. – Лишняя скромность Сабете не повредит.

– Братья Санца желают доброго здоровья Сабете. – Священник задержал бокал в руках и строго посмотрел на близнецов. – И молятся за ее счастливое возвращение.

– Да! Мы желаем ей здоровья!

– И счастливого возвращения... это было бы здорово.

– А кто такая Сабета? – тихонько спросил мальчик у священника.

– О, это украшение нашей маленькой банды, единственная девочка среди нас. К сожалению, сейчас она отсутствует по причинам... скажем так, образовательного характера. – Цепп поместил этот бокал рядом с первым и потянулся к бокалу Локки. – Кстати, тоже подарочек от твоего бывшего хозяина. И тоже чрезвычайно одаренная девица! Особенно по части того, как доставлять неприятности окружающим.

– Под окружающими он имеет в виду нас, – ввернул Кало.

– А скоро и ты к нам присоединишься, – усмехнулся Гальдо.

– Хватить трещать, сороки! – прикрикнул на них священник. Он плеснул ртутного вина в бокал мальчику и передал его со словами: – У меня еще один тост и еще одна молитва. За Локки Ламору, нашего нового брата и моего нового пезона. Мы рады приветствовать его в нашем узком кругу. Желаем ему здоровья и просим у нашего покровителя мудрости для него.

Теми же уверенными и изящными движениями Цепп налил вина Кало и Гальдо, а потом до краев наполнил свой бокал. Священник и братья Санца потянулись друг к другу, чтобы чокнуться, и Локки поспешно последовал их примеру. Серебро плескалось и просвечивало сквозь золото.

– Добро пожаловать в общество Благородных Подонков! – Цепп легонько прикоснулся своим бокалом к бокалу Локки. Раздался тихий нежный звон, который постепенно растаял в воздухе.

– Лучше бы ты выбрал смерть! – заметил Гальдо.

– Он ведь предлагал тебе такой выбор, не правда ли? – поддержал его Кало, чокаясь с братом. Затем они оба потянулись через стол к бокалу Локки.

– Смейтесь, смейтесь, мальчики. – Цепп покачал головой, сделал большой глоток вина. – Помяните мое слово: если этот бедняжка переживет ближайший год, то вы оба окажетесь у него на побегушках, превратитесь в дрессированных обезьянок и станете плясать под его дудку. Вперед, Локки, твое здоровье!

Мальчик поднял бокал с вином. На серебряной поверхности он увидел искаженное отражение – крошечное колеблющееся лицо на фоне ярко освещенного потолка. В нос ему ударил винный букет – смесь аниса и можжевельника. Слегка поморщившись, он поднес бокал со своим отражением ко рту и отпил. Первый же глоток породил в нем странные двойственные ощущения. Казалось, будто вино пошло сразу двумя путями: струйка обжигающего, щекочущего тепла потекла вниз по горлу – и в то же самое время небо застыло, ледяные щупальца протянулись через нос к носовым пазухам. Глаза У Локки едва не вылезли из орбит, он закашлялся и поднес руку к внезапно онемевшим губам.

– Это зеркальное вино из Тал-Верарра, – пояснил Цепп. – Отличная штука! Ты, главное, не останавливайся – быстро заешь чем-нибудь, иначе у тебя ум за разум зайдет.

Кало и Гальдо поспешно убрали пропитанные паром салфетки, которыми до поры до времени были накрыты миски с едой, и взору предстало поистине великолепное зрелище. Чего тут только не было!

Великолепные колбасы, тонко нарезанные и обжаренные в масле с четвертинками груш; сладкий перец, мелко накрошенный и перемешанный с протертым миндалем и шпинатом; холодные черные бобы в винно-горчичном соусе; потрясающие крохотные пирожки из кусочков цыпленка в тесте – их запекали в печи, пока тесто не стало тонким и прозрачным, как бумага. Бедный Локки не успел и глазом моргнуть, как братья Санца наложили ему на тарелку всего понемногу.

Неуклюже орудуя серебряной двузубой вилкой и одним из тех самых скругленных ножей, мальчик начал запихивать еду в рот – и едва не ошалел от неожиданной комбинации вкусовых ощущений. Пирожки были приправлены имбирем и апельсиновой цедрой, они поскрипывали на зубах, как намокшие опилки под ногой. Винный соус в бобовом салате согревал язык, а горчица обжигала горло. У Локки с непривычки голова пошла кругом, он едва успевал глотать вино, чтобы запивать, вернее, заливать пожар, разгоравшийся во рту.

Справившись с первым потрясением, мальчик посмотрел

на братьев Санца и с удивлением обнаружил, что те не едят. Наложив ему кушаний на тарелку, оба брата чинно сложили руки на коленях и застыли в ожидании. Убедившись, что их юный гость усиленно жует, священник обратился к Кало:

– Представь себе, что ты вадранский аристократ. К примеру, граф одного из кантонов Королевства Семи Сущностей. Ты находишься на званом обеде в Тал-Верарре, куда приглашено поровну дам и кавалеров. План размещения установлен заранее. В числе прочих гостей ты входишь в обеденный зал. Рядом с тобой находится дама, за которой тебе надлежит ухаживать. Твои действия?

– Проходи подобный обед в Вадране, я бы просто отодвинул для нее стул, – серьезно, без улыбки ответил Кало. – Но в Тал-Верарре более сложный этикет, здесь считается невежливым навязывать свое общество. Следует подождать, когда дама сама остановится возле стула и тем самым даст разрешение услужить ей. Следовательно, я дождусь, пока она сделает первый шаг.

– Неплохо, неплохо, – похвалил Цепп. Затем, одной рукой накладывая кушанья, он ткнул другой в сторону Гальдо. – Теперь ты. Чему равняется произведение семнадцати на девятнадцать?

Паренек прикрыл глаза и на несколько секунд погрузился в вычисления.

– Э-э... это будет триста двадцать три.

– Верно. А какова разница между вадранской и теринской

морскими лигами?

– Вадранская лига на сто... нет, на сто пятьдесят ярдов больше.

– Очень хорошо. Можете приступать к еде.

Пока братья, забыв о приличиях, сражались за наиболее лакомые кусочки, священник обернулся к Локки, который уже почти опустошил свою тарелку.

– Через несколько дней, Локки, я начну задавать вопросы и тебе. Ты должен будешь показать, чему научился. Так что если хочешь есть, придется трудиться.

– Но чему я должен учиться... помимо того, как накрывать на стол?

– Да всему! – Цепп выглядел чрезвычайно довольным. – Всему, мой мальчик. Как красть и как сражаться. Как лгать с честным лицом. Как готовить такую вот еду! Как изменять до неузнаваемости свой внешний вид. Ты должен уметь говорить, как аристократ, писать, как священник, и лепетать, как слабоумный дурачок.

– На последнее наш Кало особенный мастер, – вставил Гальдо.

– А му-у а на му-у ба-а, – пробормотал Кало с набитым ртом.

– Помнишь, я говорил, что мы работаем не так, как другие воры? Мы представляем собой совершенно новую воровскую разновидность. По сути, Локки, мы – актеры, лицедеи. Например, я сижу здесь и изображаю священника Переланд-

ро. Мой спектакль длится уже долгие годы, и все это время люди сами несут мне свои денежки. А иначе как бы я мог платить за эту прекрасную обстановку и за отличную еду, которую ты жуешь? Мне ведь пятьдесят три года, мой мальчик. В таком возрасте уже нелегко шастать по крышам и колдовать над замками. Сейчас моя слепота дает мне больше, чем раньше обеспечивали ум и ловкость. Я стал слишком тяжел и медлителен, чтобы участвовать в каком-нибудь интересном деле. – Цепп допил свое вино и налил новый бокал. – Но вы... Вся ваша четверка – ты, Кало, Гальдо и Сабета – воплощает собой то, чего я был лишен в юности. Самое лучшее и всестороннее образование! Я передам вам свои взгляды и навыки. Когда мы закончим процесс обучения, вы сумеете творить такие чудеса, перед которыми мое мошенничество в этом храме покажется детским лепетом.

– Звучит заманчиво, – заметил Локки, уже изрядно опьяневший. Теплая волна, поднимавшаяся внутри него, смыла привычную опаску и напряженность – неотъемлемые черты кладбищенского быта. – И с чего мы начнем?

– Ну, сегодня вечером – если только ты не будешь занят извержением своего первого в жизни приличного ужина – Кало и Гальдо приготовят тебе ванну. После того, как ты избавишься от своих нищенских ароматов, отсыпайся. А завтра наденешь одеяние мальчика-прислужника и отправишься на ступени храма собирать подаяние. Вечером же, – Цепп поскреб у себя в бороде, не отрываясь от бокала с вином, – я

возьму тебя на встречу с большим человеком. Его зовут капа Барсави, и думаю, ему будет интересно взглянуть на тебя.

Глава 3. Вымышленные люди

1

Уже второй раз за последние два дня в жизнь дона Лоренцо вторгались незнакомцы с прикрытыми лицами и в низко надвинутых капюшонах. На сей раз он столкнулся с ними сразу после полуночи в своем собственном кабинете.

– Закройте дверь, – произнес незванный гость грубым хриплым голосом. Судя по выговору, он был чистейшим каморрецем, а повелительные интонации выдавали в нем человека, привыкшего командовать. – Присаживайтесь, м'лорд, и не трудитесь звать на помощь. Боюсь, что сейчас ваш телохранитель не вполне дееспособен.

– Кто вы и какого черта здесь делаете? – Рука Сальвары метнулась к поясу и замерла на полпути – клинка там не было. Он послушно притворил дверь, но остался стоять на пороге, не желая подходить к письменному столу. – Как вы сюда попали?

Оставив его вопросы без ответа, незнакомец откинул капюшон. Взору дона Лоренцо предстало худощавое лицо с острыми скулами и небольшими холеными усами. Черные волосы безупречно уложены, правую щеку пересекает ста-

рый шрам. Порывшись в складках черного плаща, мужчина вытащил черный кожаный бумажник и раскрыл его так, чтобы Сальвара мог разглядеть содержимое. Там лежала золотая пластинка, заключенная в сложную конструкцию из матового стекла.

– О боги! – Пораженный дон Лоренцо без сил упал в кресло. – Вы Полуночники?

– Именно так. – Незнакомец закрыл свой бумажник и спрятал обратно под плащ. Его молчаливый напарник, по-прежнему скрывавший лицо капюшоном, бесшумно прошел и встал в нескольких футах за спиной дона Сальвары, отрезая ему путь к отступлению. – Приносим извинения за наше ночное вторжение, но мы вынуждены соблюдать секретность в своей работе.

– Неужели... неужели я как-то оскорбил его светлость?

– Насколько мне известно, м'лорд Сальвара, нет. Собственно, мы здесь для того, чтобы предотвратить подобное преступление.

– Ясно. Позвольте спросить, что вы сделали с моим бедным Конте?

– Ничего страшного, просто помогли ему ненадолго уснуть. Необходимая мера предосторожности. Мы знаем безграничную преданность вашего слуги, равно как и его опасность. Нам хотелось избежать недоразумений.

В качестве доказательства стоящий сзади человек приблизился к столу и выложил на него боевые стилеты Конте.

– Понятно. От души надеюсь, что с ним будет все в порядке. – Не отрывая взгляда от незнакомца со шрамом, дон Сальвара постукивал пальцами по лакированной столешнице. – В противном случае я буду очень огорчен.

– Мы не причинили ему вреда. Слово доверенного лица герцога.

– Что ж, я вам верю... пока.

Незнакомец вздохнул и протер глаза рукой в перчатке.

– Мне не хотелось бы начинать наш разговор в подобном тоне, дон Лоренцо. Еще раз извиняюсь за непрошеное вторжение, но поверьте, нам пришлось так поступить ради вашей же пользы. У нашего начальства имеются чрезвычайно веские основания беспокоиться о вашем состоянии. Я уполномочен поинтересоваться, хорошо ли вы провели сегодняшний день на Игрищах?

– Недурно. – Дон Сальвара говорил осторожно, будто беседовал с адвокатом или судебским чиновником. – Впрочем, пока еще рано судить о результатах.

– Рад за вас. Вы ведь завтракали не в одиночестве?

– Естественно, со мной была донья София.

– Я имел в виду кое-кого еще. Не из числа подданных его светлости. Не каморрца.

– Ах да, у нас в гостях был некий торговец из Эмберлина. Его зовут Лукас Фервит.

– Из Эмберлина? О да, конечно, конечно. – Скрестив руки на груди, незнакомец в черном плаще окинул взглядом

кабинет Сальвары. Его глаза задержались на двух небольших портретах родителей дона Лоренцо, изящные рамки которых были украшены бархатными траурными ленточками. – Не хотелось бы огорчать вас, м'лорд, но этот человек такой же эмберлинский купец, как вы или я. Проще говоря, он мошенник. Аферист.

– Но это... – Дон Сальвара в волнении вскочил было на ноги, затем вспомнил о страже за спиной и счел за благо снова опуститься в кресло. – Это невозможно! Он...

– Прошу прощения, м'лорд. – На губах мужчины лоявилась натянутая улыбка, с которой взрослые люди обычно утешают чужих детей. – Позвольте спросить: вы когда-нибудь слышали о человеке по прозвищу Бич Каморра?

2

– Я не могу не воровать, иначе моя несчастная семья погибнет с голоду! – провозгласил Локки Ламора, подняв бокал с вином.

Вместе с остальными Благородными Подонками он сидел за столом в роскошном убежище под храмом Переландро. Кало и Гальдо располагались справа от него, Жеан и Жук – слева. Темный стол из ведьмина дерева был уставлен обильной едой, над головой горела привычная армиллярная

сфера, заливая комнату ровным золотым светом. Заявление Локки вызвало смех и презрительный свист.

– Лжец! – закричали хором его друзья.

Теперь настал черед Кало.

– Я не могу не воровать, поскольку жестокий мир не дает мне возможности зарабатывать на жизнь честным трудом! – произнес он, тоже поднимая бокал.

– ЛЖЕЦ!

– Я не могу не воровать, ибо хочу поддержать своего брата-близнеца, чья лень разбивает сердце нашей бедной матери! – с этими словами Гальдо толкнул в бок брата.

– ЛЖЕЦ!

– Я не могу не воровать, так как попал в дурную компанию, – заявил Жеан.

– ЛЖЕЦ!

Согласно ритуалу, очередь дошла до Жука. Подняв бокал слегка дрожащей рукой, мальчик выкрикнул:

– Я не могу не воровать, потому что это охренительно забавно!

– ПОДОНОК!

Под веселые возгласы и улюлюканье пятеро воров свели бокалы над столом. Свет золотыми бликами заиграл на хрустальных гранях и проник в таинственные глубины зеленого вераррского вина. Четверо мужчин враз осушили бокалы и стукнули ими о стол. Жук, уже слегка окосевший, опустил свой аккуратнее, с опаской.

– Господа, у меня в руках первые плоды наших многодневных трудов и страданий, – провозгласил Локки, демонстрируя пергаментный свиток с голубоватой восковой печатью представителя младшей аристократии Каморра. – Перед вами долговая расписка дона Сальвары на пять тысяч крон – завтра ее доставят к Мераджио. И, позволю себе заметить, эти деньги получены благодаря нашему юному другу.

– Мальчику из бочки! – воскликнули хором братья Санца, и в сторону Жука полетел катышек миндального печенья. Он пришелся мальчишке аккурат промеж глаз и, отскочив, упал на пустую тарелку. Подобрав комочек, Жук разломил его надвое и бросил обратно в шутников. Прямо в точку – мальчишка попал, несмотря на легкое опьянение.

– Вы знаете, что наша сегодняшняя встреча с клиентом прошла на редкость удачно, – продолжал говорить Локки, не обращая внимания на ворчание Кало, стряхивавшего крошки с бровей. – Но у нас не вышло бы ничего, если б не вчерашняя глупость Жука. Его отчаянный и безрассудный поступок едва не погубил его... но это было блестяще!

Непонятно как – вроде никто не заметил, – но во время речи Локки успел снова наполнить свой бокал и теперь поднял его в торжественном тосте:

– За Жука! За новую погибель для городской стражи!

Поднялся оживленный гомон; Жука так энергично хлопали по спине, что чуть не вышибли из него все выпитое. Когда веселье стихло, Локки наполнил еще один бокал и тор-

жественно поставил его посередине стола.

– Прежде чем мы приступим к трапезе, я хочу сказать еще кое-что, – раздался его голос в полной тишине. – Я наполняю этот бокал для нашего отсутствующего друга. Мы все тоскуем по дорогому отцу Цеппу и молимся за упокой его души. Пусть Покровитель всех плутов встанет за его спиной и охранит своего слугу-мошенника. Он был не только добрым, но и в своем роде честным человеком. – Локки накрыл бокал клочком темной ткани. – И он гордился бы таким учеником, как ты, Жук.

– Надеюсь, – откликнулся подросток, глядя на накрытый бокал. – Хотел бы я встретиться с ним.

– Ты стал бы глотком бальзама ему на старость, – произнес Жеан, запечатлев поцелуй на тыльной стороне своей левой руки. Этот жест служил своеобразным благословением среди приверженцев Безымянного Тринадцатого Бога. – Долгожданной наградой за его мучения с нашей четверкой.

– Жеан чересчур самокритичен. Мы-то с ним были еще ничего, можно сказать, святые. А вот братья Санца – те доставили ему хлопот. Бедный старик молился за них ночи напролет. – С этими словами Локки потянулся и откинул салфетку с одной из тарелок. – Давайте есть.

– Если он о чем и молился, так это о том, чтоб вы двое поскорее выросли и стали такими же отличными ребятами, как мы с братом! – Молниеносным жестом Гальдо перехватил руку своего гарристы. – А ты ничего не забыл, дружок?

– Что ты имеешь в виду?.. – начал Локки и умолк, натолкнувшись на пристальный взгляд трех пар глаз.

Жук с невинным видом возвел очи к люстре.

– А-а, вот ты о чем... Пропади оно все пропадом!

Локки поднялся с золоченого стула и прошествовал к буфету. Вернулся с крохотным бокальчиком в руках – чуть побольше наперстка. Плеснул капельку мятного вина. Поднимать не стал, а просто толкнул его к центру стола, где уже стоял бокал под черным лоскутом.

– А это еще кое за кого, тоже отсутствующего за нашим столом – уж не знаю, где ее носит в настоящий момент. И чтоб вам всем подавиться, за исключением Жука, которому огромное спасибо!

– Не слишком благочестивая молитва, особенно для жреца. – Кало поцеловал свою левую руку и помахал в сторону сиротливого бокальчика. – Она была одной из нас еще до твоего прихода, гарриста.

– Откуда тебе знать, о чем я молюсь? – огрызнулся Локки, сжимая край стола так, что побелели костяшки пальцев. – Может быть, о том дне, когда вы сами узнаете, что такое *настоящая* любовь? Такая, которая не задерживается ниже пояса, а поднимается выше... до самого сердца...

– Если чье-то сердце разбито, то в этом всегда виноваты двое, – мягко заметил Гальдо. – Не думаю, что это удалось бы ей без твоей помощи.

– А я бы добавил, – вмешался Кало, – что мы все вздохнем

с облегчением, если ты наконец возьмешься за ум и сходишь развлечься к шлюхам. Советую взять сразу трех, черт побери! Мы ведь вроде не испытываем недостатка в средствах?

– Ты уже задрал меня своими советами! Сколько можно?! – голос Локки сорвался на крик, и Жеан твердо сжал его бицепс.

– Не забывай – она была нашим другом, Локки. И все еще им остается. Так что тебе стоило бы найти для нее более ласковые слова.

Жеан потянулся за бутылкой и долил в бокал вина до самых краев, после чего выпустил руку Локки и поднял бокал вверх.

– За нашего отсутствующего друга! Мы желаем здоровья Сабете и молимся за наше братство.

Локки пристально посмотрел на него – целую секунду, которая показалась вечностью.

– Простите... – произнес он с тяжелым вздохом. – Я не хотел портить вам праздник. Это был плохой тост, и я сожалею о нем. Мне следовало бы серьезнее относиться к своим обязанностям.

– Я тоже извиняюсь, – как ни в чем не бывало, улыбнулся Гальдо. – Мы не виним тебя, дружище, за твои страдания. Чего уж там... Мы все знаем, какой была Сабета.

– А я не снимаю своего предложения насчет шлюх. – Кало пожал плечами. – Говорю абсолютно серьезно, парень. Найди подходящие ножны для своего кинжала и сразу почув-

ствуешь себя лучше.

– Я и так безумно счастлив, разве не видно? Мне вовсе не требуется ничего, улучшать. У нас с вами есть чем заняться сегодня вечером! Во имя любви Лукавого Покровителя, разве нельзя попросту придавить эту тему и забросить ее труп как можно дальше на дно залива?!

– Извини, – вздохнул Кало, чувствуя на себе требовательный взгляд Жеана. – Ты же знаешь, мы все желаем тебе добра. Прости, если мы чересчур настойчивы. Но она в Парлее, а мы здесь, и совершенно очевидно, что ты...

Он явно собирался развить свою мысль, но в этот момент в лоб ему хлопнулся еще один хлебный шарик. От неожиданности Кало вздрогнул и замолчал. В следующий момент такой же шарик настиг Гальдо, а третий, описав дугу, приземлился на колени Жеану. Локки успел вовремя вскинуть руку и отбить снаряд, предназначенный ему.

– Ну в самом-то деле! – Жук успел заготовить целую кучу хлебных катышков и сейчас держал их в ладони наподобие арбалетных болтов. – Вас послушаешь – взростеть не хочется. Неужели все это занудство ждет меня в будущем? Прямо противно... А мне казалось, что мы собрались праздновать нашу победу, которая сделает нас умнее и богаче всех на свете!

Слова подростка явно отрезвили всех. Во всяком случае, Локки потянулся и с улыбкой взял бокал из рук Жеана.

– Малыш прав. Давайте покончим с этим дерьмом и по-

обедаем по-человечески. – Он как можно выше поднял бокал и провозгласил тост: – За нас – самых умных и богатых на свете!

– Самые умных и богатых на свете! – хором повторили все присутствующие.

– Мы пьем за отсутствующих друзей, которые помогли нам стать тем, чем мы сегодня являемся. В наших сердцах живет тоска по ним...

Локки сделал крошечный глоток из маленького бокала и лишь затем поставил его на стол.

– ...И прежняя любовь, – тихо закончил он свой тост.

3

– Бич Каморра – это просто глупый миф, созданный людьми. Он всплывает всякий раз, когда на званом обеде кто-нибудь впечатлительный забудет разбавить себе вино!

– Тем не менее вы имели честь принимать Бича Каморра на вашей яхте, – мягко возразил человек со шрамом. – И он покинул ее с подписанным вами чеком на пять тысяч полновесных крон.

– Что-о?! Вы имеете в виду Лукаса Фервита?!

– Кого же еще!

– Послушайте, Лукас Фервит – вадранец. Да будет вам из-

вестно, что моя мать была вадранкой, и я знаю их язык! Лукас Фервит происходит из старинного эмберлинского рода, это видно с первого взгляда. Он постоянно ходит в черном сукне и пятится на шесть футов от любой женщины, посмотревшей в его сторону! – Дон Лоренцо в раздражении снял очки и положил их на стол, – Да этот человек охотно заложит своих детей за прибыль от бочки рыбьих потрохов. Мне не раз приходилось иметь дело с такими людьми! Говорю вам, Лукас Фервит никоим образом не каморрец и уж точно – не легендарный вор!

– Мой господин... Вам ведь двадцать четыре года от роду, не так ли?

– На нынешний момент – да. А какое это имеет отношение к делу?

– Полагаю, с тех самых пор, как ваши родители покинули вас – да пребудет с ними мир в Долгом Молчании! – вам довелось вести дела со многими торговцами. И наверняка многие из этих торговцев были вадранцами, не так ли?

– Именно так.

– А теперь подумайте: если мошенник, очень умный мошенник, захочет, чтобы вы приняли его за торговца... Как он будет одеваться и вести себя? Как рыбак? Как наемный арбалетчик?

– Боюсь, что не вполне улавливаю вашу логику.

– А логика в том, м'лорд Сальвара, что ваши собственные ожидания сыграли с вами злую шутку. Безусловно, у вас

острое чутье на представителей торговых кругов. Прошло не так много времени с тех пор, как вы взяли в свои руки состояние вашей семьи, и вот оно уже возросло в несколько раз. Теперь подумайте: если какой-нибудь ловкий мошенник захотел бы вовлечь вас в свой план, то самым мудрым для него было бы прикинуться купцом и полностью оправдать все ваши ожидания. То есть показать вам ровно то, на что вы рассчитываете.

– Так-так... кажется, я начинаю понимать, – медленно произнес дон Лоренцо. – Но если следовать вашей логике, тогда самоочевидность любой нормальной и законной вещи может служить доказательством ее поддельности. Я утверждаю, что Лукас Фервит – эмберлинский торговец, так как по всем признакам он выглядит именно таковым. А вы мне говорите, что те же самые признаки доказывают его обман. Нет, так не пойдет. Мне нужны более логичные доказательства.

– Что ж, м'лорд, позвольте мне зайти с другой стороны. – Человек со шрамом поглубже завернулся в черный плащ и бросил пыливый взгляд на молодого аристократа. – Если бы вы были вором, специализирующимся исключительно на знатных домах Каморрского герцогства, как бы вы скрывали ваши дела?

– Исключительно? Опять вы о своем Биче Каморра... Я говорю вам, что этого персонажа попросту не существует! Есть же определенные правила, в частности, Тайный Дого-

вор! Стоит кому-то его нарушить, как за дело возьмется вся преступная сеть Каморра.

– А если он сумел этого избежать? Положим, каким-то образом скрыл свои дела от собратьев-мошенников?

– Если... если... По слухам, Бич Каморра крадет только у богатых. – Дон Сальвара приложил руку к груди. – А еще говорят, будто он все до последней монетки отдает нищим. Мне что-то не приходилось видеть мешки золота, подброшенные на улицы Огневого района. Может быть, вам повезло больше, и вы встречались с угольщиками и ремесленниками в шелковых камзолах и расшитых туфлях? Я вас умоляю! Бич – это просто расхожая байка из тех, что рассказывают за кружкой пива. Искусный фехтовальщик, соблазнитель женщин, призрак, умеющий ходить сквозь стены. Просто смешно!

– Кстати, по поводу последнего... прошу заметить, м'лорд, ваши двери были крепко заперты, а окна закрыты – но вот же я, в вашем кабинете!

– Допустим. Но тем не менее вы остаетесь обычными людьми из плоти и крови.

– Именно, м'лорд, что и требовалось доказать. Но мы уклонились от темы. Так вот, что сделал бы наш предполагаемый вор для сокрытия своих мошенничеств? А ничего! Его жертвы, каморрские аристократы, все сделают сами. Давайте рассуждать дальше. Предположим – только предположим, м'лорд! – что Лукас Фервит действительно является Бичом

Каморра. Предположим далее, что при помощи хитрых махинаций ему удалось выпотрошить ваши сундуки. Ваши действия, м'лорд Сальвара? Что вы станете делать? Броситесь за помощью во дворец его светлости? Расскажите о своем конфузе в присутствии Палери Джакобо?

– Интересная постановка вопроса. Я думаю... возможно...

– Вот-вот-вот! Неужели вы хотите, чтобы весь город сплетничал о том, как вы остались в дураках? И кто из ваших деловых партнеров доверится вам после такого конфуза? Сколько времени потребуется на то, чтобы восстановить репутацию?

– Полагаю, это было бы очень сложно...

Рука таинственного гостя выскользнула из плаща – без перчатки, бледно выделяясь на фоне темных складок. Человек со шрамом поднял один палец.

– Четыре года назад дона Розалина де Марр потеряла десять тысяч крон. Фактически она выкинула их на ветер, получив взамен фальшивые права на богатейшие фруктовые сады, расположенные вверх по течению Анжевены. Сады, которых не существует в природе. – К одному пальцу добавился второй. – Несчастную дону Розалину превзошли дон и дона Фелуччия. Два года назад они потеряли вдвое больше. Бедняги полагали, что финансируют государственный переворот в Талишеме, который принесет Каморру неслыханные богатства. Наконец, в прошлом году, – ночной гость разо-

гнул третий палец, – старый дон Джаварриз выложил пятнадцать тысяч полновесных крон прорицателю, который обещал вернуть к жизни его первого сына.

Мужчина разогнул мизинец и помахал им перед носом дона Лоренцо.

– А что мы имеем сегодня? Дон и донья Сальвара намереваются вложить средства в некую секретную операцию. Весьма интересную и соблазнительную. Ответьте, уважаемый дон Лоренцо, доводилось ли вам слышать о проблемах тех почтенных горожан, чьи имена я вам назвал?

– Нет.

– Как странно... А между тем дона де Марр встречается с вашей женой в среднем дважды в неделю. Они сидят в вашем саду, обсуждая вопросы алхимической ботаники. Вы сами неоднократно играли в карты с сыновьями дона Джаварриза. И тем не менее все эти новости стали для вас неожиданностью?

– О да, уверяю вас!

– Для его светлости герцога Никованте это тоже стало неожиданностью. Мой господин потратил два года на то, чтобы проследить скрытые ниточки, которые связывают указанные преступления, м'лорд. Представьте, фамильные состояния не меньше вашего собственного исчезали, растворялись в воздухе – а жертвы молчали! Потребовался приказ самого господина герцога, чтобы разомкнуть их уста. Вот цена гордости и упрямства!

Некоторое время дон Лоренцо молчал, уставясь на столешницу, затем неуверенно произнес:

– Но Лукас Фервит снимает номер в «Скромном жилище». У него есть секретарь, превосходные костюмы, одни его очки стоят сотни крон. Он рассказывает невероятные вещи про дом бел Аустеров... – Дон Сальвара с надеждой посмотрел на человека со шрамом. Он выглядел как ученик, решающий сложную задачу на глазах у строгого учителя. – Вещи, которых не может знать никакой вор.

– А разве человек, укравший более сорока тысяч крон, не способен приобрести дорогую одежду? И этот бочонок невыдержанного коньяка... откуда нам с вами, людям, не имеющим отношения к дому бел Аустеров, знать, как он выглядит и какой у него вкус? Простите, но это простой блеф!

– Но один из адвокатов Радзоны, арендующих место у Мераджио, опознал его на улице.

– В этом нет ничего странного. Бич тщательно готовится к своим операциям. Он начал вживаться в роль Лукаса Фервита очень давно, возможно, еще до истории с доной де Марр. Еще пять лет назад он позаботился открыть легальный счет у Мераджио и положить на него вполне реальные деньги. У этого человека налицо все внешние признаки достатка, которыми должен обладать человек его положения... но самого Лукаса Фервита не существует! Это призрак, обманка, роль, которую он играет перед избранной аудиторией. Поверьте, я слежу за этим человеком уже несколько месяцев.

– Но мы с Софией вполне разумные люди. Если бы что-то было не так, мы бы наверняка заметили.

– Что-то не так? Очнитесь, м'лорд Сальвара! Да в этом деле все не так! От начала и до конца. Умоляю вас, дон Лоренцо, выслушайте меня внимательно. Будем оперировать фактами. Вы – известный в городе поставщик дорогих вин; вы каждую неделю посещаете вадранский храм в память о вашей матушке. Не кажется ли вам подозрительным, что в один прекрасный день неподалеку от храма вы встречаете вадранца, который, во-первых, попал в беду, а во-вторых, по чистой случайности занимается одним с вами делом? Довольно странное совпадение, не правда ли?

– А куда еще, как не в храм Благих Вод, идти вадранцу в Каморре, чтобы помолиться своим богам?

– Тут вы правы, согласен. Но посмотрите на все это невероятное нагромождение случайностей. Вадранский купец, торгующий спиртным, попадает в неприятное положение. При этом он как раз собирался встретиться с доном Джакомо – вашим кровным врагом, тем самым человеком, которого вы мечтаете уничтожить любой ценой! Весь город знает, что лишь запрет герцога Никованте мешает вам это сделать.

– Вы что, следили за нами во время встречи в той аллее?!

– Представьте себе, следили, и очень тщательно. Мы видели, как вы с вашим слугой бросились на помощь человеку, который, по вашему мнению, был в опасности. Мы...

– Что значит «по моему мнению»? На него напали!

– Да неужели? Мне жаль вас разочаровывать, м'лорд, но люди с платками на лицах являлись его сообщниками. Все нападение было разыграно с целью столкнуть вас с фальшивым купцом и его мифическим предложением. И заметьте – для того, чтобы завлечь вас в ловушку, мошенники цинично использовали все ваши жизненные ценности. Вашу симпатию к вадранцам, ваше чувство долга, вашу смелость, ваш финансовый интерес в области виноторговли... не говоря уже о страстном желании насолить дону Джакомо. А тот факт, что, по словам Фервита, он вынужден держать свой план в абсолютной тайне? Что всю операцию необходимо повернуть в крайне сжатые сроки? Это вас не настораживает? Да он просто играет на ваших амбициях и устремлениях, дон Сальвара!

Лоренцо молча сидел, устремив задумчивый взгляд на дальнюю стену кабинета; пальцы его нервно выбивали барабанную дробь по столешнице.

– Вы меня просто убили, – наконец признался он.

– Прошу прощения, дон Сальвара. Правда жестока и неприятельна. Естественно, Бич Каморра не десяти футов ростом и, конечно же, не умеет ходить сквозь стены. Но, поверьте, это самый настоящий вор, который скрывается под именем Лукаса Фервита. И он в самом деле уже присвоил ваши кровные пять тысяч крон и нацелился еще на двадцать.

– Так! – Лоренцо встрепенулся. – Я сегодня же пошлю человека к Мераджио, чтобы завтра с утра он опротестовал

мой чек.

– При всем моем уважении к вам, дон Сальвара, позвольте заметить, что именно этого делать и не следует. Я получил исключительно четкие инструкции от господина герцога. Нас интересует не только сам Бич, но и его сообщники, его связи, источники информации, вся сеть его приспешников и соглядатаев. Хвала богам, мы напали на горячий след и имеем возможность проследить за его делишками. Но достаточно одного промаха, малейшего намека на то, что его игра разоблачена, – и Бич Каморра ускользнет навсегда. Неизвестно, сколько лет нам придется ждать другого подобного случая. Да и дождемся ли? Его светлость герцог Никованте совершенно тверд в данном вопросе: все, кто замешан в этих махинациях, должны быть разоблачены и схвачены. И мы рассчитываем на вашу помощь и безусловное подчинение до конца операции.

– Но что же мне делать?

– Продолжайте вести себя так, будто полностью доверяете истории Фервита. Пусть он обменяет чек и получит деньги. Пусть воодушевится первым успехом. А когда он вернется и попросит еще денег...

– И что тогда?

– Отдайте их ему, господин. Дайте все, чего он пожелает.

Наконец обеденные тарелки убрали со стола и вручили за-
хмелевшему Жуку с наказом вычистить их до блеска мелким
песком и горячей водой. «Это исключительно важно в пла-
не твоего морального воспитания!» – крикнул Жеан в спи-
ну удалявшемуся мальчишке. А Локки и Кало удалились в
гардеробную, дабы начать приготовления к третьему, само-
му ответственному акту в игре с доном Сальварой.

Подземелье из Древнего стекла под Домом Переландро
делилось на три зала: в одном расположилась кухня-столо-
вая, другой делился деревянными перегородками на отдель-
ные спальни, а третий был целиком отведен под гардероб-
ную.

Здесь вдоль стен тянулись длинные ряды вешалок, на ко-
торых висели сотни предметов одежды, распределенных по
назначению, покрою, сезону, размеру и сословным различиям.
Там были лохмотья из мешковины, крестьянские рубахи
и передники мясников с брызгами засохшей крови. Там бы-
ли плащи – зимние и летние, простенько скроенные и сши-
тые у хорошего портного, скромные и искусно расшитые до-
рогими стразами и павлиньими перьями. Особое место бы-
ло отведено рясам и священным атрибутам большинства те-
ринских орденов: Переландро, Моргайте, Нары, Сендовани,

Ионо и прочих. Легчайшие шелковые блузы и стеганные дублеты, перчатки, галстуки, шейные платки... Имелась даже коллекция палок и тростей – ее экспонатов хватило бы на целую компанию хромых стариков.

Цепп начал собирать эти вещи более двадцати лет назад, и его ученики активно пользовались ими в хитроумных машинациях. Благородные Подонки практически ничего не выбрасывали – даже самые грязные и вонючие тряпки бережно чистились, окуривались алхимическими порошками и занимали свое место в коллекции. Если потребуют обстоятельства, их всегда можно будет заново испачкать и провонять.

В глубине гардеробной стояло огромное зеркало высотой в человеческий рост; еще одно, поменьше, располагалось на хитрой подвесной системе под потолком. В совокупности они позволяли человеку рассмотреть себя со всех сторон. В данный момент Локки стоял перед большим зеркалом, одетый в дублет и бриджи из бархата цвета полуночи. На нем были чулки сочного багрового цвета – именно так выглядит кровь, расплывающаяся на закате в водах залива. Простой каморрский галстук того же цвета стал идеальным завершением ансамбля.

– Ты уверен, что нам так нужна эта кровавая мелодрама? – ворчал Кало. Презирая дешевые эффекты, он выбрал себе серебристо-серые чулки и прочие дополнения. В остальном его костюм являлся точным повторением наряда Локки. Кало подобрал к локтю рукава дублета и аккуратно скрепил их

там запонками черного жемчуга.

– Это необходимая часть образа, – пояснил Локки, заправляя под дублет концы галстука. – Не забывай, мы Полуночники и знаем себе цену. Какой уважающий себя шпион ворвется посреди ночи в чужой особняк, разодетый в зеленое, или оранжевое, или белое?

– Тот же самый, который учтиво постучится в дверь.

– Тут ты, конечно, прав – но план есть план. У дона Сальвары был трудный и насыщенный день. Самое время нанести ему завершающий удар. А лавандовые или, к примеру, пунцовые оттенки... как бы тебе сказать... не настолько потрясают воображение.

– Что ж, если рассматривать это в таком контексте...

– Как тянет в спине этот чертов дублет, – пожаловался Локки. – Жан! Же-а-ан!

– Ну что там? – донеслось из дальней комнаты.

– Что-что... Наверное, мне просто нравится, как звучит твое имя! Иди сюда, болван!

Минутой позже в гардеробной появился Жан со стаканом бренди в одной руке и потрепанной книгой в другой.

– Мне казалось, что сегодня вечером Грауманн может отдыхать, – заметил он.

– Грауманн пусть отдыхает дальше. А мне нужна помощь самого бездарного портного, какой только есть в Каморре. – Локки нетерпеливо повел плечами.

– Вообще-то Гальдо помогает Жуку с посудой.

– Не умничай, очкарик, а берись за иголку.

Жеан обиженно насупился, но все же отложил книгу вместе с очками и полез в одну из деревянных шкатулок, стоящих в углу гардеробной.

– Что читаем? – поинтересовался Кало, скалывая галстук крошечной серебряной брошью с аметистом и одобрительно изучая себя в зеркало.

– «Кимлартен», – ответил Жеан, осторожно, чтобы не уколоться, продевая черную нить в косяную иглу.

– Опять корийский роман? – фыркнул Локки. – Как ты можешь читать эту слащавую дрянь? Никогда не понимал, что находят люди в таких сказках.

– Эти романы являются памятниками культуры эпохи Теринского Престола, – ответил Жеан, подходя к Локки сзади с распарывателем в одной руке и иголкой в другой. – И ничего слащавого там нет! В конце концов все три рыцаря сложили головы в пасти Зверя Вуаццо.

– Книжка-то хоть с картинками?

– Да, но, как обычно, проиллюстрированы не самые лучшие эпизоды. – Не прекращая разговаривать, Жеан управлялся со швами дублета так же бережно и аккуратно, как с замочными скважинами и карманами своих жертв.

– Просто распори по шву, – нетерпеливо посоветовал Локки. – Неважно, как это будет выглядеть, все равно под плащом не видно. А позже мы все сделаем, как надо.

– Мы? – хмыкнул Жеан, продолжая сосредоточенно рабо-

тать над спинкой дублета. – Полагаю, что этим так или иначе придется заниматься лично мне. Из тебя такой же портной, как из дворового пса автор изящных сонетов.

– Все-все, сдаюсь... О боги, насколько же так лучше! Теперь хватит места и для бумажника, и для других штук-сюрпризов на всякий случай.

– Как-то даже непривычно что-то распускать для тебя. Обычно, наоборот, приходится ушивать. – Жан аккуратно сложил швейные принадлежности назад в шкатулку. – Я бы на твоём месте не пренебрегал тренировкой, иначе наберешь еще полфунта.

– Ничего страшного, большая часть моего веса приходится на мозги, – ухмыльнулся Локки, подтягивая и закрепляя рукава у локтя на тот же манер, что и Кало.

– Я бы сказал, что ты на одну треть состоишь из дури, еще на треть – из алчности... одну восьмую отведем на наглость. А вот остальное, полагаю, и есть мозги Локки Ламоры.

– Очень остроумно! Раз господин эксперт пришел и так замечательно разложил все по полочкам, может, он же поможет мне заgrimироваться?

Прежде чем взяться за потертый деревянный ящик со множеством отделений, Жан сделал хороший глоток бренди из своего стакана.

– С чего начнем? С волос? Насколько я понимаю, тебе надо стать брюнетом.

– Как смоль. Думаю, эту роль мне придется играть три или

четыре раза.

Жеан обернул вокруг плеч Локки белое полотенце и закрепил его маленькой костяной булавкой, затем открыл сосуд с каким-то зельем и окунул пальцы в его содержимое – густой черный гель с сильным цитрусовым запахом.

– Хм-м... Цветом как уголь, а пахнет апельсинами. Нет, я, наверное, никогда не привыкну к чувству юмора нашей драгоценной Джиссалины.

Он начал методично втирать субстанцию в пепельные волосы друга.

– Даже черному аптекарю надо как-то развлекаться, – усмехнулся Локки. – Помнишь ту свечу-фейерверк с запахом говядины, которую она дала нам для собаки дона Фелуччиа?

– Да уж, обхохочешься, – прыснул Кало, продолжая заниматься своим костюмом. – На этот аромат сбегались бродячие кошки со всего Каморра – улица была буквально забита ими. А проклятый ветер постоянно менялся, и нам приходилось бегать, чтобы оставаться с наветренной стороны.

– Да, ночка выдалась не из приятных, – согласился Жеан. Он уже почти закончил работу. Мазь на волосах Локки застыла, придав им типичный для Каморра черный цвет, разве что с липким блеском. Однако многие мужчины в городе пользовались различными составами для укладки волос, так что прическа Локки выглядела правдоподобно.

Предварительно оттерев руки полотенцем, Жеан окунул

ветошку в маленькую скляночку с мазью жемчужного цвета и с ее помощью аккуратно смыл темные разводы со своих пальцев, затем тем же полотенцем прошелся по вискам и шее Локки, удалив малейшие брызги черной краски.

– Как насчет шрама? – поинтересовался он.

– Давай. – Локки провел мизинцем по правой скуле. – Вот здесь, если можно.

Жеан достал из легкого деревянного футляра что-то вроде белого мелка и провел короткую линию в том месте, где просил Локки. Через секунду или две раздалось тихое шипение, и Локки невольно поежился. Прямо на глазах белый след застыл, стянувшись блеклой коркой, и превратился в прекрасную имитацию старого рубца.

В этот момент в дверях гардеробной появился непривычно раскрасневшийся Жук. В руках он держал складной бумажник черной кожи размером чуть побольше обычного мужского кошелька.

– На кухне прибрано, – отчитался он. – А еще Гальдо сказал, что если я не принесу этот бумажник и не швырну в твою безмозглую голову – его слова, не мои! – то ты обязательно его забудешь.

– Только не надо понимать это буквально! – Локки потянулся за бумажником, пока довольный Жеан освобождал его от полотенца. – Если ты разобьешь эту вещицу, я лично засуну тебя в бочку и буду катить до самого Эмберлина.

В бумажнике хранилась сложная печать, выполненная из

золота, хрусталя и особого матового стекла. В этой операции она была самым дорогостоящим реквизитом – даже бочонок «Пятьсот второго» обошелся им дешевле. Мастеров для ее изготовления пришлось искать в Талишеме – городе-государстве, расположенном в четырех днях пути на южном побережье. Никто из каморрских умельцев вне зависимости от уровня достатка и мастерства не взялся бы подделывать печать тайной полиции господина герцога.

Стилизованный паук на фоне герба его светлости герцога смотрелся очень эффектно. Собственно, никто из Благородных Подонков не знал достоверно, как должна выглядеть заветная печать, поскольку никогда ее не видел. Но Локки рассудил, что, скорее всего, аристократ уровня дона Сальвары тоже никогда не сталкивался с подобным раритетом. Поэтому он свел воедино смутные слухи, ходившие в среде Правильных Людей Каморра, и набросал примерный эскиз, по которому и была изготовлена подделка.

– А Калека Дюран говорит, что Паук – дерьмо собачье, – заявил Жук, передавая Локки бумажник с печатью.

– Если взять мозги твоего Дюрана и опустить их в наперсток воды, – презрительно фыркнул Жан, – они там потеряются, как корабль в морских просторах.

– Заруби себе на носу, Жук, – проговорил Локки, осторожно, кончиками пальцев, обследуя прическу. – Полуночники – это реальность. И если, не дай боги, ты когда-нибудь попадешься на нарушении Тайного Договора... молись, что-

бы капя успел добраться до тебя раньше, чем люди герцога. Ибо Барсави – само милосердие по сравнению с теми, кто сидит во Дворце Терпения.

– Я и не сомневаюсь в существовании Полуночников, – возразил Жук. – Вот только некоторые поговаривают, будто сам Паук – это байка, не стоящая дерьма собачьего.

– О нет, мой мальчик, он тоже реален. – Локки провел пальцем по гладкой коже над верхней губой. – Жеан, подбери мне какие-нибудь усы, чтобы подходили к волосам... Во главе Полуночников, несомненно, кто-то стоит. Мы с Жеаном уже не первый год ломаем головы, пытаюсь угадать, кто таков этот мифический Паук. Увы, результат пока нулевой.

– Даже мы с Гальдо в тупике, – подхватил Кало. – Я бы сказал, что в данном случае мы имеем дело с сущим дьяволом.

– Выходит, вы ничего о нем не знаете?

– Дай-ка я попробую объяснить тебе, Жук... – начал было Локки, но замолчал, отвлекшись на предлагаемые Жеаном усы. Одни, другие... Наконец он удовлетворенно кивнул. Жеан отложил в сторону утвержденную модель и снова полез в гримировальную коробку. – Когда капя Барсави наказывает кого-то, мы тут же узнаем об этом, верно? Все Правильные Люди связаны между собой – один сказал, другой передал. И сам капя заинтересован в этом. Ему нужно, чтобы люди знали о произведенных расправах. Должная мера опасения в дальнейшем может избавить его от лишних

неприятностей.

– А когда какие-то действия предпринимает герцог, – поддержал его Кало, – налицо определенные опознавательные знаки: повестки, постановления, суды, «желтые куртки», Ночные Стекольщики.

– Но когда на кого-то накладывает лапу Паук... – Локки с одобрением кивнул Жеану, предъявившему ему еще одни усы, более удачные, чем уже отложенные. – Так вот, если Паук берет кого-то на прицел, то несчастный ублюдок попросту исчезает с лица земли. Тихо и молча. А капа Барсави не смеет даже пикнуть. Понимаешь? Предпочитает делать вид, будто ничего не случилось. Поэтому если ты услышишь, что Барсави не боится герцога, присмотришь к нему повнимательнее. И вспомни, что есть кое-кто, перед кем наш капа готов обмочиться от страха.

– Этот человек, часом, не Серый Король?

– С ним будет покончено через пару месяцев, – презрительно фыркнул Кало. – Чего стоит один маньяк против трех тысяч ножей Барсави? Можно считать, что Серый Король уже покойник. А вот с Пауком так просто не справиться.

– Именно поэтому мы надеемся, что дон Сальвара подпрыгнет на шесть футов в воздух, когда среди ночи увидит нас в своем кабинете. Знаешь ли, Полуночникам все едино – что голубая кровь, что мы с тобой.

– Не люблю перебивать, – вклинился Жеан, – но, надеюсь, бриться тебе еще не пора? Очень хорошо.

Маленькой палочкой он нанес поблескивающую прозрачную пасту на верхнюю губу Локки. Тот в отвращении сморщил нос. Несколькими ловкими движениями Жеан приклеил фальшивые усы – и через пару мгновений они сидели на своем месте так же крепко, как настоящие.

– Основа клея – нутряной жир волчьей акулы, – давясь смехом, пояснил Жеан. – В прошлый раз, когда мы его использовали, забыли добавить поглотитель запаха.

– Вот-вот, – подтвердил Локки. – Видел бы ты, с какой скоростью я сорвал эти усы!

– И будь я проклят, если наш гарриста не вопил как оглашенный, пока Жеан исправлял положение, – добавил Кало.

– Да уж, точь-в-точь как братец Санца в борделе! – Локки сделал непристойный жест в сторону Кало. Тот изобразил, будто целится из арбалета.

– Так... шрам, усы, волосы... Вроде все? – Жеан окинул взором результаты своих трудов и принялся упаковывать гримировальные принадлежности.

– Сойдет. – С минуту Локки разглядывал свое отражение в большом зеркале. Когда он снова заговорил, голос его неузнаваемо изменился – стал глубже и грубее. В нем проступил усталый цинизм сержанта тайной полиции, который в тысячный раз разоблачает мелкого правонарушителя. – Самое время отправиться к нашему аристократу и поведать бедняге, что у него весьма серьезные проблемы с неким мошенником!

– Итак, – задумчиво проговорил дон Лоренцо Сальвара, – вы рекомендуете мне и дальше выдавать денежные расписки человеку, которого вы охарактеризовали как самого опасного вора Каморра?

– Не считите за оскорбление, м'лорд Сальвара, но именно это вы и собирались делать до нашего вмешательства.

Теперь в голосе Локки или его манерах не осталось и следа от Лукаса Фервита – ни намека на сдержанную энергию и несгибаемую горделивость вадранского торговца. За спиной его нового персонажа стоял герцог с неоспоримыми законами, поэтому он мог позволить себе поддразнить знатного господина, в чей кабинет вломился посреди ночи. Имитировать подобную дерзость невозможно – с ней надо сжиться, как с привычным костюмом... может, даже взрастить ее в своей душе. И Локки прошел через это превращение – вор и мошенник бледной тенью отодвинулся в самый дальний уголок его сознания. Теперь он был настоящим Полуночником, офицером тайной полиции герцога. Изошренные обманы Локки Ламоры обратились в простую и ясную правду нового персонажа.

– Но вы даже не представляете, какие суммы фигурируют

в этой сделке! – возмутился Сальвара. – Они... они могут составить половину всего моего состояния.

– Значит, вам придется отдать нашему другу Фервиту половину вашего состояния, м'лорд. Задушите Бича Каморра тем, что он просит. Чеки, расписки... Все это свяжет его по рукам и ногам, заставив метаться между банковскими домами.

– О да, банковскими домами, которые будут швырять это-му призраку мои – вполне реальные! – деньги.

– Именем герцога вы обязаны это сделать! Не переживайте, м'лорд Сальвара: в самом худшем случае его светлость с лихвой возместит все затраты, связанные с поимкой преступника. Однако, по моему скромному мнению, Бич не успеет ни растратить деньги, ни скрыться с ними. Таким образом, вы практически сразу же получите назад все свои вложения. Кроме того, здесь присутствуют аспекты, не связанные с финансовой стороной. Подумайте о них!

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду благодарность его светлости за помощь в проведении операции по задуманному сценарию, – веско сказал Локки. – И, с другой стороны, господин герцог будет весьма недоволен, если ваше противодействие как-то спугнет нашего клиента, даст почувствовать, что вокруг него затягивается петля.

– Хм-м. – В задумчивости дон Сальвара снова нацепил на нос очки. – Да, это серьезный довод.

– И еще: надеюсь, вы понимаете, что я не могу открыто общаться с вами на людях. В целях конспирации мы не информируем городскую стражу, так что не пытайтесь обсуждать с ней это дело. Впредь если я и буду выходить с вами на связь, то так же тайно, по ночам.

– Может, приказать Конте держать под рукой прохладительные напитки для людей, проникающих в мой дом через окно? – язвительно бросил Лоренцо. – А заодно сказать донье Софии, чтобы та отсылала в мой кабинет всех Полуночников, неожиданно оказавшихся в ее бельевом шкафу?

– Обещаю, м'лорд, что в дальнейшем мои посещения не будут столь хлопотными. Поймите меня правильно – я получил приказ донести до вас всю серьезность положения и продемонстрировать вам нашу безграничную власть. Уверяю вас, лично я не питаю к вам никакой неприязни. Напротив, моя основная цель в обозримом будущем – своим упорным трудом оберегать ваше благополучие.

– А как же донья София? Ваш хозяин отвел ей какую-нибудь роль в этой замысловатой головоломке?

– О, ваша жена – выдающаяся женщина. Разумеется, вам стоит уведомить ее о нашем посещении. Сообщите ей всю правду относительно Лукаса Фервита, воспользуйтесь ее помощью в столь сложном деле. Но так или иначе, м'лорд, – коварно улыбнулся Локки, – я с сожалением предоставляю вам объясниться с ней самостоятельно.

Охрану сухопутной границы Каморра осуществляют солдаты, которые днем и ночью шагают по древним стенам, неустанно высматривая на горизонте малейшие следы разбойников или вражеских армий. Со стороны моря ту же функцию выполняют военные корабли и многочисленные сторожевые башни.

А на окраинах района Альсегранте выставлены особые сторожевые посты, чья задача – оберегать городскую знать от необходимости общаться с представителями низов общества со всеми букетами их запахов и болезней.

Незадолго до полуночи Локки и Кало перебрались через Анжевену по Арке Древних. Этот широкий, затейливо украшенный мост из Древнего стекла связывал западный Альсегранте с великолепной Серебристой рощей. Роща была местом, куда ограничивался доступ публики, и стражники следили за тем, чтобы недостаточно преуспевающие горожане здесь не задерживались. Действовали «желтые куртки» достаточно жестко, не гнушаясь применять дубинки и хлысты.

Мост был освещен высокими цилиндрами из рубинового стекла, которые излучали алхимический свет и кое-как разгоняли ночной туман, стелющийся под ногами у всадников. В самой высокой точке мост возносился над водой на

пятьдесят футов. Как правило, речной туман выше не поднимался. Ветер Палача мягко покачивал красные лампы, заключенные в железные каркасы. В их колеблющемся свете Благородные Подонки скакали, словно окруженные кровавым ореолом...

– Стоять, ни с места! Ваше имя? По какому делу едете?

У спуска с моста на северном берегу Анжевены прилепилась низкая деревянная будка с окошками из промасленной бумаги. В дверях ее стоял парень в желтой куртке – тусклый отсвет, падавший из окна, придавал его форменной одежде скорее оранжевый цвет. Паренек старался говорить внушительно, но тонкий неуверенный голос выдавал в нем неопытного юнца.

Все как положено, усмехнулся Локки. По правилам на границе Альсегранте должны стоять двое солдат, но в этот ненастный вечер более опытный страж явно решил отсидеться в теплой караулке и выслал вместо себя молодого товарища. Вот и хорошо – такое положение вещей им лишь на руку.

Локки придержал лошадь и вытащил из-под плаща бесценный бумажник с печатью.

– Мое имя в данном случае не имеет никакого значения, – заявил он холодным тоном; затем расстегнул бумажник и на мгновение дал круглолицему солдатику бросить взгляд на свою печать. – Я представляю здесь его светлость герцога Никованте.

– П-понятно, господин.

– И запомните: вы меня не видели, мы с вами не разговаривали. Потрудись вбить это в голову своего напарника.

«Желтая куртка» поклонился и поспешно отступил назад, словно боясь оскорбить высокопоставленного чиновника своим присутствием – а может быть, из суеверного опасения. Локки снова усмехнулся. Всадники в черных плащах, на черных конях, явившиеся из тьмы и тумана... При солнечном свете их маскарад выглядел бы смешно и претенциозно, но ночь диктует собственные законы, добавляющие призракам веса и плоти.

Если на улице Поцелуй-Монетку каморрские деньги всю вертелись и работали, то в Альсегранте они оседали на заслуженный отдых. В состав этого района входили четыре связанных между собой острова, каждый из которых представлял собой холм со множеством террас, ступенями восходящих к величественному плато, на котором сияла жемчужина Каморра, чудо архитектуры Древних – Пять башен из Древнего стекла. Упомянутые же террасы были отведены под роскошные виллы, окруженные ухоженными парками и садами. Каждое поколение денежных мешков строило свое имение сообразно фамильным средствам и архитектурной моде текущего столетия. В результате по склонам раскинулась неповторимая в своей живописности мозаика из старых и новых особняков городской элиты. Торговцы и банкиры, маклеры и судовладельцы – все, кто имел для этого достаточно средств, предпочитали селиться в Альсегранте. С

высоты холмов они с удовольствием поглядывали на лежащий у их ног город. Рядом с ними жили и мелкие аристократы, с тоской и алчностью вззирающие на сиявшие в вышине башни – там обитали правители Каморра, самые знатные и могущественные горожане, представители Пяти семейств.

Время от времени по улицам проезжали кареты – черные лакированные сундуки, увешанные разноцветными фонариками и знаменами с гербами своих владельцев. Некоторые из карет сопровождали вооруженные всадники в видавших видах кожаных дублетах и полированных латах: в этом году как никогда были популярны наемные телохранители. Еще одной приметой времени были остроумные украшения из алхимических шаров. Со стороны казалось, будто карету окружает рой светлячков.

Вилла дона Сальвары оказалась громоздким четырехэтажным зданием с колоннами. Выстроенное несколько веков назад руками и деньгами предков Лоренцо, оно словно слегка просело под грузом минувших столетий. Усадьба располагалась на Дюроне, самом западном из Альсегрантских островов. Она стояла, спрятавшись в глубине буйно разросшегося сада, отгородившись от мира мощными каменными стенами, и казалась маленькой крепостью, своеобразным островком внутри острова. Вокруг было темно и тихо, лишь зарешеченные окна на третьем этаже отливали мягким янтарным светом.

Локки и Кало тихо спешили в начале аллеи, ведущей

к северной стене усадьбы. Верный своим принципам, Локки не одну ночь провел на подступах к особняку. Вместе с Жуком они выработали наиболее простой и надежный план предстоящего вторжения во владения Сальвары. Ночная тьма и туман должны были сыграть им на руку. В своей черной одежде Локки и Кало станут практически невидимы, как только покинут улицу и переберутся через внешнюю стену.

Пока им везло – на улице не было видно ни души. Кало привязал свою лошадь к деревянному столбу возле стены и нежно потрепал ее по густой гриве.

– Прощай, милая. Если не вернемся, опрокинь за нас стаканчик-другой.

Прислонившись к стене, Локки пошире расставил ноги и подставил другу сцепленные ладони. Кало вставил ногу в это импровизированное стремя и, оттолкнувшись как следует, взлетел на гребень стены. Дальнейшее не представляло сложности – Кало ухватил товарища за руку и втащил наверх. Поскольку близнецы Санца были настолько же крепкими и жилистыми, насколько Локки – стройным и легким, все прошло как по маслу. Они задержались на миг перевести дух, а затем соскользнули во влажную, полную ночных ароматов темноту сада. Здесь они замерли, оценивая обстановку.

Все двери и окна на первом этаже были заведомо недоступны – их охраняли металлические решетки и хитроум-

ные замки с часовым механизмом. К таким отмычку не подберешь. Зато крыша... Как правило, обитатели особняков не тратились на охрану крыш – исключение составляли лишь те, кто имел реальные основания опасаться за жизнь. Все же прочие вполне обходились высокими стенами и надежными запорами.

Решено было штурмовать северный фасад особняка. Воры осторожно вскарабкались по стене, руками и ногами нащупывая глубокие трещины и щели в теплом, гладком от времени камне. Первый и второй этаж выглядели темными и безжизненными; свет горел лишь на третьем этаже, да и то с противоположной стороны здания. Достигнув крыши и перевалившись через парапет, друзья на некоторое время замерли – руки тряслись от напряжения, сердца колотились как безумные. Они чутко прислушивались к тому, что творится внутри дома. Вроде все спокойно...

Ночь выдалась темная, луны прятались за серым кружевом облаков. Слева неясно вырисовывался серп города, сиявший сквозь туман, подобно завернутой в кисею драгоценности. Над городом темными силуэтами вздымались грандиозные Пять башен – сквозь их окна пробивались лишь тонкие лучики света. Слабые и беспомощные, они ничуть не разгоняли тьму, а лишь подчеркивали темную опасную ауру, окутывавшую сооружения из Древнего стекла. У любого человека, глядевшего на башни вот так, снизу вверх, начинало сосать под ложечкой и мутиться в голове.

Локки решил идти первым. Он осторожно шагнул на белую мощеную дорожку, проходящую по центру крыши. Со всех сторон его окружали неясные очертания цветущих кустов, невысоких деревьев и вьющихся растений. В воздухе витали запахи сырой земли и цветочные ароматы. Здесь располагался личный ботанический заповедник доньи Софии.

По личному опыту Локки знал, что большинство алхимиков-ботаников охотно экспериментирует с диковинными ядами. Поэтому прежде чем идти дальше, он плотно завернулся в плащ, низко надвинул капюшон, а нижнюю часть лица прикрыл шарфом.

Осторожно, словно они шли с горящими факелами между пороховыми бочками, Локки и Кало прокрались по белой дорожке к небольшой беседке в центре крыши. На дверях ее висел замок, но совсем не сложный – Кало со своими отмычками управился за десять секунд.

Через беседку они попали на верхний этаж, отведенный под лабораторию доньи Сальвары. Здесь имело смысл проявлять еще большую осторожность – упаси Благодетель споткнуться и что-либо разбить! Тут было еще опаснее, чем в саду доньи Софии. Непрошенные гости на цыпочках пробирались по темным комнатам, мимо незнакомых растений в горшках и устройств непонятного назначения. Завидев узкую каменную лестницу, спускавшуюся на следующий этаж, они с облегчением вздохнули и ускорили шаг.

Они заблаговременно изучили подробный план дома. На

третьем этаже располагались отдельные спальни хозяев, напротив них, через холл, находился кабинет дона Сальвары. Большая часть второго этажа отводилась под солярий, здесь же располагались столовая и гостиная, используемые для приемов. На первом этаже были кухня, несколько небольших залов и комнаты прислуги. Помимо самих хозяев и Конте, в особняке постоянно обитала женская пара средних лет, поддерживавшая дом в порядке, а также повар и мальчик-посыльный, в чьи обязанности также входило мытье посуды. Предполагалось, что в столь поздний час все слуги спят на первом этаже и не представляют угрозы. Впрочем, никто из них и на четверть не был так опасен, как Конте.

Основной риск намеченной операции был связан с телохранителем – он воплощал собой единственную непредсказуемую часть плана. Поэтому первым делом следовало найти и обезвредить старого вояку.

Благородные Подонки прислушались. Где-то вдалеке, но явно на этом этаже раздались шаги. Пригнувшись, Локки осторожно выглянул в длинный коридор и увидел, как дон Сальвара скрылся за дверью спальни. Спустя секунду лязгнула дверь. Дверь в его кабинет осталась открытой.

– Насколько мне подсказывает интуиция, он пробудет в спальне некоторое время, – с усмешкой прошептал Локки. – Тем не менее свет в кабинете еще горит – значит, Сальвара рассчитывает туда вернуться. Пора переходить к самой сложной части.

Локки и Кало двинулись по коридору. Они обливались потом, но по-прежнему старательно кутались в свои плащи. Стены по всей длине прохода были увешаны гобеленами и подсвечниками, в которых горели крошечные алхимические шары, испускающие света не больше, чем пылающие угольки. За дверями спальни послышался негромкий смех.

Благородные Подонки дошли до широкой винтовой лестницы, ведущей вниз, в солярий. Ступени белого мрамора были инкрустированы мозаикой, изображающей карту Каморра. Внезапно Кало схватил товарища за рукав и, приложив палец к губам, кивнул вниз.

– Слышишь?

Шаги... затем лязг металла... и снова шаги. Странная последовательность звуков повторилась, постепенно приближаясь. Кто-то методично обходил нижний этаж, проверяя замки и запоры на окнах. Заниматься этим в такое время мог лишь один человек.

Кало притаился за балюстрадой слева от лестницы, чтобы тот, кто поднимается по ней, не имел шансов миновать его засады. Вытащив заготовленный кожаный мешок и черную шелковую веревку, Кало накинул ее на мешок и закрепил сложным узлом, которого Локки не разглядел. Сам он стоял тут же, опустившись на одно колено, и наблюдал за коридором. Маловероятно, чтобы дон Сальвара появился так скоро, но лучше подстраховаться. Говорят, порой Благодетель в назидание неосторожным ворам выкидывает и не такие шу-

точки.

Показался свет от фонаря, который нес Конте. На лестнице глухо прозвучали шаги старого солдата – он шел прямо на них.

В честном бою телохранитель Сальвары почти наверняка размазал бы Локки и Кало по стенке. Поэтому сейчас они преследовали одну цель – сделать бой как можно менее честным. Как только наголо обритая голова Конте показалась на ступеньках под ними, Кало просунулся сквозь балюстраду и сбросил на него свое приспособление, в народе носившее название «колпак цирюльника».

Несмотря на невинное название, «колпак цирюльника» представлял собой весьма неприятную штуку. Сотни несчастных, похищенных и проданных в рабство на острова Стального моря, могли бы это подтвердить. Полотнище медленно планирует на голову намеченной жертвы, увлекаемое тяжестью грузиков, вшитых по краям; под напором воздуха края раскрываются, чтобы потом захлестнуться на шее и плечах несчастного. Так произошло и на сей раз: послышался сдавленный крик Конте, и Кало изо всех сил потянул за конец петли, затягивая «колпак» на шее жертвы.

Человек, сохранивший присутствие духа, естественно, постарается как можно скорее стащить «колпак» с головы. Именно во избежание такого поворота событий внутри ловушки распыляют сладкий усыпляющий наркотик. Оценив возможности своей жертвы, Локки и Кало потратили целых

тридцать крон на ту дрянь, которую сейчас вдыхал Конте. «Надеюсь, он хотя бы получит удовольствие», – промелькнуло в голове Локки.

Обычному человеку хватило бы и одного глубокого вдоха в наркотическом «колпаке», но когда Локки подскочил к Конте, то увидел, что тот все еще держится на ногах, более того, пытается сорвать ловушку. Разумеется, он был сбит с толку внезапным нападением, определенно ослаблен, но все еще оставался в сознании. Ладно, один быстрый удар в солнечное сплетение – и жертва невольно откроет рот, чтобы проглотить еще больше снадобья. Локки шагнул к Конте, одновременно схватив его за шею как раз под «колпаком». И это едва все не испортило.

Руки Конте метнулись вверх и опередили вялый захват Локки.левой рукой солдат блокировал хватку нападающего, а правой нанес серию сокрушительных ударов в живот и солнечное сплетение Локки. Раз, другой, третий... он молотил с неослабевающей яростью, подобно чудовищной талвераррской машине. Чувствуя, как его внутренности взорвались ослепительной вспышкой боли, Локки начал медленно оседать на пол, прямо под ноги своей неудавшейся жертве. Он уже почти ничего не соображал, когда Конте резко дернул коленом вверх. Достигни этот удар цели, он вышиб бы Локки все зубы и выбросил их через уши! Но, похоже, Благодетель вступился за своего служителя – а может, просто начало действовать снадобье... Так или иначе, Конте промах-

нулся и просто вскользь задел коленом подбородок Локки. Зато его тяжелый башмак как следует пришелся вору между ног и сбил его на пол. Голова Локки с грохотом обрушилась на мраморный пол, подскочив, будто мяч. Слава богам, толстый капюшон смягчил удар, иначе это стало бы последней дракой Локки. Но и сейчас он лежал, задохнувшись от боли – абсолютно беспомощный и беззащитный перед своим полузадушенным врагом.

Положение спас Кало. Выпустив веревку, он подскочил к сражающимся, ловкой подсечкой выбил опору из-под слабющих ног Конте и столкнул его вниз по лестнице. При этом он каким-то чудом сумел придержать его за шиворот, чтобы не наделать большого грохота. Как только Конте приземлился, Кало безжалостно ударил его в пах – раз, другой... Ноги старого солдата слабо дернулись, затем еще раз, и он затих – «колпак» наконец-то сделал свое дело. На какое-то время о телохранителе можно было забыть. Кало кинулся к товарищу, намереваясь помочь ему сесть, но тот слабо отмахнулся.

– Как ты? – шепотом поинтересовался Кало.

– Такое впечатление, будто у меня в брюхе сидит маленькая тварь, которая прорубает себе дорогу топором.

Грудь Локки ходила ходуном. Слабой рукой он сдернул с лица шарф, не желая совершить очевидный промах и извергнуть рвоту прямо в него.

Пока Локки боролся с тошнотой, Кало тихонько спустился к телохранителю. Сняв с его головы «колпак», он помахал

рукой, разгоняя приторно-сладкий запах, аккуратно сложил свое приспособление, спрятал его под плащ и оттащил Конте на несколько шагов в сторону.

– Кало, что с моим гримом? – с трудом прокашлял Локки. – Погиб безвозвратно?

– Вроде нет. Думаю, все будет в порядке, если только ты сможешь нормально идти. Подожди минутку...

Кало спустился пролетом ниже и быстро проверил солярий. В неясном сумраке он разглядел длинный стол и несколько застекленных витрин с блюдами и разными побрякушками. Не было видно ни души; снизу тоже не доносилось ни звука.

К тому времени, как Кало вернулся, Локки уже заставил себя встать на четвереньки. Неподалеку посапывал Конте с умиленным выражением блаженства на суровом морщинистом лице.

– Вряд ли он будет выглядеть так же счастливо, когда проснется. – Кало помахал перед Локки парой небольших, обтянутых кожей медных кастетов, а затем изящным жестом спрятал их обратно в рукав. – Пришлось прибегнуть к помощи моих маленьких игрушек, чтобы сбить его с ног.

– Знаешь, после того, как этот гад вогнал мои яйца мне же в легкие, у меня нет сил ему сочувствовать, – прокряхтел Локки, безуспешно пытаясь подняться на ноги. Кало поддерживал друга под локоть, пока тот не смог стоять на коленях достаточно твердо.

– К тебе хотя бы вернулось дыхание. Ты вообще можешь идти?

– Думаю, могу ковылять. Какое-то время буду горбиться. Дай мне пару минут, и я сумею убедить себя, что все в порядке – по крайней мере, на то время, пока мы здесь...

Кало помог Локки вскарабкаться по лестнице на третий этаж. Оставив его там, он спустился за Конте и осторожно втащил его наверх. На самом-то деле телохранитель весил не так много.

Пытаясь загладить свое поражение, а заодно показать, что он восстановил форму, Локки вытащил из-под плаща два куска прочной веревки и связал Конте по рукам и ногам, затем, сложив втрое шарф, использовал его в качестве кляпа. Клинки Конте забрал Кало и спрятал их под своим плащом.

Дверь кабинета по-прежнему оставалась открытой, теплый свет струился в коридор. Дверь спальни, наоборот, была плотно закрыта.

– Молю богов, чтобы они даровали вам как можно больше желаний и упорства, уважаемые м'лорд и м'леди, – прошептал Кало. – Продолжайте в том же духе. Вашим домашним вора́м требуется небольшая передышка, прежде чем они перейдут к следующему акту спектакля.

Кало подхватил Конте под мышки. Локки, морщась от боли, героически поддерживал ноги телохранителя. Вдвоем они оттащили его за поворот и пристроили возле лестницы в самом дальнем конце коридора.

Теперь можно было немного отдохнуть в кабинете донна Сальвары, пока не появится сам хозяин. С нескрываемым наслаждением Локки развалился в глубоком кожаном кресле у левой стены, а Кало встал на часах. Из спальни снова донесся взрыв смеха.

– Отлично, – заметил Кало. – Мы вполне можем подождать подольше.

– Боги милостивы. – Локки бросил взгляд на высокий застекленный бар с разными сортами дорогих напитков, еще более впечатляющий, чем на барже Сальвары. – Я бы с удовольствием глотнул чего-нибудь, но боюсь выйти из роли.

Так они просидели десять минут... пятнадцать... двадцать. Локки старался расслабиться, дыша глубоко и спокойно. Постепенно боль не то чтобы прошла – нет, она по-прежнему пульсировала внутри, – но Локки несколько притерпелся и кое-как мог отстраниться от нее. Наконец раздался звук отодвигающегося засова. Локки тут же вскочил на ноги. Он стоял абсолютно прямо и внушал себе, что его мужское хозяйство вовсе не похоже на глиняный кувшин, секунду назад рухнувший на булыжную мостовую с изрядной высоты. Вновь укрывшись под маской, он попытался вернуть себе ауру власти и самоуверенности, которая была так необходима ему сейчас.

Как сказал однажды отец Цепп, идеальная маска должна рождаться из глубин души, а не надеваться на лицо.

Кало суеверным жестом поцеловал тыльную сторону ле-

вой кисти и подмигнул Локки.

В этот момент в дверях появился дон Лоренцо. Он шел легко одетый, без оружия, беспечно насвистывая.

– Закройте дверь, – произнес Локки уверенным, хорошо поставленным голосом человека, привыкшего повелевать. – Присаживайтесь, м'лорд, и не трудитесь звать на помощь. Боюсь, что сейчас ваш телохранитель не вполне дееспособен.

7

Примерно в половине первого ночи двое в черных плащах покинули Альсегранте по Арке Древних. С ними были черные скакуны. Один из двоих лениво и неспешно ехал верхом, второй же шел пешком, неловко ковыляя враскорячку. Лошадь он вел под уздцы.

– Не могу поверить, черт побери, – нарушил молчание Кало. – Все получилось ровно так, как ты спланировал. Жаль, никому не похвастаться! Это была наша лучшая игра. А ведь по сути – что мы сделали? Всего-навсего рассказали нашей жертве, что мы ее обманули!

– И еще получили... по всем частям тела, – пробормотал Локки.

– Сочувствую, братец. Этот старый вояка – прямо-таки

зверь. Ладно, утешься тем, что, проснувшись, он будет чувствовать себя немногим лучше, чем ты.

– Спасибо, утешил. Если бы подобные мысли могли облегчать боль, никто бы никогда не страдал от похмелья.

– Клянусь Лукавым Благодетелем, я никогда в жизни не слышал столько нытья и жалоб от счастливого и здорового человека! Веселее, дружище! Самые умные и богатые на свете, не так ли?

– О да. Самые умные, самые богатые... и самые растопыренные. Во всех отношениях.

Воры медленно продвигались в южную часть города, сделав короткую остановку в Серебристой роще, чтобы отпустить лошадей и скинуть свои вызывающие черные костюмы. К Храмовому району они подошли уже в одежде простых рабочих.

Локки и Кало дружелюбно поздоровались с патрульными «желтыми куртками», которые обреченно бродили в тумане с фонарями на длинных копьях. Никто не обратил на них ни малейшего внимания.

А сами они не обратили внимания на смутную тень, которая все время сопровождала их на обратном пути. Легкая и неуловимая, как вздох младенца, она следовала за ними вдоль улиц и переулков, перепархивала с одной крыши на другую и ни на шаг не отставала. Как только воры вступили в Храмовый район, тень взмахнула крыльями и, двигаясь по ленивой широкой спирали, начала набирать высоту. Вскоре

она затерялась в сером каморрском тумане под низко висящими облаками.

Интерлюдия. Последняя ошибка

1

Зеркальное вино из Тал-Верарра оказало на истощенного и непривычного мальчишку куда большее воздействие, чем ожидал отец Цепп. Большую часть следующего дня Локки метался на своей кушетке; голова его гудела, как пустой колокол, глаза слезились от малейшего луча света.

– У меня лихорадка, – неразборчиво прошептал он, кутаясь в мокрое от пота одеяло.

– Всего-навсего похмелье, сынок, – добродушно возразил Цепп, потрепав мальчика по голове. – Это я во всем виноват. Братья Санца – записная пьянь, напрасно я в первый же вечер позволил тебе пить наравне с ними. Решено – сегодня никакой работы, отдыхай.

– Неужели с выпивкой всегда так? Даже когда протрезвешь?

– Жестокая шутка, не правда ли? Похоже, боги склонны заставлять нас дорого платить за все удовольствия. Разве что с «Аустерсхолином» это не так.

– Что такое «афтерсхалин»?

– Аустерсхолинский коньяк из Эмберлина. Одно из его

главных достоинств в том, что он не вызывает похмелья. Для этого в почву на виноградниках вносят особые химические добавки. Дорогая вещь.

До самого вечера Локки маялся в полусне-полузабытьи. С приходом Лжесвета он обнаружил, что снова может ходить, однако ощущение, будто мозги пытаются продолбить дыру в черепе, чтобы выскользнуть через шею и убежать, никуда не делось. Тем не менее отец Цепп сообщил, что на сегодня у них запланирован визит к капе Барсави.

«Даже высшие аристократы, которые живут в Пяти башнях и созерцают свои профили на каморрских монетах, десять раз подумают, прежде чем нарушить договоренность с капой», – настаивал он.

Как выяснилось, сзади к Дому Переландро был пристроен небольшой хлев. Там в маленьком вонючем стойле жил Кроткий козел.

– Его никак не зовут, – пояснил Цепп, усаживая мальчика на спину животного. – Какой смысл давать имя скотине, которая все равно не станет на него откликаться?

В отличие от большинства детей, Локки никогда не питал подсознательного отвращения к подобным животным. В этой жизни ему довелось повидать куда более страшные вещи, чем пустые молочные глаза Кроткого скота.

В некоторых труднодоступных горных районах Картена и Ашмера встречалось странное вещество, с виду похожее на мел, которое люди прозвали Призрачным камнем. На-

ходили его исключительно в туннелях из Древнего стекла, давным-давно проложенных Древними – той самой таинственной расой, которая некогда построила и сам Каморр. В твердом состоянии Призрачный камень был абсолютно нейтральным и бесполезным материалом – не имел ни вкуса, ни запаха. Свои необычные свойства он обнаруживал лишь в процессе горения.

Ученые с давних пор исследовали свойства различных ядов и способы их воздействия на живые существа: этот останавливает сердце, тот разжижает кровь, многие поражают печень или почки. С Призрачным камнем все обстояло иначе: никак не влияя на физическое тело испытуемого, он выжигал саму душу. Вдохнув несколько глотков ядовитого дыма, образующегося при сжигании Призрачного камня, жертва лишалась энергии, смелости, упрямства... вообще каких-либо устремлений и побуждений. Если доза была невелика – буквально один-два случайных вдоха – человек на недели впадал в полнейшую апатию. Тот же, кто вдохнул побольше, оставался таким навсегда. Сохраняя физическое здоровье, несчастные жертвы полностью теряли интерес к жизни – не откликались на собственные имена, не узнавали ближайших друзей, игнорировали смертельную опасность. Они сохраняли лишь простейшие функции тела – ели, пили, испражнялись. Их даже можно было заставить выполнять несложную работу, например, переносить грузы, но не более того. Глаза их затягивалось белесой пленкой, как при

катаракте, и эти бельма служили внешним отражением той пустоты, которая навечно поселялась в их сердцах и умах.

Когда-то давно, еще во времена Теринского Престола, таким образом карали злостных преступников. Но со временем это сочли чересчур жестоким наказанием, и вот уже несколько веков Призрачный камень был запрещен к применению во всех цивилизованных городах-государствах. Общество, которое вешало несовершеннолетних детей за мелкие кражи и не гнушалось скармливать преступников морским тварям, – даже это общество находило недопустимым подобное обращение с людьми.

Поэтому Призрачный камень использовался только для «укрощения» животных – большей частью тяглого скота. Подобные Кроткие твари идеально подходили для работы на улицах большого города со всеми его проблемами и опасностями. Можно быть уверенным, что Кроткие лошади и мулы не лягут погонщика и не сбросят в пути дорогой груз, а Кроткие пони будут покорно катать детей и ни в коем случае не нанесут им вреда. Процедура «укрощения» была проста: в джутовый мешочек с растолченным Призрачным камнем закладывался тлеющий уголек и мешочек подвешивался к морде животного. Люди поскорее выскакивали на свежий воздух и возвращались через некоторое время. К этому моменту глаза животного затягивались молочно-белой пленкой, а сама она превращалась в абсолютно безвольное и безынициативное существо.

Все это было чрезвычайно любопытно... но в данный момент Локки по-прежнему страдал от страшной головной боли. Он пытался свыкнуться со своим новым статусом – вчерашний убийца, а ныне обитатель волшебных чертогов из Древнего стекла, – и сейчас его менее всего волновало механическое поведение Кроткого козла.

– Очень надеюсь сегодня вечером застать этот храм на прежнем месте, – произнес вместо прощания отец Цепп.

Он переоделся и был уже полностью готов к выходу. Безглазый Священник бесследно исчез – на смену ему пришел крепкий мужчина средних лет с некоторым достатком и положением в обществе. Волосы и борода приобрели каштановый оттенок, белую рясу сменили короткий плащ на льняной подкладке и свободная куртка поверх светлой рубахи, воротник которой не предполагал галстука или шейного платка.

– Всенепременно, отец Цепп, – с готовностью откликнулся один из близнецов Санца.

– Можете быть спокойны – никаких пожаров или еще чего-нибудь в этом роде, – поддержал его второй брат.

– Ну, ребятки, если вам удастся поджечь камень или Древнее стекло, значит, у Богов на вас более серьезные планы, нежели скромная доля моих учеников. Ведите себя хорошо, а мы с Локки отправляемся за его... – Искоса взглянув на мальчишку Ламору, Цепп сделал вид, будто что-то пьет, а затем скривился, как от боли.

– О-о-о, – протянули Кало и Гальдо в унисон.

– Вот именно. – Цепп нахлобучил на голову небольшую кожаную шляпу и подхватил поводья. – Дождитесь нас. Это обещает быть интересным, чтобы не сказать больше.

2

– Капа Барсави... – произнес мальчик, проезжая на безымянном козле по одной из стеклянных арок между Форией и улицей Поцелуй-Монетку. – Кажется, мой прежний хозяин что-то говорил о нем.

– Наверняка говорил. Несомненно, в тот раз, когда из-за тебя сгорела «Лоза Древних».

– О, так вы и об этом знаете?

– Видишь ли, начав рассказывать о тебе, твой прежний хозяин... в общем, он говорил несколько часов и никак не мог заткнуться.

– А скажите... вот я – ваш пезон, а вы – пезон Барсави?

– Да, это очень грубое и приблизительное описание наших отношений. Все Правильные Люди Каморра являются бойцами Барсави. Его глаза и уши, его шпионы и подчиненные. Одним словом, пезоны. Но в некотором роде Барсави мой друг. Мне посчастливилось оказать этому человеку несколько услуг, когда он только шел к власти. Собственно, мы поднимались вместе. В результате он получил весь город – а я,

если можно так выразиться, завоевал его особое расположение.

– Как это – особое?

Стояла одна из тех теплых летних ночей, когда по улицам Каморра так приятно прогуливаться. С час назад прошел ливень, и туман, более свежий, чем обычно, протягивал между зданиями свои щупальца, будто сказочный великан – призрачные руки. Воздух еще не успел насытиться запахами ила, тухлой рыбы и городских нечистот. С приходом Лже-света людей на улице Поцелуй-Монетку было немного, так что Локки и Цепп могли говорить достаточно свободно.

– Особое расположение... Это означает, что я *НАОСОБИЦУ*. Знаешь, Локки, в нашем городе сотня банд. Даже больше сотни, я всех и не упомяну. Так вот, в каких-то люди совсем новые – или чересчур своевольные, чтобы капа Барсави полностью доверял им. Поэтому капа тщательно за ними присматривает: требует постоянных отчетов, внедряет в банды своих людей, регламентирует каждый шаг. Но есть и другие: такие, как мы с тобой. – Цепп указал на себя, затем на Локки. – Они считаются заведомо честными, покуда не докажут обратного. Мы играем по правилам капы, платим ему часть доходов, и он полагает, что может более или менее доверять нам. Никаких проверок, никаких шпионов и прочего дерьма. Наособицу. Поверь, это очень ценная привилегия.

Цепп опустил руку в карман плаща и позвенел монетами – приятнейшая музыка для уха вора.

– У меня с собой небольшое доказательство моего уважения к капе. Четыре десятины из чаши для пожертвований Переландро.

– Так вы говорите, в нашем городе больше сотни банд?

– Мой мальчик, Каморр переполнен бандами, как залив – рыбьей мочой. Некоторые из них древнее, чем старинные аристократические фамилии Альсегранте, а ритуалы у них построжее, чем у жреческих орденов. Черт побери, а ведь когда-то в городе было почти тридцать кап, и каждый из них управлял всего тремя-четырьмя бандами!

– Неужели тридцать? И все – как капа Барсави?

– Отчасти да, отчасти нет. Да – потому что они заправляли в своих бандах, отдавали приказы и вспарывали своим подчиненным животы, если гневались. А нет – потому что во всем остальном они не походили на Барсави. Еще пять лет назад было тридцать таких предводителей. Тридцать маленьких королевств – и все они сражались, крали и выпускали друг другу кишки на улицах. Все враждовали с «желтыми куртками», которые убивали по двадцать воров за неделю, и это в самые спокойные времена. А затем из Тал-Верарра пришел капа Барсави. Поверишь ли, там он был ученым в Теринской Коллегии – преподавал риторику. Так вот, он прибрал к рукам несколько банд и начал резню. Однако не так, как грабители в темном переулке – скорее как врач, вырезающий гнойную язву. Убирая с пути очередного капу, Барсави принимал его людей под свою власть, но не досаждал им сверх

меры, отводил определенную территорию, позволял самим выбирать себе гарристу... а в случае необходимости убивал их по собственному выбору. В результате число предводителей в городе начало сокращаться. Пять лет назад их было тридцать, еще через год – десять. А три года назад осталась единственная организация, принадлежащая капе Барсави. В нее вошла сотня банд. Целый город оказался у него в кармане, все Правильные Люди, как они себя называют. Не стало больше войн, от которых краснела вода в каналах. Исчезли десятки воров, болтавшихся перед Дворцом Терпения – теперь там едва можно увидеть двоих или троих неудачников.

– И все это благодаря Тайному Договору? Тому самому, который я нарушил?

– Именно так, сынок. Умный мальчик, удивительно догадливый. Сразу разгадал, в чем ключ к столь впечатляющему успеху Барсави: наш капа через посредников заключил нерушимый договор с герцогом. Суть его в том, что банды Каморра не трогают знать. Мы не смеем и пальцем коснуться корабля, каравана или просто сундука, если на них красуется законный герб их владельца. Взамен Барсави получил статус фактического правителя некоторых примечательных районов города: Огневого, Муравейника, Отстойника, Дервяшек, Западни и части доков. И, в качестве дополнительного бонуса, городские стражники стали несколько более спокойными и беспечными, чем им полагается быть.

– Выходит, мы можем грабить кого угодно, кроме знат-

ных?

– А также кроме «желтых курток». Но нам дозволено иметь дело с торговцами, менялами и любыми приезжими. Через Каморр проходит больше денег и товаров, чем через любой другой город на побережье. Только представь: каждую неделю – сотни кораблей, тысячи моряков и офицеров! В таких условиях легко смириться с запретом трогать местную власть, мальчик мой.

– А купцы и менялы... да и все остальные люди не злятся на нас?

– Ха! Конечно, они не были бы довольны, доведись им узнать про это. Но не зря же договор зовется Тайным! Вот почему Каморр представляет собой такое славное, удобное для жизни место. Здесь приходится беспокоиться лишь об одной вещи – о своих кровных денежках.

– О-о! – задумчиво произнес Локки, теребя висящий на шнурке акулий зуб. – Ладно, но я хотел спросить... Вы говорили, что мой старый хозяин заплатил за мою смерть. А не будет ли у вас неприятностей из-за того, что я все-таки не умер?

– Глупый вопрос, – рассмеялся Цепп. – Подумай сам, сынок: зачем мне тащить тебя к капе, если бы это сулило мне неприятности. Я перекупил твою смертельную метку. Теперь она моя – что хочу, то и делаю. Понятно? По большому счету, капе безразлично, как мы их используем. Главное, чтобы все знали: право даровать или отнимать жизнь принадлежит

ему одному. Нечто вроде дополнительного налога. Улавливаешь?

Какое-то время Локки ехал молча, переваривая полученные сведения. Проклятье, когда раскалывается голова, это так неудобно делать!..

– Послушай-ка, я расскажу одну историю, – нарушил молчание отец Цепп. – Наверное, она поможет тебе понять человека, которого тебе предстоит сегодня увидеть и которому ты должен будешь дать клятву верности. Когда-то, в самом начале, пока Барсави только укреплялся у власти, ему стало известно, что несколько гарристов сговорились избавиться от него. Это были хитрые люди, и они хорошо знали, какие действия может предпринять Барсави. Они сами помогали ему захватить город и знали его методы работы. Гарристы также понимали, что он не может справиться сразу со всеми. А сделай Барсави попытку отловить их поодиночке и перерезать несколько глоток, банды успели бы предупредить друг друга и дать отпор. В результате возникла бы кровавая баня, грозящая перерасти в затяжную войну. Однако Барсави ничего не предпринимал. Тем временем слухи о заговоре ползли по городу...

А надо сказать, что капа Барсави всегда принимал посетителей в своем логове – оно существует до сих пор, стоит в Деревяшках. Знаешь, такой огромный вераррский галеон на приколе, из тех широких неповоротливых посудин, которые используются для переброски войск. Барсави назвал

его Плавучей Могилкой и сделал из него нечто вроде резиденции. Так вот, он устроил на этой Плавучей Могиле целое представление. Расстелил на полу огромный, очень дорогой ковер из Ашмера – такой, какой сам герцог не постыдится бы повесить на стену – и так его нахваливал, что все окружающие в конце концов уяснили: капа Барсави очень дорожит этим ковром. Каждый раз, когда могла пролиться кровь, ковер аккуратно сворачивали и убирали в сторону. Это стало традицией, поэтому исход каждой встречи можно было предсказать заранее. Так проходили дни и месяцы. Ковер скатывали и расстилали. Скатывали и расстилали. Иногда гости, увидев голый пол в комнате, трусили и пытались бежать – это расценивалось капой как признание вины.

Но вернемся к нашим гарристам. Заговорщики были слишком умны, чтобы попадаться поодиночке. Да и на Плавучую Могилу они заявлялись не иначе как в сопровождении своры вооруженных телохранителей. Барсави, со своей стороны, тоже приходилось выжидать. Его власть была еще слишком неустойчивой и шаткой, чтобы рисковать. Поэтому он делал вид, что ни о чем не подозревает. Затем наступил вечер, когда он пригласил на ужин девятерых из этих гарристов. Конечно, не всех заговорщиков – только самых умных и хитрых, вожakov крупнейших банд. Те, естественно, прошупали почву и узнали – прекрасный ковер, гордость Барсави, расстелен на всеобщее обозрение, а на нем стоят столы с божественными закусками.

И эти дубовые головы поверили Барсави – решили, что он напуган и хочет с ними договориться. Они согласились прийти на переговоры, не позаботившись об обычной охране. Никак не подготовились к встрече, не привели с собой своих головорезов. Были уверены, что победа уже у них в руках. Итак, они пришли на Плавучую Могилу и расселись по стульям на этом роскошном ковре, – продолжал Цепп. – Можешь представить, каково было их изумление, когда в комнату ворвались полсотни людей Барсави с арбалетами! Они так утыкали болтами этих идиотов, что дикобраз в пору течки утащил бы любого из них в нору и употребил, приняв за самку. Естественно, было море крови. Не только на ковре, но даже на потолке. Можешь себе представить?

– Да-а... И что же, ковер погиб?

– Не только ковер... К чему я это рассказываю? Барсави знает, как порождать у людей ожидания и как поворачивать эти ожидания в свою пользу. Глупцы решили, что странная связь между ковром и убийствами гарантирует им жизнь. Барсави же доказал: жизнь наших врагов стоит того, чтобы испортить один паршивый ковер. Теперь ты понимаешь, какой человек ждет тебя в полумиле отсюда. – Цепп ткнул пальцем в южном направлении. – Он хочет с тобой побеседовать, и я бы на твоём месте постарался быть предельно вежлив с ним.

Совершенная развалина, таверна «Последняя ошибка» была местом, где потаенная жизнь Каморра выходила наружу. Здесь Правильные Люди могли спокойно выпить и обсудить свои дела. Если туда случалось забрести обычным горожанам, они бросались в глаза, будто змеи в детской комнате. Стоит ли удивляться, что их быстро выпроваживали прочь вооруженные люди своеобразного вида с явным недостатком воображения.

Сюда приходили целые банды – выпить, потолковать или просто отдохнуть и расслабиться среди себе подобных. Разговоры за выпивкой велись соответствующие. Посетители делились опытом: как удобнее всего душить со спины, что лучше подмешивать в еду, а что – в питье. Они могли громко обсуждать глупость герцогских служащих, или его налоги, или дипломатические переговоры с другими странами Стального моря. С помощью костей они разыгрывали – и переигрывали – целые битвы, громко заявляя, что уж они-то свернули бы влево, а не вправо, как герцог Никованте, и остались бы на месте, когда пять тысяч копий взбунтовавшегося Бешеного Графа двинулись вниз с Холма Богов.

Они могли говорить что угодно... Но никто, как бы ни был он одурманен вином или джеремитским порошком, каким

бы военным или государственным гением ни считал себя – никто не осмелился бы дать совет капе Барсави. Пусть даже сменить одну-единственную пуговку на жилете.

4

Расколота башня считалась своеобразной достопримечательностью Каморра. Это девяностофутовое сооружение вздымалось в небо на северной окраине Западни, низинного густонаселенного района, где обычно проводили время сотни моряков из различных портов приписки. По ночам они курсировали между тавернами, пивными и всевозможными притонами, проходили через руки шлюх, кабатчиков, простых выпивох и хитрых игроков в кости, уличных обманщиков и прочих мошенников, пока наконец не достигали счастливого состояния, когда головы тяжелеют, а кошельки легчают. И лишь потом возвращались на свои корабли с приобретенным грузом забот и болезней. Они накатывали и уходили, как прилив и отлив, оставляя после себя серебро, медь, а порой и кровь.

Людам не дано разбить Древнее стекло – Расколота башня была найдена в таком виде еще первыми поселенцами, которые несмело крались по руинам более древней цивилизации.

Глубокая трещина, подобная застарелой ране в чуждом Стекле и камне, проходила через верхние этажи Расколотой башни. Этот разлом был кое-как заделан деревом, штукатуркой и другими современными материалами. Надежность ремонта не подлежала сомнению, но внешний вид оставлял желать лучшего. Соответственно, комнаты на верхних шести этажах являлись наименее востребованными во всем городе. Добраться туда можно было только по наружным лестницам – узким и кривым, вечно шатающимся под порывами ветра. Большинство обитателей верхних покоев составляли совсем юные молодцы из разных банд, находившие особый шик в подобном необычном пристанище.

«Последняя ошибка» занимала первый, самый просторный этаж Расколотой башни. После прихода Лжесвета в ней всегда было многолюдно – по сотне, а то и более, человек. Чтобы не потеряться, Локки крепко цеплялся за плащ отца Цеппа, который локтями пробивал дорогу сквозь толпу. В воздухе витали характерные ароматы, хорошо знакомые мальчику – перегар от самых разных вин и более крепких напитков, запах пота, свежего и застарелого, моча, рвота, грубые приправы и мокрая шерсть. Все это сдабривалось острым запахом имбиря и едким табачным дымом.

– А мальчишке на входе можно доверять? – прокричал Локки, стараясь перекрыть шум. – Он не украдет нашего козла?

– Ни в коем случае. – Цепп сделал сложный сигнальный

жест группе мужчин, меряющихся силой рук. Несколько зрителей ухмыльнулось и помахало в ответ. – Во-первых, это его работа. Во-вторых, я хорошо заплатил. И в-третьих, только сумасшедший польстится на Кроткое животное.

Название «Последняя ошибка» несло в себе определенную символику – заведение служило своеобразным памятником людям, проявившим недостаток находчивости перед лицом жизненных обстоятельств. Стены таверны были размалеваны множеством остроумных граффити; под каждым значилась надпись-приговор: «Он прокололся». Над стойкой красовалось полное боевое облачение рыцаря с пробитым на груди панцирем. По стенам были развешаны сломанные клинки и разбитые шлемы, обломки весел, мачт и разорванные в клочья бушлаты матросов. Хозяин таверны особо гордился тем, что увековечил память каждого корабля, затонувшего в окрестностях Каморра за последние семьдесят лет.

Именно в это заведение отец Цепп и притащил Локки Ламору, словно шлюпку на буксире у галеона. В южной части зала на возвышении располагался альков, частично завешенный портъерами. Рядом стояла группа людей с цепкими глазами. Все они, даже несколько женщин, были буквально увешаны оружием, нося его открыто и напоказ: кинжалы, дротики, медные и деревянные дубинки, короткие тесаки, топоры и арбалеты – от маленьких уличных до больших, способных убить лошадь и даже пронзить камень (во всяком случае, так казалось оробевшему Локки).

Один из этих стражей остановил отца Цеппа, и они шепотом перекинулись парой слов. Затем он отправился с докладом в альков, в то время как его товарищи продолжали сверлить взглядами Цеппа и его спутника. Вскоре охранник вернулся и поманил пришельцев внутрь.

Так Локки впервые попал на аудиенцию к Венкарло Барсави. Капа Каморра восседал на простом табурете за обычным деревянным столом. Чуть поодаль у стены замерло несколько человек из числа любимчиков – достаточно близко, чтобы в случае нужды мгновенно оказаться рядом, но достаточно далеко, чтобы не слышать разговоров начальства.

Барсави был крупным широкоплечим мужчиной – та же стать, что и у отца Цеппа, – но ощутимо моложе его. Черные напомаженные волосы были туго стянуты на затылке, а подбородок окаймляла густая борода, заплетенная в три косицы – одна поверх другой. При каждом резком движении они мотались, как витые веревки, достаточно грубые, чтобы больно хлестнуть по голой коже.

Барсави был одет в камзол, жилет, бриджи и башмаки из одного и того же темного материала. Локки с удивлением разглядывал толстую, необычайно жесткую кожу – лишь пару минут спустя мальчик понял, что она принадлежит акуле. Внимание привлекали странные белые пуговицы, украшавшие жилет и манжеты капы. Такая же неровная шероховатая бусина имелась на булавке, которой был сколот красный шейный платок. О великие боги, это человеческие зубы!

На коленях у Барсави сидела девочка примерно одного возраста с Локки – с коротко подрезанной копной темных вьющихся волос и нежным овальным личиком, на котором с недетской настороженностью мерцали большие черные глаза. Одета она была не менее странно и своеобразно, чем сама Капа: из-под подола белого, шитого золотом шелкового платья, какое пристало дочери аристократа, выглядывали черные кожаные башмачки с металлическими набойками и острыми шипами на пятках и носках.

– Так вот он какой, этот юный гений, поставивший в тупик нашего дорогого Делателя Воров. – Голос у Барсави был низкий, говорил он слегка в нос, с едва уловимым вераррским акцентом.

– Тот самый, ваша честь. – Отец Цепп подтолкнул Локки вперед. – Теперь он благополучно ставит в тупик меня и моих воспитанников. Позвольте представить вам Локки Ламору, бывшего обитателя Сумеречного холма, а ныне послушника Всеблагого Переландро.

– Скажем проще – *НЕКОЕГО* божества, – фыркнул Барсави и потянулся за маленькой деревянной коробочкой, лежащей на столе возле его локтя. – Как приятно видеть твое чудесное исцеление, Цепп! Давай покурим на радостях. Вот, угощайся. Джеремитский «Черный корень» – высший сорт, только на этой неделе доставили.

– Не могу отказать себе в таком удовольствии, Венкарло. – Цепп принял туго свернутую сигару в красной обертке. Пока

мужчины по очереди склонялись над вошным фитильком для прикуривания (при этом Цепп ловко подбросил на стол маленький мешочек с пожертвованиями), девочка успела составить определенное мнение о юном госте.

– По-моему, папа, он просто маленький уродливый мальчишка. Похож на скелетик с кладбища.

Капа закашлялся, выпуская первый клуб дыма. Уголки его рта поползли вверх в скептической усмешке.

– А ты, моя милая, – крайне неосмотрительная в суждениях маленькая девочка! – Барсави снова затянулся и выпустил прямой столб прозрачного дыма. Комната наполнилась приятным сладковатым запахом с ноткой жженой ванили. – Прошу извинить мою дочь Наццу. Я повторяю ошибку большинства отцов – ни в чем не могу ей отказать, потакаю всем капризам. В результате девчонка растет с замашками пиратской принцессы. А сейчас, заполучив новые опасные ботиночки, она стала и вовсе невыносима.

– Да, я всегда при оружии, – гордо заявила малышка, в подтверждение своих слов постукивая каблуками.

– Однако, моя дорогая, ты наговариваешь на бедного мальчика. Локки, безусловно, не уродлив. Это просто печальные последствия жизни на Сумеречном холме. Поживет у отца Цеппа месяц-другой – станет круглым, как снаряд для катапульты.

Несколько секунд девочка задумчиво сверлила взглядом Локки, затем отвернулась к отцу.

– Ты собираешься сделать его своим пезоном, папа? – спросила она, рассеянно поигрывая косичками его бороды.

– Да, золотце, мы с Цеппом об этом подумываем.

– М-м-м... Тогда я выпью еще коньяка, пока вы будете проводить церемонию.

Глаза капы Барсави сузились, вокруг них собрались глубокие морщины, придав его суровому взгляду подозрительное выражение.

– Ты уже выпила два стакана за сегодняшний вечер. Твоя мать убьет меня, если я позволю тебе еще хоть каплю, и будет права. Лучше попроси слугу принести тебе пива.

– Но мне больше нравится...

– То, что тебе нравится, маленькая тиранка, – веско произнес капа, – не имеет никакого значения, если я тебе что-то вешу. До самого утра тебе на выбор предлагается пиво или пустой воздух. Выбор за тобой.

– Ну... Тогда я выбираю пиво.

Барсави собрался осторожно спустить девочку с колен, но та ловко вывернулась из его грубых мозолистых рук с толстыми пальцами. Металлические каблучки звонко процокали по полу – Нацца решительно направилась к застывшему в нише помощнику капы, чтобы распорядиться насчет выпивки.

– И еще, моя милая, – крикнул ей вслед Барсави. – Если кто-нибудь из моих людей снова пострадает от твоих шипов – не меньше месяца будешь ходить в красных сандалиях. Уж

это я тебе обещаю!

Капа снова затянулся сигарой и обернулся к отцу Цеппу.

– Не девчонка, а бочка с горючим маслом, – притворно пожаловался он, хотя видно было, что отец гордится дочерью. – На прошлой неделе вообще отказывалась ложиться спать без маленькой удавки под подушкой. «Хочу быть как папочкины телохранители!» – и весь разговор. Ее старшие братья пока не подозревают об этом, но сдается мне, что следующий капа Барсави будет носить юбку и чепчик.

– Теперь я понимаю, отчего вас позабавила история Делателя Воров про это юное дарование, – заметил Цепп, похлопав Локки по плечу.

– Еще бы... Хотя меня трудно чем-то удивить с тех пор, как подросли мои собственные дети. Впрочем, не о них сейчас речь. Меня интересует молодой человек, которого ты привел с собой для принесения клятвы пезона. Я планировал это событие несколько позже – этак на годик-другой, – ну да ладно. Подойди ко мне, Локки.

Капа Барсави протянул правую руку и приподнял подбородок мальчика, пристально глядя ему в глаза.

– Сколько тебе лет, Локки Ламора? Семь? Восемь? А у тебя на счету уже нарушение Тайного Договора, сгоревшая таверна и шесть или семь смертей. – Барсави с улыбкой покачал головой. – В моей банде есть взрослые люди как минимум в пять раз старше тебя, между прочим, наемные убийцы – но даже они далеко не так отчаянны, как ты. Итак, Цепп

все объяснил тебе про мой город и мои законы?

Локки кивнул.

– Ты понимаешь, что теперь, нарушив клятву, больше не отделаешься так легко, как в прошлый раз? Время безрассудных выходов прошло, это тебе ясно? Теперь все жестко. Если Цеппу понадобится, он тебя попросту убьет. То же самое произойдет, если я отдам соответствующий приказ.

Локки снова молча кивнул. В этот самый момент к отцу подбежала Нацца, уже с просмоленной кожаной флягой в руке. Держа ее обеими руками, она исподлобья посмотрела на Локки. Капа щелкнул пальцами и один из его парней тут же скрылся за занавеской.

– В таком случае, мальчуган, я больше не собираюсь тебя запугивать. Считай, что этой ночью ты стал мужчиной. Тебе придется выполнять ту же работу, что и взрослым. Если ты умудришься перейти дорогу своим братьям и сестрам, с тобой не станут церемониться. Ты будешь одним из нас, Правильных Людей. Узнаешь тайные слава и знаки и будешь использовать их очень осторожно. Поскольку твой гарриста Цепп принес мне присягу, ты тоже автоматически становишься моим пезоном. Я – твой самый главный гарриста. И единственный герцог, которого ты отныне признаешь. Преклони колени.

Локки выполнил приказ. Капа протянул ладонью вниз левую руку, на которой блестел массивный перстень с черной жемчужиной в оправе из белого золота. Внутри жемчужины

по случайному капризу природы застыла красная искорка, напоминавшая кровь.

– Поцелуй кольцо капы Каморра.

Локки послушно приложился губами к холодной перламутровой горошине.

– Повтори имя человека, которому ты приносишь присягу.

– Капа Барсави, – прошептал ребенок.

В эту минуту подчиненный Барсави вернулся и вручил хозяину маленький хрустальный кубок, наполненный мутным коричневым напитком.

– Теперь, – сказал Барсави, – как любой из моих пезонов, ты должен выпить за мое здоровье.

Капа достал из кармана жилета акулий зуб чуть побольше того, что болтался у Локки на шее, бросил в кубок, круговыми движениями размешал содержимое и вручил кубок мальчику.

– Это ром из черного тростника с островов Медного моря. Выпей все до дна, но смотри не проглоти зуб. Это очень важно! Будешь держать его во рту и вытацишь только тогда, когда допьешь. Постарайся не порезаться.

Локки поднес кубок к губам. В нос ударил резкий запах крепчайшего алкоголя, и желудок его болезненно сжался. Однако мальчик упрямо стиснул зубы и поймал взглядом слегка размытый контур зуба на дне. Молча вознеся молитву своему новому Благодетелю – «Спаси, позволь не опозо-

риться!» – Локки начал пить мелкими глотками.

Это оказалось нелегким делом – приходилось языком прижимать акулий зуб к небу. Мальчик чувствовал, как он царапает его собственные передние зубы. Ром обжигал; Локки старался задержать дыхание, но все равно скоро поперхнулся. Обливаясь слезами, он продолжал пить. Прошло несколько бесконечных секунд, прежде чем Локки проглотил последние капли. Он был безмерно рад, что удалось удержать акулий зуб...

И тут проклятая штука сама собой повернулась у него во рту. Мальчик был абсолютно уверен, что это ему не померещилось – зуб повернулся, будто под действием невидимой руки, и оцарапал и без того горящее небо. Локки вскрикнул, закашлялся и выплюнул акулий зуб на ладонь, весь в кровавой слюне.

– Прекрасно, – удовлетворенно кивнул капа Барсави, подхватил зуб и, не вытирая, спрятал обратно в карман. – Ты связал себя со мной кровной клятвой. Мой зуб вкусил от твоей жизни, и теперь она принадлежит мне. Мы больше не чужие люди, Локки Ламора. Впредь мы будем капой и пезоном, как то угодно Лукавому Благодетелю.

По знаку Барсави Локки поднялся с колен, проклиная в душе ром, вино, коньяк и вообще всю выпивку на свете. Ему уже было знакомо мерзкое ощущение, когда алкоголь ударяет в голову. Комната начала медленно, но неотвратимо кружиться вокруг мальчика. Он бросил взгляд на Наццу и

увидел, что та снисходительно усмехается ему поверх своей фляги. Так усмехались ему и его товарищам старшие мальчишки на Сумеречном холме.

Не задумываясь над своим поступком, Локки опустился перед девочкой на одно колено.

– Раз тебе суждено стать следующим капой Барсави, я должен служить и тебе тоже, – выпалил он. – Клянусь тебе в этом, мадам... дорогая мадам Нацца. То есть я хочу сказать – мадам Барсави.

Девочка в растерянности попятилась.

– Но у меня уже есть слуги, мальчишка. И не просто слуги, а убийцы! У моего папы сотня банд в две тысячи ножей!

– Нацца Беревелонна Дженаваис Ангелиза де Барсави! – прогрохотал ее отец. – Пока что ты научилась ценить в мужчинах только силу. Со временем ты поймешь, как важно, чтобы тебе служил не просто сильный, но и галантный мужчина. Мне стыдно за тебя, дочь!

На лице у девочки отразилась борьба. Она в замешательстве переводила взгляд с отца на мальчишку и обратно, затем начала заливаться краской... Надула губки, поразмыслила и приняла неожиданное решение.

– Если хочешь, можешь глотнуть моего пива, – бросила она с детской непосредственностью и сунула флягу Локки.

Тот воспринял предложение со всей серьезностью, будто ему оказали высочайшую честь. Смутно он понимал, хотя вряд ли мог четко сформулировать, что алкоголь произвел

странный переворот в его мозгах. В результате у него изменились стереотипы поведения, особенно по части девочек.

Пиво Наццы оказалось горькой гадостью, слегка подсолненной на вераррский манер. Из вежливости Локки сделал два маленьких глотка и с поклоном вернул емкость хозяйке. Поклон вышел довольно неуклюжим, но все равно девочка была взволнована. Не найдя, что ответить, она просто кивнула.

– Великолепно! – В восторге капа Барсави перекусил свою сигару. – Твой первый пезон! Твои братья обделаются от зависти, когда узнают об этом!

5

Локки плохо запомнил обратную дорогу – все перед ним слилось в единое размытое пятно. Он клевал носом, припав к шее Кроткого козла. Но невзирая на это, отец Цепп, бодро шагавший по северной дороге к Храмовому району, завел с ним беседу.

– Ах, мой мальчик, – произнес он устало. – Мой дорогой, милый выпивоха... Надеюсь, ты понимаешь, что все это была полная ерунда?

– Что именно?

– Акулий зуб. Много лет назад один картенский контрмаг

по просьбе Барсави навел на него чары. Суть их в том, что никто не может взять его в рот и не порезаться. Вот капа и использует его всюду. К тому же он питает склонность к драматическим эффектам – сказываются годы, проведенные в Коллегии, когда он изучал театр времен Теринского Престола.

– Значит, это не было... судьбой... или предначертанием богов?

– Нет, сынок. То, что ты видел, – всего-навсего акулий зуб плюс капелька колдовства. Хотя, надо признать, трюк выглядит достаточно эффектно. – Цепп в задумчивости потер щеку. – Хочу тебя успокоить, Локки, – ты вовсе не принадлежишь Барсави. Он, безусловно, неплохой капа. Его лучше иметь в союзниках, а для этого следует всячески выказывать ему свое послушание. Но это вовсе не значит, что ты являешься его собственностью. Повторяю – ты не принадлежишь ему. Да и я тоже, если уж на то пошло.

– И я не обязан...

– Соблюдать Тайный Договор? Быть примерным маленьким пезоном? Обязан... но только для виду, Локки. Просто чтобы не навлекать на себя беду. И за последние два дня ты должен был это понять, если только твои глаза и уши не защищены суровой ниткой. У меня особые планы на тебя, Кало с Гальдо и Сабету. – На лице Цеппа промелькнула зловещая усмешка. – Вы должны стать ни много ни мало тем ядром, которое ударит в самое сердце Тайного Договора и разобьет

вдрезбзгн это днтнщн Внкарло.

КНИГА 2. ОСЛОЖНЕНИЕ

Игрой цветов сравнюсь с хамелеоном;
Быстрее Протея облики сменяю,
В коварстве превзойду Макиавелли.

(Шекспир, «Генрих VI», часть 3, акт III, сцена 2)

Глава 4. При дворе капы Барсави

1

– Девятнадцать тысяч девятьсот двадцать, – произнес Жук. – Все. Можно мне теперь пойти и помереть?

– В чем дело, Жук? Мне казалось, ты будешь рад помочь нам сосчитать добычу. – Жеан сидел, скрестив ноги, в самом центре столовой в стеклянном подземелье Дома Переландро. Стол и стулья пришлось сдвинуть в сторону, чтобы освободить пространство для огромного количества золотых монет, разложенных вокруг Жеана и Жука маленькими блестящими кучками.

– Да, но вы не предупреждали, что будете таскать тирины.

– А ты как думал, парень? Белое золото – большая редкость. Кто же станет выплачивать тебе пять тысяч в белом золоте? И поди найди дурака, который согласится вот так за просто таскать его по городу! Мераджио всегда производит крупные выплаты только в тиринах.

В этот момент из коридора донесся шум, и в дверях неожиданно появился раскрасневшийся Локки в образе Лукаса Фервита. Он сорвал с переносицы фальшивые очки, развязал шейный платок и небрежным жестом сбросил шер-

стяной кафтан, соскользнувший на пол. В руке он держал сложенный пергамент с печатью голубого воска.

– Еще семьдесят пять сотен, мальчики! Я такого навешал ему на уши! Рассказал, что нашлись четыре подходящих галеона, но возникли проблемы с деньгами: надо заплатить взятки, собрать и протрезвить команды, умиротворить служащих и отогнать другие корабли с грузом. Представьте себе, он дал деньги без малейшего звука. О боги, почему мы не додумались до этой аферы два года назад?! И не надо возиться с поддельными кораблями, документами и прочей хренью, так как Сальвара *ЗНАЕТ*, что Фервит ему врет. Можно ничего не делать, просто расслабиться и пересчитывать денежки.

– Если ты находишь подобное занятие приятным, почему бы тебе самому этим не заняться? – Вскочив на ноги, Жук потянулся, отчего в спине у него захрустело.

– С удовольствием, Жук! – Локки не спеша достал из деревянного шкафа бутылочку красного вина и плеснул себе в бокал, затем развел теплой водой до нежно-розового цвета. – А ты можешь завтра вместо меня сыграть Лукаса Фервита. Уверен, дон Сальвара не заметит разницы. Здесь все?

– Пять тысяч крон, вернее, двадцать тысяч тиринов, – ответил Жеан. – За вычетом комиссионных, оплаты охраны и транспортировки на наемной телеге от Мераджио.

Для перевозки большого количества денег в убежище под Домом Переландро Благородные Подонки использовали

простую подмену: во время остановки сундучки с деньгами исчезали с одной телеги и возникали на другой – уже под видом простых мешков с продуктами, – а дальше направлялись в нужное место, не вызывая особых подозрений. Любой храм, даже такой маленький и заброшенный, как Дом Переландро, нуждается в постоянном снабжении.

– Отлично! – Локки кивнул. – Подождите пару минут – я сдеру с себя остатки Лукаса Фервита и помогу вам перенести это счастье в тайник.

В дальней части подземелья, сразу за спальнями, располагалось целых три тайника. Два из них представляли собой достаточно широкие шахты, с неизвестной целью вырубленные Древними в Древнем стекле. Они уходили в землю на глубину в десять футов и по виду напоминали маленькие зернохранилища. Благородные Подонки приладили к ним обычные деревянные дверки и использовали для хранения своих капиталов. Сюда сбрасывали золото и серебро, которые не предполагалось использовать в ближайшее время. Обе шахты уже были заполнены более чем наполовину.

Сама же комната, в полу которой были вырублены шахты, использовалась для хранения средств «на каждый день», то есть для текущих трат. По ее стенам располагалось множество деревянных полочек, на которых лежали всевозможные монеты, упакованные в маленькие мешочки или просто столбиками. Здесь можно было увидеть дешевые кошельки с медными баронами, а также бумажники из дорогой тон-

кой кожи, туго набитые серебряными солонками. Тут же стояли маленькие запечатанные горшочки с половинками монет по полмедяка. Все это представляло собой так называемые «быстрые деньги», которые в любой момент можно было извлечь на какую-нибудь операцию банды. В тайнике находились даже небольшие кучки иностранных монет – марки Королевства Семи Сущностей, тал-вераррские солары и прочее.

Еще со времен отца Цеппа двери тайников никогда не запирали. Причина этому крылась не только в безграничном доверии членов банды друг другу (хотя это было чистой правдой). И не в том, что появление чужаков здесь было маловероятно (хотя и это соответствовало истине). Главная причина, простая, как доска, заключалась в том, что ни один из Благородных Подонков – ни Кало с Гальдо, ни Жеан с Жуком, ни сам Локки – не мог придумать достойного применения постоянно растущему капиталу.

Они являлись богатейшими ворами в городе, не считая, конечно, капы Барсави. Если верить маленькому пергаментному гроссбуху, лежащему тут же, на полке, после обналичивания второго чека дона Сальвары в распоряжении банды оказалось свыше сорока трех тысяч полновесных крон. По большому счету, теперь они уже не уступали в богатстве своей жертве и были намного богаче, чем большинство друзей дона Лоренцо. Благородным Подонкам могло бы позавидовать большинство торговых компаний города.

Но все это оставалось в тайне. Остальные Правильные Люди считали их заурядной бандой мелких воров. Общее мнение было таково: Благородные Подонки достаточно опытные и осторожны, но звезд с неба не хватают. Локки и его друзей это устраивало – для безбедного существования им вполне хватало десяти крон в год на каждого. А большие траты повлекли бы за собой нежелательное внимание со стороны обеих властей Каморра – как легальной, так и воровской.

За эти годы они уже заполнили тайники на три больших мерки, а сейчас работали над четвертой. Все это время они пересчитывали заработанные деньги – и большую их часть сбрасывали во мрак шахты.

Проблема была в том, что их наставник отец Цепп научил их освобождать каморрскую знать от ноши чрезмерных накоплений, но не посчитал нужным обсудить возможности использования этих гигантских сумм. Благородные Подонки не могли придумать ничего иного, кроме как тратить деньги на подготовку новых афер. Их дань капе Барсави составляла около кроны в неделю.

2

– Радуйтесь! – воскликнул Кало, появляясь на кухне ров-

но в тот момент, когда Локки и Жеан передвигали стол на обычное место. – Братья Санца вернулись!

– Интересно, – проворчал Жеан, – кто-нибудь когда-нибудь произносил эту фразу, кроме самих братьев Санца?

– Только в покоях свободных молодых красоток нашего города, – самодовольно парировал Кало, опуская на стол маленький джутовый мешочек. Локки вытряхнул на стол его содержимое: несколько медальонов с полудрагоценными камнями, набор достаточно красивых серебряных вилок и ножей, а также целая куча разнообразных колец – от простеньких медных безделушек до массивного золотого перстня с платиновыми вставками, бриллиантами и обсидианом.

– Очень мило и весьма правдоподобно, – одобрил Локки. – Но, на мой взгляд, маловато. Жеан, поройся в Липовом сундучке и принеси еще какую-нибудь дребедень. Да, и захвати для меня двадцать солонов, хорошо?

– Пожалуй. Двадцать солонов будет в самый раз.

Пока Локки с близнецами расставлял стулья вокруг стола, Жеан скрылся за дверью тайника. Там у левой стены стоял узкий деревянный сундук. Парень откинул скрипучую крышку и начал рыться в нем с задумчивым выражением лица.

Липовый сундучок был почти доверху заполнен сверкающими украшениями, предметами домашней утвари и прочими побрякушками. Тут валялись хрустальные статуэтки, зеркальца в резных рамках из слоновой кости, ожерелья и

кольца, подсвечники из различных драгоценных металлов. Если порыться, можно было даже обнаружить бутылочки с бумажными этикетками, обернутые для сохранности в войлок. В них хранились загадочные снадобья и алхимические зелья.

Если бы Благородные Подонки взялись объяснять капе Барсави истинный характер своей деятельности, пожалуй, у них возникли бы определенные сложности. Поэтому они, не выставляясь, имитировали привычную жизнь рядовой каморрской банды. Не имея ни времени, ни особой склонности к традиционным ночным походам, они предпочитали прибегать к помощи Липового сундучка, содержимое которого пополнялось так же регулярно, как и коллекция нарядов. Для этого раз или два в год они совершали рейды по рынкам и ломбардам Талишема и Ашмера, где могли, не таясь, скупать всякую ерунду – свою предполагаемую добычу. Затем иноземное барахло разбавлялось местными, каморрскими добавками. Обычно это были вещи, походя, по движению души стянутые братьями Санца или добытые Жуком в ходе учебных вылазок.

Сейчас Жеан отобрал пару серебряных кубков, трое очков в золотых оправках и хороших кожаных футлярах, а также одну из закупоренных бутылочек. Осторожно прижимая к груди все это добро, другой рукой он порылся на полке и отсчитал двадцать маленьких серебряных монеток, затем пинком закрыл сундук и поспешил обратно в столовую. Там опять

солировал Жук, который развлекал публику умением вертеть солон между пальцами правой руки. На это его сподвигли многомесячные наблюдения за близнецами Санца, которые виртуозно гоняли монетки двумя руками одновременно, причем в противоположных направлениях.

– Держите. – Жеан выложил свою добычу. – Скажем, что у нас была неудачная неделя. В такую дождливую погоду никто и не ждет многого от домушников, особенно от специалистов по вторым этажам. Боюсь, мы даже навлечем на себя подозрения, если принесем слишком много. Думаю, его честь поймет и простит нас.

– Конечно, – легко согласился Локки. – Разумная мысль. Он потянулся за бутылочкой с медной крышкой, желая изучить ее повнимательнее. Ярлычок гласил, что это сладкое опиумное молоко – забава богатых дам, которую готовили из сушеных джеремитских маков. Освободив бутылочку от ярлыка и обертки, Локки сунул ее в мешок. Туда же отправилось и все остальное.

– Так, посмотрите хорошенько, не осталось ли на мне чего-то от Лукаса Фервита? Грим, мелочи костюма?

Разведя руки в стороны, он несколько раз повернулся вокруг своей оси. Жеан и близнецы заверили его, что в настоящий момент он от макушки до пят Локки Ламора.

– Хорошо. Теперь, раз наши личности благополучно восстановлены, пора платить налоги. – Локки поднял «краденую добычу» и неожиданно бросил ее Жуку. Мальчик

вскрикнул и обронил свою монетку, но все-таки успел подхватить тихо звякнувший мешок.

– Это что, тоже часть моего морального воспитания? – обиженно воскликнул он.

– Просто я – старый ленивый подонок, – пожал плечами Локки. – Зато на этот раз тебе не придется работать шестом.

3

Чтобы выбраться из храма Переландро, им пришлось преодолеть сложную и запутанную систему тоннелей и боковых ответвлений. На земле они очутились уже в третьем часу пополудни. Накрапывал теплый дождик, при этом небо было словно поделено пополам гигантской линейкой и стилем Богов: с севера нависали низкие темные тучи, а чистая юго-западная половина неба лила на землю лучи солнца. Приятный, свежий после дождя воздух ненадолго лишился обычных городских миазмов. Благородные Подонки стояли на набережной Храмового района в ожидании наемной гондолы.

Наконец подошла узкая и длинная лодка, ветеран внутригородских перевозок. На носу ее перед маленькой статуэткой Ионо лежала недавно убитая крыса – жалкое подношение в надежде избежать чумы, невезения и крушения. На корме с шестом в руках торчал похожий на попугая перевозчик в

полосатой красно-оранжевой куртке и большой соломенной шляпе, защищающей от дождя и свисающей на его костлявые плечи. Это оказался один из их знакомых – Витале Венто по прозвищу Нервный из банды Серолицых, специалист по каналам и карманник.

Витале развернул покрытый плесенью кожаный зонт, чтобы по мере возможности убереечь пассажиров от дождя, и начал плавно толкать лодку на запад, двигаясь между высокими каменными набережными Храмового района и великолепной Мары Каморраццы. Когда-то Мара Каморрацца была садом-лабиринтом, принадлежавшим одному из правителей эпохи Теринского Престола, но сейчас давно пребывала в запустении. Порядочные горожане редко забредали в этот уголок, зато каморские вору считали его своими угодами. Единственная причина, по которой честные люди посещали эти опасные зеленые переходы, заключалась в том, что здесь сходились семь пешеходных мостов, соединяющих между собой острова.

Жеан тут же углубился в чтение небольшого томика стихов, который захватил с собой, а Жук продолжил упражнения с монеткой, что, по правде говоря, выглядело не слишком эффектным номером. Локки и братья Санца завели с Витале профессиональный разговор. Плавая по каналам, гондольер подрабатывал тем, что примечал плохо охраняемые или же особо перспективные торговые баржи и передавал эти сведения своим приятелям. Вот и сейчас он по пути

несколько раз подал сложные сигналы кому-то на берегу, но Благородные Подонки вежливо сделали вид, что ничего не замечают.

Лодка приблизилась к Сумеречному холму, который даже в дневное время выглядел довольно тоскливо. Дождь как раз усилился, и одряхлевшая обитель мертвых скрылась за его пеленой. Витале свернул направо, и скоро они уже плыли между Сумеречным холмом и Муравейником. Работать шестом почти не приходилось – течение несло их по водам канала, будто истыканным многочисленными стрелами.

Движение стало менее оживленным, да и публика явно поменялась – из мест, где открыто правили законы Каморрского герцогства, их лодка всплыла в личные владения капы Барсави. По левому борту дымили кузни Угольного канала, выбрасывая в небо безобразные черные колонны дыма и сажи, под действием дождя сходящие на нет в вышине. Ветер Герцога относил эти клубы в Пепелище – один из самых убогих районов города, где различные банды и отдельные нищие сражались за право жить в грязных заплесневелых развалинах бывших роскошных вилл.

Слева по борту мимо гондолы прошла баржа, распространившая запах застарелого навоза и свежей смерти. На палубе лежало нечто, напоминавшее кучу лошадиных трупов. Тут же суетилось с полдюжины мясников: одни разделявали падаль длинными зазубренными ножами, другие раскладывали мясо под навесами от дождя.

Спросите любого каморрца, и он вам скажет, что данное зрелище весьма характерно для Чертова Котла и по виду, и по запаху. Если Отстойник являлся средоточием чудовищной нищеты, Западня имела скверную репутацию, Мара Каморрацца считалась смертельно опасным районом, а Пепелище – грязной и отдаленной окраиной, то Чертов Котел по праву заслуживал всех этих эпитетов сразу; вдобавок его обитатели славились редким равнодушием к своей и чужой жизни. Здесь все время стояла такая вонь, будто на пол мертвецкой в жаркий летний день вылили кувшин прокисшего пива. Большинство покойников из этого района так и не добиралось до кладбища бедных – простых ям, вырытых каторжниками на холмах Мелочевки: трупы попросту сбрасывали в канал или сжигали. Во времена перед заключением Тайного Договора даже городские стражники из числа «желтых курток» не отваживались заходить в Чертов Котел. Уже лет пятьдесят или больше здесь не работал ни один храм. Трудно даже представить, чем занимались и как умудрялись выжить нищие семьи, ютившиеся в крысиных норах Чертова Котла. Это было царство грязных таверн, притонов-однодневок и продавцов наркотиков, в котором заправляли самые жестокие и отчаянные банды капы Барсави.

Ежедневно в сем злочном месте собиралась примерно треть всех Правильных Людей Каморра – без малого тысяча бездельников и головорезов, которые только и делали, что бесконечно схватывались между собой и терзали соседей.

Ничем не занятые и никуда не спешащие люди... Локки с опаской поглядывал по сторонам. Сам он был родом из Огневого района; Жеан – из уважаемого Северного Угла; Кало и Гальдо попали на Сумеречный холм из Отстойника. И только Жук пришел к ним из Чертова Котла – однако за два года, которые паренек провел с Благородными Подонками, он ни разу не заговорил о своем прежнем житье.

Вот и теперь он молча, не отрываясь, смотрел на плывущие мимо убогие причалы и покосившиеся дома, на жалкие обноски, мокнувшие под дождем на бельевых веревках. Все дома и улицы здесь пропитались запахом гари и кухонного чада, стены зданий крошились, а Древнее стекло давно скрылось под слоем сажи и кучами мусора. Монетка в руках Жука перестала крутиться и, забытая, неподвижно лежала на тыльной стороне его левой ладони.

Локки вздохнул с облегчением, когда они наконец миновали Чертов Котел и поравнялись с высоким узким волнорезом, отделяющим его от Деревяшек. Каморрское кладбище разбитых кораблей выглядело куда веселее той части города, которая осталась у них за спиной.

Теперь перед ними открылась широкая укромная бухта, по площади превышавшая Плавающий рынок. Она была буквально усеяна качающимися на волнах обломками сотен кораблей и лодок. Некоторые из них все еще сидели на якоре, другие просто болтались без смысла. Часть развалюх в свое время стала жертвой снарядов или столкновений, остальные

сгнили от времени. Между остовами кораблей, как накипь на застывшей похлебке, плавал слой более мелкого мусора, то уплывая, то снова возвращаясь под напором приливной волны. После прихода Лжесвета по поверхности бухты нередко пробегала странная зыбь, обозначая подводное движение крупных морских тварей – гостей из Каморрского залива. Если городские каналы отгораживались от моря прочными железными решетками, то Деревяшки оставались открытыми к морю с юга.

В самом сердце Деревяшек дрейфовала неповоротливая громадина без мачт, достигавшая шестидесяти ярдов в длину и примерно тридцати в ширину. На месте ее удерживали толстые цепи, по две на носу и на корме. В Каморре никогда не строили ничего подобного – по словам отца Цеппа, этот тяжелый и неуклюжий корабль прибыл из далекого Тал-Верарра. Просторные шелковые навесы укрывали от дождя широкую плоскую палубу – под этими навесами могли бы устраиваться приемы, по утонченности не уступающие празднествам разлагающегося Джерема. Но сейчас на палубе маячили лишь закутанные в плащи часовые, зорко всматривающиеся в пелену дождя. Локки разглядел по меньшей мере дюжину вооруженных людей – они стояли группами по двое-трое и не выпускали из рук арбалетов.

Однако Деревяшки отнюдь не выглядели пустынными – некоторые наиболее сохранившиеся корабли были заселены целыми семьями, на других расположились дополнительные

компании стражей-наблюдателей. Витале осторожно лавировал между крупными обломками, одновременно подавая какие-то сигналы часовым.

– Прошлой ночью Серый Король пришел еще одного, – пояснил он, ловко орудуя шестом. – Теперь, уж будьте уверены, эти нервные мальчишки с большими ножами с нас глаз не спустят.

– Еще одного? – Глаза Кало сузились. – А мы даже не слышали. И кого же?

– Да Длинного Тессо из Полных Крон. Его нашли в Ржавой Заводе висящим на воротах старой лавки. Мало того, что подвесили, так еще и отрезали яйца. В бедняге не осталось ни капли крови. Такие вот дела...

Локки с Жеаном переглянулись.

– Вы вроде были с ним знакомы? – усмехнулся Нервный Витале.

– В некотором роде... И уже довольно давно, – сухо ответил Локки, а сам задумался. Тессо был – теперь уже именно *БЫЛ*– гарристой Полных Крон, а помимо этого, одним из наиболее преданных вассалов Барсави и близким другом его младшего сына Пачеро. Казалось, никто в Каморре, кроме самого капы и герцогского Паука, не осмелился бы и пальцем его тронуть... А вот поди ж ты – пришел какой-то таинственный безумец, именующий себя Серым Королем, и совершил с Тессо то, что совершил.

– Получается, уже шесть мертвецов? – спросил Жеан.

– Семь, – поправил его Локки. – Хрен в душу, столько мертвых гарристов мы с тобой не видывали с тех пор, как под стол пешком ходили!

– Подумать только, а ведь когда-то я тебе завидовал, Ламора, – вставил Витале. – Хотя банда у тебя и совсем крошечная.

Локки бросил на него рассеянный взгляд, пытаясь и не умея найти ответ на мучавший его вопрос. Семь вожаков за два месяца. Разные банды, разные люди... Казалось, их ничего не связывает, кроме одного: все они, как выражался отец Цепп, были *НАОСОБИЦУ*. Как и он сам. Локки всегда нравилось держаться подальше от капы, но теперь он засомневался. Может быть, он тоже занесен в черный список? Вдруг Серый Король сочтет, что Локки представляет некую Ценность для Барсави, и направит в его сторону арбалетный болт? Сколько чужих смертей стоит между ним и этим самым болтом?

– Проклятье, – вздохнул Жеан. – Все будто нарочно запутано.

– Может, поскорее покончить с нынешним делом и слиться на какое-то время? – предложил Гальдо, наклонившись через борт и настороженно оглядываясь. – Посетить Тал-Веррар или Талишем... Или, по крайней мере, спрятать тебя, Локки.

– Извини, Гальдо, но ты бредишь. – Локки сплюнул за борт, – Я понимаю, ты хочешь как лучше, но давай разбе-

ремся. Капа никогда не простит, если мы сбежим и бросим его в тяжелое время. Он аннулирует наши особые права и посадит над нами самую убудочную свинью, какую найдет. Нет, Гальдо, мы не можем бежать, пока Барсави остается в городе. Черт, да Нацца первая перебьет мне обе ноги!

– Сочувствую, парни. – Витале перебросил шест из руки в руку, точными толчками продвигая гондолу вперед. – Да уж, работа на Канале не такая легкая и уважаемая, как у вас, но по крайней мере у меня нет оснований опасаться за свою жизнь. Вас подкинуть на Могилу или высадить на берегу?

– Нам надо повидаться с Гарцей.

– Не завидую вам, парни. Он сегодня в мерзейшем настроении. – Витале начал подгрести к северному берегу Деревяшек, где за каменным причалом теснились маленькие лавчонки и дома с меблированными комнатами. – Значит, к берегу.

4

Ломбард Гарцы-Безнадеги являлся одной из достопримечательностей империи капы Барсави. Хотя многие из его конкурентов были куда более приятными людьми, да и платили побольше, но никто из них не рисковал устроиться в непосредственной близости от дворца капы. Такое распо-

ложение обеспечивало Гарце дополнительные выгоды: Правильные Люди, сбывавшие ему ворованный товар, твердо знали, что назавтра об этом будет доложено Барсави, ибо репутацию активного и ответственного вора время от времени полезно подкреплять.

– Так и знал, – проворчал старый вадранец при виде пятерых Благородных Подонков. – В такой день как сегодня только самые ничтожные из гарристов рискуют высовывать нос на улицу. Ладно, заходите, жалкие дети каморрских сучек. Лапайте своими жирными руками мой чудесный товар, пачкайте мои прекрасные полы.

Лавка Гарцы в любое время года – в жару ли, в проливной ли дождь – была закупорена, как гроб: двери плотно закрыты, на узких зарешеченных окнах пыльные холщовые занавески. В воздухе стоял неизбывный запах плесени, жидкости для полировки серебра, выветрившихся благовоний и застарелого пота. И в центре всего этого находился сам Гарца – пожилой, чрезвычайно бледный человечек с широко посаженными водянистыми глазами. Каждая складочка и морщинка на его лице как будто сползала вниз, к земле. Создавалось впечатление, что бог, лепивший этого смертного, был слегка навеселе и обращался с глиной не слишком осторожно. Свою кличку Безнадега получил за крайнюю несговорчивость, которую проявлял всякий раз, как только речь заходила о продлении срока или снижении процентов. Кало как-то сказал, что если Гарце в скулу воткнется стрела, он пред-

почтет сидеть и ждать, когда она отвалится сама, вместо того чтобы заплатить лекарю за каплю мази и лоскуток бинта.

В правом углу заворочался на стуле полусонный охранник – жирный, неопрятный парень с дешевыми бронзовыми перстнями на всех пальцах и невытой курчавой гривой волос. С пояса у него свешивалась обитая железом дубинка. Громила медленно, без улыбки кивнул вошедшим – на случай, если они не прониклись, кто он здесь такой.

– Уже знаю, что ты принес, Локки Ламора, – продолжал брюзжать Гарца. – Флакончики с духами и женское нижнее белье. Столовые принадлежности и старые кубки. Погнутый, поцарапанный металл, который не купит ни один нормальный человек. Твои парни считают себя такими умницами. Они бы сперли и дерьмо у собаки из-под задницы, если бы знали, как донести его до дому.

– Мне смешно это слышать, Гарца, – перебил его Локки, забирая мешок у Жука. – Сегодня в моей сумке...

– ...Не только крысиный помет. Я уже слышу по звуку. Давай посмотрим, вдруг ты по ошибке припер что-то стоящее.

Ноздри Гарцы раздулись. Он вцепился в мешок и ловким жестом высыпал его содержимое на специальную кожаную подушечку, лежащую поверх прилавка. Казалось, труд оценщика был единственным чувственным видом деятельности, доступным старику. Он действительно с головой ушел в работу. В глазах горела страсть, длинные скрюченные пальцы

жадно сжимались и разжимались.

– Барахло, – объявил он, выуживая три медальона, украденных Кало и Гальдо. – Дурацкая алхимическая паста и речные агаты. Не годятся даже на корм козе. Даю по два медяка за каждый.

– Жестко, – заметил Локки.

– Зато справедливо, – отрезал Гарца. – Так да или нет?

– Семь медяков за три.

– Я умею считать, умник. Два на три будет шесть. Соглашайся или проваливай ко всем чертям!

– Ну, если выбор таков, я согласен.

– Хм-м... – Гарца внимательно изучил серебряные кубки из Липового сундучка. – Так и знал – поцарапанные. Неужели твои идиоты не могут принести вещь, не испортив ее в своих заскоружлых мешках? Ладно, думаю, что сумею отполировать их и продать кому-нибудь из крестьян. Один солон и три медяка за каждый.

– Один солон и четыре, – возразил Локки.

– Три солон и один медный за все сразу.

– Годится.

– Так, теперь это... – Гарца вытащил бутылочку опиумного молока, отвинтил крышку, понюхал, что-то пробормотал себе под нос, затем закрутил крышку обратно. – В принципе товар стоит больше, чем твоя никчемная душонка, но у меня нет на него покупателей. Поганые сучки из богатеньких подбирают товар сами или заказывают у алхимиков, но никогда

не берут его с рук. Может быть, я смогу всунуть это какому-нибудь подонку, которому надо сделать перерыв между вином и гляделками. Три солона и три барона.

– Четыре солона и один барон.

– Ха, сами боги не выбили бы из меня четыре и два! Сам Моргайте, с пылающим мечом и десятком голых дев, накинувшись на мою задницу, получил бы четыре солона и один. Ты получишь три и четыре, и закончили с этим.

– Ладно. Но только потому, что мы торопимся.

Гарца записал промежуточный итог на клочке пергамента, потом бегло пробежался пальцами по маленькой кучке дешевых колец от Кало и Гальдо и расхохотался.

– Издеваешься? Все это дерьмо стоит меньше груды отрубленных собачьих хвостов.

– Да брось!

– Хвосты я хотя бы могу загнать на скотобойню. – Ростовщик по одному пошвырял Благородным Подонкам медные и бронзовые колечки. – Больше не приносите такого барахла, у меня самого закрома ломятся от всякой хрени, которую вовек не продать... – Тут Гарца наткнулся на перстень из золота и платины с бриллиантами и обсидианом. – Хоть одна стоящая вещь... Пять солоноров ровно. Золото – настоящее, но платина – вераррская дешевка, такая же подлинная, как стеклянный глаз. А бриллиантами такой величины я гажу пять-шесть раз в неделю...

– Семь и три, – твердо перебил его Локки. – Я с большим

трудом добыл именно эту вещь.

– И что? Я обязан платить больше из-за того, что твои мозги и задница случайно перепутались при рождении? По-моему, не слишком справедливо. Если бы так было принято, то я бы наверняка об этом слышал. Бери свои пять монет и считай себя счастливчиком.

– Вот уж не думаю, что хоть один из твоих клиентов может назвать себя счастливчиком!

Все их встречи проходили по одному и тому же сценарию: поиск компромисса, взаимные оскорбления, неохотное согласие Локки и зубовный скрежет старика, пока он брал товар и прятал его под стойку. Под конец Гарца проворно сгреб обратно в мешок те вещи, которые его не заинтересовали.

– Ну, мои сладкие недоумки, похоже, мы сойдемся на шестнадцати солонях и пяти медяках. Хорошая сумма, ради этого имеет смысл тащить сюда телегу дерьма.

– Или держать ломбард, – широко усмехнулся Локки.

– Очень смешно! – огрызнулся старик, отсчитывая шестнадцать потертых серебряных монет и пять меньших медных кружочков. – Я дарю вам легендарное потерянное сокровище Каморра. Собирайте свое барахло и проваливайте до следующей недели. Если, конечно, Серый Король не выпустит из вас кишки за это время.

Когда Благородные Подонки, посмеиваясь про себя, вышли из лавки Гарцы, дождь сменился мелкой моросью.

– Помните, как говаривал отец Цепп? – улыбнулся Локки. – Ничто не дарит большую свободу, чем постоянная недооценка со стороны окружающих.

– О боги, именно так! – Кало закатил глаза и высунул язык. – Будь мы еще чуточку посвободнее, оторвались бы от земли и улетели, как птички.

К плавучей крепости Барсави напрямую тянулся длинный мост, достаточно широкий, чтобы на нем разошлись два человека. На берегу его охраняли четверо, чье оружие хорошо просматривалось под промокшими плащами. Локки был уверен, что еще столько же, если не больше, стражей притаилось в засаде на расстоянии полета стрелы. Приблизившись к мосту, он проделал все сложные сигнальные знаки, установленные на текущий месяц. Разумеется, охрана хорошо знала Благородных Подонков, но здесь было не принято пренебрегать формальностями, особенно в такое беспокойное время.

– Привет, Ламора. – Самый старший из стражников, жилистый старик с выцветшими татуировками в виде акул на шее и щеках, шагнул вперед. Воры крепко пожали друг дру-

гу руки. – Слышал про Тессо?

– И ты тоже здравствуй, Бернел. Один из Серолицых уже сообщил нам по дороге. Так это правда насчет того, что его повесили и отрезали яйца?

– Истинная правда. Можешь представить себе, в каком настроении капа. Кстати, Нацца утром отдала распоряжение по этому поводу. Она хотела обязательно повидать вас. Так и сказала: придете с данью – не пускать, пока не встретитесь с ней. Вы же пришли платить дань, не так ли?

Вместо ответа Локки потряс маленьким мешочком, в котором звенели монеты – двадцать солонов Жеана и шестнадцать с небольшим Гарцы.

– А как же! Готовы исполнить свой долг честных подданных.

– Сомневаюсь, чтобы кто-нибудь сейчас пришел по другой причине. Послушай, Локки, я знаю, что вы – особенные, у вас сама Нацца в друзьях и вообще... Но тем не менее ты же хочешь, чтобы сегодня все прошло гладко? Сегодня тут крутится много пезонов, и явных, и скрытых. Короче, все очень строго. Сейчас капа допрашивает парней из Полных Крон, где те были прошлой ночью.

– Допрашивает?!

– Да, по всем правилам. Так что следите сегодня за собой и ни в коем случае не делайте резких движений, хорошо?

– Уяснили, – протянул Локки. – Спасибо, что предупредил.

– Без проблем. Арбалетные болты тоже стоят денег. Стыдно тратить их на таких, как вы.

Бернел помахал им, и Благородные Подонки вступили на деревянный мост длиной в сто ярдов. Он упирался в корму неповоротливого судна, где были сняты несколько секций внешней обшивки, а на их место установлена пара окованных железом крепких дверей. Там тоже стояла охрана – вооруженные мужчина и женщина. Оба выглядели изрядно усталыми. Заметив приближающихся гостей, женщина стукнула в дверь четыре раза. Прошло несколько мгновений, прежде чем створки открылись внутрь. Подавив зевок, женщина вновь прислонилась к стене и поглубже натянула мокрый капюшон. Тучи уже относило к северу, и солнце снова начинало палить по-летнему.

Зал для публичных приемов на Плавучей Могиле был очень высоким, вчетверо выше человеческого роста. Это и неудивительно – горизонтальные переборки галеона сняли много лет назад, оставив только шкафут и верхнюю палубу. Пол и стены были выполнены из твердых пород светлого дерева. Переборки покрывали великолепные гобелены в черно-красных тонах с узором из акульих зубов, вытканых золотом и серебром. Тут тоже находилось полдюжины головорезов со взведенными арбалетами в руках. Поверх шелковых рубах на телохранителях были кожаные дублеты с металлическими накладками и боевые наручи; шеи их защищали плотные кожаные воротники. Да и зал выглядел под стать

обитателям: вместо цветов и нарядных светильников – корзины для арбалетных болтов и стойки для запасных клинков.

– Эй, вы, полегче, – прикрикнула на стражей девушка, стоящая у них за спиной. – Понимаю, они выглядят охренеино подозрительно, но все-таки Серого Короля среди них не наблюдается.

На девушке были мужские бриджи и свободная блуза из черного шелка с пышными рукавами, поверх – рифленая кожаная кираса, причем, судя по ее виду, ее носили куда чаще, чем хранили в кладовке. По полу звонко процокали подбитые железом башмаки, вкус к которым она не потеряла с детства. Девушка радушно улыбнулась, но эта улыбка не затронула ее глаз, которые настороженно смотрели из-за стекол очков в простой черной оправе.

– Приношу извинения за подобный прием, дорогие мои, – обратилась Нацца Барсави ко всем Благородным Подонкам, но руку положила на левое плечо Локки. Она была выше его на добрых два дюйма. – Должна огорчить вас, но четверым придется подождать здесь, пока мы с Локки будем внутри. Вход только для гаррист. Папа сегодня в дурном настроении.

В этот момент из-за дверей, ведущих во внутренние покои Плавучей Могилы, раздался приглушенный вопль, за ним последовали неясные звуки – крики, проклятья, опять вопли. Нацца потеряла виски и со вздохом откинула со лба непослушную прядь.

– Дознание с пристрастием, – пояснила она. – С целью по-

дробного выяснения обстоятельств у ребят из Полных Крон папа пригласил Мудрого Праведника.

– Тринадцать Богов! – пробормотал Кало. – Уж лучше мы подождем здесь.

– Точно, – поддержал его Галь до, полез в карман и вытащил слегка намокшую колоду карт. – Полагаю, мы и здесь найдем себе неплохое занятие. Скучать не придется.

Он лучезарно улыбнулся охранникам, но те при виде братьев Санца с картами в руках не проявили ни малейшего воодушевления. Некоторые просто попятились, другие, казалось, испытали желание снова взяться за арбалеты.

– Да что ж это такое, парни! – обиженно воскликнул Галь до. – И вы туда же? Все это брехня чистойшей воды! Просто у всех за тем столом выдался на редкость неудачный вечер...

За широкими тяжелыми дверями открывался короткий пустой коридор. Охраны здесь не было. Нацца плотно прикрыла двери и лишь потом повернулась к Локки, протянула руку и пригладила его мокрые волосы. Уголки губ у нее печально опустились.

– Здравствуй, пезон. Я смотрю, ты опять недоедаешь.

– Да нет, я вроде питаюсь регулярно.

– Может, и регулярно, но недостаточно плотно. Помнится, когда-то давно я уже говорила, что ты похож на скелет.

– А я, помнится, был удивлен, что семилетняя девочка так бессовестно клянчит выпивку.

– Возможно, ты и прав – тогда я действительно перебрала. Но, надеюсь, сегодня ты простишь мне мою бесцеремонность. Пойми, Локки, дела у папы совсем плохи. Потому что я и решила перехватить тебя до того, как вы с ним увидите. Полагаю, он заведет разговор... о некоторых вещах. И я хочу, чтобы ты... Неважно, что он потребует... но, Локки, ради меня... не прекословь ему. Соглашайся, понимаешь?

– Но это же естественно, Нацца! Ни один гарриста, если он, конечно, ценит жизнь, не поступит иначе. Неужели ты думаешь, что сегодня – особенно сегодня! – я пришел сюда сознательно злить его? Да если твой отец прикажет полаять, как собака, я тут же спрошу: «Какой породы, ваша честь?»

– Я понимаю, прости... Но я о другом: он не в себе, Локки. Он напуган. Безумно, неподдельно напуган. Я помню, каким угрюмым он был, когда умерла мама, но сейчас... Он кричит во сне. Пьет и принимает опиум каждый день, просто чтобы продержаться. Раньше только мне запрещалось покидать Могилу, но сейчас он велит сидеть здесь и Анжаису, и Пачеро. С нами постоянно пятьдесят стражей. Наверное, герцога – и того так не охраняют! Папа с братьями спорили об этом всю ночь.

– Что тут скажешь, Нацца? Мне... поверь, мне очень жаль. Но я не вижу, чем могу помочь. И о чем же он собирается просить меня?

Нацца бросила на него нерешительный взгляд, открыла было рот, но затем передумала. Она стояла, нахмурившись

и плотно сжав губы.

– Черт побери, Нацца! Я сделаю все, что ты попросишь. Ради тебя я готов прыгнуть в залив и заарканить акулу. Но сначала ты должна мне рассказать, насколько эта акула большая и голодная. Понимаешь?

– Да. Послушай, Локки... право же, мне неловко, но думаю, будет лучше, если он сам скажет тебе. Ты просто помни, о чем мы с тобой говорили. Слушайся его. Повинуйся... а потом мы как-нибудь разберемся, ладно? Если оно у нас будет – это потом.

– *ЕСЛИ?* Ты пугаешь меня, Нацца. Во мне борются страх и любопытство.

– Что делать, Локки, так уж сложилось... Все очень плохо. Серый Король подбирается к папе. У бедного Тессо было шестьдесят бойцов, и десять из них находилось при нем неотлучно. Ты же знаешь, Тессо ходил в любимчиках, папа строил на его счет определенные планы – и вот... Долгие годы он все делал по-своему, а сейчас... я даже не уверена, держит ли он ситуацию в руках. Мне кажется, папа решил свернуть все дела и просто отсидеться тут с нами. Он настроен на долгую осаду.

– О-хо-хо, – тяжело вздохнул Локки. – Ты сама знаешь, что до сих пор он действовал вполне благоразумно, и я уверен...

– Да это чистое безумие – сидеть вот так взаперти до скончания веков! Раньше папа половину вечеров проводил в «Последней ошибке». В любое время дня и ночи он гулял

по докам, по Маре Каморрацце, по Муравейнику. Он не боялся показываться на Процессии Теней и бросал медяки в толпу! Это герцог Каморра может запереться в своей башне и править по установленным законам. У капы Каморра так не получится. Он обязан появляться на людях!

– О да, и подставляться наемным убийцам Серого Короля.

– Локки, я торчу на этом долбаном корыте уже два месяца и знаю, о чем говорю. Поверь, здесь мы ничуть не в большей безопасности, чем если бы купались нагишом в самой грязной луже самого захудалого двора в Чертовом Котле! – Нацца сжалась и так крепко обхватила себя руками, что кожаный доспех на ней закрипел. – Что нам делать? Кто такой этот Серый Король и где он прячется? Кто его люди? Мы сидим и *ничего* о нем не знаем... А эта сволочь преспокойно убивает наших подчиненных – по своему выбору, ни за что ни про что. Это неправильно! Мы чего-то не понимаем... за ним стоит какая-то сила, о которой мы не догадываемся.

– У него есть ум и удача. Но это не навечно, поверь мне, Нацца.

– Дело не только в его хитрости и везучести, Локки. Согласно, на любую старуху бывает случайная беременность... – Она нервно хихикнула. – Но знать бы, что припасено у него в рукаве? Какие-то сведения? Или люди? Если только ему не помогает кто-то... если в нашем стане не завелись предатели – а я почти уверена, что до сих пор этого не было, – значит, он намного превосходит нас по всем статьям.

– До сих пор?

– Не придуривайся, Локки! Дела будут катиться по наезженной колее – даже при том, что мы с папой безвылазно торчим на Плавучей Могиле. За нас работают Анжаис и Пачеро. Однако если они перестанет выпускать и их, все полетит на хрен. Возможно, гарристы сочтут разумным, когда прячется часть семьи Барсави. Но если мы *ВСЕ* запремся здесь, они назовут нас трусами. И не мне объяснять, что они недолго будут перешептываться у нас за спиной. Вожаки попросту выберут нового капу... или несколько кап. Или даже самого Серого Короля.

– Не думаю, что твои братья согласятся сидеть взаперти.

– Все зависит от того, насколько съехала крыша у нашего старика. Но даже если они сохраняют свободу передвижения, это не решит всех проблем. Посмотри, мы *уже* проигрываем! Под нами ходит три тысячи ножей, а этот призрак скрутил нас в бараний рог!

– Ты думаешь, здесь замешано колдовство?

– Я могу подозревать все, что угодно. По слухам, Серый Король может убить одним своим прикосновением. Говорят, будто холодное железо не причиняет ему вреда. Тут впору заподозрить самих богов. Анжаис и Пачеро смеются надо мной... думают, я схожу с ума! Сами-то они расценивают происходящее как обычную войну за власть. Считают, что стоит потянуть время, запереть в безопасном месте старика-отца с младшей сестренкой и подождать, пока противник

раскроет свои карты. А затем ответить ударом на удар. Но у них ничего не выйдет, Локки. Мне все это напоминает игру в кошки-мышки. Рано или поздно кошка сомкнет когти, как бы мышка ни дергалась. Неужели вы не понимаете?!

– Нацца, я знаю, ты взволнована. Говори – я буду слушать и молчать как рыба. Можешь кричать на меня, если хочешь. Но скажи, что я могу сделать при таком раскладе? Я всего-навсего простой вор, один из самых мелких подчиненных твоего отца. Спорим, если ты найдешь во всем Каморре банду меньшую, чем моя, я готов перекинуться в карты в пасти у акулы!

– Я хочу, чтобы ты успокоил папу, Локки. Мне необходимо привести его в состояние, хотя бы отдаленно напоминающее обычное, чтобы он мог выслушать меня серьезно. Вот почему я прошу тебя отправиться туда и постараться порадовать его. Как-нибудь особенно порадовать. Пусть он увидит перед собой преданного гарристу, который готов немедленно выполнить любое приказание. Как только он начнет строить планы на будущее, это будет означать, что он пришел во вменяемое состояние.

Короткий коридор упирался в еще одни массивные двери, похожие на те, что вели в приемный зал. Однако в отличие от первых эти двери оказались заперты на сложный вераррский замок, в котором часовой механизм приводил в действие целую систему надежных стальных засовов. В центре двери виднелась дюжина замочных скважин. Нацца сня-

ла два ключа с цепочки, которую носила на шее, и, загордившись от Локки, принялась возиться с замком. Механизм внутри двери пришел в движение, раздалась серия щелчков – это срабатывали скрытые запоры. Железные засовы пришли в движение, и дверь открылась.

Раздался очередной крик; не приглушенный толстыми стенами, он прозвучал нестерпимо громко и отчаянно.

– Смотреть еще хуже, чем слушать, – предупредила девушка.

– Нацца, я в курсе, какую работу выполняет Праведник для твоего отца.

– Знать – одно, а видеть собственными глазами... Обычно Мудрый Праведник берет одного-двоих за раз. А сегодня папа заставил этого подонка работать целый день.

6

– Я, кажется, ясно дал понять, что мне это не нравится, – зловеще проговорил капа Барсави. – Почему же ты упорствуешь и заставляешь меня повторяться?

Темноволосый юноша был распят на деревянной дыбе. Он висел вниз головой, удерживаемый за кандалы на ногах, с вывернутыми до предела руками. Кулак капы попал несчастному в район подмышки – раздался звук, похожий на удар

молотка для отбивания мяса. Брызнул пот, узник закричал, извиваясь в своих оковах.

– Зачем ты так оскорбляешь меня, Федерико? – кулак старика с выставленными костяшками снова обрушился в то же самое место. – Может, потрудишься придумать более убедительную байку?

Ребром ладони капа Барсави ударил Федерико по горлу. Парнишка задохнулся: кровь, пот и слюна текли ему в нос.

Сердцевина Плавучей Могилы напоминала роскошную бальную залу со скругленными углами. Теплый янтарный свет сочился из хрустальных шаров, подвешенных на серебряных цепях под самым потолком. Лестницы вели на круговые галереи, а уже оттуда – на часть палубы под шелковыми навесами. В дальнем конце зала на возвышении стояло большое удобное деревянное кресло, в котором капа Барсави обычно принимал посетителей. Убранство зала отличалось изысканным вкусом и роскошью, но сегодня здесь было неприятно находиться – в воздухе стоял запах пота, страха и обмоченных штанов.

Под потолком полукругом крепилось восемь деревянных рам, которые при необходимости можно было спускать вниз. На одной из них сейчас и висел несчастный Федерико. Надо сказать, Барсави достаточно часто занимался подобными делами, так что присутствие пыточного инвентаря в его покоях выглядело вполне оправданным. Шесть из восьми окровавленных стоек уже пустовало, на двух последних корчились

пленники.

Капа обернулся на звук открываемой двери. Увидев дочь с Локки, он коротко кивнул им и жестом приказал подождать у стены. С возрастом Барсави не утратил своей массивности, за которую его часто сравнивали с быком, но стал как-то круглее и мягче. Три его бороды теперь опирались на тройной подбородок, вся фигура излучала довольство и умиротворение. Но в последнее время под глазами капы залегли темные круги, а щеки приобрели нездоровый румянец под воздействием неумеренных возлияний. Похоже, даже привычные пытки были для него непосильным напряжением – вспотевший и покрасневшийся, Барсави скинул камзол и стоял возле дыбы в одной шелковой рубашке. Кроме капы и его жертв, в комнате находились Анжаис и Пачеро Барсави, старшие братья Наццы. Анжаис являлся миниатюрной копией отца – тот же капа, но за вычетом тридцати лет и двух бород. Пачеро же скорее походил на сестру – высокий, стройный, с непокорно вьющимися волосами. Оба брата тоже носили очки: покойную мадам Барсави, страдавшую близорукостью, угораздило передать свой недостаток всем трем выжившим детям.

Поодаль, возле стены, стояли в ленивых позах две женщины. Они отнюдь не являли собой образец красоты и изящества: лица невыразительные, на загорелых руках, изуродованных многочисленными шрамами, бугрились почти мужские бицепсы. Обе давно миновали юношеский возраст, но,

несмотря на это, буквально излучали ауру силы и физического здоровья. Неразличимо похожие, близнецы Черина и Раица Беранджиас были величайшими контрареквиллами, каких видел Каморр за свою многовековую историю. Всегда выступая в паре, сестры дали уже больше сотни представлений на Речных Игрищах, в ходе которых сражались с волчьими акулами, кальмарами, удильщиками и другими хищниками Стального моря.

Последние пять лет сестры Беранджиас служили личными телохранительницами и палачами капы Барсави. Их длинные дымно-черные гривы были убраны под серебряные сетки, украшенные блестящими акулыими зубами. Если верить молве, каждый такой зуб означал смерть человека – одного из тех, которых сестры убили по приказу Барсави.

И, наконец, следовало упомянуть последнего из присутствующих в зале людей – хотя, зная его репутацию, вряд ли кто-нибудь решился бы назвать его «последним». Это был Мудрый Праведник – круглоголовый мужчина средних лет и умеренной комплекции. Его коротко стриженные волосы соломенного цвета выдавали принадлежность к исконно теринскому роду – таких светловолосых людей нередко можно было видеть в западных городах Картена и Лашена. Глаза Праведника всегда казались подернутыми влагой, как будто он вот-вот заплачет под действием сильных чувств, но выражение лица при этом оставалось неизменно безразличным. Вероятно, Мудрый Праведник был самым флегматич-

ным человеком в Каморре – даже ногти своим жертвам он выдирает с равнодушием человека, полирующего туфли. Капа Барсави слыт весьма опытным специалистом по части пыток, но в случае затруднения всегда обращался за помощью к Праведнику – а уж тот никогда не разочаровывал своего хозяина.

– Он ничего не знает! – вдруг завизжал последний из пленников, которого, по всей видимости, еще не трогали. После того как Барсави нанес очередной изуверский удар Федерико, у парня сдали нервы. – Капа... ваша честь, умоляю! Никто из нас ничего не знает! О боги! Никто ничего не помнит!

Барсави подошел к юноше и схватил его за горло.

– Разве тебя о чем-то спрашивали? Или соскучился, не терпится принять участие? Ты молчал, когда шестеро твоих дружков один за другим отправились под воду. Чего же сейчас орешь?

– Пожалуйста, – прохрипел парень, жадно хватая воздух, едва Барсави ослабил хватку. – Прошу вас... это же бессмысленно. Во имя всего святого, капа, вы должны верить нам! Мы бы давно все рассказали, если б знали хоть что-то. Но мы ничего не помним! Мы просто не...

Капа заставил его заткнуться, с силой ударив по лицу. На мгновение в зале повисла тишина, прерываемая лишь хрипами и сдавленными рыданиями жертв.

– С какой стати я должен верить вам? Да будет тебе из-

вестно, Джулиан: я никому и ничего не должен. Ты пытаешься всучить мне дерьмо на палочке и утверждаешь, будто это жареная отбивная? Вы все занимались этим, даже не потрудившись заpastись более или менее правдоподобной версией! Если бы вы слаженно ввали... хрен вам в душу, я бы тоже разозлился, но, по крайней мере, мог бы понять это. Так нет же – вы целый день вопите, что просто ничего не помните! Вы – наиболее уважаемые после Тессо члены банды. Он сам вас выбрал! Его друзья, телохранители, его вернейшие пезоны. Тессо умер бы от стыда еще раз, наблюдая, как вы тут мешаете слезы с соплями и несете полный бред. Неужели ни один из вас не помнит, где он был прошлой ночью – как раз тогда, когда умер красавчик Тессо?

– Но это правда, капа Барсави. Умоляю вас...

– Еще раз спрашиваю – вы были пьяны?

– Нет, совсем нет!

– Может, вы обкурились? Все вместе?

– Нет-нет, мы ничего не курили... по крайней мере, все вместе.

– А как насчет гляделок? Чуть-чуть порошка от извращенных джеремитских алхимиков?

– Тессо нам не разрешал...

– Отлично, – Барсави небрежно, как бы ненароком, ударил юношу в солнечное сплетение. Наблюдая, как Джулиан судорожно хватает ртом воздух, капа покачал головой, затем повернулся и театрально воздел руки. – Что ж, раз мы пере-

брали все возможные объяснения вашей непонятной забывчивости, остается сослаться на колдовство или божественное вмешательство... Ах, извините, вы случайно не были заколдованы самими Двенадцатью Богами? Уж такое-то вы не просмотрели бы, правда?

Джулиан снова задергался в своих путях.

– Прошу вас, капа... прошу...

– Значит, все-таки не боги. Так я и думал. Боюсь, твоя маленькая игра чертовски меня утомила. Праведник!

Круглоголовый мужчина склонил голову, да так и застыл, прижав подбородок к груди и вытянув руки ладонями вверх, словно собирался принять подарок.

– Все это так скучно! Хотелось бы чего-нибудь *ТВОРЧЕСКОГО*. Если Федерико так ничего и не скажет, дадим Джулиану еще один, последний шанс.

Федерико начал визжать еще до того, как Барсави закончил говорить – по зале разнесся высокий отчаянный вопль, в котором жило предчувствие близкой запредельной боли. Локки изо всех сил сжал зубы, чтобы подавить дрожь. Как часто в этой жизни приходится сталкиваться с кровью и болью... Похоже, у Двенадцати Богов особый вкус к извращенной жестокости.

Мудрый Праведник подошел к маленькому столику, на котором рядом с горкой мелких стекляшек лежал плотный мешок с завязками. Он бросил в мешок несколько осколков и начал колотить им об стол. Дикая вопли Федерико заглу-

шали звук бьющегося стекла, но Локки явственно представлял себе его. Несколько секунд спустя палач, очевидно, достиг желаемого результата. Захватив с собой мешок, он с неспешной ленцой направился к Федерико.

– Нет, нет... нет! Пожалуйста, не делайте этого... нет, прошу вас...

Удерживая одной рукой голову юноши на месте, Праведник быстро натянул мешок ему на голову и ловко затянул завязки на шее. Мешок заглушал крики мученика, которые становились все более истошными и бессвязными. Праведник начал мять мешок, сначала осторожно, почти нежно. Длинные пальцы палача вдавливали осколки в лицо Федерико. Сквозь ткань мешка начали проступать красные пятна. Палач месил мешок с ловкостью скульптора, придающего форму глине. Через какое-то время Федерико затих – из-под мешка доносились только страшные стоны. Локки молился всем Богам, чтобы несчастный поскорее впал в благословенное забытие.

Праведник увеличил силу нажима. Он давил там, где должны быть глаза юноши, нос, рот, подбородок. Ткань мешка насыщалась кровью, пока Федерико не перестал дергаться. Когда палач отнял руки от мешка, они выглядели так, будто он давил перезрелые помидоры. Грустно улыбаясь, Праведник отряхнул руки – с них стекали красные струйки. Затем так же молча он пошел к Джулиану, пристально глядя на него.

– Если даже это тебя не убедило, уж не знаю, что и делать, – вздохнул Барсави, – Это все, на что мы способны. Будешь говорить или нет?

– Капа, пожалуйста, – очень тихо прошептал Джулиан. – В этом нет нужды. Мне нечего вам сказать. Спросите меня о чем-нибудь другом... о чем угодно. Я все сделаю с радостью. Но то, что случилось прошлой ночью, для меня загадка. Я бы все рассказал вам – но, милостивые боги, я ничего не могу вспомнить. Пожалуйста, капа, верьте мне – я не стал бы ничего скрывать. Мы ведь были его верными пезонами, самыми преданными из всех.

– Искренне надеюсь, что не самими, – Барсави, кажется, пришел к определенному решению.

Он жестом подозвал сестер Беранджиас и указал на Джулиана. Сестры работали быстро и слаженно – аккуратно освободили юношу от узлов и кандалов, которые удерживали его на дыбе, но оставили все веревки, опутывавшие его от шеи до лодыжек, а затем без труда подняли дрожащего паренька.

– Верными? Умоляю тебя, Джулиан, мы же взрослые люди! Не говорить ни слова о том, что случилось прошлой ночью – неважная демонстрация вашей преданности. Вы просто-напросто послали меня на... и я отплачу вам той же монетой.

В углу возле левой стены зиял большой открытый люк. Под ним плескалась темная вода. Пол вокруг люка был залит

кровью.

– Я тоже отошлю тебя не в самое приятное место. Отправ-
ляйся к другим мертвецам.

Джулиан успел вскрикнуть один-единственный раз, прежде чем сестры-палачи швырнули его в люк вниз голо-
вой. Вода с плеском сомкнулась над несчастным вором, и
больше он не показывался. Таков был давний обычай капы –
топить провинившихся прямо под Могилей, в проволочной
сети, висящей под дном корабля, словно гигантское сито.

– Спасибо, Мудрый Праведник, ты свободен. Мальчики, я
позову вас позже. Заодно прихватите людей, чтобы тут при-
браться, а пока, дети мои, побудьте на палубе. Раиза, Чери-
на, отправляйтесь с ними.

Капа Каморра медленно подошел к своему старому удоб-
ному креслу и с облегчением опустил в него. Он тяжело
дышал, но пытался это скрыть. Время от времени его про-
бирала дрожь. Рядом на столике стоял широкий винный ку-
бок размером с большую миску для супа. Капа сделал долгий
глоток, с закрытыми глазами смакуя аромат вина. Наконец,
немного успокоившись, он поманил к себе Локки и Наццу.

– Ну что, дорогой мой мастер Ламора, сколько денег ты
принес сегодня?

– Тридцать шесть солонов и пять медяков, ваша честь.

– М-да... Негусто за неделю.

– Вы правы, капа Барсави. Мне очень стыдно, но понимаете, этот проклятый дождь... Такая погода просто погибель для тех, кто лазает по верхним этажам.

– Пожалуй... – Барсави поставил кубок и начал потихоньку массировать ушибленные костяшки пальцев. – Случалось, ты приносил и побольше. Неоднократно. Да, не лучшая неделя выдалась.

– Воистину, капа.

– А знаешь ли, не все ведут себя, как ты. Другие стараются приносить мне еженедельно одну и ту же сумму. За дурака держат. В конце концов я теряю терпение и объясняю им, что к чему. Что ты думаешь про таких гаррист, Локки?

– Мне... мне кажется, у них очень скучная жизнь.

– Ха! Именно! Представь, какая хренова стабильность – один и тот же доход каждую неделю! И соответственно, одни и те же проценты для капы Барсави. Как будто я ребенок, который ничего в жизни не понимает. Благодарение богам, что есть гарристы вроде тебя. Ты-то приносишь мне честный процент. Это видно уже по тому, что ты не боишься прийти и извиниться за неудачную неделю.

– Я вроде бы не особо стесняюсь и тогда, когда мой баланс превышает норму.

– Что да, то да, – Барсави улыбнулся и уселся поудобнее. Из-под днища корабля, в том месте, куда сбросили беднягу Джулиана, раздались зловещие всплески и приглушенные удары. – Как бы то ни было, ты мой самый надежный и правильный гарриста. Как вераррские часы. Приносишь мою долю сам – вовремя и аккуратно, вот уже три года неделя за неделей. Ты ни разу не подводил меня с тех самых пор, как умер Цепп. Никакие обстоятельства не помешают тебе появиться передо мной с заветным мешочком в руках, – капа Барсави ткнул пальцем в маленький кожаный кошелек, который держал в руке Локки, затем кивнул Нацце.

Официально в организации Барсави девушка считалась *финникером*, то есть сборщиком налогов. Она могла на память выдать все платежи какой-нибудь банды за последние годы и никогда не ошибалась. На самом деле Локки знал, что все это она записывает для отца на специальный пергамент. Но для всех остальных подчиненных капы итоги баснословных доходов Барсави фиксировались и хранились в хорошенькой головке, на которой поблескивали прелестные холодные глаза. Локки бросил кошелек девушке, и она ловко поймала его на лету.

– И еще тебе никогда не приходит в голову послать вместо себя пезона, чтобы тот выполнил работу гарристы.

– Вы очень добры ко мне, ваша честь. Но сегодня к вам

никого и не пускают, кроме гаррист.

– Не надо преувеличивать. Ты отлично понимаешь, о чем я. Нацца, родная, оставь нас с Локки наедине. Нам надо поговорить.

Нацца медленно кивнула отцу, затем, гораздо живее – Локки, резко развернулась и вышла из комнаты. За дверью простучали ее подкованные башмаки.

– Многие из моих гаррист круче тебя, – продолжал Барсави. – Более популярные, более яркие, банды у них больше, соответственно и доходы тоже. Но я не могу вспомнить другого человека, который был бы столь же учтив и внимателен, как ты.

Локки промолчал.

– Скажу честно, мальчик мой, мне многое не нравится... однако твоя вежливость все это искупает. Не напрягайся, расслабься. Я не собираюсь накидывать тебе петлю на шею.

– Простите, капа, но все знают, что для выражения своего недовольства вы часто используете...

– Иносказания?

– О да. Отец Цепп достаточно порассказал мне о нравах в Теринской Коллегии, чтобы я научился распознавать риторические ловушки для дураков, – объяснил Локки.

– И снова ты прав! Если кто-нибудь скажет тебе, что от старых привычек трудно избавиться, не верь ему, Локки. От них вообще невозможно избавиться, – Барсави хмыкнул и сделал еще один глоток вина, прежде чем продолжить. –

Настали тревожные времена, Локки. Проклятый Серый Король начал серьезно подкапываться под меня. Потеря Тессо – большой удар... Видишь ли, у меня были определенные планы в его отношении. Теперь же обстоятельства заставляют меня спешно заниматься незапланированными делами. Скажи-ка, пезон, а что ты думаешь о моих сыновьях, Анжаисе и Пачеро?

– Как бы это сказать... Вам ведь нужен честный ответ?

– Именно так – честный и всеобъемлющий. Я приказываю тебе, пезон.

– Они очень уважаемые и опытные работники. Я ни разу не слышал, чтобы кто-то отпускал шуточки у них за спиной. По словам Жеана, они отлично держатся в бою. Да и братья Санца побоятся вчестную играть с ними в карты, а это много значит.

– То, что ты сейчас лепечешь, я могу в любой момент услышать от дюжины своих шпионов. Все это мне известно. Я спрашиваю: что думаешь о моих сыновьях лично ты?

– Э-э... – Локки сглотнул и посмотрел в глаза капе Барсави. – Я считаю, что они достойны уважения. Знают толк и в делах, и в драке. Они очень трудолюбивы и достаточно талантливы, но... простите, ваша честь... Анжаис и Пачеро совершают большую ошибку, когда высмеивают Наццу. Им следовало бы прислушиваться к ее предостережениям и с благодарностью принимать советы. Пока вашей дочери хватает терпения и деликатности...

– Уворачиваться от них?

– Вы знали, что я это скажу?

– Я недаром считаю тебя осторожным и осмотрительным гарристой. Это твои главные достоинства, хотя далеко не единственные. Ты являешь собой образец чрезвычайно осторожного вора – еще с тех времен, как был прыщавым подростком. Мне нравится, что ты никогда не позволяешь жадности одержать верх над разумом. Такие люди, как ты, должны быть очень чуткими к чужой неосторожности. Мои же сыновья... они всю жизнь прожили в городе, который пресмыкался перед ними из-за одной их фамилии. Как истинные папины сынки, они рассчитывают на особое отношение к себе. Они очень неосторожные, даже наглые. И я хотел бы уже сейчас найти им советчика на многие месяцы и годы вперед. Я ведь не буду жить вечно, даже если сумею сейчас разделаться с Серым Королем.

От спокойной уверенности, которая прозвучала в голосе капы, волосы на голове у Локки встали дыбом. Барсави уже два месяца сидел взаперти в своей крепости. В данный момент он пил вино и дышал воздухом, в котором стоял запах крови восьми жертв – в прошлом членов одной из самых могущественных и лояльных банд.

Как разобраться, кто сейчас сидит перед Локки? Дальновидный и мудрый человек, заглядывающий в будущее? Или безумец, чей разум дал трещину, подобно оконному стеклу в пламени костра?

– Мне бы очень хотелось видеть тебя на таком месте, которое позволит давать необходимые советы Анжаису и Пачеро, – вкрадчиво продолжал капа.

– Но, ваша честь... Это чрезвычайно лестно для меня, но... Мы давно знакомы с вашими сыновьями, однако я никак не могу считать себя их близким другом. Мы иногда встречаемся, болтаем, играем в карты... Но давайте говорить начистоту: кто я такой? Всего-навсего мелкий гарриста.

– О том я и говорю. Даже сейчас, после происков Серого Короля, в городе хватает людей значительнее тебя – более сильных, смелых и популярных... Не стоит обижаться, мы ведь уже обсудили твои достоинства. Те самые, которых так не хватает моим сыновьям. Они нуждаются не в напоре, отваге или личном обаянии, а в холодном и расчетливом разуме. Я бы назвал это здравомыслием. Ты мой самый здравомыслящий гарриста. Ты сознательно понижаешь свою роль, исходя из того незначительного шума, который ты производишь. А теперь скажи – что ты думаешь о Нацце?

– Нацца? – Локки насторожился еще больше. – Она... просто великолепна, ваша честь. Нацца может слово в слово воспроизвести разговоры, которые мы вели десять лет назад, и не допустить ни единой ошибки, особенно если разговор был неприятным для меня. И вы еще называете меня осторожным, ваша честь? Вот где живет истинное благоразумие! По сравнению с вашей дочерью я неосторожен, как медведь в алхимической лавке.

– Да, – с гордостью подтвердил старик. – После моей смерти Нацца по праву стала бы следующим капой Барсави, но это невозможно. Ты же понимаешь, она женщина. Парни не допустят, чтобы ими правила младшая сестра. А я не хочу, чтобы мои дети передрались из-за наследства – той империи, которая останется после меня. Поэтому я не могу обойти их в пользу Наццы. Зато я могу – и должен – убедиться, что когда придет время, рядом с Пачеро и Анжаисом будет трезвый советчик, от которого они не смогут избавиться. Вы с моей дочерью старые друзья, не так ли? Я помню, как произошла ваша первая встреча много лет тому назад... Она сидела у меня на коленях и воображала, будто командует моими людьми. Все эти долгие годы ты всегда задерживался на Плавучей Могиле, чтобы повидаться с Наццей, сказать ей пару добрых слов. Ты ведь всегда был ее верным пезоном?

– О да, ваша честь, надеюсь, что так.

– Я в этом уверен, – Барсави сделал большой глоток из кубка и посмотрел на Локки с великодушной улыбкой на морщинистом лице. – Именно поэтому я разрешаю тебе ухаживать за своей дочерью.

«Ну что, пора начинать дрожать?» – спросили коленки Локки, но его хваленое здравомыслие выдало иной вариант – замереть и не двигаться. Так человек, вошедший в воду и увидевший рядом с собой треугольный плавник акулы, застывает как камень.

– Ох... – наконец смог выдать из себя Локки. – Это так

неожиданно...

– Конечно, неожиданно, – снисходительно согласился капа. – Но тут наши цели совпадают. Я знаю, что вы с Наццей испытываете взаимную симпатию. Благодаря этому союзу ты войдешь в семью Барсави, станешь отвечать за Анжаиса и Пачеро, а они – за тебя. Неужели не понятно? С родственными узами им придется считаться куда сильнее, чем с самым могущественным гарристой, – Барсави пожал правой рукой левый кулак и опять широко улыбнулся – этакое краснолицее божество, раздающее благословения с небесного трона.

Локки незаметно вздохнул. Ничего не поделаешь: ситуация требовала абсолютного, пусть даже молчаливого согласия, как если бы Барсави стоял с арбалетом у виска Локки. Люди умирали, отказав Барсави в гораздо меньшем. Оступиться от родной дочери капы стало бы весьма неприятным способом самоубийства. Попробуй Локки воспрепятствовать планам Барсави, и он не переживет сегодняшнюю ночь.

– Благодарю вас, капа Барсави. Для меня это высокая честь. Надеюсь не обмануть ваших ожиданий.

– Об этом не может быть и речи. И еще – насколько мне известно, несколько других гаррист тоже положили глаз на Наццу. Но я считаю, если бы кто-то хотел приручить ее, то наверняка бы уже это делал, верно? Представляешь, как они удивятся такой новости! Вот будет сюрприз!

«Да, – подумал Локки, – а моим свадебным подарком ста-

нет мстительная ревность неизвестного числа обманутых поклонников!»

– Все ясно, ваша честь... Когда и как я могу начинать?

– Наверное, тебе потребуется несколько дней, чтобы все обдумать, – предложил Барсави. – А я тем временем поговорю с девочкой. Конечно, сейчас ей нельзя покидать Плавучую Могилу. Но как только я разберусь с Серым Королем, ты сможешь ухаживать за Наццей по всем правилам.

– Я так понимаю, что теперь мне надо постараться побольше красть? – очень осторожно спросил Локки.

– Считай это моим заданием. Так сказать, в придачу к родительскому благословию, – ухмыльнулся Барсави. – Посмотрим, удастся ли тебе красть больше и сохранить при этом свое благоразумие. Я почти уверен в твоём успехе. И знаю, что ты не захочешь огорчать меня или мою дочь.

– Что вы, ваша честь! Я сделаю все, что в моих силах.

Капа Барсави поманил Локки и протянул левую руку ладонью вниз. Локки опустился на колени, принял эту руку в свои ладони и медленно поцеловал знакомый перстень Барсави – черную жемчужину с кровавой искрой в сердцевине.

– Капа Барсави, – произнес он, опустив глаза.

Капа взял его за плечи.

– Дарю тебе мое благословение, Локки Ламора. Благословение старика, заботящегося о своих детях. Этим решением я поставил тебя выше многих опасных людей. Конечно, для тебя не новость, что мои сыновья наследуют весьма рис-

кованное дело, и если они проявят недостаточную осторожность или твердость... могут произойти неожиданные вещи. Возможно, когда-нибудь этим городом будет править капа Ламора. Ты когда-нибудь мечтал о таком?

– Если честно, нет, – прошептал Локки. – Я никогда не мечтал о власти капы, опасаясь проблем капы.

– Вот она, твоя осмотрительность! – Барсави улыбнулся и махнул в сторону дальних дверей, позволяя Локки удалиться. – Действительно, проблемы, с которыми приходится сталкиваться капе, весьма нешуточны. Но ты помог мне решить одну из них.

Локки вышел, путаясь в мыслях, а капа Каморра остался сидеть на своем троне, молча и глядя в никуда. Единственными звуками вокруг него было эхо шагов Локки и ровный стук капель крови, сочащихся из мешка на голове Федерико.

8

– Черт, Нацца, даже проживи я на свете тысячу лет и повидай все в этом мире по шесть раз, то и тогда охренительная *ПРОСЬБА* твоего отца поставила бы меня в тупик!

Девушка поджидала его в коридоре, за дверью. Как только часовой механизм захлопнул дверь в покои Барсави, она бросила на него виноватый и смущенный взгляд.

– Но объяснить тебе все заранее, наверное, было бы еще более неловко...

– Да уж, тут такая хрень, что не знаешь, как лучше. Послушай, Нацца, мне не хотелось бы тебя обижать, но...

– Я и не думаю обижаться, Локки, – перебила она.

– Нет, пойми меня правильно – ты мой хороший друг.

– У меня точно такие же чувства к тебе, Локки. Но тем не менее...

– Все так сложно?

– Да нет, не сложно. Слушай, – девушка схватила его за плечи и, слегка сгорбившись, заглянула в глаза. – Ты мне друг, Локки. Возможно, лучший из всех. Мой верный пезон. Я очень люблю тебя, но... совсем не как будущего мужа. И знаю, что ты тоже...

– Я...

– Локки, – настойчиво произнесла Нацца. – Мне известно, что единственная женщина, похитившая ключик от твоего выдающегося сердца, находится за тысячу миль отсюда. И также знаю, что ты предпочтешь страдания по ней счастью с другой женщиной.

– Вот как? – Локки сжал кулаки. – Похоже, об этом уже знает весь Каморр. Бьюсь об заклад, что господин герцог регулярно получает донесения на эту тему. А твой отец – единственный человек, оставшийся в неведении!

– Возможно, ему просто плевать на это, – Нацца подняла брови. – Локки, ваши отношения – это отношения капы и

пезона. Ничего личного. Он приказывает, ты повинешься. Ну... как правило.

– Как правило, но не сейчас? А мне-то казалось, что тебя обрадует это известие. Вот, твой отец строит планы на отдаленное будущее, как ты и хотела!

– Я говорила о разумных планах, – впервые за их разговор Нацца по-настоящему улыбнулась. – Ну же, пезон. Мы ведь можем несколько дней поиграть в эту игру. Просто сделать вид... а тем временем вместе подумать, как выйти из положения. Все зависит от нас самих, не так ли? Старик не сумеет нас победить... он даже не узнает о своем проигрыше.

– Наверное, Нацца. Сделаем, как ты скажешь.

– Я уже сказала. Приходи послезавтра, мы что-нибудь придумаем. Прорвемся. А теперь иди успокой своих мальчиков. И будь осторожен.

Локки вышел в приемный зал, а Нацца осталась в коридоре. Он смотрел, как она стоит за медленно закрывающимися дверями, пока не раздался щелчок замков. Вор мог бы поклясться, что перед тем, как тяжелые двери окончательно сомкнулись, девушка подмигнула ему.

– ...И вот та самая карта, которую ты загадал. Шестерка пик, – говорил Кало, показывая карту страже.

– Сто чертей! – выругался один. – Здесь замешано колдовство.

– Просто старый трюк семейства Санца. – Кало перетасо-

вал колоду одной рукой и протянул Локки. – Хочешь попробовать, начальник?

– Нет, спасибо, Кало. Собирайтесь, парни. С делами я разобрался, так что довольно мозолить глаза страже.

Одновременно Локки подал условный знак на их языке жестов: «У нас крупные осложнения; обсудим в другом месте».

– Черт, я проголодался, – воскликнул Жеан, поняв сигнал. – Почему бы нам не отправиться, например, в «Последнюю ошибку» и не перекусить в наших комнатах?

– Отлично! – отозвался Жук. – Да здравствует пиво и абрикосовые кексы!

– Это сочетание даже на слух столь отвратительно, что я вряд ли решусь попробовать! – отвесив шуточный подзатыльник младшему из Благородных Подонков, Жеан направился к узкому мосту, связывавшему Плавучую Могилу с остальным миром.

9

Кроме капы Барсави, полагавшего, будто Благородные Подонки даже после смерти отца Цеппа продолжают попрошайничать на ступенях храма, никто из Правильных Людей Каморра никак не связывал членов банды с Домом Пере-

ландро. Кало, Гальдо и Жук снимали комнаты в различных частях Западни и соседних районов, причем меняли их каждые несколько месяцев. Локки и Жеан изображали, будто квартируют вместе уже несколько лет. По случаю – счастью или злему, трудно сказать – Жеану удалось снять комнаты на седьмом этаже Расколотой башни.

В ту ночь дождь лил вовсю и было темно, хоть глаз выколи. Никто из обитателей особенно не стремился спускаться по скрипящим внешним ступенькам с северной стороны Расколотой башни. Дождь ровно колотил в ставни, ветер загадочно вздыхал, проникая сквозь щели и трещины в старых стенах. Благородные Подонки уютно устроились на подушках и при свете бумажных фонарей допивали свое пиво. Это был особый сладкий сорт местного светлого пива, который большинство каморцев предпочитали темному и горькому вераррскому. В комнате было душно, но по крайней мере сухо.

За ужином Локки рассказал друзьям свою историю.

– Это самая хреновая из всех хреновых вещей, которые могли с нами приключиться, – подвел итог Гальдо.

– Простите, но я повторю уже прозвучавшее предложение, – вмешался Жеан. – По-моему, следует поскорее сворачивать игру с доном Сальварой и выбираться из этой заварушки. История с Серым Королем становится слишком опасной. Мы не сможем заниматься нашими аферами, если Локки окажется в центре этой интриги.

– И когда ты предлагаешь остановиться? – поинтересовался Кало.

– Да чем скорее, тем лучше, – решительно заявил Жеан. – Прямо сейчас, в крайнем случае, после следующей расписки от Сальвары. Но не позже.

– М-да... – Локки разглядывал осадок на дне своей кружки. – Мы много поработали ради этого приза. Я практически уверен, что нам удалось бы вытянуть еще пять-десять тысяч крон как минимум. Это, конечно, не те двадцать пять тысяч, о которых мы мечтали, но согласитесь, сумма вполне достаточная, чтобы гордиться ею. Ради этих денег я только что кровью не обделался, а Жуку пришлось прыгнуть с крыши.

– А еще катиться две мили в проклятой бочке! – вставил Жук.

– Ты говоришь так, будто эта мерзкая старая бочка налетела на тебя по дороге и заставила лезть внутрь, – возразил Гальдо. – Что касается меня, я свое мнение уже высказал – оно такое же, как у Жеана. Давайте обсудим кое-какие меры предосторожности. Например, обдумаем надежное убежище для тебя, возможно, за пределами города. Просто обсудим, даже если ты не собираешься прибегать к подобным мерам.

– Ха, что я слышу! – усмехнулся Локки. – Санца ратует за благоразумие! А как же насчет того, что мы богаче и умнее всех?

– Локки, ты будешь без конца повторять эту фразу, пока в один прекрасный день тебе не перережут глотку, – поддер-

жал брата Кало. – Лично я теперь по-другому смотрю на Серого Короля. Этот чертов безумец действительно способен в одиночку противостоять трем тысячам. И у тебя уже сейчас есть шанс стать одной из его целей. Если же Барсави попытается вовлечь тебя в свой круг, то это еще больше ухудшит положение.

– Можем мы хоть ненадолго отвлечься от такой приятной темы, как перерезанные глотки? – Локки резко встал, подошел к окну, смотрящему на море, и долго стоял там, заложив руки за спину. – Кто мы такие, в конце концов? В первый момент, когда Барсави сделал мне свое предложение, признаюсь, я сам со страху едва не прыгнул в эту гадскую бухту. Но затем обдумал все как следует. И вот что я вам скажу, парни: старому лису приходит конец. А мы держим его в руках, на полном серьезе. Только вдумайтесь: мы настолько преуспели в своем деле, что сам капа просит долбаного Бича Каморра жениться на своей дочери! Нет, мы так круты, что просто смешно становится!

– Тем не менее это не только успех, которому следует радоваться, но и куча проблем, способных навсегда испортить наши дела, – охладил его пыл Жеан.

– Но мы и в самом деле можем радоваться, Жеан! И лично я собираюсь радоваться прямо сейчас. Как ты не понимаешь? Это ничуть не сложнее, чем то, чем мы занимаемся каждый день. Просто привычная добрая работа Благородных Подонков. С той только разницей, что теперь Нацца – наш

союзник, который поможет нам выиграть приз. Долой уныние, мы просто не можем проиграть! А насчет женитьбы... Скажу честно: я собираюсь жениться на ней не более, чем завтра же утром унаследовать трон герцога Никованте.

– У тебя есть план? – теперь в глазах Жеана, помимо настороженности, появилось любопытство.

– Абсолютно никакого. Не могу даже предположить, с чего начать. Но, с другой стороны, все мои авантюры начинались подобным образом, – Локки одним махом допил остатки и швырнул оловянную кружку об стену. – Все, ребята, я прикончил свое пиво и доел абрикосовые кексы. И мне плевать на них обоих – и на капу Барсави, и на Серого Короля! Никто не посмеет помешать нашей игре с доном Сальварой. Так же, как никто против воли не свяжет меня с Наццей. Мы будем жить, как жили до того: дождемся боя, примем его и блестяще выиграем!

– Ладно, – Жеан вздохнул. – Но, по крайней мере, обещаю принять некоторые меры предосторожности и внимательно следить за ходом событий.

– Конечно, Жеан, конечно. Забронируй нам несколько мест на подходящие корабли. С оплатой не скупись, трать, сколько потребуется. Неважно, куда они идут, лишь бы не в Джерем. При такой страховке мы всегда сможем исчезнуть на несколько недель и вернуться, когда пожелаем. Калло, Гальдо, а вы завтра отправляйтесь к Вратам Висконте. Договоритесь с «желтым куртками» за любые деньги, чтобы

в случае чего мы смогли легко покинуть город, невзирая на комендантский час.

– А мне что делать? – спросил Жук.

– А ты будешь стеречь наш тыл. Поболтайся возле храма, посмотри, что к чему. Примечай любого, кто отирается там подозрительно долго, и вообще все необычное. Если возникнет хоть какая-то опасность, обещаю, более того, гарантирую – мы тут же сникнем и растворимся, как моча в океане. А пока, парни, верьте мне. Лично я в ближайшие дни намерен выходить в город только в обличье Лукаса Фервита или в какой-нибудь другой маскировке.

– Полагаю, вопрос решен? – тихо сказал Жан.

– Жан, я могу быть или твоим гарристой, или просто парнем, который покупает на всех пиво и закуску, если другие почему-то не могут заплатить, – Локки окинул присутствующих нарочито суровым взглядом. – Но я не могу быть обоими одновременно – эти роли исключают одна другую.

– Я всегда чувствую себя неуютно, когда у нас так мало информации, как сейчас, – пояснил Жан. – Мне кажется, подозрения Наццы вполне обоснованы. Серый Король скрывает в рукаве какой-то козырь, о котором мы даже не догадываемся. Наша игра очень рискованная, а положение вещей – ненадежное.

– Сам знаю, – вздохнул Локки. – Но я прислушиваюсь к своей интуиции, а она подсказывает, что на сей раз нам следует идти навстречу опасности с улыбкой на лице. Понима-

ешь, чем дольше мы живем, тем лучше я начинаю понимать, к чему готовил нас отец Цепп. Он ведь не обещал нам спокойного и упорядоченного мира, в котором мы сможем сами выбирать, когда быть умными, а когда валять дурака. Нет, он учил нас выживать в положении, когда вокруг одно дерьмо. Что ж, сегодня такой момент настал – мы в дерьме, парни... но мы сильнее этого дерьма. И не стоит лишний раз говорить мне, что темная вода захлестывает нас по самое горло. На это я скажу: да, пусть темная вода, но в таком случае мы – хищные акулы в этой воде!

– Да, черт побери! – воскликнул Жук. – Я знал, что мы незря выбрали тебя своим вожаком!

– Против мудрости мальчика, прыгающего с крыш, возразить нечего, – скептически заметил Жеан. – Хочу только надеяться, что мои замечания будут приняты к сведению.

– Конечно, Жеан! – легко согласился Локки. – Приняты, поняты, а также обдуманы со всей серьезностью. Зачтены, заверены и накрепко впечатаны в мое здоровое мышление.

– О боги, да ты, похоже, искренне рад! Я ведь знаю – ты играешь словами, лишь когда находишься в исключительно приподнятом настроении, – Жеан вздохнул, но губы его невольно дрогнули в улыбке.

– И учти, Локки, – заметил Кало, – если ты все-таки попадешь в переделку, мы не станем слушать приказы гарристы, а просто-напросто возьмем дубину и огреем нашего друга по его тупой черепушке. А после этого вывезем из Каморра в

ящике. У меня, кстати, припасена подходящая дубина.

– А у меня ящик, – подхватил Гальдо. – Я долгие годы надеялся, что ему найдется достойное применение.

– Ясно, – кивнул Локки. – Но, несмотря ни на что, я сделал выбор. Я предпочитаю верить в милость Лукавого Благодетеля и в нас, а также доверяю наставлениям отца Цеппа. Я хочу продолжать делать то, что у нас получается лучше всего. Значит, завтра мне еще предстоит кое-какая работка в качестве Лукаса Фервита, а послезавтра я снова увижусь с Наццей. Капа питает большие надежды на эту встречу, но полагаю, Нацца к тому времени что-нибудь придумает.

Локки вновь припомнил ее последний взгляд, то, как она подмигнула ему в створе закрывающихся тяжелых дверей темного дерева. Всю жизнь Нацца хранила секреты отца... интересно, насколько важно ей было иметь свой собственный секрет от него?

Интерлюдия. Мальчик, плачущий над мертвым телом

1

Вопреки всем надеждам Локки, отец Цепп уже на следующий день после посещения «Последней ошибки» решил, что мальчик вполне готов к обучению. Деваться было некуда, и хотя голова у него раскалывалась от принятого накануне сахарного рома, Локки приступил к изучению культов Переландро и Благодетеля. Ему пришлось запоминать множество ритуальных жестов и интонаций, традиционные приветствия и символику деталей жреческого облачения. На четвертый день ему разрешили появиться на ступенях храма в качестве одного из неофитов Переландро. Юный попрошайка сидел в белом облачении и старался сохранять на физиономии подобающее выражение – скромное и трогательное.

Со временем священник расширил круг занятий Локки. Ежедневно мальчик уделял по два часа чтению и письму. Постепенно его каракули становились все менее корявыми и все более внятными. Наконец настал день, когда братья Санца объявили, что его почерк уже не виляет, «как собака со стре-

лой в башке». В качестве благодарности Локки рассыпал по соломенным тюфякам братьев молотый красный перец. Какое же было огорчение близнецов, когда выяснилось, что отомстить мелкому паршивцу не так просто: из-за обостренной паранойи, приобретенной за годы жизни в Огневом районе и на Сумеречном холме, мальчишку было практически невозможно застать врасплах или подловить спящим.

– Раньше братьям не доводилось встречать мошенника, близкого им по уровню, – пояснил Цепп, когда они с Локки как-то сидели вместе на ступенях. – Теперь они будут относиться к тебе настороженно. Но настанет день, когда они сами придут к тебе за советом. Тогда ты поймешь, что приручил их.

Локки молча улыбнулся. Как раз сегодня утром Кало предложил Локки помочь с арифметикой – в обмен на признание, каким образом младшему из Благородных Подонков удастся обнаруживать и обезвреживать все ловушки.

Локки открыл близнецам Санца лишь некоторые из трюков, которые до сих пор помогали ему выживать. Но и этого оказалось достаточно, чтобы заслужить обещанную помощь обоих братьев. Впрочем, в награду за каждую решенную задачу Цепп выдавал ему новое, более сложное задание. Одновременно Локки начал учить разговорный вадранский. Сначала священник отдавал на нем только самые простые приказания по дому. Когда же маленький воришка научился немного понимать вадранский, Цепп ввел новые правила: в

иные дни он на несколько часов вообще запрещал мальчикам разговаривать по-терински. Тогда даже простая застольная беседа превращалась в урок этого резкого и нелогичного северного языка. Локки часто казалось, что на нем в принципе невозможно разговаривать мирно и доброжелательно.

– Среди Правильных Людей вам не слишком часто придется слышать вадранский, зато в порту или среди торговцев – сплошь и рядом, – наставлял Цепп своих учеников. – Но, услышав вадранскую речь, не спешите ответить тем же. Обнаруживайте свое знание языка только в случае крайней нужды. Вы даже не представляете, насколько бесцеремонны в разговорах эти северяне! Прикидывайтесь простаками и узнаете много нового.

Не меньшее значение священник придавал кулинарному искусству. По приказу Цеппа Локки каждый второй вечер проводил у плиты из алхимического камня под пятой у близнецов Санца.

– Сегодня в нашей программе *vicceahapona*, пятое из Прекрасных искусств Каморра, – приговаривал Безглазый Священник. – Опытные каморрские повара изучают все восемь отраслей и знают их куда лучше, чем собственную задницу. Тебе пока достаточно познакомиться с основами. Однако прошу заметить, что наши основы дадут фору иным высотам. Пожалуй, лишь картенская и эмберлинская кухня могут идти в сравнение с нашей. Большинство же вадранцев абсолютно безнадежны в этом отношении. Подай им набивку из

кресла, жареную в лампадном масле, и они назовут это изысканным блюдом. Итак, здесь у нас золотой перец, тут – дже-риштийское оливковое масло, а вон там, за ними, хранится цедра коричневого лимона. . .

Локки тушил кальмаров и варил картофель, нарезал тонкими ломтиками груши, яблоки и особые алхимические плоды, из которых сочился медовый ликер. Он приправлял пищу перцем и иными пряностями – и познавал им меру ценной обожженного языка. Нередко его творения представляли собой столь отвратительную массу, что ее выносили из храма и скармливали Кроткому козлу. Однако Локки был способным учеником – рано или поздно он преуспевал во всем, чем бы ни занимался. Довольно скоро Санца перестали дразнить его и начали привлекать к приготовлению собственных утонченных блюд.

Уже через полгода после своего появления в храме Локки усердно трудился на кухне наравне с близнецами, фаршируя молодых акул. Это было первое из Прекрасных искусств – *viccentamerre*, которое грубые северяне попросту именовали «блюдами из морепродуктов». Кало потрошил рыбину и закладывал в них сладкий перец, который Локки предварительно смешивал с мелко наструганной колбасой и кровавым сыром. Вместо глаз вкладывались черные оливки. Удалив зубы, в пасть акулам набивали смесь риса и тушеной моркови. Плавники и хвосты отрезались и шли на суп.

– Это было превосходно, мальчики, – пробормотал Цепп

позже, когда сложное блюдо уже поглощалось в четыре рта. – А теперь, пока вы убираете со стола и моете тарелки, хотелось бы послушать ваш вадранский...

Так оно и шло. Локки учился накрывать на стол и исполнять роль официанта – и все по высшему разряду. Он узнал, как надо отодвигать стул, как разливать чай и вино. И он, и Кало с Гальдо относились к обеденным церемониям с неменьшей серьезностью, чем медики к операции. Познал Локки также искусство одеваться – завязывать шейный платок, застегивать пряжки на туфлях, легко и непринужденно носить такой предмет роскоши, как чулки. По сути, он впитывал невероятное, просто безумное количество сведений из всех сфер жизни – но до воровства дело так и не доходило.

Однако аккуратно в первую годовщину пребывания Локки в храме пришлось вспомнить и об этой науке.

– Знаете, мальчики, я тут задолжал некоторым людям, – объявил Цепп одним погожим вечером. Как всегда в хорошую погоду, они сидели в запущенном саду на крыше. Именно здесь священник предпочитал обсуждать текущие дела. – И это такой долг, от которого я никак не могу отказаться.

– А что это за люди? – поинтересовался маленький Локки. – Кто-то вроде нашего капы?

– Не угадал, – Цепп сделал долгую затяжку – после ужина он очень любил покурить. – На сей раз я должен одному из черных алхимиков. Вы знаете, кто это такие?

Кало и Гальдо кивнули, но как-то неуверенно, словно со-

мневаясь. Локки и вовсе помотал головой.

– Тогда слушайте, – начал объяснять Цепп. – Существует официальная Гильдия Алхимиков, но она чересчур придиричива к своим членам в плане выбора занятий. Собственно, эти строгости как раз и введены из-за черных алхимиков – тех самых людей, которые работают в незаконных лавочках с клиентами вроде нас. По большей части они занимаются изготовлением ядов и наркотиков. Формально все черные алхимики ходят под капой, как и мы с вами, но на деле не слишком-то зависят от него. Капа сам знает, что с такими людьми лучше не ссориться. Так вот, Джиссалина д'Обарт, пожалуй, лучшая из черных алхимиков. Как-то раз со мной случилась неприятность – я отравился. Джиссалина меня спасла, и с тех пор я в долгу перед ней. Сегодня она напомнила мне об этом и попросила об одолжении – ей нужен труп.

– Значит, надо идти в Мелочевку, – предложил Кало.

– С лопатой, – добавил Гальдо.

– Нет, ей нужен совсем свежий труп. В самом соку, если можно так выразиться. Видите ли, согласно герцогскому указу, Гильдия Алхимиков и Медиков ежегодно получает определенное количество трупов прямо с виселицы – казненных убийц и воров. Но черные алхимики лишены такой привилегии, а Джиссалине как раз нужно провести кое-какие опыты. Таким образом, мальчики, это станет вашим первым серьезным заданием. Мне надо, чтобы вы раздобыли труп, све-

женький, как утренняя пышка. Вы должны заполучить его, не привлекая излишнего внимания, и притащить прямо сюда, чтобы я мог передать его Джиссалине.

– Украсть труп? Не слишком веселая работка, – пробормотал Гальдо.

– Никакого веселья, – отрезал Цепп. – Рассматривайте это как очень важный экзамен.

– А что, в будущем нам часто придется заниматься подобным? – съязвил Кало.

– Экзамен призван проверить отнюдь не ваши способности к воровству мертвых тел, маленький нахал, – дружелюбно улыбнулся Цепп. – Мне хотелось бы увидеть, как вы в команде работаете над чем-то более серьезным, чем ужин. Я готов обеспечить вас всем необходимым, но план действий вы должны составить сами. Никаких намеков с моей стороны. Это ваш экзамен!

– Всем необходимым? – быстро переспросил Локки.

– Скажем так, в разумных пределах, – уточнил священник. – И хочу подчеркнуть: вы не имеете права убивать сами. Требуется честно найти покойника, умершего от чужой руки, – Цепп произнес это так сурово, что оба близнеца бросили встревоженный взгляд на младшего товарища, а потом изумленно уставились друг на друга.

– Когда эта дама хочет получить свой труп? – деловито поинтересовался Локки.

– Ее устроит срок в одну-две недели.

Мальчик кивнул и какое-то время молча смотрел вниз, на свои руки.

– Кало, Гальдо, – обратился он к близнецам, – не могли бы вы завтра посидеть на ступенях без меня, чтобы я спокойно обдумал это задание?

– Конечно, – в один голос согласились братья, и в их голосах прозвучали явственные нотки надежды. Впоследствии отец Цепп нередко вспоминал этот вечер – именно тогда близнецы Санца навсегда уступили Локки право быть их мозгом. И сделали это с радостью.

– Честный покойник, убитый не нами и к тому же еще не остывший окончательно... – повторил Локки. – Думаю, мы справимся без проблем, хотя я пока не знаю, как именно это сделать.

– Твоя самоуверенность не может не радовать, – усмехнулся Цепп. – Но помни, ты ограничен в выборе способов. Если сгорит еще одна таверна или снова случатся беспорядки, я подвешу тебе на шею свинцовую болванку и сброшу с этой самой крыши.

Кало и Гальдо опять перевели испуганный взгляд на Локки.

– Ограниченный выбор? Хорошо... – задумался мальчик. – Не волнуйтесь, отец Цепп, я уже не так безрассуден, как раньше. Я имею в виду – как был в детстве...

Весь следующий день Локки бродил по окрестным улицам. Впервые ему разрешили выйти из храма в одиночестве. Маленький мальчик – он едва доставал взрослым до пояса – был облачен в новенькую белую рясу Переландро с серебряной вышивкой на рукавах. Локки поразило, с каким почтением относятся окружающие к его одеянию – несмотря на юный возраст, он отлично сознавал, сколь малая толика этого почтения относится лично к нему, маленькому дурачку, наряженному в рясу.

Орден Переландро возбуждал в большинстве каморрцев сложные чувства – привычный цинизм боролся в них со стыдливой жалостью. Не то чтобы их огрубелые сердца трогало бескорыстное милосердие Бога – скорее срабатывал авторитет самого Безглазого Священника, человека, по всеобщему мнению, помешанного на милосердии. Те же самые горожане, которые обычно подшучивали над вечно ноющими жрецами в белых одеждах, оказавшись в Храмовом районе, невольно останавливались перед Домом Бога-Попрошайки, смущенно кидали мелочь в кувшин для пожертвований и поспешно уходили. Вот и маленького послушника Переландро никто не смел обижать – прохожие расступались перед мальчиком, а уличные торговцы даже вежливо кланялись ему.

Так Локки впервые с восторгом и удивлением постиг, как много значит качественная маска.

Время близилось к полудню, каморрские улицы были забиты многоликой гомонящей толпой. Малыш Локки целенаправленно шагал в юго-западном направлении. Там через канал был перекинут «кошачий мостик», позволявший попасть из Храмового района на Старокрепостной остров.

«Кошачьи мостики» являлись еще одной таинственной частью городской архитектуры, оставшейся людям в наследство от Древних. Они представляли собой узкие – не шире бедра среднего мужчины – стеклянные арки, соединяющие набережные Анжевены и большинства каморрских каналов. Их поверхность, блестящая и абсолютно гладкая на вид, была тем не менее шероховатой, как кожа акулы, и обеспечивала достаточное сцепление, чтобы счастливые обладатели хорошего чувства равновесия (или просто смельчаки) могли перебегать по ним через водные преграды. Движение на каждом таком мостике было строго односторонним; согласно герцогскому указу, люди, идущие в правильном направлении, могли безнаказанно сталкивать нарушителей в воду.

Балансируя на стеклянной поверхности, Локки невольно оторвался от своих размышлений и припомнил уроки истории, являвшиеся неременной частью учебной программы отца Цеппа. Когда-то, много столетий назад, все города-государства входили в состав Теринской Империи и подчинялись единому правителю, сидевшему в Терим Пеле. В

те далекие времена люди были менее образованными и более суеверными. Испытывая непреодолимый ужас перед высокими стеклянными башнями Древних, тогдашние герцоги Каморра предпочли воздвигнуть для себя огромный каменный дворец в самом сердце южной части города. Так возникла Старая Крепость – резиденция каморрских герцогов.

Время шло, и несколько веков спустя один из прадедов Никованте (какой именно, Локки затруднялся назвать) решил поселиться в серебристой стеклянной громаде под названием Воронов Насест. Освободившаяся Старая Крепость перешла в руки городского правосудия и стала именоваться Дворцом Терпения. Здесь располагались казармы «желтых курток» и квартиры их офицеров. Тут же обитала Коллегия герцогских судей, в которую входило двенадцать мужчин и женщин, чья личность не подлежала разглашению. Заседая в суде, они скрывались под пурпурными мантиями и бархатными масками. Каждый из них носил имя по месяцу года – судья Парфис, судья Фестал, судья Аурим и так далее – и вершил правосудие в течение соответствующей части года.

На острове располагались и более зловещие атрибуты каморрской правоохранительной системы: подземные темницы, виселицы на Черному мосту, который вел к центральным воротам Дворца, и некоторые *ДРУГИЕ МЕСТА*. Тайный Договор, в сочетании с желанием герцога Никованте сохранить репутацию великодушного правителя, сильно уменьшил количество несчастных, которые раскачивались на Чер-

ном мосту, поэтому на смену повешению верные слуги герцога изобрели иные формы наказания – не смертельные, но не менее изощренные в своей жестокости.

Сам дворец представлял собой квадратное неуклюжее здание в десять этажей. Огромные серые и черные камни, из которых были сложены стены, образовывали незамысловатую мозаику, за минувшие века изрядно подпорченную непогодой. Каждый этаж украшали высокие арочные окна с витражами преимущественно в темно-серых и красных тонах. Когда ночью за ними вспыхивали огни, казалось, будто зловещие красные глаза взирают сквозь тьму во все стороны. Эти окна никогда не гасли – очевидные символы недреманного правосудия.

По углам здания, где-то на уровне шестого или седьмого этажа, были пристроены башенки, выступами нависающие над землей. К этим башенкам подвешивались черные железные сооружения, называемые «вороньими клетками», куда на всеобщее обозрение помещались преступники. Несчастливым приходилось сидеть, свесив ноги сквозь прутья, по несколько часов или дней – в зависимости от тяжести преступления. Но подобные временные камеры казались уютным уголком по сравнению с «паучьими клетками» – еще одним изощренным изобретением судейских чиновников.

Едва Локки перебрался через мостик, как влился в толпу горожан, паливших на ставшее уже привычным зрелище. С юго-восточной башни Дворца Терпения свисало несколь-

ко маленьких клеток на длинных стальных цепях. В спокойном состоянии они тихонько раскачивались на ветру, как паучки на своих паутинках. Но две клетки двигались: одна медленно поднималась вверх, другая, напротив, быстро падала вниз. Идея заключалась в том, чтобы заключенные в «паучьих клетках» не знали ни минуты покоя – даже относительного. Для этого другие узники на крыше здания трудились возле кабестана, то поднимая, то опуская металлические мешки. Они работали, меняя друг друга, сутки напролет, пока власти не решат, что преступник в клетке в достаточной мере настрадался и раскаялся. Их жарило солнце, поливал дождь и терзал ветер; но независимо от погоды скрипучие, раскачивающиеся клетки безостановочно поднимались и опускались. По ночам жители района Старой Крепости, а иногда и соседних с ним, могли слышать, как кричат и молятся несчастные заключенные.

Вся жизнь Старой Крепости была так или иначе связана с юридической системой. Помимо Дворца Терпения, здесь располагались пристани и конюшни «желтых курток», небольшие конторы, в которых работали герцогские сборщики налогов, писцы и прочие чиновники, а также маленькие обшарпанные кофейни, где наемные ходатаи и адвокаты выколачивали деньги из родственников тех, кто томится во Дворце. Несколько ломбардов и других лавок жались по северному берегу острова, но и они большей частью работали за счет герцогских служб.

Другой достопримечательностью этого района являлся Черный мост, перекинутый через широкий канал между Старой Крепостью и Марой Каморраццей. Построенный уже в более позднее время обычными людьми, он представлял собой высокую арку из черного камня. На ее южной стороне была установлена деревянная платформа, с которой сталкивали обреченных на повешение преступников. Закутанные в черные саваны фигуры раскачивались над водой, а прикрепленные к ним красные фонарики зловеще подсвечивали мост. Согласно местному поверью, души людей, умерших над текущей водой, уносились в море, а там возрождались в телах акул. Именно этим в народе и объяснялось огромное количество хищных тварей в Каморрском заливе. Над этим суеверием можно было смеяться, но следует заметить, что большинство казненных каморрцев вполне заслуживали подобной участи.

Локки долго стоял напротив Черного моста, рассматривая его и пытаясь упорядочить и связать воедино обрывки идей, носившихся у него в голове. Он напрягал свои аналитические способности, тренировке которых Цепп уделял такое внимание. Мальчик был еще слишком мал, чтобы отдавать себе отчет в происходящем, но чувствовал, что составление плана доставляет ему истинное удовольствие. Ему казалось, будто где-то в животе у него притаился маленький шарик, от которого расходятся волны приятно покалывающего тепла. Локки не мог выразить словами этот процесс,

но клубок спутанных мыслей и идей постепенно приобретал стройность, выстраиваясь в единую цепь. Чем больше он размышлял, тем радостнее становилось у него на душе.

Очень хорошо, что белый капюшон скрывал лицо мальчика от прохожих. Иначе они бы очень удивились, увидев, с какой восторженной ухмылкой разглядывает виселицы маленький неофит Переландро.

3

– Мне нужен список людей, которых повесят в ближайшую пару недель, – потребовал Локки у священника, когда на следующий день они обычным образом устроились на ступенях храма.

– Если ты приступил к разработке какой-то операции, в чем я нимало не сомневаюсь, правильнее было бы раздобыть список самому и оставить в покое бедного старого хозяина, – наставительно проговорил Цепп.

– Возможно... но требуется, чтобы это сделал кто-то другой. Если я буду отираться перед Дворцом Терпения до церемонии повешения, то ничего не сработает.

– А что должно сработать?

– Мой план.

– Ого! Маленький самонадеянный карманник с Сумереч-

ного холма считает, что может держать меня в неведении?
Какой такой план?

– Как добыть труп.

– Хм-м... А поподробнее?

– Просто блестящий план!

Проходивший мимо мужчина бросил что-то в кувшин. Локки благодарственно поклонился, а священник простер руки в сторону дарителя и прокричал:

– Полвека здоровья тебе и твоим детям! Благослови вас
Господин всех сирых и беспризорных!

Сначала хотел пожелать ему целый век, но, судя по звуку, он кинул всего полмедяка, – вполголоса проворчал Цепп, когда мужчина удалился на достаточное расстояние. – Ладно, вернемся к нашим покойникам. Раньше мне доводилось слышать о дерзких планах Локки Ламоры, но насчет блестящего – это что-то новенькое.

– На сей раз все обстоит именно так. Честное слово! Но сначала мне нужны имена.

– Ну коли так, я достану тебе их сегодня же ночью, – старик откинулся назад и с наслаждением потянулся. В спине у него что-то хрустнуло, и Цепп довольно крикнул.

– И еще мне понадобится немного денег.

– Никаких проблем. Отметь в грессбухе и бери, сколько требуется. Но смотри, будь осторожен...

– Помню-помню, – перебил Локки. – Свинцовая болванка, крик в ночи и смерть.

– Примерно так. Ты, конечно, не потянешь на полноценный труп, но, полагаю, даже из тебя Джиссалина сможет извлечь что-нибудь полезное.

4

В Каморре традиционно вешали по Дням Раскаяния. Ежедневно перед Дворцом Терпения собиралась угрюмая толпа заключенных в сопровождении стражи и священников. Они мрачно дожидались полудня: в это время начиналась экзекуция.

Рано поутру, когда судейские чиновники только приходили на работу – распахивали деревянные ставни, усаживались на привычные места и ворчали на первых посетителей: «Валили бы вы все к черту... именем герцога», – в этот самый час перед Дворцом Терпения появились трое служителей Переландро с узкой деревянной тележкой. Один из них, совсем мальчик на вид, бесстрашно направился к конторке, за которой сидела незанятая женщина-чиновница. Его худенькая физиономия едва возвышалась над краем конторки.

– Интересно, – удивилась чиновница, женщина средних лет, весьма смахивающая по очертаниям на мешок картошки, но еще менее теплая и сочувственная. – Тебе чего-то надо?

Локки кивнул.

– Сегодня в полдень должны повесить одного человека.

– Да что ты говоришь? – усмехнулась тетка. – А я и не подозревала...

– Его имя Антрим... Антрим Однорукий, так его называют. У него...

– ...одна рука? И что из того? Ну да, сегодня его вздернут. За поджог, воровство и какие-то делишки с рабами. Милейший человек.

– Я собирался сказать, что у него есть жена, – продолжал Локки. – И она хотела попросить... по поводу Антрима.

– Послушай, малыш, время всех просьб и ходатайств миновало. Сарис, Фестал и Татрис утвердили смертный приговор. Теперь Антрим Однорукий принадлежит не жене, не тебе или мне, даже не герцогу. Он во власти Моргайте... пока, но совсем скоро перейдет к Азе Гуилле. И ни один жрец вашего Бога-Попрошайки не в силах помочь ему. Особенно такой, как ты.

– Я знаю это и не собираюсь просить о помиловании, – спокойно ответил мальчик. – На самом деле его жена не против, чтобы его повесили. Ее волнует тело.

– Вот как? – в глазах женщины впервые промелькнуло искреннее любопытство. – Действительно интересно. И зачем оно ей нужно?

– Его жена понимает, что он заслужил казнь... но она желает ему лучшего посмертия, чтобы Госпожа Долгого Мол-

чания хорошо приняла его. И она заплатила за то, чтобы мы забрали тело в наш храм. Там мы будем три дня и три ночи жечь свечи и молиться о заступничестве перед Переландро, а после этого захороним его.

– Обычно мы где-то через час просто обрезаем веревки и оттаскиваем тела в ямы на Мелочевке. Честно говоря, наши клиенты не заслуживают и того, но порядок есть порядок. Как правило, мы не выдаем тела кому попало.

– Понятно. Но видите ли, мой хозяин слепой и не может покинуть храм. Иначе он сам пришел бы и объяснил вам все. А так это приходится делать нам... Так вот, он просил передать, что понимает, какие проблемы мы вам создаем, – с этими словами маленькая рука Локки легла на дерево конторки. Когда она исчезла, там остался лежать небольшой кожаный кошелек.

– Что ж, это меняет дело. Мы все наслышаны о святости отца Цеппа, – чиновница сгребла кошелек с прилавка и встряхнула его. Прислушалась к жиденькому звону и вздохнула: – Все это, конечно, непросто...

– Мой господин будет признателен за любую помощь, какую вы сможете оказать, – еще один кошелек появился на прилавке, и женщина наконец улыбнулась.

– ...Но, в принципе, возможно. Однако я не могу обещать наверняка.

Локки достал третий кошелек, и это решило дело.

– Отлично, малыш, – кивнула чиновница. – Я поговорю с

Мастером Веревок.

– Мы даже привезли свою тележку, чтобы не создавать вам лишних проблем, – прибавил Локки.

– Никаких проблем, – на какое-то мгновение смягчилась женщина. – И не сердись. Я не хотела обидеть вас, когда говорила насчет попрошаек.

– Я и не сержусь, мадам. В конце концов, вы правы, – мальчик одарил ее своей самой обворожительной улыбкой. – Я же действительно *УПРАШИВАЛ* вас. Вот вы и пошли мне навстречу – просто по доброте сердечной, а не из-за денег, ведь так?

– Именно так все и было, – согласилась чиновница, подмигнув Локки.

– Двадцать лет благополучия вам и вашим детям, – пожелал Локки и, низко склонившись, скрылся из ее поля зрения. – Благослови вас Господин всех сирых и беспризорных!

5

Все прошло быстро и аккуратно. Герцогские Мастера Веревок знали свое дело. Локки спокойно наблюдал за казнью – это была не первая и не последняя смерть, которую ему довелось видеть. Они с братьями Санца даже помолились за одного из осужденных, который попросил последнего благо-

словения Переландро.

На время казни движение через Черный мост прекращалось, поэтому перед Дворцом Терпения собралась небольшая толпа, состоящая из стражей, жрецов Азы Гуиллы и зрителей. Мертвецы раскачивались под мостом на поскрипывающих веревках, а Локки и близнецы скромно ждали в стороне со своей тележкой.

Наконец под бдительным присмотром жрецов «желтые куртки» начали по одному втаскивать трупы на мост и укладывать на подводу, запряженную парой лошадей в черно-серебряных пополах. Дальше покойники поступали в руки жрецов Богини Смерти. Последний из них был худым мужчиной с бритой головой и длинной бородой; его левая рука оканчивалась красной культей. Четыре «желтых куртки» понесли тело к поджидавшей тележке. Их сопровождала жрица Азы Гуиллы. При виде таинственной серебряной маски Локки почувствовал, как по спине его побежали мурашки.

– Маленькие братцы Господина Переландро, – заговорила жрица. – И что же вы будете просить у своего бога для этого несчастного?

Судя по голосу, жрица была совсем юной девушкой – наверное, не старше пятнадцати-шестнадцати лет. Но это лишь усилило ее таинственность в глазах взволнованного Локки. Горло у мальчика пересохло от испуга, так что вместо него пришлось ответить Кало:

– Мы просим о том, что будет дано, – произнес он поло-

женную фразу.

– Не нам предсказывать волю Двенадцати, – закончил Гальдо.

Жрица медленно, едва заметно кивнула.

– Мне сказали, что вдова этого человека захотела провести погребальную службу в храме Переландро.

– Наверное, ей виднее, с вашего позволения, – заметил Кало.

– Да, такие случаи бывали. Но обычно скорбящие ищут покровительства Госпожи.

– Видите ли, – очнулся наконец Локки, – наш хозяин торжественно пообещал вдове, что мы позаботимся о ее муже. Мы никоим образом не хотим оскорбить Всемиловейшую Госпожу, но слово есть слово.

– Конечно, поступайте должным образом. Все равно он в конце концов попадет к Госпоже. Она по справедливости взвесит и оценит его душу – вне зависимости от того, что говорилось или делалось перед захоронением брэнного тела.

По знаку девушки «желтые куртки» положили тело на тележку. Один из них набросил на Антрима дешевое хлопковое покрывало, оставив открытой лишь бритую макушку.

– Благословение Госпожи Долгого Молчания – вам и вашему хозяину, братья, – напутствовала их жрица.

– И вы примите благословение Господина всех сирых и беспризорных! – откликнулся Локки и вместе с близнецами почтительно, в пояс поклонился юной жрице. Она была не

чета простым послушникам вроде них самих – серебряный витой шнур на шее девушки свидетельствовал о достаточно высоком ранге в ордене. – И ты, и твои сестры и братья.

Близнецы взялись за оглобли спереди, а Локки пристроился сзади, чтобы подталкивать тележку и следить за ее равновесием. И тут же пожалел о своем решении – как водится, преступник обделался во время казни, и запах от него исходил еще тот. Скрипнув зубами, Локки скомандовал:

– К Дому Переландро, со всем достоинством.

И они поковыляли прочь. Санца покатила тележку к западному концу Черного моста, затем свернули на север, направляясь к низкому широкому мосту, который выводил к восточной части Плавучего рынка. Не самый прямой путь к Дому Переландро, но такой крюк не вызвал подозрений у публики, по крайней мере, той, что наблюдала их отбытие. Главное, поскорее покинуть место казни. Мальчики бойко катила тележку со своей скорбной ношей – им нравилось, что люди на улице почтительно расступаются при их появлении. Прогулка получилась довольно приятная для всех, кроме старины Антрима – и бедного Локки, который по-прежнему шел с наветренной стороны и пожинал плоды последнего гнусного акта в жизни этого человека. Наконец они свернули влево и двинулись к мостам Фории.

Еще один поворот на юг, и вот они уже на Виденце – достаточно чистом и просторном острове, хорошо охраняемом «желтым куртками». В самом центре Виденцы распола-

галась рыночная площадь – здесь собирались те торговцы и ремесленники, которые гнушались толчеей Плавучего рынка. Они предпочитали торговать с первых этажей своих милых аккуратных домиков со свежескрашенными рамами. Каждое здание щеголяло добротной черепицей. Все крыши были разного цвета – голубые, пурпурные, красные, зеленые, и это делало район похожим на лоскутное одеяло.

На подходе к рынку Кало метнулся прочь и растворился в толпе. Вздыхнув с немалым облегчением, Локки заступил на его место. Вдвоем с Гальдо они подкатили свою тележку к лавке Амброзины Стролло – первой дамы среди торговцев свечами, поставившей свой товар самому герцогу.

Отец Цепп считал жителей этого района не такими, как все остальные каморрцы. Как-то он сказал: «Если в Каморре и есть место, где имя Переландро не вызывает обычного жалостливого презрения, то это Виденца. Как правило, купцы скуповаты, а у ремесленников хватает своих забот. Но те, кому удастся должным образом поставить дело и получать выгоду, в самом деле счастливы. Простые труженики живут здесь, как у Богов за пазухой... когда остальной мир им не мешает».

И в самом деле, катя свою тележку к четырехэтажному дому мадам Стролло, Локки с удивлением отмечал необычайно теплый и почтительный прием, который оказывали горожане их маленькой похоронной процессии. При виде покойника купцы и торговцы склоняли головы, многие даже дела-

ли жест безмолвного благословения Двенадцати – касались обеими ладонями сначала глаз, затем губ и сердца.

– Какая честь, мои дорогие! – воскликнула мадам Стролло, – Что за необычное поручение привело вас к нам?

Знакомая Цеппа, немолодая уже худощавая женщина, являла собой прямую противоположность судейской чиновнице, с которой Локки общался утром. Амброзина Стролло буквально излучала почтительное внимание, будто два вспотевших, красных как раки послушника и впрямь были настоящими жрецами могущественного ордена. Видать, мадам отличалась не слишком чутким обонянием, иначе любезности бы у нее поубавилось.

Она сидела у окна под тяжелым деревянным навесом, который на ночь опускался и наглухо закрывал доступ в лавку. Традиционный для этого района широкий подоконник образовывал своеобразный прилавок размером десять на пять футов, и повсюду на нем были разложены свечи. Они громоздились аккуратными рядами и ярусами, словно дома и башни сказочного воскового города.

В аристократических кругах и среди богатых горожан дешевые свечи были уже изрядно потеснены алхимическими шарами, поэтому свечных дел мастерам приходилось идти на всяческие ухищрения, чтобы сохранить покупателей. К примеру, они добавляли в свои изделия различные ароматические добавки, создавая удивительную палитру запахов. И конечно, за ними оставалась целая область ритуальных

служб – каморрские храмы и простые верующие по-прежнему покупали свечи, находя совершенно невозможным заменить их холодным алхимическим светом.

– Мы обещали похоронить этого человека, – объяснил Локки. – А до того собираемся три дня и три ночи совершать над ним обряды. Мой хозяин велел купить свечей для церемонии.

– Ты имеешь в виду Безглазого Священника? Славный старина Цепп! Так, давайте посмотрим... Наверное, вам понадобится лаванда для очищения, осенний кровоцвет для благословения и серные розы для Всемиловистой Госпожи, не так ли?

– Да, пожалуйста, – кивнул Локки, вытаскивая скромный кожаный кошелек с серебряными монетами. – И еще мы возьмем свечи без запаха – для жертвенных подношений. Думаю, по полдюжины каждого из видов.

Мадам Стролло тщательно отобрала свечи и завернула их в промасленную мешковину.

– Не дергайся, это подарок от нашей лавки, – проворчала она, заметив, что Локки открыл рот для возражений. – Скажешь Цеппу, что я добавила свечей от себя... так сказать, с походом.

Мальчик немного поупрямился для виду, но мадам Стролло весьма кстати оглохла на те несколько секунд, пока куда заворачивала товар.

Локки вынул из кошелька три солона, продемонстрировав

при этом, что внутри лежит еще не меньше дюжины, пожелал мадам Стролло и ее детям добрую сотню лет здоровья во имя Всеблагого Господина и засобираился обратно. Пакет со свечами он положил на тележку, засунув под покрывало рядом с трупом.

Он уже развернулся, чтобы занять свое место рядом с Гальдо, когда из толпы выскочил высокий паренек в оборванной одежде и якобы случайно сбил его с ног.

– Ой! – крикнул мальчишка, роль которого исполнял Кало Санца. – Тысяча извинений, я такой неуклюжий... Позволь тебе помочь.

Схватив Локки за руку, он рывком поднял его на ноги.

– Клянусь Двенадцатью, да это послушник! О, простите, простите, святой братец! Клянусь, я нечаянно... – все так же причитая и приговаривая, сорванец помог отряхнуть пыль с белой рясы. – Вы в порядке, святой брат?

– Да-да, в порядке.

– Простите мою неловкость, я не хотел вас обидеть.

– Ничего. Спасибо, что помог встать.

Кало отвесил насмешливый поклон и затерялся в толпе. Через секунду его и след простыл. Еще полминуты Локки одергивал и отряхивал одежду, тем временем медленно считая в уме до тридцати. На счет «тридцать один» он внезапно сел возле тележки, спрятал лицо в ладонях и начал всхлипывать. Второй мальчик – Гальдо Санца – присел рядом и начал его утешать.

– Эй, ребятки, в чем дело? – окликнула их Амброзина Стролло. – Ты не ушибся? Или этот олух обидел тебя?

С нарочитой тревогой Гальдо что-то зашептал Локки на ухо, тот так же тихо ответил. После чего сам Санца тоже плюхнулся на землю, сдернул с головы капюшон и картинно воздел руки, изображая отчаяние.

– О нет, мадам Стролло, – проговорил он, глядя на торговку расширенными глазами. – Все гораздо хуже.

– Хуже? Не поняла... Да что стряслось-то?

– Серебро, – невнятно пробормотал Локки, жалобно скривившись и размазывая слезы по грязным щекам. – Он украл мой кошелек. Залез в мой к-карман...

– А там была плата от вдовы, – упавшим голосом пояснил Гальдо.. – И не только за свечи, но и за весь обряд, за благословения, захоронение – за все. Все это мы должны были принести отцу Цеппу вместе с...

– С те-елом! – в голос разревелся Локки. – А мы не смогли-и!

– О Двенадцать, ну и сукин же сын! – воскликнула старая дама. Перегнувшись через прилавок, она открыла рот и завопила с неожиданной силой: – Вор!!! Держи вора!!!

Локки продолжал рыдать, уткнув лицо в ладони.

– Лукреция!!! – снова возопила пожилая мадам, вскинув голову.

– Да, бабуля, – ответили ей из открытого окна. – Что случилось? Какой вор?

– Зови братьев, дитя мое. Пусть спускаются вниз и прихватят свои дубинки! – торговка снова повернулась к Локки с Гальдо. – Не плачьте, мои дорогие, не плачьте. Мы как-нибудь все уладим.

– Что за шум? – к ним подошел сержант в желтой куртке. В руках он держал дубинку. За ним следовало еще двое стражников.

– Хорошо же вы работаете, констебль Видрик! Эти мелкие ублюдки-карманники из Чертова Котла приходят в наш район и грабят честных покупателей прямо под окнами моей лавки!

– Что? Здесь? Кого? – сержант переводил растерянный взгляд с тележки, на которой лежал закутанный труп, на разгневанную пожилую женщину. Его брови поползли вверх. – Но, мадам... я бы сказал, что этот человек мертв.

– Конечно, мертв, пустая твоя башка! Бедные мальчики везли его в Дом Переландро для отправления погребальной службы, а тут налетел проклятый карманник и спер у них кошелек с деньгами, которые дала им вдова покойника!

– Кто-то ограбил служителей Переландро? – вступил в разговор пузатый мужчина апоплексического вида. В одной руке он держал трость, в другой – топорик; все его жирные подбородки тряслись от негодования. – Этих милых мальчиков, помощников слепого жреца? Ах он, поганый крысеныш! Такой позор! В Виденце, среди бела дня!

– Простите, – всхлипывал Локки. – Простите... Я сам ви-

новат. Мне надо было держать деньги крепче, но я не знал... все произошло так быстро...

– Глупости, малыш, – сердито оборвала его мадам Стролло. – Ни в чем ты не виноват!

Разобравшись наконец, сержант засвистел в свисток. Толстяк с тростью продолжал шуметь. Из-за угла дома мадам Стролло появились двое крепких парней с толстыми дубинками и тут же кинулись выяснять, в чем дело. Убедившись, что с их бабушкой все в порядке, они немного успокоились и переключили свое внимание на причину происшествия. Парни были искренне возмущены и грозили всеми смертными казнями нечестивому похитителю кошельков.

– Значит, так, – произнесла мадам Стролло. – Слушайте меня, мальчики. Я не возьму с вас денег за свечи, пусть они будут моим подарком отцу Цеппу. В Виденце редко случаются подобные вещи, и мы этого так не оставим. – Она отдала назад три солона, полученные от Локки, и поинтересовалась: – Сколько было в том кошельке?

– Пятнадцать солон... до того, как мы расплатились с вами, – ответил Гальдо. – Значит, двенадцать у нас украли. Отец Цепп выгонит нас из храма.

– Не болтай ерунды, – заявила мадам Стролло и, поколебавшись, вложила в руку Локки еще две монеты. Толпа тем временем разрасталась.

– Черт побери, вы абсолютно правы, мадам, – подхватил толстяк. – Мы не можем допустить такого позора! Сколько

вы им дали? Я дам больше.

– О боги, что за хвастливая свинья! Я же делаю это не напоказ, а для того, чтобы...

– А я дам корзину апельсинов для вас и Безглазого Священника, – перебила одна из торговок в толпе.

– И у меня кстати завалился лишний солон, – заявил другой купец, проталкиваясь сквозь толпу с монеткой в кулаке.

– Видрик! – прервав спор со своим жирным соседом, мадам Стролло повернулась к сержанту. – Видрик, это твоя вина! Ты тоже должен дать денег бедным мальчикам!

– Моя вина? Но послушайте...

– Это ты меня послушай! Теперь, вспоминая Виденцу, они станут говорить: «Это то место, где грабят священников! Там нападают на мирных послушников Переландро!» Клянись Двенадцатью, будто мы живем в Огневом районе! – торговка в сердцах сплюнула. – Немедленно возмести им убытки. Иначе я пойду к твоему капитану, и ты вмиг окажешься на барже с помоями. Будешь работать гребцом до самой старости, пока не поседеешь и не потеряешь все зубы!

Страдальчески скривившись, сержант вынул кошелек и шагнул к мальчикам. А их уже со всех сторон обступили сердобольные горожане. Локки дарили деньги, фрукты, мелкие безделушки. Каждый пытался утешить плачущего мальчика, говорил слова ободрения, хлопал по спине. Один купец отдал им свой кошелек, правда, перед тем переложив в подкладку камзола самые ценные монеты. Локки и Гальдо при-

нимали дары с выражением радостного удивления на лицах, разумеется, пытаясь отказаться – но не слишком убедительно.

6

Где-то в четвертом часу пополудни тело Антрима Одно-рукого уже лежало в сыром и затхлом святилище Переландро. Трое мальчишек в белых облачениях (Кало благополучно присоединился к ним на самой границе Храмового района) спустились по ступеням и предстали перед отцом Цеппом. Старик восседал на своем обычном месте, опустив крепкую руку на край медного кувшина для пожертвований.

– Итак, мальчики? – поинтересовался он. – Не придется ли Джиссалине пожалеть о том, что она спасла мне жизнь?

– Вовсе нет, отец, – ответил Локки.

– Мы достали ей отличный труп, – похвастался Кало.

– Правда, он чуть-чуть пованивает, – вставил его брат.

– Но в остальном – замечательный труп, – заключил Кало.

– Его повесили лишь сегодня в полдень, – уточнил Лркки. – Свежатица.

– Что ж, я рад, – кивнул священник. – Очень, очень рад. Но еще мне хотелось бы знать, почему это, черт побери, последние полчаса незнакомые люди кидают деньги в мой кув-

шин со словами: «Сожалею о том, что случилось в Виденце».

– Наверное, им и в самом деле жаль, – пожал плечами Гальдо. – Там не было никакого пожара, клянусь Благодетелем! – поспешил заверить его Локки.

– Отвечайте, мальчики, – отец Цепп говорил медленно и внятно, словно увещевая упрямую домашнюю скотину. – Что вы сделали с трупом до того, как принесли его мне?

– Мы заработали на нем деньги, – сказал Локки, бросая в кувшин тяжелый кошелек. – Двадцать три солона, если быть точными.

– А еще корзина апельсинов... – напомнил Кало.

– ...Набор свечей, – добавил Гальдо, – два каравая пряного хлеба, вощенная коробка пива и несколько алхимических шаров.

Пару мгновений Цепп молчал, затем, сделав вид, будто поправляет повязку на глазах, приподнял ее и заглянул в горшок. Братья Санца начали наперебой пересказывать примерную схему плана, составленного Локки и проведенного в жизнь совместными усилиями.

– Лодочный багор мне в задницу, – воскликнул Цепп, когда они закончили свой рассказ. – Не припомню, чтобы включал этот долбанный уличный балаган в набор рекомендуемых методов.

– Но мы должны были вернуть деньги! Нам пришлось потратить пятнадцать серебряных, чтобы заполучить тело во Дворце Терпения. А теперь мы остались в плюсе, даже не

учитывая хлеб, пиво и свечи.

– И апельсины, – снова встрял Кало, любивший эти фрукты. – Не забудь про светильники, – добавил его брат. – Они просто прелесть.

– Клянусь Лукавым Благодетелем! – вздохнул Цепп. – После сегодняшней истории я, честно говоря, готов усомниться, что это я чему-то вас учу.

Некоторое время они помолчали. Солнце завершало свой путь по небосводу, и на улицах города залегли глубокие тени.

– Что ж, разрази меня гром, – старик покрутил запястьями, пытаясь восстановить кровообращение. – Я заберу себе сумму, которую изначально выдал вам на расходы. Вы, Кало и Гальдо, получите по серебряной монете – делайте с ними, что хотите. А ты, Локки, можешь по праву распоряжаться всем остальным. Ты *ЧЕСТНО* украл свои деньги.

В этот момент к ним приблизился респектабельный мужчина в кафтане цвета лесного мха и четырехугольной шляпе. Он опустил в кувшин полную пригоршню монет, судя по звону – медных и серебряных. Приподняв шляпу, купец поприветствовал мальчиков и объяснил:

– Я из Виденцы. Хочу, чтобы вы знали – я глубоко возмущен сегодняшним случаем.

– Сто лет здоровья вам и вашим детям, – почтительно ответил Локки. – Благослови вас Всеблагой Господин!

Глава 5. Серый король

1

– Похоже, Лукас, что большая часть наших денег разошлась очень быстро, – заявила донья София Сальвара.

– Течения благоприятствуют нам, прекрасная госпожа, – Локки позволил себе улыбку, прямо-таки победную по меркам Фервита – сжатые губы слегка дрогнули. У другого человека это сошло бы за гримасу боли. – Все идет по плану – корабли, люди, груз. Скоро нам останется лишь упаковать ваш дорожный гардероб!

– О да, о да...

Что значат эти темные круги под глазами? И не появилось ли легкой настороженности в ее отношении к северному гостю? Эта донья совсем не проста... Локки решил про себя, что следует несколько ослабить давление. Не стоит торопить события. Это была виртуозная игра, сродни замысловатому танцу – требовалось чистосердечно и радостно улыбаться человеку, знающему, что ты обманщик, но не догадывающемуся, что тебе известно о его подозрениях.

С легким вздохом донья София приложила свою личную печать к разогретому голубому воску на пергаменте и нанес-

ла поверх отпечатка несколько волнистых линий – свою монограмму в изящном теринском шрифте (в последнее время это стало популярным среди знати).

– Если вы утверждаете, что требуется еще четыре тысячи, значит, так оно и есть.

– Искренне признателен, госпожа.

– Убедена, что скоро вы расплатитесь. Даже с лихвой... если наши надежды оправдаются, – она весело улыбнулась, отчего около глаз собрались морщинки, и протянула Фервиту очередную расписку.

«Так намного лучше, – подумал Локки. – Куда легче управлять жертвой, когда та уверена, что сама контролирует ситуацию». Это был очередной афоризм Цеппа, который неоднократно оправдывался на практике.

– Пожалуйста, передайте дону Лоренцо мои самые горячие приветы, – произнес Локки, принимая пергамент с печатью. – Боюсь, я должен вас покинуть. Мне нужно встретиться с несколькими людьми и сделать кое-какие выплаты, которые... хм-м... надеюсь, не войдут в официальные расчеты.

– Конечно, я все понимаю. Конте проводит вас.

Сегодня старый солдат был несколько бледнее, чем обычно. Локки даже показалось, что тот немного прихрамывает. Бедняга явно страдал от жестоких ушибов. При воспоминании о минувшей ночи желудок Локки болезненно сжался. Ох, как он понимал слугу Сальвары!

– Прошу извинить меня, Конте, но все ли с вами в поряд-

ке? – вежливо произнес он. – По-моему... не обижайтесь, но мне кажется, что у вас выдались тяжелые деньки.

– Да нет, все хорошо, мастер Фервит, – уголки рта солдата чуть сжались. – Слегка расклеился из-за сырости, вот и все.

– Надеюсь, ничего серьезного?

– Так, небольшая ломота в суставах. Со мной такое бывает в это время года.

– Ох уж этот местный климат! Слава Сущностям, я пока что избавлен от подобных неприятностей.

– И все же следите за собой, мастер Фервит, – бесцветным голосом произнес Конте. – В Каморре порой случаются самые непредсказуемые неприятности.

«Ага, – снова подумал Локки, – значит, в подробности ночного визита посвящена не одна донья София, и гордость не позволяет слуге полностью скрыть свою осведомленность. Возьмем на заметку».

– Благодарю вас, дорогой Конте, я и так сама осторожность, – Локки засунул расписку за отворот черного камзола и на ходу поправил шейный платок, который пышными складками ниспадал ему на грудь. – Я всегда тщательно проветриваю комнату, чтобы в ней не застаивались ядовитые испарения, а после Лжесвета ношу только дешевые кольца. Кстати, что до ваших суставных болей... полагаю, несколько дней на море совершенно исцелят вас.

– Несомненно, – согласился Конте. – Морское путешествие, бесспорно, пошло бы мне на пользу, и я не упущу та-

кую возможность.

– Вот и отлично, значит, мы пришли к согласию! – Локки подождал, пока слуга распахнет перед ним дверь из стекла и железа, кивнул сухо, но учтиво и пообещал: – Завтра я помолюсь за ваше здоровье, мой друг.

– Вы так добры, мастер Фервит, – почти бессознательным движением старый слуга стиснул рукоять кинжала. – Хотя я бы советовал вам помолиться за себя самого.

2

Локки неспешно шагал на юг, с Дюроны в сторону Серебристой роши, следуя тем же путем, который они с Кало проделали несколько ночей назад. Ветер Палача усилился, и Локки чудилось, будто шорох и шелест листьев – это вздохи невидимых существ, таящихся в зелени.

Почти семнадцать тысяч полновесных крон меньше, чем за неделю; игра с доном Сальварой оказалась куда выгоднее, чем он предполагал изначально. Локки почти не сомневался, что без особого риска сумеет по меньшей мере еще раз вытряхнуть деньги из Сальвары. Именно так он формулировал текущую задачу – перевалить за двадцать две или двадцать три тысячи, а затем исчезнуть. Залечь на дно, расслабиться и оставаться в стороне, пока не уляжется «сумятица

с Серым Королем. А уж затем – если будет на то воля Богов – как-нибудь отменить помолвку с Наццей. Отговорить капу Барсави, причем сделать это деликатно, не хватая старика за задницу... Локки вздохнул.

Наступление истинной ночи не означало внезапного исчезновения Лжесвета. Он никогда не исчезал просто так, а словно отступал, вползая обратно в Древнее стекло, как ссуда в руки жадного заимодавца. Тени ширились и росли, пока весь парк не оказался в их власти. В листве тут и там загорались изумрудные фонари с их мягким светом, пугающим и расслабляющим одновременно. Этого света хватало, чтобы рассмотреть мощные дорожки, вьющиеся меж деревьев и изгородей. Локки чувствовал, как накопившееся напряжение постепенно отпускает его, вслушивался в приглушенный хруст гравия под своими туфлями и с удивлением осознавал, что в эти минуты ощущает почти полное умиротворение.

А что еще надо? Он жив, богат и самостоятелен; он сам принял решение не прятаться от опасности, надвигающейся на Благородных Подонков. На какой-то краткий миг, посреди огромного города с населением в восемьдесят восемь тысяч, с его дыханием, вонью, вечным шумом, торговлей и техническими приспособлениями, Локки вдруг показалось, что он совсем один на всем свете.

ОДИН.

Волосы на голове у Локки встали дыбом. Старый, холодный страх, вечный спутник одиноких людей, внезапно ожил

в нем. Стоял тихий летний вечер, вокруг безмятежно шелестела Серебристая роща – самый безопасный из всех общественных парков Каморра. Его постоянно патрулировали «желтые куртки» с фонарями на шестах. А сколько здесь обычно крутится молодых аристократов обоего пола! Шагу ступить невозможно, чтобы не наткнуться на парочку, которая прогуливается в поисках уединенного уголка.

Локки окинул быстрым взглядом лабиринт извилистых дорожек: он и вправду был совсем один в Серебристой роще. До него не доносилось ни звука шагов, ни голосов – лишь шелест листьев и жужжание насекомых. Вор повел правым предплечьем, и тонкий стилет вороненой стали скользнул из рукава прямо ему в ладонь. Крепко сжав в кулаке неразличимый издали клинок, Локки заторопился к южным воротам парка.

Поднимался туман, медленно сочился сквозь траву, словно испаряясь из нее. Несмотря на душный вечер, Локки пробирала дрожь. Туман казался неестественно плотным – кончика носа не разглядеть. Точно такой же туман окутывал город в последние несколько ночей. Но откуда он берется?

Вот и южные ворота парка. Локки стоял перед ними, рассматривая пустынную улицу и мост, чьи красные фонари мягко и зловеще светились в тумане.

Перед ним снова была Арка Древних, ведущая назад на Дюрону.

Выходило, что Локки каким-то образом сделал круг. Как

это могло случиться? Сердце забилося, как сумасшедшее, затем в голове мелькнула спасительная мысль: донья София. Эта хитрая подлая шлюха что-то сделала с ним... Наверное, какое-то алхимическое чародейство на пергаменте. Чернила? Воск печати? Может быть, это яд, затмевающий разум перед тем, как убить человека? Или наркотик, изготовленный с целью обезопасить его? Мелкая, совершенно бесполезная месть обозленной женщины? Локки потянул руку за отворот камзола, к пергаменту... и промахнулся. Рука застыла в воздухе. Он сознавал, что делает все слишком медленно и неуклюже – его движения явно отставали от мыслей...

Под деревьями двигались какие-то люди. Один слева, другой справа...

Арка Древних куда-то пропала, Локки снова стоял один в самом сердце перепутанных тропинок, уставившись в темноту, подсвеченную только изумрудными фонарями. Усилием воли он заставил себя сдвинуться с места. Он крался, сжимая стилет в руке, тяжело дыша и едва не падая от внезапно нахлынувшей слабости. Мужчины в плащах: один слева, другой справа. Шаги по гравию, чужие... Темный контур арбалета, свет бьет в спины пришельцев... Голова закружилась.

– Мастер Бич, – раздался приглушенный мужской голос, – вам придется уделить нам час-другой.

– Спаси нас, Лукавый Хранитель, – выдохнул Локки. Затем неясные тени деревьев выплыли из его поля зрения, и он провалился во тьму.

Очнувшись, Локки обнаружил, что сидит. Очень странно... С ним и раньше случались провалы в забытье после раны или наркотика. Но сейчас все было иначе – точно какой-то экспериментатор попросту щелкнул рычажком и снова включил его сознание. Или шаловливый мальчишка разом выдернул затычку из вераррских водяных часов.

Локки огляделся и понял, что сидит за столом, на простом стуле, в комнате самой обычной таверны. Он разглядел стойку, очаг и другие столы, но все было запустелым и сырым, пахло пылью и плесенью. В глаза светил мигающий желтый огонек масляной лампы. Стекла на окнах казались затуманенными или смазанными каким-то жиром. Они отражали свет и не позволяли выглянуть наружу.

– За вашей спиной взведенный арбалет, – донесся голос сзади, с совсем близкого расстояния. Судя по всему, он принадлежал еще не старому мужчине, образованному, определенно каморрцу, но с каким-то странным акцентом. Возможно, этот человек долгое время прожил в другой стране? Как Локки ни старался, он не мог узнать этот голос. – Лучше не дергайтесь, мастер Бич.

По спине Благородного Подонка пробежал холодок. Он

напрягся, припоминая последние секунды в парке: вроде бы один из этих людей еще там назвал его Бичом. Он с трудом проглотил комок в горле.

– Почему вы так ко мне обращаетесь? Мое имя Лукас Фервит. Я эмберлинский подданный, служащий дома бел Аустеров.

– Вполне убедительно, мастер Бич. Не знай я доподлинно, кто вы такой, наверняка бы поверил. Акцент неплох, а упорство, с которым вы кутаетесь в эту черную шерсть, заслуживает уважения. Неудивительно, что дон Лоренцо и донья София пребывали в заблуждении – пока вы сами их не разубедили.

Это не Барсави, с отчаянием осознал Локки. Там все было бы по-другому. Барсави предпочел бы провести дознание сам. Благородные Подонки корчились бы в недрах Плавучей Могилы, а рядом стоял бы Мудрый Праведник с наточенным и отполированным ножом.

– Меня в самом деле зовут Лукас Фервит, – настойчиво повторил Локки. – Не понимаю, чего вы хотите и зачем привели меня сюда. Что с Грауманном? Он цел?

– Жеан Таннен в абсолютном порядке, – ответил мужской голос. – Впрочем, вы и сами это знаете. О, я бы не отказался полюбоваться на то, как вы заявили в дом дона Сальвары с дурацкой печатью под черным плащом. Пришли и уничтожили его веру в Лукаса Фервита. Как отец, ласковым голосом объясняющий детям, что Благословенного Дарителя не

существует. Да вы великий артист, мастер Бич!

– Я уже сказал вам, что мое имя – Лукас Фервит, и я...

– Если вы еще раз повторите, что ваше имя – Лукас Фервит, я прострелю вам левое плечо. Убивать вас я не собираюсь, но осложнить жизнь могу. Славная глубокая дыра... возможно, сломанная кость. Порву ваш прекрасный костюм. Быть может, залью кровью ваш любезный пергамент. Интересно, что скажут на это чиновники Мераджио? Испачканные красным расписки всегда привлекают нежелательное внимание.

Локки надолго замолчал.

– Нет, мастер Ламора, так тоже не пойдет. Вы ведь уже наверняка поняли, что я не из людей Барсави.

«О Тринадцать! – подумал Локки. – Где, черт побери, я мог ошибиться?» Если это правда, и незнакомец действительно не работает на Барсави, оставалось единственное возможное объяснение: настоящий Паук. Настоящие Полуночники. Неужели ему донесли о том, что Локки подделал и использовал печать? Неужели тот мошенник в Талишеме прельстился лишними деньгами и шепнул словечко секретным агентам герцога? Скорее всего, так оно и было.

– Повернитесь. Медленно.

Локки встал и повиновался. Ему пришлось прикусить язык, чтобы не вскрикнуть от удивления.

Человеку, сидевшему напротив него за столом, можно было дать от тридцати до пятидесяти. Высокий, тощий мужчи-

на сединой на висках... Все в его внешности обличало каморца – темно-оливковая кожа, высокие скулы, резко выступающий нос.

Незнакомец был одет во все серое: серый кожаный дублет, под ним серая шелковая рубашка, сверху – серый плащ с откинутым капюшоном, а на руках – тонкие серые перчатки для фехтования. От долгого ношения лайка вытерлась и морщилась на сгибах. У мужчины были глаза прирожденного охотника – холодные, неподвижные, оценивающие. В черных зрачках отражался оранжевый огонек лампы, и на мгновение Локки показалось, что это не отблеск, а их собственный свет, темный огонь, горящий внутри чужих, опасных глаз. Вор невольно содрогнулся.

– Ты... – прошептал он, миг позабыв о вадранском акценте.

– Совершенно верно, – кивнул Серый Король. – Честно говоря, этот наряд утомляет меня своей театральностью, но это необходимо. Уж вы-то должны понимать значение внешних эффектов, мастер Бич.

– Ума не приложу, почему вы продолжаете меня так называть, – заявил Локки, незаметно меняя позу и тут же ощутив успокаивающую тяжесть второго стилета в другом рукаве. – А еще я не вижу никакого арбалета.

– Я же сказал – он сзади, – Серый Король с тонкой насмешливой улыбкой кивнул за спину Локки. Тот осторожно повернул голову.

В дальнем углу таверны, ровно в том месте, куда он смотрел секунду назад, стоял человек. Широкоплечий мужчина в плаще с капюшоном лениво прислонился к стене, держа в руках взведенный арбалет. Острие болта смотрело прямо в грудь Локки.

– Я... – Локки обернулся, но Серого Короля не оказалось на прежнем месте за столом. Теперь он стоял на десяток футов левее, около пустой стойки. В ярком свете фонаря Локки ясно видел, как человек в сером усмехается. – Разве это возможно?

– Еще как возможно, мастер Бич. Просто вероятность такой возможности исчезающе мала, – Серый Король медленно провел левой рукой вдоль окна, будто стирая с него пыль. Оглянувшись, Локки увидел, что арбалетчик опять исчез.

– Черт меня подери, – ахнул Локки. – Да вы контрмаг!

– Мимо, – усмехнулся Серый Король. – Я, равно как и вы, не обладаю никакими магическими способностями. Но у меня есть контрмаг, который работает на меня.

И он указал на тот самый стол, за которым прежде сидел.

Там возник – именно *возник*, не прыгнул, не подошел со стороны (в этом Локки мог поклясться) – худощавый молодой человек лет двадцати. Его щеки и подбородок покрывал легкий юношеский пушок, но на лбу уже начинали проступать залысины. Ситуация явно забавляла его, однако в глазах читалась жесткость, которая однозначно выдавала давнюю привычку повелевать – такое выражение Локки неред-

ко подмечал у особ знатного происхождения.

Одет молодой человек был в изящно скроенный серый камзол с алыми шелковыми отворотами. На обнаженном левом запястье четко виднелась татуировка в виде трех черных линий. Правая рука мага была затянута в толстую кожаную перчатку с раструбом, а на ней с величественным видом восседал самый свирепый с виду охотничий сокол. В золоте перьев поблескивали круглые черные глаза, между ними торчал острый, как кинжал, клюв. Хищник посмотрел на Локки пронзительным немигающим взглядом, и тот почувствовал себя крайне неудобно, словно был кем-то вроде мыши-полевки. Коричневые с серым крылья аккуратно сложены на спине, а вот когти... Таких когтей Локки никогда не видел – непомерно большие, раздутые, странной удлиненной формы.

– Познакомьтесь с моим товарищем по имени Сокольниковый, – представил молодого человека Серый Король. – Он-то и есть контрмаг из Картена. Мой личный контрмаг. Ключ к великому множеству загадок... А теперь будем считать, что официальная часть закончилась. Самое время перейти к разговору о том, что мне от вас нужно.

– С этими деятелями лучше не связываться, – предупредил его Цепп много лет назад.

– Это почему же?

В то время Локки был крайне самоуверенным тринадцатилетним юнцом – со всеми вытекающими последствиями.

– Вижу, ты не слишком внимательно читал учебник истории. Придется в качестве наказания задать тебе дополнительные разделы, – вздохнул учитель. – Картенские контрмаги – уникальное явление. По сути, они являются единственными чародеями на нашем континенте, поскольку очень ревниво относятся к своему ремеслу и не подпускают к нему никого чужого.

– И никто не возражает против этого? Никто не борется или не пытается спрятаться от них?

– Конечно, прячутся, сплошь и рядом. Но что могут два, пять или десять магов против четырех сотен, в чьем распоряжении город-государство? С чужаками и изменниками контрмаги делают такое, что наш капа Барсави на их фоне выглядит кротким жрецом Переландро. Они чудовищно ревнивы, чудовищно жестоки и нетерпимы к своим конкурентам. Контрмаги давно и прочно установили единую монополию. Никто, будь он хоть сам король Семи Сущностей, не посмеет приютить у себя постороннего чародея, неугодного контрмагам.

– Интересно, – спросил Локки, – а почему они называются контрмагами? Они что, сами себя магами не считают?

– Отнюдь. Полагаю, причина лежит в их извращенном чувстве юмора. При тех нелепых ценах, которые контрмаги устанавливают на свои услуги, их работа обращается скорее в издевательство над клиентами, чем в способ зарабатывать деньги.

– Что же в них такого нелепого?

– Новичку платят пятьсот полновесных крон в день. Продвинутый маг уже стоит тысячу. Они отмечают свой ранг татуировкой. Чем больше черных колец у контрмага на запястье, тем вежливее ты должен с ним обходиться.

– Тысячу крон *В ДЕНЬ*?

– Теперь ты понимаешь, почему их довольно мало? Далеко не каждый герцог или иной ублюдок с толстой мошной может воспользоваться услугами контрмага. Даже во время войны и в других крайних ситуациях их нанимают лишь на короткое оговоренное время. И если уж на твоём пути встретился контрмаг, будь уверен, что его наняли для настоящей, серьёзной работы.

– Но откуда берутся эти картенские контрмаги?

– Полагаю, из Картена.

– Ха-ха, очень смешно... Я имею в виду их монополию.

– О, это очень просто. Однажды вечером могущественный маг стучится в дверь более слабого. «Я открываю особую гильдию, – говорит он. – Присоединяйся ко мне, или я уничтожу тебя на месте». А второй маг, естественно, отвечает ему...

– Я всегда мечтал присоединиться к какой-нибудь гильдии!

– Вот именно. Затем они вдвоем идут к третьему магу. «Присоединяйся к гильдии, – говорят они. – Или сражайся с нами обоими, прямо сейчас». Процесс продолжается до тех пор, пока три или четыре сотни членов гильдии не постучатся в дверь последнего независимого мага, и любой, кто откажет им, может кричать «нет» уже в аду.

– Но и у этой могущественной организации должно быть слабое место, – предположил Локки.

– Ты прав, малыш. Контрмаги такие же смертные, как и мы. Они едят, спят, испражняются, стареют, умирают. В этом смысле они уязвимы. Но все вместе они – как проклятые осы: тронь одного, и остальные враз наделают в тебе дырок. Да помогут Тринадцать тому, кто убьет контрмага – случайно или преднамеренно.

– Почему?

– Это самое старое правило их гильдии, не знающее исключений. Убей одного контрмага, и вся гильдия тут же забросит собственные дела. Чтобы найти тебя, они не остановятся ни перед чем. Они станут убивать твоих друзей, родственников, знакомых. Сожгут дом. Уничтожат все, что ты когда-либо создал. Ты будешь мечтать о смерти... но до того, как тебе позволят умереть, контрмаги изведут весь твой след на земле. И заставят тебя наблюдать это собственными глазами.

– Значит, им не может противостоять никто?

– Почему же? Ты вправе попытаться справиться с одним из них, если он выйдет против тебя. Но вот убивать его не стоит. При таком раскладе самоубийство куда предпочтительнее – по крайней мере, не заберешь с собой в могилу всех, кто тебе дорог.

– Ничего себе!

– О да, – кивнул Цепп. – Магия сама по себе впечатляющая вещь, а эта их чертова общность и вовсе дает им неуязвимость. Поэтому, мой мальчик, если когда-нибудь тебе доведется столкнуться с контрмагом, лучше вежливо раскланяться и убраться с его пути. Именно вежливо, не забывая повторять «да, господин» или «нет, мадам».

5

– Славная у тебя птичка, лысая задница, – заметил Локки.

Контрмаг молча смерил его холодным взглядом. Похоже, он ожидал другой реакции.

– Значит, это *ты* помогаешь скрываться своему хозяину. Это благодаря *тебе* никто из Полных Крон не мог вспомнить, что произошло той ночью, когда Длинного Тессо прибили к стене.

В этот миг сокол издал пронзительный крик, и Локки от-

шатнулся. Он ощутил волну гнева, исходящую от птицы. Это был не просто крик взволнованного животного... в нем чувствовалось что-то личное. Локки вопросительно приподнял брови.

– Моей подружке не нравится твой тон, – пояснил Сокольниковичий. – А я привык доверять ее мнению. Так что последи за своим языком – тебе же будет лучше.

– Я нужен твоему хозяину для каких-то целей, значит, пока нахожусь в безопасности, – возразил Локки. – Из этого я делаю вывод, что могу разговаривать с его картенским лакеем, как мне заблагорассудится. Да будет тебе известно, подонок, что среди гарристов, которых ты убил, были мои друзья. Я сам по твоей милости влип в очень некрасивую историю. Чтоб тебе изойти на дерьмо, *ГОСПОДИН КОНТРАМАГ!*

С возмущенным криком сокол рванулся с руки хозяина. Локки успел загородиться левой рукой, и птица с размаху ударилась о нее. Когти пронзили плотное сукно рукава и застряли в его теле. Намертво вцепившись в человеческую плоть, птица отчаянно била крыльями. Локки завопил и попытался ударить хищника правой рукой.

– Сделай это, и тут же умрешь, – предупредил Сокольниковичий. – Посмотри внимательнее на лапы моей птички.

Прикусив щеку от боли, Локки послушался. То, что вначале показалось ему обычными когтями, оказалось подобием гладких загнутых жал, заканчивающихся острыми иглами. Чуть выше на лапах располагались странные пульси-

рующие наросты. При всем слабом знакомстве Локки с семейством хищных птиц это не показалось ему нормальным.

– Вестрис относится к так называемым скорпионьим соколам, – счел нужным пояснить Серый Король. – Она гибрид – результат совокупного применения алхимии и чародейства, созданный по специальному заказу гильдии контрамагов. Вместо обычных когтей у нее ядовитые жала. Рассердись она на тебя чуть сильнее, и ты умер бы через три секунды.

Из пораненной руки Локки начала капать кровь, и он застонал. Птица, явно наслаждаясь муками человека, клюнула его.

– Мы все здесь взрослые, включая эту птицу, не так ли? Безопасность – весьма относительное понятие, Локки. И мне не хотелось бы тебе показывать, насколько оно относительно.

– Прошу прощения, – проворчал Локки, скрежеща зубами. – Вестрис – отличная и весьма убедительная дама.

Сокольник хранил молчание, но Вестрис ослабила хватку, а затем и вовсе выдернула когти, перепорхнула обратно к хозяину и уселась на его перчатке, продолжая злобно взирать на свою жертву. Локки схватился за окровавленную руку и принялся растирать царапины.

– Разве я был не прав, Сокольник? – усмехнулся Серый Король. – У мастера Бича талант к восстановлению равновесия. Еще несколько минут назад он был слишком напуган,

чтобы думать и действовать. И вот он уже кидается оскорблениями, а сам, несомненно, размышляет, как выкарабкаться из положения, в которое попал!

– Простите, но я не понимаю, почему вы продолжаете звать меня этим именем, – запротестовал Локки.

– Все ты понимаешь, – отрезал его собеседник. – Итак, слушай, Локки. Я скажу один раз и повторять не буду. Мне все известно о твоей небольшой норе под Домом Переландро, твоём тайнике, твоём состоянии. Я знаю, что ты не трастишь времени на мелкие ночные кражи, как это представляется остальным Правильным Людям. Ты – нарушитель Тайного Договора. Мне известно о твоих хитроумных и весьма успешных аферах с каморрскими аристократами. Не ты распустил по городу эти нелепые слухи про Бича Каморра, но мы оба знаем, что они имеют самое непосредственное отношение к твоим подвигам. Наконец, я отдаю себе отчет, что если капе Барсави станет известно обо всем этом, он вплотную займется тобой и остальными Благородными Подонками, А он способен на многое!

– Бросьте, – перебил его Локки. – Вы не в том положении, чтобы рассчитывать на доверие капы Барсави. Так он и станет слушать ваши оговоры!

– Оговаривать тебя буду не я, – с улыбкой возразил Серый Король. – Для этого у меня есть доверенные лица в окружении Барсави. Впрочем, все это станет актуально лишь в том случае, если ты провалишь мое задание. Надеюсь, я доступ-

но объяснил?

Несколько мгновений Локки смотрел на своего собеседника, затем со вздохом уселся верхом на стул и пристроил больную руку на его спинку.

– Да, я вас понял. А что взамен?

– Взамен я обещаю, что капа Каморра ничего не услышит о двойной жизни, которую ведешь ты и твои друзья.

– Вот, значит, как, – медленно проговорил Локки.

– Именно, – скрестив руки на груди, Серый Король шагнул вперед. – Во всем, что не касается моего контрамага, я очень скупой человек, Локки. В качестве оплаты ты получишь жизнь, а не деньги.

– И какая же работа мне предстоит?

– Простой незамысловатый обман, – ответил Серый Король. – Я хочу, чтобы на некоторое время ты стал *МНОЮ*.

– Боюсь, я не вполне понимаю, что вы хотите сказать.

– Мне настало время выйти из тени. Я хочу поговорить с Барсави... так сказать, лично, без посредников. В ближайшем будущем я намереваюсь организовать тайную встречу с капой Каморра. Ради этого он рискнет покинуть свою Плавучую Могилу.

– Сомневаюсь.

– А ты не сомневайся. Все его нынешние несчастья – дело моих рук. Так что я знаю, как выманить старого лиса из его сырой норы. Но разговаривать он будет не со мной, а с тобой – Бичом Каморра, самым великим мистификатором в

этом городе. Тебе предстоит перевоплотиться в меня. Роль на одну ночь. Virtuозная премьера.

– Вынужденная премьера. И с какой целью?

– Видишь ли, сам я не могу там присутствовать, мне нужно быть в другом месте. Дело в том, что эта встреча – лишь часть более обширного плана.

– Но семья Барсави знает меня в лицо!

– Думаю, для тебя это не проблема. Сумел же ты одурачить чету Сальвара – в течение одного дня дважды пришел в их дом, изображая двух разных людей. И они тебе поверили! Я обеспечу тебя нужным костюмом и научу, что говорить. Благодаря твоим талантам и атмосфере таинственности, которую я сохранял до сегодняшнего дня, все пройдет успешно. Никому даже в голову не придет, что ты не настоящий Серый Король. Естественно, твое инкогнито сохранится.

– Интересный план! – признал Локки. – В чем-то он даже привлекает меня. Но вы же понимаете, что я буду выглядеть полным идиотом, если капа начнет разговор с дюжины арбалетных болтов.

– Об этом не беспокойся. Ты будешь отлично защищен от необдуманных поступков со стороны собеседника. Я пошлю с тобой Сокольничего.

Локки сверкнул глазами на контрмага. Тот ответил ему насмешливой улыбкой.

– Не думаешь же ты, – продолжал тем временем Король, – что я позволил бы тебе сидеть здесь со стилетом в рукаве,

если бы оружие в руке смертного могло повредить мне? Если сомневаешься, проверь. Могу даже одолжить тебе арбалет... или два. Уверяю тебя, результат будет тот же. И тебе мы обеспечим такую же защиту при встрече с Барсави.

– Значит, это правда? Слухи о твоей неуязвимости – не глупая выдумка? Сегодня я сам убедился, что твой подручный маг способен рыться в чужой голове – у меня сейчас такое ощущение, будто я пьянствовал ночь напролет.

– Ты прав. Хотя все эти слухи начал распространять в городе я сам – через своих людей. Единственной моей целью было внушить головорезам капю такой страх, чтобы они не смели даже приблизиться к тебе во время разговора с Барсави. К тому же у меня вправду есть власть убивать одним прикосновением, – Серый Король дружески усмехнулся. – И ты, став мною, обретишь подобную власть.

Локки нахмурился. Эта улыбка, эти черты лица... В Сером Короле сквозило что-то чертовски знакомое. Ничего конкретного – просто навязчивое, зудящее чувство, будто Локки уже где-то видел этого человека.

– Очень благодарен за заботу, – сказал он, откашлявшись. – Еще вопрос: что будет после того, как я выполню задание?

– Наши пути разойдутся, – просто ответил Серый Король. – Ты отправишься по своим делам, я – по своим.

– Верится с трудом.

– Обещаю, Локки, что с этой встречи ты уйдешь живым.

И потом тоже не произойдет ничего столь страшного, что ты успел себе вообразить. Если бы я хотел забить Барсави, то давным-давно уже сделал бы это.

– Вообразить, говоришь? Ты вырезал семерых гарристов Барсави, а самого его на месяцы запер в Плавучей Могиле. После смерти Тессо капа своими руками отправил на тот свет восьмерых Полных Крон. На твой взгляд, ничего страшного? Да Барсави спит и видит, как бы извести тебя! На меньшее он не согласится.

– Барсави сам заперся в своем галеоне. Я уже говорил и повторяю еще раз: доверься мне, Локки. Я знаю, как справиться с ситуацией. Капе придется согласиться на любое мое предложение. Мы решим вопрос о разделе Каморра – раз и навсегда. Все останутся довольны.

– Я всегда считал Серого Короля крайне опасным человеком, – признался Локки. – А теперь убедился, что он к тому же маньяк.

– Мне безразлично, как ты будешь толковать мои действия. Лишь бы сделал то, что от тебя требуется.

– А что, у меня есть выбор? – тоскливо спросил вор.

– Пожалуй, нет. Но это не повод расстраиваться. Итак, мы договорились, Локки? Ты выполнишь мое задание?

– Да. Но ты должен объяснить мне, что говорить капе.

– Безусловно.

– В таком случае у меня будет еще одно условие.

– Вот как?

– Если я подписываюсь на эту авантюру, мне необходима связь с вами. По крайней мере, возможность переслать весточку. Вдруг произойдет что-то непредвиденное? Я не могу сидеть и ждать, пока вы появитесь невесть откуда.

– Маловероятное событие, – пожал плечами Серый Король.

– Это вынужденная мера, – возразил Локки. – Вы же заинтересованы в положительном результате?

– Ладно, – уступил Серый Король. – Сокольничий!

Контрмаг поднялся из-за стола. Вестрис по-прежнему сидела у него на запястье и нехорошо глядела на Локки. Свободной рукой чародей порылся под камзолом и достал свечу – маленький столбик белого воска, окутанный странной багровой дымкой.

– Зажги ее где-нибудь в уединенном месте, – холодно пояснил контрмаг. – Запомни, ты должен быть абсолютно один. Произнеси мое имя – я услышу и вскоре явлюсь.

– Благодарю, – Локки взял свечу правой рукой и положил в карман. – Сокольничий... Простое имя.

Вестрис разинула клюв, но из ее горла не вырвалось ни звука. Вместо этого она громко щелкнула им и моргнула. Был ли это зевок? Или она насмежалась над Локки?

– Я буду постоянно наблюдать за тобой, – пообещал контрмаг. – У нас с Вестрис неразрывная связь: она воспринимает все мои чувства, а я вижу ее глазами.

– Это многое объясняет, – задумчиво кивнул Локки.

– Раз мы пришли к согласию, будем считать, что разговор окончен, – подвел итог Серый Король. – У меня есть другие неотложные дела, которые необходимо завершить до конца ночи. Благодарю вас за проявленное благоразумие, мастер Бич.

– Типичная фраза, с которой вооруженный грабитель подходит к прохожему на ночной улице, – проворчал Локки. Он поднялся, засунув левую руку в карман кафтана. Резкая, дергающая боль в ней никак не утихала. – И когда же должна состояться запланированная встреча?

– Через три ночи, – сообщил Серый Король. – Надеюсь, это не помешает твоей игре с доном Сальварой.

– Как-то слабо верится, что тебя это волнует.

– Тоже верно. Займемся лучше нашим делом.

– Эй! Вы же не собираетесь...

Слишком поздно – Сокольничий уже начал производить какие-то пассы свободной рукой. Губы его беззвучно шевелились, будто на них застывали не произнесенные вслух слова. Комната закружилась, теплый свет лампы превратился в неясный штрих на черном холсте окна, а затем осталась только темнота...

Придя в себя, Локки обнаружил, что находится на мосту между Западной и улицей Поцелуй-Монетку. Ему показалось, будто прошло не больше минуты, но, взглянув на небо, он увидел, что облака пропали, звезды сместились, а луны уже клонятся к западному горизонту.

– Ах ты, сукин сын! – прошипел он. – Ночь на исходе! Жеан, наверное, рвет и мечет!

Локки быстро прикинул: близнецы Санца с неизменным довеском в виде малыша Жука собирались вечером пошататься по Западне.

Вероятно, в конце концов они осели в «Последней ошибке». Обычный набор: выпивка, азартные игры и бесконечные разборки с обиженными приятелями – братцы славились непревзойденной ловкостью рук за карточным столом. Жеан тоже намеревался провести ночь в таверне, по крайней мере, до возвращения Локки. Видимо, имеет смысл искать друзей в «Последней ошибке».

Внезапно Локки вспомнил, что до сих пор одет и загримирован под Лукаса Фервита. Он с досадой хлопнул себя по лбу, быстро скинул кафтан и вычурный шейный платок, снял фальшивые очки и спрятал в карман. После этого Локки осторожно обследовал царапины на левой руке. Они все еще болели, но кровь уже остановилась, так что он не будет ронять капли где попало.

«Будь проклят этот Серый Король, – подумал Локки. – Ну ничего, с помощью Богов я смогу занести сегодняшнюю

ночь в положительный баланс».

Он старательно взлохматил волосы, расстегнул камзол и кое-как разгладил крахмальные складки на рубашке. Затем Локки отодрал с туфель нелепые пучки лент и вместе с шейным платком и поясом в серебряных накладках сунул их в мешок, который соорудил из кафтана с завязанными рукавами. Избавившись от броских украшений вадранского купца, Локки вздохнул с облегчением – теперь он мог спокойно идти по улице и не привлекать к себе излишнего внимания. Довольный, он развернулся и быстрым шагом направился к южному концу моста – туда, где все еще светились ночные огни Западни.

Едва Локки свернул на улицу, ведущую к центральному входу в Расколотую башню, как откуда-то сбоку вынырнул Жеан Таннен и схватил его за руку.

– Локки, где тебя носило всю ночь? Ты в порядке?

– О боги, как же я рад тебя видеть, Жеан! Увы, как выяснилось, *МЫ ВСЕ* далеко не в порядке. Где остальные?

– Я долго ждал тебя, – шепотом начал излагать Жеан. – Затем отыскал ребят в «Последней ошибке» и отправил их в наши комнаты, а сам всю ночь бродил тут, стараясь никому не попадаться на глаза. Я... Мы боялись, что...

– Меня схватили, Жеан, но затем отпустили. Идем к себе, я все расскажу. У нас новые проблемы, дружище. Свеженькие и горячие, словно адские пирожки.

На этот раз они оставили окна открытыми, лишь опустив тонкую прозрачную сетку от насекомых. Когда Локки завершил рассказ о событиях минувшей ночи, небо на востоке уже начало алеть. Под глазами у его слушателей залегли глубокие тени, но никто и не помышлял о сне.

– Все не так плохо, – подвел итоги Локки. – Зато теперь мы знаем, что он не собирается убивать меня, как других гарристов.

– В ближайшие три ночи, – уточнил Гальдо.

– Нельзя доверять этому уроду! – выкрикнул Жук.

– Нельзя, – согласился Локки. – Но слушаться его придется... По крайней мере, пока.

К тому времени он уже успел переодеться в рубаху и штаны попроще и теперь не сильно отличался от прочих постояльцев «Последней ошибки». Жеан настоял, чтобы его рану промыли горячим крепленным вином и наложили обеззараживающую повязку из льна, пропитанного коньяком. Кроме того, сейчас Локки сидел, держа больную руку под горящим алхимическим шаром. Каморрские врачи утверждали, будто его белый свет вытягивает дурные флюиды и помогает против нагноения.

– А точно ли придется? – Кало почесал заросший подбо-

родок. – Может, бросить все и прямо сейчас рвануть со всех ног? Интересно, как далеко нам удастся уйти?

– Кто знает? – вздохнул Локки. – Если бы Серый Король был один... А от контрмага далеко не убежишь, это без вопросов.

– Так что же теперь? – возмутился Жеан. – Сидеть на заднице и ждать, пока он дернет за ниточку, будто мы жалкие марионетки?

– Его главный козырь – капа Барсави, – отозвался Локки. – Он действительно может рассказать ему о наших делах.

– Нет, это полное безумие, – заявил Гальдо. – Ты говоришь, У Сокольничего на запястье три кольца?

– Во всяком случае, на том, где не сидел проклятый сокол.

– Три кольца... – прошептал Жеан. – И впрямь безумие. Держать на службе такого человека! Вся эта история началась пару месяцев назад. Помните, именно тогда он уделал первого гарристу, и по городу поползли слухи про Серого Короля. Кстати, напомните, с кого он начал?

– С Гиля Рубаки из Пастушьих Псов, – ответил Кало.

– Точно. Но тогда выходит, что здесь замешаны прямо-таки безумные деньги! У самого герцога не хватило бы средств, чтобы так долго оплачивать услуги контрмага третьего уровня. Что же за личность этот долбаный Серый Король? И какую игру он ведет?

– Это неважно, – перебил его Локки. – Через три дня и две ночи в Каморре появятся два Серых Короля... и одним

из них буду я!

– О Тринадцать, – проворчал Жеан, устало опустил голову на руки и протер глаза.

– Итак, плохие новости: капа Барсави прочит меня в женихи своей дочери, а Серый Король хочет, чтобы я вместо него отправился на тайную встречу с Барсави, – Локки усмехнулся. – Хорошая же новость заключается в том, что я не залил кровью новую расписку на четыре тысячи крон.

– А хотите, я убью его? – неожиданно предложил Жук. – Дайте мне арбалет с отравленными болтами, и я попаду ему прямо в глаз.

– Уймись, Жук, – осадил его Локки. – По сравнению с этой идеей твой прыжок с крыши храма предстает верхом благоразумия.

– Плюс моей идеи в ее неожиданности! – сидевший под окном Жук повернул голову и несколько секунд всматривался в предрассветный туман. – Нет, серьезно... Вы – взрослые, опасные люди, от вас он может ожидать подвоха. Но меня-то никто не принимает в расчет! Скорее всего, про меня вообще забыли. Представьте всеобщее изумление: один выстрел в лицо, и нет больше никакого Серого Короля!

– Даже если допустить, что Сокольничий прохлопает ушами и позволит подстрелить своего клиента, он тут же спохватится и испепелит нас прямо на месте, – перебил мальчика Локки. – А еще, Жук, я сильно сомневаюсь, что милая подружка Сокольничего ночь напролет станет летать вокруг

нашей башни, где мы легко сможем увидеть ее и предупредить.

– Но в точности ты этого не знаешь, – возразил Жук. – Мне кажется, я уже один раз засек ее – в самом начале нашей игры с Сальварой.

– Мальчишка прав, я тоже ее видел, – подтвердил Кало, который по привычке крутил меж пальцев солон. – Помнишь, Локки, когда я душил тебя в аллее, над нами что-то пролетело – охренительно большое и быстрое для малиновки или воробья.

– Выходит, он действительно следит за нами и в курсе всех наших дел, – произнес Жеан. – В таких условиях будет разумнее временно отступить и подчиниться. Но у нас еще есть время подготовить для Серого Короля кое-какие сюрпризы.

– А игру с Сальварой мы прекращаем? – робко спросил Жук.

– Что? – встрепенулся Локки. – Нет, конечно. В данный момент для этого нет никаких оснований.

– Почему ты так считаешь? – спросил Гальдо.

– Мы обсуждали такую возможность, когда думали бежать от Серого Короля. Но теперь, черт побери, мы точно знаем, что он не намерен нас убивать... по крайней мере, в ближайшие три дня. Так что игра с доном Сальварой продолжается.

– Вот именно, три дня, – сплюнул Жеан. – Пока ты нужен этому безумцу. А что потом? Спасибо за помощь, в благодарность получите нож под лопатку?

– Такая угроза существует, – признал Локки. – Поэто-

му нам нужно подстраховаться. Жеан, сегодня тебе придется побегать после того, как выпишься. Отмени договоренность о морской поездке. Обстоятельства изменились; возможно, нам придется в одночасье покинуть город, а ждать корабля – слишком долго. Потом сходи к Вратам Висконте, добавь золотишка стражникам. Теперь, если возникнет необходимость бежать, мы двинемся по суше, и я хочу, чтобы ворота перед нами распахивались живее, чем двери борделя. Кало, Гальдо, вы подыщите подходящий фургон. Поставьте его за храмом, заготовьте веревки для срочной упаковки. Достаньте еду и питье в дорогу – все самое простое и питательное. Еще понадобятся широкие плащи и простая одежда. В общем, вы знаете, что делать. Если кто-то из Правильных Людей заметит вас за этой работой, намекните, что через несколько дней у нас наклеивается жирное дельце. Если слух дойдет до Барсави, он будет только доволен. А мы с тобой, Жук, завтра отправимся в наш тайник под Домом Переландро, достанем все сбережения до последней монетки и уложим в мешки, чтобы легче было перевозить. Я хочу, чтобы в случае необходимости мы могли покидать деньги в фургон за несколько минут.

– Разумно, – согласился Жук.

– Итак, братья Санца работают вместе, – подвел итог Локки. – Ты, Жук, будешь со мной. Никто, кроме Жеана, не ходит в одиночку. Ты-то, дружище, не попадешь в беду... разве что Серый Король прячет в городе целую армию.

– Да, ты меня хорошо знаешь. Я один не хожу – при мне всегда мои Сестрички, – Жеан полез за спину под свободный кожаный камзол, который он носил поверх простой хлопковой рубахи, и вытащил два парных топорика, каждый фута по полтора длиной, с обернутыми кожей рукоятями и прямыми черными лезвиями, сужающимися, словно нож хирурга. Идеальный баланс им придавали набалдашники из вороненой стали размером с серебряный солон. Это и были Злобные Сестрички – любимое оружие Жеана.

– Ладно, – зевнул Локки. – Если возникнут еще какие-то светлые мысли, обсудим их утром. Давайте подопрем дверь чем-нибудь тяжелым, закроем окна и завалимся спать.

Но не успели Благородные Подонки встать, чтобы привести в действие этот разумный план, как Жеан вскинул руку, – призывая к молчанию. За дверью раздался шум, громко закрипели ступени, как будто по лестнице поднимались много людей. Мгновением позже кто-то заколотил в дверь.

– Открывай, Ламора! – раздался громкий мужской голос. – По делу капы!

Спрятав оба топорика за спину, Жеан занял позицию справа от двери. Близнецы одновременно выхватили кинжалы, а Гальдо успел еще, как обычно, оттолкнуть Жука за их спины. Локки стоял в центре комнаты, лихорадочно припоминая, что его собственные стилеты остались в кафтане Фервита.

– Почем нынче буханка хлеба на Плавучем рынке? – за-

орал он.

– Один медяк ровно, – послышалось в ответ. – Но они сырые.

Локки позволил себе немного расслабиться – люди за дверью знали пароль и отзыв, принятые на этой неделе. К тому же ради того, чтобы пустить кровь, никто не стал бы стучать в дверь – ее бы попросту вышибли. Сделав друзьям знак оставаться на месте, он отодвинул засов и приоткрыл дверь.

На площадке за дверью, на высоте семидесяти футов над землей, стояли четверо мужчин. Небо за их спинами уже посветлело и приобрело цвет мутной воды в канале, на нем тускло поблескивали последние звезды. Гости выглядели бывалыми бойцами – их обманчиво расслабленные позы не вводили в заблуждение никого. На них были кожаные куртки, кожаные воротники и красные банданы под черными кожаными шлемами. Локки узнал ребят из банды Красноруких: капа Барсави каждый раз обращался к ним, когда возникала срочная нужда в грубой силе.

– Прости, брат, – один из парней, по виду вожак Красноруких, ненавязчиво взялся за дверь. – Большое начальство желает видеть Ламору прямо сейчас, в любом состоянии. Отказ не принимается.

Интерлюдия. Жеан Таннен

1

Прошел год с тех пор, как Локки попал к Безглазому Священнику. Мальчик подрос, но не так сильно, как ему хотелось бы. Хотя его точный возраст по-прежнему оставался загадкой, уже было ясно, что рослым юный Ламора не станет в любом случае.

– Ты недоедал в раннем детстве, – объяснил ему Цепп. – За последние месяцы дела, конечно, сильно улучшились, но я подозреваю, что ты всегда будешь, скажем так, излишне хрупким.

– Всегда-всегда?

– Не стоит огорчаться! – священник сложил руки на своем внушительном брюхе и хохотнул. – Худышке порой легче – там, где он вывернется без труда, толстяк окажется в безвыходном положении.

И вновь потянулась каждодневная учеба – арифметика, история, карты, языки. Как только мальчики научились бегло говорить по-вадрански, Цепп занялся их произношением. Теперь каждую неделю Локки и Санца несколько часов проводили со старым вадранским моряком, который зарабаты-

вал себе на жизнь починкой парусов. Орудую длинными кривыми иглами, он жестоко бранил учеников за кашу во рту, в которую они превращают прекрасный северный язык. Старик сам выбирал темы для беседы с мальчиками, но вне зависимости от темы не забывал поправлять любой недостаточно интенсивный согласный или слишком растянутый гласный. А поскольку Цепп оплачивал его услуги вином, то с каждой минутой занятия моряк становился все агрессивнее, а его нос – все краснее.

Время от времени священник устраивал своим воспитанникам испытания: некоторые – довольно простые, другие – достаточно суровые. Впрочем, вся жизнь мальчиков была непрерывным испытанием, которое порой принимало довольно грубые формы. Но, как бы тяжело ни пришлось послушникам, в конце каждого такого урока отец Цепп поднимался с ними на крышу храма, где подробно объяснял цель и назначение испытанных трудностей. Подобная откровенность помогала переносить его жесткие игры, к тому же это очень сблизило Локки и близнецов. Чем больше давил на них Цепп, тем дружнее становились ребята. Они научились понимать друг друга без слов, и теперь им не приходилось подолгу обсуждать детали предстоящей операции.

Затем пришел Жеан Таннен, и все изменилось.

Стоял месяц Сарис семьдесят седьмого года Ионо. Только что закончилась на редкость сухая и прохладная осень.

Яростные шторма, бушевавшие в Стальном море, по воле Богов пощадили Каморр, и установились самые прекрасные деньки, какие мог припомнить Локки. Он сидел с протянутой рукой на ступенях храма и наслаждался чудесной погодой, когда заметил пересекающего площадь Делателя Воров.

За два года страх, который Локки испытывал перед бывшим хозяином, заметно уменьшился. Но и теперь он не мог не чувствовать странный, почти нереальный магнетизм, исходивший от этого тощего морщинистого старика. Было в нем что-то от ядовитой змеи, которая перед нападением завораживает свою жертву трепещущим язычком. Низко поклонившись Цеппу, Делатель Воров хищно пошевелил перебитыми пальцами. При виде Локки в глазах его зажегся жадный огонек.

– Мой милый, бедный малыш! – воскликнул он. – Как мне приятно видеть, что ты преуспеваешь в Доме Переландро!

– Своими успехами он, несомненно, обязан той дисциплине, которую вы ему привили, – на лице Цеппа расцвела улыбка. – Именно благодаря вашим урокам он вырос в честного и решительного юношу.

– Вырос? – Делатель Воров бросил на Локки притворно сосредоточенный взгляд. – Хе-хе... Я бы не рискнул утверждать, что он вырос хоть на дюйм. Ладно, речь не о нем. Я привел того мальчишку, о котором рассказывал, – из Северного Угла. Ну-ка, выходи, Жеан, все равно тебе за мной не спрятаться. Лучше уж прикройся медной монеткой.

За спиной Делателя Воров и в самом деле нерешительно топтался подросток. Когда старик вытолкнул его вперед, Локки разглядел, что мальчику на вид лет десять-одиннадцать – его ровесник или чуть постарше. Однако во всем остальном новенький являлся полной противоположностью Локки – краснолицым толстяком с фигурой, напоминавшей грушу, и копной черных сальных волос. Он смотрел на мир широко распахнутыми глазами, нервно сжимая и разжимая мягкие кулачки.

– К сожалению, я не могу его видеть, – заговорил отец Цепп. – Но, с другой стороны, те качества, кои желает видеть в своих слугах Переландро, тоже не бросаются в глаза с первого взгляда. Знакома ли тебе искренность и праведность, сын мой? Есть ли в тебе та душевная стойкость, которая является пропуском в царство нашего милосердного Небесного Покровителя?

Священник шлепнул Локки по спине, но тот продолжал молчать, таращась на новичка.

– Надеюсь, господин, – откликнулся Жан тихим затравленным голосом.

– Отличный ответ, – похвалил Делатель Воров. – Именно на надежде строится наша жизнь, не так ли? Теперь, малыш, твоим хозяином будет добрый отец Цепп. Вверяю тебя его попечению.

– Не моему, но высших сил, коим я служу, – возразил Цепп. – Кстати, не вы ли сегодня забыли этот кошелек у ме-

ня на ступенях?

Он достал из-под рясы небольшой, но плотно набитый кожаный кошелек и помахал им перед носом у Делателя Воров.

– Да-да, именно мой! Мой и есть, – Делатель Воров выхватил кошель из рук Цеппа и спрятал в кармане своей поношенной куртки. – Какая удача, что вы его нашли! – он отвесил еще один прощальный поклон, затем развернулся и заковылял обратно к Сумеречному холму, немелодично насвистывая себе под нос.

Цепп встал, потер затекшие ноги и хлопнул в ладоши.

– Покончим же на сегодня с нашими обязанностями. Жеан, это Локки Ламора, один из моих учеников. Пожалуйста, помоги ему отнести в святилище кувшин с пожертвованиями. Только осторожно – он очень тяжелый.

Оба мальчишки, толстый и худой, подхватили кувшин и поволокли его вверх по ступеням. Безглазый Священник ощупью двинулся вдоль цепи, подбирая ее и волоча за собой, пока не оказался внутри храма. Локки принялся возиться с механизмом в стене, а Цепп тем временем уселся в центре помещения.

– Твой бывший хозяин рассказывал, что ты умеешь свободно говорить, читать и писать на трех языках.

– Да, господин, – ответил Жеан, с трепетом оглядываясь вокруг. – На теринском, вадранском и иссаврайском.

– Очень хорошо. А как у тебя с арифметикой? Умеешь вести счета?

– Умею.

– Превосходно. Тогда ты поможешь мне сосчитать дневную выручку. Но сначала дай свою руку. Вот так... Проверим, есть ли у тебя дар, который необходим, чтобы стать посвященным этого храма, Жеан Таннен.

– А... а что мне делать?

– Просто положи руки на мою повязку... Нет, стой спокойно. Закрой глаза, сосредоточься. Пусть все твои добродетельные мысли потоком изольются на поверхность...

2

– Мне он не нравится, – заявил Локки. – Совсем не нравится.

На следующее утро они с Цеппом занимались приготовлением завтрака. Локки варил бульон из маленьких кубиков сушеной говядины и нарезанных колец лука. Священник возился с восковой печатью на горшочке с медом. Ему не удалось вскрыть ее голыми руками, поэтому теперь он ковырял пробку стилетом и тихо ругался себе под нос.

– Не нравится? – рассеянно переспросил Цепп. – Звучит довольно глупо, ведь он не пробыл здесь и одного дня.

– Он... какой-то мягкотелый. Толстый. Он – не один из НАС.

– Ты ошибаешься, сын мой. Мы показали Жеану наш храм и тайник, он дал мне клятву пезона. В ближайшую пару дней я отведу его к капе.

– Я говорю не о Благородных Подонках. Я говорю о *НАС!* Он не вор. Он мягкий жирный...

– ...Купец? Совершенно верно. Жеан – сын своих родителей-купцов. Но теперь он стал вором.

– Но он никогда не крал! Не обманывал, не попрошайничал. Он говорит, что провел на Холме всего несколько дней до того, как попал сюда. Так что он – не один из *НАС*.

– Локки, – Цепп наконец отвлекся от упрямой пробки и, нахмурившись, посмотрел на мальчика. – Из Жеана Таннена получится настоящий вор, потому что я так решил. Надеюсь, ты помнишь, что здесь я воспитываю воров особой разновидности?

– Но он же...

– Этот мальчик способнее любого из вас. Он красиво и чисто пишет, знает толк в делах, гроссбухах, счетах и массе подобных вещей. Твой прежний хозяин сразу понял, что я заинтересуюсь им.

– Он толстяк!

– Ну и что? Меня тоже много в ширину, да ты и сам не красавец. У Кало и Гальдо носы, как осадная башня. А у Сабеты, насколько мне помнится, вылезли прыщи. И что с того?

– Он мешал нам спать всю ночь. Ревел, как девчонка, и не

хотел заткнуться.

– Простите, – прозвучал за их спинами мягкий голос. Локки и Цепп резко повернулись (первый – гораздо проворнее). В дверях кухни стоял Жеан Таннен с покрасневшими глазами. – Я не хотел... просто не мог остановиться.

– Ха! – Цепп вернулся к непослушной пробке. – Сдается мне, что мальчишки, живущие в стеклянной норе, не должны так громко говорить о своих соседях.

– Не смей так больше, Жеан, – заявил Локки, спрыгивая с деревянной подставки, с которой только и мог дотянуться до печи. Он прошагал к одному из ларчиков с пряностями и начал шумно рыться там. – Заткнись и не мешай нам спать. Мы же с Кало и Гальдо не режем.

– Мне очень жаль, – промолвил Жеан, едва сдерживая слезы. – Простите... но моя мама... и папа... Они все... Я сирота.

– Ну и что с того? – Локки выхватил маленькую стеклянную бутылочку с квашеной редькой, запечатанную каменной пробкой, словно алхимическое зелье. – Я тоже сирота. Это не повод шуметь по ночам и мешать нам спать. Сколько ни хнычь, они не вернуться.

Резко отвернувшись, Локки сделал пару шагов по направлению к плите. Он не видел, как Жеан кинулся к нему сзади, успел лишь почувствовать, как чужая рука хватается его за шею. Хотя и мягкая, она все же была весьма тяжелой для десятилетнего мальчишки. Локки выронил редьку. Толстяк

грубо швырнул его на землю, перевернул и *поднял* опять.

Ноги Локки оторвались от земли в то самое мгновение, когда упал сосуд с приправой. Еще секундой позже голова Локки стукнулась о тяжелую столешницу из ведьмина дерева. Мальчик рухнул на пол, больно ударившись костлявым задом.

– Сам заткнись! – в голосе Жеана не осталось и следа робости. Он орал, покраснев от гнева, обливаясь слезами. – За-молчи, урод! Захлопни свою грязную пасть! Никогда не смей говорить о моих родителях!

Локки попытался встать, опираясь на обе руки, но кулак Жеана метнулся ему навстречу и заслонил полмира. Из глаз посыпались искры, и Локки, сплевывая кровь, свернулся на полу жалким-калачиком. Когда он более или менее пришел в себя, то обнаружил, что обнимает ножку стола, а комната кружится вокруг него в изысканном менюэте.

– Хрен в душу! – промычал он, ощущая во рту что-то соленое и болезненное.

– Довольно, Жеан, – мягко сказал Цепп, отгаскивая разъяренного толстяка. – По-моему, твое послание дошло до него.

– Ну он мне и врезал, – еле выговорил Локки.

– Поделом, – Цепп отпустил Жеана. Тот глядел на Локки, сжав кулаки и дрожа всем телом. – Ты это заслужил.

– О-ох... Чем же?

– Разумеется, мы все здесь сироты. Мои родители умерли

задолго до того, как ты вообще появился на свет. Твоих родителей нет уже долгие годы. У близнецов и Сабеты то же самое. Но Жеан потерял своих близких всего пять дней назад.

– Ой, – простонал Локки, пытаясь сесть. – Я... я не знал.

– Если ты чего-то не знаешь, – Цеппу наконец удалось сорвать печать, отлетевшую с громким щелчком, – это хороший повод заткнуть свою чертову пасть и вежливо помолчать.

– Был пожар, – Жеан несколько раз вздохнул, так и не сводя взгляда с Локки. – Они все сгорели... и наша лавка. Все пропало.

Он отвернулся и побрел обратно в спальню, повесив голову и смахивая слезы с глаз. Цепп повернулся спиной к Локки и принялся тщательно размешивать мед.

В это время лязгнула потайная входная дверь. Мгновением позже на кухне появились Кало и Гальдо. Оба были одеты в белые рясы посвященных Переландро, и каждый держал по длинному батону свежего хлеба.

– Мы вернулись, – громко объявил Кало.

– С хлебом!

– И так понятно, дурак!

– Сам дурак!

При виде Локки с разбитыми губами и кровью, запекшейся в уголках рта, – тот как раз пытался подняться, держась за край стола, – близнецы резко остановились.

– Мы что-то пропустили? – спросил Гальдо.

– Мальчики, – спокойно заговорил Цепп. – Представляя вчера Жеана, я забыл вас предупредить. Если верить вашему старому хозяину с Сумеречного холма, Жеан, при всей своей внешней мягкости, обладает на редкость вспыльчивым характером.

Священник подошел к Локки и помог ему выпрямиться.

– Когда мир вокруг тебя перестанет кружиться, не забудь убрать разбитое стекло и редьку, – напомнил он.

3

Вечером, перед ужином, Локки и Жеан молчали и старались держаться друг от друга подальше. Кало и Гальдо обменивались раздраженными взглядами (примерно сто раз в минуту), но тоже не пытались заговорить. Один лишь Цепп был доволен. Судя по всему, он наслаждался тишиной и покоем, которые царили в столовой.

Как только Локки и Жеан уселись за стол, Цепп поставил перед ними по маленькой резной коробочке из слоновой кости. Локки немедленно узнал эти ящички с откидными крышками около фута в длину и ширину. Вычислительные шкатулки. В этих сложных изобретениях тал-вераррских механиков использовались скрытые часовые механизмы для передвижения керамических плиток и переключения

деревянных кнопок. В результате человек мог быстро производить сложные расчеты. Локки был знаком с основами работы на этом устройстве, но пользовался им редко – последний раз он упражнялся на шкатулке несколько месяцев назад.

– Локки и Жеан, будьте так добры, – заговорил отец Цепп. – Положим, у меня есть девятьсот девяносто пять каморрских солонов, и я отплываю в Тал-Верарр. По прибытии я хотел бы перевести их в тамошние солары. Сейчас один солар составляет... дай Боги памяти... примерно четыре пятых от каморрской кроны. Итак, вопрос: сколько соларов отдадут мне менялы перед тем, как я выплачу их долю?

Жеан немедленно откинул крышку шкатулки и начал работать, ударяя по кнопкам, щелкая плитками, сдвигая туда и сюда деревянные оси. Локки, смутившись, попробовал последовать его примеру. Его беспорядочные попытки оживить механизм были не столь успешными. Довольно скоро Жеан объявил ответ.

– Тридцать один полный солар и еще одна десятая в остатке, – высунув кончик языка, мальчик продолжил вычисления. – Это составляет четыре серебряных волана и два медяка.

– Изумительно, – похвалил Цепп. – Жеан, ты можешь поужинать сегодня. А вот тебе, Локки, боюсь, не повезло. Но все равно спасибо за попытку. Можешь посидеть пока в своей комнате.

– Что?! – кровь прилила к щекам мальчика. – Но раньше было не так! Вы давали нам личные задачи! А я уже хрен знает сколько не пользовался этой шкатулкой...

– Тогда, может быть, еще одну задачку?

– Да!

– Очень хорошо. Жеан, не соблаговолишь ли принять участие еще раз? Так... джериштийский галеон плывет по Стальному морю, его капитан очень набожен. Строго каждый час он велит матросу бросить в море галету в жертву Ионо. Каждая галета весит четырнадцать унций. К тому же капитан очень аккуратный человек. Весь хлеб он хранит в сундуках, по четверти тонны каждый. Он плывет уже неделю. Сколько сундуков он открыл? И каков общий вес приношений, полученных Повелителем алчных вод?

Мальчики снова защелкали своими механизмами, и опять Жеан поднял взгляд, закончив вычисления, в то время как Локки еще только, обливаясь потом, разобрался, как ввести данные для расчета.

– Он открыл только один сундук и принес в жертву сто сорок семь фунтов галет, – дал ответ маленький толстяк.

Отец Цепп тихонько похлопал в ладоши.

– Молодец, Жеан. Ты действительно ужинаешь с нами сегодня. А тебя, Локки, я позову, когда надо будет убрать со стола.

– Это совсем не смешно, – обиделся Локки. – Он управляется с вычислительной шкатулкой лучше, чем я. Вы зара-

нее обрекли меня на поражение!

– Не смешно, правда? Но недавно ты так важничал, мой дорогой малыш! Ты уже достиг того возраста, когда большинство подростков приобретают свои убеждения на долгие годы вперед. Черт побери, с Сабетой было то же самое. Отчасти поэтому я и отослал ее отсюда. В любом случае мне показалось, что для человека, который носит на шее свою смерть, твой нос слишком высоко задран.

Локки покраснел еще больше. Жеан украдкой бросил на него несмелый взгляд. Близнецы, знавшие историю с акульным зубом, внимательно разглядывали свои пустые тарелки.

– Мир полон загадок, для решения которых требуются различные умения. Или ты полагаешь, что тебе всегда будут попадаться только такие проблемы, которые тебе под силу? Ну-ка, скажи, если мне потребуется человек на роль подмастерья менялы, кому я поручу эту роль – тебе или Жеану? По-моему, выбор очевиден.

– Я... мне кажется...

– Тебе вообще слишком часто *КАЖЕТСЯ*. Ты встретил нашего нового брата презрением лишь из-за того, что очертания его фигуры напоминают мои благородные пропорции, – Цепп почесал толстое брюхо и весело усмехнулся. – А тебе не приходило в голову, что его внешность идеально подходит для определенных ролей? Жеан выглядит, как сын купца, как излишне откормленный аристократ, как пухлый

юный студент. Такая наружность дает ему не меньше плюсов, чем тебе – твоя.

– Но я считаю...

– Если тебе нужна еще одна демонстрация того, что он умеет, а ты – нет, почему бы мне не попросить его снова потрясти из тебя все дерьмо?

Локки бессознательно втянул голову в плечи и попытался раствориться в воздухе. Потерпев неудачу, он просто повесил голову.

– Мне очень жаль, – обратился к нему Жеан. – Надеюсь, тебе было не слишком больно.

– Ничего, – промямлил Локки. – Похоже, я действительно заслужил эту трепку.

– Пустой желудок пролагает дорогу мудрости, дети мои, – усмехнулся Цепп. – Запомни, Локки: жизненные трудности непредсказуемы. Нам не дано заранее знать, какое наше качество или кто из наших друзей поможет преодолеть эти трудности. Например, сейчас пусть поднимут руки те, чья фамилия – Санца.

После некоторого колебания Кало и Гальдо выполнили приказание.

– Все, чья фамилия Санца, – объявил священник, – могут сегодня отужинать с нашим братом Жеаном Танненом.

– Мне нравится такое учение! – воскликнул Гальдо.

– Те же, чья фамилия Ламора, – продолжал священник, – тоже могут поесть, но сначала они должны сходить за под-

носом и обслужить Жеана Таннена.

Локки отошел к плите, испытывая странную смесь смущения и облегчения. На ужин был жареный каплун, фаршированный чесноком и луком, под соусом из вываренных в вине винограда и инжира. Отец Цепп произнес молитвенные тосты, посвятив последний «Жеану Таннену, который, потеряв одну семью, тут же обрел другую».

Тут Жеану на глаза вновь навернулись слезы, и он потерял интерес к еде. Заметив это, близнецы попробовали спасти его настроение.

– Ты здорово умеешь обращаться со шкатулкой! – заметил Кало.

– Ни у кого из нас так не получается, – поддержал его Гальдо.

– А ведь мы хорошо успеваем в арифметике!

– По крайней мере, – чуть тише сказал Гальдо, – так мы считали до встречи с тобой.

– Да это ерунда, – возразил Жеан. – Можно работать и быстрее. Я хочу сказать... – перед тем, как продолжить, он нервно покосился на Цеппа. – Мне нужны очки для чтения. Без них я плохо вижу. Раньше, с ними, я все делал быстрее. Но... я потерял свои очки на Сумеречном холме. Один из мальчишек...

– Ты получишь новые очки завтра или послезавтра, – пообещал Цепп. – Одно условие: не носи их на людях – это не вяжется с обликом нищего. Но здесь ты вполне можешь

пользоваться ими.

– Значит, ты победил меня, ничего толком не видя?! – поразился Локки.

– Кое-как я вижу, – ответил Жеан. – Но все такое нечеткое... Приходится все время щуриться.

– Математический гений и одновременно умелый боец, – улыбнулся отец Цепп. – Воистину в лице юного мастера Таннена Благодетель даровал нам поразительное сочетание талантов. Надеюсь, Локки, теперь ты понимаешь, что он *тоже* прирожденный Благородный Подонок?

– Да, – мрачно ответил Локки, которому не хотелось так скоро расставаться со своей обидой. – Пожалуй, что так.

4

Следующая ночь выдалась ясной и сухой. Все луны собрались на небосводе и сияли в окружении звезд, будто новые монетки. Жеан Таннен устроился почитать на крыше храма. Он сидел у парапета, держа книгу перед собой на расстоянии вытянутой руки, а две масляные лампы озаряли его теплым желтым светом.

– Надеюсь, не помешаю? – спросил Локки.

Жеан в удивлении вскинул глаза.

– О боги! Ты всегда так тихо подкрадываешься!

– Не всегда, – Локки сделал несколько шагов к толстяку. – Порой я бываю очень громким... и очень глупым.

– Я... э-э-э...

– Можно присесть?

Жеан молча кивнул, и Локки плюхнулся рядом с ним.

– Извини меня, – сказал Локки. – Иногда я веду себя, как полное дерьмо.

– Ты тоже извини. Когда я побил тебя, я не хотел... просто я не владею собой, когда злюсь.

– Ты правильно поступил. Я же не знал про твоих родителей. Теперь мне очень стыдно. Я не имел права так говорить... У меня-то все было по-другому – куча времени, чтобы привыкнуть... понимаешь?

Мальчики помолчали. Жеан закрыл книгу и смотрел в небо.

– А знаешь, может быть, я и не сирота. То есть не вполне, – продолжал Локки.

– Как это?

– Ну... Моя мама умерла. Я был при этом и помню. Но вот отец... он, как бы это сказать... ушел, когда я был совсем маленьким. Его я совсем не помню, точнее, и не знал никогда.

– Сочувствую, – откликнулся Жеан.

– Да, нам обоим впору посочувствовать, правда? Мне кажется, мой отец был моряком или кем-то в этом роде. Или, может быть, торговцем... не уверен. Мама всегда отказывалась говорить о нем, так что я могу и ошибаться.

– А мой папа был очень хороший, – сказал Жан. – Он... Мои родители держали большую лавку в Северном Углу. Они привозили издалека шелк, кожу, драгоценные камни. Плавали по всему Стальному морю, а иногда путешествовали вглубь континента. Я помогал родителям. Не ездил с ними, а вел разные записи, счета... А еще заботился о кошках. У нас их было целых девять. Мама иногда шутила, что я – единственный ее ребенок, который не бегаёт на четырех ногах.

Мальчик слегка всхлипнул и вытер глаза.

– По-моему, я уже выплакал все слезы и ничего больше не чувствую, – признался он. – Знаешь, мои родители учили меня быть честным. Они считали, что воровать дурно, против этого законы и людей, и богов. А теперь я узнал, что у воров имеется свой покровитель. И мне предоставлен выбор – либо голодать на улице, либо счастливо жить здесь.

– Все не так уж плохо, – утешил его Локки. – Сколько себя помню, я никогда не занимался другим. Воровство – тоже почетное занятие, если смотреть на это дело так, как мы. И достаточно сложное... Тут разиням не место, – Локки полез за пазуху, достал маленький полотняный мешочек и вручил его Жану. – Вот, держи.

– Что это?

– Ты же сам сказал, что тебе не хватает твоих очков, – ухмыльнулся Локки. – В Виденце есть один мастер, старше, чем сами боги. И он следит за витриной магазина не так вни-

мательно, как следовало бы. Вот я и подобрал тебе очки на выбор.

Жеан раскрыл мешочек и уставился на трое очков. Двое – в круглых золотых оправках, одни – в серебряной, в форме полумесяцев...

– Спасибо тебе, Локки! – он по очереди примерил очки и слегка нахмурился. – Не знаю, что и сказать... Не хотел бы показаться неблагодарным, совсем нет... но они мне не подходят, – Жеан указал на свои глаза и робко улыбнулся. – Линзы всегда нужно подбирать специально – у каждого ведь своя проблема. Понимаешь, есть люди, которые не видят на далеких расстояниях. Я думаю, эти очки как раз для них. Но я... как это называется... не близорукий, а дальнозоркий.

– О черт, я и не знал! – Локки почесал в затылке и тоже несмело улыбнулся. – Мне же не приходилось носить очки. Вот идиот!

– Нет-нет, что ты! Я могу куда-нибудь приспособить эти красивые оправы. Они ведь так часто ломаются. Подберу стекла, и у меня будут запасные очки. Еще раз спасибо.

Ребята еще какое-то время сидели молча, но на сей раз молчание было дружеским, а не неловким. Жеан прислонился к стене и прикрыл глаза. Локки засмотрелся на луны, пытаясь разглядеть голубые и зеленые пятнышки, которые Цепп однажды назвал Лесами Богов. Наконец Жеан кашлянул.

– Так ты и в самом деле классный вор?

– Надо же быть специалистом хоть в чем-то, раз драка и математика – не моя область.

– Слушай, я здесь кое-что узнал от отца Цеппа. Оказывается, если ты поклоняешься Благодетелю, то можно сделать одну вещь... Кажется, это называется «платой за смерть». Ты слышал об этом?

– О да, – отозвался Локки. – Еще как приходилось!

– Мне хочется сделать это для моих мамы и папы. Но я... я никогда не крал. Может быть, ты мне поможешь?

– Ты имеешь в виду – научить тебя воровать, чтобы правильно принести эту жертву?

– Да, – вздохнул Жеан. – Полагаю, если богам было угодно забросить меня сюда, надо привыкать к здешним обычаям.

– А ты научишь меня пользоваться вычислительной шка- тулкой, чтобы в следующий раз я не выглядел полным бол- ваном?

– Думаю, это возможно.

– Заметано! – Локки вскочил на ноги и раскинул руки. – Завтра Кало и Гальдо будут просиживать задницы на сту- пеньках храма, а мы с тобой выйдем на охоту!

– Это не опасно? – забеспокоился Жеан.

– Может, для кого-нибудь и опасно, но не для Благород- ных Подонков. Это то, чем мы занимаемся каждый день.

– *МЫ?*

– Мы!

Глава 6. Ограничения

1

Краснорукие сопровождали Локки на всем долгом пути до Плавучей Могилы. Уже начался рассвет, и на фоне встающего алого солнца четко вырисовывались темные силуэты хибар Пепелища. Деревяшки, казалось, плавали в море крови. Даже зажмурившись, Локки не мог избавиться от багровых пятен перед глазами.

Он попытался встряхнуться и прояснить свои мысли, однако сказывались усталость и нервное возбуждение. В какой-то момент Локки показалось, что он скользит в паре дюймов над землей, не дотягиваясь до нее ногами. На набережной снова стояла стража... охранники были и у дверей, и в зале, причем гораздо больше, чем раньше. Все они хранили скорбное выражение лица и молчали, пока Краснорукие вели Локки по плавучей крепости. Внутренняя дверь оказалась не заперта.

Капа Барсави стоял в центре зала для приемов, спиной к Локки – голова низко опущена, руки скрещены за спиной. Портьеры на окнах с восточного борта были отдернуты, и солнце тянуло свои красные пальцы к Барсави, к его сыно-

вьям, к большой деревянной бочке и непонятному длинному предмету на носилках.

– Отец, – подал голос Анжаис. – Ламора прибыл.

Капа Барсави обернулся с тяжелым вздохом, несколько секунд смотрел на Локки стеклянными чужими глазами, затем махнул левой рукой.

– Оставьте нас, – приказал он. – Выйдите все из комнаты. Анжаис и Пачеро поспешили прочь с потупленными взорами. За ними вышли и Краснорукие. Через минуту донесся стук захлопывающейся двери и лязг замков.

– Что происходит, ваша честь? – осторожно спросил Локки.

– Он убил ее. Этот сукин сын достал ее, Локки.

– Что-о?!!

– Он убил Наццу. Прошлой ночью. Тело нашли всего несколько часов назад.

Локки посмотрел на Барсави, онемев от ужаса, с открытым ртом.

– Но... Она же не покидала Плавучей Могилы, разве не так?

– Она все-таки вышла, – Барсави бессознательно сжимал и разжимал кулаки. – Не знаю, как ей удалось проскользнуть. Это случилось во втором или третьем часу пополуночи. Ее... ее принесли обратно в половине четвертого утра.

– Принесли обратно? Кто?

– Иди сюда. Смотри.

Венкарло Барсави откинул покрывало на носилках, и Локки увидел мертвую Наццу – с восковым лицом, закрытыми глазами и мокрыми волосами. Гладкость ее кожи нарушали две багровых царапины на шее. Слезы навернулись на глаза Локки, и он изо всех сил прикусил палец.

– Посмотри, что сделал этот подонок, – тихо сказал Барсави. – Она была живой памятью о матери. Моя единственная доченька. Лучше бы мне умереть, чем смотреть на такое, – старик расплакался. – Ее уже... отмыли...

– Отмыли? Что вы имеете в виду?

– Ее принесли обратно вот в *этом*, – капа кивнул на стоящую поодаль бочку.

– Что там?

– Загляни внутрь.

Локки сдвинул крышку – и тут же отшатнулся, прижимая обе руки ко рту. Его накрыла волна отвратительной вони.

Бочка была полна мочи. Лошадиной мочи, темной и мутной. Локки почувствовал, как желудок его завязывается тугим узлом.

– Ее не просто убили, Локки. Ее утопили... утопили в конском ссанье.

Теперь и Локки, не стыдясь, заплакал.

– Я не верю, – с трудом проговорил он. – Не верю. В этом нет никакого долбаного смысла.

Он опять подошел к носилкам и еще раз взглянул на шею Наццы. Жукровые следы на поверку оказались припухлостя-

ми. Поверх них шли прямые алые царапины. Локки смотрел на них, вспоминая собственные ощущения от когтей сокола. Рана на предплечье все еще болела.

– Возможно, ее и принесли в этой бочке, ваша честь, – наконец сказал он. – Но я почти уверен, что она умерла раньше.

– Не понял?

– Следы на ее шее... посмотрите на эти маленькие царапины, – Локки начал импровизировать, пытаясь сохранять нейтральное выражение лица и интонации. Как убедить его? – Я уже видел такое – несколько лет назад, в Талишеме. Там был труп мужчины, убитого скорпионьим соколом. Вы слышали о таких тварях?

– Да, – припомнил капа. – Противоестественный гибрид, плод выдумки картенских колдунов. Так это его следы на шее? Ты уверен?

– Уверен. Нащупал ранил скорпионий сокол, – подтвердил Локки. – Следы от когтей не успели загноиться. Наверное, она умерла почти мгновенно.

– А потом долбаный подонок... замариновал ее в этой бочке! – прошептал Барсави. – Для того, чтобы усилить оскорбление. Увеличить позор нашей семьи.

– Простите, капа, – проговорил Локки. – Я понимаю, что мои слова не сильно вас утешили.

– Нет-нет... если ты прав, значит, ей выпала куда более быстрая смерть, – Барсави снова накинул покрывало на голову дочери, напоследок ласково погладив ее по волосам. –

Буду благодарить Богов, если так оно и есть... больше я ничем не могу помочь моей маленькой девочке. Что же до серого ублюдка... ЕМУ такая легкая смерть не светит. Пусть даже не надеется!

– Но почему он так поступил? – Локки стоял, запустив обе руки в копну волос, и смотрел широко раскрытыми глазами. – Это же бессмысленно! Почему он убил Наццу, почему именно сейчас?

– Он сам тебе расскажет.

– Не понимаю...

Капа пошарил под камзолом и достал сложенный лист пергамента. Развернув его, Локки увидел ровные аккуратные строчки:

«Барсави, мы просим извинения за то, что пришлось прибегнуть к столь грубым средствам. Но это было необходимо, чтобы дать почувствовать нашу власть и тем самым обеспечить ваше содействие. Мы искренне желаем встретиться с вами – лицом к лицу и со всем надлежащим вежеством, дабы раз и навсегда урегулировать вопрос о разделе Каморра. Ждем вас в Гулкой Дыре в одиннадцатом часу вечера, в День Герцога, через три ночи от сего дня. Мы будем одни и не вооружены, хотявы, в свою очередь, можете привести с собой столько советчиков, сколь вам угодно, и вооружить их, как пожелаете. Мы лично обсудим положение дел и, если будет на то

милость добрейших Богов, возможно, избавим вас от дальнейшей необходимости терять ваших верных слуг или же плоть от плоти и кровь от крови вашей».

– Невероятно, – прошептал Локки. – Встретиться по доброй воле *после ТАКОГО?*

– Этот человек явно не из Каморра. За долгие годы я хорошо изучил каморрцев, сам стал одним из них. Теперь я больше принадлежу этому городу, чем многие коренные жители. А этот мерзавец? – Барсави яростно потряс головой. – Должно быть, он не понимает, какое оскорбление нанес мне и моим сыновьям с целью «привлечения внимания» и каким бесчестьем будет для нас вступить с ним в переговоры! Он зря потратил чернила на эту записку. А как тебе нравится его королевское «мы»? Какая самонадеянность!

– Ваша честь... А что, если он все понимает? Если отдает себе отчет в том, что натворил?

– Маловероятно, Локки, – грустно усмехнулся капа. – Иначе он просто не решился бы на такое.

– Мог и решиться – если планирует засаду в Гулкой Дыре. Не исключено, что он хочет выманить вас из Плавучей Могилы туда, где сможет погубить.

– Снова твоя хваленая осторожность! – невесело улыбнулся Барсави. – Честно говоря, я уже думал об этом, Локки. Но мне не верится... Полагаю, он искренне считает, что если достаточно запугает меня, то я по доброй воле уступлю ему

город. Так вот, я пойду на эту встречу. А что касается спутников... я возьму с собой своих сыновей, сестер Беранджиас и еще сотню самых свирепых и опытных бойцов. Ты и твой друг Жеан тоже пойдете со мной.

Сердце Локки забилося в груди, как пойманная птичка. Ему захотелось кричать от безысходности. *Что* ему ответить, во имя всех адских бездн?! «Прошу прощения, ваша честь, но я не смогу стоять рядом с вами в этот момент, поскольку я-то и буду Серым Королем»!?!

– Разумеется, – произнес он вслух. – Мы с Жеаном готовы ради вас на все. *Я... я* безумно благодарен за такую возможность.

– Вот и хорошо. Потому что я рассчитываю провести переговоры при помощи арбалетных болтов, ножей и кулаков. Если этот серый кусок дерьма считает, что может диктовать мне условия над телом моей единственной дочери, то его ждет большой сюрприз.

Локки стиснул зубы. Как там говорил Серый Король? «Я знаю, как выманить старого лиса из его сырой норы».

– Капа Барсави, – осторожно произнес Локки. – А вы учитываете то... то, что говорят люди про Серого Короля? Будто он убивает людей одним прикосновением и заговорен против клинков и стрел?

– Это все байки, которые рассказывают за стаканчиком вина. На самом деле он делает то же самое, что делал я в пору завоевания Каморра: старательно прячется и аккуратно

выбирает цели, – капа вздохнул. – Признаю, ему хорошо это удается. Возможно, так же хорошо, как и мне в свое время. Но тем не менее он не призрак.

– Существует и другое объяснение, – произнес Локки, нервно облизывая губы. Как много из того, что он сейчас скажет, дойдет до ушей Серого Короля? Слишком уж глубоко проник этот подонок в секреты Благородных Подонков... Ну и хрен с ним! – Возможно, здесь приложил руку контрамаг.

– Который помогает Серому Королю?

– Именно.

– Локки, он терроризирует мой город уже несколько месяцев. Да, твое предположение многое объясняет, однако подумай о цене. Даже я не смог бы так долго платить контрамагу.

– Но, с другой стороны, здесь замешан скорпионий сокол. А ведь эти чудовища не только созданы контрамагами – они им и служат. Насколько мне известно, никто, кроме контрамагов, не держит скорпионьих соколов. Да и как обычный... сокольничий мог бы натаскивать птицу, способную убить его случайным прикосновением жала? – Локки говорил как во сне, а в голове его крутилось лишь одно: «Вот дерьмо, какое же все это дерьмо!» – Кроме того, Серому Королю не обязательно пользоваться услугами контрамага все это время. Что, если он появился совсем недавно? Если его наняли лишь на несколько решающих дней? А слухи о своих необычных возможностях Серый Король мог пустить по городу и сам. Так

сказать, чтобы подготовить публику.

– Фантастическая версия, – покачал головой Барсави. – Но что-то в твоих словах есть.

– Тогда становится понятно, почему Серый Король обещал прийти на встречу один и без оружия. С контрмагом в качестве прикрытия он может позволить себе такую роскошь.

– Тем не менее я не изменю своего решения, – Барсави обхватил один кулак другим. – Если один дерьмовый контрмаг сумеет одолеть сотню ножей, меня самого, моих сыновей, Беранджиас, твоего друга Жеана с его топорами... что ж, значит, Серый Король действительно сильнее меня. Но лично мне так не кажется.

– Однако имейте в виду такую возможность, хорошо? – настаивал Локки.

– Ладно, – Барсави положил руку на плечо Локки. – А ты, мой мальчик, прости меня за то, что случилось с нашей Наццей.

– Мне нечего прощать вам, ваша честь, – склонил голову Локки. Он прекрасно знал, что если Барсави меняет тему, продолжать бесполезно. – В том нет вашей вины.

– Вы все оказались замешаны в мою войну. Ведь Серый Король охотится на меня, а вы лишь стоите рядом...

– Вы мой капа, и вы призвали меня на великое дело, – Локки облизал вновь пересохшие губы. – Я готов на все, чтобы помочь вам прирезать эту тварь.

– Вот и отлично. Значит, в День Герцога в девятом часу вечера мы начинаем здесь собираться. Анжаис заглянет в «Последнюю ошибку» за тобой с Танненом.

– Как насчет братьев Санца? Они хорошо управляются с ножами.

– А еще лучше с картами, так мне говорили. Я ничего не имею против них, Локки... но они фигляры. Трюкачи. А я собираю серьезных людей на серьезное дело.

– Как скажете, капа.

– Вот так-то, – Барсави достал из кармана шелковый платок и медленно вытер вспотевшие лоб и щеки. – А теперь оставь меня, пожалуйста, одного. Жду тебя завтра вечером в качестве жреца Благодетеля. Всех остальных жрецов я тоже созову. Мы обязаны устроить ей достойные похороны.

Локки против воли почувствовал себя польщенным. Капа и раньше знал, что все воспитанники Цеппа – посвященные Благодетеля, а сам Локки – настоящий жрец. Но никогда прежде он не приглашал его на официальные ритуалы.

– Конечно, – тихо ответил он.

Затем Локки вышел, оставив капу в залитой утренним светом зале, в самом сердце его крепости, наедине с телом дочери.

– Господа, на ближайшее время с эффектными представлениями покончено, – заговорил Локки, плотно прикрывая за собой дверь их номера на седьмом этаже «Последней ошибки». Он все еще тяжело дышал после долгого подъема. – Вся работа за пределами храма сворачивается до лучших времен.

Жеан сидел верхом на стуле лицом к двери; на коленях – любимые топорики, в руках – очередной корийский роман. Жук дремал на соломенном тюфяке в одной из тех нелепых поз, которые обеспечивают артрит всем, кроме самых молодых и глупых. Близнецы сидели у дальней стены, бесцельно перекидываясь картами. При появлении Локки они оторвались от своего занятия и выжидающе посмотрели на него.

– Мы избавились от одной проблемы, но тут же с головой увязли в другой, еще худшей, – продолжил Локки.

– Плохие новости? – вскинул голову Жеан.

– Хуже некуда, – Локки без сил свалился на стул и откинул голову, закрыв глаза. – Нацца мертва.

– Как?! – Кало и Гальдо вскочили на ноги. – Что случилось?!

– Случился Серый Король. А я-то, дурак, должен был догадаться, о каких «других делах» он говорил! Представьте

только, этот мерзавец отослал ее тело отцу в бочке с лошадиной мочой.

– О боги! – ахнул Жан. – Какой кошмар!

– Но даже это еще не все, – продолжал Локки. – Нам с тобой, Жан, велено сопровождать капю на запланированную тайную встречу, которая состоится в Гулкой Дыре. И, зная капю, вы можете вообразить эту встречу – его парни уже сегодня точат ножи с целью настричь Серого Короля на салат. Через пару дней от него останется лишь куча кровавых ошметков.

– Ты хочешь сказать, что она останется от тебя, – уточнил Гальдо.

– Благодарю за напоминание, но я и сам прекрасно помню, кому предстоит выступить в этой серой шкуре. Мне просто хочется обсудить с лучшими друзьями все разумные альтернативы. Как насчет того, чтобы повеситься на арбалетной тетиве? Или, может, кто-нибудь подскажет способ раздвоиться ко Дню Герцога?

– Безумная ситуация! – возмущенно воскликнул Жан, захлопывая книжку.

– Безумной она была прежде. А сейчас превратилась в чистейшую погибель.

– Но зачем Серому Королю понадобилось убивать Наццу?

– Чтобы привлечь внимание капю, – вздохнул Локки. – Может, он хотел запугать Барсави. Черта с два ему это удастся! Или же разозлить его до крайней степени – тут он, пожа-

луй, преуспел.

– Ну все. Теперь мира ждать не приходится, – Кало в волнении мерил шагами комнату. – Либо капа убьет Серого Короля, либо погибнет сам. Серый Король не может этого не понимать! Его выходка не то что не облегчила переговоры – она сделала их абсолютно невозможными, навсегда.

– А я вот думаю: может, Серый Король чего-то недоговаривает? – медленно проговорил Локки. – С какой стати ему раскрывать перед нами все свои планы?

– В таком случае да здравствуют Врата Висконте! – отрезал Гальдо. – Необходимые вещи и еду мы можем собрать за один вечер. Уложим свои денежки и смоемся. Черт побери, в нашем распоряжении сорок тысяч полновесных крон! Если с такими деньжищами мы не сумеем где-нибудь устроиться – значит, мы полные придурки, недостойные топтать землю. Мы даже можем купить себе аристократические титулы где-нибудь в Лашене. Например, сделаем малыша Жука графом, а сами станем его подданными.

– Или наоборот, – перебил брата Кало. – Все заделаемся аристократами, а Жук будет нашим подданным. Вот когда он побегает туда-сюда... Это, кстати, будет полезно для его морального воспитания.

– Увы, это невозможно, – охладил их пыл Локки. – Поймите, от Серого Короля не скроешься. Он нас из-под земли достанет. Точнее, не он сам, а его проклятый контрмаг. Нет, ребята, пока Сокольничий у него на службе, о бегстве мы

и мечтать не можем. Во всяком случае, в качестве главного сценария это не годится.

– А в качестве запасного выхода? – поинтересовался Жан.

– Это другое дело, – согласился Локки. – Мы можем действовать согласно своему первоначальному плану, но держать все наготове: уложить деньги, вещи и внимательно наблюдать за ситуацией. Если вдруг станет ясно, что бегство абсолютно необходимо, тогда я готов сам впрячься рядом с лошадьми и тащить нашу телегу, куда понадобится.

– Даже если так, Локки, ты все равно не можешь играть две роли сразу, – возразил Жан. – По-прежнему остается вопрос, какими обязательствами тебе пренебречь – перед капой или перед Серым Королем?

– Тут и думать нечего, – отрезал Локки. – Барсави мы еще можем как-то одурачить, а Серый Король держит нас на прицеле. Поэтому я однозначно выбираю его. Остается продумать, как отделаться от капы, чтобы не оказаться на дне залива.

– Это должна быть непробиваемая отговорка, – озабоченно заметил Жан.

– Может, не стоит рисковать? – вмешался Кало, указывая на брата. – Серого Короля мог бы сыграть один из нас. Тогда вы с Жаном отправитесь в Гулкую Дыру и будете стоять рядом с Барсави, как и велит ваш долг.

– Да, – согласился Гальдо. – Отличная идея.

– Не согласен, – вздохнул Локки. – Во-первых, я гораздо лучший актер... надеюсь, с этим все согласны? Во-вторых, у вас чересчур яркая внешность. Слишком рискованно. Но если роль Серого Короля буду исполнять я, про вас вообще никто не вспомнит, и вы сможете заниматься своими делами. Лично я предпочел бы, чтоб вы ждали в условленном месте с транспортом – на тот случай, если дела пойдут совсем плохо и придется рвать когти.

– А как насчет Жука?

– А Жук, – подал голос мальчишка, – несколько последних минут успешно притворяется спящим. Я знаю Гулкую Дыру как свои пять пальцев. Мне приходилось там прятаться еще в те времена, когда я болтался на Сумеречном холме. Поэтому я засяду там под полом, рядом с водопадом, и буду наблюдать за ходом событий – на случай непредвиденных неприятностей.

– Жук, – начал Локки. – Ты...

– Если будете возражать, лучше заприте меня дома в сундуке! Согласитесь, вам нужен кто-нибудь на подхвате, а Серый Король ничего не говорил по поводу друзей неподалеку. Вот я и окажусь неподалеку. Буду сидеть в засаде. И никто из вас не сделает этого лучше меня. Вы все чересчур большие и медленные, и неуклюжие, и...

– О боги, мои дни как гарристы сочтены! – воскликнул Локки. – Герцог Жук ставит условия, на которых он готов служить! Очень хорошо, ваша милость, я уже придумал

роль, которая позволит вам быть под рукой... Но ты будешь сидеть именно там, где я скажу. Ясно?

– Еще бы не ясно!

– Значит, договорились, – кивнул Локки. – Если никто больше не ощущает насущной потребности быть могучим и влиятельным или проявить чудеса самоотверженности, я бы с удовольствием поспал.

– И все же скверно получилось с Наццей, – вздохнул Гальдо. – Редкая сволочь!

– Не то слово, – согласился Локки. – Если уж на то пошло, я собираюсь потолковать с ним об этом прямо сегодня вечером. С ним или с его ручным колдуном... уж не знаю, кто из них пожелает прийти.

– Свеча, – догадался Жеан.

– Она самая. После того как мы покончим с делами, с приходом Лжесвета, вы можете подождать меня внизу, в «Последней ошибке». А я останусь здесь, зажгу свечу и буду ждать, когда он явится, – Локки усмехнулся. – Посмотрим, как этим ублюдкам понравится наша лестница.

3

День выдался теплым и ясным, а вечер – таким же свежим, как и все вечера в Каморре. Локки сидел в своей комнате

на седьмом этаже и сквозь сетку на открытых окнах наблюдал, как в пурпурном небе загораются призрачные отблески Лжесвета.

Свеча Сокольничего тлела на столе рядом с остатками легкого ужина и полупустой бутылкой. Выпитое вино приятно грело желудок Локки. Он развернулся лицом к двери и потрогал свежую повязку, которую наложил ему Жеан перед тем, как спуститься в «Последнюю ошибку».

– Лукавый Благодетель! – воскликнул Локки. – Если я умудрился чем-то тебя рассердить, не стоит так изощряться в выборе кары. Если же я не содеял ничего неподобающего, то от души надеюсь... что ты по-прежнему находишь меня забавным и привлекательным.

Он согнул-разогнул пальцы больной руки и встряхнул ею, затем снова потянулся к бутылке.

– Я поднимаю этот бокал за отсутствующего друга, – произнес он, наливая себе замечательной «Накоццы рецины» – темно-красного вина с виноградников дона Сальвары. Бутылка была преподнесена Лукасу Фервиту как ответный дар – в тот далекий день, когда он смотрел на Речные Игрища с яхты Лоренцо и Софии... Или не такой уж далекий? Сейчас Локки казалось, что с того момента минула целая жизнь.

– Мы тоскуем по Нацце Барсави, да будет ей хорошо на том свете. Она была честной гарристой и пыталась помочь своему пезону. Она заслужила лучшей участи. О, благодетель, карай меня самого, как хочешь... но позаботься о Нацц-

це! Сделай для нее, что сможешь. Услышь мольбу своего покорного служителя.

– Если хочешь проверить набожность человека, – раздался вдруг голос Сокольничего, – понаблюдай за ним во время одинокой трапезы.

Локки увидел, как захлопнулась входная дверь, но как она открывалась, он не заметил. Между прочим, он сам полчаса назад заложил ее засовом. Сегодня Сокольничий явился без птицы, но в том же сером камзоле с изысканно расходящимися от талии полами, алыми отворотами и серебряными пуговицами. Голову его покрывал серый бархатный берет, украшенный серебряной булавкой с единственным перышком, явно принадлежавшим Вестрис.

– Сам я никогда не славился ни набожностью, ни терпением, – продолжал контрмаг. – А также любовью к длинным лестницам.

– Мое сердце искренне сострадает твоим горестям, – отозвался Локки. – А где твоя пернатая приятельница?

– Летает неподалеку.

Локки внезапно подумал об открытых окнах, всего минуту назад казавшихся такими безобидными. Если Вестрис понастоящему разозлится, никакая сетка не помешает ей влететь.

– Я надеялся, что твой хозяин придет вместе с тобой.

– Мой *КЛИЕНТ*, – с нажимом произнес чародей, – занят другими делами. Я буду говорить от его имени, а затем пе-

редам ему твои слова. Разумеется, если ты скажешь что-то стоящее.

– Для него у меня всегда отыщется что-то стоящее, – усмехнулся Локки. – Например, определения типа «чертов маньяк» или «долбаный идиот». Твоему, хрен ему в душу, клиенту никогда не приходило в голову, что самый надежный способ убедить каморрца не вести с тобой никаких дел – это убить его родственника?

– О небеса, какое разочарование! – воскликнул Сокольников. – А Серый Король искренне верил, что Барсави воспримет убийство дочери как дружеский жест, – контрмаг вскинул брови. – Итак, я спросил, есть ли у тебя какое-то послание для моего заказчика. Или ты ограничишься вышеупомянутым откровением? Тогда я уйду.

– Очень смешно, ты, дешевая подстилка! Вчера ночью я согласился сыграть роль твоего хозяина... но вы, уроды хреновы, весьма осложнили мне задачу, прислав Барсави тело его дочери в бочке лошадиной мочи!

– Сожалею, – усмехнулся контрмаг. – Но это ничего не меняет – задание остается в силе. Равно как и аргументы, склонившие тебя к сотрудничеству.

– Барсави требует, чтобы я пошел с ним на эту встречу. И все благодаря вам! Не будь этого бессмысленного убийства, подобная идея вряд ли возникла бы у него в мозгу. Смерть бедной Наццы поставила меня в крайне затруднительное положение.

– На то ты и Бич Каморра, чтобы преодолевать подобные трудности, – издевательски оскалился Сокольничий. – В противном случае мы будем очень разочарованы. И помни: приглашение Барсави – не более чем просьба... мое же – непреложный приказ.

– Но твой клиент чего-то не договаривает!

– Ему виднее, что сообщать тебе, а что нет. Надеюсь, это понятно? – в правой руке Сокольничего появилась тонкая нить со странным серебряным отливом, и он начал лениво крутить ее между пальцами.

– Да отвернутся от вас все боги! – прошипел Локки. – Возможно, мне плевать на капу, но Нацца была моим другом. Я могу понять принуждение, но издевательство – нет. Ох, напрасно вы сделали с ней это, козлы вонючие!

Сокольничий выпрямил руку, и нить засияла, скрученная в «кошачью колыбельку». Легким поворотом пальцев колдун привел ее в движение, натягивая одни нити и ослабляя другие. Это выходило у него так же ловко, как упражнения Санца с монеткой.

– Не берусь выразить, до какой степени огорчает меня твой отказ от добровольного сотрудничества, – вкрадчиво произнес контрмаг. Затем с его языка резко сорвалось какое-то слово из одного-единственного слога, на неизвестном Локки языке. Само его звучание казалось неправильным, раздражающим. По комнате прокатилось эхо, будто странный слог прилетел издалека.

Ставни за спиной у Локки захлопнулись с громким стуком – словно невидимые руки накинули задвижки. Пальцы Сокольничего вновь растянули нить, по ней пробежало голубое пламя, и Локки ахнул – его колени неожиданно пронзила такая резкая боль, будто их пробили гвоздями.

– Уже второй раз ты слишком легкомысленно относишься к моим словам, – заговорил Сокольничий. – Мне это не кажется забавным. Поэтому я считаю необходимым подкрепить свои доводы силой. И чувствую, что время от времени внушение придется повторять.

Локки крепко стиснул зубы, непрощенные слезы выступили у него на глазах. Тем временем боль все усиливалась, пульсируя и распространяясь. Теперь он чувствовал себя так, будто внутри его суставов пылает холодный огонь. Локки покачнулся назад, одной рукой схватившись за колено, а другой беспомощно пытаясь зацепиться за стол. Вор в ужасе смотрел на своего мучителя. Он попытался заговорить, но обнаружил, что горло сковано спазмом.

– Запомни, Ламора: ты *собственность* Серого Короля, и ему плевать на твою дружбу с Наццей Барсави. Этой девушке сильно не повезло с отцом, вот и все.

Локки ощутил, как по всему его позвоночнику прошла судорога, которая понемногу распространилась на руки и ноги, пока наконец не встретилась с ледяной гложащей болью в коленях. Не имея сил вынести это неистовое слияние, он повалился на спину, задыхаясь и дрожа. Лицо его превратилось

в гротескную маску с разинутым ртом, руки скрючились, как клешни, тщетно пытаюсь ухватить воздух.

– Сейчас ты не более чем насекомое в пламени, – продолжал внушать Сокольничий. – А ведь я показал тебе лишь один из простейших приемов. Я мог бы добиться гораздо большего, если бы вышил твое имя на одежде или написал на пергаменте... Разумеется, имя Ламора не является твоим подлинным, данным при рождении. Это всего лишь слово, которое на древнетеринском означает «тень». Но если понадобится, я могу воспользоваться твоим первым именем... Думаю, его мне хватит.

Пальцы Сокольничего забегали, замелькали, сливаясь в неясное пятно. Они сплетали и вытягивали нити – и, подчиняясь ускоряющемуся ритму серебра, росла мука Локки. Его пятки со стуком колотили по полу, зубы беспомощно лязгали. Казалось, будто невидимый палач пронзает его берцовые кости холодными сосульками. Снова и снова он пытался набрать в грудь побольше воздуха, чтобы закричать, но легкие отказались повиноваться ему. Горло было забито занозами, мир затянулся черной пеленой с кровавой каймой по краю...

Освобождение от этого состояния стало для Локки настоящим шоком. Он валялся на земле, словно лишившись всех костей, чувствуя отзвук боли во всем теле. Жгучие слезы капились по его щекам.

– Ты не слишком-то умен, Локки, Умный человек не тратил бы понапрасну мое время. Он сразу понял бы все тонко-

сти положения, не требуя повторов.

Снова вспышка серебра, которую Локки разглядел краем глаза, – и новая волна боли ворвалась ему в грудь, словно цветок огня вспыхнул вокруг сердца. Он явственно ощущал это пламя в самой своей сути. Казалось, что он вот-вот почувствует запах горячей плоти, почувствует, как воздух нагревается в его легких и раскаляет их, как печь. Локки застонал, начал извиваться, запрокинул голову и наконец закричал.

– Ты нужен нам живым, но покорным и благодарным за мою милость, – снова заговорил Сокольников. – А вот твои друзья – совсем другое дело. Хочешь увидеть, как я сделаю то же самое с Жуком? Или с одним из близнецов Санца?

– Нет... Пожалуйста, нет! – выкрикнул Локки в агонии, прижимая руки к левой половине груди. В безумии он начал рвать на себе рубашку. – Только не это!

– Почему же? Они абсолютно бесполезны для моего клиента, следовательно, подлежат уничтожению.

Жгучая боль исчезла, и Локки опять поразился, как внезапно это произошло. Тяжело дыша, он лежал, свернувшись клубком и не веря, что такой яростный жар исчез столь мгновенно.

– Еще одно язвительное словцо, еще одно легкомысленное замечание... вообще что-то, кроме полнейшего самоотречения, – и твои друзья заплатят за твою гордость, – предупредил контрмаг. Он поднял со стола бокал рецины и отпил

немного, Затем начал медленно лить остальное на лицо Локки, пока тот не задергался от жгучей жидкости, попавшей в глаза. – Надеюсь, мы хорошо поняли друг друга?

– Да, поняли, – еле смог выдохнуть Локки. – Пожалуйста, не вредите им. Я сделаю все, что должен.

– Конечно, сделаешь. А теперь... я принес тебе костюм для встречи в Гулкой Дыре. Найдешь его за дверью. Он на редкость театрален. Говорить тебе, как играть Серого Короля, я пока не буду. Просто приходи ночью к Гулкой Дыре, в половине одиннадцатого. Я проведу тебя внутрь и буду диктовать нужные слова.

– Барсави убьет меня, – прохрипел Локки.

– Похоже, ты снова не понял, приятель. Я ведь могу продолжить твои мучения. Пытать до тех пор, пока ты не сойдешь с ума от боли. Или ты в этом сомневаешься?

– Нет...

– Тогда тебе придется поверить и в то, что я могу защитить тебя от любой глупости со стороны Барсави.

– Но каким образом вы будете мне диктовать?

«Мне не требуется говорить вслух, чтобы отдавать приказы, – эхом прогремел голос контрмага в голове Локки. – Я организую все, что необходимо для встречи с Барсави. Когда настанет время сделать ему предложение или, наоборот, принять его предложение, ты об этом узнаешь. Понятно?»

– Да, да. Конечно, понятно... Спасибо.

– Ты должен быть благодарен за то, что мы с моим кли-

ентом делаем для тебя. Многие годами ждут случая поквитаться с Барсави, мы же преподносим тебе эту возможность на блюде. Разве это не щедрость?

– Да... вы правы.

– Отлично. Теперь я покидаю тебя. Советую поскорее придумать отговорку для Барсави и полностью сосредоточиться на том, чего ждем от тебя *МЫ*. В критический момент твое внимание не должно раздваиваться – это может сильно повредить тебе.

4

В «Последней ошибке» оказалось на редкость мало народу. Тихие, невнятные разговоры... холодные напряженные взгляды... многие из завсегдатаев попросту отсутствуют. Те же, что собрались в таверне, и мужчины, и женщины, были одеты явно не по погоде – в широких куртках, плащах и кафтанах. Жарковато, зато есть где спрятать оружие.

– Что у тебя случилось, черт побери? – Жеан помог Локки усесться за маленький уединенный столик в боковой нише таверны, откуда *был* хорошо виден вход. Локки тяжело опустился на стул: тело еще хранило воспоминание о перенесенной пытке.

– Видишь ли, мы с Сокольничим разошлись во мнениях,

и я не смог его переубедить... невзирая на все свое природное обаяние, – Локки прикоснулся к разорванному вороту рубашки и вздохнул. – Ладно, давай начнем с пива, а проблемы отложим на потом.

Жеан придвинул ему глиняную кружку с теплым каморрским пивом, и Локки в два глотка осушил ее.

– Ладно, – сказал он, утерев рот. – Я все равно не жалею о том, что наговорил ему. Полагаю, контрмагов не так уж часто оскорбляют.

– И чего ты добился?

– Ни-че-гошеньки, – Локки одним махом допил остатки пива и, перевернув кружку, хлопнул ею об стол. – Ни единой проклятой уступки. Только кучи дерьма с болью пополам. Впрочем, в некотором смысле это оказалось весьма познавательным.

– Вот сволочь! – Жеан сжал кулаки. – Мне бы только добраться до него – я тоже найду, чем заняться, не доводя дело до смертоубийства. Очень надеюсь, что когда-нибудь это произойдет!

– Прибереги свой гнев для Серого Короля, – прошептал Локки. – Я думаю, главное для нас – пережить ночь после Дня Герцога. А затем... он же не сможет вечно сотрудничать с контрмагом. И как только эта гадина удалится...

– Мы побеседуем с Серым Королем по-своему.

– Точно. На данный момент нам приходится подчиняться, пока мы не разобрались с нашими деньгами. Но потом...

Что бы ни замыслил этот подонок, рано или поздно настанет момент, когда он не сможет больше платить своему магу. И тогда мы докажем, что нами нельзя играть, как мячиками! Даже если нам придется гнаться за ним через все Стальное море, вокруг мыса Нессек и до самого Балинеля в Медном море.

– Верно, Локки! А какие планы у тебя на сегодняшний вечер?

– Сегодня? – усмехнулся Локки. – По совету Кало я отправлюсь в «Гильдию Лилий» и постараюсь выкинуть из головы все, включая мозги. А утром веселые девицы поставят мне их на место за дополнительную плату. Так и быть, я приплачу за это.

– Я не ослышался? Ты уже четыре года...

– Жеан, я выжат досуха, мне нужна передышка. А *ОНА* – за тысячу миль отсюда... Черт побери, в конце концов, я всего лишь человек и имею право! Короче, не жди меня сегодня.

– Пожалуй, я пройду с тобой, – насторожился Жеан. – В такую ночь не очень-то разумно бродить одному. Сейчас, после того, как новость о Нацце разошлась по городу, все стоят на ушах.

– Не очень разумно? – рассмеялся Локки. – Послушай, сегодня в Каморре нет человека, который находился бы в большей безопасности, чем я. Мы абсолютно точно знаем, что этим вечером никто не собирается меня убивать. Марионет-

ка еще не отработала свой номер.

5

– Ничего не выходит, – в отчаянии произнес он через час с небольшим. – Извини... Это не твоя вина.

Комната утопала в приятной полутьме. Под потолком мягко работал деревянный веер с механическим приводом – шух-шух, шух-шух... Это было одно из нововведений здешних хозяек. Ради удобства клиентов они обзавелись многими приспособлениями, которые приводились в действие энергией водяных мельниц. День и ночь вращались мельничные колеса, соединенные хитроумной системой ремней и цепей с механизмами Дома Гильдии Лилий – нарядного здания на самом севере Западни.

Утомленный неудачей, Локки лежал на широкой кровати под роскошным пологом. Мягкая перина, шелковые простыни... В приглушенном красноватом свете алхимической лампы Локки рассматривал свою партнершу. Он искренне восхищался ее юным телом и нежными руками, которые сейчас поглаживали его бедра. От девушки пахло яблочным глинтвейном, корицей и мускусом. И все-таки Локки не испытывал никакого возбуждения.

– Довольно, Фелис, не продолжай, – вздохнул он. – Эта

затея с самого начала была обречена на провал.

– Ты так напряжен, – прошептала девушка. – Что-то связывает тебя по рукам и ногам. Конечно, так ничего не выйдет. Позволь мне испробовать кое-что еще. В конце концов – я мастер своего дела!

– Право, не знаю, что еще можно тут сделать.

– Дай подумаю, – в голосе проститутки проскользнула легкая обида, но лицо в красноватом полумраке сохраняло безмятежность. – Знаешь, существуют особые алхимические вина с афродизиаками из Тал-Верарра. Стоят они недешево, но себя оправдывают, – теперь ее руки ласкали живот Локки, нежно перебирая узкую полоску волос. – Они творят прямо-таки чудеса.

– Мне не нужно никакого вина, – холодно бросил Локки, отбрасывая ее руку. – О боги, я вообще не знаю, что мне нужно...

– Тогда как ты посмотришь на такое предложение?

Одним уверенным движением – оказывается, под нежной кожей таились весьма сильные мышцы – девушка перевернула Локки на живот и принялась разминать ему затекшую шею и спину, чередуя легкие поглаживания с жестким нажимом.

– Предложение... о-ох!.. принимается.

– Слушай, радость моя, – произнесла Фелис уже обычным голосом. Куда только подевались ее заученные интонации «все-что-пожелает-господин»! – Надеюсь, для тебя не

секрет, что перед каждым свиданием мы обсуждаем особые пожелания клиента?

– Да, я слышал об этом.

– Так вот, я знаю, что ты специально попросил рыжеволосую девушку.

– Что... ох, понижее, пожалуйста! И что из того?..

– Среди Лилий таких всего две, – пожалала плечами Фелис. – Нас часто спрашивают. Но дело в том, что если иные мужчины хотят просто рыжую, то некоторые мечтают о вполне определенной рыжей девушке.

– И что?

– Те, которым нужна любая рыжая, приятно проводят время и уходят. Но ты... Тебе нужна единственная рыжая девушка. И это не я.

– Прости, Фелис... Я же сказал, что ты не виновата.

– Знаю. Это очень мило с твоей стороны.

– Я все равно с радостью заплачу.

– И правильно, – рассмеялась девица. – В противном случае тебе пришлось бы объясняться с толпой вооруженных громил. Так что дело не только в моих оскорбленных чувствах.

– Знаешь, такой ты нравишься мне куда больше, – улыбнулся Локки. – Без всего этого дерьма – «как-мне-угодить-вам-господин».

– Многих устраивают стандартные шлюхи. А есть такие, которым приходится постоянно делать комплименты, –

девушка заканчивала массировать шею Локки, постукивая ребром ладони. – Наша профессия предполагает наблюдательность. Что же до тебя... по-моему, ты давно чахнешь по некой особе. И только сейчас это осознал.

– Прости.

– Передо мной-то зачем извиняться? Конечно, ничего приятного, если твоя возлюбленная сбежала за тысячу миль.

– О боги! – простонал Локки. – Интересно, есть ли в Каморре хоть один человек, который не слышал об этом? Найдите мне такого, и я подарю ему сотню крон, клянусь!

– Мне рассказал об этом один из Санца.

– Один... и который же?

– Не берусь сказать точно. В темноте их так сложно различить!

– Я вырву их грязные языки, – раздраженно бросил Локки.

– Ш-ш, не стоит этого делать, – девушка ласково взъерошила ему волосы. – Они еще пригодятся нашим девочкам.

– Хм-м...

– Бедный славный дурачок! – мягко рассмеялась Фелис. – Видно же, что тебе совсем не по себе. Что тут скажешь, Локки? Ты попался... и не в мой капкан.

Интерлюдия. Юный талант

1

Как-то летним вечером отец Цепп пригласил Локки и Желана посидеть после ужина на крыше. Священник, как всегда, покурил джеремитский табачок и наблюдал, как солнце опускается за горизонт, а на смену ему разгорается Лже-свет.

В тот вечер учитель решил обсудить с мальчиками весьма щекотливую тему – необходимость резать глотки.

– В прошлом году подобный же разговор состоялся у меня с близнецами и Сабетой, – сообщил он. – Хочу, чтоб вы знали, мальчики: я очень много в вас вкладываю – и времени, и средств.

Он попытался выпустить колечко дыма, но вместо этого в воздухе поплыли размытые полумесяцы. Отец Цепп досадливо крякнул и продолжал:

– Вы для меня – огромная ценность. Возможно, труд всей моей жизни. Я не допускаю даже мысли о том, чтобы потерять свои творения, в которые вложено так много сил. Поэтому мне очень важно выработать у вас правильное отношение к дракам. У вас, как и у всех в этой жизни, будут вра-

ги, более или менее опасные. Но я хочу, чтобы вы научились выживать в любой ситуации. Иногда для этого требуется ответить ударом на удар, а иногда – удирать со всех ног, словно вам подпалили задницу. И очень важно решить, что именно делать в текущий момент. Собственно, для этого мы и собрались – поговорить о ваших наклонностях и о способности сделать правильный выбор.

Цепп бросил на Локки пристальный взгляд и сделал очередную затяжку – долгую, словно последний вдох ныряльщика перед погружением в холодную воду.

– Ни для кого не секрет, Локки, что ты обладаешь множеством талантов. Во многих отношениях ты просто гений... но отнюдь не во всех. Давай говорить прямо: если тебе придется встретиться в открытом бою с настоящим сильным врагом, от тебя не останется ничего, кроме лужи крови и мокрых штанов. Мне известно, что ты способен на убийство... клянусь богами, это правда. Но в честном бою, лицом к лицу, ты полный ноль. И сам это знаешь, не так ли?

Локки молчал, но это молчание было красноречивее любых слов. Залившись краской, он уставился себе под ноги, словно его башмаки превратились в интереснейший объект для изучения.

– Ах, Локки, Локки! Да будет тебе известно: не всем дано быть бешеными псами, рвущими врага на части. И нечего расстраиваться. Выше нос, парень, а то губы у тебя трясутся, как груди у старой шлюхи. Ты, конечно же, познакомишься

и со стилетами, и с удавкой, и с прочим оружием – но всегда будешь пользоваться им исподтишка. Твой стиль – это удар в спину, сбоку, сверху, в темноте, – для наглядности Цепп изобразил, будто нападает на врага: обвив левой рукой воображаемое горло, правой он ткнул куда-то в область почек. – Тебе придется обучиться всем подлым уловкам, Локки, ибо только так ты сможешь уцелеть и не превратиться в кучу кровавого дерьма.

Цепп картинно смахнул «кровь» со своей тлеющей сигары, изображавшей в этом спектакле кинжал, и снова глубоко затянулся.

– Вот так, мой мальчик. Вколоти это себе в башку и никогда не забывай, особенно выходя из дому. Приходится сжигаться со своими недостатками. Как гласит старая воровская поговорка, лги всем, да сам знай правду, – священник с наслаждением выпустил из ноздрей две струйки дыма. – И хватит прикидываться, будто у тебя на башмаках нарисованы голые бабы, ладно?

Это замечание вызвало у Локки слабую усмешку. Тем не менее он поднял голову и кивнул.

– Теперь перейдем к тебе, – Цепп повернулся к Жеану. – Мы все знаем, что ты, когда сорвешься с цепи, неуправляем, и тебе ничего не стоит размазать чужие мозги по мостовой. Итак, что мы имеем? У нас уже есть настоящий дьявольский гений в лице Локки, неподражаемого обманщика и афериста. Кало и Гальдо – просто серебряные мальчики во всем, за

что берутся... но, увы, не золотые. Сабета – прирожденная соблазнительница, можно сказать, королева оболъщения. А вот кого в команде благородных Подонков не хватает, так это простого честного вояки. И мне кажется, это место мог бы занять ты – надежный и стойкий боец, преданный своим друзьям. Мы сделаем из тебя настоящего бойцового пса, способного управляться с любым оружием. Как ты думаешь, подойдет тебе такая роль?

Теперь настала очередь Жеана рассматривать носки своих башмаков.

– Ну... можно попробовать, если вы считаете, что я справлюсь.

– Жеан, я видел тебя в ярости.

– А я испытал эту ярость на собственной шкуре! – ухмыльнулся Локки.

– Доверься моему опыту, Жеан, ведь я вчетверо старше тебя. Я наблюдал за тобой и убедился: ты не имеешь привычки кипеть внутри и разбрасываться пустыми угрозами. Ты молча идешь и делаешь свое дело. Такие люди, как ты, словно нарочно созданы для сложных ситуаций, – священник снова затянулся и стряхнул пепел себе под ноги. – Мне кажется, у тебя особый дар вышибать мозги из дурных голов. Само по себе это не хорошо и не плохо, но мы можем использовать твой талант.

Жеан еще нерешительно молчал, но старик и Локки уже подметили искорку в его глазах. Буквально в две секунды

эта искорка окрепла и превратилась в твердую уверенность. Из вежливости Цепп дождался кивка, хотя он стал простой формальностью.

– Отлично! Я так и думал, что тебе понравится эта идея, поэтому взял на себя смелость договориться заранее, – Цепп достал из кармана черный кожаный футляр и вручил его Жану. – Завтра в половине первого тебя ждут в Обители Хрустальных Роз.

Услышав это название, оба мальчика расширили глаза от удивления. Обитель Хрустальных Роз была элитной школой боевых искусств, самой известной в Каморре. С замиранием сердца Жан раскрыл футляр. Внутри него лежал плоский знак – стилизованная роза из матового стекла, впечатанная прямо в кожу. Роскошный, неслыханный подарок! Владелец этого знака мог спокойно перейти на северный берег Анжевены и без препятствий миновать пропускной пункт у подножия холмов Альсегранте. Все знали, что он находится под защитой дона Томсы Маранцаллы, хозяина Обители Хрустальных Роз.

– Эта роза – твой пропуск за реку, в мир высокопоставленной знати. Сразу хочу тебя предупредить: не вздумай валять там дурака! Делай, что тебе велят, иди прямо к школе и сразу после занятий возвращайся домой. С этого момента ты ученик дона Маранцаллы и будешь посещать его четыре раза в неделю. И ради всего святого, приведи в порядок тот ком шерсти, который носишь на голове вместо прически! Если

понадобится, с помощью топора и факела.

Цепп сделал последнюю затяжку, щелчком отправил окурок через балюстраду и выпустил клуб дыма. На фоне ночного неба расплылось призрачное, но вполне различимое кольцо. Наконец-то!

– Хрен мне в душу, вот оно, знамение! – Цепп потянулся за уплывающим колечком, словно пытаюсь схватить и рассмотреть его. – Боги обратили на нас свои взоры! Знать бы еще, чему они радуются – нашему грядущему успеху или твоей будущей гибели, Жеан Таннен... Но в любом случае последовать воле богов не вредно – внакладе не останешься, – священник решительно хлопнул в ладоши. – Что вы расселись, мальчики? Разве у вас нет работы?

2

В сердце Обители Хрустальных Роз раскинулся жаждущий сад.

Это место являлось апофеозом Каморра – таинственное творение Древних, опасное сокровище, забытая игрушка неведомых шутников. Древнее стекло, тут и там блестящее меж камней постройки, служило прямым посрамлением всего человеческого искусства – точно так же, как Пять башен и дюжина других реликтов, разбросанных по всему Камор-

ру. Много веков назад люди без особых на то прав захватили памятники чужого величия и славы, вроде бы обжились и привыкли к этим диковинным монументам – но все же с опасливым удивлением продолжали гадать об их назначении. Обитель Хрустальных Роз считалась наиболее величественным и опасным местом на склонах Альсегранте. Тот факт, что оно принадлежало дону Маранцалле, служил доказательством величайшего уважения и благоволения со стороны герцога.

На следующий день незадолго до полудня Жеан Таннен уже стоял перед воротами башни дона Маранцаллы. Внешне она представляла собой пятиэтажную громаду – круглую в плане постройку из серого камня и серебристого стекла. Рядом с ней раскиданные по склону холма виллы аристократов казались кукольными домиками, жалкими архитектурными макетами. Волны ослепительного жара обрушивались на башню с безоблачного неба, воздух был насыщен слегка перекисшими испарениями, тянущимися с поверхности разомлевшей на солнце реки. Рядом с тяжелыми дубовыми воротами в каменной стене обнаружилось смотровое окошко из матового стекла. За ним двигались смутные силуэты, из чего Жеан сделал вывод, что его появление не прошло незамеченным.

Он вынужден был перейти Анжевену по «кошачьему мостику», и пока преодолевал эти шестьсот футов скользкой поверхности, отчаянно цеплялся потными руками за страхо-

вочные веревки. Южный берег Зантары, второго по величине из Альсегрантских островов, не мог похвастаться настоящими мостами. Аристократы пользовались услугами лодочников, платя за них по медяку, народу победнее приходилось переправляться по «кошачьим мостикам». Для Жеана это был первый опыт, и он с ужасом смотрел на бывалых ловкачей, пренебрегающих веревочными перилами. Вновь оказавшись на каменной мостовой, он вздохнул с огромным облегчением.

Вопреки ожиданиям, проблем со стражниками не возникло. Потные «желтые куртки», дежурившие на входе в Зантару, без возражений пропустили мальчика и в двух словах объяснили, как пройти к башне. Жеан насторожился, заметив странные усмешки на лицах солдат. Что в них было – страх или жалость?

– Ждем тебя назад, парень! – крикнул один из стражников вдогонку Жеану.

Значит, и страх, и жалость сразу. Мальчик задумался, не рано ли обрадовался своей удаче.

Противовесы в механизме ворот заработали со скрипом и треском, между створками образовалась черная щель. Еще мгновение спустя они окончательно разъехались под совместными усилиями двух мужчин в кроваво-красных куртках и широких шелковых поясах. Жеан успел заметить, что каждая створка вырезана из цельного дерева в полфута толщиной и дополнительно укреплена железом. Мальчика тут

же окатила волна различных запахов – замшелых камней, застарелого пота, жареного мяса и корицы. Это была атмосфера долгой жизни за каменными стенами с ее сытостью и безопасностью.

– Проходи, тебя ждут, – нетерпеливо махнул рукой один из мужчин, когда Жеан предъявил свой пропуск. – Будь гостем дона Маранцаллы и чувствуй себя как дома.

Вдоль левой стены богато убранного зала тянулась кованая винтовая лесенка. Жеан в сопровождении привратника начал подниматься по узким ступеням, тщетно борясь с одышкой и потливостью. Входные двери с грохотом захлопнулись за его спиной.

Они миновали три этажа; каменные полы устлали толстые красные ковры, стены украшали бесконечные драпировки, в которых Жеан узнал боевые стяги. Дон Маранцалла был личным герцогским мастером клинка и капитаном «черных курток» на протяжении четверти века. Эти окровавленные обрывки ткани стали последними свидетельствами легендарных битв, в которых Никованте и Маранцалла сражались плечом к плечу. Войны Стального моря, восстание Бешеного Графа, Тысячедневная война с Тал-Верарром...

Наконец винтовая лестница привела их в маленькую полутемную комнатку чуть больше чулана, освещенную мягким красным светом бумажного фонаря. Провожатый взялся за медную ручку, но прежде, чем открыть дверь, повернулся к Жеану.

– Тыходишь в Сад-без-Ароматов, – сказал он. – Шагай осторожно и ни к чему не прикасайся, если дорожишь жизнью.

Лишь после этого он распахнул дверь на крышу. Глазам Жеана предстало столь яркое и необычное зрелище, что мальчик невольно отшатнулся.

В ширину Обитель Хрустальных Роз была вдвое больше, чем в высоту – диаметр крыши равнялся по меньшей мере ста футам. На одно страшное мгновение Жеану показалось, будто он стоит перед пылающим алхимическим очагом. Все, что прежде доводилось слышать мальчику, не смогло подготовить его к лицезрению этого места под ярким летним солнцем. Казалось, будто расплавленные бриллианты сочатся по тысячам нежных вен и дробятся на миллионы граней. Перед ним раскинулся огромный розарий; рядами вставляли идеально выточенные лепестки, стебли и шипы – неподвижные, лишённые гибкости, оживлённые лишь отражённым огнём. Недаром этот сад называли Садам-без-Ароматов. Все растения здесь были выточены из Древнего стекла – сотни тысяч цветов, каждый из которых являл собой абсолютное совершенство. У потрясенного Жеана закружилась голова, он шагнул вперед с раскинутыми руками, заставил себя закрыть глаза, чтобы не видеть этого великолепия, но и тогда темноту перед его глазами расцвели отблески ожившего света.

– Я понимаю, поначалу это зрелище ошеломляет, – слуга

дона Маранцаллы мягко, но уверенно взял мальчика за плечо. – Подожди несколько мгновений, твои глаза привыкнут. Но, во имя всех Богов, будь осторожен! И помни: ни к чему нельзя прикасаться!

Действительно, через несколько секунд первый шок прошел, и Жеан смог более внимательно разглядеть это искрящееся и переливающееся зрелище. Прозрачные розы стояли рядами, самый ближний из них начинался в двух шагах от мальчика. Глядя на эти безукоризненные изваяния, Жеан вспомнил легенду, что якобы всемогущие Древние в один миг заморозили все великолепие летнего дня – каждый лепесток, каждую былинку. Однако безмятежное совершенство Сада-без-Ароматов нарушалось хаотически разбросанными яркими пятнами. То здесь, то там на стеклянных цветах – прямо внутри них – виднелись какие-то полупрозрачные буро-красные пятна, словно замерзшие облака ржавого дыма.

Этот дым был человеческой кровью.

Каждый лепесток, каждый шип и листок имели острейшие грани, которые резали лучше самых наточенных клинков. Одно неосторожное прикосновение – и человеческая плоть рвалась, как бумага, а стеклянная роза окрашивалась пролитой кровью. Если верить слухам, экспонаты Сада-без-Ароматов имели необычное свойство втягивать кровь внутрь своих стеклянных стеблей, обретая при этом краски. Наверное, если бы саду пожертвовали достаточно жизней, то каждый цветок окрасился бы в глубокий алый

цвет. Кое-кто утверждал, что розы просто пьют кровь, текущую из раны. Но другие с ними спорили и доказывали, что сад *ВЫСАСЫВАЕТ* кровь из своей жертвы и способен осушить человека до дна, воспользовавшись самой мелкой царапиной.

Так или иначе, но, гуляя по этому саду, требовалось соблюдать предельную осторожность и сосредоточенность. Большинство дорожек было всего в два-три шага шириной. Отвлекись на миг – и заплатишься жизнью. Тот факт, что дон Маранцалла выбрал Сад-без-Ароматов в качестве идеального места для обучения молодежи боевым искусствам, многое говорил об этом человеке. Впервые в жизни Жеан проникся почтительным ужасом перед загадочным народом, который жил здесь многие века назад и создавал подобные вещи. Сколько еще таинственных и опасных подарков оставили они людям? И почему, по какой неведомой причине они покинули Каморр? Об этом Жеан боялся даже задумываться.

Привратник отпустил плечо мальчика и шагнул обратно в темный чулан над лестницей. Оглянувшись, Жеан увидел, что комнатка выступает из стены, словно лачуга садовника.

– Дон Маранцалла ждет тебя в центре сада, – напоследок сказал слуга.

Дверь захлопнулась, и Жеан остался в одиночестве. Он стоял под палящим солнцем и разглядывал стеклянные цветы, алчущие его крови.

Вскоре мальчик обнаружил, что он на крыше не один: в глубине стеклянного сада раздавался шум. До Жеана донеслись напряженные вскрики, скрежет стали, краткие властные команды. Еще совсем недавно он мог бы поклясться, что путешествие по «кошачьему мостику» стало самым страшным переживанием в его жизни. Но теперь, стоя перед Садам-без-Ароматов, мальчик осознал, что с радостью готов перенестись обратно в самую узкую точку моста на высоте пятидесяти футов над Анжевенной и сплясать там с закрытыми глазами.

Он бросил взгляд на пропуск, зажатый в правой руке. Этот кожаный футляр напомнил ему, что отец Цепп верит в него. По мнению священника, он способен преодолеть все ловушки Сада-без-Ароматов. Розы, невзирая на свой хищный блеск, были всего-навсего неодушевленными предметами, они не умели мыслить. Неужели Жеан с ними не справится? И сможет ли он претендовать на звание истинного бойца и убийцы, если побоится пройти через сад? Стыд погнал мальчика вперед, и он осторожно сделал первый шаг. Затаив дыхание, выверяя каждое движение, он начал свой путь по извилистым тропинкам. Пот ручьями катился по лицу, разъедал ему глаза, но подросток не сдавался.

– Я справлюсь... Я Благородный Подонок, – упрямо шептал он.

Эти тридцать шагов, пройденные меж рядов холодных, застывших во враждебном ожидании роз, стали самыми длин-

ными в его столь недолгой жизни.

Жеан не позволил им прикоснуться к себе.

В центре сада располагалась круглая площадка тридцати футов в диаметре. Там шел бой: двое мальчиков примерно одних лет с Жеаном двигались по кругу с рапирами в руках. Они настороженно следили друг за другом и время от времени делали молниеносные выпады в сторону врага. Зрители – с полдюжины разгоряченных мальчишек – увлеченно наблюдали за поединком. Рядом с ними стоял высокий пожилой мужчина в изящном дублете все того же ярко-алого цвета. У него были длинные, до плеч, волосы и седые вислые усы. Бронзовое задубелое лицо выдавало в незнакомце бывалого воина, хорошо знакомого с превратностями походной жизни. О том же говорили потрепанные солдатские кожаные бриджи, совсем не сочетававшиеся с его богатым дублетом, и старые походные башмаки.

На площадке не было мальчишки, который не испытывал неловкости за такой невзрачный наряд своего наставника. Сами-то они были одеты, как подобает сыновьям знати – в нарядные камзолы и ладно скроенные бриджи, шелковые рубашки и изящные начищенные сапожки. Все мальчишки были облачены в превосходные кожаные доспехи, руки защищены специальными наручами, чтобы отражать удары учебных клинков. Рядом с ними Жеан почувствовал себя голым, и только страх перед смертоносными стеклянными розами помешал ему юркнуть обратно в укрытие.

При виде новичка, неожиданно вышедшего из хрустальных зарослей, один из поединщиков на долю секунды отвлекся. Его противник не замедлил воспользоваться открывшейся возможностью – рапира метнулась вперед и, пройдя сквозь шнуровку наруча, рассекла неудачнику мышцы предплечья. Тот взвыл, вызвав презрительные взгляды товарищей, и выронил оружие.

– Господин Маранцалла, – почтительно заговорил один из учеников. Голос у него был более масляный, чем хорошо смазанный клинок на полке склада. – Так нечестно! Лоренцо отвлекся на мальчишку, который вышел из сада.

Теперь все юные аристократы повернулись к Жеану с откровенным отвращением во взорах. Еще бы – к ним на площадку заявился мешковатый неуклюжий простолюдин без всяких доспехов и оружия! Только мальчик с расплывающимся по рукаву пятном крови не обратил на него внимания – он был слишком занят собственными проблемами.

– С твоей стороны, Лоренцо, было непростительной глупостью отводить взгляд от противника, – откашлявшись, произнес дон Маранцалла глубоким и низким голосом. Казалось, эта ситуация весьма забавляет его. – В некотором смысле ты получил по заслугам. Но, с другой стороны, истинно благородный человек не должен использовать в своих целях затруднительное положение соперника – это недостойно. Надеюсь, в следующий раз вы оба не ударите лицом в грязь.

Не оборачиваясь, он махнул рукой в сторону Жеана.

– А ты, мальчик, потрудись обождать в саду, – в его голосе не осталось и следа от былой теплоты. Теперь дон Маранцалла говорил строго и неприязненно. – И не показывайся, пока эти юные господа не закончат.

Щеки Жеана вспыхнули так, что могли бы поспорить краской с закатным солнцем. Сгорая от стыда, он бросился обратно. Прошло несколько секунд, прежде чем мальчик с ужасом осознал, что оказался в самой гуще стеклянного лабиринта. Сделав еще пару шагов, он остановился в нескольких поворотах от центра сада и застыл, дрожа всем телом и презирая себя за это. С Жеана текли целые реки пота, на глаза навернулись непрошенные слезы.

К счастью, ждать пришлось недолго: вскоре лязг стали утих, и дон Маранцалла отпустил учеников. Они гуськом шли мимо Жеана – разгоряченные, в расстегнутых камзолах – и, казалось, нимало не заботились о губительном соседстве с прозрачными цветами. Никто из них не вымолвил ни слова – судя по всему, в доме дон Маранцаллы не позволялось открыто травить плебеев. Жеан молча проводил их взглядом. Он видел, что все они, такие ловкие и нарядные, запыхались и пропотели ничуть не меньше него. Но это послужило ему слабым утешением.

Когда все сыновья знати покинули сад и спустились по лестнице, раздался голос учителя:

– Эй, мальчик, теперь можешь подойти.

Жеан попытался по возможности принять достойный вид. Он расправил плечи, втянул живот и направился на площадку. Дон Маранцалла стоял спиной к нему, держа в руках небольшую учебную рапиру – ту самую, которая недавно пронзила руку неосторожного ученика. В руках старого воина она выглядела игрушкой, но кровь, блестящая на ее кончике, была самой настоящей.

– Простите меня, господин Маранцалла... Должно быть, я пришел раньше времени. Я вовсе не хотел помешать вашим занятиям.

Мастер клинка развернулся на каблуках – точный и уравновешенный, как тал-вераррские часы, – и застыл подобно зловещему изваянию. Он смотрел прямо на Жеана, и этот холодный оценивающий взгляд прищуренных черных глаз стал для него третьим серьезным потрясением за сегодняшнее утро. Внезапно мальчик осознал, что стоит один на один с человеком, который на пути к нынешнему положению перерезал множество глоток.

– Значит, ты, деревенщина, считаешь возможным вылезать со своим мнением? – змеиным шепотом прошелестел учитель. – Тебе, наверное, нравится заговаривать до того, как тебе позволят? В таком месте и с таким человеком, как я? С одним из знати?

Жеан попытался извиниться, но от страха не сумел вымолвить ни слова. Из его горла вырвался лишь противный влажный звук, какой издает моллюск, когда его каблуком вы-

давливают из осколков раковины.

– Может, ты просто не подумал? Если так, я знаю, как бороться с такой неосмотрительностью. Еще раз открой рот без спроса – и я мгновенно выбью эту чертову привычку из твоей жирной задницы!

Мастер клинка шагнул к ближайшему кусту роз и с неожиданной заботливостью воткнул в цветок кончик окровавленной рапиры. Жеан заворожено глядел, как пятна крови исчезают с клинка и втягиваются в стекло, а дальше по капиллярам, розовые и туманные, просачиваются в самое сердце изваяния. Через секунду Маранцалла швырнул чистый клинок на землю.

– Ну что? Ты в самом деле тупой невежливый жирный мальчишка, которого прислали в мою школу по ошибке? Наверное, ты грязный мелкий подонок из Чертова Котла... Конечно, чего еще ждать от последыша какой-то поганой шлюхи!

Сначала Жеан прямо-таки онемел от обиды и возмущения. Затем кровь зашумела у него в ушах, словно далекий прибой, а кулаки сами собой сжались.

– Я родился в Северном Углу! – взревел он, бросаясь на Маранцаллу. – Мои родители были деловыми людьми!

Едва Жеан со злостью выплюнул эти слова, как почувствовал, что сердце его почти остановилось. Смертельно напуганный, он отступил назад, склонив голову и спрятав руки за спину.

На мгновение повисла тишина. Затем дон Маранцалла громко расхохотался и хрустнул пальцами – словно сосновые ветки затрещали в костре.

– Прости меня, Жеан, – попросил он. – Я всего лишь хотел проверить, правду ли говорил мне Цепп. Клянусь богами, у тебя есть и кулаки, и характер.

– Вы... – Жеан уставился на учителя. Постепенно до него начало доходить, что произошло. – Так вы нарочно хотели разозлить меня, господин?

– Я знаю, насколько ты чувствителен, когда дело касается твоих родителей, малыш. Цепп достаточно много рассказал о тебе.

Мастер клинка опустил перед Жеаном на колено, чтобы смотреть глаза в глаза, и положил руку ему на плечо.

– И так везде, – растерянно выговорил Жеан. – Цепп не слепой. Я не послушник Переландро. А вы вовсе не...

– Спесивый сукин сын?

Жеан невольно хихикнул.

– Скажите, господин, а есть ли на свете *ПРОСТО ЛЮДИ*... которые на самом деле то, чем кажутся?

– Еще как есть. Ты их только что видел – те детки знати, которые вышли из сада. А что до меня, то я и в самом деле изрядный сукин сын. Бьюсь об заклад, еще до конца лета ты меня возненавидишь и будешь перемывать мне кости от рассвета до Лжесвета!

– Но... Но это же всего-навсего работа.

– Вот именно, – кивнул дон Маранцалла. – Жеан, я хочу по секрету рассказать тебе кое-что. Дело в том, что родился я совсем не здесь. Эта усадьба была дарована мне за мою службу. Конечно, я благодарен и очень ценю расположение герцога, но... мои родители были даже не из Северного Угла. Я родился на деревенском хуторе.

– Ух ты! – поразился Жеан.

– О да, – кивнул мастер клинка. – И я хочу, чтобы ты запомнил: здесь, в саду, не имеет значения, кто твои родители. У меня ты будешь работать, пока не сойдет кровавый пот. Я буду тебя гонять, пока ты не изобретешь новых богов и не запросишь у них пощады. Единственное, что существенно в Саду-без-Ароматов – это умение собраться. Ты способен быть внимательным каждый миг пребывания в этом месте? Можешь сосредоточиться, смотреть прямо перед собой, жить текущим моментом и отрешиться от всего прочего?

– Я... Мне придется попробовать, господин. Однажды я уже прошел через ваш сад, значит, смогу сделать это снова.

– Да, ты будешь делать это снова и снова. Тебе придется проделать это тысячи раз. Ты будешь бегать между моими розами и спать между ними. Рано или поздно ты научишься сосредоточенности. Но должен предупредить тебя: некоторым это не удалось, – дон Маранцалла встал и обвел рукой окружающие кусты. – Вот все, что от них осталось... вон, там и там. В стекле.

Жеан нервно сглотнул и кивнул.

– И еще одно. Сегодня ты попытался извиниться за то, что пришел слишком рано. На самом деле это не так. Я нарочно затянул предыдущий урок, чтобы доставить удовольствие тем маленьким дерьмецам, которые пытались прирезать друг друга. А на будущее... вот что, приходи ровно в час, чтобы они уже успели уйти. Им не обязательно знать, что я учу тебя.

Когда-то Жеан сам жил в богатой семье и носил такие же шелка и бархат... Он почувствовал укол в сердце и тут же поспешил себя уверить, что в нем говорит старая боль потери, а вовсе не стыд за свою внешность – одежду, неухоженные волосы, отвислый живот и прочие глупости. Эта мысль, сама по себе достойная, помогла мальчику восстановить душевное равновесие – по крайней мере, внешне.

– Я понимаю, господин. Я... я не стану компрометировать вас.

– Компрометировать *МЕНЯ*? Жеан, ты ничего не понял! – Маранцалла лениво пнул учебную рапиру, и та зазвенела по черепице. – Эти чванливые сопляки приходят сюда, чтобы научиться красиво и элегантно махать клинком. Они пытаются делать это по-благородному, с соблюдением всех правил, уверенные в недопустимости бесчестных приемов, – учитель обернулся к Жеану и кулаком дружески, но достаточно крепко ткнул его в самый центр лба. – Ты же, мой друг, напротив, будешь учиться *УБИВАТЬ*.

Глава 7. Из окна

1

В течение всего долгого нервного обеда Локки излагал свой план.

Наступил долгожданный День Герцога. Ровно в полдень Благородные Подонки собрались за столом в стеклянном убежище под Домом Переландро. Снаружи солнце изливало на город обычный нестерпимый жар, но в их подземелье было прохладно, возможно, даже чересчур. Недаром отец Цепп подозревал, что Древнее стекло изменяет окружающее пространство, выкидывая фокусы не только со светом, но и с другими его свойствами.

Друзья совместно приготовили обед, вполне достойный названия праздничного: тушенная баранина с луком и имбирем, фаршированные угри в соусе из вина с пряностями и яблочные пирожные от Жеана, щедро политые аустерсхольмским коньяком.

– Спорим, даже герцогский повар надорвется, а такого не сделает, – заявил он. – По моим подсчетам, каждое пирожное стоит три-четыре кроны.

– Интересно, а сколько они будут стоить после того, как

мы их съедим и выпустим с другого конца? – пошутил Жук.

– Можешь заняться подсчетами, – предложил мальчику Кало. – Не забудь воспользоваться весами.

– И совком, – добавил Гальдо.

Сами братья Санца приготовили пряные омлеты с рублеными бараными почками – блюдо, неизменно имевшее успех за столом. Но сегодня, хотя каждый, несомненно, в полной мере проявил свое кулинарное мастерство, обед проходил как-то вяло. Казалось, что вкус изысканных блюд испарился до срока. Один только Жук ел с истинным аппетитом, особенно налегая на пирожные Жеана.

– Посмотрите на меня! – хохотал он с набитым ртом. – Я становлюсь все дороже с каждым съеденным кусочком!

Ответом на его шутовство были весьма сдержанные улыбки. Мальчик с досадой фыркнул и отодвинул тарелку.

– Если никому из вас не хочется есть, – бросил он, – давайте скорее покончим с обедом и перейдем к обсуждению, как нам сегодня ночью увернуться от верной смерти.

– Действительно, – поддержал его Жеан.

– Да, – вздохнул Гальдо. – Итак, в чем заключается наша игра и как мы будем ее проводить?

Локки оттолкнул тарелку и, скомкав, швырнул салфетку на стол.

– Прежде всего нам опять придется воспользоваться нашим номером в Расколотой башне. Так что готовьтесь снова карабкаться по проклятым ступенькам.

Жеан кивнул.

– И что мы будем там делать?

– Вначале мы с тобой дождемся там Анжаиса – он явится за нами в девятом часу. Очень надеюсь, что после его ухода мы там же и останемся. Но для этого нам придется убедить сына капы, что мы не можем составить ему компанию по весьма уважительной причине.

– И что же это за причина? – поинтересовался Кало.

– Очень живописная, – пообещал Локки. – Тут мне понадобится ваша с Гальдо помощь. Я хочу, чтобы вы сегодня же нанесли визит Джиссалине д'Обарт. Тут без помощи черной алхимии не обойтись. И вот что вы ей скажете...

2

Нелегальная лавочка Джиссалины д'Обарт и ее дочери Джанеллайны размещалась в респектабельном районе Пояса Фонтанов, над конторой цеха писцов. В начале третьего близнецы зашли на первый этаж здания и увидели толпу людей, трудившихся за широкими деревянными столами. Все они что-то деловито писали, стирали, подчищали, пользуясь при этом гусиными перьями, углем, солью и губками. Хитрая система зеркал и люков в стенах даже в вечернее время создавала в помещении яркое освещение. Мало кто из

каморрских ремесленников зарабатывал столько же, сколько переписчики, так что их трудовое рвение было вполне понятно.

В задней части комнаты находилась винтовая лестница, возле которой отиралась молодая женщина крепкого телосложения. Ее напускная скука не могла обмануть посвященных – Санца сразу разглядели оружие под широким плащом охранницы. Ее удалось убедить при помощи нескольких условных жестов и пригоршни медных баронов, перекочевавших в карманы ее куртки. Сначала женщина дернула за веревочку колокольчика, уходящую на второй этаж, а затем уже пропустила посетителей.

На втором этаже располагалась приемная мадам д'Обарт – комната без окон, целиком облицованная деревянными панелями, от которых шел стойкий аромат лака и сосны. Высокая стойка разгораживала комнату пополам. В отличие от большинства подобных помещений, стулья на стороне посетителей отсутствовали, а на другой стороне и вовсе не было ничего, кроме одной-единственной запертой двери.

За прилавком стояла Джиссалина, пятидесятилетняя женщина с очень яркой внешностью. Всех, кто видел ее впервые, поражала роскошная грива волос цвета воронова крыла и темные, пронзительные глаза в сеточке веселых морщинок. Справа от Джиссалины застыла ее дочь. В руках она держала арбалет, нацеленный прямо в лицо близнецам. Маленькое домашнее оружие, не слишком эффективное само по се-

бе, подразумевало наличие яда на стрелах. Однако братья не особо встревожились – такие меры предосторожности были привычны для черных алхимиков.

– Мадам д'Обарт, барышня д'Обарт, – произнес Кало с низким поклоном. – Мы ваши верные почитатели.

– И весьма полезные, – добавил Гальдо.

– Мастер Санца... и второй мастер Санца, – произнесла старшая д'Обарт. – Очень рады видеть вас.

– Хотя по-прежнему непреклонны, – усмехнулась Джанеллайна.

– Полагаю, вы хотите что-нибудь купить? – Джиссалина сложила руки на прилавке и подняла одну бровь.

– Да, так уж получилось, что одному нашему другу нужно кое-что необычное, – Кало вытащил из-под камзола кошелек и держал его, не открывая.

– Необычное?

– Ну... возможно, не столько необычное, сколько странное. Надо, чтобы ему стало дурно. Очень дурно.

– Не хотелось бы давать советы в ущерб себе, – замялась старшая д'Обарт, – но, может быть, вашему другу купить три-четыре бутылочки рома? Они обойдутся ему намного дешевле моих снадобий.

– О нет, тут требуется не такая дурнота, – принялся объяснять Гальдо. – Надо, чтобы ему стало так плохо, словно он уже стучится в спальню к самой Богине Смерти. А затем, разыграв больного, ему нужно быстренько прийти в се-

бя. Понимаете, это должна быть ненастоящая болезнь.

– Хм-м, – задумалась Джанеллайна. – Не знаю даже, есть ли у нас что-то подобное... по крайней мере, под рукой.

– А когда вашему другу нужно это средство? – спросила ее мать.

– Да мы вроде как надеялись получить его прямо сейчас, – закинул удочку Кало.

– Уважаемые, вопреки распространенному мнению, мы тут не творим чудес, – Джиссалина постучала ногтями по стойке. – Это не такая уж простая задача. Влезть человеку в кишки, расстроить там внутренние процессы, а затем за пару часов привести все в порядок... Нет, это очень деликатное дело, тут требуется пораскинуть мозгами.

– Мы ведь не контрамаги, – добавила Джанеллайна.

– И слава богам! – воскликнул Гальдо. – Но нам и вправду очень надо.

– Возможно, мы что-нибудь и придумаем, – вздохнула Джиссалина. – Боюсь, на скорую руку получится не идеально, но работать будет.

– Как насчет цветов каторжанки? – предложила дочь.

– Пожалуй, – кивнула Джиссалина. – А потом сомнейская сосна.

– Думаю, все это у нас найдется, – задумчиво произнесла Джанеллайна. – Проверить?

– Иди, но арбалет оставь мне, пока не вернешься.

Джанеллайна передала оружие матери и скрылась за две-

рю, плотно прикрыв ее за собой. Джиссалина положила арбалет на прилавок, однако ее рука с изящными пальцами так и осталась лежать на прикладе.

– Напрасно вы обижаете нас, мадам, – вздохнул Кало. – Мы безобидны, как котята.

– Если не больше, – добавил Гальдо. – У котят ведь есть коготки, к тому же они гадят где попало.

– Дело не в вас, ребята, а в том, что творится вокруг. С тех пор как расправились с бедняжкой Нащей, весь город превратился в кипящий котел. Ясное дело, старику Барсави надо на ком-то отыгаться. Никому не известно, кто такой Серый Король и чего он хочет. Остается сидеть и гадать, кто или *что* в один проклятый день может подняться по этой лестнице.

– Да уж, дерьмовые времена настали, – согласился Кало. Джанеллайна вернулась с двумя скляночками в руках. Она передала их матери, плотно притворила дверь и снова взялась за арбалет.

– Вот то, что вам надо, – произнесла старшая д'Обарт. – Сначала ваш друг должен принять пурпурный порошок из красной бутылочки. Запомните – сначала красная склянка! Здесь растертые цветы одного растения. Растворите его в воде и дайте выпить. Он представляет собой мощнейшее рвотное средство, если это вам что-то говорит.

– Ничего приятного, – отозвался Гальдо.

– Через пять минут после приема снадобья у вашего друга

разболится живот. Через десять – задрожат колени. А через пятнадцать он начнет извергать из себя все, что съел на этой неделе. Не очень приятное зрелище. Так что держите ведра под рукой.

– Надеюсь, все будет выглядеть правдоподобно? – поинтересовался Кало.

– Выглядеть? Мальчик, там все будет по-настоящему. Тебе приходилось видеть, как кого-нибудь тошнит понарошку?

– Да, – хором произнесли Санца.

– Наш друг не раз симулировал рвоту с помощью пережеванных апельсинов, – пояснил Гальдо.

– На сей раз ему не придется ничего симулировать. Любой каморрский лекарь засвидетельствует, что это самое настоящее и естественное отравление. Выявить в организме цветок каторжанки совершенно невозможно – он быстро всасывается и разлагается.

– А что дальше? – спросил Кало. – Что в другой бутылочке?

– Это кора сомнейской сосны. Растолките ее и заварите как чай. Превосходное противоядие против каторжанки – ее действие сразу же прекратится. Но помните, что даже при исчезновении симптомов отравления цветок уже сделал свое дело. Сосновая кора не вернет пищу в желудок, и силы, потраченные на опорожнение кишечника, не восстановятся. Ваш друг будет чувствовать себя слабым и больным еще по крайней мере день-два.

– Просто восхитительно! – одобрил Кало. – По крайней мере, с нашей странной точки зрения. И сколько мы вам должны за это чудесное средство?

– Три кроны и двадцать солонов, – объявила Джиссалина. – И то лишь в память о старине Цеппе. Поверьте, это совсем немного за очищенное и обработанное алхимическое снадобье. Нам эти порошки тоже нелегко достаются.

Кало отсчитал двадцать золотых тиринов и столбиком выложил их на прилавок.

– Мадам, здесь пять крон. С учетом того, что наша сделка будет забыта всеми присутствующими.

– Санца, – без улыбки произнесла Джиссалина д'Обарт, – все, что говорится в этой лавке, забывается по определению. Ничего не выходит наружу.

– Наша сделка должна быть забыта немедленно и навсегда, – возразил Кало, добавляя еще четыре тирина к столбику монет.

– Ну если вы настаиваете на этом пункте... – Джиссалина вытащила из-под прилавка деревянный скребок и с его помощью сбросила монеты в темное отверстие – судя по звуку, в кожаный кошель. Мадам д'Обарт никогда не пренебрегала мерами предосторожности, особенно в отношении того, что надо касаться, нюхать или пробовать. Оно и понятно при ее профессии – черные алхимики редко доживали до возраста Джиссалины, если забывали о своей подозрительности.

– Примите горячую благодарность от нас и нашего друга, –

произнес Гальдо.

– Насчет вашего друга я совсем не уверена, – усмехнулась Джиссалина. – Сначала пусть выпьет снадобье из красной бутылочки, а затем посмотрите, в каких выражениях он будет изливать свою благодарность.

3

– Подай стакан воды, Жеан, – попросил Локки. Он стоял возле окна, выходящего на канал, и смотрел на длинные тени, которые отбрасывали на восток дома южного Каморра. – Пора принимать лекарство. По-моему, дело идет к девяти.

– Да, без двадцати девять, – подтвердил Жеан, передавая жестяную кружку, на дне которой болтался розоватый осадок. – Эта дрянь растворяется не сразу, как и предупреждали братья Санца.

– Итак, – произнес Локки, – я поднимаю бокал за толстые кошельки без присмотра. А также за истинных алхимиков, за крепкий желудок, за провал Серого Короля и удачу Лукавого Благодетеля.

– А я – за то, чтобы нам благополучно пережить эту ночь, – поддержал тост Жеан, делая вид, что чокается с Локки.

– М-м-м, – Локки осторожно пригубил питье, а потом ре-

шитительно, в один глоток осушил кружку. – Не так уж плохо. По вкусу напоминает мяту. Очень освежает.

– Твои слова могли бы стать достойной эпитафией, – заметил Жеан, забирая чашку.

Локки еще какое-то время стоял у окна. С моря по-прежнему Дул Ветер Герцога, и сетка от насекомых была поднята за ненадобностью. Арсенальный район за Виа Каморраццей выглядел тихим и неподвижным: в периоды относительного мира с городами-государствами Стального моря для больших лесопилок, арсеналов и доков наступало затишье. Локки помнил времена, когда на стапелях стояло две дюжины кораблей одновременно, сейчас же там торчал всего один каркас недостроенного галеона.

Позади него море разбивалось белой пеной об основание Южного Утеса – волнореза из камня и Древнего стекла длиною почти в три четверти мили. На южной его оконечности, напротив темнеющего моря, высилась дозорная башня относительно недавней постройки. Рядом с ней на фоне багровых облаков белело три или четыре паруса.

– О боги, по-моему, начинается, – вздрогнул Локки.

– Садись, – забеспокоился Жеан. – По времени тебе еще полагается только дрожать коленями.

– Да нет же, я чувствую, что-то происходит. Вообще-то... о Боги, я сейчас...

Началось – волна тошноты поднялась у Локки в горле, неся на гребне все съеденное за сегодняшний день. Несколь-

ко долгих минут он провел, согнувшись над деревянным ведром, обнимая его с такой преданностью, с какой еще ни один человек не тянулся к алтарю.

– Жеан, – сумел он проговорить в одну из кратких пауз между приступами рвоты, – в следующий раз... когда в моей голове зародится столь же превосходный план... давай обдумаем альтернативу в виде твоих Сестричек.

– Едва ли это будет действенное решение, – Жеан поменял полное ведро на пустое и похлопал друга по спине. – К тому же я не позволю тупить мои замечательные лезвия о твой толстый череп.

Он заботливо прикрыл окна, за которыми едва начал разгораться Лжесвет.

– Придется потерпеть, – объяснил он. – Запах необходим, чтобы произвести впечатление на Анжаиса.

Даже когда желудок Локки полностью опорожнился, тошнота продолжала терзать его. Он весь дрожал, корчился и стонал, держась за живот. Жеан бережно уложил друга в постель и уселся рядом.

– Ничего, – пробормотал он. – Зато ты неплохо выглядишь – бледный и холодный. Вполне правдоподобно.

– Мило, да? – прошептал Локки. – О боги, сколько же еще это продлится?

– Не могу сказать точно, – ответил Жеан. – Сейчас они уже должны подходить к башне. Думаю, очень скоро им надоест ждать, и они в негодовании ломанутся сюда.

Прошло несколько мучительных минут, в течение которых Локки имел возможность проникнуться идеей относительности вечности. Наконец старые ступени закрипели, раздался громкий стук в дверь.

– Ламора! Таннен! – заорал Анжаис Барсави. – Открывайте, или я вышибу эту чертову дверь!

– Слава всем богам, – простонал Локки.

Жеан отодвинул засов, и на пороге обозначилась массивная фигура Анжаиса.

– Мы ждали перед Расколотой башней! Идете вы или?.. О боги, что здесь происходит, хрен вам в душу?!

Облако вони накрыло Анжаиса, и он резко прикрыл лицо рукой. Жеан кивнул в сторону Локки и беспомощно развел руками. Тот валялся на кровати, закутанный в одеяло, – несмотря на душный вечер, несчастного бил озноб, он стоял и корчился.

– Не понимаю, в чем дело, – начал рассказывать Жеан. – Это началось где-то с полчаса назад. Его рвет без перерыва... уже все здесь загадил.

– О небеса, он же совсем зеленый! – Анжаис сделал несколько шагов к Локки и остановился, глядя на него с пугливым сочувствием. Сын капы был одет для боя – латы из толстой кожи, защитный воротник и пара обитых железом наручей на бычьих предплечьях. Вместе с ним заявили еще несколько парней, облаченных точно так же, но все они остались стоять на лестнице, не изъявляя желания участво-

вать в беседе.

– Я взял на обед каплуна, а он предпочел рыбные рулеты, – сообщил Жан. – Это было последнее, что мы ели, и со мной все в порядке.

– Моча Ионо! – выругался Анжаис. – Говоришь, рыбные рулеты?

– Подожди, Анжаис, – проскрежетал Локки, протягивая к нему дрожащую руку. – Не уходи без меня... Я сейчас встану. Я смогу сражаться.

– О чем ты говоришь! – Анжаис сочувственно покачал головой. – Тебе же по-настоящему хреново, Ламора. Думаю, здесь без лекаря не обойтись. Вы уже вызвали его, Таннен?

– Когда? С тех пор, как это началось, я не мог оставить его ни на минуту – бегал туда-сюда с ведрами, давал воды, чтоб промыть желудок...

– Хорошо, продолжай в том же духе. Значит, так, ребята, – вы оба вне игры. Не злись, Жан, но его действительно нельзя оставлять одного. Будь здесь и присматривай за ним. И позови лекаря, как только сможешь, – Анжаис похлопал Локки по плечу и пообещал: – Не волнуйся, Ламора, сегодня вечером мы достанем этого ублюдка. Мало ему не покажется! А когда мы закончим, я пришлю кого-нибудь к тебе. Насчет отца не беспокойся, я все утрясу. Он поймет.

– погоди, прошу тебя! Жан поможет мне подняться, и я пойду. Я смогу, вот увидишь...

– Даже не обсуждается. Ты и с постели-то встать не мо-

жешь, хрен тебе в душу! Выглядишь примерно как рыба, которую засунули в бутылку с вином, – махнув на прощание, Анжаис отступил. Перед тем как уйти, он обернулся и пообещал: – Если мне удастся дотянуться до этого гада, я врежу ему за тебя, Локки. Отдыхай спокойно.

Дверь захлопнулась, и Локки с Жеаном остались одни.

4

Потянулись долгие минуты. Жеан наконец-то распахнул окна и теперь стоял, вглядываясь в мерцание Лжесвета. Он увидел, как Анжаис со своими парнями протолкались через толпу, поспешно пересекли по «кошачьему мостику» Виа Каморраццу и направились в Арсенальный район. Анжаис ни разу не оглянулся назад. Скоро их силуэты растворились в закатных тенях.

– Как долго... Ладно, давай я помогу тебе, – произнес Жеан, отворачиваясь от окна. Но Локки уже сполз с кровати и сейчас брызгал водой на плитку алхимического камня. За несколько последних часов бедняга, казалось, постарел на десяток лет и похудел на двадцать фунтов. Последнее не на шутку встревожило Жеана: Локки, при его комплекции, немислимо было сбрасывать эти двадцать фунтов. Однако сам он заметно приободрился.

– Чудесно, – бормотал он. – Первую часть работы – правда, самую легкую и неважную – мы сделали. Двигаемся дальше, Благородные Подонки!

Отсвет разогревшегося алхимического камня ложился на его изможденное лицо – выглядел Локки просто ужасно. Самому ему казалось, что он постарел не на десять лет, а на все двадцать.

– Теперь – чай, да благословят его боги, – приговаривал Локки, с нетерпением поглядывая на закипающий ковшик с водой. – Надеюсь, он окажется столь же надежным, как и пурпурный порошок.

Жеан, поморщившись, подхватил два ведра с рвотой и подошел к окну. Лжесвет уже начал меркнуть, жаркий Ветер Палача гнал из-за Пяти башен пелену низких облаков. По крайней мере, в ближайшие несколько часов эти облака скроют все луны и помогут им беспрепятственно покинуть башню. В городе зажигались первые огоньки, казавшиеся отсюда не больше булавочных головок – словно невидимый ювелир раскладывал свой сверкающий товар на черном бархате ночи.

– О боги, похоже, я изрыгнул наружу все, что съел за последние пять лет, – простонал Локки. – И сплюнуть-то нечего, разве что мою бедную душу. Жеан, дружище, загляни в ведро, прежде чем выплескивать в канал – может, она уже там плавает?

Трясущимися руками он крошил сухую кору сомнейской

сосны прямо в ковшик с кипятком.

– По-моему, что-то подобное там имеется, – откликнулся Жеан. – Мелкая такая уродливая штучка. Я бы на твоём месте не стал о ней беспокоиться – пусть себе плывет в море.

Жеан быстро выглянул в окно, дабы убедиться, что под ними нет никакой лодки, а затем без затей выплеснул рвоту в канал. Она громко плюхнулась в воду с высоты семидесяти футов – обычное дело, каморрцы всегда спускали нечистоты в Виа Каморраццу.

Вполне удовлетворенный результатом, Жеан открыл потайной шкаф и достал два дешевых дорожных плаща невыразительного серо-коричневого цвета, а также пару широкополых тал-вераррских шляп из толстой кожи. Один из плащей он накинул на плечи Локки, и вор с благодарностью закутался в него.

– Жеан, у тебя в глазах такая материнская забота... Я что, в самом деле так гнусно выгляжу?

– Если честно, ты выглядишь так, будто тебя казнили еще на прошлой неделе. Не сердись, но как ты себя чувствуешь? Уверен, что справишься?

– Как я себя чувствую, не имеет ни малейшего значения, – мрачно пробормотал Локки. – Все равно надо идти.

Обмотав руку краем плаща, он взялся за ковшик. Отхлебнул отвара, скривился, но все же проглотил его прямо с корой, очевидно, рассудив, что самым лучшим местом для этой дряни будет его пустой желудок.

– Фу, ну и гадость... Такое впечатление, будто меня кто-то двинул в кишки. Я что, чем-то провинился перед Джиссалиной?

Взглянув на его выражение лица, Жеан решил воздержаться от замечаний. Локки продолжал пить отвар, усилием воли заставляя себя не выплевывать склизкие горькие кусочки коры. Жеан, опасаясь нового приступа рвоты, поддерживал друга за плечи.

Через несколько минут Локки хлопнул пустым ковшиком о стол и глубоко вздохнул.

– Скорее бы кончилось все это дерьмо, – выдохнул он. – Жду не дождусь, когда можно будет перекинуться с Серым Королем парой слов. У меня к нему накопилась куча вопросов исключительно философского свойства. Например, как чувствует себя козел, которому прищемили яйца.

– Это вопрос скорее физиологического, чем философского характера, – заметил Жеан тем самым спокойным и бесстрастным тоном, которым обычно обсуждал планы, предельно далекие от здравомыслия и разумности. – Кроме того, ты сам сказал: надо сначала дожидаться, чтобы свалил Сокольничий. Какая жалость, что нельзя просто всадить болт в глаз этому ублюдку.

– Еще попробуй выследи его...

– Эх, подобраться бы к нему на двадцать ярдов, – продолжал мечтать Жеан. – Один бросок Сестренки займет не больше, чем полсекунды.

– Опомнись, Жеан, – медленно произнес Локки. – Нам обоим хорошо известно, что контрмага убивать нельзя. После этого мы не проживем и недели. Картенцы устроят показательную казнь нам, а заодно Кало, Гальдо и Жуку. То, что ты предлагаешь, это мучительный и не самый быстрый способ самоубийства.

Локки задумался, глядя на тлеющий жар плитки.

– Интересно, Жеан... в самом деле интересно. Что чувствуют другие люди – те, кого мы обманываем? Неужели они так же злятся и негодуют, когда мы обираем их и исчезаем... а они *НИЧЕГО* не могут с этим поделать?

Повисло долгое молчание. Свет алхимического камня понемногу угасал.

– Мы ведь, кажется, уже давно решили: они просто получают по заслугам, – наконец подал голос Жеан. – Вот и все. И вообще, Локки, кончай страдать хренью. Сейчас совсем не подходящий для этого момент.

– Страдать хренью? – переспросил Локки, озадаченно моргая – так, словно только что проснулся. – Нет, Жеан, ты должен меня понять. Это такое ужасное чувство, когда нет выхода! Раньше я ничего подобного не испытывал. Привык считать, что «нет выхода» – это для других, не для Благородных Подонков. Черт, мне не нравится ощущать себя в ловушке!

Еще секунду он сидел молча, затем жестом показал, что хочет встать. Жеан помог другу подняться. Трудно сказать,

что помогло, теплый плащ или снадобье Джиссалины, но Локки перестал дрожать.

– И правильно, – сказал он уже окрепшим голосом. – Это действительно не для Благородных Подонков. Знаешь, давай поскорее покончим с этим дерьмовым заданием, а потом уже решим, что будем делать с нашим серым крысом и его ручным колдунишкой. Но сначала я должен сплясать под его дудку.

Жеан усмехнулся и похрустел пальцами, разминая их. Потом привычным жестом прикоснулся к плечу – на месте ли Злобные Сестрички?

– Ты уверен, что готов для Виноградной лестницы? – в последний раз спросил он.

– Настолько, насколько это возможно, Жеан. Черт, сейчас я вешу явно меньше, чем до приема зелья, так что спуститься по лестнице будет легче легкого. Во всяком случае, проще всего остального, что предстоит нам этой ночью.

5

От самого переулка по западной стене Расколотой башни поднималась вверх своеобразная решетка – деревянная рама, оплетенная старыми крепкими лозами, которая проходила мимо всех окон и таким образом связывала все эта-

жи. Прогулка по Виноградной лестнице являлась небезопасным делом, но иного способа избежать встречи в Расколотой башне с несколькими дюжинами знакомых не было. Поэтому Благородные Подонки часто пользовались таким путем.

На верхнем этаже лязгнули ставни окна, выходящего в переулок. Массивный темный силуэт отделился от подоконника и скользнул в путаницу лоз. Вскоре за ним последовала тень меньших размеров. Цепляясь белыми от напряжения пальцами, Локки осторожно закрыл ставни. Он мечтал только об одном – чтобы его бедный желудок не так яростно возмущался тяготами спуска. И тут же Ветер Палача, рвущийся на соленые просторы Стального моря, подхватил невидимыми пальцами шляпу и плащ Локки и окатил его запахами болот, полей и далеких деревень.

Жеан спускался первым – на два-три фута ниже Локки. Оба двигались очень осторожно, нащупывая в темноте опору для рук и ног. Благородные Подонки миновали шестой этаж, где, судя по всему, никого не было.

На пятом этаже из-под ставен лился мягкий янтарный свет. Оба верхолаза, не сговариваясь, замедлили движение и постарались превратиться в бесшумные серые тени на фоне ночного неба.

Как раз в тот момент, когда Жеан проползал слева от окна, ставни с тяжелыми металлическими задвижками резко распахнулись наружу. Одна из них угодила ему в плечо, не столько причинив боль, сколько нарушив равновесие, едва

не сбив вниз. Жеан крепче вцепился в деревянную решетку и бросил взгляд в окно. Не успевший сориентироваться Локки почти наступил ему на голову, пришлось срочно подтягиваться вверх.

– Молчи лучше, сучка несчастная, – прошипел незнакомый мужской голос. – Сам знаю, что другого пути тут нет!

Решетка, на которой висели два друга, тяжело застонала: кто-то вылез из окна и забарахтался в лозах. В окно высунулась черноволосая женщина. Она явно собралась что-то ответить своему приятелю, но увидев в щель между стеной и ставней фигуру Жеана, задохнулась от неожиданности. Ее сдавленный писк привлек внимание кавалера – мужчины весьма солидной комплекции (в темноте он казался даже больше Жеана).

– Это еще что за дерьмо, черт побери?! – фыркнул он. – А *ты* что здесь делаешь?

– Развлекаю богов, придурок, – Жеан сделал попытку лягнуть громилу в надежде сдвинуть его вниз, но куда там! – Давай, ползи, не задерживай движение!

– Нет, ты мне скажи, какого черта делаешь под этим окном? Небось, любишь подглядывать, мерзавец? Ну я тебе покажу! Сейчас ты у меня увидишь все, что надо, петух поганый!

Рыча и сопя от напряжения, мужчина принялся карабкаться вверх. Одной рукой цепляясь за лозы, другой он попытался схватить за пятки Жеана. Тот резко дернулся и на

мгновение потерял равновесие. Мир завертелся вокруг него в бешеной карусели, пока он отчаянно старался найти точку опоры: черная стена, черное небо, влажный черный булыжник в пятнадцати футах внизу. Только бы не упасть, во имя всех Богов! Навернешься с такой высоты – хоронить будет нечего...

– Эй вы, убирайтесь от моего окна, уроды! Все вон отсюда! Ференц, во имя Моргайте оставь его в покое и спускайся же наконец вниз! – завопила женщина.

– Вот зараза, – пробормотал Локки, зависнув в нескольких футах слева от окна. От страха все его красноречие куда-то улетучилось, и ему потребовалось несколько мгновений, чтобы найти нужные слова. – Мадам, вы невероятно усложняете нам жизнь! Поэтому прошу вас, прекратите визжать и закройте это чертово окно, пока мы не влезли к вам в комнату и не заткнули глотку.

Девушка вздрогнула и в ужасе уставилась наверх.

– Ах, так вас двое? Да мне плевать! Убирайтесь все отсюда! Вы слышали? Вон отсюда... Вон!!!

– Закрой окно! Окно закрой, стерва! Да закрой же наконец свое чертово окно!!!

– Все, вы меня достали, козлы поганые! – взревел Ференц. – Сейчас вы у меня полетите вниз, как долбаные желуди с ветки...

В этот момент раздался душераздирающий скрежет, и вся решетка, сверху донизу, затряслась под весом троих мужчин,

припавших к лозам.

– Спасибо тебе, Ференц, – воскликнул Локки. – Ну ты и удружил нам всем!

Это были последние членораздельные слова. За ними последовал многоголосый поток проклятий и ругательств, различить в котором отдельные голоса не представлялось возможным. Решетка еще могла выдержать двоих человек,двигающихся медленно и аккуратно. Но трое мужчин, к тому же беспорядочно и злобно дергающихся на лозах – это было чересчур: виноградные плети с шумом и треском начали отрываться от своего ненадежного пристанища на стене.

Ференц беспорядочно дрыгал руками и ногами, пытаясь преодолеть силу земного притяжения и удержать на решетке свой немалый вес. В этой неравной борьбе победила сила тяжести – бедняга неотвратимо заскользил вниз, обдирая в кровь руки и срывая на своем пути все новые и новые плети. Наконец, когда до земли ему оставалось еще футов двадцать, зеленая масса лоз окончательно подалась и рухнула вниз, увлекая незадачливого любовника в непроглядный мрак ночной аллеи. Вместе с ними обрушился и большой кусок деревянной решетки – примерно тридцать футов высотой. Ноги Локки и Жеана зависли в пустоте.

Локки подсознательно рванулся вправо и обрушился на узкий карниз под окном. При этом он задел каблуком скандальную даму и впихнул ее в комнату. Жеан в свою очередь лихорадочно заработал руками, пытаясь вскарабкаться вы-

ше окна, поскольку открытая ставня мешала ему добраться до спасительного подоконника. Уже чувствуя, как деревянная решетка ломается под его ладонями, он одним красивым движением перемахнул через преграду и ввалился в комнату, прихватив с собой Локки.

Увлекаемые инерцией, они со всего маху рухнули на жесткий пол.

– Выметайтесь вон в это чертово окно, сейчас же! – завопила дама с удвоенной яростью. Чтобы ее слова были восприняты всерьез, она подчеркивала каждое из них пинком Жеану под ребра. Слава богам, у нее была привычка ходить по дому босиком.

– Совершенно неприемлемое предложение, – проворчал Локки откуда-то из-под туши напарника.

– Эй, мадам! – запротестовал и сам Жеан, подвергшийся столь непочтительному обхождению. – Нельзя ли полегче?

Потеряв терпение, он схватил нелюбезную хозяйку за ногу и резко дернул на себя. Та рухнула как подкошенная. По счастью, она приземлилась на свое подвесное ложе – что-то вроде двухместного гамака из дешевой шелковой сетки, подвешенного к потолку на четырех креплениях. Тут Локки и Жеан невольно заметили, что хозяйка дома одета в одну лишь нижнюю рубашку. А поскольку стояло жаркое лето, рубашка эта прикрывала крайне незначительную площадь тела...

– Вон отсюда, ублюдки! – продолжала верещать дама. – Я

сказала, вон! Вон!!!

Пока незваные гости, которым было адресовано столь экспансивное обращение, поднимались на ноги и глазели на полуобнаженную хозяйку, дверь в комнату внезапно распахнулась, и на пороге встал широкоплечий громила с хорошо развитыми мышцами. По виду его можно было принять за грузчика со стажем или сельского кузнеца. В глазах у здоровяка горело мстительное удовлетворение, вдобавок его окутывало столь плотное облако алкогольных паров, что кисловатый терпкий запах ощущался даже на другом конце комнаты.

На мгновение Локки замешкался, пытаясь сообразить, как Ференцу удалось так быстро подняться обратно. Впрочем, в следующую секунду он понял, что это вовсе не Ференц. Осознав пикантность ситуации, он невольно хихикнул, хотя положение дел вовсе не располагало к веселью.

Порыв ночного ветра резко, со стуком захлопнул ставню за его спиной.

Дама издала полузадушенный вопль, прозвучавший так, будто какой-то озорник швырнул крысу в глубокий и темный колодец. Впрочем, судя по всему, ее отчаяние не вызвало у нетрезвого здоровяка ни малейшего сочувствия.

– Ах ты, грязная шлюха! – прогрохотал он, презрительно растягивая слова. – Гадина, подлая сучка! Я так и знал, что ты здесь не одна! – он смачно сплюнул и недоверчиво покачал головой, уставившись на Жеана с Локки. – Да еще и с двумя... Вот это да! Значит, тебе понадобилось сразу два

ухажера, чтобы заменить меня одного? Ну что, козлики? – продолжал он, наклоняясь и вытягивая из сапога девятидюймовое лезвие вороненой стали. – Надеюсь, вы на славу оттянулись с бесхозной бабой, потому что это была последняя приятность в вашей жизни. Сейчас я вас самих превращу в девочек.

Жеан мгновенно принял боевую стойку. Левая рука его метнулась к плечу, где прятались под плащом верные Сестрички. Одновременно правой рукой он отпихнул Локки, чтобы тот оказался у него за спиной.

– Стойте-стойте! – вмешался Локки, непроизвольно размахивая руками. – Послушай, приятель, я понимаю, как все это выглядит... но тут совсем другое дело. Поверь, мы не имеем никакого отношения к твоей подружке, – он кивнул в сторону хозяйки дома, растянувшейся на постели во всей своей красе. – Она была здесь задолго до нас!

Похоже, его слова вывели даму из оцепенения.

– Гатис! – прошипела она. – Ты мужчина или нет? Эти люди вломились в мою комнату и напали на меня. Спаси меня, Гатис!

С яростным рычанием тот развернулся в сторону непрощенных гостей. Он стоял, чуть наклонившись и размахивая перед собой ножом. Вся поза Гатиса выдавала в нем опытного бойца, но он был слишком пьян и слишком взбешен. Все произошло мгновенно – здоровяк, как разъяренный бык, ринулся на Жеана, и Локки мгновенно отскочил в сторону,

чтобы дать другу свободу действий. Жеан поймал противника на лету, крепко ухватил за руку и ловкой подсечкой уложил на пол.

Раздался устрашающий грохот, блеснуло вылетевшее из руки Гатиса лезвие. Удерживая его запястье железной хваткой, Жеан резко развернулся и отскочил в сторону в тот самый момент, когда тяжелая туша рухнула на пол. В первое мгновение Гатис был слишком ошеломлен, чтобы как-то воспринимать случившееся. Но уже в следующую секунду боль проникла в его одурманенный мозг, и комната огласилась громоподобным воем.

Ухватив здоровяка за ворот рубахи, Жеан рывком поставил его на ноги и со всего размаху приложил о стену слева от окна. Голова несчастного Гатиса, как мяч, отскочила от кирпичной кладки – надо думать, не слишком мягкой, – и он начал медленно падать вперед, в утешительные объятия беспомощности. Увы, даже в этой милости ему было отказано: пудовый кулак Жеана описал в воздухе смазанную дугу и с неприятным звуком встретился с челюстью бедолаги. Столь мощное препятствие роковым образом изменило траекторию движения Гатиса, и вместо того, чтобы упасть в дружеские объятия Жеана, он бесформенной грудой осел на пол.

– Здорово! – внезапно завопила женщина с постели. – Отличный прием! А теперь вышвырни его в окно!

– Сама определяйся со своими кавалерами, – озлился

Локки. – Выбери кого-то одного и кувыркайся с ним в свое удовольствие.

– И заруби себе на носу, – вмешался Жан. – Если завтра поутру этого несчастного найдут мертвым под твоими окнами, я вернусь и повторю тот же прием, но уже с тобой. Уяснила?

– А если ты хоть словечком обмолвишься кому-нибудь о нашем появлении, – зловеще добавил Локки, – тебе придется на коленях умолять, чтобы мой друг вернулся и выполнил свое обещание.

– Но Гатис вас запомнил, – завизжала дама. – Он обязательно всем разболтает!

– Этот самый громила разболтает, как его вздули один на один в спальне собственной подружки?! Я тебя умоляю, – пренебрежительно пожал плечами Жан. Аккуратно расправив складки плаща, он вновь водрузил на голову оброненную было шляпу. – Спорим, завтра он будет всем рассказывать, как на него напали семеро мордovorотов с вот такими дубинами!

С этими словами друзья поспешили к той двери, из которой недавно появился разъяренный Гатис. Миновав ее, они очутились на лестничной площадке пятого этажа с северной стороны башни. Не самый уединенный путь, но что поделать, если столь удобная Виноградная лестница безвозвратно загублена? Только спускаться, как все прочие люди, и от души надеяться, что всемогущий Благодетель уберезет их от

ненужных свидетелей. Локки решительно захлопнул за собой дверь, оставив ошарашенную даму в обществе ее бесчувственного приятеля, мирно растянувшегося на полу.

– Похоже, боги сегодня на нашей стороне, – заметил Локки, спускаясь по скрипучим ступеням. – Во всяком случае, мы все еще не потеряли свои дурацкие шляпы.

И тут перед ними промелькнула стремительная тень – на фоне огней ночного Каморра они разглядели крылья и острый клюв.

– Мои поздравления, – подвел итог Локки. – Не знаю, радоваться или горевать, но с этого момента мы под опекой Сокольничего.

Интерлюдия. Вверх по реке

1

Жеана не было в храме – он находился в Обители Стекланных роз, – когда Локки узнал, что его отправляют пожить на одну из удаленных ферм, расположенных выше по течению Анжеваны.

В тот день – День Бездельника – шел сильный дождь, поэтому Цепп собрал Локки, Кало и Гальдо в столовой, чтобы поучить их карточной игре «Богач, нищий, герцог, солдат». Смысл игры заключался в том, чтобы при помощи различных уловок выманить у соседа все деньги до последней монетки. Стоит ли говорить, что юные мошенники быстро освоились с правилами и вошли во вкус.

– Двойка, тройка и пятерка пик, – объявил Кало. – А еще «Двенадцать» сверху.

– Ха, умри от зависти, недоумок, – самодовольно ухмыльнулся Гальдо. – У меня полный комплект червей и к нему «Солнце»!

– Как бы не так! Сам недоумок! Давай гони денежку.

– На самом деле его карты сильнее, Кало, – вмешался отец Цепп. – Подвижная карта бьет неподвижную. Хотя...

– Никого не интересует, что на руках у *МЕНЯ*? – произнес Локки.

– Да не особо, – откликнулся священник, – поскольку у меня полный набор «Герцогов».

Он выложил карты и самодовольно постучал костяшками по столешнице.

– Это нечестно, – запротестовал Локки. – Мы играли всего шесть раз, и уже два раза у вас были «герцоги». Вы передергиваете!

– Конечно, передергиваю, – ухмыльнулся Цепп. – А какой смысл играть без обмана? Вот когда ты наконец просечешь, *КАК* я это делаю, можно будет говорить о каком-то прогрессе с твоей стороны.

– Напрасно вы сказали нам это, отец Цепп, – заявил Кало.

– Мы теперь будем упражняться всю неделю, – поддержал его брат.

– Вот увидите, в следующий День Бездельника обдерем вас до основания, – пообещал Локки.

– Не думаю, – снова усмехнулся священник. – Во всяком случае, не ты, Локки. Ибо ближайшие три месяца – до Дня Покаяния – тебе предстоит провести на стажировке.

– Где-где?

– Помнишь, в прошлом году я отсылал Кало в Лашен – изображать служку из ордена Гандоло? А Гальдо ездил в Ашмер, чтобы внедриться в орден Сендовани. Теперь настал твой черед. Отправишься на одну из ферм и несколько ме-

сяцев побудешь крестьянином.

– Крестьянином?!

– Ну да, есть такие люди – может, слышал? – Цепп собрал карты со стола и ловким движением перетасовал колоду, – Они еще привозят нам продукты.

– Я же ничего не знаю о крестьянском труде...

– Ясное дело, не знаешь. Но ты точно так же не знал, как готовить еду и прислуживать за столом, как одеваться подобно благородному господину и говорить по-вадрански. Затем ты попал к нам и всему научился. А сейчас тебе предстоит узнать кое-что еще.

– И где же это?

– Милях в семи-восьми по течению Анжевены есть местечко под названием Вилла Сенциано. Там живут крестьяне, которые арендуют землю у герцога или мелкой знати с Альсегранте. Я переоденусь священником Госпожи Эллизы, а ты будешь моим служкой. Якобы я отправил тебя поработать на земле – у них в храме это принято.

– А что мне известно об ордене Госпожи Эллизы?

– Тебе и не понадобится проявлять свои знания. Человек, к которому я тебя отсылаю, в курсе наших дел. А легенда придумана для посторонних.

– А чем нам заниматься, пока вас не будет? – спросил Калло.

– Да ничем особенным, присматривайте за храмом... Меня не будет всего-то пару дней. В конце концов, может Без-

глазый Священник заболеть и посидеть в своей комнате? Да, на ступени без меня не выходите, сделаем передышку. Это даже полезно – когда меня какое-то время нет, люди потом легче раскошеливаются, особенно если я по возвращении кашляю и чихаю. Так что можете развлекаться. Только смотрите не разнесите мне храм к чертям собачьим.

– К тому времени, как я вернусь, меня сможет обыграть в карты любой, – вздохнул Локки.

– Это уж точно, – довольно поддакнул Кало. – Счастливой дороги тебе, Локки.

– Наслаждайся сельским воздухом, – присоединился к нему Гальдо. – Отдыхай, пока не надоест.

2

Пять башен смутно маячили над Каморром, подобные простертой длани огромного незримого божества. Пять гигантских цилиндров из Древнего стекла парили в небе, радуя глаз всевозможными башенками, шпилями и крытыми переходами – все это досталось людям в наследство от иных существ, тех, что обитали здесь прежде, радовались жизни и строили в соответствии со своими вкусами, не всегда совпадающими с человеческими.

Ближе всех к востоку располагалась башня под названием

Ловушка Зари, высотой в четыреста футов. Она была удивительного серебристо-красного цвета, словно кусок алеющего горизонта отразился в стоячей воде. Рядом с ней вырастала вторая башня, чуть повыше, из обсидиана, переливающегося всеми цветами радуги – будто луч солнца угодил на нефтяную пленку. Она называлась Черным Шпилем. На противоположном конце – так, что и взглядом не дотянешься, надо голову повернуть – стояла самая западная башня из фиолетового турмалина с жемчужно-белыми прожилками. Имя у нее было соответствующее – Западный Страж. Возле нее высился Янтарный Кубок с его многочисленными желобами и канавками – именно благодаря этой архитектурной особенности башня отзывалась на всякий порыв ветра жалобными зловещими мелодиями. И наконец, в самом центре стояла наиболее высокая и величественная постройка, служившая резиденцией герцогу Никованте. По какой-то причине ее называли Вороновым Насестом, хотя внешнее великолепие (башня нестерпимо блестела на солнце, будто расплавленное серебро) и венчавший ее Небесный сад с роскошными виноградными лозами, повисшими в воздухе на высоте шестисот футов над землей, – все это взыскало более возвышенного имени.

Между верхушками отдельных башен и их пристроек протянулась сложная сеть стекловидных тросов. Когда-то, столетия назад, под Каморром обнаружили огромные запасы – десятки миль – тонкого кабеля из Древнего стекла, кото-

рый и был использован для постройки подвесных дорог. Грузовые клетки перемещались вверх-вниз по кабелям при помощи мускульной силы слуг, вращающих огромные скрипящие кабестаны. В этих клетях перевозили как грузы, так и пассажиров. Простые горожане почитали эти подвесные дороги сущим безумием, но знатные каморрцы из числа Пяти семейств находили особый вкус в таком рискованном и волнующем способе путешествия над зияющими пропастями. Должно быть, они видели в этом подтверждение своей сословной доблести.

Локки с жадным любопытством смотрел на тяжелые клетки, которые покидали выступающие платформы Башен и уплывали вверх или вниз, в зависимости от места назначения. Они напомнили ему «паучьи клетки», которые он видел во Дворце Терпения.

Мальчик сидел рядом со своим наставником на деревянной скамье в небольшой двуколке, за сиденьем священник припрятал под брезентом несколько мешков со всяким полезным добром. Цепп был одет в свободное многослойное одеяние коричневого цвета с серебристо-зеленой вышивкой, изобличавшей в нем члена ордена Госпожи Эллизы, Матери дождей и жатвы. На Локки были простые штаны и длинная рубаха навыпуск – обувь была сочтена излишней роскошью для будущего крестьянина.

Запряженные в повозку две лошадки – не Кроткие, поскольку Цепп предпочитал не использовать белоглазых тва-

рей за пределами города, – мерно трусили по мощеной изви-
листой улице Семи колес, которая пролегла в самом центре
района Мельничных водопадов. На самом деле колес было
не семь, а гораздо больше – они бодро вспенивали воды Ан-
жеваны, куда ни посмотри.

Пять башен стояли на обширном плато, возвышавшемся
примерно на шестьдесят футов над Нижним городом. Вниз
по течению Анжеваны располагались острова Альсегранте,
на которых высились роскошные особняки каморрской зна-
ти. Сама река вытекала с восточной части плато и обруши-
валась вниз шестиступенчатым водопадом около двухсот яр-
дов в поперечнике. Мельничные колеса были установлены на
самом верху, в основании длинного моста из камня и стекла,
щедро застроенного деревянными мельницами.

Однако ими дело не ограничивалось – понизу, там, куда
падали пенистые струи водопада, тоже стояли мельничные
колеса, загромаждая оба берега реки. Они приводили в дей-
ствие бесчисленные жернова, а также кузнечные мехи, гнав-
шие горячий воздух от печей к огромным пивоваренным ча-
нам. Это был трудовой район, где обитали всевозможные ра-
бочие и лишь изредка появлялись богатые хозяева – боль-
шей частью для того, чтобы проверить, как идет работа.

Здесь священник повернул лошадей направо, к Вратам
Сенциа, через которые проходила главная дорога в западном
направлении. И сразу же они попали в страшную толчею,
с которой едва справлялись дежурные «желтые куртки». Из

провинции в город тянулись бесконечные караваны груженых телег. Едва миновав Врата Сенциа, они попадали в лапы таможенников и сборщиков налогов, которых было нетрудно узнать по высоким черным шляпам без полей. Между собой трудовой народ называл эту публику одним емким неласковым словом – «догребатели», но не приведи боги было обронить подобное при герцогских служащих: догребутся так, что мало не покажется.

Несмотря на ранний час – было только начало десятого, – вдоль обочин гомонила и толкалась обычная придорожная толпа. Мелкие лоточники торговали разной снедью, от теплого пива до печеной моркови. Тут же восседали профессиональные попрошайки, готовые поведать любому желающему душеспасительную историю своих бедствий и показать раны, полученные в боях, которые завершились задолго до их рождения. «Желтые куртки» прохаживались среди них и черными лакированными жезлами отгоняли подальше самых настырных и самых зловонных.

– Это еще что! – усмехнулся Цепп. – Тебе стоило бы взглянуть на это место через пару часов, ближе к полудню. А еще лучше во время уборки урожая. Или в дождь. О боги...

Одеяние священника, а также серебряный солон, переданный из рук в руки, сотворили чудо – они миновали заставу без всяких задержек, еще и с добрыми напутствиями: «Удачного вам дня, ваша святость». Врата Сенциа представляли собой массивное сооружение с решетчатыми створка-

ми – пятнадцать ярдов в ширину и почти столько же в высоту. Их охраняла уже не обычная городская стража, а «черные куртки» – солдаты регулярной армии. Они скучали на наблюдательных вышках, установленных на вершине толстой, в двадцать футов, стены.

К северу от Каморра стало попросторнее. Здесь тоже тянулась жилая застройка, но дома стали поменьше, появилась зелень, кое-где камень уступал место дереву – во всем чувствовался пригородный покой и простор, которые начисто отсутствовали на скученных островках Каморра. Берега реки тоже изменились, став более топкими и болотистыми. К северу и востоку от Анжеваны террасами поднимались холмы, приспособленные под поля и огороды. Локки с удивлением заметил, что жизнерадостно-зеленая поверхность земли крест-накрест исчерчена белыми каменными полосками – это пограничные межи разделяли отдельные участки крестьян. Даже воздух стал другим: в зависимости от направления ветра в нем то витали запахи морской соли и просмоленной древесины, то волнами наплывали ароматы унавоженных полей и оливковых рощ.

– Забавно, но многие люди, которые в глаза не видели Каморра и других столиц, называют эти поселочки гордым словом «город», – подал голос отец Цепп. – Это я к тому, что как ты не знаешь деревни, точно так же и крестьяне понятия не имеют о городской жизни. Поэтому держи рот на замке, а глаза – широко открытыми. Все примечай и запоминай, осо-

бенно в первые дни, пока тебя еще не загрузили работой.

– Но к чему все это, Цепп? В чем смысл этой поездки?

– Возможно, когда-нибудь тебе придется прикидываться человеком из простонародья, Локки. Вот тогда-то и пригодится это маленькое путешествие. Если ты знаком с жизнью крестьян, тебе нетрудно будет понять и возницу, и багорщика с баржи, и сельского кузнеца, и коновала, и даже разбойника с большой дороги.

Сейчас они ехали по старой дороге времен Теринского Престола. Перед ними тянулась бесконечная мощеная полоса с неглубокими канавами по обочинам. Поверх вымостки лежал тонкий слой гравия и металлических опилок – свидетельство близости Угольного района. Под действием дождей железная крошка местами проржавела и спеклась в рыжеватую корку, которая звонко хрустела под колесами двуколки.

– Знаешь, большинство «черных курток» – это выходцы из северных хуторов и деревень. Испокон веков каморрские герцоги направляют своих вербовщиков именно туда, когда хотят набрать настоящих мужчин, а не обычный городской сброд, который, как правило, является на призывные пункты. Крестьян заманивают в армию высокой платой и обещанием собственных земельных участков, которые солдаты получают после того, как оттрубят свои двадцать пять лет – при условии, конечно, что их не убьют за это время. Да, мой мальчик... Они приходят в Каморр с севера и снова уходят к себе на север.

– Поэтому «черные куртки» и «желтые куртки» недолюбливают друг друга?

– Тонко подмечено, – блеснул глазами священник. – В чем-то ты прав, мой мальчик. Большинство «желтых курток» – это городские ребята, что называется, парни из центра, и, как правило, они стремятся таковыми и остаться. Но армия – это болото, в котором выживают только самые злобные и самостоятельные люди. Ты уж мне поверь, я-то знаю. Они постоянно грызутся из-за всякой ерунды – из-за цвета форменных шляп, фасона башмаков...

– А вы что, отец, когда-то прикидывались солдатом?

– О всемогущие Тринадцать, нет, конечно! Я *БЫЛ* солдатом.

– «Черной курткой»?

– О да, – вздохнул Цепп и откинулся на деревянную спинку скамьи. – Тому уж тридцать лет, сынок... пожалуй, даже больше тридцати. Я служил копейщиком еще у старого герцога Никованте. Из нашей деревни многие ушли в армию – почитай, все мои сверстники. Тогда были тяжелые, неспокойные времена – война за войной. Герцогу требовалось пушечное мясо, а нам требовалась еда и звонкая монета.

– А как называлась ваша деревня?

– Вилла Сенциано, – священник одарил мальчика кривоватой усмешкой.

– Вот оно что...

– О боги, у нас тогда полдеревни ушло на войну... – на

какое-то время Цепп замолчал, так что было слышно лишь дребезжание колес по гравиию, затем продолжил со вздохом: – А обратно вернулись лишь трое. Во всяком случае, трое выбрались живыми из этой мясорубки.

– Так мало?

– По крайней мере, трое из тех, кого я знал, – Цепп задумчиво поскреб бороду. – К одному из них я как раз тебя и везу. Его зовут Вандрос. Хороший человек. Не очень образованный, зато крепок природной смекалкой. Он один из немногих, кому удалось прослужить свои двадцать пять лет и получить от герцога клочок земли в аренду.

– Как это – в аренду?

– Видишь ли, большинство простого народа в деревне не имеют собственной земли и вынуждены жить и работать на чужой. Вроде того, как мы в городе снимаем жилье. Так и мой товарищ – он владеет своей фермой, пока не умрет. Что-то вроде благодарности от герцога, – священник недобро рассмеялся. – Взамен ушедшей молодости и утраченного здоровья...

– Но вы-то не отслужили полностью свой срок, отец Цепп?

– Угадал, мой мальчик, – священник снова поскреб подбородок привычно-нервным жестом. – Проклятье, как хочется курить! Но в ордене Эллизы это не поощряется, имей в виду... Я тогда сильно захворал после одного боя. Не то чтобы ноги болели или что-то в этом роде – нет, прихватило по-крупному. Затяжная лихорадка, слышал о такой? Ходить

не мог, не то что воевать. Думали, вообще не выживу. Вот они меня и бросили... так же, как и других. Оставили на попечение странствующих священников Переландро.

– И вы не умерли, да?

– Умный мальчик, – усмехнулся Цепп. – Как это ты догадался? Вроде бы всего три года живешь у меня...

– И что же произошло потом?

– Потом творилось всякое-разное... произошла чертова уйма вещей. А конец тебе известен: я трясусь на этой повозке и развлекаю тебя болтовней.

– А что случилось с третьим парнем из вашей деревни?

– С ним-то все в порядке. У этого деятеля всегда была голова на плечах. Вскоре после того, как я слег с лихорадкой, он выслужился до сержанта-знаменосца. В битве при Нессеке он помогал молодому герцогу, когда старый Никованте схлопотал стрелу аккурат промеж глаз. Причем умудрился выжить и подняться по службе – так что и в следующих войнах служил нашему герцогу.

– И где он сейчас?

– В настоящий момент? Понятия не имею, – пожал плечами Цепп. – Но знаю, что сегодня после обеда он, как обычно, будет заниматься с Жеаном Танненом в Обители Хрустальных Роз.

– Теперь понятно...

– Как забавен наш мир, – вздохнул Цепп. – Три сельских парня ушли в солдаты... потом один из них стал крестьяни-

ном, другой бароном, а третий священником-вором.

– И мне теперь тоже предстоит стать крестьянином. На какое-то время.

– Да, я считаю, что это будет полезно для твоего образования. Но дело не только в этом.

– А в чем же еще?

– Тебе предстоит еще одна проверка, мой мальчик. Просто еще одна проверка.

– В каком смысле?

– Видишь ли, все эти годы за тобой кто-нибудь присматривал. Чаще всего я... иногда Кало с Гальдо, или Жеан, или Сабета. Ты привык к нашему храму, чувствуешь себя в нем, как дома. Но время – это река, сынок. И мы сплавляемся по ней, иногда заплывая дальше, чем предполагали, – он бросил на мальчика непривычно теплый взгляд. – Я не могу всю жизнь держать тебя за руку, Локки. Настало время убедиться, что ты способен выжить один в непривычном месте. Надеюсь, что ты справишься с этим.

Глава 8. Погребальная бочка

1

Все началось с медленного ритмичного боя похоронных барабанов. Они задавали неспешный ритм траурной процессии, которая двигалась на север со стороны Плавучей Могилы. Участники процессии несли в руках горящие факелы, и под темным облачным небом протянулась двойная цепочка красных огней.

В самом центре шагал сам Венкарло Барсави, капа Каморра, с обеих сторон его поддерживали сыновья. Перед ними двигались носилки с гробом, убранные черным шелком и золотой парчой. Их несли две шестерки носильщиков – в черных плащах и черных же масках, каждая из которых изображала одного из теринских Двенадцати Богов. С ними шла жрица Безымянного Тринадцатого божества, тоже закутанная в черный плащ. За спиной Барсави еще шесть человек катили тележку с большой деревянной бочкой, а за ней следовали хмурые сестры Беранджиас.

Грохот похоронных барабанов эхом отдавался от каменных стен и разносился по всем улицам, мостам и каналам. Свет факелов отражался в окнах домов и в каждом осколке

Древнего стекла, встречавшемся по пути. Те горожане, что были посмелее, высовывались на улицу и провожали процессию опасливыми взглядами. Однако таких было немного – большинство предпочитало отсиживаться за закрытыми дверями и плотно затворенными ставнями. Именно так обычно проходили похороны богатых каморрцев: медленное шествие на Холм Шепотов, церемония погребения, а следом за ней печальное празднество, посмертная дань усопшему родственнику. Произносились негромкие тосты в его честь, живые тихо радовались тому, что Аза Гуилла, госпожа Долгого Молчания, еще не призвала их на свой последний суд... Но сейчас обычный канон погребения был нарушен уже одним видом пресловутой бочки.

В десятом часу процессия миновала Деревяшки и направилась в район Чертова Котла. Ни один пьяница или уличный мальчишка не смел перейти ей дорогу. Местные банды и даже «глядельцы» выстроились вдоль улицы, разделяя скорбь своего повелителя и его близких.

Капа Барсави прошествовал через Угольный район и вошел в Закуток. Вокруг царило безмолвие, лишь серебристый туман поднимался над водной гладью каналов и стелился вслед молчаливой процессии. На улицах не было видно ни одной «желтой куртки» – приспешники капы заранее позаботились, чтобы у стражников сыскались дела в других районах города. Пусть рыщут в западной части, а весь восток Каморра этой ночью принадлежал Венкарло Барсави и его

гору. Честные же горожане и вовсе спешили укрыться за закрытыми дверями. В такую минуту лучше сидеть тихо, надеясь, что всемогущий капа пройдет мимо, не затянув их в водоворот своих дел и печалей.

Однако если бы они исхитрились выглянуть в какую-нибудь щелочку, то увидели бы много интересного. Например, то, что похоронная процессия, уверенно миновав поворот на Холм Шепотов, направилась вместо этого на север и змеей проползла в самый западный конец Ржавой Заводи, где в ночной мгле смутно темнело сооружение под названием Гулкая Дыра.

Любопытный наблюдатель подивился бы внушительному размеру процессии – здесь собралось свыше сотни человек – и в особенности ее необычной экипировке. Только носильщики были одеты сообразно печальному поводу. Все остальные шли в полном боевом облачении – кожаные доспехи с металлическими заклепками, защитные воротники и шлемы, руки прикрыты наручами и перчатками, из-за поясов торчат дубинки, ножи и топоры. Тут присутствовали лучшие из лучших подданных Барсави, самые надежные из Правильных Людей, мужчины и женщины с холодными глазами, имена которых заставляли трепетать весь Каморр. Они явились по зову капы из всех районов города, представляя все подвластные капе банды – Краснорукие и Пастушьи Псы, Серолицы и Арсенальные Парни, Речные Прыгуны и Черные Крутилы, Огневые Бароны и многие, многие другие.

Но самая любопытная деталь была надежно скрыта от глаз сторонних наблюдателей. Знать о ней полагалось лишь немногим.

Дело в том, что тело Наццы Барсави – в черном саване, пропитанном специальным алхимическим раствором, – осталось лежать в ее старой комнате на Плавучей Могиле. Минувшей ночью там прошла церемония прощания с дочерью капы. Локки Ламора и еще двенадцать жрецов Безымянного Тринадцатого Бога, Хранителя воров, сделали все, что необходимо, – зажгли освященные свечи и прочитали полагающиеся молитвы. А затем ушли и оставили лежать бездыханную Наццу Барсави, пока ее отец покончит с делом, которое, строго говоря, не имело никакого отношения к Холму Шепотов. Гроб же, который несли на задрапированных носилках, был пуст.

2

– Я Серый Король, – произнес Локки Ламора. – Я Серый Король – пусть боги вырвут его глаза, – я тот самый Серый Король.

– Возьми на тон ниже и добавь хрипа, – посоветовал Жеан Таннен, сражавшийся с одним из манжетов на сером камзоле Локки. – А также легкий намек на тал-вераррский выговор.

Ты вроде упоминал, что он говорит с акцентом?

– Я Серый Король, – снова повторил Локки. – И мне станет не до шуток, когда Благородные Подонки разберутся со мной!

– О, вот так гораздо лучше, – одобрил Кало, который натирал волосы Локки специальной алхимической пастой, придавая им характерный землисто-серый оттенок. – Лично мне нравится. По-моему, очень убедительно.

Локки стоял неподвижно, будто портновский манекен, а Кало, Гальдо и Жан хлопотали вокруг над его костюмом, гримом и прической. Жук же стоял на страже – перегнувшись через стенку их укрытия, следил, чтобы случайный прохожий не стал свидетелем их приготовлений.

На самом деле эта предосторожность была излишней. Благородные Подонки прятались в заброшенном доме Ржавой Заводи, всего в нескольких кварталах от Гулкой Дыры. Ржавая же Заводь давно уже была мертвым островом – почти необитаемой окраиной с дурной славой. Если многие другие предрассудки каморрцы успели отвергнуть, отнеся их к категории бабкиных сказок, то со здешними местами все обстояло иначе. За этим районом давно и безоговорочно закрепилась репутация «плохого места». Поговаривали, что в лагуне Ржавой Заводи водятся некие создания – вроде акуллюдоедов, но куда более древние и ужасные. Трудно сказать, насколько правдивы были эти слухи, однако место выглядело идеальным для предстоящей разборки капы Барсави и Серо-

го Короля. Локки подозревал, что самого его в достопамятную ночь похищения в Серебристой роще тоже привезли куда-то сюда.

Мало-помалу все детали образа ненавистного Серого Короля занимали свое место. Выкрашенные волосы отливали сединой – в тон одежде, на ногах были башмаки с толстой подметкой, которые добавили Локки пару дюймов роста. Не забыли и пегие вислые усы, накрепко приклеенные над верхней губой.

– Отлично выглядишь, – заметил Жук.

– Чертовски безвкусный прикид, но в принципе Жук прав, – согласился Жеан. – Теперь, когда я подогнал этот идиотский костюм под твой размер, ты выглядишь обалденно.

– Жалко, что не мы придумали эту игру, – вздохнул Гальдо. – Я бы получил огромное удовольствие. Наклонись вперед, Локки, добавим тебе морщин.

Осторожными движениями он стал покрывать лицо товарища теплой маслянистой субстанцией, от которой сразу защипало кожу. Через минуту она застыла и затвердела, заставив лицо Локки съежиться и стянуться. Теперь он имел первоклассный набор морщин: «гусиные лапки» на скулах, мимические морщинки в уголках глаз, возрастные складки на щеках. На вид ему можно было дать лет сорок пять, а то и больше. Подобный грим выглядел бы убедительно даже при дневном свете, ночью же Локки стал просто неузнаваем.

– Виртуозная работа, – похвалил Жеан. – Особенно с учетом недостатка времени и средств, которыми мы располагаем.

Локки накинул капюшон и натянул серые кожаные перчатки.

– Я Серый Король, – произнес он низким голосом, имитируя акцент истинного Серого Короля.

– Ничего себе! – восхитился Жук. – Даже я поверил.

– Вот и отлично. Давайте тогда сворачиваться, – Локки подвигал челюстями, ощущая, как играют на коже искусственные морщины. – Гальдо, будь добр, передай мои стилеты. Полагаю, один надо положить в сапог, а второй в рукав...

И в этот миг в его голове раздался тихий призрачный голос Сокольничего:

«Ламора...»

Локки напрягся, и Жеан сразу это заметил.

– В чем дело? – спросил он.

– Сокольничий, – пояснил Локки. – Он... он снова играет в свои поганые игры...

«Барсави уже приближается. Тебе и твоим друзьям следует поторопиться, чтобы заранее занять позицию.»

– Ишь как не терпится нашему контрмагу! – хмыкнул Локки. – Ладно, поторопимся, ребята. Жук, ты помнишь сценарий? Где в точности ты должен находиться?

– Там, где чертовски глубоко и холодно, – проворчал мальчишка. – На сей раз даже не придется прыгать с крыши

храма. Так что не беспокойся.

– Жеан, а ты доволен своим местом?

– Не особенно, но что поделывать, – Жеан похрустел костяшками пальцев. – Мы с Жуком будем видеть друг друга там, под полом. Если что-то пойдет не так, и ты увидишь, что вся игра летит на хрен, не забудь прыгнуть в этот проклятый водопад – а я уж тебя прикрою.

– Кало, Гальдо, – Локки обернулся к близнецам, которые спешно собирали инструменты и гримировальные принадлежности. – У вас все готово, чтобы по-быстрому убраться из города?

– Если уж мы беремся за дело, все проходит гладко, – отозвался Гальдо. – Наши сладкие жирненькие денежки давно упакованы в мешки, две повозки и лошади стоят наготове, провизии припасено на целый день пути.

– А на заставе у Врат Висконте стоят верные люди – мигом пропустят, будто нас и не было в Каморре, – добавил Кало.

– Отлично... Черт, пора закругляться с подготовкой, – Локки нервно потер руки в перчатках. – Сегодня я не настроен на цветистые речи, поэтому давайте просто помолимся, чтобы у нас все выгорело.

Жук шагнул вперед и прочистил горло.

– Я иду на это лишь потому, что обожаю прятаться в заброшенных домах Древних, особенно темными промозглыми ночами.

– Ты лжешь! – торжественно объявил Жеан и продолжал:

– А я иду на это лишь потому, что всегда мечтал увидеть, как злобный призрак Древнего сожрет Жука.

– Вранье! – вступил Кало. – Я иду на это, потому что нет ничего приятнее, чем сначала перетаскать полтонны золотых монет из подземелья, а затем уложить их в телегу.

– Лжец! – хохотнул Гальдо. – А я иду на это потому, что собираюсь заложить все наше добро у Гарцы-Безнадеги, пока вы будете заняты.

– Вы все безбожно врете, – заявил Локки под устремленными на него взглядами. – Мы идем на это потому, что в Каморре нет никого, кто справится с этим лучше нас. И нет таких глупцов, которые взяли бы за подобное дело.

– Подонок!!! – воскликнули все хором, на мгновение позабыв, где и по какой причине находятся.

«Сил нет слушать, как вы орете, – снова раздался из-за грани голос Сокольничего. – Вы что, с ума походили?»

– Дядюшке контрмагу не нравятся наши забавы, – вздохнул Локки. – Приступим к делу. Да пребудет с нами милость Тринадцатого. Надеюсь снова увидеться с вами в нашем храме после того, как уляжется суета.

3

Гулкая Дыра представляла собой кубическую постройку

из камня, при помощи цементного раствора соединенного с матовым сортом Древнего стекла. Что интересно, в таком сочетании Древнее стекло не испускало Лжесвета. Строение казалось абсолютно непроницаемым, вообще не отражая никакого света. Оно было примерно ста футов в ширину и длину, и в нем имелся только один вход – невысокая, примерно в человеческий рост, дверь располагалась на высоте двадцати футов над землей. Попасть туда можно было по широкой лестнице.

Выше по течению от Анжеваны отходила единственная протока, огибала с юга Мельничные водопады и прибегала в Ржавую Заводь.

Ее быстрые журчащие воды утекали куда-то под Гулкую Дыру. Из-за такого соседства и сама речка считалась нехорошей, несущей в себе некое древнее зло. Каморрцы избегали даже приближаться к протоке без особой нужды, не то что использовать ее в хозяйстве.

Внутри самого здания имелось отверстие в полу, куда и обрушивались воды речушки, образуя небольшой, но шумный водопад. Куда они деваются дальше, никто доподлинно не знал. Под Гулкой Дырой располагалась сложная разветвленная сеть катакомб, по которой и продолжала свой путь протока, распавшаяся на сотни ручейков. Некоторые из них впадали в Ржавую Заводь, иные и вовсе уходили неведь куда.

В полной темноте Локки Ламора стоял в центре Гул-

кой Дыры, прислушиваясь к грохоту водопада и напряженно вглядываясь в серое пятно на противоположной стене, которое обозначало входную дверь. Положение не из приятных. Единственным утешением ему служила мысль, что Жан и Жук, скорчившиеся где-то в сыром подполье, наверняка чувствуют себя еще хуже – по крайней мере, пока события не начали развиваться.

«Они близко, – сообщил незримый Сокольниковый. – Очень близко. Будь наготове.»

Локки и сам услышал звуки процессии, прежде чем сумел что-то разглядеть. Сквозь открытые двери донесся невнятный бой похоронных барабанов, временами заглушаемый журчанием падающей воды. Постепенно звук становился все громче. За дверью обозначилось красное свечение, и Локки непроизвольно отметил, что серый туман на улице ощутимо сгустился. Факелы светили тускло, будто из-под толщи воды. Свечение все разгоралось, теперь уже можно было разглядеть очертания комнаты, в которой он находился. Внезапно барабанный бой стих, и Локки снова остался наедине с шумом водопада. Вскинув голову и заложив одну руку за спину, он неотрывно смотрел на дверной проем, прислушивался к шуму крови в ушах и ждал.

Наконец прямо перед ним засветились два красных огонька – будто глаза дракона из сказки, промелькнуло в голове у Локки. Он успел еще припомнить, что Жан всегда был любителем таких сказок, но затем обратил внимание на темные

контуры, обрисовавшиеся позади огоньков, и сосредоточился исключительно на них. Вскоре глаза его привыкли к неяркому свету, и он смог разглядеть фигуры двух мужчин – довольно высоких, в плащах и при оружии. Более того, он настолько хорошо различал лица и позы незнакомцев, что даже уловил их удивление – казалось, они не ждали встретить его здесь. После небольшой заминки мужчины продолжили свое движение в обход комнаты – один приближался к нему справа, другой слева. Локки не предпринимал никаких действий, просто стоял и ждал.

В дверях показались новые факелы – два, за ними еще два: похоже, капа Барсави засылал своих людей попарно. Вскоре их собралось уже немало – они расположились перед Локки широким полукругом. Свет факелов осветил внутренность помещения, и стало видно, что стены покрыты полустертой резьбой. Старинные символы принадлежали языку Древних, который не смог расшифровать никто из людей.

Дюжина факелов, две дюжины... люди капы Барсави все прибывали. Вскоре Локки начал различать знакомые лица. Здесь собрались все самые отпетые головорезы, мучители, убийцы. Чертова прорва народу – как и обещал Барсави, стоя над телом дочери.

Время шло. Локки по-прежнему ничего не предпринимал. В комнату входили все новые мужчины и женщины. Вот появились сестры Беранджиас – даже в полутьме Локки безошибочно узнал их самоуверенную повадку. Обе стояли в

центре толпы молча, скрестив руки на груди, их угрюмые глаза поблескивали в колеблющемся свете факелов. Никто из вновь прибывших не становился за спиной у Локки – очевидно, на сей счет были получены четкие указания. Он по-прежнему стоял один против толпы, физически ощущая давление со стороны собравшихся Правильных Людей...

Локки слышал их дыхание, легкий шепот и поскрипывание кожаных доспехов. Эхо отражалось от стен и смешивалось с шумом падающей воды. В какой-то момент факелы начали гаснуть – стало темнее, комната наполнилась смолистым духом. В конце концов остался гореть лишь каждый пятый факел.

Но и этого света хватило, чтобы Локки различил фигуру капы Барсави, когда тот появился из-за угла и шагнул в помещение. Седеющие волосы гладко убраны назад, тройная бородка аккуратно расчесана и умощена ароматическим маслом. На капе был его любимый камзол из акульей кожи и черный бархатный плащ с золотым шитьем, сброшенный на одно плечо. Справа от него стоял Анжаис, слева – Пачеро. В их глазах Локки не видел ничего, кроме холодного обещания смерти.

«Все совсем не так, как тебе кажется, – раздался насмешливый голос Сокольникового. – Стой и не дергайся.»

Сделав еще пару шагов, Барсави остановился перед толпой и уставился на Локки. Он молча разглядывал его капюшон, из-под которого поблескивали красноватые глаза, се-

рый плащ, тяжелые башмаки и кожаные перчатки.

– Король, – наконец произнес он.

– Капа, – откликнулся Локки, усилием воли заставляя себя хранить надменный тон, собирая в кулак остатки решимости и борясь с дурными предчувствиями. Он старательно играл человека, который, не дрогнув, с улыбкой глядит в глаза десяткам убийц. Который бросил вызов всемогущему капе при помощи кучи трупов, последним из которых стала его любимая дочь. Логика игры диктовала свои условия. Сейчас он был не другом погибшей Наццы, но ее убийцей, не послушным подданным Барсави, а его противником. Равным... если не больше.

Оскалив зубы в волчьей усмешке, он откинул плащ с левого плеча и приветственно махнул Барсави. Жест вышел издевательским: так громила подзывает к себе жертву в темном переулке – мол, подходи, потолкуем.

– Внимание, – скомандовал капа, и дюжина людей вскинула арбалеты, беря Локки на прицел.

«Святой Ловкач, дай мне силы!» – взмолился Локки. В ожидании он скрипнул зубами и ощутил, как натянулась под гримом кожа на скулах.

По комнате пронесся ощутимый шорох тетивы дюжины арбалетов. Промелькнули неуловимые в своем движении болты – и, щелкнув о невидимую преграду, россыпью упали подле ног Локки, как стайка мертвых птиц.

Он рассмеялся с неподдельной радостью человека, чудом

оставшегося в живых. В этот момент Локки готов был расцеловать Сокольникового, если б тот оказался рядом.

– Ты меня удивляешь, капа, – игриво воскликнул он. – Разве ты не слышал о моей неуязвимости?

– Это была всего лишь маленькая проверка личности, ваше величество, – в тон ему ответил Барсави.

Употребленный им титул прозвучал откровенной насмешкой. Это насторожило Локки – он ожидал, что неудача с арбалетной атакой смутит противника. Но капа остался невозмутимым. Он сделал еще один шаг вперед.

– Рад, что ты откликнулся на мой зов, – перешел в наступление Локки.

– Прийти сюда меня заставила кровь моей дочери, а не твой зов, – отрезал Барсави.

– Не имеет значения, – безразлично пожал плечами Локки, но в душе горячо взмолился: «О боги! Нацца, голубка, прости меня, если сможешь». – Вряд ли ты был столь же чувствителен двадцать лет назад, когда завоевывал для себя этот город.

– Значит, по твоему мнению, сейчас происходит именно это? – усмехнулся Барсави. – Ты отнимаешь у меня мой город?

Теперь их разделяло каких-то сорок футов.

– Да, я вызвал тебя, чтобы обсудить наши разногласия, – заявил Локки. – Так сказать, разрешить их к обоюдному удовольствию.

Похоже, он все делал правильно. Во всяком случае, Сокольничий не считал нужным вмешиваться.

– Боюсь, это невозможно, – отрезал капа Барсави. Он скинул левую руку, и из толпы вышел человек. Локки впился в него взглядом: немолодой, лысеющий, по виду не силач и, главное – совершенно безоружный. Любопытно... Приближавшийся человек откровенно трусил.

– Делай, как мы договорились, Аймон, – подбодрил его капа. – Сделай это, и я честно выполню свою часть обязательств.

Безоружный мужчина по имени Аймон медленно, через силу двинулся вперед, с нескрываемым ужасом глядя на серую неподвижную фигуру. Шаг, еще шаг... Несмотря на свой страх, он приближался к Локки, а все остальные – десятки людей – молча за ним наблюдали.

– Надеюсь, он знает, что делает, – с добродушной усмешкой обронил Локки.

– Сейчас мы это увидим, – откликнулся Барсави.

– Ты же знаешь, что меня нельзя ни зарезать, ни пронзить стрелой, – напомнил Локки. – А твой человек умрет, как только попробует прикоснуться ко мне.

– Я слышал об этом, – хладнокровно ответил капа.

Аймон продолжал двигаться вперед. Расстояние между ним и Локки сократилось до тридцати футов, затем до двадцати...

– Остановись, Аймон, – тихо произнес Локки. – Тебя про-

сто используют.

«О боги, не дайте этому случиться, – взмолился он в душе. – Не вынуждайте Сокольничего убивать его!»

Аймон по-прежнему шел вперед – челюсть у него тряслась, сиплое дыхание со свистом вырывалось из груди. Он выставил перед собой трясущиеся руки, как человек, который собирается войти в огонь.

«Всемогущий Тринадцатый, сделай так, чтоб он испугался! – воззвал Локки. – Пожалуйста, пусть он остановится. Сокольничий, нашли на него страх... ты же можешь! Сделай что-нибудь, чтобы не пришлось его убивать». По спине у него ручейком сбегал пот. Локки вскинул голову и попытался поймать взгляд безумца. Теперь их разделяло не более десяти футов.

– Аймон, тебя предупредили, – строго произнес Локки. – Ты подвергаешь себя смертельной опасности.

– О да, – ответил мужчина дрожащим голосом. – Я знаю это.

Он сделал последний шаг, протянул обе руки и крепко ухватился за правый рукав мнимого Серого Короля.

Внутри Локки все сжалось. И хотя он знал, что несчастного Аймона убьет Сокольничий, а не он сам...

И... ничего не произошло. Он отпрянул назад, вырываясь из цепких рук человечка.

В глазах Аймона вспыхнул безумный огонь, и в следующий миг он, к ужасу Локки, прыгнул вперед и обеими рука-

ми вцепился в свою добычу – так изголодавшаяся птица-падальщик набрасывается на тухлое мясо.

– А-а-а! – разнесся его крик. На какой-то безумный миг Локки подумалось: «Ну вот, свершилось...» Но ничего подобного: Аймон был вполне жив и к тому же держал его мертвой хваткой.

– Хрен тебе в душу! – запоздало спохватился Локки. Он попытался занести левый кулак, чтобы ударить противника, но момент был упущен: диспозиция сложилась не в его пользу. Он с трудом удерживал равновесие, а Аймон навалился на него с немислимой для такого доходяги силой.

– А-а-а-а!!! – теперь в его вопле слышался откровенный триумф. Локки успел этому удивиться, прежде чем оступился и упал на собственный зад.

И тут все пришло в движение – застучали десятки башмаков, черные силуэты метнулись к Локки, ухватили его за руки, за ноги и буквально распяли на грязной каменной поверхности.

Капа Барсави растолкал толпу, властным движением отодвинул в сторону ошалевшего Аймона и оказался лицом к лицу с распластанным Локки. На его грубом расплывшемся лице застыло радостное предвкушение.

– Так-так, ваше величество, – с расстановкой проговорил он. – Готов поспорить, что вы удивлены не меньше моего. Теперь все в порядке – я вижу перед собой обделавшегося вонючего уroda.

Его люди загомонили и засмеялись. Затем пудовый кулак капы обрушился Локки под дых, и воздух со свистом вылетел из его легких. Черная волна боли с головой накрыла Благодарного Подонка, и он с пронзительной ясностью осознал, как крупно и непоправимо влип.

4

– Я бы сказал, что все это невероятно странно, – продолжал капа Барсави, прохаживаясь взад-вперед перед своим пленником. Локки по-прежнему лежал неподвижно, удерживаемый десятками рук, и мог лишь следить за стариком. – Ну-ка, парни, откиньте его дурацкий капюшон.

Тут же бесцеремонные пальцы ухватились за его плащ, потянули назад. Капа холодно смотрел на беспомощного распростертого человека, и рука его бессознательно поглаживала бороду, обильно тронутую сединой.

– Все серое, с ног до головы... Прямо как на сцене, – усмехнулся Барсави. – А какой тощий! Что за недомерок попался нам сегодня, ребята! И ведь именует себя Серым Королем, повелителем теней, туманов и чего-то там еще!

Капа презрительно, наотмашь ударил Локки по лицу – раз, другой... Тот даже не сразу ощутил жгучую боль – настолько сильным было потрясение. Голова его поникла, но

тут же грубые руки потянули сзади за волосы и заставили смотреть прямо в лицо мучителю. Мысли, как безумные, ходили по кругу. Что происходит? Неужели люди Барсави накрыли Сокольничего? Может, они что-то предприняли, как-то отвлекли его? Слабо верится, чтобы капа рискнул убить контрмага... но вдруг?

– Мы знаем, что тебя нельзя ранить ножом или пронзить стрелой, – продолжал издеваться Барсави. – Какая жалость! Но как насчет простых побоев, а? Любопытная штука – чары этого контрмага. Весьма своеобразная, не правда ли?

И он снова под одобрительный шумок своих приспешников пнул Локки в живот. Тот подсознательно попытался закрыться, скорчиться, но его пленители держали крепко, не позволяя даже вздохнуть, пока волны мучительной боли захлестывали тело.

– Знаешь ли, – усмехнулся старик, – а ведь сегодня утром один твой парень объявился у меня на Плавучей Могиле.

У Локки по спине побежали мурашки.

– Прислав тело Наццы в таком виде, ты оскорбил своим деянием не одного меня, – продолжал Барсави, и тон его не предвещал ничего хорошего. – Похоже, кое-кто из вашей команды не разделяет твоего чувства юмора и счел это недопустимым осквернением. Так или иначе, мы потолковали с твоим человечком и, можно сказать, сторговались. Он порассказал мне много удивительного, раскрыл все твои хитрые фокусы... Вот так-то. История про то, что ты убиваешь

одним прикосновением – дерьмо собачье.

«Попался! – прошелестел неслышный голос где-то на грани сознания Локки – отнюдь не голос Сокольникового. – Попался, попался». Вот хрен! Ну разумеется, контрмага не схватили и не отвлекли... Теперь все окончательно стало на свои места.

– Правда, я не был ни в чем уверен до последнего момента – твой парень мог и обмануть, – продолжал откровенничать Капа. – Поэтому пришлось подстраховаться с Аймоном, которого, я уверен, ты не знаешь лично. Дело в том, что этот человек все равно умирает. У него что-то вроде рака легких – опухоли повсюду, и в спине, и в брюхе. Врач сказал, это не лечится. Жить ему осталось от силы месяц-другой, – Барсави одобрительно, даже с какой-то гордостью похлопал по плечу доходягу Аймона. – Вот я и предложил – почему бы тебе не выйти вперед, Аймон, и не попытаться сцапать этого маленького грязного ублюдка? Если он действительно убьет тебя одним прикосновением – что ж, ты получишь легкую смерть. Зато если такого не случится...

Капа ухмыльнулся, щеки его при этом пошли гротескными морщинами.

– Тогда я получу тысячу полновесных крон, – хихикнул Аймон.

– Это для начала, – веско произнес Барсави. – Я дал обещание и намерен его сдержать. Более того, я собираюсь его расширить. Я пообещал Аймону, что он умрет на собствен-

ной вилле, в окружении золота и шелков, и его будут ублажать полдюжины девочек из Гильдии Лилий по его собственному выбору. Клянусь, я придумаю для него еще что-нибудь этакое! Аймон Дансьер проживет остаток жизни не хуже нашего гадского герцога. И все потому, что сегодня ночью он показал себя самым храбрым из мужчин Каморра.

В толпе поднялся одобрителный гомон: люди захлопали и застучали ладонями по своим облаченным в кожу бокам.

– Вот пример тебе, подлому, трусливому куску дерьма, который убил мою единственную дочь. Который даже не посмел сделать это своими руками, передоверив дело грязной магии. Мерзкий отравитель! – Барсави с презрением плюнул в лицо Локки, и тот даже сквозь плотную массу грима почувствовал тепло капель. – Твой человек рассказал мне, как контраг сначала навел свои чары, а затем решил бросить тебя. Подонок, ты был настолько самоуверен, что не захотел платить ему! Что ж, я от души аплодирую твоей бережливости.

Капа сделал знак сыновьям, и те шагнули к Локки. Лица их были подобны высеченным из камня маскам. Одинаковым зловещим жестом они сняли очки и убрали их в карманы камзолов. Локки открыл было рот, желая объяснить... и промолчал, поскольку на него нахлынуло окончательное понимание ситуации. Его положение было даже хуже, чем показалось ему вначале. Откровенно говоря, он даже не мог представить себе такой кучи дерьма, в которой сейчас ока-

зался.

Конечно, он мог бы сейчас открыться – содрать накладные усы, оттереть фальшивые морщины, с рыданиями пове­дать капе свою историю, – но что это даст? Ему все равно не поверят – ведь он только что на глазах у всех использовал защитные чары контрмага. А если он назовет свое настоящее имя, сотни людей Барсави тут же начнут охоту за Жеаном, Жуком и братьями Санца. Благородные Подонки не посме­ют и носа сунуть на улицы Каморра, ибо за их жизнь никто не даст и ломаного медяка.

Нет, если он не хочет подставлять товарищей, ему придется играть роль Серого Короля до самого конца – и надеять­ся, что конец этот будет не слишком мучительным. А что до Локки Ламоры... он просто исчезнет, растворится в пустоте. Пусть друзья куда-нибудь уедут и начнут новое дело в рас­чете на удачу.

Чувствуя, как на глаза ему наворачиваются жгучие слезы, Локки заставил себя нагло усмехнуться в лицо братьям Бар­сави.

– Ну что, дворняжки? – прошипел он. – С вашим отцом мы уже познакомились. Посмотрим, на что способны вы.

Анжаис и Пачеро умели убить человека одним-един­ственным ударом, но сейчас это не входило в их намере­ния. Они били Локки долго и со вкусом – отбили все реб­ра, ободрали кожу с рук, отшибли бока, вволю попинали его несчастную голову – она моталась из стороны в сторону, как

привязанная, – и так сместили позвонки в спине, что каждый вдох отзывался мучительной болью. Наконец Анжаис снова швырнул его на землю пинком и, склонившись, поднял за подбородок – так, чтобы посмотреть в глаза.

– А это тебе подарочек от Локки Ламоры, – произнес он. Придерживая подбородок одним пальцем, он нанес Локки такой мощный удар, что у того перед глазами будто взорвалась молния. Затем все затянула багровая тьма, в которой плавали ослепительные звезды. Закашлявшись, Локки сплюнул кровью и облизал разбитые опухшие губы.

– Теперь настало время для моего отцовского правосудия, – раздался голос капы Барсави, и он трижды хлопнул в ладоши.

На улице послышался шум: кто-то поднимался по каменным ступеням с тяжелым грузом, нещадно кляня все на свете. Затем в дверном проеме показалось с полдюжины людей капы Барсави, тащивших огромную деревянную бочку – точно такую же, в какой доставили несчастную Наццу. Погребальная бочка... Толпа вокруг капы Барсави и его сыновей расступилась, чтобы дать пройти носильщикам. Те опустили свою ношу на пол, и Локки услышал, как внутри тяжело колыхнулась жидкость.

«О Тринадцать Богов!» – пронеслось у него в голове.

– Нельзя резать, нельзя пронзить, – приговаривал капа, будто размышляя вслух. – Но, как выяснилось, тебя вполне можно избить. И, конечно же, тебе требуется воздух, чтобы

дышать...

Двое из его слуг откинули крышку бочки и подтащили Локки поближе. В лицо ему ударила такая удушающая вонь конской мочи, что Локки поперхнулся и зашелся в мучительном кашле пополам с тошнотой.

– Смотрите, как плачет Серый Король, – прошептал Барсави. – Смотрите, как он рыдает. Это зрелище я сохраню в памяти до конца дней, как самую большую драгоценность, – голос его окреп и возвысился. – Скажи, а дочь моя Нацца рыдала? Она плакала, размазывая слезы, когда ты ее казнил? Что-то мне не верится.

Теперь капа кричал на всю Гулкую Дыру:

– Посмотрите на него в последний раз! Он получит то же, что и моя дочь Нацца Барсави. Он умрет той же смертью, что и она – но от моей руки!

Как Локки ни упирался, Барсави подтащил его за волосы к проклятой бочке и едва не окунул лицом в ее содержимое. На какое-то безумное мгновение Локки возликовал, что его желудок пуст и не может ничего извергнуть наружу. Однако сухие спазмы, сотрясавшие его измученное тело, быстро заставили позабыть об этой глупости.

– Я убью тебя одним легким движением, – продолжал капа, глотая слезы. – Шевельну пальцем – и тебе конец, выродок. И даже не мечтай о яде! Я не дам тебе легкой смерти. Ты у меня выпьешь эту чашу до дна... все распробуешь, пока не сдохнешь.

Кряхтя и ворча, он приподнял Локки за шиворот. На помощь ему кинулись несколько человек. Вместе они перевалили мнимого Серого Короля через край бочки и швырнули его вниз головой... о боги, прямо в густую тепловатую мерзость, которая заслонила собой весь мир вокруг. В зловонную тьму, которая обожгла его глаза и многочисленные ушибы, прежде чем поглотить целиком...

Люди капы захлопнули крышку и накрепко заколотили ее деревянными молотками и обухами топоров. Напоследок Барсави грохнул по ней кулаком и широко, облегченно улыбнулся, хотя по щекам у него продолжали течь слезы.

– Вот тебе твои переговоры, грязный подонок!

Толпа вокруг зашумела и заулюлюкала. Вверх взлетели десятки рук с дымящими факелами, породив причудливые тени на стенах.

– А теперь бросьте в море этого ублюдка, – велел капа, махнув в сторону водопада.

Тут же с десятков человек подхватили тяжеленную бочку и со смехом потащили ее в северо-западный угол – туда, где шумный водопад низвергал свои воды с потолка и уходил в бездонную черную дыру диаметром примерно восемь футов.

– Раз-два, взяли, – скомандовал один из них. На следующий счет помощники капы сбросили бочку вниз. Через несколько мгновений оттуда донесся тяжелый всплеск – дело было сделано. Носильщики отряхнули руки и радостно загомонили.

– Сегодня ночью, – выкрикнул Барсави, – герцог Никованте может спокойно спать в своей стеклянной башне! Ибо проклятый Серый Король навечно упокоился в бочке с мочой – так я решил! Сегодня моя ночь! Кто правит Каморром?

– Барсави!!! – вырвался оглушительный крик из десятков глоток. Он разнесся по всей Гулкой Дыре, отразился от чуждых символов на стенах и вернулся к капе. Тот стоял посреди ликующей толпы – гордый и недоступный.

– Сегодня ночью, – продолжал он, – пошлите гонцов во все уголки *моих* владений! Пусть несутся в «Последнюю ошибку»! Пусть бегут в Огневой район! Разбудите Чертов Котел и Муравейник, Отстойник и Западню! Скажите всем, что сегодня ночью двери моего дома открыты для них. Я зову в гости на Плавучую Могилу всех Правильных Людей Каморра! Пусть простые горожане покрепче запирают двери, а «желтые куртки» помалкивают в своих казармах – сегодня ночью мы гуляем, да так, что боги будут смотреть на нас с небес и удивляться, что за шум!

– Бар-са-ви! Бар-са-ви! Бар-са-ви! – скандировала толпа.

– Сегодня ночью, – завершил свою речь капа, – мы будем праздновать достойное событие. Каморр в последний раз видел последнего из королей!

Интерлюдия. Война с Полукронами

1

Со временем Локки и другие Благородные Подонки получили возможность проводить за стенами храма время, свободное от уроков. На тот момент Локки и Жеану было уже почти двенадцать, братья Санца выглядели чуть постарше. Отец Цепп рассудил, что все равно мальчишек не удержать взаперти в подземелье, и разрешил им выходить в город, одевшись во что-нибудь нейтральное. Разумеется, это дозволялось лишь тогда, когда – они не сидели на ступенях во имя Переландро или не занимались «ученичеством».

Под «ученичеством» понималось следующее: Цепп упорно и планомерно рассылал мальчишек по храмам остальных одиннадцати теринских божеств, разбросанным по всем уголкам Каморра. Обычно юный Благородный Подонки за являлся в храм под вымышленным именем, но не просто так, а на подготовленную почву. Безглазый Священник заранее проводил переговоры с кем надо и подкупал всех, кого мог. Справедливости ради стоит отметить, что его воспитанники ни разу не посрамили своего покровителя. Они неизменно радовали учителей безупречным почерком, глубокими тео-

логическими познаниями, железной дисциплиной и искренней верой. Каждый раз выходило так, что новички ускоренно проходили базовый курс обучения и вскоре уже приступали к постижению «сокровенных ритуалов» – так назывались молитвы и обряды, которые священники творили в узком кругу.

Впрочем, особого секрета они не представляли, ибо никому даже в голову не приходило, что какой-то дерзкий лицемер посмеет внедриться в храм, дабы проникнуть в святая святых чужой веры. Зачем? Даже те, кто знал о еретическом культе Тринадцатого Божества, даже немногие его последователи – и те не могли вообразить себе авантюру, задуманную Цеппом.

Дальше все развивалось по одному и тому же сценарию: несколько месяцев спустя после успешного завершения курса обучения юный блестящий ученик погибал в результате какого-нибудь несчастного случая. Например, Кало, как правило, «тонул», поскольку любил подводное плавание и умел надолго задерживать дыхание. Гальдо предпочитал исчезать во время сильного шторма или другого стихийного бедствия. Локки же, верный своим привычкам, разработал целый спектакль, который потребовал от него двухнедельной подготовки. В один прекрасный день он странным образом пропал из ордена Нары – Повелительницы чумы, Госпожи неотвратимых недугов. Встревоженные служители храма обнаружили в уединенной аллейке его растерзанную, за-

брызганную кровью (кроличьей) рясу, рядом с которой лежали тетрадка и несколько писем.

Как бы то ни было, каждый мальчишка, набравшись новых знаний, возвращался к отцу Цеппу и рассказывал всем остальным о том, что видел и слышал.

– Помните, что я не стремлюсь сделать из вас членов Высшего конклава Двенадцати Богов, – приговаривал Безглазый Священник. – Ваша задача – получить необходимый минимум сведений, чтобы в случае необходимости натянуть рясу и правдоподобно изобразить служителя определенного ордена. В случае со священником все просто – люди видят одеяние, а не человека.

Однако в тот день, о котором пойдет речь, никто из мальчишек не был занят «ученичеством». Жеан, как всегда, упражнялся в Обители Хрустальных Роз, а остальные поджидали товарища на южном конце Плавучего рынка. Стоял весенний денек, достаточно ветреный и свежий. По небу плыли низкие облака, предвещавшие близкие грозы.

Локки, Кало и Гальдо сидели на каменных плитах и наблюдали результаты недавнего столкновения плавучей лавки, торгующей курами, и перевозчика кошек. Когда маленькие лодочки налетели друг на друга, несколько клеток опрокинулось и раскрылось. Теперь переполошенные продавцы бегали взад и вперед, пытаясь положить конец избиению несчастных птиц полосатыми хищниками. Несколько цыплят-подростков в панике попрыгали в заводь и сейчас беспо-

мощно шлепали крыльями по воде и пищали – увы, шансов на спасение у них было немного, ибо природа приспособила их к плаванию еще меньше, чем к полетам...

– Гляньте на них! – раздался голос у мальчишек за спиной. – Эти мелкие бездельники – как раз то, что нам нужно.

Локки и братья Санца повернулись, как по команде, и увидели перед собой с полдюжины мальчишек и девчонок примерно своего возраста. Одеты они были, как и юные Благородные Подонки, в простонародную одежду самого незамысловатого покроя. Лишь их предводитель имел своеобразный знак отличия – черную шелковую ленту, которой была схвачена на затылке его темная выющаяся грива.

– И кто вы такие, парни? Может, вы друзья наших друзей? Типа Правильные Люди? – темноволосый паренек стоял, уперев руки в бока. За его спиной девчонка-коротышка сделала несколько жестов, удостоверяющих принадлежность к организации капы Барсави.

– Именно так – мы друзья ваших друзей, – подтвердил Локки.

– Самые что ни на есть Правильные Люди, – поддержал его Гальдо, делая соответствующие знаки в ответ.

– Славно. Мы – младшие Полных Крон из Муравейника, называем себя Полукронами. А вы кто такие?

– Благородные Подонки из Храмового района, – сообщил Локки.

– И чьи младшие?

– Ничьи, – пожал плечами Гальдо. – Мы сами по себе. Просто Благородные Подонки, и все.

– Уяснил, – с дружелюбной ухмылкой кивнул темноволосый. – Меня зовут Тессо Воланти, а это моя команда. Мы здесь, чтобы страсти с вас монету. Давайте, мелкие, вытряхивайте карманы... или вставайте на колени и признавайте наши предпочтения.

Локки нахмурился. «Признать предпочтения» на языке Правильных Людей означало согласиться, что чужая банда сильнее и круче твоей собственной. После этого пришлось бы постоянно уступать им дорогу на улицах и беспрекословно сносить любые издевательства.

– Мое имя Локки Ламора, – сообщил мальчик, медленно поднимаясь на ноги. – И я довожу до вашего сведения, что Благородные Подонки не преклоняют колен ни перед кем, кроме нашего капы.

– Неужели? – притворно удивился Тессо. – Даже тогда, когда их трое против шестерых? Тогда придется слегка потолковать – если вы, конечно, не передумали.

– Ты, должно быть, не расслышал, парень, – произнес Кало, поднимаясь на ноги одновременно с братом. – Свои предпочтения ты получишь, когда выберешь весь горох из нашего дерьма и сожрешь его на обед.

– Надо же, какая наглость! – возмутился Тессо. – Похоже, пора навести порядок в ваших пустых черепушках.

Не успел он закончить эту фразу, как Полукроны рину-

лись в бой. Из всех собравшихся Локки выглядел самым маленьким и слабым – даже включая девочек. Поэтому, хотя он принял боевую стойку и принялся беспорядочно махать кулачками, толку от него было немного. Довольно скоро он пропустил удар и свалился на землю. Одна из девчонок постарше взгромоздилась ему на спину, а ее подружка принялась щедро швырять каменную крошку Локки в лицо.

Первый же мальчишка, подскочивший к Кало, получил отменный удар в пах и с завываниями рухнул наземь. Но следом за ним шел Тессо, у которого оказалась изрядная сила в правой руке. Очень скоро Кало выбыл из строя. На смену ему встал Гальдо – обхватил главаря Полукрон за пояс и попытался свалить с ног. В результате оба упали и покатались по земле, молотя и кроя друг друга почему зря.

«Слегка потолковать» означало, что в ход идут только кулаки – никакого оружия, никакого членовредительства. В принципе, братья Санца были не новички в подобных разборках, но численное превосходство сделало свое дело. Даже не дай Локки слабину, все равно Благородные Подонки вряд ли могли рассчитывать на успех. Через несколько минут все пришло к закономерному концу – троица из Храмового района, изрядно запыленная и помятая, валялась посреди аллеи.

– Довольно с вас или как? – навис над ними Тессо. – Как насчет преференций? Будете говорить?

– Поцелуй себя в зад, – огрызнулся Локки.

– Ответ неверен, урод безмозглый, – ухмыльнулся вожак

Полукрон и, пока один из его подручных держал жертву за руки, старательно обшарил карманы Локки. – Хм... ничего. Ладно, сладенькие мои, придется еще раз встретиться с вами завтра. И послезавтра... И на следующий день. Так будет, пока вы не встанете на колени. Мы вас не оставим в покое и, будь уверен, очень усложним вашу поганую жизнь. Помяни мое слово, Локки Ламора.

Полукроны развернулись и зашагали прочь. Некоторые из них на ходу зализывали ссадины и царапины, хотя им и вполтину не досталось так, как оказавшимся в меньшинстве Благородным Подонкам. Постанывая, близнецы Санца поднялись на ноги и помогли встать Локки. Прихрамывая и поминутно оглядываясь, мальчишки побрели к родному храму и незаметно проскользнули в стеклянное подземелье, откуда по дренажной трубе можно было добраться до потайной двери.

– Вы не поверите, что с нами произошло, – затараторил Локки, входя вместе с близнецами в столовую.

Отец Цепп с невозмутимым видом сидел у стола и разглядывал свою драгоценную коллекцию пергаментов. Мельком взглянув на мальчишек, он принялся что-то аккуратно выводить на одном из свитков остро заточенным гусиным пером. Подделка деловых бумаг служила для священника чем-то вроде хобби – так иные разводят сады или выводят гончих редких пород. Готовые документы Цепп хранил в специальной кожаной папке и при случае не гнушался их продажей,

выручая несколько серебряных монет.

– Дайте угадаю... Вы встретились с молодняком из Муравейника, и они надрали вам задницы?

– Откуда вам это известно?!

– Слышал от Полных Крон. Вчера вечером встретился с ними в «Последней ошибке», и они шепнули мне, что их младшие хотят прошвырнуться по соседним районам, чтоб сцепиться с какими-нибудь малолетками.

– Почему же вы нас не предупредили?

– Зачем? Я полагал – мои мальчики достаточно осторожны, чтобы не дать врагам шанса. Видимо, я вас переоценил.

– Но они потребовали от нас преференций!

– Обычное дело для малолеток, – кивнул Цепп. – По большей части младших не допускают до настоящих дел, вот они и придумывают себе развлечение, а заодно тренировку, сшибаясь с мелочью из других районов. Что ж, гордитесь, Благородные Подонки – вас наконец-то заметили. Теперь вам предстоит небольшая война до тех пор, пока кто-то один не запросит пощады. Но имейте в виду: никакого смертоубийства, можно только «слегка потолковать».

– Ясно, – медленно проговорил Локки. – И что же теперь нам делать?

Цепп потянулся к мальчику, взял его кулак и сделал вид, будто наносит Кало удар в челюсть.

– Вот верный способ разрешения подобных проблем.

– Можно подумать, мы не пытались, – вздохнул Локки. –

Но они налетели на нас, когда Жеана не было поблизости. А я сам не большой мастер драться, вы же знаете.

– Еще бы не знать. Значит, позаботься, чтобы в следующий раз Жеан был с вами. Используй свое главное оружие – мозги, они у тебя достаточно хороши, – Цепп принялся разогревать на свече брусок сургуча. – Но предупреждаю, Локки, – ничего изощренного. Я не хочу, чтобы в деле были замешаны какие-нибудь храмы, герцогская армия или еще что-то в этом роде. Постарайся, чтобы все выглядело обычно. Просто выясняют отношения две подростковые банды – я вас всем именно так и представляю.

– Отлично, – кивнул Локки. Он стоял, сложив руки на груди. Близнецы Санца в это время помогали друг другу оттереть кровь и грязь с лица. – Выходит, это еще одна проверка?

– Умница, ничего не скажешь, – пробормотал священник, аккуратно выливая расплавленный сургуч в крошечную бутылочку. – Конечно, проверка, а как же еще? И хочу предупредить, что буду очень разочарован, если еще до середины лета эти маленькие поганцы из Муравейника не принесут вам *свои* преференции.

2

На следующий день Локки вместе с близнецами сидел на

том же самом волнорезе примерно в то же время, что и накануне. Перед этим всю ночь и пол-утра шел дождь. Собственно, он продолжался и сейчас, поэтому большинство торговцев растянули тенты над своими лодками. В результате весь Плавучий рынок стал похож на скопище зонтиков.

– Ха, не иначе мне мерещится, – раздался насмешливый голос Тессо Воланти. – Не могу поверить, что эти недоумки снова заявили туда, где им только вчера надраили рыла.

– А почему бы и нет? – парировал Локки. – Мы, считай, на своей территории. К тому же в ближайшие пару минут вам предстоит проглотить собственные яйца.

Трое Благодородных Подонков поднялись на ноги. Перед ними стояла все та же ватага – шесть Полукрон с алчными ухмылками на лицах.

– Похоже, с прошлого раза вы ничуть не поумнели, – усмехнулся Тессо, разминая костяшки пальцев. – Во всяком случае, с арифметикой у вас по-прежнему туговато. Как насчет трех и шести?

– Не слишком-то смешно. Сегодня цифры другие, – пожал плечами Локки и кивнул за спину Тессо. Тот поспешно обернулся, но, увидев Жеана Таннена, стоящего в начале аллеи, лишь рассмеялся.

– Я бы сказал, что почти ничего не изменилось, – бросил он и неторопливо направился к Жеану, который продолжал стоять с вежливой улыбкой на круглом лице. – И кто тут у нас такой? Жирный, неуклюжий урод... Скажите, пожалуй-

ста, уже и очки припрятал в карман! Какого черта ты здесь делаешь, толстяк?

– Меня зовут Жеан Таннен, и я стою в засаде.

За долгие месяцы занятий с доном Маранцаллой Жеан не сильно изменился с виду, но его друзья знали, что скрывается за этой обманчиво добродушной внешностью. Они с любопытством следили за развитием событий. Тессо неосторожно шагнул к Жеану – и тут руки толстяка метнулись вперед, как медные поршни в тал-вераррских паровых двигателях.

Тессо отлетел назад, крутясь и беспорядочно молотя руками-ногами, будто кукла-марионетка, подхваченная порывом ветра. Голова у него бессильно поникла, глаза закатились, и в следующее мгновение главарь Полукрон без чувств рухнул на землю.

Однако это не смутило его банду. Рассыпавшись по аллее, они дружно кинулись в наступление. Трое мальчишек атаковали Локки и братьев Санца, а две девочки, самые старшие в этой компании, начали осторожно приближаться к Жеану. Одна из них попыталась швырнуть пригоршню гравия ему в лицо, но Жеан уклонился и, поймав девчонку за руку, основательно приложил ее к каменной ограде, тянувшейся вдоль аллеи. Он хорошо помнил уроки донна Маранцаллы: если в драке у тебя пустые руки, пусть за тебя сражаются стены и мостовые. Ударившись об ограду, девчонка мячиком отскочила назад, а Жеан лишь слегка подправил траекторию ее

движения – так что приземлилась она носом в гравий.

– Бить девочек невежливо, – проворчала ее подружка, осторожно кружа вокруг опасного противника.

– Еще менее вежливо бить моих друзей, – невозмутимо возразил Жан.

Впрочем, вся беседа была только отвлекающим маневром. Резко крутанувшись на левой пятке, девчонка молниеносно ударила другой ногой, метя Жану в горло. Это был *чассон* – тал-вераррский вариант ножного бокса. Жан знакомился с подобными приемами в Обители Хрустальных Роз, поэтому без труда отбил удар ладонью правой руки. Однако юная драчунья не угомнмлась – снова разворот на излете предыдущего движения, и снова атака. Теперь ее левая нога взлетела в воздух по стремительной дуге. Но Жан не зевал и здесь, переместившись так, что испортил девчонке удар – она попала ему в бок не стопой в тяжелом башмаке, а всего лишь бедром. Более того, несмотря на кажущуюся неуклюжесть, Жан проявил достаточную прыть и в полете перехватил ногу противницы. Пока та скакала на месте, пытаясь восстановить равновесие, он нанес ей сильнейший удар по почкам, после чего дернул на себя другую ее ногу – девчонка вверх тормашками полетела на землю.

– Приношу барышням свои глубочайшие извинения, – промолвил Жан Таннен, демонстрируя, что обвинения в его невежливости беспочвенны.

Впрочем, Локки некогда было следить за перипетиями чу-

жого боя – он с трудом отбивался от собственного противника. Неизвестно, чем бы все закончилось, не приди ему на помощь Жеан. Подойдя сзади к обидчику Локки, он схватил его за плечо и развернул к себе лицом. Отличная диспозиция! Теперь все, как учили: сначала со всего размаху ткнуть врага в солнечное сплетение, потом, когда тот непроизвольно попытается скорчиться, – удар кулаком снизу в подбородок. С недоуменным выражением лица мальчишка опрокинулся на спину, да так и остался лежать. В общем, это можно было считать концом схватки. Кало и Гальдо на равных отмахивались от своих противников, но когда рядом появился Жеан, да еще с Локки под боком, бойцы из Муравейника отступили и подняли руки вверх.

– Ну что, Тессо? – спросил Локки несколько минут спустя, когда кудрявый предводитель Полукрон пришел в себя и захлопал разбитым носом. – Поговорим о предпочтениях прямо сейчас, или пусть Жеан еще тебе добавит?

– Признаю, сегодня вы нас сделали, – проворчал Тессо, пока его шайка, прихрамывая и утирая кровавые сопли, отступала по аллейке. – Но я бы сказал, что счет у нас пока один-один. Так что мы обязательно вернемся.

Дни стали длиннее, весна сменилась летом, а война между их бандами все не стихала. Цепп освободил мальчишек от обязанности сидеть после обеда на ступенях храма, и они начали совершать продолжительные вылазки в северную часть города, с азартом выслеживая своих противников. Те тоже не оставались в долгу. Тессо бросил в бой всю свою шайку, решив задавить врагов численным превосходством. Полные Кроны являлись самой сильной и уважаемой бандой Каморра, и в младших у них недостатка не было, к тому же ряды малолеток постоянно пополнялись за счет свежих поступлений с Сумеречного холма. Но даже при таких условиях Полукронам трудно было оспорить боевое мастерство Жеана Таннена, поэтому они изменили тактику.

Теперь мальчишки из Муравейника выходили на улицы мелкими группами и пытались выследить Благородных Подонков поодиночке. Локки вычислил это и старался везде ходить с товарищами. Но жизнь есть жизнь – порой его посылали в город с какими-то поручениями, и тогда мальчик неизбежно становился жертвой нападений со стороны Полу-крон, которые нещадно били его. Как-то раз он заявился к Жеану с разбитым в кровь лицом и ободранными коленями.

– Слушай, прошло уже несколько дней, как мы не встречались с Тессо, – заявил он другу. – У меня есть план. Завтра я отправлюсь в южную часть рынка и поболтаюсь там – якобы у меня какие-то дела. А ты спрячешься подальше, где-нибудь ярдов за двести-триста, но так, чтобы держать меня

в поле зрения.

– Если я буду так далеко, мне ни за что не успеть вовремя, – возразил Жан.

– Слушай меня внимательно. Я и не рассчитываю, что ты поспеешь до того, как меня начнут бить. Твоя задача в другом: когда ты наконец туда явишься, сделай все, чтобы на славу отделать этого гаденыша. Я хочу, чтобы ты выбил из него все дерьмо, Жан!

– С превеликим удовольствием, но боюсь, ничего не выйдет. Они всегда убегают, едва завидят меня, а уж в скорости я никак не могу с ними тягаться.

– А вот это предоставь мне, – отрезал Локки. – И, кстати, принеси-ка свою коробку со швейными принадлежностями. Мне надо кое-что подготовить.

Все именно так и произошло. На следующий день Локки бродил в окрестностях Плавучего рынка – совсем недалеко от того места, где когда-то началась война с Полукронами. Покупателей было немного, да и те торопились поскорее сделать покупки и вернуться домой, пока не зарядил очередной дождик. Где-то там среди лодочек-плоскодонок плавала и скорлупка Жеана, откуда он с удобством вел наблюдения за окрестностями рынка.

Локки демонстративно бродил туда-сюда по берегу. Примерно через полчаса на него вышел Тессо Воланти.

– Эй, Ламора, – завел он разговор в своей обычной изде-

вательской манере. – Мне казалось, ты уже достаточно поумнел, чтобы никуда не выходить без своих олухов.

– А, Тессо, привет, – притворно зевнул Локки. – А мне кажется, что сегодня как раз тот день, когда ты отдашь мне свои предпочтения.

– Держи карман шире, – ухмыльнулся вожак Полукрон. – Придумал, что я сделаю: сначала, как обычно, набью тебе морду, а затем возьму твою одежду и брошу в канал. Думаю, получится весело. Черт побери, Ламора, мне это даже нравится – чем дольше ты отказываешься подчиниться, тем больше радости мне доставляешь.

Заранее предвкушая удовольствие от потасовки, он решительно направился к Локки. Тот, против ожидания, не побежал – стоял и что-то делал со своим левым рукавом. Приглядевшись, можно было понять, что этот рукав стал длиннее на пять футов – Жеан Таннен постарался накануне. Но пока Тессо не подошел вплотную, Локки благоразумно прятал свой рукав за спиной.

Хотя мальчика трудно было назвать опытным бойцом, но в скорости реакции отказать ему не мог никто. К тому же в манжету удлиненного рукава был вшит грузик, который облегчал метание рукава на манер аркана. Едва Тессо оказался в пределах досягаемости, Локки живо накинул рукав ему на торс и хорошенько обмотал, после чего перехватил грузик и туго затянул свою ловушку.

– Эй, – зарычал его противник, – какого хрена ты это де-

лаешь?

Он вlepил Локки затрещину – удар пришелся едва ли не в правый глаз. Благородный Подонок вздрогнул, но не сдвинулся с места – похоже, на сегодня он забыл, что такое боль. Он просунул конец рукава в специальную систему веревок, которые Жеан заботливо вшил ему в подкладку, – в результате петля затянулась еще туже. Теперь мальчишки стояли нос к носу, надежно связанные куском ткани, и Тессо, чтобы освободиться, пришлось бы воспользоваться ножом.

Но и это было еще не все. К огромному удивлению Тессо, противник крепко-накрепко обхватил его за талию, а затем вдобавок обвил ногами – как раз над коленками. Обескураженный Тессо отбивался и отпихивался, чтобы освободиться от неожиданного соседства, но это оказалось не так-то легко. Чертов Ламора присосался к нему, как клещ. Ладно, сам напросился! На голову Локки обрушилась целая серия тяжелейших ударов, каждый из которых отзывался вспышкой белой молнии.

– Какого хрена, Ламора! Что все это значит? – бушевал Тессо, клонясь вперед, чтобы не упасть под двойным весом – своим и этого мелкого сумасшедшего. Именно на это Локки и рассчитывал. Он дернулся назад и упал спиной на дорожку из гравия. Это оказалось очень больно, особенно если учесть, что сверху грохнулся куда более крупный Тессо. Воздух со свистом вылетел из груди мальчика, казалось, что весь мир вокруг него задрожал. – Что за дурь! Ты же не в

состоянии меня побить. А теперь ты еще и не можешь убежать! Сдавайся, Ламора!

Локки выплюнул кровь прямо в лицо своему противнику.

– А мне и не нужно ни драться с тобой, ни убежать, – он широко, радостно усмехнулся. – Мне достаточно продержат тебя здесь, пока не вернется Жеан Таннен.

Вот этого Тессо не ожидал. Он тревожно оглянулся и увидел, как одна из лодочек изо всех сил торопится к берегу – как раз туда, где они лежали. А еще он явственно различил, что на веслах сидит не кто иной, как проклятый толстяк.

– О черт! Ах ты, маленький ПОДОНОК! Отпусти меня... отпусти... отпусти сейчас же!

На Локки снова посыпались удары – Тессо бил его по носу, лбу, глазам. Очень скоро все его лицо было залито кровью – она текла из разбитых губ, из расквашенного носа, ушей и даже откуда-то из-под волос. И тем не менее мальчик продолжал яростно цепляться за ненавистного противника. Голова его моталась из стороны в сторону, но в глазах горел настоящий триумф. Неожиданно Локки перестал сдерживаться и начал смеяться – тоненько, радостно, с ноткой безумия...

– Мне не нужно драться или бежать, – повторял он сквозь хохот. – Я поменял правила игры. Я просто удерживаю тебя здесь, козел несчастный. Здесь... пока... не подойдет Жеан.

– Ах, чтоб тебя! – Тессо удвоил напор. Он плевался, кусался, колотил по беззащитному лицу мелкого поганца.

– Давай-давай, дерись, – хрипел под ним Локки. – Продолжай в том же духе. Я могу терпеть целый день. Я же знаю: ты будешь бить меня... пока... не придет Жеан!

КНИГА 3. РАЗОБЛАЧЕНИЕ

«Никогда не обманывает нас природа; всегда мы сами себя обманываем».

Жан-Жак Руссо, «Эмиль, или О воспитании».

Глава 9. Забавная история для графини Янтарного Кубка

1

В День Герцога, примерно в половине десятого вечера, когда луна и звезды едва проглядывали сквозь низкие облака, донья София Сальвара возносилась к мерцающим вершинам Пяти башен. Ей предстояло вечернее чаепитие с чрезвычайно влиятельной женщиной – вдовствующей графиней Янтарного Кубка, доной Анджавестой Ворченца.

Пассажирская клеть поскрипывала и раскачивалась на ветру, и дона София крепко держалась за черные железные поручни. Влажный Ветер Палача, задувавший с юга, трепал ее волосы, рвал с плеч накидку, но дона София, казалось,

не замечала неудобств. Все ее внимание было поглощено панорамой города, открывавшейся с небывалой высоты. От горизонта до горизонта раскинулась черно-серая громада Каморра, тут и там озаряемая вспышками алхимического света. Каждый раз, направляясь к Пяти башням, София Сальвара любовалась этой картиной и испытывала законную гордость. Когда-то, давным-давно непостижимая раса Древних воздвигла это чудо – Пять башен из Древнего стекла. Куда потом исчезли Древние, про то никому не ведомо. Люди приспособили фантастические строения для своих нужд, надели вокруг Башен дома из обычного камня и дерева – так на руинах доисторического города вырос Каморр. Люди живут в нем и считают себя преемниками Древних. Контрмаги тоже претендуют на то, что им введена магия Древних. Может, кому-то она и приносит пользу... Но София точно знала, что именно ее любимая алхимия отгоняет от Каморра ночную тьму, принося свет и в жалкие лачуги бедняков, и в башни аристократов. Мастерство алхимиков позволило каморрцам приручить ночь.

Наконец долгий подъем закончился. Клеть в последний раз качнулась и замерла перед посадочной платформой, немного не доехав до самой вершины Янтарного Кубка. Дня София прислушалась: где-то над головой ветер жалобно завывал в причудливых арках на крыше башни, порождая своеобразную тоскливую мелодию. Двое слуг в камзолах кремового цвета и ослепительно белых перчатках шагнули

навстречу гостье и помогли ей выйти из клетки, проделав это столь непринужденно, будто имели дело с обычной каретой, стоящей на земле. Как только доня София оказалась на платформе, лакеи вежливо, в пояс поклонились ей.

– М'леди Сальвара, – промолвил тот, что стоял слева. – Моя госпожа просит вас пожаловать в Янтарный Кубок.

– Премного благодарна, – учтиво ответила гостья.

– Соблаговолите подождать ее на террасе. Доня Ворченца будет с минуты на минуту.

Он повел ее мимо дюжины других слуг, которые стояли возле сложного подъемного механизма и пытались отдышаться после долгого подъема доня Сальвары. Они тоже почтительно склонились перед знатной гостьей. София приветствовала их ласковой улыбкой – она считала, что с теми, кто иногда держит твою жизнь в руках, лучше быть любезной.

Знаменитая терраса доня Ворченцы располагалась на северном фасаде башни и представляла собой полукруглую площадку из прозрачного Древнего стекла, обнесенную медными перилами. Очутившись там, донья София немедленно сделала то, что, вопреки просьбам хозяйки, делала всегда – посмотрела себе под ноги сквозь прозрачную поверхность террасы. Ощущение было такое, будто они с лакеем парят в воздухе на высоте добрых сорока этажей над мощеной площадью и дворовыми постройками. Алхимические фонари казались отсюда едва заметными крапинками света, а проезжавшие экипажи были не больше ногтя на ее мизинце. По-

трясающе!

Слева от себя донья София увидела ряд окон с низкими подоконниками – они вели в слабо освещенные залы и кабинеты башни. Будучи бездетной, донья Ворченца, последняя представительница некогда знатного и могущественного рода, одиноко доживала свой век в этой роскошной резиденции. У нее осталось совсем немного родственников, и, насколько знала София, никто из этих жадных и честолюбивых знатных пустышек не мог претендовать на то, чтобы после смерти доньи Ворченцы занять Янтарный Кубок. В настоящий момент башня выглядела темной и пустынной, надежно пряча свои сокровища в многочисленных сундуках и кладовых.

Несмотря на кажущееся запустение, хозяйку было не в чем упрекнуть – донья Ворченца все еще умела устраивать превосходные вечерние чаепития. В дальнем северо-западном углу террасы, откуда открывался великолепный вид на загородные поля и леса, был укреплен шелковый тент, трепетавший под напором Ветра Палача. Со всех четырех сторон тента свисали алхимические светильники в изящных бронзовых подвесках, льющие мягкий свет на маленький столик и два кресла с высокими спинками, притаившиеся под тентом.

Слуга подвел гостью к тому креслу, что стояло справа, и предупредительно отодвинул его от столика, не забыв подложить на сиденье тонкую черную подушку. Зашуршав шелко-

выми юбками, донья София уселась за стол и кивком поблагодарила слугу. Тот вежливо поклонился и отошел в сторону – достаточно далеко, чтобы не слышать застольной беседы, но достаточно близко, чтобы заметить призывный жест, если он вдруг понадобится.

Ждать пришлось недолго – уже через несколько минут в одной из дверей появилась хозяйка дома.

Как показывает практика, с возрастом – если, конечно, люди живут достаточно долго, чтобы говорить о настоящем возрасте, – характерные черты внешности лишь усугубляются: круглые становятся еще круглее, а худые и вовсе грозят истаять, раствориться. Донья Анджавеста Ворченца относилась к последней категории. К старости она изрядно уменьшилась в размерах, но и только – у нее не было ни морщин, ни поблекших глаз или трясущихся рук, ни иных признаков дряхлости. Всего лишь уменьшенная копия той доньи Ворченцы, какой она была тридцать лет назад, тщедушный деревянный божок, оживленный силой неизвестных чар и помещенный в интерьер величественного Янтарного Кубка. Ей было никак не меньше семидесяти – а может, и больше, она уже сама не помнила. Но, несмотря на это, донья Ворченца передвигалась самостоятельно, обходясь без помощи слуг или хотя бы неизбежной тросточки. Одевалась она весьма эксцентрично – в старомодный мужской кафтан из черного бархата, с меховым воротником и манжетами, а вместо громоздких нижних юбок, принятых у дам в ее эпоху, носила

черные панталоны и серебряные шлепанцы. Абсолютно седые волосы Анджавеста поднимала наверх и закалывала лакированными шпильками. Ее темные проницательнее глаза живо поблескивали за стеклами полукруглых очков.

– София, милочка, какое наслаждение снова видеть тебя здесь! – проворковала донья Ворченца, изящно нырнув под шелковый навес. – Ты не появлялась, должно быть, несколько месяцев. Нет-нет, сиди, дорогая! Я пока еще в состоянии сама отодвинуть себе стул. Вот так... Ну, расскажи мне, как поживает Лоренцо. И еще мы с тобой обязательно должны поговорить о твоём необыкновенном саде.

– Мы с Лоренцо в полном порядке – если говорить исключительно о нас самих. А сад цветет и пахнет, благодарю вас за заботу.

– Если говорить исключительно о вас самих? Что-то я не поняла. В таком случае позволь спросить – а что, присутствуют какие-то внешние факторы?

Согласно каморрской традиции, вечерние чаепития были исключительно женским делом и устраивались для того, чтобы испросить совета подруги или просто поплакаться на чужой груди, особенно если дело касалось проблем с мужчинами.

– Конечно же, донья Ворченца, вы можете спрашивать о чем угодно. «Внешние факторы»... Должна заметить, что вы выбрали поразительно точное определение для наших проблем.

– Так дело не в Лоренцо?

– О, вовсе нет! Лоренцо замечательный человек и устраивает меня во всех отношениях, – София вздохнула и бросила взгляд себе под ноги, в обманчивую иллюзию пустоты. – Видите ли, донья Ворченца, нам обоим нужен ваш совет.

– Совет... – хихикнула старушка. – Забавно, какие волшебные шутки играет с нами время, придавая респектабельность нашей болтовне. Возьми на себя смелость посоветовать в сорок лет – и ты брюзга, сделай то же в семьдесят – обрешь репутацию мудреца.

– Дорогая донья Ворченца, – возразила София, – я всегда очень ценила ваши советы и никогда не рассматривала вас как... В конце концов, мне просто не с кем обсудить подобные проблемы.

– Вот как? Что ж, милочка, конечно, я постараюсь помочь, чем смогу, но только после чая. Давай хоть немного побалуем себя.

В этот момент один из ливрейных лакеев подкатил к ним столик, накрытый, как куполом, серебряным колпаком. Когда слуга сдвинул его в сторону, донья София увидела под ним чайные приборы, дымящийся чайник и – о чудо! – торт, представлявший собой точную копию Янтарного Кубка. При высоте всего в девять дюймов кондитер умудрился сохранить все детали – даже алхимические шары сверкали в башенках на крыше, хотя сами светильники были не больше рисового зернышка.

– Смотри, какую работу я задала своему шеф-повару, – снова рассмеялась донья Ворченца. – А то он постоянно жалуется, что вкусы у нас слишком простые, и ему некуда приложить свои таланты. Тут уж он постарался на славу. Ты не представляешь, насколько сложно с этими кулинарными гениями! Закажешь пару вареных яиц, а обнаружишь у себя на тарелке танцующих цыплят. Скажи честно, Жиль – твой шедевр съедобен?

– Вполне, госпожа Ворченца, только я бы советовал остерегаться этих крохотных светильников. Обратите внимание: сама башня изготовлена из ванильной массы, башенки и террасы – из фруктового желе. Здания и экипажи у подножия башни сделаны из шоколада. Внутри торта коньячный крем, а окна...

– Достаточно, Жиль, – прервала его старая графиня. – Покорно благодарим за этот архитектурный экскурс. Так, значит, крохотные огоньки нужно выплевывать?

– Будет более прилично, мадам, если вы позволите мне удалить их предварительно, – заторопился слуга, благообразный округлый человечек с черными кудрями до плеч.

– Ну вот, опять! Ты слышала, София? «Прилично!» Нет уж, позволь нам развлечься от души, сплевывая вниз через перила эти светящиеся зернышки. Буду очень благодарна, если ты не станешь ничего трогать. А что насчет чаю?

– Как вы и просили, дона Ворченца, «Сияющий», – поклонился Жиль и стал разливать по маленьким стаканчи-

кам ароматную жидкость бледно-коричневого цвета из серебряного чайника. София обратила внимание на необычную форму посуды – каждый стакан был сделан в виде бутона тюльпана с серебряным основанием. Оказавшись в них, чай начал испускать слабое свечение нежно-апельсинового цвета.

– Какая прелесть! – воскликнула донна София. – Я слышала о таком чае. Кажется, он тал-вераррский?

– Лашенский, – поправила ее хозяйка, осторожно приподнимая свой стаканчик. – Так сказать, последняя новинка. Эти чайных дел мастера прямо-таки с ума сходят, чтобы переплюнуть друг друга. Уверена, через год мы увидим еще какие-нибудь чудеса. Конкуренция – великое дело. Прошу прощения, дорогая, надеюсь, ты не против познакомиться с алхимическим продуктом на столе, а не в саду?

– Вовсе нет, донья Ворченца, сделаю это с удовольствием.

София поднесла стеклянный тюльпан к лицу и с удовольствием вдохнула тонкий аромат апельсинов и ванили. Затем попробовала на вкус – приятное тепло растеклось по языку, проникло в носоглотку. Оставшись вдвоем (Жиль куда-то деликатно исчез), женщины некоторое время наслаждались напитком и делились впечатлениями о нем, так что София почти позабыла о своих неприятностях.

– Забавный чай, – заметила графиня, отставляя в сторону полупустой стаканчик. – Посмотрим, будет ли он так же светиться, когда выйдет с другой стороны.

Лицо ее приняло лукавое выражение, и София невольно рассмеялась.

– Так о чем ты хотела со мной поговорить, дорогая? – спросила хозяйка дома.

– Простите меня, донья Ворченца, – начала София, неловко замявшись, – но в городе поговаривают, будто у вас есть какие-то выходы на тайную полицию господина герцога...

– У господина герцога есть тайная полиция? – старуха прижала к груди сухонькие ручки, всем своим видом демонстрируя изумление.

– Я имею в виду Полуночников... и их начальника.

– О да, герцогского Паука. Как же, как же... Прости меня, девочка. Разумеется, я понимаю, о чем ты толкуешь. Мне просто не нравится, как это звучит – «в городе поговаривают»... Поговаривают-то о многом, да не всегда понимают, о чем говорят.

– Тем не менее, – осторожно настаивала донья София, – многие знатные дамы приходят к вам со своими проблемами, а потом как-то выходит, что это дошло до Паука... не обижайтесь, во всяком случае, так мне кажется. Ну и... в результате люди герцога помогают решить возникшие проблемы.

– Ах, дорогая София, мимо меня проходит целая куча самых разных слухов. Бывает, что я шепну кое-что кому надо... а дальше слух начинает жить собственной жизнью. Ранно или поздно информация может дойти до человека, от ко-

того зависит решение проблемы.

– Простите, донья Ворченца, но при всем уважении к вам мне кажется, что вы несколько кривите душой.

– Мне очень неприятно разочаровывать тебя, дитя мое, но, по-моему, у тебя нет никаких оснований для подобного заявления.

– Видите ли, донья Ворченца, – София так сжала край столешницы, что побелели костяшки пальцев. – Дело в том, что нас с Лоренцо пытаются ограбить.

– Ограбить? Ты, должно быть, шутишь?

– Увы, нет! И в этом деле замешаны Полуночники. Они... они приходили к нам с весьма необычными вопросами и требованиями. Все это выглядит как-то подозрительно... Донья Ворченца, может быть, есть какой-то способ убедиться, что они действительно те, за кого себя выдают?

– Ты утверждаешь, что вас пытаются ограбить Полуночники?!

– Не совсем так, – прикусила губу София. – Не сами Полуночники. По их словам, они просто наблюдают за происходящим и ждут момента, когда придет время действовать. Но, знаете, донья Ворченца, что-то мне во всем этом не нравится. Возможно, они нам чего-то не договаривают...

– Моя дорогая София, бедная моя девочка! Ты должна рассказать мне все по порядку, не упуская ни одной детали.

– Это очень непросто, донья Ворченца. Дело в том, что ситуация очень запутанная... и щекотливая.

– Можешь не беспокоиться, дорогая, здесь нас никто не услышит. Смелее, ты ведь уже сделала самое сложное – пришла ко мне за советом. Теперь тебе нужно просто все рассказать. Слышишь – все, без утайки. А затем я прослежу, чтобы этот кусочек слухов пошел в верном направлении и достиг ушей нужного человека.

Но донья София все никак не могла решиться. Она сделала еще один маленький глоток чая, откашлялась, затем слегка сторбилась на стуле, чтобы быть одного роста с хозяйкой дома и глядеть ей прямо в глаза.

– Донья Ворченца, вы, конечно же, слышали об Аустерсхолинском коньяке? – заговорила она наконец.

– Не только слышала, дорогая, но и держу несколько бутылочек у себя в погребах.

– И вы в курсе всех интриг вокруг этого напитка? Знаете, что производство его строго засекречено?

– Полагаю, что могу даже объяснить причину подобной секретности – она исключительно на руку пройдохам в черных кафтанах. Я имею в виду эмберлинских виноторговцев.

– Тогда вы должны нас понять, уважаемая донья Ворченца. Представьте себе, что в один прекрасный день волею богов нам в руки попала уникальная возможность...

Визит завершился. Грузовая клеть с доньей Сальварой, скрипя, поползла вниз и очень скоро растворилась на фоне ночного города. Донья Ворченца еще некоторое время стояла возле медных перил террасы и задумчиво всматривалась вдаль, пока ее слуги хлопотали возле громоздкого кабестана. Жиль снова прикатил свою тележку, убрал на нее полупустой чайник и блюдо с недоеденным тортом.

– погоди, – окликнула его хозяйка. – Отнеси торт в мой солярий. Мы будем там.

– Простите, госпожа, у вас сегодня еще будут гости?

– Именно. Я хочу видеть Рейнарта, – бросила графиня и, громко шаркая своими диковинными шлепанцами, решительно зашагала в сторону апартаментов, выходящих дверями на террасу. – Разущи его. И запомни, я не желаю слышать никаких отговорок – мне неважно, чем он занят. Найди Рейнарта и сразу же пришли ко мне наверх.

Она скрылась в своих комнатах, отперла дверь и двинулась вверх по винтовой лестнице, тихонько бранясь на ходу. Ох, эти ее ноги... колени, лодыжки...

– Зачем только боги изобрели этот проклятый ревматизм! – приговаривала донья Ворченца. Дыхание ее сбивалось. Старая графиня расстегнула пуговицу на своем мехо-

вом воротнике, но упорно продолжала карабкаться по лестнице.

Добравшись наконец до самого верха башни, она остановилась перед тяжелой дубовой дверью, укрепленной железными запорами, перевела дух и взялась за ключик, который всегда висел на шелковом шнурке у нее на правом запястье. Аккуратно вставила его в замочную скважину, одновременно нажимая на медную пластину на стене рядом с дверью. Откуда-то изнутри раздалась серия металлических щелчков, и дверь легко распахнулась.

За минувшие тридцать лет донья Ворченца тысячи раз проделывала эту операцию и каждый раз напоминала себе: «Не забудь про медную пластину!» Маленькая неприметная штучка являлась частью ловушки – гарантией от непрошенных гостей. Попытайся кто вломиться в покои доньи Ворченцы, он тут же получил бы арбалетный болт меж лопаток. Оружие было скрыто в потайной нише, а медная пластинка служила его блокировкой.

Здесь, на высоте восьми этажей над уровнем террасы, располагался солярий графини – просторная комната во всю ширину башни, диаметром где-то пятьдесят футов. Пол в ней был застлан толстыми коврами, а в северной части помещения имелась приподнятая полукруглая галерея, ограниченная медными перилами. Ее целиком заполняли стеллажи из ведьмина дерева с тысячами ячеек и отделений для бумаг. За прозрачным куполом открывалось темное, затянутое об-

лаками небо – в этот час казалось, будто над солярием повисла дымовая завеса. Легким прикосновением донья Ворченца привела в действие алхимический шар-светильник и прошла в галерею.

Здесь она с головой погрузилась в работу – забыв о времени, переходя от ячейки к ячейке, вытаскивая одну за другой интересующие ее бумаги. Некоторые пергаментные свитки она откладывала в сторону, другие, едва пробежав глазами, возвращала на место. При этом доня Ворченца что-то бормотала себе под нос, строя догадки, советуясь сама с собой.

Лишь когда снова щелкнула входная дверь, старая графиня оторвалась от своего занятия.

Вошедший мужчина был высок и широкоплеч. Угловатые черты лица выдавали в нем чистокровного вадранца. Лыди-сто-белые волосы он собирал в хвост, перехваченный лентой. На мужчине был черный дублет из хорошо выделанной кожи с разрезными рукавами, на ногах – черные бриджи и высокие сапоги. Маленькая серебряная брошь у ворота выдавала его звание – ни много ни мало капитан Ночных Стекольщиков, личной гвардии герцога, набираемой из «черных курток». С пояса у мужчины свисала рапира с прямой гардой.

– Скажи-ка, Стефан, отправлял ли ты кого-нибудь из своих ребят на Дюрону с визитом к дону и донье Сальвара? – без всяких предисловий обратилась к нему доня Ворченца.

– К Сальвара? – удивился мужчина. – Никак нет, госпожа.

– Ты в этом уверен? Абсолютно? – продолжала настаивать старая графиня. С пергаментом в руках она начала спускаться по ступенькам и едва не упала, споткнувшись. – Мне очень важно получить честный и прямой ответ. Причем немедленно.

– Ошибки быть не может – я отлично знаю супругов Сальвара, госпожа. Мы встречались с ними в прошлом году на обеде в честь Дня Перемен. Помнится, мы еще поднимались с ними в одной клетки.

– Значит, ты не посылал к ним Полуночников?

– Да нет же, святые Двенадцать, никого я не посылал! С какой стати?

– Что ж... Я вынуждена сделать вывод, что кто-то воспользовался нашим добрым именем. И знаешь, Стефан, сдаётся мне, что не сегодня-завтра мы схватим Бича Каморра.

Рейнарт вскинул на старуху удивленные глаза, затем усмехнулся.

– Вы шутите, графиня, или нет? Ущипните меня – должно быть, я сплю... И объясните мне поскорее, в чем тут дело.

– Всему свое время, Стефан. Уверена, что твоя голова будет работать куда лучше, если мы слегка перекусим. Что ты скажешь насчет этого кусочка торта, мой милый сладкоежка? И кликни, пожалуйста, моего соню-слугу – я хочу куда-нибудь присесть.

– О боги! – воскликнул Рейнарт, выглядывая в прихожую в поисках слуги. – Такое ощущение, что кто-то уже изряд-

но поиздевался над бедным тортиком. Ну ничего, сейчас мы положим конец его страданиям. Тем более, что здесь и бутылочка припасена – по-моему, это ваше сладкое белое.

– О, дай боги здоровья Жилю! Я и забыла про вино – так торопилась к своим записям. Сделай одолжение, дружок, уважь старую начальницу – разлей вино по стаканам.

– Тоже мне одолжение! За такой торт я готов расцеловать ваши шлепанцы!

– Отлично, ловлю тебя на этих словах, Стефан. Припомню их в следующий раз, когда ты выведешь меня из терпения. Наливай же скорее – мне ведь не тринадцать лет... А теперь садись вот сюда и слушай внимательно. У нас есть отличный шанс поймать этого хитреца – если только все обстоит так, как я думаю.

– И каким же образом?

– Сейчас объясню, Стефан, – графиня поудобнее уселась в своем кресле и сделала большой глоток вина. – Но прежде ответь мне на вопрос: что тебе известно по поводу производства аустерсхолинского коньяка?

3

– Н-да... Он действительно вел себя, как один из нас, – задумчиво произнес Рейнарт, выслушав рассказ доны Вор-

ченцы. – Но каков нахал, а? И с чего вы уверены, графиня, что это Бич Каморра?

– В противном случае придется допустить, что в Каморре объявился еще один столь же опытный и дерзкий вор, решивший пощупать карманы нашей знати. Нет, Стефан, подобное предположение кажется мне натяжкой. Это чересчур даже для такого удивительного города, как наш.

– А это не может быть Серый Король? Говорят, он тот еще ловкач.

– Хм... не думаю. Он слишком занят устранением людей Барсави. Да и потом, вдумайся – почерк тот же, что у Бича Каморра. У него все всегда построено на чистом мошенничестве, никакого насилия. Насколько мне известно, во всех своих комбинациях он не пролил ни капли кройи. Нет, как хочешь, а я не верю в подобные совпадения.

Рейнарт отставил в сторону тарелку с крошками торта и тоже приложился к своему стаканчику.

– В таком случае, если полагаться на сведения доньи Сальвара, мы разыскиваем шайку из четырех мошенников. Сам главарь – назовем его для простоты Лукасом Фервитом, – его слуга Грауманн и еще пара деятелей, которые вломились ночью в усадьбу Сальвара.

– Это по меньшей мере, Стефан. Я бы назвала цифру пять или шесть.

– На каком основании?

– Полагаю, этот лже-Полуночник не лгал, когда сообщил,

что нападение возле храма Благих Вод было подстроено – очень уж хитро все спланировано. Следовательно, мы имеем еще двух помощников – грабителей в масках.

– Если только их не наняли со стороны.

– Сильно сомневаюсь, учитывая отсутствие каких-либо сведений из города. Мы ничего не слышали об этом – ни докладов наших осведомителей, ни слухов, ни малейшего намека. Никаких указаний на то, что кто-то работал с Бичом Каморра. А ведь воры – такой народ... Они часами могут спорить, кто круче, и готовы мочиться кислотой, лишь бы доказать свое превосходство.

– Это не довод, – пожал плечами Рейнарт. – Легче просто перерезать глотку уже не нужному помощнику. Никаких разговоров, заодно можно сэкономить на оплате.

– Не забывай, что в качестве предварительной мы приняли версию Бича Каморра. А перерезанные глотки – не его стиль.

– Хорошо. Тогда, получается, у них своя лавочка; это не лишено смысла. Но все равно мне кажется, что шесть – слишком много. Те двое, что участвовали в сцене возле храма, потом вполне могли переодеться Полуночниками и зайти в особняк Сальвара.

– Интересная мысль, дорогой Стефан. Вполне допускаю. Значит, скажем так – от четырех до шести человек. И давай на этом остановимся, иначе можно проспорить всю ночь. Во всяком случае, не больше. Более крупную структуру уже

трудно было бы держать в тайне.

– Хорошо, пусть будет так, – Рейнарт на секунду задумался. – Теперь, что мы имеем со своей стороны? Прямо сейчас я могу предоставить вам пятнадцать или шестнадцать вооруженных человек. К сожалению, не больше – часть моих людей занята в Муравейнике, на похоронах Наццы Барсави, и боюсь, что я не смогу отозвать их до полуночи, пока там все не успокоится. Но дайте мне время до утра, и я смогу подыскать еще с десятков опытных и полностью снаряженных людей. Если учесть, что у нас в резерве еще Ночные Стекольщики, то сможем обойтись без «желтых курток». Мне очень не хочется привлекать их к операции – уж больно они ненадежны.

– Все это было бы замечательно, Стефан, желей я немедленно накрыть их банду. Но у меня другие намерения. Думаю, мы вполне можем потянуть денек-другой, чтобы дать петле потуже затянуться вокруг этого человека. По словам Софии, изначально они обсуждали вложения в размере двадцати пяти тысяч крон. Подозреваю, нашему подопечному понадобится какое-то время, чтобы вытянуть из них недостающие семь-восемь тысяч.

– По крайней мере, позвольте мне собрать отряд и держать его наготове. Я могу пристроить его во Дворце Терпения – там он будет незаметен среди «желтых курток». А когда он понадобится, можно будет сразу же пустить его в дело.

– Это на твое усмотрение. И вот еще что: пошли к Мера-

джио кого-нибудь из своих, поаккуратнее. Пусть разузнает, есть ли там счет у Бича, и если есть, когда он открыт.

– Я пошлю Маралиццу Кальвино – это то, что надо.

– Отличный выбор. Кроме того, там замешан еще какой-то человек, знакомый адвокат Фервита. Дона Сальвара рассказывала, что они встретили его по дороге от храма.

– Эккари, что ли? Эванте Эккари – кажется, так.

– Именно. И, думаю, надо проверить храм Благих Вод. Займись этим лично.

– Я? М'леди, мне не с руки являться в храм. Вы же знаете, что я неверующий человек.

– Ничего, вполне достаточно просто изобразить верующего. Прощупай это место, посмотри, нет ли там подозрительных лиц. Есть шанс, хоть и ничтожный, что священники так или иначе замешаны в этой истории. Во всяком случае, мы обязаны исключить подобную возможность.

– Сделаем, донья Ворченца. А что насчет гостиницы?

– Ах да, «Скромное жилище»... Пошли туда одного человека, но только одного. У меня там уже есть пара осведомителей среди прислуги. Один из них считает, что передаст информацию «желтым курткам», другая женщина думает, что работает на капю. Позже я сообщу тебе их имена. Пока мне нужно только убедиться, что наши друзья все еще занимают Бушпритовый номер. Если это так, оставь несколько своих ребят для наблюдения, пусть переоденутся служащими гостиницы. И помни, Стефан, никакой самостоятельности

– только наблюдение!

– Отлично, – Рейнарт поднялся из кресла и стряхнул крошки со штанов. – А что вы говорили по поводу петли? Нужно точно решить, где и когда мы устроим засаду.

– Это надо хорошенько продумать. Гоняться за Бичом Каморра – все равно что ловить рыбу голыми руками, – задумчиво покачала головой графиня. – Хорошо бы заманить его в какое-то место, откуда невозможно бежать. Затем отрезать от *его* людей и окружить со всех сторон *СВОИМИ*.

– Своими? – задумался Рейнарт. – О, я знаю такое место! Воронов Насест!

– Молодец, Стефан! Через полторы недели будет День Перемени, праздник, который устраивает сам герцог. Это как раз то, что нам нужно. Вся знать Каморра соберется в башне на высоте пятисот футов, и там будет полно стражи. Обязательно научу донью Сальвара, чтобы она пригласила на праздничный обед Лукаса Фервита. В конце концов, он почетный гость нашего города.

– Как бы он не заподозрил ловушку.

– Я думаю, такое приглашение будет выглядеть вполне естественно. К тому же все говорит о баснословной дерзости нашего подопечного. Полагаю, в данном случае это сыграет нам на руку. А донья София пусть наплетет ему что-нибудь о временных финансовых трудностях – якобы последняя сумма поступит к ним только после праздника. Таким образом, мы используем двойную наживку: сыграем одновременно на

его жадности и тщеславии. Полагаю, он не сможет устоять.

– Следует ли мне привлечь своих людей?

– Конечно, Стефан, – графиня не спеша отхлебнула вина. Губы ее тронула легкая змеиная усмешка. – Я хочу, чтобы именно твои Полуночники принимали у него плащ, открывали перед ним двери и прислуживали ему за обедом. Если этот проклятый Лукас Фервит пользуется ночным горшком, я хочу, чтобы твой человек выносил его поутру. Глаз не спускайте с мерзавца, чтобы знать, кто к нему приходит и куда уходит.

– Понял, графиня. Что-нибудь еще?

– Нет. Выполняй, Стефан. Ступай, и через пару часов я жду от тебя сведений. Не бойся меня побеспокоить – ко мне еще должны прибыть гонцы из Плавучей Могилы, рассказать о возвращении похоронной процессии Барсави. А я тем временем напишу герцогу Никованте, поставлю его в известность о готовящейся операции.

– Ваш покорный слуга, госпожа, – откланялся Рейнарт и удалился из солярия размашистым шагом занятого человека.

Еще до того, как тяжелая дверь захлопнулась за его спиной, донья Ворченца поднялась и направилась к небольшой конторке, стоящей в алькове у двери. Там она быстро нацертала несколько строк на чистом листе пергамента, свернула его в трубочку и запечатала голубым воском, который выдавила из специального тюбика. Материал был алхимиче-

ского происхождения – он затвердевал на воздухе в течение нескольких секунд. Вблизи от своего драгоценного каталога старая графиня избегала пользоваться открытым огнем, даже простой свечой.

Порывшись в конторке, она достала перстень с печаткой, несколько мгновений смотрела на него... За пределами солария донья Ворченца никогда не пользовалась этим перстнем. Многие удивились бы при виде знака, вырезанного на камне – он не входил в герб ее семьи. Однако графиню это не смутило: она плотно прижала печатку к застывающему воску, подержала пару секунд и отлепила с легким хлопком.

Затем она кликнула одного из своих ночных слуг, и уже в следующее мгновение тот мчался к посадочной платформе на северо-западной стороне башни. Именно отсюда уходила грузовая клеть к Воронову Насесту. Совсем скоро он передаст послание графини лично в руки старому герцогу Никованте.

И неважно, что час уже поздний. Так заведено: герцог обязан подняться с постели и бросить все дела, коль скоро ему доставят бумагу, запечатанную голубым воском с одиноким изображением паука.

Интерлюдия. Наставник из Обители Хрустальных Роз

– Не туда! Мое сердце выше. Нападай... Рази! А теперь сюда... Коли!

Серый холодный дождь изливался с небес на Обитель Хрустальных Роз. Такова уж зима в Каморре – лило целый день, весь двор покрылся водой, и по щиколотку в этой воде болтался Жеан Таннен вместе со своим учителем доном Маранцаллой. Крупные дождевые капли собирались на лепестках роз в саду и ручейками стекали вниз. Такие же ручейки заливали глаза Жеану, пока он раз за разом отработывал прием – делал выпад и колол рапирой кожаный мешочек чуть побольше мужского кулака, набитый соломой. Мешочек не давался, прыгал, уходил в сторону, поскольку крепился на конце палки, которую держал дон Маранцалла.

– Коли сюда... И сюда! Нет, Жеан, это слишком низко. Здесь уже не сердце, а кишки. Давай же, убей меня! Не тяни, это опасно. Нельзя давать противнику передышку. Выше! Еще выше, прямо в сердце, под ребра! Ну вот, уже лучше.

В разрывах меж тучами блеснула тускло-белая молния, будто свет далекого костра пробился сквозь пелену дыма. Чуть позже возник и звук – грохочущие перекаты грома навели на мысли о могучих богах, которые там, на небе,

злятся и грозят кулаками жалким людишкам. Жеан представил себе, каково в такой момент находиться на вершине одной из Башен (они неясными расплывчатыми колоннами уходили в небо и терялись в облаках), и невольно поежился.

– Все, Жеан, довольно. Ты вполне сносно владеешь своей колючкой и в случае нужды сумеешь воспользоваться ею. Настало время прощупать тебя на предмет особых талантов. Давай-ка выясним, к чему у тебя лежит душа, – дон Маранцалла, плотно укутанный в коричневый непромокаемый плащ, прошлепал по лужам к большому деревянному ящику. – Так, посмотрим... Это нам не подходит – вряд ли ты сможешь повсюду таскать за собой длинный клинок... Ну-ка, сходи за «болваном».

Жеан поспешил через стеклянный лабиринт к маленькой проходной, через которую можно было попасть вглубь башни. Мальчик по-прежнему испытывал уважение к розам – надо быть полным дураком, чтобы их не уважать, – но за последнее время как-то по привычке к ним. Пропало ощущение, будто они, подобно голодным хищникам, затаились вокруг и выжидают момента, чтобы напасть. Теперь Жеан воспринимал их просто как некоторое препятствие, молчаливый сигнал «ходу нет!».

Поднявшись по ступенькам, он прошел в небольшую сухую комнатку, посреди которой стоял их «болван» – пухлый кожаный манекен в виде стилизованного человеческого торса с головой. Жеан взялся за железный шест, на котором

крепилось чучело, и неловко взвалил его на плечо. Осторожно двигаясь, он снова вошел в стеклянный лабиринт и двинулся к центру Сада-без-Ароматов. Несколько раз по дороге он задел стеклянные лепестки своим «болваном», но розы, похоже, были безразличны к мертвому кожаному мешку.

Так как дон Маранцалла по-прежнему рылся в своем сундуке, Жеан установил «болвана» посреди площадки – железный шест с размаху вошел в предназначенную для него лунку, расплескав фонтанчик дождевой воды, – и приготовился ждать.

– Вот, посмотри, очень неприятное приспособление, – промолвил Маранцалла, вытаскивая цепь длиной в четыре фута. Каждое звено ее было заботливо обернуто тончайшей кожей. – Называется «выбивалка». Обрати внимание: упакована так, чтобы не звенеть. Если присмотришься, то увидишь, что с обоих концов у нее есть специальные крючки – в результате «выбивалку» можно укрепить на талии наподобие ремня. Ее легко спрятать под одеждой, хотя для этого лучше иметь цепь немного подлиннее.

Мастер клинка шагнул вперед и уверенным движением метнул оружие в голову «болвану». Раздался громкий влажный звук, и цепь отскочила обратно ему в руку.

– Теперь ты, – предложил Маранцалла.

Некоторое время Жеан развлекался, вполне успешно повторяя фокус учителя, а тот молча наблюдал. Затем, что-то бормоча себе под нос, он отобрал у Жеана «выбивалку», бро-

сил ее обратно в сундук и достал оттуда новую забаву – пару кинжалов примерно в фут длиной с широкими изогнутыми лезвиями. На рукоятках имелись тяжелые гарды, усыпанные мелкими металлическими шипами.

– Тоже те еще штуковины. Известны под названием «воровские зубы». Очень просты в обращении: можно колоть, или рубить, или просто бить. Эти медные шипы запросто спускают шкуру с человеческого лица, а при помощи гарды можно остановить даже разъяренного быка. На, попробуй.

С кинжалами Жеан управлялся даже лучше, чем с цепью. Дон Маранцалла остался вполне доволен, даже поплодировал.

– Именно так: снизу в живот и под ребра. Вгони фут стали и пощекочи сердце врага. После этого любые разногласия улаживаются сами собой, можешь не сомневаться, сынок. В самый раз для «уроков анатомии», верно? – коротко хохотнул он, забирая у Жеана кинжалы. И, поймав удивленный взгляд ученика, пояснил: – Это выражение связано с капой Барсави, странно, что ты его не слышал. Дело в том, что наш капа не коренной каморрец, в юности он окончил Теринскую Коллегию. Так вот, когда он вызывает кого-нибудь к себе на ковер, так сказать, просто побеседовать – это у него называется «уроками этикета». На следующей стадии человека связывают и выбивают у него необходимые признания – это уже «уроки пения». А вот когда бедняге перережут глотку и швырнут в залив на корм акулам...

– Ага! Это и есть «уроки анатомии», да?

– Точно, парень. Поверь, я ничего не придумываю. Об этом все знают, только не говорят вслух. Но это как везде: будь ты солдатом герцога или головорезом капы – лучше помалкивай, здоровее будешь. Ладно, вот тебе следующая игрушка.

Дон Маранцалла протянул Жеану пару небольших топориков с деревянными рукоятями. Топорики были отлично сбалансированы: закругленное лезвие у каждого уравновешивалось круглым набалдашником.

– Для этих вещей не придумали никакого остроумного названия – просто топорики, и все. Полагаю, ты их и раньше видел. Можешь использовать по своему усмотрению: хочешь – руби, хочешь – колоти обухом. В принципе тупым концом удар слабее, чем лезвием, но если постараться, то запросто можешь размозжить кому-то череп. Так что смотри не перусердствуй, если придется применять их на живом человеке.

Едва взяв топорики в руки, Жеан сразу же понял – вот то, что надо! Ему нравилась их длина, нравилось ощущать их тяжесть в руке. Топорики были удобнее, чем трости и дубинки, с которыми обычно ходили Правильные Люди Каморра. Достаточно велики, чтобы стать серьезным оружием в бою, и достаточно малы, чтобы их можно было быстро спрятать под одеждой...

Жеан сгорбился в привычном полуприседе, будто вышел против ножа. Что ж, годится... Прыгнув вперед, он нанес

«болвану» удары одновременно с двух рук. Оба лезвия глубоко ушли под ребра манекену. Затем резким движением правой руки он рванул топорик вверх, к плечу чучела, и снова вниз, используя скорее вес набалдашника, чем остроту лезвия. В течение нескольких минут он трудился над манекеном, круша и рубя его. Руки Жеана неукротимо работали, как поршни паровой машины, на лице застыла довольная улыбка.

– Хм-м... неплохо, – восторженно воскликнул дон Маранцалла. – Со всем неплохо для новичка. Забирай топорики, дарю. Похоже, они пришлись тебе в самый раз.

Поддавшись внезапному порыву, Жеан развернулся и бросился в дальний угол двора. Теперь от «болвана» его отделяло примерно пятнадцать футов. Дождь хлестал по-прежнему, скрывая цель за серой пеленой, поэтому мальчик тщательно примерился... Затем он резко выпрямился и метнул топорик в манекен, вложив в этот бросок всю силу руки, бедер и торса. Топорик просвистел в воздухе и намертво задел в кожаной башке «болвана».

– Вот это да, о боги! – пораженно воскликнул дон Маранцалла. В этот момент на небе снова сверкнула молния, и эхо грома прокатилось по крышам домов. – Теперь у нас имеется основа, на которой мы можем строить твоё обучение.

Глава 10. Уроки анатомии

1

Внизу, в темном чреве Гулкой Дыры, Жеан Таннен пришел в движение еще до того, как деревянная бочка мелькнула в красноватом от света факелов разломе и с оглушительным всплеском ушла в воду. Под каменным полом Дыры имелась разветвленная сеть перекрытий из черного ведьмина дерева. Этот материал, как известно, славится своей долговечностью. Вот и здесь балки, даже покрывшись за долгие столетия плесенью и склизким налетом, могли поспорить в прочности с каменными глыбами, из которых была выстроена Гулкая Дыра.

Водяной поток, низвергавшийся через дыру в крыше, уходил под пол и впадал в один из множества каналов, проходивших под древней постройкой. Одним богам известно, какую цель преследовали древние строители, но сейчас в этом подземном лабиринте не просматривалось ни малейшей логики. В некоторых каналах вода стояла практически неподвижно, напоминая зеркальную гладь, другие бурно несли свои воды неведомо куда, пенясь и закипая на скрытых порогах. Немного поодаль виднелись медленно крутящиеся ма-

ховики и какие-то механизмы непонятного назначения. В поисках удобной позиции для долгого ожидания Жеан за-благовременно спустился вниз и осмотрел эти приспособле-ния при помощи крошечного алхимического шара, который захватил с собой. Так и не найдя им приемлемого объясне-ния, он в конце концов махнул на механизмы рукой и устро-ился на одной из балок неподалеку от водопада. Жук, по из-вестным причинам не желавший далеко уходить от старшего товарища, примостился неподалеку – футах в двадцати ле-вее Жеана.

На каменном потолке, отделявшем подземелье от поме-щения Гулкой Дыры, имелись небольшие, разбросанные в случайном порядке выемки, каждая шириной примерно в два ярда. Жеан расположился между двумя такими углубле-ниями и попытался разобраться в доносящемся сверху шу-ме. Он мог только догадываться, что там происходит. Мину-ты истекали, красное свечение не исчезало, а разгоралось все сильнее. До Жеана доносились голоса капы Барсави и Локки: судя по всему, разговор у них был серьезный. По мере того как время шло, а ничего не менялось, беспокойство Жеана начало перерастать в откровенную панику. Вдруг раздались крики, проклятья, топот десятков ног, и вслед за этим – ра-достные аплодисменты. Локки схватили! Куда же подевался этот треклятый контрмаг?

Жеан поспешно двинулся вдоль балки, на ходу лихора-дочно размышляя, как бы ему пробраться наверх, к Лок-

ки. Самый короткий путь – и, по сути, единственный – проходил непосредственно через устье водопада. Жеан прикинул высоту, на которой находился пролом – метров пять-шесть, многовато. Но если преодолеть сопротивление воды, то можно вскарабкаться. Красноватый свет от горящих факелов проникал через отверстия в полу и позволял кое-как ориентироваться в подземелье. Жеан сделал Жуку знак оставаться на месте.

В этот момент снова раздался взрыв аплодисментов... и затем громкий голос капы: «А теперь бросьте в море этого ублюдка!»

В море? Сердце у Жеана заколотилось, как сумасшедшее. Неужели они прикончили его друга? В глазах у него защипало от одной мысли, что сейчас мимо него пролетит бесчувственное тело, одетое во все серое...

И тут в проеме показался неповоротливый темный предмет – деревянная бочка. На миг зависнув над краем, она полетела вниз и тяжело шлепнулась в воду у самого основания водопада. Брызги разлетелись во все стороны, попав Жеану на лицо. Он растерянно заморгал, пытаясь осознать, что же все это значит.

– О боги! – вдруг осенило его. – Ну конечно же – око за око... Будь проклят Барсави с его театральными эффектами!

Наверху раздался новый взрыв веселья: шум, топот, крики. Капа Барсави пролаял что-то срывающимся голосом, толпа начала скандировать ему в ответ. Затем, судя по уда-

лявшимися огням, все двинулись к выходу. Жеан решил, что в поднявшемся шуме можно рискнуть пробраться к бочке.

Но не успел он сделать и двух шагов, как послышался новый всплеск, хорошо различимый даже сквозь шум падающей воды. Какого хрена, это еще что такое? Жеан достал из-под куртки алхимический шарик и энергично потряс его. Вокруг него расцвело слабое белое свечение. Крепко держась одной рукой за балку, Жеан опустил шарик вниз, чтобы рассмотреть место, куда, по его расчетам, упала бочка. На три четверти погруженная в воду, она дрейфовала в небольшом канале, который отходил от основного русла примерно в сорока футах от водопада.

Судя по всплескам, Жук двигался в том направлении. Он сам, не дожидаясь команды, бросился в воду! Черт побери, этот мальчишка просто не в состоянии находиться там, куда его определили!

Жеан лихорадочно оглядывался, выискивая, где бы прыгнуть ему – так, чтобы не переломать ноги о каменные барьеры.

– Жук! – закричал он, рассудив, что гвалт наверху перекроет его голос. – Жук! Достань свой шар и посвети! Локки в бочке!

Мальчишка порылся в складках рубахи, вытянул светильник и встряхнул его. В соединенном свете двух алхимических шаров Жеан ясно разглядел контуры злополучной бочки. Он оценил расстояние, отделявшее его от цели, и, решив-

шись, вытащил один из своих топориков.

– Жук, – скомандовал он, – руби крышку бочки!

– Но чем?

– Сейчас увидишь! Не двигайся с места, оставайся, где есть.

По-прежнему цепляясь за балку левой рукой, Жеан изогнулся вправо, примерился и, вознеся краткую молитву Тринадцатому («Помоги, прошу!»), метнул топорик. Тот пролетел в темноте и воткнулся в деревянную поверхность. Жук, отпрыгнувший было в сторону, обрадованно бросился к оружию.

Жеан тоже начал карабкаться по балке в том же направлении, когда краем глаза уловил какое-то движение слева от себя. Прищурившись, он изо всех сил вглядывался в темноту: там, в лабиринте каналов и каменных разграничителей, действительно что-то двигалось... Несколько темных силуэтов размером с крупную собаку. Раздался тихий всплеск – подземная тварь соскользнула в воду и поплыла, перебирая мохнатыми лапами.

– Хрен мне в душу! – воскликнул Жеан. – Это же невозможно!

Несмотря на свою отталкивающую внешность и солидные размеры, соленые дьяволы имели репутацию довольно робких созданий. Эти гигантские водоплавающие пауки водились на юго-западном побережье Каморра. Как правило, они забивались в глубокие расщелины и часами сидели там, под-

стерегая свою добычу – рыбу или зазевавшихся чаек. Если же они отваживались заплыть подальше от берега, то сами нередко становились жертвами акул. Тамошние моряки – суеверный народ – недолюбливали этих тварей и, встречая, всегда забрасывали камнями или расстреливали из арбалетов.

Конечно, у моряков имелись основания для подобной неприязни: достаточно взглянуть на солидные, в палец длинной, клыки соленых дьяволов, которые к тому же были ядовиты. Пусть их укус и не приводил к немедленной смерти, но заставлял помучаться так, что впору этой смерти возжелать. Тем не менее обычно соленые дьяволы вели себя вполне миролюбиво – завидев человека, они предпочитали скрываться бегством. Селились пауки обычно поодиночке, плохо перенося соседство своих сородичей.

Однако те особи, которых видел сейчас Жеан, вели себя совершенно нетипично. Начать с того, что они действовали сообща – одновременно, как стая гончих, перли в сторону бочки и плескавшегося поблизости мальчишки. А сомневаться в их агрессивности, увы, не приходилось.

– Жук! – что есть мочи заорал Жеан. – Жук!!!

О том, что творится наверху, Жук имел еще меньше представления, чем его старший товарищ. Тем не менее, увидев упавшую бочку, он сразу сообразил, что это произошло не случайно. Поскольку Жук пристроился как раз над водами канала, он, не тратя времени на долгие раздумья, просто отпустил руки и полетел вниз.

Высота составляла примерно пятнадцать футов, так что мальчику хватило времени поджать ноги, дабы не отшибить их на мелководе – все может случиться. И хотя в полете Жук перевернулся и вошел в воду головой вниз, он быстро сообразил, что его догадка верна – глубина и впрямь позволяла встать на ноги.

Теперь Жук, стоя по грудь в воде, энергично рубил топориком крышку бочки. Свой алхимический шар он поставил на каменный бортик канала, поскольку ему вполне хватало того света, который шел со стороны Жеана.

– Жук! – услышал он испуганный вопль товарища. – Жук!!!

Мальчик резко обернулся и тоже заметил, как что-то – мерзкое и мохнатое – движется в его сторону. Вдоль его позвоночника пробежал предательский холодок. Жук в панике оглянулся по сторонам.

– Вылезай из воды! Забирайся на камни! – крикнул ему Жеан.

– А как же Локки?

– Сильно сомневаюсь, что ему захочется покинуть свою

долбаную бочку именно в эту минуту, – возразил Жан. – Поверь мне!

Но стоило Жуку оставить бочку и вскарабкаться на берег, деревянная громада снова, покачиваясь, поплыла в южный конец канала, чтобы исчезнуть неизвестно где. Положение складывалось отчаянное! Слишком встревоженный, чтобы задуматься о собственной безопасности, Жан вскочил на ноги и бросился по поперечной балке в сторону водопада. Ноги его скользили по осклизлому бревну – Жан отчаянно размахивал руками, чтобы сохранить равновесие, и молился всем Тринадцати Богам. И боги не подвели – через несколько секунд он достиг вертикальной балки, торчащей почти у самого водопада. Здесь Жан все-таки поскользнулся, ноги его повисли в воздухе, но руки крепко обхватили спасительную опору. Раскачавшись, он прыгнул вперед и вниз, предусмотрительно поджав ноги. Плеску было не меньше, чем при падении бочки.

В следующий миг Жан уже вынырнул на поверхность, сжимая в руке оставшийся топорик. Он увидел, что Жук скорчился на каменном переходе и размахивает своим алхимическим шаром в надежде отогнать соленых дьяволов. Те были уже в пятнадцати футах от мальчика, слегка сбавили скорость, но продолжали двигаться в сторону жертвы. Их спинные щитки отливали иссиня-черным, в многочисленных глазах зловещими бликами отражался свет фонаря. Мохнатые лапы покачивались в воздухе, а на обнаженные

кльки лучше было и вовсе не смотреть.

Жеан насчитал четырех пауков. Он вылез из воды и втащил свое грузное тело на каменный парапет неподалеку от Жука. И с удивлением отметил, что пауки следят за его передвижениями!

– Жеан, они выглядят обозленными, – простонал мальчишка.

– Очень странно, – ответил тот, пробираясь к младшему товарищу. На ходу он поймал второй топорик, который бросил ему Жук, и теперь чувствовал себя немного увереннее. Тем временем пауки подобрались уже на десять футов, постепенно сжимая кольцо вокруг добычи. Тридцать два немигающих глаза уставились на людей, тридцать две мохнатые лапы протянулись в их сторону. – Это совершенно ненормально. Обычно соленые дьяволы так себя не ведут.

– Это ты им скажи, – огрызнулся Жук.

– Подозреваю, что мои топорики объяснятся с ними лучше меня.

Не успели эти слова сорваться с губ Жеана, как четыре твари одновременно плюхнулись в воду и поплыли в их направлении. Один из них поднырнул под бочку, проплывавшую в нескольких футах от Жеана с Жуком. Он вынырнул совсем близко, и мальчик вскрикнул от неожиданности и омерзения. Жеан ринулся вперед и обрушил оба своих топора на обнаглевшую тварь. Серия быстрых метких ударов – две паучьи лапы полетели в сторону, разбрызгивая темно-си-

нюю кровь. Жеан снова отскочил назад.

С этим было покончено, но на берег уже торопливо выбирались два новых паука. Жеан слышал, как их зазубренные лапы скребут по каменной поверхности парапета. Понимая, что не может одновременно атаковать обоих дьяволов – так впору и равновесие потерять, – он остановился на более неприятном, но более надежном плане.

Злобная Сестричка в его правой руке описала широкую дугу и обрушилась на голову ближайшей твари – той, что подбиралась справа. Удар пришелся как раз между симметричными парами черных глаз и оказался смертельным. Паук в агонии дернулся, и Жук от неожиданности едва не выронил из рук алхимический светильник. Используя инерцию первоначального движения (именно так учил дон Маранцалла), Жеан развернулся в сторону второго дьявола, который подбирался сзади, и обрушил каблук на то, что предположительно являлось паучьей мордой. Глаза паука треснули, как засахаренные фрукты. Содрогаясь от омерзения, Жеан вдавил каблук поглубже – ощущение было такое, будто он топчетя по куче сыромятной кожи.

Он почувствовал, что башмак его пропитывается теплой жидкостью. Как только он выдернул ногу, паук начал поспешно отступать, шипя и щелкая от злости.

Но на смену ему уже спешил его собрат. Он решительно наступал на противника: мохнатые лапы расставлены, голова с обнаженными клыками в нетерпении запрокинута. Же-

ан ударил сразу обоими топориками, сверху вниз, вложив в удар всю свою злость. Сестрички разнесли голову твари на куски и размазали ее по камням. Во все стороны брызнул ихор, Жеан почувствовал его у себя на лбу и на шее, но усиленным воли заставил себя не думать об этом.

В душе у него все кипело от ярости – его друг Локки Ламора умирает в деревянной бочке, а он вынужден возиться с проклятыми тварями! Поэтому с последним пауком Жеан разделался совсем просто – с громким воплем подпрыгнул в воздух и приземлился прямо на спину отвратительному чудищу. Тот взорвался под его ногами, как перезревший гриб-дождевик. Мохнатые лапы вздернулись под неестественным углом, пару раз дрогнули и застыли. Не теряя ни секунды, Жеан снова прыгнул в воду и поспешил к бочке со своей возлюбленной Сестричкой в руке. За время схватки бочка переместилась на десять футов к южному концу канала. Догнав ее, Жеан начал работать топориком, нанося яростные удары по деревянной крышке.

– Жук! – прохрипел он. – Будь добр, убедись, что вокруг нас нет больше ни одной этой твари!

Жук послушно вылез на каменный парапет, но уже через мгновение снова был рядом, удерживая бочку своими тонкими руками.

– Никого не видно... Поторопись, Жеан.

– Я и без того тороплюсь как охреневший! – выдохнул Жеан между двумя ударами.

Лезвие топора наконец-то пробило древесину, и наружу брызнула вонючая струя лошадиной мочи. Жук с трудом подавил подкатившую тошноту. Жеан работал не переставая и вскоре сумел сорвать крышку с бочки. Отвратительная желто-бурая жижа хлынула ему на грудь. Отшвырнув топорик в сторону, толстяк сунулся в глубь бочки и вытянул бесчувственное тело Локки Ламоры.

Жеан пробежался руками по его груди и животу, покрытым багровыми кровоподтеками. Слава богам, шея, кажется, не сломана!

Он взвалил тело друга на каменный парапет, рядом с останками пауков, которые еще подрагивали в агонии, затем и сам вылез из воды, присел возле Локки и содрал с него плащ и камзол. Жук суетился рядом, помогая стаскивать вонючую одежду и швырять ее обратно в канал. Обнажив грудь Локки, Жеан принялся делать ему искусственное дыхание.

– Иди сюда, Жук, – позвал он, задыхаясь. – Сгибай его ноги в такт с моими движениями. Черт, он такой холодный! Жизненные силы почти покинули его... Давай попробуем держать ритм – может, нам удастся привести его в чувство. О боги! Если только он выживет, клянусь достать десять книжек по медицине и выучить их наизусть!

Жук начал сгибать и разгибать ноги Локки, в то время как Жеан давил ему на живот, колотил по груди, шлепал по щекам.

– Давай же, черт побери! – приговаривал он. – Не сдавай-

ся, ты, маленький тощий уродец...

Внезапно спина Локки выгнулась дугой, в горле его раздавалось какое-то влажное бульканье, ногти заскребли по каменным плитам – он с трудом перевалился на левый бок. Жеан с облегчением вздохнул и опустился на землю, даже не заметив, что уселся прямо в лужу крови убитого паука.

Все тело Локки сотрясали конвульсии, он кашлял и извергал из себя мерзкую жижу, перегнувшись через парапет. Жук стоял рядом на коленях, поддерживая его за плечи. Это продолжалось несколько минут, затем Локки без сил свалился на камни. Он лежал, дрожа и задыхаясь, и продолжал давиться влажным кашлем.

– О боги! – наконец прохрипел он. – Мои глаза! Я почти ничего не вижу. Там что, вода?

– Да, проточная вода, – Жеан потянулся и взял Локки за руку.

– Тогда пустите меня туда. Тринадцать Богов, мне надо смыть с себя эту мерзость!

С этими словами он перекатился на бок и плюхнулся в канал, прежде чем кто-либо из друзей успел помочь ему. Он несколько раз окунул голову под темные прохладные воды, затем принялся сдирать с себя одежду, пока не остался в одной лишь нижней рубаше и подштанниках.

– Как ты? – поинтересовался Жеан.

– Бывало и лучше, – ответил Локки, и его снова вывернуло наизнанку. – Глаза болят, носоглотку жжет, как огнем,

голова раскалывается... Семейство Барсави разделало меня под орех, я с головы до ног в лошадиной моче и вдобавок ко всему понимаю, что долбаный Серый Король обвел-таки нас вокруг пальца.

Облокотившись о каменный бортик, он еще несколько минут кашлял и отплевывался. Лишь затем он поднял голову и впервые увидел искромсанные останки пауков.

– Фу ты! – отшатнулся Локки. – Ну и гадость! Похоже, я что-то пропустил?

– Соленые дьяволы, – пояснил Жеан. – Целая стая, и они действовали согласованно. Можешь себе представить, они напали на нас, как голодные волки. Прямо самоубийство какое-то!

– Чушь собачья! – пожал плечами Локки. – Этому нет объяснения.

– Ну, одно объяснение все-таки есть, – возразил Жеан.

– Какой-то заговор богов? – проворчал Локки. – Или... колдовство!

– Точно. Снова этот проклятый контрмаг. Если он может управлять ядовитым соколом, что уж говорить о тупых пауках?

– А может, и не в нем дело, – вмешался Жук. – Вы же слышали, какие слухи ходят про это место.

– К черту слухи, если имеется живой маг, который вполне способен на такие пакости, – с трудом выговорил Локки. – Нет, Жеан прав. Я попал в чертову бочку отнюдь не из-за

своих ошибок во время представления, и эти кусачие твари очутились здесь не случайно. Сейчас вам обоим положено уже быть мертвыми, а если и не мертвыми...

– ...то запуганными до полусмерти, – закончил за него Жеан. – И ни о чем другом уже не думающими. Так, чтобы ты с гарантией загнулся в своей бочке.

– Звучит разумно, – согласился Локки и снова потер воспаленные глаза. – Потрясающе! Всякий раз, когда мне кажется, что я более или менее смирился с этой игрой, возникают новые обстоятельства, которые выводят меня из себя. Кало и Гальдо... хрен мне в душу! Нужно поскорее увидеться с ними.

– Это точно, – мрачно кивнул Жеан. – Боюсь, что они могут оказаться в полном дерьме.

– Они уже в нем, Жеан. И мы лучше справимся с ситуацией, если соберемся вместе.

Локки попытался самостоятельно выбраться из воды, но потерпел неудачу. На помощь пришел Жеан – он подцепил товарища за шиворот и вытащил на берег, как мокрого котенка. Поблагодарив слабым кивком, Локки медленно поднялся на трясущиеся ноги.

– Прости, Жеан, – пробормотал он. – Похоже, у меня не осталось сил.

– Не за что извиняться. Тебе пришлось столько вытерпеть сегодня вечером. Слава богам, что мы все-таки успели разломать проклятую бочку и достать тебя, пока не стало слиш-

ком поздно.

– Я в неоплатном долгу перед вами, парни. Это было... просто ужасно... – Локки помотал головой.

– Могу только догадываться, – вздохнул Жан. – Ну что, идем?

– Да, и как можно скорее. Показывайте дорогу наверх. И потише – наверняка люди Барсави еще болтаются поблизости. Да, Жук, поглядывай на небо на предмет... э-э... крупных птиц.

– Тоже верно. Мы вылезем через низкий туннель, по западной стороне канала, – тут Жан остановился и хлопнул себя по лбу. – Дурень несчастный! Мои Злобные Сестрички! Где же я их потерял?

– Остынь, – усмехнулся Жук, протягивая ему топорики. – Я знал, что ты не захочешь расставаться со своими ненаглядными Сестричками, поэтому все время приглядывал за ними.

– Спасибо тебе, – обрадовался толстяк. – Думаю, они еще пригодятся мне этой ночью против кое-кого...

3

Когда спустя некоторое время они выскользнули из заросшего лаза неподалеку от Гулкой Дыры и вскарабкались на

набережную канала, Ржавая Заводь выглядела такой же безлюдной, как и всегда. Процессия капы Барсави уже удалась, а случайные прохожие не имели привычки забредать сюда. Тем не менее трое Благородных Подонков шли крадучись, то и дело поглядывая на небо, чтобы не пропустить стремительный силуэт сокола-убийцы. Слава богам, пока все было спокойно.

– Давайте двинем мимо Мелочевки, к Угольному каналу, – предложил Локки. – Мы сможем стащить там какую-нибудь лодку и пробраться домой по дренажной трубе.

Дренажная труба, пересекавшая Храмовый район в его южной части, проходила как раз под Домом Переландро. Потайная дверь, приводимая в действие при помощи особого механизма, позволяла Благородным Подонкам в любое время дня и ночи незаметно проникать в родное убежище.

– Отличная мысль, – одобрил Жеан – Мне и самому не хочется сегодня отсвечивать на улицах и мостах Каморра.

Приняв решение, трое товарищей пошли в южном направлении, от души радуясь теплему вечернему туману, который окутывал их со всех сторон и скрывал их передвижение. Жеан был напряжен, точно кот на бельевой веревке, по минутно озирался по сторонам и не выпускал из рук своих топорики. Кое-как они миновали мост (Локки постоянно спотыкался и падал) и направились в юго-западный конец Закутка. Слева от них неясно вырисовывалось темное, без единого огонька, скопление нищенских хибар, в воздухе но-

сился запах кладбища бедняков.

– Странно, ни стражника, ни кого-то из детишек с Сумеречного холма, – прошептал Локки. – Вообще ни души... Довольно необычно, даже для этого района города.

– Сегодня все идет не по плану, – бросил Жан, ускоряя шаг.

Через несколько минут они пересекли еще один мост и очутились на южном берегу Угольного канала. Жан шел первым. Локки, держась за свои отбитые внутренности и переломанные ребра, изо всех сил старался не отставать. Замыкал процессию Жук, то и дело тревожно оглядывающийся через плечо.

В северно-восточном конце жались старые разбитые доки и небольшая каменная пристань с местными плавсредствами. Баржи и лодки покрупнее, разумеется, были заперты или привязаны цепями, но несколько легких скорлупок покачивалось на волнах, удерживаемые лишь обычными веревками. Оно и понятно: Каморр буквально наводнен подобными суденышками, и ни один уважающий себя вор не польстится на такую добычу. Во всяком случае, в обычных условиях.

Однако сложившуюся сейчас ситуацию никак нельзя было считать обычной, поэтому трое друзей вскарабкались в первую же подходящую лодку. Локки без сил рухнул на корму, Жук без лишних напоминаний взялся за весло, а Жан стал рубить веревку.

– Спасибо, Жук, – проговорил он, влезая внутрь тесной

протекающей лоханки. – Чуть позже я сменю тебя.

– Да неужели? И никакого трепя по поводу моего нравственного воспитания?

– Считай, что программа твоего нравственного воспитания завершена, – ответил Жан, глядя на проплывающие в небе облака. – Настала пора обучить тебя кое-каким боевым приемам.

4

Никем не замеченные, они проплыли вдоль северного берега канала и приблизились к своему родному дому – храму Переландро, который темной громадой угадывался в серебристом ночном тумане.

– Теперь поаккуратнее, – приговаривал себе под нос Жан Таннен, останавливая лодочку возле входа в дренажную трубу.

Та представляла собой зарешеченное отверстие в пять футов диаметром, расположенное на высоте примерно ярда над водой. Через это отверстие можно было попасть – если знать, как – в подземный переход, который выводил к потайному входу в храм. Просунув руку между прутьями решетки, Жук щелкнул спрятанным там запором, затем вытащил из рукава небольшой тонкий стилет и приготовился лезть в отверстие.

– Я пойду первым, – бросил он.

Но тут его сгребла за шиворот мощная рука Жеана.

– Это вряд ли, парень. Первыми пойдут Злобные Сестрички. А ты посиди здесь и поддержи лодку, чтобы не качалась.

Жук обиженно надулся, вызвав у Локки снисходительную усмешку, но все же беспрекословно повиновался. Жеан ловко протиснулся в трубу и скрылся в темноте.

– Тебе предоставляется честь идти вторым, – промолвил Локки, обращаясь к мальчишке. – Возможно, мне понадобится крепкая рука, чтобы тянуть меня вверх.

Забравшись в подземный лаз самым последним, Локки обернулся и отпихнул утлую лодчонку на середину канала, где течение подхватило ее и понесло в сторону Виа Каморраццы. Поутру кто-нибудь приберет к рукам бесхозное суденышко – еще и порадуетса находке. А, может, какая-то крупная баржа попросту протаранит ее в тумане и отправит отдыхать на речное дно. Сейчас это интересовало Локки меньше всего. Он повернул запоры, и металлические прутья снова заняли свое место – Благородные Подонки всегда следили за тем, чтобы петли были хорошо смазаны и работали бесшумно.

Несколько минут они ползли в полной темноте. Было тихо, слышался лишь шорох одежды да прерывистое дыхание. Затем раздался негромкий лязг – это Жеан отпер входную дверь, и в подземный лаз просочилась полоска серебристого света.

Он осторожно ступил на деревянные половицы подземной галереи. Справа ступеньки вели к потайному входу под бывшим ложем отца Цеппа. Жеан изо всех сил старался не шуметь, но, несмотря на это, старые половицы поскрипывали у него под ногами. Преодолевая отчаянное сердцебиение, Локки шагнул в галерею следом за другом.

Освещение было тусклым. Стены отливали золотом, как всегда с того момента, когда Локки впервые увидел это место.

Жеан крался вперед – топорики подрагивали у него в руках. Достигнув конца галереи, он, пригнувшись, свернул за угол, а затем вдруг со стоном выпрямился:

– Ах, ты!..

Кухня была полностью разгромлена.

Коробки с пряностями перевернуты, тарелки и стаканы разбиты, шкафчики с припасами открыты настежь и зияют пустыми полками. Бочка для воды разбита вдребезги. В углу высилась куча обломков – все, что осталось от их позолоченных стульев. Прекрасная люстра, которая раньше красовалась над столом, – без нее Благородные Подонки не представляли своей обеденной залы – свисала на двух оборванных шнурах. От планет и хрустальных созвездий остались лишь осколки, армиллярные соединения погибли безвозвратно. Солнце, которое прежде светило в центре конструкции, треснуло, как яйцо, алхимическое масло сочилось из него и капало на стол.

Локки с Жеаном стояли в дверях и потрясенно разглядывали учиненный разгром. Жук, ждущий столкновения с неведомым врагом, резко выскочил из-за угла и застыл рядом со старшим товарищами.

– Я... О боги! О боги!!!

– Кало? – крикнул Локки, приходя в себя. – Гальдо! Кало!

Вы здесь?

Жеан отодвинул в сторону тяжелый занавес, отделявший их от гардеробной. Он не крикнул, не произнес ни слова – лишь Злобные Сестрички выпали у него из рук и громко стукнули о пол.

Гардеробная тоже была разнесена подчистую. Бесконечные вешалки с дорогими костюмами, шляпы и шейные платки, бриджи и чулки, куртки и камзолы, дорогостоящие аксессуары – все исчезло. Зеркала разбиты вдребезги, коробка с гримировальными принадлежностями перевернута, ее содержимое разбросано и размазано по полу.

И среди всего этого на иолу лежали Кало и Гальдо, глядя в потолок невидящими взорами. Их глотки были перерезаны от уха до уха – два одинаковых разреза, похожих, будто лица близнецов.

Жеан безвольно упал на колени.

Жук попытался протиснуться мимо Локки, но тот, оберегая мальчика от ужасного зрелища, с внезапной злостью – откуда только силы взялись! – отпихнул его назад, на кухню.

– Нет, Жук... не надо, – пробормотал он.

Поздно. Мальчишка рухнул на стол из ведмина дерева и разразился громкими рыданиями.

«О боги, какого же дурака я сваял! – бессильно думал Локки. – Нам надо было сразу же паковать вещички и валить отсюда на хрен!»

– Локки... – прохрипел вдруг Жеан и рухнул лицом вперед. Он содрогался в конвульсиях, пальцы судорожно скребли по деревянному полу.

– Жеан! О боги, да что же это такое! – Локки бросился к товарищу и прижал два пальца к выемке под круглым тяжелым подбородком. Пульс у Жеана был непомерно, недопустимо частым. Он устремил на Локки беспомощный взгляд, рот его беззвучно открывался и закрывался.

Мысли в голове у Локки полетели вихрем. Что это – яд? Или в комнате распылили какое-то алхимическое вещество? Но почему тогда сам Локки ничего не ощущает? Или после этой ночи он настолько в плачевном состоянии, что не может отслеживать реакции собственного организма? Ничего не понимая, Локки в панике окинул взглядом комнату и внезапно заметил некий темный предмет, лежащий как раз между телами братьев Санца.

Предмет оказался отрезанной кистью руки – серой, ссохшейся и морщинистой. Она лежала кверху ладонью, на которой грубой черной ниткой было вышито имя... Надпись получилась кособокая и невнятная, но Локки все равно разобрал ее, тем более что буквы оттенялись едва заметным алхимическим пламенем.

Там было написано: ЖЕАН ТАННЕН.

Как тогда сказал Сокольничий? «Ты знаешь, *ЧТО* я могу с тобой сделать, если вышью твое подлинное имя», – эти слова сами собой возникли в памяти Локки. Жеан снова застонал и содрогнулся от невыносимой боли, спина его выгнулась дугой. Локки наклонился за мертвой кистью. В голове его проносились десятки планов: изрубить проклятую руку на кусочки... изжарить на алхимической плите... бросить в реку... Он не мог похвастаться знанием основ практической магии, но одно знал наверняка – любое действие будет лучше бездействия.

В этот момент на кухне резко проскрипели по битому стеклу новые шаги.

– Издергайся, крысеныш! – прозвучал голос. – Твой толстый друг тебе сейчас вряд ли поможет. Так что сиди спокойно, где сидишь.

Локки подхватил с пола одну из Злобных Сестричек и, держа ее в левой руке, выглянул в дверной проем гардеробной.

Прямо напротив него в дверях столовой стоял совершен-

но незнакомый мужчина в рыжевато-коричневом непромокаемом плаще. Откинутый капюшон позволял разглядеть прямые черные волосы и такие же вислые усы. В руках он держал арбалет, как бы случайно наведенный на Жука. Он явно не ожидал увидеть Локки – глаза мужчины удивленно расширились при его появлении.

– Что за черт, – пробормотал он. – Мы так не договаривались.

– Ты человек Серого Короля, – медленно произнес Локки. Его левая рука с топориком скрывалась за дверным косяком – со стороны казалось, будто он в изнеможении опирается на стену.

– Один из его людей, – уточнил мужчина. – Нас у него много.

– Назови свою цену, я заплачу, сколько ты скажешь, – обратился к нему Локки. – Мне нужно знать, где скрывается твой хозяин, что он сейчас делает и как я могу обезвредить контрмага.

– Никак, – усмехнулся незнакомец. – Это я тебе могу сказать и бесплатно. Да и что ты можешь мне предложить?

– У меня есть сорок пять тысяч крон.

– Были, – поправил его мужчина. – Теперь у тебя нет ничего.

– Слушай, у тебя всего один болт, – попробовал зайти с другой стороны Локки. – А нас двое. Здесь есть над чем подумать.

В этот момент снова раздался стон Жеана, и незнакомец зловеще усмехнулся.

– Ты не слишком-то хорошо выглядишь, приятель. А о мальчишке вообще говорить нечего. Я сказал, сидеть, гаде-ныш! – прикрикнул он на шевельнувшегося Жука.

– Все равно тебе не хватит одного болта, – заявил паренек. Глаза его побелели от ярости. Локки никогда не видел Жука таким. – Ты понятия не имеешь, на кого хвост поднял!

– Один болт, – повторил Локки. – Я так понимаю, он припасен для мальчика? Если бы меня здесь не было, ты бы уже расправился с ним, не так ли? А затем настал бы черед Жеана. Все было рассчитано заранее... Но ты просчитался, приятель. Нас оказалось двое, а у тебя по-прежнему один болт.

– Сбавь обороты, парень, – огрызнулся незнакомец. – Вряд ли кто-нибудь из вас хочет получить дырку во лбу.

– Да ты не понимаешь, с кем связался и что мы с тобой сделаем! – Жук шевельнул запястьем, и какой-то предмет выпал из рукава прямо ему в руку. Локки не успел разглядеть, что это было. «Сиротский узелок»? О боги, неужели он не понимает, сколь бессмысленно подобное оружие против арбалета?

– Жук, – негромко одернул он мальчика.

– Скажи ему, Локки. Объясни, против кого он нарывается! Растолкуй этому придурку, чем он рискует. Мы же за просто его схватим!

– Как только один из вас пошевелится, я стреляю, – пре-

дупредил боец Серого Короля, делая шаг назад. Он перехватил свой арбалет левой рукой и настороженно переводил его с одной цели на другую.

– Жук, помолчи...

– Мы схватим его, Локки. Ты и я... Он не сможет остановить нас обоих. Черт, готов поспорить, он и с одним из нас не справится.

– Послушай меня, Жук...

– Прислушайся к своему приятелю, – процедил незнакомец. По лбу у него стекали ручейки пота.

– Я Благородный Подонок, – медленно и четко произнес мальчишка, и голос его зазвенел от еле сдерживаемого гнева. – Никто не смеет угрожать нам! Лучше нас нету во всем городе. А ты, гад, ответишь за свою наглость!

С этими словами Жук выпрямился и вскинул руку с «сиротским узелком». На худом мальчишеском лице застыло абсолютно безумное выражение.

В тот же момент пропела тетива арбалета. Звук, невероятно громкий в этих стеклянных стенах, резанул Локки по ушам. Болт, который должен был воткнуться мальчишке между глаз, вместо этого угодил в шею.

Жук отшатнулся, будто укушенный злобной осой. Колени его подогнулись, и он упал навзничь, выронив из рук бесполезную «маленькую красную заначку».

Мужчина отшвырнул арбалет и выхватил из-за голенища кинжал, но Локки не зевал. Теперь уже не было смысла

скрывать Злобную Сестричку, и острый топорик полетел навстречу ненавистному убийце. Будь на месте Локки Жан, он этим броском рассек бы череп врага до основания, а Локки сумел лишь попасть тому в лицо тяжелым обухом. Но и этого оказалось достаточно – удар пришелся пониже правого глаза, и, взыв от боли, незнакомец отшатнулся. Подхватив брошенный арбалет, Локки с криком бросился на врага. Со всего маху он обрушил деревянный приклад на это ненавистное лицо, почувствовал, как хрустнул сломанный нос, увидел, как брызнула во все стороны кровь. Незнакомец рухнул на спину, попутно ударившись затылком о стеклянную стену, после чего соскользнул на пол, вскинув руки и пытаясь защититься от следующего удара. Локки не помнил себя от ярости. Он бил и бил, крушил пальцы мужчины, разбивал в кровь его лицо. Кажется, он что-то кричал... его крики смешивались с воплями жертвы, отражались от стен и метались в замкнутом помещении столовой.

Под конец он нанес незнакомцу сильнейший удар в висок. Голова у того дернулась и упала на бок, а сам мужчина бесчувственным кулем замер в углу.

Только после этого Локки отбросил арбалет и поспешил к Жуку. Болт пробил мальчику трахею и застрял, погрузившись по самое оперение.

Локки присел рядом с младшим товарищем и бережно приподнял его голову. Сквозь тонкую мальчишескую кожу он мог ощущать острое наконечника, засевшего в шее. Ла-

дони Локки тут же стали мокрыми от теплой крови. Он чувствовал, как она толчками вытекает из смертоносного отверстия – в такт хриплому дыханию Жука. Мальчик не отрывал от него широко распахнутых глаз.

– Прости, прости меня, Жук, – повторял Локки сквозь слезы. – Пусть боги покарают меня за мою ошибку. Ах, Жук, мы ведь могли сбежать – вот и надо было бежать. Так нет же, моя чертова гордость... И вот теперь ты... и Кало с Гальдо. По справедливости этот болт предназначался мне.

– Твоя гордость законна, – едва слышно прошептал мальчишка. – Ты Благородный... Подонок.

Локки пришло в голову, что надо как-то остановить кровотечение, и он попытался зажать рану на шее у Жука. Но тот отчаянно вскрикнул, и Локки отдернул окровавленную руку.

– Законна, – прохрипел мальчик, и тоненькая струйка крови потекла у него из уголка рта. – А я... я ведь не ваш младший? Не на подхвате? Я настоящий Благородный Подонок?

– Ты никогда и не был на подхвате, Жук. Я никогда не числил тебя в младших, – слезы душили Локки. Дрожащими пальцами он попытался пригладить непослушные волосы подростка и ужаснулся, заметив кровавый след, который оставил на бледном челе Жука. – Ты просто маленький отважный идиот. Чертовски отважный... маленький безмозглый подонок. Прости меня, мальчик, это я во всем виноват.

Если б не моя долбаная ошибка...

– Нет, – прошептал Жук. – О боги... больно... как же мне больно...

Вскоре дыхание его замерло. Он умер на руках у Локки, не сказав больше ни слова.

Да что же это такое! Локки с мукой поднял взгляд. На какое-то мгновение ему показалось, будто знакомый потолок из Древнего стекла, столько лет изливавший на него свет и тепло, теперь злорадно затаился у него над головой темной беспросветной массой. В нем застыло маленькое четкое отражение его самого, скорчившегося рядом с остывающим телом Жука.

Наверное, он так и просидел бы до утра на полу – замкнувшись в своем отчаянии, отгородившийся от всего света... Но тут из соседней комнаты снова донесся стон Жеана.

Это вывело Локки из горестного забытья. Он осторожно переложил голову мальчика на пол и, шатаясь, поднялся на ноги. Прихватив с собой верную Сестричку, он неверными шагами направился в гардеробную, размахнулся и со всей силы обрушил топорик Жеана на мерзкую колдовскую руку, лежащую между мертвыми близнецами Санца.

Когда лезвие вошло в иссохшую плоть, в воздухе возникло бледно-голубое сияние. Словно в ответ на это, сзади донесся громкий вздох Жеана. Локки посчитал его добрым знаком и продолжил методично, с остервенением крушить проклятый обрубок. Он рубил ее на мелкие кусочки, уни-

чтожал хрупкие косточки, высохшую кожу – до тех пор, пока магическая надпись не распалась, а от черных ниток не остались одни лишь обрывки.

После этого Локки застыл, тупо глядя на тела Кало и Гальдо. Он стоял так, пока не услышал позади себя шаги Жеана.

– О, Жук, – простонал тот. – Пусть боги проклянут меня! Прости меня, Локки. Я не мог... я ничего не мог сделать...

– Тебе не за что виниться, Жеан, – проговорил Локки, и ему показалось, будто собственный голос разрывает все у него внутри. – Мы угодили в ловушку. На той дряни, которую оставил здесь контрмаг, было вышито твое имя. Он знал, что ты вернешься обратно.

– Ты говоришь о мертвой руке, да? О человеческой руке, на которой было вышито мое имя?

– О ней.

– Это «Хватка Палача»... – проговорил Жеан, неотрывно глядя на ошметки высушенной плоти. – Я... я читал когда-то о таком. О боги!

– Контрмаг знает свое дело. Он аккуратно, без всякого риска вывел тебя из строя, – отсутствующим голосом заметил Локки. – Так что, если бы не я, им вполне хватило бы одного убийцы. Спрятаться здесь, выждать момент, прикончить Жука, а затем и тебя.

– Всего один? – не поверил Жеан.

– Да, дружище, всего один, – горько вздохнул его товарищ и распорядился: – Поднимись в верхние комнаты, принеси

горючее масло.

– Горючее масло?

– Да, все, сколько есть.

Проходя через кухню, Жеан задержался возле тела мальчика и левой рукой закрыл ему глаза, потом смахнул набравшие слезы и побежал выполнять приказ гарристы.

А Локки медленно побрел в соседнюю комнату. За собой он тащил тело Кало Санцы. Он пристроил его возле стола, сложил руки умершего на груди и, опустившись на колени, поцеловал в лоб.

Мужчина в углу зашевелился и застонал. Ни слова не говоря, Локки приблизился к нему и пнул ногой в лицо. Затем снова вернулся в гардеробную за телом Гальдо. Несколько минут спустя оба брата Санца лежали посреди разоренной кухни, а рядом с ними покоилось тело Жука. Не в силах выносить застывший взгляд близнецов, Локки накрыл тела шелковой скатертью, которая нашлась на дне шкафа.

– Я обещаю расплатиться за вашу смерть, братья, – прошептал Локки, когда все закончил. – Это будет такая «плата за смерть», что не пройдет незамеченной богами. Перед ней все герцоги и все каморрские капы – как живые, так и мертвые – покажутся нищими оборванцами со своими подношениями. Моя плата будет золотом, кровью и огнем. Я клянусь в этом именем Азы Гуиллы, которая собирает нас всех возле своих покровов. Клянусь также именем Переландро, столько лет укрывавшего нас. Призываю в свидетели Святого Ловка-

ча, Хранителя всех плутов, который опустит свой палец на чашу весов, где будут взвешиваться наши души. Я клянусь в этом Цеппу, который успешно охранял нас. Прости меня, отец, что я не сумел сделать того же...

Подавив рыдания, Локки снова взялся за дело.

Он собрал по углам гардеробной несколько уцелевших костюмов из самых дешевых и то, что еще годилось в дело из содержимого гримировальной коробки – пригоршню накладных усов и бород и чудом не треснувший флакон с клеем для них. Сложив эту кучу в галерее возле входа в столовую, он проверил тайник. Как Локки и предполагал, там оказалось пусто. Ни единой монеты не сохранилось ни в шахтах, ни на полках. Все правильно: близнецы собрали деньги в мешки и погрузили на телеги... которые теперь скрылись в неизвестном направлении.

Локки прошел в задние комнаты, где располагались спальни, и собрал все простыни и одеяла. Затем дошел черед до книг и пергаментных свитков. Все это Локки побросал на обеденный стол. После этого остановился над бесчувственным слугой Серого Короля – одежда и руки в крови – и стал ждать возвращения Жеана.

– Очнись, гад, – повысил голос Локки. – Я знаю, ты меня слышишь.

Убийца, подосланный Серым Королем, несколько раз моргнул, сплюнул кровью и попытался отползти подальше в угол.

Локки смотрел на него сверху вниз, дивясь полному искажению естественного хода вещей. Убийца был мускулистым мужчиной на полголовы выше его самого, вдобавок после событий сегодняшней ночи Локки чувствовал себя выпитым досуха. Но это не уменьшило его горя и его ненависти. Казалось, вся его сила перешла в глаза, вся ярость сосредоточилась в тяжелом ненавидящем взгляде, который он устремил на непрошеного гостя.

Жеан стоял за его спиной, немного поодаль – на плече емкость с горючим, боевые топорики угрожающе торчат из-за пояса.

– Жить хочешь? – спросил Локки.

Убийца ничего не ответил.

– Я, кажется, задал простой вопрос: ты жить хочешь?

– Я... да, – тихо ответил незнакомец.

– Вот и замечательно. Это тем более радует меня, что я не дам тебе такой возможности.

Локки опустился на колени рядом с мужчиной и показал ему маленький кожаный кошелек, который висел у него на груди под одеждой.

– Однажды, – произнес он, – когда я уже достаточно под-

рос, чтобы осознавать свои поступки, я решил, что никогда больше не стану убивать людей. Долгие годы я продолжал носить эту вещь – даже после того, как расплатился с долгами. Она служила мне напоминанием о принятом решении.

Локки приподнял кошелек и, резко дернув, порвал шнурок, на котором тот висел. На ладонь ему выкатился единственный белый зуб акулы. Тогда Локки вложил этот зуб вместе с кошельком в насильно раскрытую ладонь незнакомца и сжал переломанные пальцы. Мужчина закричал от боли, но Локки пинком заставил его замолчать.

– Сегодня настал момент, когда мне снова придется стать убийцей, – отчеканил он. – Если честно, у меня прямо руки чешутся, до того хочется душить и убивать. Я не успокоюсь, пока не перебью всех людей Серого Короля. Слышишь меня, урод несчастный! Я сделаю этого долбаного контрагана... и доберусь до твоего проклятого хозяина! Даже если вся сила и мощь Каморра, и Картена, и самого ада встанет у меня на пути – это ничего не изменит. Ни-че-го! Разве что немного удлинится цепочка трупов между мной и твоим хозяином.

– Ты безумец, – прошептал незнакомец. – Тебе никогда не побить Серого Короля.

– Ошибаешься, я сделаю это! И не только это. Какие бы планы ни лелеял твой хозяин, я их расстрою. О чем бы он ни мечтал, я это разрушу. Все, ради чего ты пришел сюда и убил моих друзей – все это исчезнет. Все вы, слуги Серого Короля, умрете бессмысленной смертью, потому что все ва-

ши идеалы рассыплются, и не останется ничего. Но первым станешь ты.

Жеан Таннен шагнул вперед и, приподняв убийцу за шиворот, поставил его на колени. Затем, не обращая ни малейшего внимания на стоны и мольбы, потащил его на кухню. Там незнакомца швырнули возле трех накрытых тел и кучи тряпья и бумаги. Почувствовав назойливый запах алхимического горячего, мужчина понял, что его ожидает, и побледнел.

Ни слова не говоря, Жеан обрушил обух одного из своих топориков на правое колено незнакомца. Тот взвыл и попытался отползти в сторону. Еще один быстрый точный удар, и он лишился левой коленной чашечки. После этого избиение прекратилось.

– Когда увидишь Великого Ловкача, Покровителя всех воров, передай ему следующее: Локки Ламора учится медленно, но хорошо, – произнес Локки, что-то вертя в руках. – А если повстречаешься с моими друзьями, сообщи им, что ты – только первый, за тобой последуют многие.

Он раскрыл ладонь, и на пол упал кусок темно-серой веревки. С одного ее конца выступали белые волокна. Это был алхимический фитиль – когда белые нити соприкасались с воздухом, они воспламенялись и поджигали тяжелую, долго горящую серую оплетку, Локки бросил веревку, и та вспыхнула в непосредственной близости от разлитого горячего масла.

После этого двое Благородных Подонков поднялись через

открытый люк в легальные помещения Дома Переландро. Не
нужную больше лестницу они сбросили вниз.

Уходя, они слышали, как в стеклянном подzemелье разго-
рается огонь.

Сквозь шум и треск пламени почти не прорывался чело-
веческий крик.

Интерлюдия. Притча про игроков в ручной мяч

Ручной мяч являлся старинной теринской игрой, чрезвычайно популярной как в южных городах-государствах, так и на севере, среди вадранцев (следует заметить, кстати, что и на юге вадранцы с удовольствием играют в эту игру). В народе бытует мнение – хотя ученые мужи не слишком ему доверяют, – что этот спорт возник еще во времена Теринского Престола, когда император Сартирана развлекался, гоня по полю отрубленные головы своих врагов. Трудно сказать, насколько правдивы эти слухи – относительно Теринского Престола можно что-то утверждать лишь на основании твердых доказательств.

Эта весьма жесткая игра для грубых людей проводилась между двумя командами на более или менее ровной площадке. Сам мяч представлял собой сформованную эластичную массу из кожи и древесного каучука, примерно шесть дюймов в диаметре. Поле, очерченное с двух сторон меловыми линиями, имело двадцать-тридцать ярдов в длину. Игра сводилась к тому, чтобы провести мяч через все поле и зашвырнуть его за линию ворот противника.

Пока игрок бежал по полю, он мог держать мяч обеими руками или передавать его товарищам по команде. Однако существовал ряд ограничений: например, категорически за-

прещалось прикасаться мячом к любым частям тела ниже пояса. Плохо приходилось также той команде, которая уронит мяч на землю, – он тотчас переходил к ее врагам. За игрой следил независимый третейский судья, который для краткости именовался просто судьей. Он обеспечивал выполнение правил – более или менее успешно в рамках каждой игры.

Матчи между отдельными районами или даже островами Каморра превращались в целое событие. Толпы болельщиков пили, гуляли, заключали пари и выясняли отношения. Начиналось все это задолго до назначенной игры, а заканчивалось много позже, когда само событие уже отходило в область истории. На фоне долговременных беспорядков каждая такая спортивная встреча становилась островком относительного мира и согласия.

Рассказывают, что однажды, во времена правления первого герцога Андраканы, был назначен матч между Огненным районом и Чертовым Котлом. За команду последнего играл молодой рыбак по имени Маркос. Он считался очень талантливым нападающим – болельщики связывали с ними большие надежды. И был у Маркоса лучший друг – судья Джервайн, который славился своей честностью и компетенцией. Стоит ли удивляться, что право судить такой ответственный матч предоставили именно Джервайну?

Для проведения игры выделили одну из публичных пло-

щадей Пепелища, и вокруг этого пыльного и неухоженного места собралось по тысяче болельщиков с каждой стороны. Пьяные, вопящие орды наводнили окрестные улицы и переулки – они шли на игру, голося лозунги и круша все на своем пути. С самого начала матч проходил очень напряженно, порой больше походя на боевую схватку. Под конец Чертов Котел отставал на одно-единственное очко, а песочные часы показывали, что времени осталось совсем немного.

И тут Маркосу посчастливилось перехватить мяч. С яростным воплем он ринулся в атаку. Ценой невероятных усилий он прорвался сквозь цепь вражеских защитников и устремился к воротам Огневых. Выглядел он в этот миг просто ужасающе – рубаха разорвана, один глаз подбит и совершенно заплыл, руки и ноги разбиты в кровь... В таком виде он прорвался к линии ворот и в самую последнюю секунду – как раз упала последняя песчинка – совершил свой победный бросок. Точнее, это он думал, что победный...

Маркос без сил лежал на пыльных камнях, вытянув перед собой руки, будто все еще пытался дотянуться до заветной цели. А мяч... мяч лежал на самой линии ворот, так и не сумев пересечь ее. Джервайн протолкался через беснующиеся толпы, несколько секунд постоял над телом друга и вынес приговор: «Не пересек черту. Очко не засчитано».

Негодование с одной стороны и ликование с другой схлестнулись воедино и вылились в грандиозные волнения. Говорят, что «желтые куртки» убили около дюжины человек,

пока навели порядок. А были и такие, которые утверждали, что число погибших скорее ближе к сотне. По меньшей мере трое каморрских кап лишились жизни в небольшой войне, вызванной результатами тотализатора. Маркос же поклялся никогда больше не разговаривать с Джервайном. Они выросли вместе, с детства рыбачили на одной лодке, но все изменилось в одночасье. Оскорбленные болельщики Чертова Котла предупредили Джервайна и всю его семью, чтобы они не смели заходить на их территорию, иначе за их жизнь не дадут и медяка.

Много воды утекло со времени злополучного матча. Прошло двадцать лет, затем тридцать, тридцать пять... Умер старый Андракана, его место занял первый герцог Никованте. Все это время Маркос не виделся со своим бывшим другом, ибо Джервайн вообще уехал из города. Говорили, что он отправился в Джериш, где зарабатывал деньги то ли греблей на галерах, то ли охотой на тамошних кальмаров. Но в конце концов тоска по дому замучила его, и Джервайн вернулся обратно в Каморр. И надо же было такому случиться, чтобы прямо в порту он повстречался с Маркосом. Джервайн с волнением разглядывал седого бородатого мужчину, возившегося с маленькой лодочкой. Сомнений быть не могло: перед ним стоял его, старый друг, с которым он не виделся столько лет.

– Маркос! – крикнул он. – Маркос из Чертова Котла? О милостивые боги! Ты еще помнишь меня?

Маркос обернулся. Несколько секунд он разглядывал путешественника, затем, ни слова не говоря, вытащил из-за пояса длинный рыбачий нож и по самую рукоять воткнул его в живот изумленному Джервайну. После чего столкнул бывшего судью в воды Каморрского залива, так и не позволив ему ступить на родную землю.

– Не смей пересекать черту, недоумок, – произнес Маркос и сплюнул.

Когда эту притчу рассказывают при тал-вераррцах, картенцах и лашенцах, те понимающе кивают головами: скорее всего, история придумана от начала до конца, но есть в ней зерно истины. И истина, о которой они всегда догадывались в глубине души, заключается в том, что эти проклятые каморрцы все до единого сумасшедшие.

Каморрцы же видят в этом рассказе историю об отсроченном возмездии. Не откладывай надолго свою месть, говорят они. Но если случилось так, что сразу с врагом не разделаться, – что ж, запасись терпением и памятью.

Глава 11. При дворе капы Разо

1

Им пришлось украсть новую лодку, поскольку Локки столь неосмотрительно расстался с прежней. В другое время он не преминул бы пройтись по поводу своей беспечности.

Так же, как и Жук, и Кало с Гальдо... невольно подумалось ему.

Они с Жеаном медленно проплывали между Марой Каморращей и Муравейником. Завернувшись в старые плащи, подобранные с пола в гардеробной, Благородные Подонки горестно молчали и глядели на скользящий мимо Каморр. Они были почти неразличимы в густом тумане, опустившемся на город. Одинокие огоньки, мелькавшие на берегу, смутные голоса в тумане – все это казалось чужим и далеким, будто принадлежало давно оставленной и позабытой жизни.

– Какой же я дурак, – нарушил молчание Локки.

Он лежал, обессиленно свесившись на борт. В голове все плыло, откуда-то снизу из глубин его измученного, избитого организма накатывали волны неодолимой дурноты.

– Если я еще раз услышу нечто подобное, то вышвырну тебя из лодки и уплыву прочь! – взвился Жеан.

– Нам следовало бежать немедленно. Я должен был это понять.

– Может, оно и так, – согласился Жан. – Но не приходило ли тебе в голову, мой многоумный брат, что не все наши несчастья напрямую зависят от решений, которые мы принимаем? Некоторые из них происходят сами по себе. Возможно, сбегу мы, как ты говоришь, этот чертов контрмаг выследил бы нас по дороге и рассеял наши кости где-нибудь в окрестностях Талишема.

– Тем не менее...

– Тем не менее мы с тобой остались живы, – с нажимом произнес Жан. – Мы живы и можем отомстить за наших товарищей. Ты абсолютно правильно поступил с подонком, которого подослал Серый Король... там, в подземелье нашего храма. Теперь нам предстоит ответить на два вопроса – почему это случилось и что делать дальше. Ты же ведешь себя так, будто надышался дымом Призрачного камня. Это непозволительная роскошь, братец. Нам нужны твои мозги! Куда, скажи на милость, подевался непобедимый Бич Каморра?

– Ха! Бич Каморра – бесполезная красивая сказка. Шепни мне, если встретишь этого молодца.

– Ты напрасно иронизируешь, Локки. На самом деле Бич сидит в этой лодке, напротив меня. И если ты еще не стал им, то тебе следует сделать это как можно скорее. Только Бич Каморра способен справиться с Серым Королем! Мне одному такое не под силу. Задумайся, для чего Серый Ко-

роль сделал это с нами? Какая ему в этом выгода? Думай, Локки, думай, хрен тебе в душу!

– Безнадежно. Слишком много загадок, – промолвил Локки, однако в голосе его промелькнул оттенок прежнего интереса. – А впрочем... давай сузим вопрос. Попробуем подойти к делу более конкретно. Сегодня под храмом мы видели одного человека Серого Короля. В ту ночь, когда меня впервые похитили, был другой. Следовательно, можно сделать вывод, что помимо контрамага на этого подонка работают по меньшей мере двое. Так почему мы столкнулись лишь с одним убийцей?

– Возможно, он положился на удачу и решил не подстраховываться?

– Вот уж не сказал бы, – задумчиво произнес Локки. – Наоборот – все, что исходило от него до сих пор, поражало своей точностью и продуманностью. Прямо не человек, а талвераррский часовой механизм.

– И тем не менее одну ошибку он допустил.

– Да, но ведь братья Санца на тот момент уже были мертвы. Я – в его понимании – тоже. На тебя контрамаг расставил хитрую ловушку. То есть один арбалетный болт для Жука вполне решал дело. Нет, его не упрекнешь в неосмотрительности. Напротив, все было выверено и рассчитано. Хитрый мерзавец решил покончить с нами наименьшими силами – быстро и жестко.

– И все равно не понимаю, почему бы не послать двоих?

Или троих? Это была бы абсолютная гарантия успеха, – продолжал размышлять Жеан, делая несколько сильных и мягких гребков. – Как-то не верится, что именно в самый ответственный момент Серый Король вдруг проявил небрежность или недомыслие.

– Но, возможно... Не исключено, что все его люди понадобились где-то еще. Допустим, Серый Король проводит масштабную операцию в каком-то другом месте, и один человек – это все, что он может себе позволить... – Локки вдруг взволнованно выпрямился, глаза его загорелись. – Жеан, уничтожение Благородных Подонков вовсе не было главной целью его комбинации!

– Тогда что же?

– Не что, а *КТО!* Подумай, с кем воевал Серый Король все эти месяцы? А ведь капа Барсави уверен, что его враг мертв. И что в таком случае он станет делать сегодня ночью, Жеан?

– Он... хрен, он закатит пир! Устроит гулянье, как на День Перемен, и будет праздновать свою победу.

– Вот именно – закатит пир на своей Плавучей Могиле. Распахнет все двери, выкатит бочки с вином – о боги, это ужасное слово «бочка»! У капы соберется весь цвет города. Все Правильные Люди Каморра будут стоять в три ряда на улицах и набережных Деревяшек, как в старые добрые деньки.

– Ты считаешь, что Серый Король разыграл свою смерть, желая спровоцировать капу Барсави на этот праздник?

– Его цель не сам праздник, Жеан, а приглашенные гости. Правильные Люди Каморра. В этом-то все и дело! Только подумай – сегодня ночью капа Барсави впервые за много месяцев появится перед своими подданными. Понимаешь, что это означает? Там соберутся – не могут не собраться – все каморрские гарристы, все мало-мальски серьезные банды!

– И зачем это надо Серому Королю?

– Дело в том, что этот сукин сын питает слабость к театральным эффектам. И если свести воедино все, что нам известно о Сером Короле... я бы сказал, что капа Барсави влип в еще большее дерьмо, чем даже мы. Гребни живее, Жеан! Разворачиваемся в сторону Чертова Котла. Высади меня на берегу, а Деревяшки я могу пересечь и поверху. Мне надо срочно попасть на Плавучую Могилу.

– Ты явно потерял последний разум. Если люди Серого Короля увидят тебя, то непременно убьют. Да и капе Барсави лучше на глаза не попадаться. Он ведь считает, что ты маешься желудочными коликами и поносом... почти при смерти, если не сказать больше.

– Они и не увидят Локки Ламору, – заверил тот, копясь в сумке с остатками гримировальных принадлежностей. Он пристроил себе на подбородок накладную бороду и горько усмехнулся, когда поврежденная челюсть отозвалась болью. – Волосы у меня еще несколько дней будут выглядеть седыми. Добавлю немного сажи на лицо, натяну поглубже капюшон – и превращусь в одного из несчастных старых бро-

дыг, который заявился к капе на дармовую выпивку.

– Но тебе нужно отдохнуть. Посмотри, в каком ты состоянии! Позволь напомнить, если ты забыл, что сегодня ночью ты едва не отправился на тот свет, и мы насилу тебя откачали. Не думаю, что бежать куда-то в таком состоянии – это хорошая мысль.

– Ты прав, Жеан. У меня все болит, даже в таких местах, о существовании которых я раньше не подозревал, – согласился Локки, накладывая клей себе на подбородок. – Но тут ничего не поделаешь. Других средств изменить внешность у нас больше нет. Нет ничего – ни гардеробной, ни денег, ни храма... ни друзей... А у тебя, Жеан, есть буквально пара часов на то, чтобы найти нам укрытие, прежде чем Серый Король узнает, что с нами вышла осечка.

– И все же...

– Жеан, я вдвое меньше тебя – с этим ты, надеюсь, не станешь спорить? Я смогу проскользнуть незамеченным там, где ты будешь бросаться в глаза подобно восходящему солнцу. Предлагаю вот что: найди подходящую дыру в Пепелище, очисти ее от крыс и прочей дряни и оставь мне какой-нибудь знак – просто намалюй сажей на стене... Я отыщу тебя, когда освобожусь.

– Но...

– Жеан, ты твердил мне про Бича Каморра – считай, что ты его получил.

Закончив намазывать клей, Локки приложил накладную

бороду к своему подбородку и дождался, пока она пристанет.
– Отвези меня в Чертов Котел и высади там, – попросил он. – Чувствую, сегодня ночью в Плавучей Могиле что-то произойдет. И мне необходимо точно знать, что именно. В ближайшие несколько часов нам предстоит получить объяснение всем нашим несчастьям... если только я не опоздаю.

2

Можно было смело утверждать, что, закатив роскошное празднование победы над убийцей своей дочери, Венкарло Барсави превзошел самого себя.

Двери Плавучей Могилы были открыты настежь. Охранники, правда, стояли по местам, но глядели впологлаза. Весь галеон сверкал огнями. На верхних палубах были натянуты шелковые навесы, с их краев свешивались гигантские алхимические шары, которые светились в тумане, подобно огням маяка, и озаряли все окрестные улицы.

В «Последнюю ошибку» за вином и едой были посланы быстроногие гонцы. В самое короткое время таверна опустела – все винные бочки и съестные припасы исчезли вместе с хозяевами и постояльцами. Пьяные и трезвые, больные и здоровые – все устремились к Плавучей Могиле, объединенные любопытством и приятными ожиданиями.

При таком наплыве гостей стражники ограничивались беглым осмотром: тех, кто явился без оружия (или позаботился его спрятать) беспрепятственно пропускали внутрь. Воодушевленный победой, Капа решил не мелочиться – гулять так гулять. Подобное великодушие было очень на руку Локки. Под прикрытием бороды, примитивного грима и плаща с капюшоном он вместе с толпой буйных головорезов из Чертова Котла проскользнул на галеон, который сегодня напоминал прогулочную яхту из сказок о султанах Медного моря.

Капа Барсави восседал на своем троне в окружении приближенных лиц – за его спиной стояли оба подвыпивших сына с раскрасневшимися лицами, тут же находились самые могущественные каморрские гарристы и молчаливые, как всегда, настороженные сестры Беранджиас. Плавающая Могилла была до упора набита народом. Насилу протолкавшись в главный зал, Локки занял позицию в уголке возле дверей. Он стоял, жестоко страдая от толчеи и боли в отбитых боках, но, несмотря ни на что, не покидал своего выигрышного места.

На галереях толпился и вовсе отпетый народ, самые отбросы каморрских банд. Шум, доносившийся оттуда, опасно нарастал – того и гляди, разразится потасовка. Но хуже всего были царившие в помещении жара и вонь. Локки прямо-таки изнемогал от невероятной смеси запахов – мокрой овечьей шерсти, пропитанного потом хлопка, кожи, масла для укладки волос и разнообразных винных паров.

На исходе второго часа пополудни Барсави внезапно поднялся с места и вскинул руку, требуя внимания.

За каких-то несколько минут шум в зале стих: Правильные Люди подталкивали друг друга локтями и кивками указывали на капю. Дождавшись, пока установится относительная тишина, Барсави удовлетворенно кивнул.

– Эй, народ, хорошо ли мы проводим время? – обратился он к своим подданным.

Ответом ему стал взрыв приветственных криков, аплодисменты и топот сотен ног. Локки про себя подумал, что на палубе корабля такое поведение не слишком разумно, но тоже похлопал, дабы не навлечь на себя подозрения.

– Приятно ощущать, что гроза прошла стороной, не так ли?

Снова всплеск одобрительного шума. Локки ощутил, как нестерпимо чешется от пота и клея под фальшивой бородой. Внезапно живот его пронзила острая боль – аккурат в том месте, куда пришелся наиболее чувствительный удар Анжариса. Одурачивающая жара и обилие отвратительных запахов сыграли свою роль – в горле у Локки возникло омерзительное щекочущее ощущение, затем накатила волна дурноты. Он стоял, кашляя, давясь собственной рвотой, и молился, чтобы боги даровали ему силы... хотя бы еще на пару часов!

Одна из сестер Беранджиас шагнула к капю – ее сетка для волос с акульими зубами ослепительно засияла в свете многочисленных канделябров – и, наклонившись, что-то зашеп-

тала ему на ухо. Барсави выслушал ее с улыбкой.

– Черина предлагает развлечь нас своим искусством, – крикнул он. – Вы как, ребята?

В ответ понеслись крики – на взгляд Локки, еще более громкие и более искренние, чем прежде. Деревянные стенки галеона буквально дрожали от разразившегося шума.

– В таком случае да здравствует Зубастое Шоу!

То, что началось потом, правильнее всего было бы назвать хаосом. Откуда-то выскочили несколько десятков головорезов капы Барсави и принялись расталкивать гостей, расчищая центральную площадку примерно десять на десять ярдов. Волей-неволей гуляки потеснились, отступив на галереи, которые чуть не подломились под тяжестью толпы. Локки так прижали в его углу, что он едва мог продохнуть.

Вооружившись заостренными крюками, подручные Барсави снимали с пола деревянные щиты, под которыми плескались темные волны Каморрского залива. При мысли о том, *что* может скрываться в этой темной глубине, по толпе прокатилась дрожь восторга и ужаса. «К примеру, неупокоенные души восьми Полных Крон», – поневоле подумалось Локки.

Когда наконец последние деревянные панели были удалены, публика увидела покачивающиеся на воде маленькие – шириной в человеческую ладонь или дюймом больше – деревянные платформы, на которых предстояло работать сестрам Беранджиас. Арена для Зубастого Шоу, проводимого специально для капы Барсави и его гостей, смертельно опасная иг-

ра – даже для таких опытных контрареквилл, как близнецы Беранджиас.

Черина и Раиза, прекрасно умеющие заводить толпу, начали напоказ освобождаться от своих кожаных дублетов, начав ручей и воротников. Они делали это грациозно, не спеша, доводя зрителей до исступления. Толпа каморрских бандитов топала, свистела и одобрительно улюлюкала. Там и здесь опрокидывались стаканы за здоровье контрареквилл, некоторые даже отваживались делать им неприличные предложения.

Вперед выступил Анжаис, держа в руках пакетик с особым порошком. Он поспешно высыпал его в воду и благоразумно отступил подальше. Это был «призывный порошок» – мощная смесь алхимических веществ, которая приводит акулу в бешенство и поддерживает ее в таком состоянии на протяжении всего действа. Общеизвестно, что запах крови привлекает и возбуждает морских хищников, но он не идет ни в какое сравнение с «призывным порошком». От него акула приходит в совершенное неистовство – прыгает, мечется и бросается на женщин, скачущих по платформам.

Сестры Беранджиас шагнули к самому краю импровизированного бассейна. В руках они держали обычное оружие – топорики с острым навершием и дротики. Сыновья капы, Анжаис и Пачеро, заняли позицию слева за их спинами. Сам капа стоял возле своего трона, хлопая в ладоши, расплывшись в довольной улыбке.

В это мгновение водную гладь бассейна прорезал черный плавник, ударил мощный хвост. Распаленная публика дружно взревела. Локки ощутил смесь вожделения и страха, захлестнувших толпу – это первобытное, почти животное чувство переливалось через край, грозя смести все на своем пути. Передние ряды опасно пятились от края бассейна, пытаясь пробиться внутрь толпы. Те, что стояли сзади, недовольно ворчали и выталкивали их обратно.

Судя по плавнику, приплывшая акула вряд ли достигала пяти-шести футов в длину. Те особи, что использовались на Речных Игрищах, бывали вдвое крупнее – такая тварь попросту не поместилась бы в бассейн капы Барсави. Однако даже небольшая акула могла покалечить человека, если достанет его в прыжке. Если же ей удастся стащить зазевавшегося зрителя в воду – тут размеры хищника и вовсе не имели никакого значения.

Сестры Беранджиас вскинули руки вверх, затем, как по команде, обернулись к капе. Та, что стояла справа (Раица? Черина? Локки так и не научился различать их, но сейчас при взгляде на сестер почувствовал, как замерло сердце, – двойняшки живо напомнили ему о погибших Санца), поманила Барсави к себе. Тот, явно играя на публику, спустился вниз и, встав между женщинами, одарил каждую из них поцелуем.

В тот же миг вода в бассейне вспенилась, хищная черная тень мелькнула в воздухе и снова ушла на глубину. Пять со-

тен сердце дрогнули в унисон и замерли, раздался общий вздох-всхлип. Локки почувствовал, что его собственное возбуждение достигло пика. Он увидел всю картину со стороны, будто застывшую на экране театра теней – смущенную улыбку на потном красном лице Барсави, трепещущий отсвет алхимических светильников на темной поверхности воды...

– Каморр! – крикнула одна из сестер Беранджиас.

И снова толпа затаила дыхание, смолкла, будто кто-то перерезал ей коллективную трахею. Пятьсот пар глаз устремились на капю и его телохранительниц.

– Мы посвящаем эту смерть капю Венкарло Барсави, – продолжала контрареквилла. – Нашему господину и покровителю...

– ...ибо он заслужил сей дар! – поддержала ее сестра.

То, что произошло потом, запомнилось Локки на всю жизнь. Гладкое черное тело вновь вылетело из воды. Блеснули черные непроницаемые глаза над разверстой пастью с белыми зубами, в воздух взметнулся десятифутовый фонтан. А затем зависшее на мгновение в воздухе туловище акулы перекувыркнулось и стало падать вперед, вперед...

Прямо на капю Барсави.

Он вскинул руки в бессмысленной попытке загородиться, защититься от нападения чудовища. Акула обрушилась на него, и страшные челюсти сомкнулись на руке капю. Тяжелое мощное тело забилося на дощатом полу, уползая в воду и утягивая с собой Барсави. Тот отчаянно закричал, брызнул

фонтан крови, которая стекала по доскам прямо на тупоры-
лую морду акулы.

Сыновья ринулись на помощь Барсави. И тогда одна из сестер Беранджиас – та, что стояла справа – бросила взгляд на злобную рыбину и вскинула топор, принимая боевую позу. Ее тело напряглось, неуловимо отклонилось назад, готовясь нанести удар.

Лезвие топора мелькнуло в воздухе и рухнуло на голову Пачеро Барсави, как раз над левым ухом. Очки слетели с его лица, и юноша, качнувшись, упал навзничь. Он умер прежде, чем коснулся палубы.

Толпа всколыхнулась и завизжала. Локки стоял в своем углу и молился Покровителю, дабы тот сохранил ему разум и позволил понять, что же тут происходит.

Анжаис в замешательстве замер над телами отца и брата. Но прежде чем он успел произнести хоть слово, вторая Беранджиас шагнула к нему и воткнула свой дротик прямо ему в горло. Он захлебнулся кровью и рухнул рядом с братом.

Акула извивалась и билась на полу, не выпуская из зубов правой руки старого капы. Барсави тонко кричал и беспорядочно колотил другой рукой по страшной морде. В конце концов вся его левая рука изодралась в кровь о шершавую, как абразив, кожу чудовища. Еще один, последний рывок – послышался тошнотворный скрежет, и хищник, оторвав свою добычу, ускользнул под воду. Разбрызгивая кровь из страшной культы, оставляя за собой кровавую полосу, Бар-

сави откатился назад. Он лежал, глядя на мертвые тела сыновей, и на лице его было написано неподдельное изумление пополам с ужасом. Капа попытался подняться, но одна из сестер Беранджиас пинком сбила его обратно на палубу.

Внезапно толпа пришла в движение – несколько парней из банды Красноруких, нестройно крича и размахивая оружием, бросились на контрареквилл. Последовала молниеносная схватка. Локки не успел разглядеть деталей, но ясно было одно – сестры расправились с дюжиной вооруженных мужчин с легкостью и жестокостью, которой позавидовала бы даже акула. Дротики мелькали в воздухе, топоры взлетали и опускались, и каждый такой взмах завершался фонтаном крови и перерезанным горлом. Прошло не более пяти секунд, прежде чем последний из Красноруких упал с раскроенным черепом.

На балконах тоже поднялась давка. Локки видел, как некие люди в тяжелых серых плащах прокладывают себе дорогу сквозь толпу. Они были вооружены арбалетами и длинными кинжалами. Там же находились охранники капы; некоторые из них попросту бездействовали, другие пытались бежать, а третьи уже не пытались – об этом позаботились их противники в серых плащах. Вот в унисон запела тетива десятков арбалетов, в воздухе прожужжали болты, один из них воткнулся совсем рядом с Локки. Затем раздался громкий удар, и тяжелые двери зала захлопнулись сами собой. Мало того, слышно было, как сработал запирающий механизм.

Напрасно перепуганные люди колотились в двери – выхода не было.

Один из подручных капы пробился сквозь обезумевшее скопище орущих и толкающихся людей и навел арбалет на сестер Беранджиас.

Те по-прежнему стояли над телом капы Барсави, охраняя его, будто львицы свою добычу. Но не успел смельчак нажать на спусковой крючок, как откуда-то из угла в его сторону метнулся стремительный темный силуэт. Раздался нечеловеческий клекот, и выпущенный болт ушел в потолок далеко над головами контрареквилл. Локки видел, как боец капы отмахивается и отбивается от крупной птицы. Через мгновение она взмыла в воздух, выпустив длинные искривленные когти, и незадачливый страж упал, схватившись за горло.

– Всем оставаться на своих местах, – раздался громкий и уверенный голос. – Стойте, где стоите, и слушайте.

Команда возымела даже больший эффект, нежели ожидал Локки. Он и сам ощутил, как его страх куда-то уходит, а стремление немедленно бежать из переполненного зала уступает более разумному желанию выслушать обладателя столь глубокого и прочувствованного голоса. Постепенно возмущенные крики и завывания раненых стихли. Зловещая тишина повисла над толпой, которая совсем недавно была ликующей свитой капы Барсави.

Столь резкая перемена выглядела странно, как-то неестественно. Локки почувствовал, что волосы у него на затылке

встали дыбом. Он мог, конечно, и ошибаться... но у него со-
здалось четкое ощущение, что в воздухе разлито колдовство.
По спине пробежала дрожь, и Локки подумал: «О боги, на-
деюсь, я не слишком сглупил, придя сюда».

А в следующий момент он вообще перестал думать, ибо в
зале появился Серый Король.

Он внезапно материализовался в воздухе – будто вышел
из невидимых магических дверей, раскрывшихся как раз
возле трона Барсави. На нем был все тот же плащ с капю-
шоном, который так запомнился Локки. Двигаясь с небреж-
ной, скользкой грацией охотника, Серый Король прошел
мимо тел поверженных Красноруких. Бок о бок с ним ша-
гал Сокольничий – рука в перчатке вскинута вверх в побед-
ном жесте, на ней сидит Вестрис и отпугивает окружающих
злым клекотом. По толпе разнесся испуганный шепот и
вздохи.

– Я не собираюсь вредить вам, – произнес Серый Ко-
роль. – Сегодня я уже покарал всех, кого намеревался.

Он остановился между сестрами Беранджиас и посмотрел
на капу Барсави, который стонал и корчился от боли у его
ног.

– Привет, Венкарло. О боги, что-то ты сегодня неважно
выглядишь...

Серый Король откинул капюшон, и Локки снова увидел
глубоко посаженные внимательные глаза, темные волосы с
седыми прядями, твердой чеканки лицо, на котором засты-

ло непроницаемое выражение. И задохнулся от изумления... ибо ему внезапно открылось то, что мучило его с тех пор, как он впервые повстречался с Серым Королем. Он осознал, откуда взялось странное ощущение, будто он уже где-то видел эти черты.

Все кусочки головоломки встали на место, открыв Локки истину. Он смотрел на Серого Короля, стоящего между Чериной и Раизой, и видел одно лицо. Перед ним были тройняшки.

3

– Каморр! – крикнул Серый Король. – Правление семейства Барсави подходит к концу.

Его люди, смешавшись с толпой, внимательно и жестко следили за порядком. Локки насчитал по меньшей мере двенадцать человек – и это не считая сестер Беранджиас и Сокольничего. Пальцы на левой руке контрмага постоянно находились в движении – шевелились, сгибались и разгибались, перебирали какую-то невидимую нить. Он что-то бормотал себе под нос, оглядывая толпу – не иначе творил заклинание, чтобы успокоить собравшуюся публику. На его оголенном запястье виднелось три черных кольца, которые привлекали внимание зрителей.

– Точнее, оно уже окончилось, – уточнил Серый Король. – У Барсави не осталось ни сыновей, ни дочерей. И мне очень приятно, Венкарло, что перед смертью ты увидел это и узнал, кто именно стер с лица земли твой род, – он усмехнулся. – В прошлом вы знали меня под именем Серого Короля, Повелителя Теней. Но сегодня для меня настало время выйти из тени. Я не желаю больше зваться Серым Королем. Отныне мое имя будет... капа Разо.

«Разо, – подумал Локки. – Во времена Теринского Престола это слово означало месть. Вот даже как!»

К сожалению, он слишком мало знал об этом человеке.

Капа Разо, как он теперь себя именовал, склонился над истекающим кровью Барсави. Дотянувшись, он снял перстень с жемчужиной с бледной холодеющей руки бывшего капы и поднял его так, чтобы было видно всей толпе, а затем надел его на безымянный палец своей левой руки.

– Мне долго пришлось ждать момента, когда я увижу тебя в таком положении, Венкарло, – продолжал капа Разо. – Наконец моя мечта сбылась – твои дети мертвы, а твой трон перешел ко мне. Все, что ты намеревался оставить в наследство своей семье, теперь принадлежит мне. Очень скоро твое имя будет позабыто. Каково тебе сознавать это, ученый? Я сотру память о тебе, как случайную надпись на грифельной доске. Ты помнишь, как медленно и мучительно умирала твоя жена? Она чересчур доверяла сестрам Беранджиас, позволяя им готовить для себя пищу... Знай, она умерла вовсе не от

желудочной опухоли. Это была черная алхимия! Легкая разминка, пока я ждал и готовился к сегодняшним смертям, – на лице капы Разо мелькнула демоническая улыбка. – Помнишь, как она мучилась? Я слышал, это очень болезненная смерть. И наступила она вовсе не по воле богов. Нет, Венкарло, твоя жена, как и все, кого ты любил, умерла из-за тебя.

– Но почему? – едва слышно выдавил из себя Барсави.

Опустившись на колени, капа Разо почти нежным жестом поднял голову умирающего и прошептал ему что-то на ухо. Похоже, услышанное сразило Барсави. Челюсть у него отвисла, он уставился на нового капу долгим недоверчивым взглядом, а тот медленно, торжествующе кивнул. Затем резким движением он дернул старика за его тройную бороду. В руке у Разо откуда-то появился длинный стилет, и он по рукоять воткнул его в горло Барсави. Несчастный старик всхлипнул всего один раз и затих.

Капа Разо выдернул лезвие и поднялся. Сестры Беранджигас подхватили своего бывшего хозяина, оттащили к бассейну и с плеском сбросили тело в темные воды залива, которые с готовностью приняли жертву – так же, как раньше принимали тех, кто оказался не угоден капе Барсави.

– Каморром должен править один капа, – провозгласил Разо. – И это я! Теперь я – повелитель Каморра!

Он вскинул в воздух окровавленный стилет и оглядел толпу, словно ожидая возражений. Возражений не последовало, и он продолжил:

– В мои намерения не входит развалить империю Барсави. Я лишь хотел устранить его самого. На то у меня были свои причины, но сейчас я хочу говорить о другом. О том, что касается меня и всех вас...

Скрестив руки на груди, Разо окинул взглядом замершую толпу. Глаза его смотрели непреклонно, подбородок выпятился, как у старинной бронзовой статуи.

– Выслушайте меня, Правильные Люди Каморра, а затем примите решение.

4

– Я не собираюсь ничего отнимать у вас, – объявил новый капа. – Все, что вы нажили своим потом и кровью, останется при вас. Меня полностью устраивает властная система, созданная Барсави. Скажу больше – я восхищаюсь ею в той же мере, в какой ненавижу ее создателя. Поэтому вот вам мое предложение. Все останется, как есть. Все гарристы продолжают работать на своих территориях и платить мне ту же дань, что и прежде, в тот же день недели и тот же час. Тайный Договор остается в силе; список прегрешений, которые караются смертью, не меняется. Ко мне переходит вся власть Барсави – все его организации и источники доходов. По справедливости, я же наследую и всю его меру от-

ветственности. Если кто-то из вас сумеет доказать, что Капа Барсави был ему должен, я выплачу его долги. И первый среди этих людей – Аймон Дансьер. Выйди вперед, Аймон!

В толпе возникло замешательство, послышались расспросы и переругивания. Затем откуда-то справа появился, вернее, был вытолкнут тот самый морщинистый человечек, который навечно врезался в память Локки (о, эта Гулкая Дыра!). Колени у него тряслись – судя по всему, Аймон готовился к худшему и отчаянно трусил.

– Расслабься, Аймон, – Разо вытянул вперед руку с расставленными пальцами – жест, который он перенял у своего предшественника. – Преклони передо мной колени и назови своим Капой.

Трясущийся человечек упал на одно колено, схватил руку нового повелителя и поцеловал перстень. Когда он отстранился, все увидели, что губы у него перепачканы кровью Барсави.

– Капа Разо, – произнес Аймон с мольбой в голосе.

– Ты очень храбро повел себя там, в Гулкой Дыре, и совершил поступок, на который мало кто отважился бы. Барсави совершенно справедливо посулил тебе награду – я сдержу это обещание. Ты получишь свою тысячу крон и роскошную виллу... и все те блага, о которых обычные люди могут лишь мечтать.

– Я... я... – слезы хлынули из глаз несчастного. – Я не мог даже надеяться... Благодарю вас, Капа Разо. Огромное

спасибо!

– Ты заслужил награду за дело, которое сделал для меня.

– Позвольте спросить, уважаемый капа... Так это... в Гулкой Дыре... это были *НЕ ВЫ!*?

– Конечно же, нет, – в смехе Разо прозвучало искреннее удовлетворение. – Это была всего лишь иллюзия!

В дальнем углу зала, со всех сторон зажатый толпой, стоял Локки – та самая иллюзия – и сжимал кулаки в бессильной злобе.

– Сегодня ночью, – возвысил голос Разо, – я предстал перед вами с руками, обогранными кровью. Но я протягиваю вам эти руки, дабы выказать свое великодушие. Поверьте, со мной нетрудно ладить. Мы с вами стремимся к одному и тому же – к совместному благоденствию. Служите мне, как служили Барсави, и наши желания сбудутся. Сегодня я спрашиваю вас, гарристы: кто согласен преклонить колени перед новым капой?

– Пастушьи Псы! – выступив из толпы, выкрикнула невысокая худошавая женщина.

– Лжесветные Мясники говорят свое «да»! – подал голос мужчина сзади.

«Как же так? – в отчаянье размышлял Локки. – Что за хрень?! Неужели Серый Король убил всех старых гарристов? Или они ведут с ним хитрую игру?»

– Мудрые Дворняги!

– Огневые Бароны!

– Подбитые Глаза!

– Полные Кроны, – раздался незнакомый голос, а вслед за ним – одобрителный гул голосов. – Полные Кроны поддерживают капу Разо!

Локки с трудом сдержал смех, рвущийся из груди. Ему пришлось уткнуться в кулак и сделать вид, будто его душил кашель. Сомнений не осталось – Серый Король не только убрал большинство старых гарристов, хранивших верность Барсави, но и позаботился о том, чтобы заранее договориться с их подчиненными. О боги, похоже, в зале было куда больше людей Серого Короля, чем он насчитал вначале! Они с самого начала стояли, переодетые обычными бандитами, и ждали, когда начнется представление.

С полдюжины мужчин и одна женщина вышли вперед и преклонили колени перед капой Разо. Они бесстрашно сделали это прямо на краю бассейна, где лишь недавно скрылась кровожадная акула, лишившая Барсави руки – а вместе с ней и всего остального. Локки отметил про себя, что с тех пор темный плавник ни разу не появился на водной глади. «Ясное дело, тут тоже не обошлось без контрмага, – мелькнуло у него в голове. – Что-что, а управлять животными этот подонок умеет». В который раз Локки ощутил себя маленьким и беззащитным перед лицом проклятой магии Сокольникового.

Один за другим все гарристы выходили из толпы и изъявляли Разо свои верноподданнические чувства. Согласно ритуалу, они опускались на колени, целовали перстень и про-

возглашали с разной степенью воодушевления: «Капа Разо!» Еще пятеро главарей присоединились к провокаторам – очевидно, осознав, к чему клонится дело. Локки быстро прчкинул: если учесть вновь обращенных, у Серого Короля набирается уже пять или шесть сотен человек. Похоже, его мощь стремительно растет.

– Вот мы и познакомились, – вновь заговорил Разо. – Я довел до вашего сведения свои намерения, теперь вы можете возвращаться к своим делам.

Сокольничий сделал пару несложных жестов. Громко щелкнули замки на дверях зала, и тяжелые створки сами собой распахнулись.

– Тем, кто еще сомневается, я даю три ночи, – продолжал капа Разо. – Три ночи на то, чтобы принести мне клятву верности, как принесли ее в свое время капе Барсави. Мне очень хочется быть снисходительным, но должен предупредить, что лучше не сердить меня! Вы видели, на что я способен. В моем распоряжении силы, о которых Барсави мог только мечтать. Если меня вынудят, я могу быть безжалостным. Поэтому, прежде чем принять решение, подумайте как следует. Если вы посчитаете более мудрым – или увлекательным – все-таки не присоединяться ко мне... тогда у меня будет к вам еще одно предложение: собирайте свои пожитки, какие сумеете унести, и уходите из города. У вас на это есть все те же три ночи – даю слово, что мои люди вас не тронут. Но после этого... – он понизил голос, – прошу на меня

не обижаться. Ступайте, посоветуйтесь со своими пезонами. Поговорите с друзьями и другими гарристами. Перескажите им мои слова, передайте, что я буду ждать их визитов.

Кое-кто начал потихоньку протискиваться к дверям. Другие – те, что поумнее – выстроились в очередь перед капой Разо. Бывший Серый Король принимал изъявления преданности, буквально стоя на горе трупов – в двух шагах от него валялись тела Красноруких и несчастных сыновей Барсави.

Локки выждал несколько минут, пока схлынет поток разгоряченных людей, а затем двинулся к выходу. Голова у него гудела, ноги едва двигались – похоже, накопившаяся усталость брала свое.

Теперь, когда толпа немного рассеялась, он заметил и другие трупы, валявшиеся на полу. Прямо возле дверей Локки увидел тело Бернела, верного телохранителя Барсави, который вырос у него на службе. Бедняга лежал в луже собственной крови с перерезанным горлом. Боевые ножи покоились в ножнах – видимо, все произошло слишком быстро, чтобы Бернел успел отреагировать.

У Локки вырвался тяжкий вздох. Он помедлил в дверях и оглянулся, чтобы еще раз взглянуть на нового капу и его контрмага. Ему показалось, что Сокольничий смотрит прямо на него. На одно короткое мгновение сердце у него замерло – однако чародей ничего не сказал. И ничего не сделал. Он просто стоял рядом со своим хозяином и наблюдал, как бесконечная вереница людей сгибается перед Разо и целует его

перстень. Внезапно Вестрис разинула клюв – будто зевнула, утомленная рутинным ритуалом. Локки поспешил выйти.

Охрана галеона полностью сменилась: теперь здесь стояли люди Разо, наблюдая за толпой, которая вытекала на набережные и улицы Деревяшек. Они даже не потрудились убрать трупы беспечных стражников Барсави – те так и валялись на мостовой. Некоторые из новых охранников казались враждебно настроенными, другие дружески кивали расходившимся гостям. Кое-кто показался Локки знакомым.

– Три ночи, дамы и господа, только три ночи, – повторял один из стражников. – Передайте своим друзьям, что у вас теперь новый капа. Беспокоиться не о чем – живите, как и прежде.

«Ну вот, кое-что проясняется, – подумал Локки. – Прости меня еще раз, Нацца. Похоже, я ничего не мог тут поделывать, даже если бы и попытался».

Скрючившись – живот у него разболелся не на шутку – и низко опустив голову, он побрел прочь. Никто из стражников даже не взглянул на грязного бородатого старика. По городским улицам слоняются тысячи нищих и бездомных неудачников, похожих друг на друга как две капли воды. Годами живут они на самом дне каморрского общества – не привлекая к себе внимания, не имея надежд подняться.

Теперь надо выждать. И все спланировать.

– Радуйся своей сегодняшней победе, сволочь! – беззвучно шептал Локки, проходя мимо охраны капы Разо. – Радуй-

ся, пока можешь. Потому что очень скоро я приду, загляну в твои подлые глаза и приставлю кинжал к твоей глотке...

5

Сладостные мысли о мести – вот все, что Локки мог себе позволить на данный момент. Да и это давалось ему с трудом. Острая боль в животе снова нахлынула, пока он, пошатываясь, медленно брел через Пепелище.

Чертовы кишки болели и бурлили так, будто их переворачивала чья-то безжалостная рука. Локки обильно потел, зрение его подернулось дымкой, предметы двоились и расплывались, будто он напился допьяна. Прижав к груди дрожащие руки, он неверными шагами продолжал идти по улице и что-то бормотал себе под нос.

– Чертовы «глядельцы»! – выругался кто-то в темноте. – Нахватаются своего зелья и бегают потом за драконами... Или ищут сокровища на радуге.

Неведомый шутник презрительно рассмеялся. Локки запнулся на месте, обернулся. Ему хотелось объяснить, что произошла ошибка, и он вовсе не такой – но все тело сковало невероятным изнеможением. Казалось, весь его жизненный запал вдруг погас, превратившись в кучу остывающих угольев.

Пепелище и раньше-то не казалось Локки особо приятным местом. Сейчас же в его меркнувшем сознании оно представлялось ему каким-то жутким скоплением злобных теней. Локки тяжело дышал, пот с него уже лился в три ручья, глаза горели, будто кто-то напихал ему грязной пакли в глазные яблоки. Он с трудом переставлял отяжелевшие ноги: шаг... еще шаг – Локки тащил свое бедное измученное тело сквозь ночную тьму и пьяные, колышущиеся тени. Краем глаза он замечал какие-то силуэты, проносящиеся мимо, ухо ловило бормотание невидимых наблюдателей.

– Что... О боги... – пробормотал Локки. – Мне нужно... Жеан! С этими словами он споткнулся о полуразрушенную каменную кладку, случившуюся на его пути, и рухнул на землю. Здесь было прохладно, пахло известняком, мочой и кухонным чадом. Локки попытался снова подняться, но не смог.

– Жеан, – прохрипел он, подымая голову. Это простое действие исчерпало его последние силы – Локки потерял сознание еще до того, как уткнулся носом в землю.

6

В третьем часу поутру дежурные на вершущке Южного Утеса заметили в море корабль – примерно в миле от южной

оконечности Отстойника. На фоне сплошной темной пелены выделился еще более темный контур, который медленно перемещался и, казалось, совершал какие-то маневры. Через некоторое время обозначились призрачно-белые паруса, которые беспорядочно бились под утренним бризом. Судя по всему, судно направлялось к Старому Порту.

– Болтается, словно не корабль, а сопля на веревке, – неодобрительно пробормотал молодой часовой, вглядываясь в подзорную трубу.

– Наверное, тал-вераррский, – откликнулся его начальник, который занимался тем, что методично кромсал кусок слоновой кости маленьким изогнутым ножиком. Недавно он побывал в храме Ионо, и на него большое впечатление произвел портик с фантастическим изображением утопленников – жертв Повелителя алчных вод. Стражнику очень хотелось воспроизвести это чудо архитектуры в уменьшенном виде. Увы, то, что у него получалось, более всего напоминало кусок засохшего собачьего дерьма в натуральную величину.

– Никогда не доверяй корабля вераррцу, – наставительно бросил он молодому солдату. – Лучше уж отдать его слепому и безрукому пьянице.

На этом разговор о неизвестном судне исчерпался, и оба часовых погрузились в молчание – но лишь до тех пор, пока не разглядели бортовые огни корабля, которые желтыми пятнами отражались в темной воде.

– Желтые огни, сержант! – воскликнул молодой часо-

вой. – Желтые огни!

– Что-о? – сержант отложил свою поделку, выхватил подзорную трубу из рук подчиненного и жадным взором впился в приближающийся корабль. – О черт! И впрямь желтые!

– Зачумленный корабль, – прошептал паренек. – Никогда в жизни такого не видел.

– Может, и так, – согласился его начальник. – А может, просто какой-нибудь безмозглый разгильдяй из Джерема не знает, как правильно пользоваться сигнальными огнями.

Он со щелчком сдвинул подзорную трубу и шагнул к медному цилиндру, установленному на западной стороне сторожевой башни – прямо напротив слабо освещенных береговых башен Арсенального района. Внутри этого цилиндра находился чрезвычайно яркий алхимический шар, до поры закрытый металлическими створками.

– Давай, парень, звони в колокол, – приказал он молодому солдату. – Звони немедленно!

Тот проворно перегнулся через невысокий парапет смотровой башни и схватился за свисающую веревку. Очень скоро предутреннюю тишину разорвали монотонные повторяющиеся звуки.

В ответ на одной из Арсенальных башен замигал голубоватый огонек – их услышали! Сержант покрутил ручку на своем цилиндре, открывая створки и выпуская свет наружу. Существовал оговоренный список сигналов, которые он мог пересылать наблюдателям из Арсенального района. В их за-

дачу входило передать информацию дальше. При известной доле везения существовала вероятность, что уже через пару минут важное послание достигнет Дворца Терпения или даже Воронова Насеста.

Время шло, незнакомый корабль приближался к берегу. Теперь его можно было рассмотреть невооруженным глазом.

– Где вы, придурки чертовы! – в нетерпении ворчал начальник караула. – Просыпайтесь поскорее. Кончай трезвонить, парень – думаю, нас уже услышали.

Наконец над закутанным в туманный полог городом разнеслась звонкая трель – традиционные сигнальные свистки Карантинной службы. В ответ грянули барабаны, поднимавшие по тревоге «желтых курток». На Арсенальных башнях вспыхнули яркие огни, в их свете сержант мог различить крохотные людские фигурки, бегающие туда-сюда по набережной.

– Теперь будет на что посмотреть, – удовлетворенно кивнул он.

Словно в подтверждение его слов, на северо-востоке города загорелись новые огни – это проснулись сторожевые башни Отстойника, расположенные ближе всех к Старой Гавани.

Старая Гавань Каморра, удаленная на сто пятьдесят ярдов от берега, была весьма зловещим местом – там располагалась официальная якорная стоянка для зараженных кораблей. Каждая из башен Отстойника снабжалась специальными устройствами, позволявшими забросать подозритель-

ное судно камнями или емкостями с горючим маслом. Таким образом каморрские власти контролировали эпидемическую ситуацию в городе – при необходимости они могли в считанные минуты потопить или сжечь зачумленный корабль.

Из Арсенальных ворот между двумя ярко освещенными башнями вышла патрульная галера, прозванная в народе «чайкой» за характерную форму весел. Вдоль каждого борта «чайки» располагалось двадцать весел, по четыре гребца на каждом. Помимо них, на борту галеры находилось сорок мечников и сорок арбалетчиков – изрядные силы, даже если не считать двух обязательных пушек, стреляющих тяжелыми болтами (они назывались *скорпиями*). Как правило, на «чайку» не брали ни груза, ни запасов провизии. У этого судна была одна-единственная задача: приблизиться к чужому кораблю, угрожающему жизни и здоровью каморрцев, и расстрелять незваных гостей, если они откажутся подчиняться приказам патрульной службы.

Одновременно с «чайкой» от Южного Утеса отчалили две лодочки поменьше с красно-белыми фонариками на носу. Они несли на борту команды «желтых курток» и портовых лоцманов.

Патрульная галера набирала скорость – в такт поднимались и опускались весла, за кормой «чайки» тянулся пенный след. Сквозь шум барабанов доносились команды офицеров.

– Ближе, ближе, – приговаривал старый сержант со сторожевой башни. – Этот несчастный ублюдок не слишком хоро-

шо управляется с парусами. Пожалуй, ему придется швырнуть на нос пару-тройку камней, прежде чем он снизит скорость.

Темные фигурки на борту зачумленного корабля выглядели до нелепого маленькими на фоне кучи небруанных парусов – к тому же их было слишком мало, чтобы должным образом управиться со снастями. Тем не менее, как только судно проскользнуло в Старую Гавань, оно начало снижать ход. Его топсели были убраны, хотя и не слишком аккуратно, остальные же паруса болтались, кое-как подтянутые к реям.

– О-о, да у него отличные обводы, – заметил сержант. – Просто загляденье.

– Но это не галеон, – покачал головой его молодой товарищ.

– Обрати внимание на гладкую верхнюю палубу – так строят в Эмберлине. Кажется, они называют подобные суда фрегатами.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что зачумленный корабль выглядит черным не только из-за ночной тьмы. Его борта, от носа до кормы, были сделаны из темного ведьмина дерева и покрыты замысловатой резьбой. Оружие на палубе отсутствовало.

– Сумасшедшие северяне! – продолжал рассуждать сержант. – Даже корабли свои, и те делают черными. Но все равно выглядит эта птичка отменно. И, готов поспорить, быст-

роходная... Эх, такая красotka – и так не сложилось! Теперь на недели застрянет в карантине. Бедным эмберлинцам еще повезет, если они вообще останутся живы.

«Чайка» тем временем огибала Южный Утес, весла тяжело шлепали по воде. При свете бортовых фонарей можно было разглядеть, что скорпии загружены под завязку. Арбалетки тоже стояли, держа оружие наготове.

Через несколько минут нос галеры почти уткнулся в борт черного корабля, который тихо дрейфовал на расстоянии четырехсот ярдов от берега. На носу «чайки» появился офицер Карантинной службы и поднес к губам рупор.

– Что за судно?

– «Сатисфакция» из Эмберлина, – донеслось в ответ.

– Последний порт приписки?

– Джерем.

– Не слишком хорошо, – прокомментировал сержант сторожевой башни. – Бедняги могли подцепить там какую-нибудь гадость.

– Что на борту? – продолжал допрос офицер.

– Только запасы провианта. Мы собирались брать груз в Ашмере.

– Экипаж?

– Шестьдесят восемь человек. Из них двадцать мертвы.

– Значит, вы не просто так зажгли желтые огни?

– О, великие боги, конечно, нет! Мы сами не знаем, что это за болезнь... Чертова лихорадка буквально сжигает лю-

дей. Наш капитан мертв, лекарь тоже вчера умер. Умоляем, помогите нам!

– Можете встать на «чумную стоянку», – прокричал ка-моррский офицер. – Но вы обязаны выполнять ряд правил. Вам запрещается приближаться к берегу ближе, чем на сто пятьдесят ярдов, иначе вас потопят. Все шлюпки, спущенные вами на воду, будут сожжены или затоплены. Любой член экипажа, попытавшийся достичь берега вплавь, будет расстрелян – конечно, если раньше не попадет в зубы акулам.

– Пожалуйста, пришлите нам лекаря... или хоть черного алхимика. Заклинаем милостью богов!

– Вы не должны сбрасывать трупы в воду, пусть они хранятся у вас в трюмах, – продолжал свой инструктаж офицер. – Любые грузы или послания, переданные на берег, будут сжигаться без досмотра. Более того, подобные попытки станут основанием для потопления или сожжения судна. Вам все понятно?

– Да-да, но мы умоляем... Неужели вы ничего для нас не сделаете?

– Мы можем прислать вам на борт священника и обеспечить свежей водой и необходимым провиантом. Все это будет перетянуто с берега по нашей веревке, которую затем надлежит обрезать.

– И это все?

– Вы ни в коем случае не должны приближаться к берегу – под страхом смертной казни. Но вы имеете право в любой

момент покинуть нашу стоянку. Уходите в открытое море, и пусть Аза Гуилла вместе с Ионо хранят вас в этот тяжкий час. Я буду молиться о вашем скорейшем исцелении... от имени нашего милостивого герцога Никованте.

Еще через несколько минут черный корабль со спущенными парусами медленно прошествовал на «чумную стоянку» и бросил там якорь. Он мягко покачивался на темных волнах Старой Гавани, отбрасывая на воду желтые блики своих сигнальных огней.

Впрочем, Каморру не было до него дела. В этот предрасветный час город спал, погруженный в серебристый туман.

Интерлюдия. Госпожа Долгого Молчания

1

На службу к богине Смерти Жан Таннен поступил примерно через полгода после того, как Локки вернулся из поездки на ферму, где изображал послушника Госпожи Эллизы. Получив обычные инструкции – внедриться в орден, научиться, чему возможно, и где-то через полгода вернуться обратно – Жан под именем Таврина Калласа выехал из Каморра и отправился на юг. Ему предстояло провести в пути почти неделю, прежде чем он достигнет главного храма Азы Гуиллы, больше известного под именем Дома Откровения.

В отличие от остальных одиннадцати (или двенадцати?) орденов теринской религии, служители культа Азы Гуиллы допускали обучение желающих и их дальнейшее посвящение лишь в этом уединенном месте. Каменистое нагорье, тянувшееся к югу от Талишема, оканчивалось меловыми утесами, которые с высоты трехсот-четырехсот футов обрывались в бушующие воды Стального моря. Дом Откровения был вырезан прямо в одном из этих утесов и обращен фасадом к мо-

рю. По масштабам и по стилю постройка напоминала творения Древних, но за долгие годы существования неоднократно перестраивалась и усовершенствовалась человеческими руками, пока не приняла нынешний вид. Фасад храма был изрезан глубокими прямоугольными галереями. Для того чтобы попасть с одного этажа на другой и вообще в какую-либо точку храма, необходимо было пользоваться внешними переходами с бесконечными подвесными или вырубленными в скале лестницами. Увы, другого пути попросту не существовало. При этом поручни и ограждения здесь не признавались. Поэтому и учителя, и ученики в любое время дня и ночи, независимо от времени года и погоды, карабкались по ненадежным ступенькам, охраняемые от падения в морскую бездну лишь удачей да собственной ловкостью.

К западу от Дома Откровения располагалось двенадцать высоких колонн, увенчанных медными колоколами. Эти вырезанные из скального грунта столбы имели примерно шесть футов в диаметре и поднимались на высоту семидесяти футов. Ежедневно на рассвете и на закате ученикам Азы Гуиллы предлагалось вскарабкаться на вершину колонны и двенадцать раз ударить в колокол – по одному удару за каждого из Богов Теринского пантеона. Поскольку каждый из желающих делал это по собственному разумению, то колокольный перезвон выходил весьма неровным. К примеру, сам Жеан в последний раз – когда уже решил делать ноги из этого славного местечка – вообще ударил в колокол не двенадцать, а

тринадцать раз.

За первый месяц пребывания Жеана в храме трое учеников при выполнении ритуала сорвались и разбились насмерть. Помнится, его еще тогда поразило столь малое число жертв, ибо все служение великой Азе Гуилле и все многочисленные обязанности новообращенных, не говоря уже о причудливой архитектуре храма, были нацелены на преждевременную встречу с Богиней Смерти.

– Здесь, в Доме Откровения, мы соприкасаемся со смертью в двух ее аспектах, – вещала на проповеди престарелая жрица с тремя плетеными серебряными шнурами на шее. – Это Вечная Смерть и предшествующий ей Смертельный Переход. Вечная Смерть – прерогатива Всемиловитейшей Госпожи. Для нас, смертных, она является непостижимой тайной, скрытой за ее покровом. Таким образом, нам для познания остается лишь Смертельный Переход. Лишь через него мы можем приблизиться к пониманию таинства Смерти. За время ученичества вам представится возможность пережить Смертельный Переход во всем его многообразии. В стенах нашего храма вы, несомненно, не раз подойдете вплотную к смерти – в силу собственной небрежности, минутной усталости, неудачи или непостижимого желания Всемиловитейшей Госпожи. Даже покинув наш Дом, вы на протяжении всей своей жизни будете сталкиваться со Смертельным Переходом и его последствиями. Поэтому вам лучше привыкнуть к этому заранее. Боязнь смерти естественна

для всего живущего. Все люди стремятся избежать не только смерти, но и самих мыслей о ней. Только внутренняя дисциплина поможет вам преодолеть это столь естественное желание.

2

Как и в большинстве теринских храмов, посвященные первой ступени Внутреннего Таинства должны были упражняться в чистописании, арифметике и риторике, дабы не отвлекать и не расстраивать своим невежеством более продвинутых учащихся. *Со* своим преимуществом в возрасте и подготовке Жеан преодолел эту стадию где-то за месяц с небольшим, после чего был официально переведен на вторую ступень Внутреннего Таинства.

– Отныне, – заявил священник, проводивший церемонию перехода, – вам надлежит скрывать ваши лица. Больше вы не будете юношами и девушками, мужчинами и женщинами. Тот, кто служит Всемиловитивейшей Госпоже, имеет лишь одно лицо... и лицо это непостижимо. Забудьте про свой пол и про свою индивидуальность. Теперь вы слуги Богини Смерти и должны подчинить ей все мысли.

Скорбный Лик являлся символом поклонения Азе Гуилле и представлял собой серебряную маску. Те, что выдава-

лись неофитам, сохраняли грубое сходство с человеческим лицом – некое подобие носа, отверстия, имитирующие рот и глаза. Сами же жрецы носили легкую яйцевидную полусферу из мелкоячеистой серебряной сети. Жеан с радостью надел свою маску, рассчитывая, что теперь перед ним раскроются новые потрясающие секреты ордена. Ничуть не бывало! Вскоре юноша убедился, что с переходом на вторую ступень его обязанности мало изменились. Он по-прежнему переписывал манускрипты и бегал туда-сюда с посланиями старших братьев, мел полы и драил котлы на кухне, а также обслуживал Колокола Двенадцати Богов, карабкаясь по ненадежным ступенькам над бушующим морем. Только теперь он проделывал все это в серебряной маске, которая существенно сужала его боковое зрение.

Вскоре после продвижения Жеана на вторую ступень двое из его соучеников были допущены к Смертельному Переходу. Самому же ему пришлось ждать целый месяц, прежде чем его отравили в первый раз.

3

– Все ближе и ближе, – голос жрицы звучал приглушенно и нечетко, словно доносился издалека. – Вы подходите все ближе к Смертельному Переходу, к самой границе свя-

щенной тайны. Почувствуйте, как холодеют ваши конечности. Почувствуйте, как замедляется бег мыслей. Ваше сердце бьется все медленнее, все неохотнее. Жизненные токи в вашем организме замирают... огонь жизни угасает...

Перед этим утренним занятием она дала им выпить небольшое количество зеленого вина – фактически это была некая разновидность яда, которую Жеан не сумел определить. Теперь двенадцать учеников второй ступени лежали в полной прострации, лишь изредка подрагивая в легких конвульсиях. Темные глазницы на их серебряных масках, все, как одна, были устремлены в потолок, поскольку участники испытания не могли даже головы повернуть.

Их наставница не позаботилась предварительно объяснить механизм действия яда, и Жеан сильно подозревал, что заявленная готовность его сотоварищей весело плясать на краю Смерти принадлежала скорее к области теории, чем к реальной действительности.

«Конечно, смотря как к этому относиться, – думал Жеан, попутно дивясь тому, сколь слабыми и далекими кажутся его собственные ноги. – О, Великий Ловкач, похоже, местные жрецы все, как один, ушиблись головой. Дай мне силы пережить это, и я вернусь к Благородным Подонкам... в наш храм, к нормальной и осмысленной жизни...»

Точно! Вернуться в стеклянное подземелье под обветшалым храмом. Снова прикидываться служителем Переландро... брать уроки боевого искусства у личного герцогского

мастера клинка... Внезапно, то ли под действием вина, то ли из-за подмешанного наркотика, но Жеану стало ужасно смешно, и он захихикал.

Звук, возмутительный в своей неуместности, громко прозвучал под низкими сводами помещения. Их наставница медленно обернулась. Лицо ее пряталось под Скорбным Лицом, но Жеану с его затуманенным сознанием показалось, будто жрица метнула в него испепеляющий взгляд.

– Внутреннее озарение, Таврин? – спросила жрица.

Не в силах справиться с собой, Жеан хихикнул снова. Похоже, яд снял те психологические барьеры, которыми юноша закрылся в чужом храме, и породил беспричинную веселость.

– Я видел, как сгорели мои родители, – заявил Жеан. – Я видел, как вместе с ними сгорели мои кошки. Вы когда-нибудь слышали, как плачут кошки в огне?

И снова из груди его вырвался неуместный смех. Да что же такое творится!

– Я видел все это, но ничего не мог поделать. Скажите, наставница, а вы знаете, как заколоть человека? Куда надо нанести удар, чтобы жертва умерла немедленно? Или через минуту... или через час? А я все это знаю.

Наверное, если бы Жеан мог пошевелиться, то просто катался бы от смеха. В своем же нынешнем состоянии он ограничился тем, что шевелил пальцами и скреб ими по полу.

– Вам знакома долгая, мучительная смерть? Два, три дня

сплошной боли? Я могу это устроить... Смертельный Переход, говорите? Да мы с ним старые друзья!

Несколько мгновений, невероятно растянувшихся под действием снадобья, маска наставницы оставалась неподвижной. Она смотрела прямо на Жеана, а он лежал и думал. «О Боги, чем же она опоила меня?! Я ведь и в самом деле все это сказал...»

– Таврин, когда окончится действие изумрудного вина, останься здесь, – наконец произнесла наставница. – Думаю, Главному Проктору будет интересно с тобой побеседовать.

Остаток утра Жеан провел в тяжких раздумьях. Предстоящий разговор пугал его. Время от времени на юношу снова накатывала прежняя веселость, но тут же сменялась приступом похмельного самобичевания. «Какой же я дурак, – терзался Жеан. – Столько трудов, и все впустую. Выходит, хреновый из меня обманщик...»

Каково же было его удивление, когда вечером он узнал, что прошел на третью ступень познания Внутреннего Таинства Азы Гуиллы!

– Я верил, что у тебя большое будущее, Каллас, – такими словами встретил его Главный Проктор, согбенный старик, чье лицо скрывалась за серебряным Скорбным Ликом. – Об этом свидетельствовало уже то беспримерное прилежание, которое ты выказал на первой стадии внешнего посвящения. Твой прогресс был необыкновенно быстрым! И вот теперь – это озарение во время первого же Испытания... Ты отмечен

богами, Таврин Каллас! Сирота, ставший свидетелем смерти своих родителей, ты самой судьбой призван служить Всемилоостивейшей Госпоже.

– А каковы дополнительные обязанности посвященного на третьей ступени? – поинтересовался Жан.

– Конечно же, Испытание! – воскликнул Главный Проктор. – Целый месяц Испытания, путешествия в неизведанную область Смертельного Перехода. Тебе предстоит снова испытать изумрудного вина, а затем изведать иные способы приближения к объятиям Госпожи. Сначала ты будешь повешен на шелковом шнуре – не до смерти, но почти. Затем тебя подвергнут обескровливанию. Тебе предстоит познакомиться с ядовитыми гадами и поплавать в ночном океане, где живут многочисленные слуги Госпожи. О, как я тебе завидую, маленький брат! Как далеко ты продвинешься на пути постижения наших тайн!

Той же ночью Жан бежал из Дома Откровения.

Он упаковал свои нехитрые пожитки и ту снедь, которую удалось похитить на кухне. Еще до поступления в ученичество он припрятал захваченный с собой небольшой мешочек с монетами. Примерно в миле от меловых утесов располагалась деревенька с характерным названием Скорбная Радость – ее жители обеспечивали удовлетворение материальных запросов слуг Азы Гуиллы. Возле этой деревеньки, под приметным камешком, Жан и закопал свои сокровища. Этих денег должно было хватить на обратную дорогу.

Юноша нацарапал записку и оставил ее на тюфяке в новой келье, полученной после перехода на новую ступень обучения:

«Чрезвычайно благодарен за предоставленные возможности, но я не могу ждать. Госпожа призвала меня к познанию Вечной Смерти. Не могу удовлетвориться меньшим и тратить время на изучение Смертельного Перехода. Простите, Госпожа зовет меня. Таврин Каллас».

После этого Жеан в последний раз вскарабкался по каменным ступенькам на крышу храма. Слабый свет алхимического фонаря озарял ему путь в кромешной тьме. Затем юноша проследовал на вершину утеса, где бесследно растворился в ночи.

4

– Ничего себе! – воскликнул Гальдо, выслушав рассказ товарища. – Выходит, мне здорово повезло, что меня отправили в орден Сендовани, а не к этим сумасшедшим!

В ту ночь, когда Жеан вернулся из Дома Откровения, отец Цепп первым делом вызвал его к себе на допрос с пристра-

стием, а затем позволил четверым друзьям уединиться на крыше храма с кружками густого тягучего каморрского пива. Ребята сидели возле лестницы, наблюдали, как плывут по небу серебристые облака, и с нарочитой небрежностью прихлебывали свой напиток. Им нравилось воображать себя взрослыми мужчинами, которые после трудового дня собрались посидеть с друзьями – такими же самостоятельными людьми – и «перетереть за жизнь».

– Да уж, нам грех жаловаться, – подхватил Кало. – А я был в ордене Гандоло, так нам через неделю давали сладости и пиво. А на День Бездельника – по медяку, чтобы мы потратили его по собственному разумению во славу Отца счастливых возможностей, Покровителя торговли и звонкой монеты.

– А мне так ужасно нравится служить нашему Благодетелю, – вмешался в разговор Локки. – Всех дел – сиди себе на ступеньках и притворяйся, что Благодетеля не существует. Разумеется, когда мы не воруем.

– Точно, – подтвердил Гальдо. – А служение Смерти – это для маньяков.

– И все же... Не приходило ли тебе в голову, что, может быть, они в чем-то правы? – Кало сделал новый глоток, прежде чем продолжил свою мысль. – А вдруг ты действительно призван служить Всемилоостивейшей Госпоже?

– У меня было время подумать об этом, пока я добирался домой, – ответил Жеан. – И я пришел к выводу, что в их

словах есть здоровое зерно. Правда, не то, которое видится им.

– Это как? – хором спросили братья Санца. С ними часто случалось такое, если что-то по-настоящему их удивляло.

Вместо ответа Жеан потянулся и вытащил из-за пояса свою любимую Сестричку – подарок от донна Маранцаллы. Совсем простой, без всяких украшений, топорик тем не менее обладал великолепным балансом и отлично подходил для не вошедшего в полную силу подростка. Жеан выложил оружие на камень перед собой и довольно улыбнулся.

– Ого! – опять же хором произнесли Кало и Гальдо.

КНИГА 4. ОТЧАЯННАЯ ИМПРОВИЗАЦИЯ

*Я играю так, будто мои волосы в огне.
Митч Уильямс²*

Глава 12. Толстый священник из Тал-Верарра

1

Открыв глаза, Локки обнаружил, что лежит в незнакомой комнате на довольно жестком ложе. Взгляд его уперся в закопченную фреску на оштукатуренном потолке. На ней беззаботная компания мужчин и женщин в нарядах времен Теринского Престола, радостно улыбаясь, с кружками в руках собралась вокруг винной бочки. О боги, снова бочка! Локки застонал и закрыл глаза.

² Знаменитый американский бейсболист. За игру в составе «Чикаго Клубс» получил прозвище «Дикая штучка» («Wild Thing»). Марк Грейс, его товарищ по команде и близкий друг, говорил: «Митч играет так, будто у него волосы в огне»

– Вот наш больной и приходит в себя, как я вам обещал, – раздался незнакомый голос. – А все благодаря компрессу. Поверьте, это непревзойденное средство при истощении телесных каналов.

– Какого хрена! – взорвался Локки, не слишком вежливый в своем нынешнем состоянии. – Это еще кто такой? И где я нахожусь?

– Ты в безопасности, дружище, – знакомая рука легла ему на плечо, и Локки увидел улыбающееся лицо Жеана Таннена. Невольно он отметил, что его друг, обычно крайне аккуратный в отношении своей внешности, сейчас выглядит небритым и даже, пожалуй, не слишком чистым. – К сожалению, не могу похвастаться, что в полном порядке – до этого еще далеко. А насчет полной безопасности, наверное, следовало бы потолковать с прежними пациентами мастера Ибелиуса. Боюсь, они бы со мной не согласились.

Болтая, Жеан незаметно сделал пару жестов, которые на их тайном языке означали: «Все в порядке, можешь говорить свободно».

– Как не стыдно, молодой человек! Хороша благодарность за мои труды и бессонные ночи!

Незнакомый голос, похоже, принадлежал маленькому морщинистому человеку – во всяком случае, кроме него, больше никого в комнате не было. Его обветренное лицо напоминало выдавшую виды дубовую столешницу, темные настороженные глаза прятались за невероятно толстыми стек-

лами очков. Этот пыливый взгляд и склоненная набок лысая голова – остатки седых курчавых волос были собраны в хвостик на затылке – делали незнакомца похожим на какую-то болотную птицу. Одет он был в простую рубаху из хлопка, бурые пятна на которой могли оказаться как вчерашним соусом, так и засохшей кровью, и старомодный кафтан горчичного цвета – такие, насколько помнил Локки, носили лет двадцать назад.

– Только мое вмешательство вывело вашего друга из пучин беспамятства, в коем он пребывал! – продолжал обиженный незнакомец.

– Да ладно вам, Ибелиус, – отмахнулся Жеан. – Клянусь Переландро! Вас послушаешь, так мой друг по меньшей мере схлопотал арбалетный болт промеж глаз. Ему и нужно-то было всего лишь хорошенько отоспаться.

– Ошибаетесь, молодой человек! Все жизненные соки в организме больного находились на крайне низком уровне. Он практически лишился энергии. Когда я впервые увидел его, он был бледным, истощенным, обезвоженным и, как следствие, без сознания.

– Ибелиус? – переспросил Локки, пытаясь приподняться. Это ему удалось, правда, не без помощи Жеана – тот поддержал его за плечи и помог усесться в постели. – Тот самый Ибелиус, «собачий доктор» из Ржавой Заводи?

«Собачьими докторами» называли черных алхимиков, без лицензий и разрешений занимавшихся врачебной прак-

тикой. Этим людей не манило почетное членство в Медицинской Коллегии, они вполне удовлетворялись тем, что лечили многочисленные травмы и недуги Правильных Людей Каморра – что вполне устраивало обе стороны. Если дипломированный врач косо посмотрел бы на пациента, заявившегося в половине второго ночи с колотой или резаной раной, то «собачьих докторов» такие мелочи не смущали. Они брали деньги вперед и помалкивали.

Проблема заключалась в том, что порой мастерство подобных целителей оставляло желать лучшего. Многие из них являлись опытными врачами, по каким-то причинам не сумевшими поставить дело должным образом или потерявшими практику из-за неприятностей с полицией (особо не приветствовалось раскапывание могил). Но попадались и откровенные самоучки, которые приобретали свои навыки не в медицинских академиях, а в пьяных кабацких драках и на темных улицах Каморра. Кроме того, всегда существовал шанс нарваться на откровенного сумасшедшего или мрачного мизантропа, одержимого манией убийства... а то и на сочетание обоих этих качеств.

– Решительно возражаю, мой господин, – живо откликнулся Ибелиус. – У меня много достойных коллег среди «собачьих докторов», но сам я настоящий врач. Между прочим, получивший образование не где-нибудь, а в Коллегии. И ваше исцеление – лучшее тому доказательство.

Локки окинул взглядом помещение. Всю обстановку ком-

наты составлял соломенный тюфяк, на котором он лежал, облаченный в одни подштанники. Единственная дверь была завешена несвежей парусиной, с потолка свисали два оранжево-белых алхимических шара. Скорее всего, это была одна из заброшенных вилл, каких немало в районе Пепелища. Горло у Локки пересохло, во всем теле по-прежнему ощущалась болезненная слабость. Но хуже всего было облако омерзительного запаха, окружавшее его ложе. Причем Локки готов был поспорить, что пахло не просто немытым телом.

– Это еще что за гадость? – он поковырял пальцем засохшую полупрозрачную пленку, покрывавшую его грудь и живот.

– Тот самый компресс, о котором я говорил, уважаемый. Если быть совсем точным – целебная мазь Вараньелли... хотя вряд ли это о чем-то вам говорит. Я использовал ее, дабы сохранить остатки энергии в ваших телесных каналах, а также сконцентрировать все жизненные соки там, где они всего нужнее, то есть в вашем животе. Требовалось предотвратить окончательное рассеивание энергии.

– И из чего же эта чудо-мазь?

– О, она имеет сложный состав, но основной активный компонент – смесь терпентина³ и главного богатства садоводов.

– Это еще что за хрень?

³ Терпентин, он же живица – свежий смолистый сок, выделяющийся при повреждении хвойных деревьев

– Земляные черви, – охотно пояснил Жан. – Измельчаются и растворяются в терпентине.

– И ты позволил ему обмазать меня всего этой гадостью!

– Не надо преувеличивать, мой господин, – обиженно вмешался лекарь. – Не всего, а только ваш торс – то место, которое больше всего пострадало.

– Знаешь, Локки, ему виднее. В конце концов, он доктор. Ты же знаешь, я умею только ломать людей, а не собирать их воедино.

– Хорошо... А кто-нибудь может объяснить, что же со мной случилось, черт побери?

– Истощение, мой господин. Я бы сказал, полнейшее нервное истощение, – Ибелиус взялся за левое запястье Локки и принялся сосредоточенно считать пульс, затем продолжил: – Жан рассказал мне, что вечером того дня – Дня Герцога, если быть точным, – вы приняли мощное рвотное средство...

– Ну да, действительно.

– ...и впоследствии ничего не ели и не пили. А после того вас схватили, зверски избили и едва не утопили в бочке с конской мочой – неслыханная жестокость! Примите мои искренние соболезнования, молодой человек. Вдобавок ко всему вы получили глубокую рану левого предплечья... кстати, обратите внимание – сейчас она, несмотря ни на что, прекрасно рубцуется. Ну что еще сказать? Вы всю ночь оставались на ногах, несмотря на полученные повреждения и усталость, мало того, занимались намеченными делами.

– Да, что-то такое смутно припоминается.

– В результате вы отключились, мой господин. Говоря языком юристов, ваше тело решительно отказалось подчиняться, ввиду причиненных ему неслыханных мучений, – лекарь довольно хихикнул.

– И сколько времени я здесь провел?

– Два дня и две ночи, – ответил Жеан.

– Что?! О милостивые боги! И все это время я был без сознания?

– Почти, – кивнул Жеан. – Все это произошло на моих глазах. Ты шел-шел и упал... Я сам в тот момент сидел в укрытии на расстоянии тридцати ярдов, и мне понадобилось какое-то время, чтобы сообразить, где я мог видеть этого старого бородатого бродягу.

– Пришлось дать вам снотворное, – пояснил Ибелиус. – Ради вашего же блага.

– Проклятье!

– Вот-вот, это лишний раз доказывает мою правоту. Сами бы вы никоим образом не согласились отдохнуть. Опять-таки, что касается моей мази, то снотворное изрядно облегчило ее нанесение. А это было абсолютно необходимо при тех отеках и ссадинах, которые имелись у вас на теле. Полагаю, находись вы в ясном сознании, вас сильно смутил бы ее неприятный запах.

– Бр-р, – поморщился Локки. – Ладно, а выпить у вас что-нибудь найдется?

Жеан передал ему бурдюк с красным вином. Оно оказалось теплым, кислым и разбавленным до такой степени, что стало скорее розовым, чем красным. Тем не менее Локки жадно припал к горлышку и почти наполовину осушил бурдюк. Только тогда он почувствовал себя более или менее сносно.

– Проявите умеренность, мастер Ламора, – забеспокоился лекарь. – Боюсь, вы сильно переоцениваете свои возможности. Заставьте его поесть супу, Жеан. Вашему другу требуется восстановить физические силы, иначе его жизненные соки вновь улетучатся. Обратите внимание, он и так чересчур худой для своего роста. Фактически на грани анемии.

Локки без возражений съел предложенную тарелку супа – мясо акулы, сваренное в молоке с добавлением овощного отвара. Суп получился жидковатым и не слишком свежим, но все равно Локки показалось, что ничего вкуснее он в своей жизни не ел. Покончив с трапезой, он с наслаждением потянулся.

– О боги, два дня коту под хвост, – задумчиво произнес он. – Полагаю, что за это время с капой Разо ничего не случилось? Он не упал с лестницы и не свернул себя шею?

– Увы, – вздохнул Жеан. – Наш друг по-прежнему с нами, как и его чертов контрмаг. Более того, они развили активную деятельность. Тебе, возможно, будет интересно узнать, что Благородные Подонки объявлены вне закона. Впрочем, считается, что от всей банды остался один только я. И знаешь,

во сколько они оценили мою голову? Пятьсот крон обещано человеку, который доставит меня ко двору нового капы. Причем желательно уже мертвым.

– Вот как? – заинтересовался Локки. – В таком случае могу ли я спросить, мастер Ибелиус – что заставляет вас сидеть здесь и ставить мне компрессы вместо того, чтобы со всех ног бежать за наградой к капе Разо?

– Я могу ответить на твой вопрос, – подал голос Жеан. – Сдается мне, что был еще один Ибелиус, который служил охранником на Плавучей Могиле. Из тех, что остались верны Барсави до конца.

– Ясно, – кивнул Локки. – Мои соболезнования, мастер Ибелиус. Он был вашим братом?

– Младшим, – вздохнул тот. – Дурак несчастный. Сколько раз я советовал ему сменить работу! Я так понимаю, что у нас с вами общие счета к этому новоявленному капе?

– Именно так, мастер Ибелиус, – подтвердил Локки. – Лично я намереваюсь полной мерой расплатиться с этим ублюдком. Можно сказать, мечтаю об этом – как только может мечтать человек, которого он убил.

– Жеан сказал мне то же самое. Именно по этой причине я и взялся вас лечить, причем бесплатно. Не стану утверждать, что высоко оцениваю ваши шансы, но любой враг капы Разо может рассчитывать на мою помощь... и на мою верность.

– Очень вам за это благодарен. И еще хочу сказать одну вещь: если уж мне суждено было свести знакомство с земля-

ными червями и терпентином, то я рад, что это произошло под вашим наблюдением, мастер Ибелиус.

– Всегда к вашим услугам.

– Итак, Жеан, подведем итоги. Чем могут похвастаться двое несчастных изгнанников, помимо надежного укрытия и врача, который готов их лечить? Каковы наши активы?

– Десять крон, пятнадцать солоних и пяток медяков, – поморщился Жеан. – Кроме того, этот тюфяк, на котором ты лежишь... еще то вино и суп, что плещутся у тебя в животе. Ах да, чуть не забыл: мои Злобные Сестрички всегда со мной. К ним в придачу пара плащей, башмаки и твоя собственная одежда. А также сколько угодно обвалившихся кирпичей и полусгнившей штукатурки. Мечта, да и только.

– Это все?

– Пожалуй, да. Если не считать вот этого, – Жеан показал ему серебряную сетчатую маску служителя Азы Гуиллы. – Так сказать, помощь и утешение от Госпожи Долгого Молчания.

– Ну ты даешь! Как ты умудрился стянуть ее?

Жеан усмехнулся.

– Сразу после того, как я высадил тебя в Чертовом Котле, меня осенила замечательная мысль: почему бы мне самому не вернуться в Храмовый район и не разжиться чем-нибудь полезным?

Пожар в Доме Переландро еще пылал, когда Жеан Таннен – запыхавшийся и полуодетый – появился у дверей храма Азы Гуиллы, что стоял в двух кварталах от того места, которое Благородные Подонки звали своим домом.

Конечно, камень и Древнее стекло не горят, но о прочей обстановке Дома Переландро этого сказать было никак нельзя. Как известно, Древнее стекло отражает и концентрирует тепло, поэтому неудивительно, что через какое-то время все содержимое подземного убежища превратилось в кучу раскаленной золы, а поднимавшийся вверх нестерпимый жар расправился с наземной частью храма. Разумеется, тут же выстроилась цепочка «желтых курток» с ведрами, но они мало чем могли помочь – только стояли и наблюдали, как из окон и дверей храма валит удушливый черный дым.

Жеан забарабанил в ворота обители Богини Смерти. В душе он молился Благодетелю, чтобы все прошло как надо, и его вераррский акцент, которым он виртуозно владел в былые времена, и на сей раз не подвел его. Для пушей убедительности Жеан Даже упал на колени.

Несколько минут спустя раздался щелчок, и дверь храма приотворилась ровно на дюйм. На него смотрела послушница в черной рясе и серебряной маске, столь хорошо знако-

мой Жеану Таннену.

– Меня зовут Таврин Каллас, – промолвил он. – Я нуждаюсь в вашей помощи.

– Ты умираешь? – недоверчиво спросила послушница. – Мы мало что можем сделать для людей в добром здравии. Если тебе требуется еда или другая помощь, обратись в Дом Переландро. Хотя, боюсь, сегодня вечером туда не стоит ходить. Похоже, у них возникли некоторые сложности...

– Я не умираю, но тем не менее действительно нуждаюсь в еде и другой помощи. Дело в том, что я преданный слуга Всемиловивейшей Госпожи, посвященный пятой ступени.

Жеан все тщательно рассчитал. Четвертая ступень еще обязывала служителей неотлучно находиться в храме Азы Гуиллы, пятая же предполагал свободное передвижение из города в город в качестве курьера. Но возьми он еще чуть выше, скажем, шестую ступень, и ему пришлось бы иметь дело непосредственно с верховным настоятелем храма – таков порядок.

– Меня послали из Тал-Верарра в Джериш по делам нашего ордена, но по пути наш корабль захватили джеремитские пираты. Они отобрали у меня бумаги, одежду, верительные грамоты и даже мой Скорбный Лик.

– Что?! – послушница, совсем еще молоденькая девушка, наклонилась, чтобы помочь подняться просителю. Она была чуть ли не вчетверо легче Жеана, и ее попытка выглядела довольно забавно. – Они покусились на посланника самой

Госпожи?!

– Джеремитам чужда вера в Двенадцать, моя маленькая сестра, – пожал плечами Жеан, позволяя поднять себя с колен. – Напротив, мучения благоверных доставляют им особое удовольствие. Много дней и ночей я, закованный в цепи, греб на их галере. Наконец прошлой ночью наше судно бросило якорь в Каморрском заливе. Мне было велено опорожнить за борт офицерские горшки, пока они сами гуляют по берегу. И вот тогда вдалеке в волнах я увидел плавники Темных Сестер. Я помолился Госпоже и решил: будь что будет.

Одно из наиболее примечательных (и абсурдных) верований подданных Богини Смерти заключалось в том, что акулы являются любимыми слугами Азы Гуиллы. Их внезапные появления и смертельные нападения символизировали непостижимую сущность Всемиловивейшей Госпожи. Для носящих серебряные маски акулы служили грозным и зловещим знаком. Жеан вспомнил, как Главный Проктор из Дома Откровений предлагал ему поплавать в ночном океане. По его мнению, акулы не стали бы нападать на истинно верующего.

– Темные Сестры! – взволнованно воскликнула послушница. – И что, они помогли тебе бежать?

– Неправильно рассматривать это как помощь, – мягко возразил Жеан. – Госпожа не помогает, она *ДОЗВОЛЯЕТ*. То же самое справедливо в отношении Темных Сестер. Я нырнул в море и почувствовал их присутствие рядом с собой. Вода подо мной колыхалась от их стремительных движений,

темные плавники рассекали волны. Мои мучители кричали с палубы, что я, должно быть, совсем сошел с ума. Они тоже видели Темных Сестер и ожидали, что те вот-вот разорвут меня на части. Они смеялись, а я... Я тоже посмеялся, когда невредимым вышел на берег.

– Молись Всемилоливейшей Госпоже, брат.

– Уже, сестра. Уже молился и буду молиться впредь, – смиренно отвечивал Жеан. – Это Она вывела из плена своего верного слугу. Она дала мне еще один шанс выполнить назначенную миссию. Умоляю, сестра, отведи меня к настоятелю храма. Позволь увидеть вашего Божественного Отца или Божественную Мать. Мне нужно совсем немного: одежда, Скорбный Лик взамен утраченного и, может быть, келья – на несколько ночей, пока я не улажу свои дела в городе.

3

– Таврин Каллас? Разве это не то имя, под которым ты жил в Доме Откровения?

– Ну да.

– А что, разве храмы не поддерживают связь между собой? Они ведь могут послать запрос и выяснить, что Таврин Каллас много лет назад бросился с утеса, движимый жадной

познания таинства Смерти.

– Конечно, они так и сделают, – беспечно пожал плечами Жан. – Но на это уйдут недели – пока пошлют гонца, пока получат ответ... Я не собирался столь долго пользоваться их гостеприимством. Кроме того, это может оказаться даже забавным. Тот факт, что Каллас давным-давно умер, способен дать начало красивой легенде со всяческими чудесами и откровениями. Что ты скажешь, например, насчет послания из мира теней?

– Я бы скорее назвал это посланием из задницы вдохновенного лжеца, – ухмыльнулся Локки. – Ты просто гений, Жан!

– Просто я знаю, как надо разговаривать с этой братией, – скромно потупился его друг. – У каждого свои таланты, Локки.

– Простите, а разве это не опасно? – вмешался Ибелиус. – Я имею в виду своекорыстное использование атрибутики Богини Смерти. Разве вы не боитесь водить за нос... самую Всемилостивейшую Госпожу?

Произнеся эти слова, лекарь суеверно коснулся обеими руками своих глаз, затем губ и наконец скрестил пальцы на левой стороне груди – там, где сердце.

– У Всемилостивейшей Госпожи уже более чем достаточно поводов обижаться на меня, – махнул рукой Жан. – Если бы Она хотела, то давно бы размазала меня по стенке.

– Кроме того, – вмешался Локки, – да будет вам известно,

мастер Ибелиус, что мы с Жеаном являемся верными слугителями другого божества – нашего Благодетеля, Отца и Покровителя неизбежных уловок. Как вы сами относитесь к Хранителю плутов?

– Ну... мой жизненный опыт показывает, что лучше ни с кем не ссориться. Пусть я не ставлю ему свечки и не делаю пожертвований, но я никогда не позволял себе пренебрежительно отзываться о Благодетеле.

– Так вот, – продолжал Локки, – наш наставник как-то объяснил нам, что посвященные Благодетеля пользуются странной, необъяснимой привилегией: им все сходит с рук, когда они действуют в интересах и от имени своего Покровителя, даже сказал, что судьба явно благоволит к нам, – добавил Жеан. – Что же до моего случая, то, согласитесь, это были вынужденные действия. У человека моих размеров не так уж много способов спрятаться в подобных обстоятельствах.

– О, я вас понимаю.

– К тому же создается впечатление, что в последнее время у Богини Смерти и без нас хватает дел, – подвел итог Локки. – Итак, Жеан, я вполне пришел в себя. И чувствую себя совсем неплохо, мастер Ибелиус. Уверяю вас, нет нужды шупать мой пульс – с ним все в порядке. Пусть он остается там, где ему полагается быть, то есть на моем запястье. Что ты еще можешь рассказать мне, Жеан?

– Ситуация в городе напряженная – я бы даже сказал, кро-

вавая. Но, похоже, капа Разо с ней справляется. Нашей банды, по слухам, больше не существует. Остался я один, но тут уже приняты меры – я имею в виду награду за мою голову. По официальной версии мы отказались присягнуть новому капе и попытались отстоять права Барсави – и в результате погибли в схватке. Все прочие гарристы сдались. Причем наш славный капа Разо отнюдь не стал выжидать трех обещанных дней. Еще сегодня ночью наиболее строптивым – таких сыскалось человек пять-шесть – перерезали глотки. Все это произошло несколько часов назад.

– О Боги! Откуда у тебя такая информация?

– Кое-что сообщил Ибелиус. Он пока еще может выходить из дому, но старается особо не светиться. А кое-что я узнал на богослужении в Деревяшках. Знаешь ли, в последнее время Всемилостивейшая Госпожа стала чрезвычайно популярна в народе.

– Значит, теперь все Правильные Люди Каморра в кармане у капы Разо?

– Выходит, что так, дружище. И они потихоньку привыкают к этому положению вещей. Казалось бы – горячая публика, по малейшему поводу хватаются за ножи, а вот как-то он их укротил... Сейчас он засел на Плавучей Могиле и оттуда руководит городом. В основном придерживается той же линии, что и Барсави, выполняет его обязательства. Народу по душе стабильность – с этим не поспоришь.

– А что насчет наших... остальных дел? – особым жестом

Локки пояснил, что именно его интересует – «Бич Каморра». – Возникли какие-то осложнения?

– Нет, – шепотом ответил Жан. – С этим все в порядке. Судя по всему, Разо страшно доволен, что разделался с нами, и глубже не копает.

Локки вздохнул с облегчением.

– Однако кое-какие странности происходят, – продолжал Жан. – Прошлой ночью Разо схватил с полдюжины человек из различных банд и публично обвинил их в том, что они работают на Паука.

– Серьезно? И что ты думаешь по этому поводу? Они на самом деле агенты Паука или здесь какая-то новая интрига Разо?

– Да похоже, что на самом деле, – задумчиво проговорил Жан. – Я узнал их имена от Ибелиуса и долго размышлял по этому поводу. Насколько мне известно, этих людей ничто не связывает – они даже живут в разных районах. Разо сохранил им жизни, но изгнал из города. Дал ровно день на то, чтобы закончить все дела в Каморре, и велел убираться, пока не случилось худа.

– Интересно знать, что за этим кроется.

– Может, и ничего особенного.

– Хотелось бы верить.

– А еще, мастер Ламора, у наших берегов объявился зачумленный корабль! – Ибелиус едва дождался паузы, чтобы вставить свою новость. – Один-единственный. Не понимаю,

почему Жеан не рассказывает об этом.

– Зачумленный корабль?

– Да, черный корабль из Эмберлина. Запредельно красивый, хотя совершенно необычный. Я вообще не представляю, как он ходит по морю, – Жеан задумчиво поскреб щетину на подбородке. – Он бросил якорь на «чумной стоянке» в ту самую ночь, когда капа Разо собственноручно дал «урок анатомии» капе Барсави.

– Вот как? Очень интересное совпадение.

– Действительно. Боги любят подавать знаки. На судне предположительно двадцать или тридцать покойников. А теперь переходим к самому странному: капа Разо взял на себя миссию по снабжению корабля.

– Что-о?

– Да. Его люди ежедневно доставляют провизию на пристань; он выдает ордену Сендовани деньги на закупку хлеба и мяса. После наших учинений этот орден временно взял на себя обязанности ордена Переландро.

– Но какого хрена он это делает? С какой стати людям Разо возить в порт воду и пищу?

– Я тоже был на редкость заинтригован, – кивнул Жеан. – Поэтому прошлой ночью решил провести небольшое расследование в меру своих скромных возможностей. И знаешь, что я выяснил? Помимо еды и воды, они передают на корабль кое-что еще.

На следующий день после воцарения нового капы – был как раз Тронный День – над городом шел дождь. Вернее, легкий, почти незаметный дождик, нежный и влажный поцелуй небес. Он шел весь день, а вечером из дверей храма Азы Гуиллы вышел высокий, непривычно крепкий священник в традиционной серебряной маске. Он направился на берег Каморрского залива и остановился как раз напротив одинокого корабля, застывшего на «чумной стоянке». Теплый ветер трепал отсыревшую рясу служителя Богини Смерти, желтые бортовые огни судна окрашивали его маску в золотисто-бронзовый цвет.

Краем глаза он наблюдал за ветхой лодочкой, качающейся на волнах возле длинного причала Отстойника. К ее носу была привязана прочная веревка, которая уходила вдаль, туда, где на расстоянии полета стрелы стоял эмберлинский корабль. С убранными парусами он выглядел иссохшим и безжизненным, точно скелет былой «Сатисфакции». На палубе его виднелись люди – маленькие фигурки, плохо различимые в сгущающейся тьме.

Здесь же, на пристани, кипела работа. Небольшая команда широкоплечих грузчиков перетаскивала поклажу из телеги на борт лодочки. За их работой присматривало с полдюжи-

ны охранников, под плащами у которых угадывались клинки и арбалеты. Никто особо не таился. Наблюдатели со сторожевых станций легко могли разглядеть в подзорную трубу все происходящее в Старой Гавани. Несомненно, так оно и было – сейчас, когда на стоянке находился зараженный корабль, там держали усиленный караул. Другое дело, что санитарную службу мало волновал груз, передаваемый на «Сатисфакцию». Главное, чтобы ничего не попало на берег оттуда.

А вот Жеана как раз чрезвычайно заинтересовали причины внезапного человеколюбия капы Разо. Действительно, с какой стати капа озаботился жизнеобеспечением экипажа зачумленного судна?

– Эй, ты, куда прешь? – раздался голос охранника, издали заметившего приближение Жеана. – А ну-ка уноси отсюда свою долбаную задницу... О, простите великодушно, ваша святость!

Несколько мгновений Жеан наслаждался явным замешательством на лицах охранников. Все они были крепкими ребятами, закаленными в уличных боях, однако один вид непроницаемого Скорбного Лика заставил их ежиться и мяться – словно ватагу детишек, застуканных возле разбитой банки с медом.

Жеан продолжал стоять на месте, разглядывая охрану. Ни одного знакомого лица – скорее всего, парни и девицы принадлежали к личной гвардии капы Разо. Он попытался под-

метить какие-то подробности, проливающие свет на происхождение этих людей, но без толку. Единственное, что бросилось ему в глаза, это обилие золотых украшений, по большей части серег. У одной из девиц ими были унизаны оба уха – по семь-восемь штук в каждом. Любопытно, подумал про себя Жеан, такое скорее можно увидеть среди моряков, чем в преступном мире. С другой стороны, это еще не основание делать какие-то выводы.

– Я пришел всего лишь помолиться за бедных чужеземцев, – сказал он, кивнув в сторону эмберлинского корабля. – Да дарует Всемилостивейшая Госпожа им свое заступничество! Прошу вас, не обращайтесь на меня внимания и занимайтесь своим благим делом.

Для пущей убедительности Жеан повернулся спиной к бандитам и устремил взор на отдаленный силуэт судна. Однако, хотя он и не смотрел, зато прислушивался весьма чутко. Его ухо различало тяжелые шаги грузчиков, скрип старых досок под их ногами, дыхание работающих людей. Он успел разглядеть, что телега наполнена небольшими одинаковыми мешочками, каждый размером с полугаллонный винный бурдюк. Грузчики молча поднимали свою ношу и тащили ее к лодке. Так продолжалось несколько минут, но затем...

– Мацци! Руки вырву, долбак! – даже раздраженный окрик надзирателя не сумел перекрыть металлический звон, раздавшийся при падении одного из мешочков на доски пристани. Молодой человек тут же осекся и испуганно оглянулся

на Жеана. – О, простите мою несдержанность, святой отец. Но мы поклялись... мы обещали строго следить за доставкой грузов на борт корабля.

Прекрасно осознавая, какой эффект производит его безликая зловещая маска, Жеан медленно повернулся к бандиту и едва заметно кивнул.

– Негоже сквернословить, сын мой. Ты позоришь своего хозяина, который милосердно взял на себя труды, обычно выпадающие ордену Переландро.

– Ох, вы правы, святой отец. Мне нет прощения...

– Всемилостивейшая Госпожа зорко следит за своим садом, в котором смертным отведена всего лишь роль цветов, и по своему усмотрению обрывает лепестки жизни. Поэтому не гневайся на бедного работника. Понятно, что он напуган близостью... столь необычного явления.

– О, да... этот корабль смерти! У нас всех от него мурашки по спине бегают.

– Я ухожу, – милостиво кивнул Жеан. – Трудитесь спокойно, сын мой. И приходите в храм Азы Гуиллы, если тем несчастным на борту понадобится наша помощь.

– Э-э... конечно. Б-благодарю вас, святой отец.

Величавой поступью Жеан двинулся прочь, а команда вернулась к прерванной работе. Вскоре все мешки оказались в лодке, и охранники убрали с нее швартовы.

– Тяни! – крикнул один из них.

Веревка, соединяющая лодку с кораблем, натянулась.

Лодка дернулась на месте и затем, когда темные фигурки на борту «Сатисфакции» поймали ритм, плавно пошла вперед, оставляя серебристый след на темных водах Каморрского залива.

Жеан не спеша, как и подобает священнику, шагал, направляясь в северную часть Отстойника. В голове его неотвязно крутился один и тот же вопрос: «Какого черта мертвецам на борту корабля понадобились мешки с деньгами?»

5

– Мешки с деньгами? Ты уверен?

– Брось, Локки, холодный звон металла я ни с чем не перепутаю. Да ты припомни наш тайник с деньгами. Уж кто-кто, а мы с тобой можем отличить звон золотых монет от грохота корнеплодов.

– М-да... – протянул Локки. – Если только господин герцог не начал в последнее время запекать золото в хлеб, получается, что Разо такой же благотворитель, как мы с тобой – эмберлинские виноделы.

– В ближайшие дни я постараюсь еще что-нибудь разведать, – пообещал Жеан.

– Хорошо, постарайся. Теперь осталось мне вылезти из этой постели и тоже заняться чем-нибудь полезным.

– Мастер Ламора, вам нельзя покидать постель! – всполошился Ибелиус. – Вы пока не в той форме, чтобы заниматься делами. Позвольте напомнить, что именно ваша неосмотрительность и привела вас в нынешнее плачевное состояние.

– Мастер Ибелиус, я очень уважаю вас и бесконечно благодарен за то, что вы привели меня в чувство, – с расстановкой произнес Локки. – Но теперь, когда я пришел в себя, я готов полгорода проползти на брюхе, лишь бы навредить капле Разо. Я начинаю свой поход против этого мерзавца. И начинаю его прямо отсюда!

Локки с трудом приподнялся со своего тюфяка и попытался встать. Голова у него снова закружилась, колени подогнулись, и он бесформенной кучей рухнул на пол.

– Прямо отсюда? – усмехнулся Жеан. – Выглядит не слишком впечатляюще.

– Это невыносимо, Ибелиус, – простонал Локки. – Сделайте же что-нибудь! Мне надо срочно вернуть силы, я должен действовать!

– Мой дорогой мастер Ламора, – промолвил лекарь, наклоняясь к больному. Жеан поддержал его с другой стороны, и таким образом двое мужчин уложили Локки обратно в постель. – Вы уже убедились, что наши желания не всегда совпадают с нашими возможностями. Если бы я получал по солону с каждого пациента, который говорит так же, как вы! «Ах, доктор Ибелиус, я двадцать лет курил джеремитский табак, и теперь у меня идет горлом кровь. Верните мне

здоровье!» Или же: «Ибелиус, япил и дебоширил всю ночь, а наутро недосчитался одного глаза. Черт побери, помогите мне видеть, как прежде!» Да что там по солону – бери я хотя бы по медному барону с каждого такого умника, уже мог бы удалиться на покой и жить припеваючи в благословенном Лашене!

– Но я ничем не могу помешать Разо, пока валяюсь, уткнувшись носом в пыльный тюфяк! – гнев Локки вспыхнул с прежней силой.

– Тогда отдыхайте, мой господин, отдыхайте! – раздраженно огрызнулся лекарь. – И, сделайте милость, не обвиняйте меня в том, что я не наделен силой богов! Отдыхайте и восстанавливайте силы. Завтра я смогу выйти и раздобыть вам еще немного еды. Восстановление аппетита – это добрый знак. Благодаря полноценному отдыху и пище вы сможете достичь приемлемого состояния уже через день-два. Подумайте сами – совсем недавно вы были так слабы, что без чувств свалились посреди улицы. Глупо надеяться, что нервное истощение удастся преодолеть так легко и просто. На все требуется время. Запаситесь терпением и отдыхайте.

– Очень хорошо, – вздохнул Локки. – Я просто... неимоверно хочу как можно скорее избавиться от капы Разо.

– Я мечтаю о том же самом, мастер Ламора, – ответил Ибелиус, снимая очки и протирая их краем рубахи. – И если бы я верил, что вы в своем нынешнем состоянии – а сил у вас не больше, чем у полузадушенного котенка – сумеете оста-

новить подонка, то без колебаний упаковал бы вас в корзину и своими руками отнес в резиденцию капы Разо. Но я знаю, что из этого ничего не выйдет. Ни в одном учебнике не описано такое средство, чтобы мгновенно восстановить силы.

– Прислушайся к словам мудрого человека, Локки, и прекрати упрямитесь, – посоветовал Жеан. – Давай посмотрим на дело с другой стороны: пусть ноги у тебя не ходят, но голова-то варит! Я стану твоими ногами и руками, буду бегать по городу и собирать сведения. А ты сиди и думай, как нам подкопаться под этого мерзавца и отправить его напрямиком туда, где его встретят Кало, Гальдо и Жук.

6

К следующему вечеру Локки восстановил силы уже настолько, что мог самостоятельно прохаживаться по комнате. Правда, его мышцы были еще слабыми и плотностью напоминали фруктовое желе, а конечности двигались с такой задержкой, словно управляющие сигналы передавались им издалека с помощью гелиографа. Но по крайней мере, он больше не тыкался носом в пол при попытке подняться с тюфяка. К тому же он съел целый фунт колбасы и закусил половиной булки с медом – это было все, что удалось раздобыть Ибелиусу.

Когда доктор в тысячный раз уселся измерять его пульс, Локки обратился к нему с вопросом:

– Мастер Ибелиус, мы с вами почти одного размера. Не найдется ли у вас случайно какой-нибудь одежды для меня? Плащ, приличные штаны с камзолом и прочие мелочи, необходимые для достойного человека.

– Ох, – встрепнулся старик. – У меня все это было, причем сшитое по последней моде, но боюсь, что сейчас... Разве Жеан вам не говорил?

– Ибелиус теперь живет с нами, – вмешался Жеан. – Устроился в уголке одной из комнат.

– Видите ли, мой дом... тот, где я вел врачебную практику... – лекарь нахмурился, и Локки показалось, что толстые стекла его очков внезапно затуманились. – Он сгорел на следующее же утро после прихода к власти Разо. Новый капа вовсе не заинтересован в том, чтобы родственники убитых оставались в Каморре. Совсем наоборот. В городе произошло несколько убийств... Слава богам, меня это не коснулось – я пока могу ходить, где хочу. Но я лишился своих пациентов и всего имущества, а там были прекрасные вещи. Чего стоили одни мои книги! Вот и еще одна моя причина ненавидеть капу Разо, да падет погибель на его голову!

– Проклятье! – произнес Локки. – Мастер Ибелиус, не оставите ли нас с Жеаном на несколько минут? Нам нужно наедине обсудить один сугубо личный вопрос. Поверьте, это крайне важное дело. Так что примите мои извинения...

– Не стоит, молодой человек, абсолютно не стоит извиняться, – Ибелиус поднялся с места и тщательно отряхнул свой кафтан. – Я буду неподалеку, если понадобится. Пойду подышу свежим воздухом. Ночная прохлада очень благотворно действует на кровеносные сосуды и отлично восстанавливает жизненные соки в организме.

Когда старый лекарь скрылся за занавеской, Локки пробежался пальцами по своим засаленным волосам и застонал.

– О боги, как же мне хочется принять ванну! Да что ванна – сейчас я бы согласился просто полчаса постоять под дождем. Жеан, для войны с Разо нам требуются средства. Этот мерзавец сунул к себе в карман наши сорок пять тысяч, а мы остались с жалкими десятью кронами. Нам нужно срочно оживлять игру с доном Сальварой... хотя, боюсь, пока я тут валялся без сознания, все безвозвратно погибло.

– Как сказать, – усмехнулся Жеан. – Пару дней назад мне пришлось потратиться на чернила и письменные принадлежности, зато я отправил с посыльным записочку дону Сальваре. Естественно, от имени Грауманна. Написал, что тебе на некоторое время пришлось отлучиться по одному деликатному делу.

– Правда? – у Локки был вид человека, которого привели на эшафот только для того, чтобы извиниться перед ним и вручить мешок с золотом. – Не шутишь? Ты действительно это сделал? Да благословят тебя боги, дружище! Я бы расцеловал тебя в обе щеки, но уж больно ты грязный – почти

такой же, как я.

Вскочив, Локки принялся лихорадочно расхаживать по комнате. Ноги еще плохо слушались его, но возбуждение не позволяло усидеть на месте. Он вынужден, как крыса, отсиживаться в этой дыре! Его лишили всего, что долгие годы складывалось по капельке. Пропал его бесценный гардероб и ящик с гримировальными принадлежностями. Теперь у Благородных Подонков нет ни дома, ни тайника, ни самой банды. Пришел Разо и все это отнял.

И это еще не все. Пропала важная документация, касающаяся его сотрудничества с конторой Мераджио – бумаги, выписанные на имя Лукаса Фервита, Эванте Эккари и прочих вымышленных лиц. Сверток с документами хранился все в том же тайнике с золотыми монетами. На этих счетах остались сотни и сотни крон, и теперь они потеряли доступ к этим деньгам. И там же лежали ключи от Бушпритового номера, где в дубовом шкафу аккуратно висят эмберлинские костюмы Лукаса Фервита. Искусным мастерам по хитрым замкам придется потратить немало времени, чтобы вскрыть номер без специального кода к часовому запирающему механизму.

– Хрен! – негодовал Локки. – Нам ни до чего не добраться. Просто тупик какой-то! Деньги нужны позарез, и они есть у дона Сальвары – приходи и бери. Но для этого необходима подобающая экипировка: приличный костюм, масло для волос и прочие мелочи. Лукас Фервит обязан выглядеть как

Лукас Фервит. А я не могу сотворить это чудо, имея в кармане десять крон!

В самом деле, на гардероб и принадлежности, необходимые для продолжения игры, требовалось около сорока полновесных крон – и это не считая великолепных очков в перламутровой оправе. Даже опытному вору не так-то просто в одночасье раздобыть на улицах Каморра такую сумму. А потом еще надо проникнуть в один из магазинов модной одежды, куда поставляют свои изделия высококлассные портные. Подобные заведения напоминают неприступные крепости и располагаются в той части города, где «желтые куртки» рыщут не взводами, а целыми батальонами.

– Пропади все пропадом! Как ни горько признавать, но я бессилён, – продолжал Локки. – Все упирается в эти чертовы шмотки. Одежда, одежда, одежда... Казалось бы, такая ерунда!

– Послушай, у нас есть десять крон, а это чего-нибудь да стоит, – попытался урезонить его Жеан. – Мы целый месяц можем питаться досыта на один серебряный.

– Да, это уже что-то... – Локки тяжело опустился на свой тюфяк и остался сидеть, горестно подпершись кулаком. На лице его было написано все то же сосредоточенное отчаяние, которое запомнилось Жеану с детства. Некоторое время спустя Локки поднял на него взгляд и сказал со вздохом:

– Поскольку я уже в состоянии ходить, возьму у тебя завтра семь или восемь крон и отправлюсь в город.

– В город? У тебя возник план?

– Нет у меня никакого плана. Ни малейшего намека на плодотворную идею. Но, с другой стороны, разве все наши гениальные игры не начинались подобным образом? Я верю, что выход найдется... и вот тогда уж я позволю себе быть неосмотрительным.

Интерлюдия. Маги белого золота

Каморрская мудрость утверждает, что разницу между честной и нечестной коммерцией установить легко – честный торговец, разорив конкурента, не станет возвращаться, чтобы перерезать ему глотку.

Подобное утверждение делает честь остроумию каморрцев, но незаслуженно бросает тень на обитателей улицы Поцелуй-Монетку. А ведь здесь живут поколения купцов, маклеров и финансистов, чьи многовековые усилия помогли возродить из руин Теринского Престола Каморр и прочие города-государства. И не только возродить, но и поднять до уровня, весьма близкого к процветанию... по крайней мере, некоторые слои теринского населения вполне могут называть себя процветающими.

Рядовым гражданам трудно даже представить масштаб операций, вершащихся на улице Поцелуй-Монетку. Стоит какому-нибудь здешнему финансисту перекинуть пару косяшек на своих счетах, и вслед за этим летят секретные депеши в Лашен, а там уже снаряжаются четыре галеона, на которых трудятся три сотни моряков. Эти корабли отправляются в далекое плавание к эмберлинским берегам с грузом на фантастические суммы. Сотни купеческих караванов бороздят континент, идут на север и на юг. И все это – в строгом соответствии с планами хорошо одетых людей, которые

сидят за тысячи миль на улице Поцелуй-Монетку и между делом, прихлебывая чай, плетут паутину коммерческих операций.

Впрочем, это лишь одна, видимая часть пирамиды. Но эта система гораздо шире. Есть еще шайки разбойников, которые дежурят в условленном месте и поджидают нужные караваны определенных торговцев. Товары бесследно исчезают в пути, и никто не может найти концов. Сотни неофициальных переговоров ведутся шепотом в задних комнатах торговых контор. Тысячи крон переходят из рук в руки, не отражаясь ни в одном гроссбухе. Существуют черные алхимики и наемные убийцы, а также десятки бандитских группировок, которые тоже задействованы в бизнесе. О боги, у любого закружилась бы голова, загляни он в этот тайный мир мошенничества, ростовщичества и подпольных спекуляций! Здесь проводятся столь сложные и запутанные комбинации, что им и названия не придумано. Деньги, контракты, расписки меняют владельцев, участвуя в хитрых финансовых махинациях. Контрмагам с их детским колдовством нечего ловить на улице Поцелуй-Монетку – перед лицом здешнего изощренного коварства им остается лишь развести руками и с позором удалиться.

Имя этому таинственному миру – Торговля. И если говорить о Каморре, то всякий раз, когда речь заходит о коммерции (честной или нечестной), всякий раз, как планируются особо крупные операции, на ум приходит одно и то же имя

– Мераджио.

Джанкано Мераджио являлся седьмым по счету в своем славном роду: его семья вот уже два с половиной столетия держало банковскую контору на улице Поцелуй-Монетку. Впрочем, есть ли смысл запоминать имя Джанкано? Неважно, как тебя зовут, если ты один из Мераджио. Просто Мераджио из Дома Мераджио. Эта фамилия давно уже стала символом могущества в деловом мире.

Основа благоденствия семьи была заложена благодаря такому, казалось бы, неожиданному случаю, имевшему место много лет назад: герцог Страволи Каморрский неожиданно умер во время визита в Тал-Верарр. Николе Мераджио, владелица торгового судна, ухитрилась первой узнать новость и извлечь из нее выгоду. На борту своего быстроходного брига она примчалась в Каморр и, пока никто ничего не знал, скупила все запасы черного траурного крепа. Ее вложения – а вложила она все до последнего медяка – полностью оправдались, ибо уже через несколько дней похоронная комиссия откупила у нее всю ткань по запредельным ценам. Полученную прибыль Николе употребила на покупку небольшой кофейни на набережной канала, которая впоследствии и была переименована (в известной степени благодаря ее клану) в улицу Поцелуй-Монетку.

Приобретенное здание, ставшее вывеской богатства и стабильности семьи Мераджио, постоянно росло и переделывалось – обзаводилось новыми пристройками, какими-то га-

лереями и складами, поглощало близлежащие строения, вытесняя конкурентов, подобно тому, как голодный птенец кукушки выталкивает из гнезда более слабых собратьев.

Первые Мераджио активно занимались торговлей и спекуляцией. Они на всех углах кричали, что умеют выжать из вложенных средств больше прибыли, чем все их соперники. Отаво Мераджио, третий в роду, был знаменит тем, что на протяжении целого года ежедневно отправлял нарядно украшенное судно в самую глубокую часть Каморрского залива и там сбрасывал на дно пятьдесят золотых тиринов. «Я могу себе это позволить, – хвастливо заявлял Отаво, – ибо все равно в конце каждого дня у меня будет больший доход, чем у Любого из наших аристократов».

Впоследствии Мераджио переключились на банковское дело. Члены семейства решили, что вкладывать свои кровные деньги в сомнительные предприятия не так надежно, как хранить их под замком, накапливать и давать в долг под проценты. Они первыми осознали, что выгоднее облегчать деятельность другим, чем трудиться самим. В результате нынешний Мераджио по имени Джанкано сидел в самом центре сложнейшей финансовой паутины, опутавшей все теринские города-государства. Его подпись на клочке пергамента была не менее весома, чем боевая армия или, скажем, военная эскадра.

Недаром говорят, что в Каморре правят два герцога – Никованте, герцог Стекла, и Мераджио, герцог Белого Золота.

Глава 13. Орхидея для наемного убийцы

1

На следующее утро Локки стоял перед входом в банк Мераджио. Огромные вераррские водяные часы в фойе только-только прокапали десять. Солнце лило свой свет с нежно-голубого безоблачного неба. На Виа Каморрацце кипело оживленное движение, грузовые баржи и прогулочные лодки сражались за каждый кусочек свободного пространства.

Жеану пришлось расстаться с одной из своих крон ради приведения Локки в мало-мальски приличный вид. Волосы его по-прежнему оставались седыми, но вместо прежней всклокоченной бороды красовалась изящная эспаньолка по последней моде – само собой, тоже накладная. Его новый костюм вполне мог принадлежать писцу или курьеру из преуспевающей конторы. Конечно, не высший разряд, но вполне прилично.

Банк Мераджио представлял собой четырехэтажное скопище архитектурных причуд, имевших место за минувшие два с половиной столетия. Здесь можно было увидеть и пор-

тики, и стрельчатые окна, и фрагменты каменных и деревянных фасадов. Здание опоясывали несколько внешних галерей с сидячими местами для посетителей – они тоже вносили свою ноту в убранство строения. Шелковые навесы на этих галереях повторяли собой все цвета каморрских монет: рыжевато-коричневый оттенок меди, серебристо-серый и молочно-белый серебра разной пробы и конечно же, золото – ярко-желтое обычное и чуть зеленоватое белое. Перед банком прохаживались сотни мужчин, подобных Лукасу Фервиту, деловых людей, одетых в великолепные камзолы от модных портных. Каждый из этих нарядов стоил примерно столько же, сколько зарабатывает за год семья обычного рабочего.

Не успел Локки приблизиться к дверям банка, как многочисленные охранники устремились к нему, словно потревоженный пчелиный рой. С ними соревновались в прыти несколько «желтых курток», которые, оставив патрулирование набережной канала, быстрым шагом двинулись в сторону наглеца, посмеявшего потревожить покой финансовой цитадели. Все боролись за право вышибить ему мозги своими дубинками.

В кошельке у Локки болтались семь полновесных крон, восемь золотых тиринов и пара серебряных солонов. Благородный Подонок был совершенно безоружен и имел слабое представление о том, что ему говорить или делать, если его план – весьма сомнительный – встретит препятствия.

– Лукавый Хранитель, – молился он шепотом, – я собираюсь войти в этот банк и получить то, в чем нуждаюсь. Мне необходима твоя помощь. Помоги, если сможешь! Если же не сможешь... то и хрен с тобой. Я все равно получу то, что хочу.

Высоко вскинув голову и гордо выпятив подбородок, Локки начал подниматься по лестнице.

2

– Секретное сообщение для Кореанда Превина, – бросил он охранникам в фойе, стряхивая капли дождя с прически. Их было трое – все одетые в малиновые бархатные куртки, черные бриджи и черные шелковые рубашки. И хотя позолоченные пуговицы сияли парадным блеском, рукояти висящих у пояса кинжалов были потерты от частого использования.

– Превин, Превин... – задумчиво повторил один из охранников, просматривая список в кожаной папке. – Ага, вот – публичная галерея, стол номер пятьдесят пять. Вроде у нас ничего нет на этого типа... можешь пройти, парень. Куда идти-то, знаешь?

– Да, я бывал здесь раньше, – кивнул Локки.

– Отлично, – охранник спрятал папку и достал пергамент-

ный свиток, не забыв подложить под него грифельную доску для твердости. Обмакнув перо в чернильницу, он поинтересовался: – Имя, район?

– Таврин Каллас, – отвечал Локки. – Из Северного Угла.

– Писать-то умеешь?

– Никак нет, господин.

– Тогда просто черкани здесь что-нибудь.

Он протянул свиток Локки, и тот послушно поставил крестик против записи «ТАВРЕН КАЛЛУС». Похоже, в охранники набирали не самых видных грамотеев.

– Можешь идти.

Публичная галерея располагалась на главном этаже банковского здания. Она вся была уставлена столами и конторками, за каждой из которых сидел адвокат, торговый представитель, кассир, клерк или еще кто-нибудь из служащих. Все они арендовали рабочие места у банка Мераджио, приходя сюда либо ежедневно, либо в определенные дни недели. Тут же толпилось множество клиентов – они о чем-то говорили, жарко спорили или терпеливо дожидались своей очереди. Солнечные лучи, проникая через застекленную крышу, освещали галерею; шум дождя смешивался с гулом, царившим в зале.

По обе стороны от галереи тянулись многоярусные балконы с медными перилами, на которых расположился руководящий персонал – представители высшей деловой элиты Каморра. Номинально эти люди входили в правление банка.

Практическую власть Мераджио уверенно держал в своих руках, но обеспечивал своим «коллегам» весьма существенные привилегии высокого положения, как в буквальном, так и в переносном смысле.

И повсюду, в каждом уголке банка, стояла охрана – крепкие молодые люди в расслабленных позах, но с цепкими взглядами. По этажам сновали официанты в длинных темно-красных передниках поверх черных костюмов – в задней части здания была устроена кухня и великолепный винный погреб, чьим запасам могла бы позавидовать любая таверна. Клиенты банка – занятые люди, они не могут прерывать переговоры, чтобы сходить пообедать. Порой некоторые из них фактически жили здесь, отлучаясь домой только поспать, помыться и переодеться – да и то лишь после закрытия банка.

Сохраняя на лице холодное самоуверенное выражение, Локки пробрался по галерее к столу номер пятьдесят пять. Кореанд Превин был адвокатом, который несколько лет назад помог Эванте Эккари открыть легальный счет в банке Мераджио. Помнится, он тоже был невысоким худощавым человеком, и Локки на ходу молился, чтобы за прошедшее время господин Превин не превратился в толстого обжору, а то всякое случается...

Его опасения оказались напрасными. Кореанд Превин, все такой же подтянутый, вопросительно поднял на него глаза.

– Чем могу вам помочь?

Локки критическим взглядом окинул свободный, небрежно распахнутый камзол адвоката. Он был изжелта-зеленого цвета, с золотой вышивкой на ярких пурпурных манжетах и планках. Превин обладал отменным вкусом относительно покроя одежды, но что до подбора цветов... То есть жгучему брюнету или пронзительно-рыжему они и пришлись бы к лицу, но уж никак не Превину – и не Локки с его неброским колоритом.

– Разрешите представиться, мастер Превин, – вкрадчиво начал Локки. – Мое имя Таврин Каллас, и, к сожалению, у меня возникла весьма специфическая проблема. Вы могли бы помочь мне в ее решении, хотя должен предупредить, что это выходит за рамки ваших обычных обязанностей.

– Послушайте, уважаемый, я адвокат и не могу терять время попусту, – в тоне Превина прозвучало легкое нетерпение. – Вы желаете стать моим клиентом?

– То, что я желаю, – не смущаясь, ответил Локки, – принесет вам как минимум пять полновесных крон не позднее сегодняшнего вечера.

В его вытянутой руке как бы невзначай появилась монета из белого золота – простой фокус, к тому же не слишком чисто исполненный. Но Кореанд Превин, похоже, вообще не был знаком с искусством иллюзионистов. Брови его поползли вверх.

– Ясно... Слушаю вас внимательно, мастер Каллас.

– Вот и отлично. От души надеюсь, что вы войдете в мое

положение. Видите ли, мастер Превин, я являюсь официальным представителем некоего торгового объединения, чье имя, при всем моем доверии к вам, мне не хотелось бы называть. Я родился в Каморре, но долгое время жил в Талишеме и прибыл сюда для заключения важных контрактов. Сегодня вечером мне предстоит встретиться за обедом с будущими партнерами – кстати, один из них ставит перед своим именем «дон», – дабы обсудить все подробности. Очень, очень важная встреча... Представьте себе, каково же было мое смятение, когда, проснувшись сегодня поутру, я обнаружил, что стал жертвой ограбления.

– Ограбления? Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду свой гардероб! – горестно воскликнул Локки. – Пока я спал, неведомый вор украл всю мою одежду и прочие пожитки. Хозяин же гостиницы – будь он проклят! – отказывается отвечать за это преступление. Он утверждает, что я, должно быть, позабыл запереть дверь.

– Я могу порекомендовать вам адвоката, опытного в подобных делах, – с этими словами Превин открыл ящик стола и принялся копаться в лежавшей там куче свитков. – Есть смысл выдвинуть обвинение против хозяина гостиницы в суде по гражданским делам. Вы наверняка выиграете, особенно если заручитесь показаниями дежурного офицера. Это займет дней пять-шесть. А я мог бы составить необходимые документы и...

– Простите меня, мастер Превин. То, что вы говорите, вы-

глядит очень разумным. Я нисколько в этом не сомневаюсь и в других условиях, не задумываясь, поручил бы вам подготовить все необходимое. Но у меня нет этих пяти или шести дней. Боюсь, что мой ресурс времени исчерпывается часами. Обед, мастер Превин, должен состояться сегодня вечером.

– Н-да, – задумался адвокат. – А вы не могли бы его пере-назначить? Уверен, что при таком неожиданном... я бы даже сказал, несчастливом стечении обстоятельств ваши коллеги все поймут.

– Увы, это невозможно! Подумайте сами, мастер Превин, как я могу рассказать о подобном? Кто доверит десятки тысяч крон человеку, который не уберег собственную одежду? Я... мне и самому неловко. Все идет к тому, что контракт попросту уплывет из моих рук. Тем более, что аристократ, которого я упомянул, он... как бы это сказать... несколько эксцентричен. Он ненавидит всяческие осложнения. Боюсь, перенос обеда настолько его отпугнет, что он больше не захочет со мной встречаться.

– Понимаю, мастер Каллас. Возможно, что ваши опасения оправданы. В конце концов, кому, как не вам, судить о характере ваших партнеров. Но позвольте спросить, чем же тогда могу помочь вам я?

– Видите ли, мастер Превин, мы с вами одного размера, – поколебавшись, заявил Локки. – И я восторгаюсь вашим безупречным вкусом в отношении одежды. Мое предложение заключается в следующем: вы одолжите мне подходящий ко-

стюм со всеми соответствующими принадлежностями. Только на один вечер! Я же оставлю вам пять крон в залог того, что с вашими вещами ничего не случится. По окончании обеда я верну вам ваши вещи, а залог останется у вас в качестве благодарности.

– Я правильно вас понял? Вы хотите, чтобы я дал вам в долг свой костюм?

– Да, мастер Превин, я был бы вам очень обязан. Согласившись, вы окажете мне неоценимую услугу. И не только мне, но и моим хозяевам. А их благодарность дорого стоит.

– Хм-м, – Превин задвинул ящик стола и теперь сидел, задумчиво поглаживая подбородок. – Сумма, которую вы предлагаете мне в качестве благодарности, составляет примерно одну шестую от стоимости костюма, который вы хотите получить. То есть самое большее одну шестую.

– О, уверяю вас, мастер Превин – я исключительно аккуратный человек. Со мной никогда не происходит неприятностей, если не считать проклятой кражи в гостинице. И я буду следить за вашей одеждой так, будто от этого зависит сама моя жизнь... да, собственно, так оно и есть. Если я провалю переговоры, боюсь, мне придется проститься с местом.

– Все это... достаточно неожиданно, мастер Каллас. Обычно о таких вещах не просят. Как, вы говорите, называется ваша компания?

– Мне очень неловко, мастер Превин, но я не могу ответить вам. Не хочу, чтобы мои личные проблемы бросали тень

на людей, с которыми я работаю. Поймите меня правильно, все члены нашей компании имеют определенные обязательства.

– Я все прекрасно понимаю, мастер Каллас. Но и вы должны понимать, что ни один здравомыслящий человек не отдаст костюм стоимостью в тридцать крон незнакомцу, который предлагает всего пять крон. Мне нужны еще какие-то гарантии помимо ваших чистосердечных уверений. Простите, но так подобные дела не делаются.

– Что ж, раз вы настаиваете... Я служу в Западном отделении Торгового дома Стального моря, зарегистрированном в Тал-Верарре.

– Торговый дом Стального моря? – Превин открыл еще один ящик стола и быстро просмотрел стопку бумаг. – У меня тут справочный указатель Мераджио за текущий год, семьдесят восьмой Азы Гуиллы. Так, посмотрим... Тал-Верарр... Простите, мой господин, но такая компания в моем справочнике не числится.

– О черт, как же я мог забыть! – ударил себя по колену Локки. – Мы объединились только во втором месяце года и, очевидно, не успели попасть в списки. Вы же знаете, это такая волокита...

– Я вам искренне сочувствую, мастер Каллас, – прервал его адвокат. – Поверьте, это действительно так, однако я нахожу ваше предложение совершенно неприемлемым для себя. Боюсь, я не смогу помочь вам... Буду молиться, чтобы

вы сумели договориться со своими партнерами.

– Умоляю вас, мастер Превин. Пожалуйста...

– Наша беседа окончена.

– Все, мне конец, – Локки в отчаянии заломил руки. – Вы лишаете меня последней надежды! Как мне убедить вас?

– Я адвокат, мастер Каллас, а не ростовщик. Повторяю, наш разговор окончен. Желаю удачи и... хорошего дня.

– Возможно, мы могли бы как-то договориться...

Превин потянулся за маленьким медным колокольчиком, лежавшим на краю стола, и трижды позвонил в него. Тут же в конце зала замаячили фигуры охранников. Локки со вздохом сгреб со столешницы свою крону.

– Будьте добры, проводите этого господина, – обратился адвокат к крепкому парню, который нарисовался за спиной у надоедливого просителя. – И, разумеется, без грубостей...

– Как скажете, мастер Превин. Следуйте за мной, господин.

По меньшей мере трое парней в малиновом бархате помогли «господину» подняться из кресла и весьма энергично препроводили его в коридор. После короткой пробежки Локки миновал фойе и очутился на ступеньках. Дождь к тому времени окончился, и весь город был наполнен запахом свежeweымытых камней.

– Советую вам больше у нас не появляться, – сказал на прощание один из охранников. Вся троица внимательно наблюдала за ним, пока Локки медленно спускался по лестни-

це – мимо безразличных посетителей, спешивших в банк, мимо компании «желтых курток», которые с интересом следили за развернувшейся сценой.

– Проклятье, – пробормотал Благородный Подонок и быстрым шагом направился в северо-западную часть города. – Пожалуй, следует отправиться в Виденцу и заняться поисками портного...

3

Водяные часы возвестили полдень, когда Локки снова появился у подножья лестницы, ведущей в банк Мераджио. Прежний костюм Таврина Калласа, выдержанный в светлых тонах, исчез без следа. Теперь Локки был одет в темно-серый недорогой дублет, черные бриджи из плотного хлопка и черные чулки. Серые волосы скрылись под черным бархатным беретом, с бородкой тоже пришлось распрощаться, что, кстати, оказалось весьма болезненным процессом – Локки поклялся впредь постоянно носить с собой растворитель для косметического клея. На смену бородке пришли роскошные накладные усы. В руках Локки сжимал свернутый в трубку пергаментный свиток, а в речи его появился легкий талишемский акцент. В таком виде он и предстал перед охраной в фойе.

– Мне необходима помощь адвоката, – сообщил Локки. – Я пока еще ни с кем не договаривался, знакомых у меня тут нет, так что я согласен подождать первого освободившегося мастера.

– Значит, адвокат, – все тот же утренний охранник снова сверился с кожаной папкой. – Пожалуйста, Даниэла Монтегю, публичная галерея, стол номер шестнадцать. Или, может быть, Этьен Акало, тридцать шестой стол. Увидите, там есть зал для ожидания, он отгорожен медными перилами.

– Благодарю вас, вы очень любезны.

– Имя, район?

– Гальдо Аврильяни, – ответил Локки. – Я из Талишема.

– Ясно. Писать умеете?

– А как же, господин! Практически все время, когда не с похмелья.

Охранник с папкой поднял на него удивленный взгляд, его товарищ за спиной у Локки понимающе хохотнул. На лице у главного отразилось запоздалое просветление, однако поддержать шутку он не пожелал.

– Поставьте свою подпись, мастер Аврильяни, – хмуро сказал он.

Взяв предложенное перо, Локки расписался рядом с корявой записью «ГАЛЛДО АВРЕЛЬЯНЕ» и, дружески кивнув на прощание, прошествовал внутрь.

Он снова поднялся на публичную галерею, где утром потерпел столь сокрушительное фиаско. Но вместо того, чтобы

усесться на места для ожидающих (за медными перилами, как и говорил охранник), он быстрым шагом прошел к банковскому клерку за столиком номер двадцать два. Тот сидел один, без посетителей, и что-то сосредоточенно царапал на клочке пергамента. Локки занял место в кресле напротив и деликатно откашлялся.

Молодой человек поднял взгляд. Это был каморрец, тонкий в кости, с зачесанными назад темно-каштановыми волосами и слегка удивленным взглядом за стеклами очков. Одет он был в камзол кремового цвета с плотной иссиня-лиловой вышивкой, заменявшей контрастную оторочку планок и манжет. Вышивка была на два тона темнее жилета, рубашка же имела оттенок небеленой шерсти, перекликаясь с камзолом. Присборенный галстук на шее молодого человека был украшен кремовыми разводами по темно-лиловому фону. На взгляд Локки, вместе это смотрелось излишне претенциозно. К тому же молодой человек был несколькими дюймами выше его самого, но как раз эту проблему было нетрудно разрешить.

– Что вы скажете, если в вашем кармане прямо сегодня появятся лишних пять монет из белого золота? – завел беседу Локки своим самым благожелательным тоном, в котором явственно слышалось «простите-я-не-из-вашего-города».

– Я... пять монет... Простите, господин, вы ставите меня в неловкое положение. Может быть, вы представитесь и объясните, какого рода услугу ждете от меня?

– О да, – кивнул Локки. – Мое имя Гальдо Аврильяни, я из Талишема.

– Очень приятно. Вы что-то сказали про пять крон? Должен заметить, что обычно за свои услуги я беру много меньше... но тем не менее готов выслушать вас. Чем могу быть полезен?

– Видите ли... то, что мне от вас нужно, не имеет никакого отношения к вашим профессиональным качествам, уважаемый мастер...

– Магрис, Арманд Магрис, – представился клерк. – Но я не вполне понимаю вас. Вы не знаете моего имени и не нуждаетесь в моих...

– Еще раз повторяю: белое золото, – и Локки проделал тот же фокус, что перед столом Кореанда Превина. Монета, как по волшебству, выскочила у него между костяшками правой руки, да так и застыла. Увы, Локки так и не научился перекатывать монетку между пальцами, как это делали близнецы Санца. – Пять монет из белого золота за весьма необременительную услугу... хотя, возможно, и необычную.

– В каком это смысле?

– Видите ли, мастер Магрис, совсем недавно меня постигло страшное несчастье. Я являюсь торговым представителем компании «Стролло и сыновья» – самой известной кондитерской фирмы Талишема, поставщика конфет и других сладостей. Некоторое время назад я сел на корабль у себя на родине и отправился в Каморр. Моей целью были перегово-

ры с потенциальными клиентами, должен заметить, весьма влиятельными персонами. Могу сообщить вам по секрету – это двое аристократов со своими женами, которые хотели бы разнообразить свой стол нашей продукцией.

– Так вам угодно, чтобы я подготовил какие-то бумаги для предстоящих контрактов? – поинтересовался клерк.

– О-о, все не так тривиально, мастер Магрис... далеко не так. Молю вас запастись терпением и выслушать до конца историю моих злоключений. Итак, я отправился морем в Каморр, прихватив с собой несколько тюков Жукажа. В них была коллекция образцов наших сладостей – великолепнейшие лакомства, о каких каморрские кондитеры могут только мечтать. Представьте себе полый леденец с алхимической помадкой внутри. Или коричные пирожные с глазурью на аустерсхолинском коньяке... Ах, чудесно, чудесно! Предполагалось, что все это богатство я представлю на обеде с будущими клиентами, так сказать, для пробы. Если бы я назвал вам суммы, которые были потрачены на подготовку этих пиров... о-о! Поверьте, речь идет о заключении исключительно важного контракта!

– Ничуть не сомневаюсь, уважаемый, – поддакнул клерк. – Должно быть, очень приятная работа.

– Так, по крайней мере, предполагалось, – вздохнул Локки. – Однако случилось несчастье. Видите ли, корабль оказался весьма удобным и быстроходным, как мне и обещали. Но, к сожалению, выяснилось, что он буквально наводнен

крысами.

– О боги! Вы хотите сказать...

– Именно так. Все мои образцы – драгоценные кондитерские изделия, которые я вез с собой, – находились в легкой упаковке, что сильно облегчило задачу прожорливым тварям. Они изгрызли и загадили весь товар.

– Я вам искренне сочувствую, – покивал Магрис. – Но все же никак не могу взять в толк, чем способен помочь.

– Понимаете, мой гардероб хранился рядом с образцами... И в этом главный ужас моего положения. Вся моя одежда представляет собой печальное зрелище – изгрызена и испачкана крысиным пометом... прошу простить мою неделikatность! В общем, она безвозвратно погибла. Как видите, для путешествия я оделся весьма скромно... и в настоящий момент это все, что у меня осталось.

– Да, незавидное положение, – посочувствовал клерк. – А ваша компания имеет счет в нашем банке? В таком случае вы могли бы приобрести новый комплект одежды.

– Увы, нет, – вздохнул Локки. – Мы говорили об этом, я долго убеждал хозяев, но все напрасно. И вот результат: у меня нет возможности обновить гардероб, а обед назначен на сегодняшней вечер – время поджидает. Пусть все наши образцы пропали, но я мог бы, по крайней мере, присутствовать на обеде и принести свои извинения. Меньше всего мне хочется обижать своих потенциальных клиентов. Тем более, что один из них весьма своеобразный человек – капризный и

привередливый. Я бы даже сказал, очень капризный и привередливый. Если я его подведу, беды не миновать – он не поленился оповестить всех, что фирма «Стролло и сыновья» не заслуживает доверия. Это будет такое пятно на всей нашей репутации...

– И не говорите! Кое-кто из нашей знати весьма узко смотрит на вещи. Но простите, госпрдин, я все еще не могу понять, какого рода помощи вы от меня ждете.

– Дорогой мастер Магрис, мы с вами примерно одного сложения, и это видится мне большой удачей. К тому же я очень высоко ценю ваш вкус – он безупречен. Скажу больше, мы с вами словно давно потерявшиеся братья, настолько совпадают наши пристрастия в отношении линии и цвета. Правда, вы чуть-чуть повыше меня, но в случае необходимости этим можно пренебречь. Поэтому, если вы действительно хотите мне помочь, то я бы просил вас... нет, я бы умолял вас одолжить мне комплект своей одежды. Обед с аристократами назначен на сегодняшний вечер, помогите мне выглядеть достойно. Спасите наше доброе имя – мое и моих хозяев!

– Я правильно вас понял? Вы хотите... хотите позаимствовать мой камзол и бриджи, а также чулки, туфли и прочие принадлежности?

– Именно так, – подтвердил Локки. – И со всей ответственностью обещаю, что буду беречь ваш костюм до последней ниточки, словно это последний костюм на всем белом

свете. Чтобы подтвердить свои гарантии, я дам вам обещанные пять крон – так сказать, в качестве залога. А потом, когда я верну ваши вещи обратно, вы можете оставить деньги себе. Полагаю, эта сумма составляет ваше месячное жалование, а то и более. Неплохая награда за такую, в сущности, несложную услугу.

– С этим трудно спорить, сумма выглядит привлекательно. Однако согласитесь, что ваше предложение довольно необычно, – казалось, клерк делает над собой усилие, чтобы не начать улыбаться во весь рот. – Вы и сами должны это понимать.

– Прекрасно понимаю. Но вы же не заставите обвинять вас в бездушии! Я готов встать перед вами на колени, мастер Магрис. На карту поставлено не только мое место в фирме, но и честное имя самой компании.

– Нисколько не сомневаюсь, господин Аврильяни. Какая жалость, что крысы не говорят по-терински. Они бы обеспечили вам превосходное алиби.

– Шесть крон, – скрепя сердце, поднял цену Локки. – Я умоляю вас, мастер Магрис!

– «Пик-пик-пик» – вот все, что они могут сказать. А какие бы это были кругленькие, жирненькие свидетели! Они дали бы показания и снова вернулись на борт талишемского судна, завершать свое пиршество. Ваш Стролло с сыновьями получили бы самых верных работников. Хотя, пожалуй, для настоящих дел они мелковаты...

– Мастер Магрис, но это же...

– Сознайтесь: вы ведь вовсе не из Талишема?

– Пожалуйста, мастер Магрис!

– Это всего лишь очередная небольшая проверка Мераджио! Вроде той, на которой в прошлом месяце посыпалась бедная Вьелла, – Магрис больше не мог сдерживать смеха. Судя по всему, он был чрезвычайно доволен собой и своей проницательностью. – Можете доложить Мераджио, что моя порядочность устояла против соблазна в шесть крон. Так и сообщите: Арманд Магрис никогда не опозорит его предприятие участием в подобных авантюрах. А заодно передайте ему мои наилучшие пожелания.

Это было отнюдь не первое разочарование в жизни Локки, поэтому ему удалось в корне придавить желание одним прыжком взлететь на стол и придушить этого идиота-клерка. Тяжело вздохнув, Локки отвел глаза от несчастного Магриса, посмотрел по сторонам... и где-то на уровне галереи второго этажа увидел самого Мераджио.

На Джанкано Мераджио был прилегающий в талии распахнутый камзол из тончайшего бархата – по последней моде и явно сшитый мастером высокого класса. Манжеты и планки на нем были сделаны из мерцающей тафты, серебряные пуговицы с «алмазной огранкой» взблескивали в самых неожиданных местах. Бриджи и сам камзол были того глубокого, насыщенного темно-синего оттенка, какой имеет каморрское небо перед появлением Лжесвета, а шейный пла-

ток, уложенный каскадом складок и сколотый звездочкой из темного хрустала – из той же мерцающей ткани, что и отделка камзола. Немного банально, о да, однако весь ансамбль свидетельствовал о тонком вкусе и солидном достатке владельца, даже о богатстве, но без кичливой и вычурной роскоши недавних богачей. Даже не зная Мераджио в лицо, Локки ни на секунду не усомнился в том, что перед ним сам хозяин банка. Об этом свидетельствовала приколотая справа на груди орхидея – единственная деталь, которая вносила оживление в изысканный и строгий наряд.

Вокруг него суетилась толпа секретарей и советников. Они поминутно закрывали фигуру Мераджио, но Локки все же сумел рассмотреть, что рост и вес банкира близки к его собственным.

В его голове мгновенно созрел план, явился ниоткуда и сразу же завладел мыслями Локки – подобно тому, как абордажная команда в мгновение ока захватывает намеченный корабль. План был гениален и настолько прост, что казалось невероятным, как он мог не возникнуть раньше.

– Сдаюсь, мастер Магрис, вы меня переиграли, – отбросив ненужный уже талишемский акцент, Локки дружески улыбнулся клерку. – Готов признать, что такой проницательный противник мне не по зубам. Похоже, вы слишком умны, чтобы попасться в ловушку. Примите мои поздравления. Вы повели себя абсолютно правильно и с честью прошли проверку. Я обязательно доложу об этом Мераджио, причем немед-

ленно. Позвольте откланяться...

4

В задней части здания банка имелся служебный вход, которым пользовались для доставки продуктов на склад и кухню. Он вел в просторное помещение, где обычно отдыхали официанты между сменами; для новичков это были считанные минуты, в то время как старшие официанты выкраивали по целых полчаса, чтобы перекусить и отдохнуть. Этот вход охранял единственный стражник, да и тот стоял в скучающей позе, прислонившись к стене и позевывая. Оживился он лишь при виде приближающегося Локки.

– Что за дело? – рявкнул он.

– Ничего особенного, – ответил Локки. – Просто хотел поговорить с кем-нибудь из официантов или с кухонным распорядителем.

– Тут тебе не городской бульвар. Ступай болтать в другом месте.

– Да ладно тебе, приятель. Всегда можно договориться, – примиряющим тоном проговорил Локки. В подтверждение своей точки зрения он снова показал фокус с монетой – на сей раз это был серебряный солон, который благополучно перекочевал в руки охранника. – Я просто ищу работу. Хочу

поговорить об этом с кем-нибудь из здешних, кто сейчас свободен. Увидишь, я никому не помешаю.

– Ладно, смотри поаккуратнее там, – смилостивился охранник. – И чтоб недолго!

Локки прошел в зал – совсем простой, с низкими потолками и не слишком свежим воздухом. С полдюжины официантов стояли по углам или прохаживались туда-сюда. Кто-то прихлебывал чай из кружки, остальные просто наслаждались краткими минутами, когда можно на законных основаниях ничего не делать. Окинув их быстрым взглядом, Локки выбрал ближайшего мужчину лет тридцати с лишним, вполне удовлетворившего его по своим внешним данным, и быстрыми шагами приблизился к нему.

– Мне нужна ваша помощь, – проговорил он вполголоса. – Это не займет много времени и принесет вам пять крон.

– Какого черта! Кто вы такой?

Локки схватил официанта за руку и сунул ему в ладонь золотую монету. Тот испуганно отдернул руку и лишь потом рассмотрел, что в ней находится. От удивления глаза у него полезли на лоб.

– Идемте на улицу, – сказал Локки. – Нам надо поговорить.

– О боги, мы уже разговариваем, – пролепетал официант, лысеющий человек с отечным лицом.

Они вышли через служебную дверь и остановились в сорока футах от охранника – так, чтобы тот не мог подслушать

их разговор.

– Я работаю на герцога, – сообщил Локки, помахивая свернутым в трубку пергаментным свитком перед носом у ошеломленного собеседника. – Мне необходимо доставить это послание господину Мераджио, но я не хочу появляться в банке в своей одежде. Боюсь, если меня узнают, могут возникнуть осложнения.

– Пожалуй, я мог бы передать его вместо вас, – предложил тот.

– Исключено, – отрезал Локки. – Мне велено передать сообщение в руки господину Мераджио, только так и никак иначе. Я должен незаметно проникнуть на этаж... всего на пять минут. Лучше всего – в виде официанта. Я уже говорил, что готов заплатить за это пять крон, причем прямо сейчас.

– О черт! – воскликнул официант. – Обычно у нас имеются запасные комплекты одежды – куртки, фартуки... Мы могли бы вам что-нибудь подобрать. Но сегодня, как на грех, день стирки, и все отправили в прачечную.

– Это не страшно. У вас есть все, что мне нужно.

– Но постойте... – испугался официант. – Это невозможно!

Локки снова схватил его руку и вложил в нее остальные четыре монеты.

– Послушай, парень, я готов спорить, что таких денег ты не видел за всю свою жизнь.

– О святые Двенадцать! Конечно, нет, – прошептал бед-

няга, облизывая от волнения губы. Секунду или две он колебался, затем едва заметно кивнул. – Что я должен сделать?

– Следуй за мной. Все будет быстро и просто.

– Но послушайте, у меня всего двадцать минут. После я обязан появиться на работе.

– Поверьте, мой друг, как только я покончу со своим делом, это не будет иметь ни малейшего значения, – снисходительно улыбнулся Локки. – Я расскажу Мераджио о вашей неоценимой помощи, и вам это зачтется.

– Ясно. А куда мы идем?

– Здесь рядом, за углом. Снимем комнату в гостинице.

«Гостеприимный уголок» располагался в соседнем квартале. Там было дешево и сравнительно чисто. Этим достоинства гостиницы исчерпывались – никаких излишеств, вроде горячей ванны и завтрака в постель, предусмотрено не было. В подобных местах обычно останавливался народ попроще: студенты, писцы, всякого рода посыльные и мелкие чиновники – те, кто привык экономить на удобствах. Двухэтажное здание с небольшим внутренним двориком являло собой образец архитектуры времен Теринского Престола. Приятным штрихом выглядела древняя олива, шелестевшая листвою посередине дворика.

– Нам нужна комната с окном, – потребовал Локки, выложив на стойку несколько монет. – На один день.

Хозяин гостиницы суетливо двинулся к ним с уже заготовленным ключом в руке и проводил новоявленных постояль-

цев к комнате номер девять на втором этаже. Внутри оказались две койки и небольшой шкафчик – вот и вся обстановка. Узкое, затянутое промасленной бумагой окно пропускало в комнату слишком мало света. Хозяин поклонился и удалился. У любого каморрского содержателя гостиницы любопытство испаряется сразу же, как он слышит звон серебра.

– Как тебя зовут? – спросил Локки, запирая дверь на замок.

– Бенжавьер, – отозвался тот. – А вы уверены, господин, что все работает, как вы говорите?

В ответ Локки вытащил кошелек и вложил в руки официанту.

– Здесь еще две кроны сверх того, что я тебе обещал, а также немного серебра. Пусть это придаст тебе уверенности. Сохрани кошелек в качестве гарантии, пока я не вернусь.

– О Двенадцать! – вздохнул Бенжавьер. – Все это так странно... Интересно, чем я заслужил подобную милость богов?

– Не ломай голову, – посоветовал Локки. – Как правило, боги раздают свои подарки и удары отнюдь не за какие-то заслуги. Ну что, приступим к делу?

– Да-да, – официант поспешно развязал передник и передал его своему благодетелю, затем принялся снимать куртку и штаны. Тем временем Локки стянул с головы берет.

– У вас седые волосы, – удивился Бенжавьер. – Но вы вовсе не выглядите старым – я хотел сказать, на лицо...

– Благодарение судьбе, я всегда казался моложе своих лет. Весьма полезное качество при такой работе, как моя. Кстати, передайте-ка мне и ваши туфли. Мои совсем не подходят к такому великолепию.

Оба мужчины делали свое дело быстро, не тратя времени на лишние разговоры, и вскоре Локки уже стоял посреди комнаты в полном облачении официанта из банка Мераджио – черный костюм, темно-красный передник на поясе. Бенжавьер в одном исподнем раскинулся на койке, перекидывая кошелек с руки на руку.

– Как я смотрюсь? – поинтересовался Локки.

– Замечательно! Выглядите, как настоящий официант.

– Вот и хорошо. А ты, со своей стороны, выглядишь как состоятельный человек. Ладно, запишись и жди меня. Я скоро вернусь и постучу пять раз, запомнишь?

– Еще бы.

Прикрыв за собой дверь, Локки поспешил через гостиничный дворик на улицу, которая вела к банку Мераджио. На сей раз он направился не к служебному входу, а к парадной лестнице.

– Эй, вам не полагается здесь входить! – окликнул его все тот же охранник со списком.

– Знаю, господин, но так получилось, – Локки помахал своим многострадальным свитком. – Меня просили передать это одному из адвокатов... между прочим, члену правления.

– А-а, это другое дело. Извини, приятель, проходи.

В третий раз за сегодняшний день Локки поднялся на второй этаж и поспешил в галерею. Удивительно, как мало внимания привлекает человек, облаченный в униформу официанта! Он лавировал в толпе хорошо одетых людей, предусмотрительно избегая встреч с другими темно-красными передниками. Когда увернуться не удавалось, он по-свойски кивал мнимым товарищам. Наконец он увидел то, что было ему нужно – возле стены, склонившись друг к другу, стояли двое охранников и о чем-то шушукались.

– Мое почтение, господа, – заговорил Локки, приближаясь к ним. – Кто-нибудь из вас знаком с парнем по имени Бенжавьер? Он из нашей братии, из официантов.

– Я вроде знаю его в лицо, – припомнил один охранник.

Локки автоматически прикинул, что каждый из них по крайней мере на треть тяжелее его самого.

– Так вот, спешу сообщить, что этот Бенжавьер по уши в дерьме: Мераджио застукал его во время своей проверки. Сейчас этот умник сидит в гостинице за углом, а меня послали за ним и велели взять вас двоих на подмогу.

– Какая такая проверка?

– А что, вы не в курсе? В прошлый раз во время такой же поймали Вьеллу.

– А-а, эту дамочку с публичной галереи. Как же, помним! Значит, теперь попался Бенжавьер? И что же он натворил?

– Ха! Ни много ни мало – предал старика. Мераджио рвет и мечет. Так что нам, ребята, лучше поспешить.

– Конечно, конечно, – вскинулись охранники.

– Идемте через служебный вход, так будет удобнее.

Локки пришлось приложить немало усилий, чтобы создать видимость, будто он шагает рядом с охранниками, ведя дружескую беседу. На самом деле, не зная дороги, он просто следовал за ними – через служебные коридоры, через кухонные помещения, пока не очутился в знакомом зале отдыха. Тут Локки уже мог ориентироваться – обогнав своих спутников, он гордо прошествовал через черный ход. На всякий случай он помахал тому охраннику, которому вручил солон, но тот, похоже, его не признал. Неудивительно – за сегодняшний день Локки достаточно насмотрелся на официантов, чтобы вполне уверенно изображать одного из них на протяжении довольно долгого времени.

Несколько минут спустя Локки стоял перед дверью комнаты номер девять и стучал условным стуком. Бенжавьер слегка приоткрыл дверь – и тут же отлетел в сторону. Ударом ноги Локки распахнул дверь, снова входя в образ Полуночника, который он уже имел случай испробовать на доне Сальваре.

– Это была проверка на лояльность, Бенжавьер, – произнес он с металлом в хорошо поставленном голосе. – И вы ее провалили. Взять подонка, ребята!

Охранники двинулись к полуодетому официанту, который выглядел совершенно уничтоженным.

– Но я... – прошептал Бенжавьер. – Я не хотел... вы же

сказали...

– Ваша работа заключается в том, чтобы обслуживать клиентов Мераджио и проявлять безусловную верность хозяину. Моя же – в том, чтобы выявлять людей, не достойных доверия господина Мераджио. Вы продали мне свою чертову униформу! – Локки сгреб с постели валявшиеся там монеты и кошелек. Спрятав кроны в кожаный мешочек, он проговорил с неподдельной укоризной: – А ведь я мог быть вором или наемным убийцей! Вы же открыли мне путь прямо к мастеру Мераджио.

– Но вы ведь... О боги, этого не может быть! Скажите, что вы шутите!

– Посмотрите на этих охранников. Разве они выглядят шутниками? Извините, Бенжавьер, ничего личного, но вы приняли плохое решение! – Локки придержал дверь. – На выход его, ребята. Ведите прямо в банк, да пошевеливайтесь.

Бенжавьер принялся брыкаться, плача и подвивая:

– Нет, нет, не надо! Я честно трудился всю свою жизнь...

Подойдя вплотную к официанту, Локки приподнял пальцем его подбородок и заглянул ему в глаза.

– Если вы станете сопротивляться, орать, драться и вообще поднимать шум, то только ухудшите свое положение, – веско проговорил он. – Вы меня понимаете? Мы будем вынуждены вызвать стражу, и вас в цепях потащат во Дворец Терпения. А у мастера Мераджио там много друзей, уж поверьте мне. Он устроит так, что рассмотрение вашего дела

затянется на долгие месяцы. Придется посидеть в «паучьей клетке» до самых зимних дождей. Хватит времени поразмыслить о том, что вы натворили. Я ясно излагаю?

– Да, господин, – всхлипнул Бенжавьер. – О боги, простите меня! Умоляю...

– Я не тот человек, перед которым надо извиняться. Поспешите, ребята, – мастер Мераджио хочет поговорить с этим деятелем.

Локки повел маленькую процессию обратно в банк. Бенжавьер шел меж двух стражников, по-прежнему всхлипывал, но сопротивляться уже не пытался. Они снова прошли через служебный вход, мимо опешившего охранника.

– Очистить помещение! – приказал Локки. – Немедленно!

Несколько официантов, похоже, хотели возразить, но при виде Бенжавьера – полуодетого, под стражей – вся их решимость куда-то улетучилась. Все потихоньку покинули зал отдыха.

– Оставайтесь с ним, – приказал Локки конвоирам. – Я сейчас вернусь с мастером Мераджио. Проследите, чтобы сюда никто не заходил. Пусть официанты отдыхают в другом месте.

– Эй, что тут происходит? – в дверь просунулась голова привратника.

– Если тебе дорога работа, присматривай за входом и никого не пускай внутрь, – обернулся к нему Локки. – Мераджио будет здесь с минуты на минуту, а он сегодня в дурном

настроении. Лучше не попадаться ему на глаза.

– Пожалуй, он прав, Лаваль, – сказал один из охранников.

– Ну, если так...

– Что касается вас, – Локки подошел к бедняге-официанту, – еще раз повторяю – ничего личного. И позвольте дать совет: не пытайтесь валять дурака. Игры окончены, господин Мераджио не потерпит вранья. Лучше сознайтесь во всем. Вы меня понимаете?

– Да! – размазывая слезы, кивнул Бенжавьер. – Пожалуй-ста, если я могу что-нибудь сделать...

– Вам не требуется ничего делать. Но запомните, если вы рассчитываете на снисходительность мастера Мераджио, то лучше во всем сознаться, и как можно скорее. Никаких фокусов, понятно?

– Да-да, конечно...

– Я очень скоро вернусь, – пообещал Локки и, развернувшись на каблуках, направился к двери. На губах его мелькнула злорадная улыбка – сейчас оба стражника выглядели такими же напуганными, как и злосчастный официант. Как мало нужно, чтобы создать иллюзию истинной власти! Твердо печатая шаг, он прошел по служебным коридорам, миновал кухню и вышел на галерею банка.

– Скажите, мастер Мераджио все еще у себя? – обратился он к первому попавшемуся охраннику, в который раз помахав своим свитком. Пергамент был абсолютно пуст, но об этом знал лишь сам Локки.

– Думаю, да, – ответил охранник. – В последний раз я видел его на третьем ярусе. Господин Мераджио принимал доклады.

– Премного благодарен.

Локки приблизился к кованой чугунной лестнице, ведущей на балконы для руководства, приветливо кивнул охране и начал подниматься. Похоже, форма официанта служила достаточным пропуском наверх, но Локки все равно старался держать на виду пергаментный свиток.

Джанкано Мераджио и впрямь находился на третьем ярусе. Он стоял, облокотившись на перила, и рассеянно оглядывал публичную галерею, попутно прислушиваясь к двум помощникам, которые зачитывали какие-то данные с восковых табличек. Локки отметил, что хозяин банка – мифическая личность – не держит подле себя охраны. Очевидно, в родных стенах он чувствовал себя в безопасности. Тем лучше, тем лучше... Локки сделал пару шагов и встал неподалеку от Мераджио, с замиранием сердца ожидая, когда его заметят.

Это произошло довольно скоро. Секретари встревоженно переглянулись, по балкону прошел негромкий ропот. Мераджио обернулся и устремил на незнакомца испепеляющий взгляд. Потребовалась всего доля секунды, чтобы светившееся в нем раздражение сменилось подозрительностью.

– Вы не работаете на меня, – уверенно произнес хозяин банка.

– Так точно, господин, – ответил Локки тихим почтитель-

ным тоном. – Я принес вам привет от капы Разо. У моего хозяина к вам важное дело, которое он хотел бы обсудить.

Несколько мгновений Мераджио смотрел на незнакомого молодого человека, затем снял очки и спрятал их в карман камзола.

– Так это правда, – проговорил он. – До меня дошли слухи, что Барсави оказался не у дел. И вот теперь новый хозяин города прислал своего лакея. Очень мило... Чего же он от меня хочет?

– Интересы моего хозяина полностью совпадают с вашими, мастер Мераджио. Я здесь для того, чтобы спасти вашу жизнь.

Банкир презрительно фыркнул.

– Не думаю, что в этом есть необходимость, мой странно одетый друг. Не забывайте, что сейчас вы *У МЕНЯ*. Тут полным-полно стражников, которые по первому моему слову отрежут вам яйца и выбросят за окошко. Потрудитесь лучше объяснить, где вы достали эту униформу.

– Я получил ее от одного из ваших служащих, человека по имени Бенжавьер. Он проявил исключительную сговорчивость... и знаете, почему? Потому что он участвует в заговоре против вас.

– Бенжавьер? Так я и поверил! У вас есть доказательства?

– В настоящий момент я оставил его, полуодетого, под охраной ваших стражников возле служебного входа.

– Что?! *ВЫ* оставили его под охраной *МОИХ* стражников?

Да кто вы такой и что, черт побери, себе позволяете?

– Я получил задание от капы Разо охранять вашу жизнь. Ровно это я себе и позволяю. А что до того, кто я такой... скажем так – я ваш спаситель.

– Мои охранники и мои официанты...

– Они не столь надежны, как вам кажется, мой господин, – прервал его Локки. – Неужели вы отказываетесь верить своим глазам? Не мог же я приобрести эту форму у старьевщика! Нет, я прошел в ваш банк через служебный вход, предложил несколько крон, и ваш человек по имени Бенжавьер запросто передал мне свой фартук и все остальное. А ваш охранник у служебных дверей стоил и того меньше – потребовался всего лишь солон, чтобы он пропустил меня. Именно это я и пытаюсь сказать вам, мастер Мераджио. Ваши люди отнюдь не каменные, вам не следует доверять их преданности.

Какое-то время банкир молча смотрел на Локки, и краска медленно заливала его лицо. Казалось, еще секунда, и он ударит нахала. Вместо этого Мераджио откашлялся и вскинул руки в примиряющем жесте.

– Хорошо, будем считать, что вы меня убедили. Теперь объясните, в чем заключается ваше дело.

– Я не могу говорить при ваших секретарях. Отошлите их, чтобы мы могли потолковать наедине.

– Не смейте указывать, что мне делать в моем собственном...

– Нет, я *буду* вам указывать, клянусь Двенадцатью! – Локки весьма эффектно сплюнул себе под ноги. – Потому что сейчас я ваш телохранитель, мастер Мераджио! Неужели не понятно: вы подвергаетесь смертельной опасности, и счет идет на минуты. Сегодня я представил вам по крайней мере одного скомпрометированного официанта и одного продажного охранника. Сколько еще нужно доказательств, чтобы вы позволили мне выполнить свой долг?

– Но с чего бы это капа Разо беспокоится о моей безопасности?

– Ему нет дела до вашей личной безопасности. Зато его чрезвычайно заботит надежность и безопасность банка Мераджио. Мы получили информацию, что вераррские конкуренты заказали ваше убийство. Их цель – разрушить финансовую систему Каморра. А теперь посудите сами – капа Разо всего четыре дня как пришел к власти, и ваше убийство создаст ему массу ненужных проблем. Да Паук со своими костоломами просто растерзает нашу организацию, допытываясь, кто виноват в смерти важного финансиста! Теперь вы понимаете, в чем интерес капы Разо? Он точно так же заинтересован в стабильности, как и сам герцог Никованте.

– И откуда ваш хозяин узнал обо всем этом?

– О, мы, можно сказать, получили подарок от богов. Наши агенты случайно перехватили несколько писем. Еще раз прошу, мой господин – отошлите своих людей.

После короткого размышления Мераджио что-то провор-

чал и раздраженно махнул своим помощникам. Те почти-тельно посторонились, но продолжали глядеть во все глаза.

– Поверьте, за вами охотятся очень серьезные люди, – начал излагать Локки. – По нашим сведениям, они наняли убийцу-лашенца, вооруженного арбалетом. В помощь ему приставлен картенский контрмаг. Этот стрелок – практически неуловимая личность, к тому же он крайне редко промахивается, тем более, когда задействованы такие суммы. Можете гордиться, мастер Мераджио – за вашу жизнь назначили плату в десять тысяч крон.

– Однако все это выглядит невероятным, мастер... – банкир вопросительно умолк.

– Мое имя в данном случае не имеет никакого значения, – отрезал Локки. – Пойдемте со мной в служебное помещение. Вы сами сможете поговорить с Бенжавьером.

– Вы имеете в виду зал отдыха позади кухни? – нахмурился банкир. – Но где гарантия, что вы сами не пытаетесь заманить меня в ловушку?

– Мастер Мераджио, вы стоите от меня на расстоянии вытянутой руки. И, прошу заметить, одеты в шелк и бархат, а не в кольчугу. Да если бы мой хозяин желал вашей смерти, то поверьте, ваши кишки уже были бы намотаны на эти перила! Я не жду от вас благодарности, вы можете не любить меня, но, во имя всех теринских богов, не отказывайтесь от моей защиты! Не разочаровывайте капу Разо.

– Ладно, ваша взяла. А что, этот новый капа столь же се-

рѣзная сила, как и Барсави?

– Барсави в рыданиях умер у ног капы Разо, и не только он, но и все его потомство. Выводы можете сделать сами.

Мераджио опять нацепил свои очки, поправил орхидею и решительно взял Локки под руку.

– Я готов идти с вами, – сказал он. – Показывайте дорогу.

5

Бенжавьер и его охранники испуганно вздрогнули, когда дверь внезапно распахнулась, и в комнату ворвались Мераджио с Локки. Похоже, они хорошо знали, что такое плохое настроение хозяина. А то, что было написано на лице у Мераджио, вселяло в них самые мрачные предчувствия.

– Бенжавьер! – прогрехотал банкир. – Я не могу поверить! После всего, что я для вас сделал... После того, как я взял вас в банк и уладил все неприятности с капитаном вашей старой лохани... Нет, у меня просто нет слов!

– Простите меня, мастер Мераджио, – пробормотал несчастный официант. Щеки его были мокры, как крыша дома в грозу. – Мне так жаль! Я не думал, что так выйдет...

– Не думал?! Значит, то, что мне рассказали – правда?

– О да, чистая правда, мастер Мераджио. Все это правда, но я ужасно сожалею. Умоляю, простите меня... я никогда

больше...

– Замолчи, чудовище!

Банкир стоял, разинув рот, как человек, неожиданно получивший пощечину. Он оглядывался по сторонам, будто впервые видел и этот зал, и одетых в мундиры стражников, будто перед ним вообще были не люди, а монстры. В какой-то момент казалось, что он вот-вот упадет в обморок. Однако Мераджио взял себя в руки и, сжав кулаки, резко обернулся к Локки.

– Расскажите все, что вам известно, – потребовал он. – И, клянусь богами, все, кто замешан в этом деле, узнают, на что способен старый Мераджио!

– Давайте сосредоточимся на главном, – перебил его Локки. – Прежде всего вам надо пережить сегодняшний день. Насколько я знаю, ваши личные апартаменты находятся здесь же, на четвертом этаже?

– Именно так.

– Давайте немедленно поднимемся туда, – предложил Локки. – А этого мерзавца пусть пока запрут в складском помещении. Мы сможем заняться им позже, когда все утрясется. В настоящий момент время работает против нас.

Официант вновь разразился бурными рыданиями, но Мераджио с отвращением отвернулся.

– Отведите Бенжавьера в какой-нибудь сухой склад и посадите под замок, – кивнул он двум охранникам. – Вы будете его охранять. А что касается *тебя*...

Привратник как раз высунулся из-за угла. Наткнувшись на грозный взгляд начальства, он покраснел, как вареный рак.

– Если кто угодно посторонний... Ты слышишь, я сказал – кто угодно, пусть хоть малый ребенок, – войдет в эту дверь, то я сам отрежу тебе яйца, а на их место вставлю горящие угли. Тебе ясно, болван?

– Д-да, мой господин... а-абсолютно ясно, м-мастер Мераджио.

Банкир круто развернулся и вышел из комнаты. На сей раз Локки едва поспевал за ним.

6

Цитадель Джанкано Мераджио располагалась на верхнем этаже здания и по своему стилю вполне соответствовала изысканному костюму банкира. Все тот же безупречный вкус, ничего кричаще-го и нарочитого. Казалось, что этот человек находит удовольствие в использовании материалов в их естественной, первозданной красоте.

Обитая сталью дверь захлопнулась у них за спиной, лязгнула защелка сложного вераррского замка. Мераджио и Локки остались наедине. Чаша миниатюрных водяных часов на столе у банкира как раз наполнилась доверху – это означало

час пополудни.

– Итак, мастер Мераджио, вы не должны покидать пределов этой комнаты до тех пор, пока мы не обезвредим убийцу. По нашим подсчетам, он должен объявиться сегодня, где-то между часом и четырьмя.

– Могут возникнуть проблемы, – нахмурился банкир. – Я, знаете ли, работаю... Мое отсутствие на этаже сразу же заметят.

– Не обязательно, – пожал плечами Локки. – Разве вы не заметили, что мы с вами примерно одинакового сложения? Так вот, это не случайно – капа Разо нарочно выбрал такого человека. Если я встану в тени на четвертом ярусе, то вполне смогу сойти за вас.

– Вы предлагаете устроить маскарад?

– Из перехваченных писем мы поняли, что убийца не имеет вашего детального описания. Это нам очень на руку. По сути, он получил указание проникнуть в здание банка и стрелять в человека, который носит дорогой темный бархат и крупную орхидею на груди. Если я надену вашу одежду, приколю цветок и встану на вашем обычном месте на галерее, то почти наверняка болт, предназначенный вам, полетит в мою сторону.

– Прошу меня извинить, но мне как-то с трудом верится в такое самопожертвование. Вы же не святой, в конце-то концов. Либо приходится сделать вывод, что вы сильно преувеличиваете опасность.

– В свою очередь извиняюсь, мастер Мераджио, но, должно быть, я неявно выразился. Если я не выполню свой долг в отношении вас, капа Разо в любом случае убьет меня. На мой взгляд, лучше рискнуть и попытаться увернуться от объятий Всемилостивейшей Госпожи... Кстати, я большой специалист в этом деле. И последнее соображение – это награда, которая ждет меня в случае благополучного исхода. Уверяю вас, она достаточно велика, чтобы встать на пути арбалетного болта.

– А что же мне делать в эти часы?

– Просто закройте двери понадежнее и отдохните в своих апартаментах, – посоветовал Локки. – Займитесь чем-нибудь приятным. Полагаю, ждать вам придется недолго.

– И что же произойдет, когда убийца все-таки выстрелит?

– Должен признаться, что я не единственный агент, которого бросили на это дело. Помимо меня, в здании банка присутствуют еще по меньшей мере шестеро. Некоторые из ваших сегодняшних клиентов – вовсе не клиенты, а самые крутые и опытные бойцы капы Разо. Они умеют действовать тихо и быстро. Как только убийца проявит себя, они тут же возьмут его. При том количестве стражников, какое находится в вашем банке, он даже не поймет, кто именно его накрыл.

– А если вам не удастся увернуться, и болт все-таки попадет в цель? – продолжал допытываться Мераджио.

– Тогда я умру. Зато вы останетесь живы, и мой хозяин будет вполне доволен, – просто сказал Локки. – Видите ли,

поступая на службу, мы приносим клятву. Я присягнул служить капе Разо жизнью и смертью. Так что чему быть, того не миновать.

7

В половине второго Локки покинул жилище Мераджио, одетый в самый превосходный костюм, какой он только носил в своей жизни. Камзол и бриджи – цвета неба перед Лже-светом, жилет из великолепного атласа – чуть светлее, василькового тона. По мнению Локки, эти оттенки идеально подходили к его темно-пепельным волосам и серым глазам. Серебристо-белая шелковая рубашка холодила кожу, как воды осенней реки, до сих пор храня свежесть гардеробной. Под стать остальному были туфли, чулки, перчатки и шейный платок. Волосы Локки зачесал назад и смазал розовым маслом. Маленькая бутылочка этого масла покоилась сейчас в его кармане – вместе с кучей золотых тиринов, которые он прихватил со стола Мераджио. С правой стороны на груди распустилась роскошная орхидея, ласкавшая его обоняние тонким запахом малины.

В подробности операции были посвящены секретари банкира и небольшое количество охранников. Они почтительно кланялись Локки, когда тот, нацепив на нос очки Мераджио,

шагал по направлению к четвертому ярусу балкона. Кстати, с очками вышла досадная осечка – они недопустимо туманили ему зрение. Пытаясь приспособиться к линзам, Локки на все лады проклял свою неосмотрительность. В конце концов он вынужден был снять их и убрать в карман камзола. В отличие от Мераджио, зрение у него было нормальное – Лукас Фервит носил очки лишь для маскировки, с простыми стеклами. Впредь стоило учитывать подобные мелочи.

Непринужденной походкой, будто это являлось частью задуманного плана, Локки приблизился к чугунной лестнице и начал спускаться на первый этаж. Издали он действительно напоминал Мераджио – в достаточной мере, чтобы не привлекать посторонних взглядов. Попав же на публичную галерею, Локки опустил голову и ускорил шаги. При входе на кухню он смял орхидею и засунул ее в карман.

Охранники исправно стояли на страже склада.

– Мастер Мераджио отправил вас к задней двери на помощь Лавалю, – обратился к ним Локки. – И велел напомнить: *НИКОГО* не пропускать! Знаете ли, горящие угли – очень болезненная вещь. Мне же надо перекинуться парой слов с Бенжавьером.

Охранники переглянулись и дружно кивнули. В их глазах Локки приобрел такой авторитет, что они послушались бы его в любом случае, даже объявись он тут в женском белье. Судя по всему, Мераджио и прежде прибегал к услугам специальных агентов для поддержания порядка в банке. Теперь

Локки пожинал плоды их усилий.

Бенжазьер испуганно следил за своим мучителем, пока тот входил в темницу и затворял за собой дверь. На лице его отразилось полное замешательство. Он был настолько растерян, что даже не увернулся от маленького кожаного кошелька, который Локки бросил ему в лицо. Кошелек попал ему в глаз. Бенжавьер вскрикнул и отпрянул к стене, схватившись за лицо обеими руками.

– О, черт! – воскликнул Локки. – Прости, я думал, ты поймаешь.

– Что вам еще от меня надо?

– Я пришел извиниться. Объяснять ничего не стану – некогда. Но мне действительно жаль, что я втянул тебя во все это. Поверь, у меня были на то весьма веские причины.

– Извиниться? – голос у Бенжавьера сорвался, он снова шмыгнул носом и смачно сплюнул. – Какую чушь ты несешь! Что происходит? И что ты наплел мастеру Мераджио?

– У меня нет времени все тебе пересказывать. Я положил в кошелек обещанные шесть крон, часть суммы в тиринах – так тебе будет легче ее разменять. Но ты должен понять одну вещь: если ты останешься в Каморре, твоя жизнь будет стоить меньше медяка. Убирайся отсюда, да поскорее. Зайди в «Гостеприимный уголок» за моей одеждой, вот тебе ключ.

На этот раз Бенжавьер проявил большую ловкость и поймал брошенный ключ.

– А теперь хватит вопросов. Сейчас я выкручу тебе ухо

и вытащу на улицу, ты же делай вид, что напуган до изумления, понял? Как только мы выйдем из поля зрения охраны, я тебя отпущу. Если тебе дорога жизнь, ты помчишься со всех ног в гостиницу, переоденешься и уберешься из города ко всем чертям. Отправляйся в Талишем или Ашмер. Жизнь там дешевая, этих денег тебе хватит на целый год безбедного существования. А после что-нибудь придумаешь.

– Но я не...

– Или мы сейчас же выходим, – надавил Локки, – или я оставляю тебя здесь умирать. Решайся... а четкое понимание ситуации – это роскошь, которую ты сейчас не можешь себе позволить.

Двумя секундами позже Локки вытащил пленника в зал отдыха. Он держал его за ухо той особой, весьма болезненной хваткой, которая хорошо известна любой «желтой куртке» в городе. Бенжавьер весьма убедительно подвывал и молил сохранить ему жизнь. Трое стражников проводили их равнодушными взглядами.

– Скоро вернусь, – бросил Локки. – Мастер Мераджио поручил мне сказать пару слов этому мерзавцу... так сказать, наедине.

– Помогите! – вопил официант. – Не отдавайте меня ему! Он же меня искалечит. Прошу вас...

Ответом ему был дружный смех. Хотя, пожалуй, тот охранник, который согласился принять взятку, выглядел не столь веселым, как его товарищи. Локки протащил свою

жертву по улице, свернул за угол и оттолкнул Бенжавьера от себя.

– Давай, парень! Времени у тебя не то чтобы много, но и не в обрез. Думаю, пройдет минут двадцать, прежде чем в банке разберутся, какого дурака сваяли. И вот тогда за тобой отправят весьма приличную погоню. Так что не стой истуканом... беги, хрен тебе в душу!

Несколько мгновений Бенжавьер стоял неподвижно, разглядывая Локки и бессмысленно мотая головой, затем подхватился и побежал в «Гостеприимный уголок». Глядя ему вслед, Локки тербил кончики своих накладных усов, затем развернулся и исчез, смешавшись с толпой. Он шел по улице, нещадно потея на жарком каморрском солнце, но с губ Благородного Подонка не сходила довольная улыбка.

Он спешил в южную часть города, за Серебристую рощу, неподалеку от которой находился дорогой магазин мужских товаров. Здесь же располагался целый квартал черных алхимиков, куда Локки заходил крайне редко. Имелся шанс, что тамошние обитатели его не узнают. Ему надо было срочно приобрести растворитель для клея, чтобы избавиться от ненужных более усов, а также восстановитель цвета волос. Как только с этим будет покончено, Лукас Фервит снова возродится к жизни, готовый нанести визит супругам Сальвара и облегчить их семейный кошелек еще на несколько тысяч крон.

Глава 14. Три приглашения

1

– О, вот и вы, Лукас! – донья София с очаровательной улыбкой встретила гостя у порога своего особняка. В теплом желтоватом свете, падающем из открытой двери, его фигура четко обрисовывалась на фоне ночного неба. Стоял теплый летний вечер, время перевалило за одиннадцать. После посещения банка Мераджио Локки большую часть дня провел в укрытии, однако отправил с посыльным сообщение для супругов Сальвара, что Лукас Фервит имеет честь нанести им поздний визит. – Вас так долго не было! Мы получили записку Грауманна, но все равно уже начали волноваться за наше совместное предприятие... и за вас, конечно. Как вы себя чувствуете?

– Для меня большая радость снова видеть вас, донья Сальвара. О да, со мной все в порядке, благодарю за беспокойство. Всю минувшую неделю мне пришлось общаться с крайне неприятными личностями, улаживая наши дела. Но в конечном итоге все утряслось. Один корабль уже стоит с грузом, он готов к отплытию. Мы можем отправиться в путешествие не позднее следующей недели. Второе судно тоже

фактически у нас в руках.

– Прекрасно, прекрасно... Входите же, пожалуйста, не стойте на пороге, будто посыльный из лавки! Будь добр, Конте, принеси чего-нибудь освежающего... О, знаю – тех самых апельсинов из моей новой партии. Мы будем в закрытой гостиной.

– Конечно, м'леди, – Конте смерил Локки пристальным взглядом и неохотно выдавил улыбку. – Надеюсь, мастер Фервит, сегодняшней вечер застал вас в добром здравии?

– О, вполне. Благодарю вас, Конте.

– Чудесно. Я буду через минуту.

Как правило, во всех каморских особняках имелись две гостиных на первом этаже. В одной из них, так называемой «дежурной», принимали малознакомых гостей и устраивали различные официальные мероприятия. Эти комнаты блистали безликой роскошью и безукоризненной чистотой – здесь можно было есть прямо с ковра. В противоположность им, «закрытые» гостиные служили для приема близких друзей и доверенных лиц. Это было место, где хозяева особняка могли расслабиться и отдохнуть в соответствии со своими привычками. Убранство комнат тут было менее формальным, отражая индивидуальные вкусы обитателей дома.

В закрытой гостиной супругов Сальвара располагалось четыре глубоких кожаных кресла, своими высокими спинками производящих впечатление неких тронов. Вместо маленьких столиков, обычно помещавшихся возле подлокот-

ников, стояли четыре деревца в горшках. Каждое из них едва возвышалось над спинкой своего кресла. От листьев исходил тонкий запах кардамона, пропитавший всю гостиную.

Локки внимательно осмотрел деревца. Выяснилось, что это не молодые побеги, а вполне зрелые растения – уменьшенные копии своих диких собратьев. Их листья были размером с ноготь на большом пальце Локки, стволы – не толще мужского предплечья, а к концам и вовсе сужались до толщины пальца. В кроне каждого дерева имелась небольшая полочка, заменявшая столик, тут же, между ветвей, свисал алхимический фонарь. Очень удобно и необычно. Легким прикосновением донья София оживила фонари, и комната наполнилась янтарным светом и сложным переплетением зеленоватых теней. На стенах появился фантастический рисунок, который одновременно приковывал внимание и успокаивал.

– Ваши творения, донья София? – Локки пробежался пальцами по листе ближайшего деревца. – Даже мне, знакомому с трудами Мастеров Культивации, они кажутся чудом. Мы-то больше занимаемся рутинной – почвы, урожая...

– Благодарю вас, Лукас. Присаживайтесь, пожалуйста. Выращивание миниатюрных растений – это весьма древнее искусство, от которого я получаю особое удовольствие. Для меня это своего рода увлечение, но, как видите, мы извлекаем из него еще и практическую пользу. Однако, вижу, нам есть что обсудить и помимо моих деревьев. Ваш новый ко-

стюм по каморрской моде – просто чудо, мастер Фервит!

– Ах, вот вы о чем! За это нужно благодарить одного из здешних портных – он предложил такую цену, что я просто не смог устоять. Вышло тем более удачно, что, похоже, мне придется задержаться в Каморре.

– Это просто замечательно!

– Безусловно, – поддержал ее дон Сальвара. Он вошел в комнату, на ходу застегивая пуговицы на манжетах своего камзола. – Поверьте, это намного лучше вашего черного вадранского кафтана. Нет, может быть, он вполне уместен на севере, но здесь, у нас, так и кажется, что владелец подобного наряда решил покончить жизнь самоубийством. Ладно, Лукас, введите меня в курс дела. Каково состояние наших вложений?

– Нам удалось заполучить один галеон вместе с командой и подходящим грузом, – сообщил Локки. – Я лично в течение нескольких дней наблюдал за его погрузкой. Он будет готов отплыть на следующей неделе. И у меня есть обнадеживающая информация относительно второго судна. Надеюсь, что с ним тоже не выйдет задержки.

– Обнадеживающая информация? – переспросила София. – Это не то же самое, что «положительное решение», верно? Или я ошибаюсь?

– Увы, нет, уважаемая донна София, – Локки вздохнул и напустил на себя пристыженный вид. – Есть одно «но»... Видите ли, капитану второго корабля поступило альтернатив-

ное предложение – перевозка особого груза в Балинель. Это весьма долгое путешествие, но и оплата за него будет высока. Тем не менее меня не оставляет надежда, что капитана удастся склонить к сотрудничеству с нами.

– Полагаю, для этого понадобится еще несколько тысяч крон? – проговорил дон Сальвара, усаживаясь подле супруги.

– Боюсь, что именно так, мой дорогой компаньон.

– Хм-м... Что ж, мы еще вернемся к этому вопросу. А вот и Конте! Мне не терпится похвастаться новыми достижениями моей жены.

Конте принес три серебряные вазочки на медном подносе. В каждой из них лежало по половинке апельсина, уже разделенного на дольки, и по двузубой вилочке. Одну из вазочек слуга поставил на полку, расположенную в ветвях дерева по соседству с Локки.

Оба супруга Сальвара выжидающе смотрели на гостя и не начинали есть. Локки пришлось сделать над собой усилие, чтобы скрыть неуверенность. Вооружившись вилкой, он аккуратно выудил одну из апельсиновых долек и положил ее на язык. И тут же по всему рту у него разлилось ощущение трепетного тепла – Локки немедленно узнал вкус алкоголя.

– Ого! Вы чем-то пропитали апельсин? Какой любопытный получился результат... Это что, апельсиновый ликер? Но здесь чувствуется и лимонный оттенок...

– Ошибаетесь, Лукас, не пропитали! – на лице дона Саль-

вары расцвела довольная мальчишеская улыбка. – Это естественный вкус апельсинов. Деревья Софии вырабатывают собственный алкоголь и обеспечивают его поступление во фрукты.

– Святые Сущности, какой необычный гибрид! – искренне восхитился Локки. – Насколько мне известно, еще никто не пытался проделать такое с цитрусовыми.

– Я всего несколько месяцев назад получила нужную рецептуру, – пояснила дона София. – Все прежние образцы не обеспечивали должного качества. Но этот, похоже, удался. Предстоит провести еще несколько проверок, и продукт можно будет пускать в продажу.

– Мне бы хотелось назвать его именем супруги, – поделился дон Лоренцо. – Представляете, «Апельсин Софии из Каморра»! Новое алхимическое чудо, которое повергнет в уныние всех тал-вераррских виноторговцев.

– Перестань, – возразила София, игриво стукнув мужа по запястью. – Можно придумать название и получше.

– Все Мастера Культивации сошлись бы на одном – вы столь же дивное создание, как и ваши апельсины, – галантно заявил Локки. – Мне кажется, это открывает новые горизонты в нашем сотрудничестве. Ваш дар... вам дано превращать каждое растение в маленькое чудо. Я бы осмелился предположить, что в следующем столетии лицо Аустерсхолинской компании сильно изменится – благодаря вашему благотворному воздействию, дона София.

– Вы мне льстите, мастер Фервит. Однако не будем забегать вперед. Как говорят у нас в Каморре, есть смысл считать корабли, когда они уже прибыли в порт.

– Действительно, – поддакнул Лоренцо. – И, кстати, эта поговорка возвращает нас к нашему обсуждению. Боюсь, Лукас, у меня для вас неутешительные новости. Дело в том, что в последнее время у меня возникли некоторые препятствия. Один из моих должников сильно подвел меня... и, вообще, как выяснилось, я немного переоценил свои возможности. Стыдно признаться, но наше положение далеко не столь блестящее, как нам хотелось бы надеяться. Короче, в настоящий момент возможность вложить еще несколько тысяч крон в наше совместное предприятие видится мне весьма сомнительной.

– О! – проговорил Локки. – Это... это действительно весьма прискорбно.

Он подцепил очередную дольку апельсина и положил ее в рот. Сладковатый вкус алкоголя помог ему растянуть губы в натянутой улыбке. А что еще делать, если жизнь не дает ни малейших поводов улыбаться?

2

Вдоль береговой линии Отстойника от одного затененно-

го участка к другому, стараясь не привлекать к себе внимания, двигался человек в одеянии служителя Азы Гуиллы. Священник шел медленно, с осторожной грацией, неожиданной для особы столь внушительной комплекции.

Вечер выдался жарким, пот ручьями струился по лицу Жеана под серебряным Скорбным Ликом. Каморрцы по опыту знали, что эти недели в середине лета перед Днем Перемен бывают самыми знойными. На некотором расстоянии в заливе покачивался вадранский корабль «Сатисфакция» со своими желтыми огнями. До Жеана доносился плеск воды и голоса людей, тянущих на веревке очередной «благотворительный груз».

Он уже вывихнул себе мозги, но так и не придумал, как получить побольше сведений об этом загадочном грузе. Разве что напасть на экипаж лодочки, курсирующей между пристанью и зачумленным кораблем? Однако эта идея не выдерживала критики. Поэтому сегодня Жеан решил переключить внимание на склады, расположенные в Старой Гавани, вернее, на один конкретный склад Отстойника.

По степени запустения эта зона Каморра могла поспорить с печально знаменитым Пепелищем. Зброшенные здания постепенно разрушались, и казалось, что весь район неуклонно засасывает мрачная свалка, усеянная кучами битого щебня и гниющей древесины. Все законные представители деловых кругов давно уже покинули Отстойник, уступив место Правильным Людям. Они же приходили и уходили

ли, оставляя после себя кучи трупов, едва прикрытые всяческим мусором или и вовсе валявшиеся посреди пустынных улиц.

Шныряя по тропинкам Отстойника в своей черной рясе, Жеан заметил заброшенный склад, откуда постоянно выходили люди Разо. Казалось, в здании кипит какая-то работа: там до самого рассвета горел свет, из дверей выходили рабочие, нагруженные тяжелыми мешками, а пару раз даже подъезжали телеги.

Это продолжалось несколько ночей подряд, но сегодня вся деятельность затихла. Склад стоял темный и пустынный, словно вымер. Сей факт подстегнул любопытство Жеана, и, пока Локки пьет чай со своими аристократами, он решил по возможности разведать секреты капы Разо.

Для выполнения задуманного ему требовалось быть зорким, терпеливым и не жалеть ног. Но это не смущало Жеана. Он несколько раз обошел кругом здание склада, всякий раз укрываясь в тени, если замечал на улице одинокого прохожего. Осторожный человек, даже такого размера, как Жеан, всегда сумеет остаться незамеченным. А что до ходьбы, то он всегда был легок на подъем.

В результате тщательной разведки Жеан, к своему удовлетворению, установил, что ни на улицах, ни на соседних крышах наблюдательных постов не имеется. «Либо те, кто их выставлял, куда более продвинуты в науке маскировки, чем я», – подумал Жеан, распластавшись по стене интересующе-

го его склада.

– Аза Гуилла, не оставь меня своей заботой, – взмолился он, приближаясь к дверям. – Иначе я никогда не смогу вернуть владельцам эту замечательную черную рясу и священную маску. Не сердись, Аза Гуилла... Я просто размышляю вслух.

Дверь оказалась не заперта, более того, наполовину открыта, как бы приглашая войти внутрь. Жеан засунул свои топорики поглубже в правый рукав – вроде бы под рукой, но при этом не вызовут лишних вопросов у случайного наблюдателя, привыкшего уважительно относиться к жреческому облачению.

Дверь подалась с тихим скрипом, и Жеан вошел в помещение склада. Он стоял, прижавшись к стенке возле двери, слушал и наблюдал. Со всех сторон его окружала темнота, крест-накрест исчерченная серебряной сеткой. В воздухе стоял странный запах разогретого металла – настолько сильный, что перебивал запах сырой земли и прелого дерева.

Несколько бесконечных минут Жеан оставался на месте, прислушиваясь, не раздастся ли хоть какой-то посторонний звук. Ничего, кроме поскрипывания старых досок причала да завывания Ветра Палача, как обычно, вступающего в свои права в ночное время.

Левой рукой Жеан достал из-под рясы заготовленный алхимический шар – тот же, которым пользовался в подземелье Гулкой Дыры. После нескольких энергичных встряхива-

ний шар разгорелся до белого свечения. В этом мертвенном свете удалось разглядеть, что внутри здание представляет собой единое пустое пространство. Лишь возл amr; дальней стены сохранились какие-то невысокие перегородки: скорее всего, раньше там размещалась складская контора. Под ногами – земляной, хорошо утоптаный пол. По углам громоздились кучи всякого мусора, некоторые из них были накрыты брезентом.

Жеан тщательно пристроил шар так, чтобы тот светил ему прямо под ноги. Теперь он сам оставался практически невидимым со стороны – просто движущийся темный силуэт. Но даже в таких условиях Жеан не собирался задерживаться тут надолго. Быстро все осмотреть – и наружу.

Осторожно продвигаясь в северном направлении, Жеан почувствовал еще один запах, от которого желудок у него болезненно сжался. Здесь что-то разлагалось... какая-то плоть... К несчастью, Жеану хорошо был знаком этот тошнотворно-сладковатый привкус. Он почти не сомневался, что именно обнаружит через несколько шагов.

Так и есть: в северо-западном углу склада под куском брезента лежало четыре трупа – три мужчины и женщина. Все были одеты лишь в бриджи и нижние рубахи, но при этом в тяжелых башмаках и кожаных перчатках. Это удивило Жеана, и он принялся внимательнее исследовать тела. Вскоре на руках у погибших обнаружили характерные татуировки. Это была давняя традиция каморрских ремесленни-

ков – делать на видимой части тела наколки, обозначающие принадлежность к той или иной гильдии. Задерживая дыхание и прикрывая нос рукой, Жеан провел возле трупов еще несколько минут, желая выяснить, кем были эти люди.

Двое из них оказались мастерами зеркал, еще двое – ювелирами. У троих мужчин обнаружилось колотые раны, а у женщины... у нее через мертвенно-бледную щеку тянулись знакомые припухшие багровые рубцы.

Со вздохом Жеан снова опустил на тела край брезента, и в этот момент его взгляд уловил под ногами искорки отраженного света. Опустившись на колени, он обследовал землю и обнаружил крошечный осколок зеркала. Точнее, это походило на расплавленную каплю амальгамы, которая упала на пол и застыла уже там. Приглядевшись, Жеан увидел в грязи еще с дюжину таких капелек.

– Аза Гуилла, я действительно обокрал священников в твоём храме, – сказал он шепотом. – Но эти люди перед тобой не виноваты, а кроме меня, больше некому помолиться за их упокой. Поэтому прими мою молитву и не суди их строго за то, что они похоронены таким образом и в таком месте. И ты, Бог-Ловкач... если можешь, поддержи Всемилостивейшую Госпожу. Я буду тебе очень благодарен.

Тут раздался противный скрип, и двери в северной стене распахнулись. Первым побуждением Жеана было отскочить в сторону, но он передумал. Все равно его фонарь уже заметили. Лучше попытаться отыграть роль опечаленного слу-

жителя Азы Гуиллы, а топорики пусть до поры останутся в правом рукаве.

Однако меньше всего он ожидал увидеть в этом уединенном месте сестер Беранджиас!

На Черине и Раизе были непромокаемые плащи, но откинутые капюшоны позволяли разглядеть их лица и сетки для волос с акульными зубами, ярко блестевшими в свете шара. Каждая из сестер держала в руках свой алхимический фонарь – через секунду они вспыхнули красноватым светом.

– Добрый вечер, отец, – произнесла одна из Беранджиас. – Чрезвычайно любознательный священник...

– И места для прогулок выбирает странные, – поддержала ее другая. – Обычно сюда не приходят без приглашения.

– Мы приходим туда, куда пришла смерть, невзирая на время и место, – отозвался Жеан, кивнув в сторону брезента. – Насколько я вижу, здесь совершенно подлое злодеяние. Мой долг – прочитать заупокойную молитву. Каждый умерший имеет право на это перед встречей с Госпожой Долгого Молчания.

– О да, подлое злодеяние! Может, оставим священника в покое? Что скажешь, Черина?

– Нет, – ответила та. – Уж больно часто он появляется в тех же местах, что и мы.

– И то правда, сестрица. Если бы мы столкнулись с ним лишь разок-другой, это можно было бы объяснить. Но святой отец чрезвычайно назойлив.

– Я бы сказала, неоправданно назойлив, – обе сестры медленно, со зловещими улыбками приближались к Жеану – так кошки наступают на загнанную в угол мышь. – Прямо-таки удручающе! Мы уже встречаем его не только на пристани, но и на своем собственном складе.

– Надеюсь, вы не собираетесь чинить препятствий посланцу Азы Гуиллы, Госпожи Долгого Молчания, самой Смерти? – ответил Жеан с величавым спокойствием, хотя сердце его припустило вскачь.

– Чинить препятствия – это наша профессия, отец, – возразила одна из Беранджиас. – Мы оставили дверь незапертой как раз для того, чтобы ты мог сунуть сюда свой нос.

– Мы надеялись, что ты не удержишься от соблазна.

– К тому же мы и сами неплохо знакомы с Госпожой Долгого Молчания...

– ...и служим ей на свой собственный лад.

В красноватом свете блеснула обнаженная сталь: обе сестры держали в руках изогнутые кинжалы в фут длиной – «воровские зубы», с которыми Жеан познакомился много лет назад на уроках мастера Маранцаллы. Беранджиас продолжали неуклонно приближаться. Похоже, на то, чтобы разойтись миром, рассчитывать не приходилось.

– Ладно, – бросил Жеан. – Раз с любезностями покончено, долой этот маскарад.

Отбросив в сторону алхимический шар, он сорвал с себя черную рясу и серебряную маску.

– Таннен! – ахнула та из сестер, что стояла справа. – Вот дерьмо! Так ты не ушел через Врата Висконте?

На какой-то миг Беранджиас замерли, затем снова возобновили движение, заходя слева, двигаясь с синхронной грацией – так, чтобы оставить друг другу пространство для боя.

– И ты имеешь наглость представляться жрецом Азы Гуиллы?!

– Кто бы говорил! – парировал Жеан. – Вы только что сами собирались убить служителя Азы Гуиллы.

– Благодарение богам, ты избавил нас от подобного святотатства.

– Какая удача! – поддержала ее сестра. – Я даже не мечтала, что все так легко сложится.

– Не знаю, как все сложится, – огрызнулся Жеан, – но что легко не будет, это я вам обещаю.

– А как тебе наша работа в том стеклянном подвале? – заговорила левая Беранджиас. – Я имею в виду твоих друзей, близнецов Санца. Разве не забавно? Одни близнецы разделались с другими, одинаковые раны, одинаковые позы на полу...

– Подобающе?! – прорычал Жеан, чувствуя, как его с головой захлестывает знакомая волна гнева. – Запомни мои слова, сука: я долго ждал встречи с теми, кто их убил, и все гадал, что же при этом почувствую. Сейчас этот миг настал – и я чувствую себя охренительно хорошо!

Обе контрареквиллы одинаковыми движениями сброси-

ли плащи и, отшвырнув в сторону светящиеся шары, выхватили кинжалы. Две сестры – четыре ножа. Они крались, не сводя взгляда с противника. Сотни раз Беранджиас проделывали это перед беснующимися толпами на Речных Игрищах – и сотни раз таким же образом подбирались к напуганным жертвам капы Барсави.

– Ну что, сестрички? – процедил Жеан, выхватывая топоры. – Настало вам время познакомиться с *МОИМИ* Злыми Сестричками. Это будет в высшей степени подобающе!

3

– Не расстраивайтесь так, Лукас, – проговорила доня София, отставляя свою вазочку на полку. – Все не столь убийственно.

– Речь идет всего-навсего о задержке в несколько дней, – пояснил Лоренцо. – В конце концов, я могу попытаться получить деньги из других источников. У меня есть друзья среди высшей знати, которые с удовольствием одолжат мне пару тысяч крон. В свое время я тоже оказывал им подобные услуги.

– О, вы меня успокоили, уважаемые дон и донья Сальвара. Рад слышать, что ваши, если можно так выразиться, временные сложности не похоронят наш совместный план. И ниче-

го постыдного в этом нет – у всех время от времени возникают финансовые трудности. Кому-кому, а дому бел Аустеров это хорошо известно.

– Я поговорю со своими возможными кредиторами в ближайший День Бездельника... – задумчиво произнес дон Сальвара. – Да, кстати, это как раз будет День Перемен. Вы бывали когда-нибудь на официальном празднестве по этому поводу, мастер Фервит?

– Боюсь, что нет, дон Лоренцо. Мне никогда не доводилось посещать Каморр в это время года.

– В самом деле? – донья София живо повернулась к мужу. – Лоренцо, а почему бы нам не привести Лукаса на праздник к герцогу?

– Блестящая мысль! – просиял дон Сальвара. – Лукас, раз у нас все равно возникла непредвиденная задержка, почему бы вам не стать нашим почетным гостем? Поверьте, там будет весь цвет Каморра. Каждый мужчина или женщина, кто хоть что-то значит...

– По крайней мере, те, кто пользуются благосклонностью герцога, – договорила за мужа донья София.

– Право, Лукас, вы просто обязаны пойти с нами, – настаивал Лоренцо. – Праздник проводится в Вороновом Насесте, когда еще вы на него посмотрите? Герцог открывает свой дворец для публики лишь раз в году.

– Благодарю вас, дон и донья Сальвара. Для меня это большая честь. Но боюсь, я не смогу воспользоваться вашим го-

степриимством. Это может... может помешать моей подготовке к плаванию.

– Да будет вам, Лукас, – отмахнулся Лоренцо. – До праздника осталось всего пять дней. А вы же сами сказали, что будете заняты погрузкой товаров на второй галеон лишь в начале следующей недели. Вот и воспользуйтесь передышкой. Грех упускать такую прекрасную возможность. Пока я буду беседовать со своими друзьями, София вам все покажет. А выбив деньги, мы сразу же сможем уладить вопрос с несговорчивым капитаном и отправиться в путешествие. Надеюсь, других проблем не существует?

– Нет, господин Сальвара, это единственное осложнение, с которым мы столкнулись. Так и быть, раз груз все равно не поступит до следующей недели, положимся на благосклонность судьбы и Сущностей.

– Значит, решено? – обрадовалась доня София. – Вы согласны пойти с нами в Воронов Насест?

– Герцог будет очень благодарен нам за то, что мы привели такого интересного гостя, – добавил ее супруг. – Так что, как видите, мы получим еще и дополнительную выгоду от вашего прихода.

– Что ж, если это доставит вам удовольствие, почему бы и нет? – промолвил Локки. – У меня, правда, не слишком подходящее настроение, но ради вас я готов отложить в сторону все свои заботы и печали.

– Вы не пожалеете, Лукас, – улыбнулась донья София. –

Уверена, мы еще не раз будем вспоминать этот праздник во время предстоящего плавания.

4

Ближний бой с двумя противниками в некотором смысле даже хуже, чем с целой толпой. Здесь не удастся спровоцировать свалку, когда все мешают друг другу. Тем более если твои враги – слаженный дуэт, привыкший работать вдвоем. А если в Каморре и существовала идеально сработанная пара бойцов, то это были сестры Беранджиас.

Вращая в руках топорики и внимательно наблюдая за перемещением близнецов, Жеан трезво оценивал свои шансы. По большому счету, у него было лишь одно преимущество – он неоднократно видел сестер за работой на Речных Игрищах и в Плавучей Могиле. Неизвестно, поможет ли это Жеану – сам-то он не акула, – однако нечто всегда лучше, чем ничего.

– Мы слышали, будто ты крут, как стены Пяти башен, – подала голос та Беранджиас, что слева.

Пока она говорила, ее сестра ринулась в атаку: одна рука с ножом приподнята для защиты, вторая изготавилась нанести удар снизу. Жеан отскочил в сторону, блокировав ее выпад левым топориком, одновременно пытаясь ударить по глазам

противницы другой Сестричкой. Но ее второй кинжал был наготове – топорик отскочил, ударившись о его кованую гарду. Черт, женщина оказалась еще проворнее, чем он опасался... Ладно, сама напросилась! Жеан что было силы лягнул ее в левое колено – простой трюк, с помощью которого он за годы драк сломал не одну коленную чашечку.

И снова осечка. Непонятным образом контрареквилла заранее предощутила его движение и согнула ногу – удар попал ей в бедро. Он лишил Беранджиас равновесия, но существенного вреда не причинил. Жеан приготовился обрушить свои топорики на то место, куда, по его расчетам, должна была упасть противница, но та каким-то непонятным образом превратила свое падение в головокружительный перекат. Все произошло так быстро, что Жеан не успел даже разглядеть. Зато очень хорошо отследил то, что случилось потом: правая нога Беранджиас описала в воздухе смазанную дугу и обрушилась на его лоб – аккуратно промеж глаз. О черт! Весь мир закружился в бешеной карусели.

Ну конечно, чассон. Девочки так любят доставлять неудобства именно этим способом!

Жеан отшатнулся назад. Его спас инстинкт, выработавшийся за долгие годы тренировки, иначе не миновать бы ему смертельного удара в солнечное сплетение. Жеан резко дернул обоими топориками – вниз, наперекрест друг другу. Дон Маранцалла называл этот прием «клешнями краба». Фокус удался: одна из Злобных Сестричек захватила враже-

ский кинжал и отбросила его в сторону. Беранджиас явно не ожидала этого и на какую-то долю секунды изумленно замерла. Жеан воспользовался ее промедлением, чтобы ткнуть набалдашником второго топора в основание ее шеи. К сожалению, вышел не смертельный удар, а простой толчок, но и от него была польза. Закашлявшись, контрареквилла попятилась, что обеспечило Жеану несколько футов свободного пространства. Он отступил на ярд. Где-то неподалеку за его спиной уже маячила стена. Плохо, очень плохо... В такой тесноте, где не размахнуться, его Злобные Сестрички сильно проигрывали кинжалам Беранджиас. Требовалось поменять диспозицию.

Едва правая контрареквилла отступила, как начала действовать ее сестра. Она метнулась вперед, и Жеан тихо выругался себе под нос. Такая стойка – спиной к стене – конечно, затрудняла им нападение с двух сторон, но одновременно лишала Жеана возможности для маневра. Сестры Беранджиас могли атаковать его попеременно – одна работает, другая отдыхает. Рано или поздно он вымотается и совершит ошибку.

Жеана снова охватил гнев. Взревев, как разъяренный бык, он метнул в противницу оба своих топорика. Та вроде бы удивилась, что, впрочем, не помешало ей отскочить в сторону с проворством, в котором она не уступала сестре. В результате оба топора пролетели мимо, лишь мимоходом задев ее по волосам. С вытянутыми руками Жеан бросился на

контрареквиллу. Это выглядело безумием лишь со стороны – на таком близком расстоянии и пустые руки могли оказаться эффективными против «воровских зубов». Беранджиас приготовила свои кинжалы, уверенная в скорой победе, однако она недооценила скорость Жеана. Впрочем, люди, не видевшие его в действии, часто совершали подобную ошибку. В мгновение ока его пальцы сомкнулись на запястьях контрареквиллы. Жеан использовал всю свою силу и массу, чтобы развести ее руки с кинжалами как можно дальше. Далее произошло то, чего он ожидал: женщина подняла одну ногу, изготоясь его лягнуть. Отлично! Продолжая удерживать ее запястья, Жеан резко отклонился назад. По инерции Беранджиас дернулась вперед. Удар – и ее нос со всего размаху встретился со лбом Жеана. Во все стороны брызнула горячая кровь, несколько ее капель попало на черную рясу. Ничего, Аза Гуилла простит ему эту маленькую неаккуратность. Не давая противнице опомниться, Жеан одной рукой сгреб ее лицо и затем сильно, от бедра, пихнул назад, словно толкатель ядра на Древне-Теринских играх. Контрареквилла отлетела назад, на свою сестру, которая едва успела убрать кинжалы. Вместе, обнявшись, обе рухнули на кучу трупов под брезентом.

Жеан отбежал на середину склада, где на земле валялись его топорики. Ему хватило времени не только подобрать их, но и, расстегнув застежку на рясе, скинуть ее ко всем чертям. Сестры Беранджиас уже оправились от падения и снова

наступали на противника. Апломба у них явно поубавилось: двигались они осторожно, сохраняя между собой расстояние примерно в десять футов. «О боги, – пронеслось в голове у Жеана, – для большинства мужчин сломанный нос послужил бы поводом к отступлению!» Но только не для сестер Беранджиас. Они продолжали двигаться, и в их черных глазах горела лютая злоба. Отброшенные фонари валялись у них за спиной, четкими и зловещими контурами обрисовывая фигуры воительниц. Вот они снова взмахнули кинжалами. Новая атака.

Но, по крайней мере, теперь у Жеана было место для маневров.

Ни слова не говоря, обе сестры одновременно бросились на врага. Забавно, но на сей раз жизнь Жеану спасла именно их сработанность. Он заранее знал, как будут развиваться события: одна из сестер попытается отвлечь его внимание обманным финтом, а другая тем временем будет бить наверняка. Так и вышло. Левая Беранджиас – та, что со сломанным носом – опередила сестру на долю секунды. Вскинув для защиты левый топорик, Жеан шагнул ей навстречу. Вторая контрареквилла, похоже, не ожидала подобного маневра и не сумела сдержать заготовленного движения, рванувшись на то место, где он только что стоял. Топорик Жеана взлетел по стремительной дуге и обрушился на череп правой Беранджиас. Раздался влажный треск, и женщина упала лицом вниз. Бесполезные кинжалы выпали из ее враз замер-

ших рук.

Оставшаяся в живых контрареквилла отчаянно вскрикнула. Этот крик отвлек Жеана, и он совершил ошибку, за которую едва не поплатился жизнью. Уже поднимая привычным жестом топорик, Жеан понял, что опоздал. Один кинжал ему удалось заблокировать, но второй прошелся по его телу как раз под правым соском, вспорол кожу и мышцы, и Жеан задохнулся от боли. Беранджиас пнула его ногой в живот, повалив на спину.

В следующее мгновение она очутилась над ним. Кровь из разбитого носа заливала ей лицо, глаза горели ненавистью. Сейчас... Согнутые ноги Жеана распрямились, угодив женщине в грудь. Воздух с шумом вылетел из ее легких, контрареквилла опрокинулась назад и отлетела на метр. Отлично... только что это за острая боль в правом бицепсе? И почему левое бедро жжет как огнем? Вот черт, она успела вонзить свои кинжалы! Оттолкнув противницу, Жеан невольно помог ей вспороть собственное тело. Он застонал в бессильной ярости. Так, схватку надо заканчивать как можно быстрее, иначе он попросту умрет от потери крови.

Беранджиас уже снова была на ногах. О боги, какая же она быстрая! Жеан заставил себя подняться на колени, задыхаясь от обжигающей боли в правом подреберье. Он чувствовал, как теплая влага струится по его животу и ногам. С этой влагой истекало и время его жизни. Контрареквилла снова нападала, и Жеан собрал последние силы.

Его правая рука стремительно слабела, вряд ли она позволила бы нанести хороший удар. Поэтому Жеан попросту метнул правый топорик в лицо противнице. Броску не хватило силы, чтобы оказаться смертельным, но он заставил женщину отклониться и тем самым задержал ее на целую секунду. Этого Жеану хватило – левым топориком он рубанул ее по правому колену. Раздался громкий хруст, приятнее которого он не слышал ничего в своей жизни. Беранджиас зашаталась. Еще один взмах, и Злобная Сестричка обрушилась на ее левое колено. В то же мгновение в Жеана полетели два кинжала. Он метнулся в сторону и успел – успел! Стальные лезвия пролетели над самым его ухом. Раздался новый крик, и контрареквилла рухнула вперед, не в силах больше удерживать свой вес на раненых ногах.

Жеан несколько раз перекатился вправо – подсознательное движение, оказавшееся весьма мудрым. Вскочив на ноги, он увидел, что противница ползет в его сторону, занося кинжал для нового удара.

– Ты все равно сдохнешь, Таннен, – прошипела она. – Даже до утра не дотянешь, проклятый подонок!

– Благородный Подонок, с твоего позволения, – поправил ее Жеан. – Но ты не о том беспокоишься, сейчас речь не о моей жизни. И знаешь, что я тебе скажу, сука? Кало и Гальдо Санца смеются над тобой!

Левой рукой он метнул оставшийся топорик, вложив в этот бросок всю силу и всю ненависть, какие остались в его

истекающем кровью теле. На сей раз все вышло, как надо – лезвие топора просвистело в воздухе и вонзилось между глаз контрареквиллы. На ее лице появилось выражение безмерного удивления, и женщина рухнула ничком, нелепо скорчившись, будто разодранная тряпичная кукла.

Не тратя времени на размышления, Жеан подошел к первой сестре проверить, жива ли она. Она лежала без движения. Темная кровь, струившаяся из носа и ушей жертвы, свидетельствовала о том, что тут все кончено. Подобрав топорики, Жеан накинул на плечи кожаный плащ одной из Беранджиас, поднял капюшон и окинул склад последним взглядом. Перед глазами у него все плыло, в ушах стоял звон. На лицо были все признаки быстрой кровопотери – в своем боевом прошлом Жеан уже имел несчастье сталкиваться с этим.

Следовало выбираться отсюда, и как можно скорее. Оставив тела сестер валяться на истоптанном полу, Жеан побрел прочь по ночному Каморру. Главное – держаться подальше от Чертова Котла, где его могла поджидать уйма опасностей. Надо попытаться обойти Деревяшки с севера и двигаться в сторону Пепелища. Если только он сумеет добраться до их укрытия, и если Ибелиус будет на месте... уж он-то сумеет помочь.

Но если этот «собачий доктор» попробует обмазать его своей червячьей гадостью, то он, Жеан, ему все пальцы переломает!

Время близилось к полуночи. Донья Ворченца сидела в своем любимом кресле на самом верху Янтарного Кубка, в кабинете-солярии, и разбирала текущую корреспонденцию. Ей поступили доклады о кровопролитных разборках, следовавших за захватом власти новым капой. В заброшенных зданиях, в укромных углах находили все новые и новые тела каморрских воров с перерезанными глотками. Ворченца досадливо покачала головой: меньше всего подобные беспорядки нужны были ей сейчас, когда операция по поимке Бича Каморра выходила на финишную прямую. Но и без нее ей более чем хватало забот. Разо безошибочно выявил и изгнал из города с десятков ее агентов, и это глубоко уязвило дону Ворченцу. Либо все ее лазутчики ничего не стоят как профессионалы... либо Разо обладает невероятной проницательностью... либо в конце концов придется предположить утечку информации в собственных рядах, и на достаточно серьезном уровне – куда выше уличных «топтунов».

Проклятье! К тому же непонятно, почему этот безжалостный убийца предпочел изгнать разоблаченных шпионов, а не просто прирезать их. Может быть, не хотел с ней ссориться? Если это так, то капа Разо сильно просчитался. Дона Ворченца весьма озабочена и недовольна. Пожалуй, пора выйти с ним на связь... устроить ему встречу со Стефаном и кучей

«черных курток». Пора объяснить этому капе Разо, кто истинный хозяин в городе.

Лязгнул язычок сложного вераррского замка, дверь отворилась, и дона Ворченца нетерпеливо оглянулась. Она не ждала Стефана сегодня вечером. Но раз уж он вернулся, тем лучше. Сейчас они все и обсудят.

Однако человек, вошедший в солярий, никак не был ее помощником Стефаном.

Худощавый темноглазый мужчина с впалыми щеками непринужденной походкой шел ей навстречу через самые уединенные и недоступные покои в ее башне. Его черные волосы, особенно виски, обильно тронула седина. Незнакомец был с ног до головы одет в один и тот же цвет: серый камзол, серые бриджи, серые чулки и туфли, серые тонкие перчатки. Единственной яркой деталью в его наряде был кроваво-красный шейный платок.

Донья Ворченца поднесла руку к груди, пытаясь унять сердцебиение и задыхаясь от возмущения. Этот наглец не только ухитрился пройти сквозь ее стражу и открыть потайной замок, но еще и привел с собой сообщника – молодого человека с залысынами и пронзительным взглядом светлых глаз, тоже одетого в серое, но с ярко-красными отворотами на камзоле.

– Какого черта! Кто вы такие? – Ворченца вскочила из кресла со стиснутыми кулаками. На мгновение ее надтреснутый голос обрел прежнюю силу, поднявшись до самых вы-

соких нот. – Как вы сюда попали?

– Мы ваши покорные слуги, донья Ворченца, и пришли сюда выразить свое почтение. Конечно, следовало явиться раньше, но, надеюсь, вы простите нам эту досадную задержку. Дела, знаете ли... Любое королевство, даже самое маленькое, требует заботы.

– Вы говорите так, будто мы знакомы. Назовите свое имя, господин!

– О, у меня их несколько, – улыбнулся мужчина постарше. – В настоящий момент я предпочитаю называться капой Разо. А это мой компаньон по имени Сокольничий. Что же до того, как мы попали в ваш чудный солярий... – он сделал светский жест в сторону своего более молодого товарища. Тот вскинул руку с открытой ладонью, и доня Ворченца увидела татуировку на его запястье – три жирные черные линии.

– О боги! – задохнулась она. – Контрмаг!

– Именно так, – кивнул капа Разо. – Простите, мадам, но только искусство контрмага позволило нам попасть к вам на прием. Ваши многочисленные слуги просто не оставили нам другого выхода. Очень не хотелось беспокоить вас преждевременно...

– Вы меня уже побеспокоили, – нахмурилась Ворченца. – Теперь осталось узнать, по какому поводу.

– Просто мы посчитали, что настало время встретиться с легендарным Пауком.

– О чем вы говорите, любезный? Здесь нет никакого Пау-

ка. Это моя башня, и кроме меня и моих слуг...

– Бросьте, госпожа. Перед нами незачем разыгрывать этот спектакль.

– Боюсь, что вас ввели в заблуждение, – отчеканила донья Ворченца.

– Вот как? А эти бесконечные папки на полках? Что в них – кулинарные рецепты? И бумаги у вас на коленях... Должно быть, Стефан Рейнарт регулярно снабжает вас сведениями о последних новинках моды – расцветки, покрой... Будет вам, мадам. Я ведь совсем не дурак, и у меня свои, весьма своеобразные источники информации. Если вы будете продолжать упорствовать, я расценю это как намеренное неуважение.

– Лично я расцениваю подобным образом ваше присутствие здесь, – произнесла Ворченца после секундного размышления.

– Похоже, мы расстроили вас, госпожа? Приношу свои извинения. Но давайте смотреть на вещи реально: что вы можете с этим сделать? Ваши слуги, все до единого, спят праведным сном. Ваш Рейнарт во главе своих Полуночников отсутствует, в настоящий момент он страшно занят – сует свой нос в мои дела. Мы с вами одни здесь, донья Ворченца, так почему бы нам не побеседовать, как воспитанным людям? За этим я и пришел – вежливо поговорить по душам.

Несколько мгновений доня Ворченца разглядывала незваного гостя, затем слабо махнула рукой в сторону стоящего поблизости кресла.

– Что ж... присаживайтесь, мастер Мститель. Боюсь, не смогу предложить того же самого вашему приятелю...

– Не стоит беспокоиться, мадам, – откликнулся Сокольников. – Я обожаю старые конторки, – он направился к алькову возле двери, в то время как Разо уверенным шагом пересек комнату и расположился в кресле напротив доньи Ворченцы.

– И каково это – быть мстителем? – первой нарушила молчание она. – Не поделитесь ли ощущениями?

– На мой взгляд, это вещь, ради которой стоит жить, – весело ответил капа Разо.

– Кажется, Барсави доставил вам в прошлом некоторые неприятности?

– Неприятности? Что ж, можно назвать это и так. Именно по этой причине я убил двоих сыновей Барсави у него на глазах, а затем пустил его на корм тем самым акулам, которых он так любил.

– Какие-то старые дела?

– Знаете, я больше двадцати лет предавался мечтам о мести. Грезил, как приду и сокрушу империю Джанкано Барсави. И теперь этот момент настал – я занял место своего врага. Мне жаль, если неизбежные нарушения сложившихся раскладов доставили вам беспокойство... но это единственное, о чем я жалею.

– Никто не назвал бы Барсави добрым человеком, – задумчиво произнесла донья Ворченца. – Он был жестким, безжалостным преступником... Но весьма проницательным. Бар-

сави понимал некоторые вещи, которые личности помельче никак не могли взять в толк. Должна сказать, что сотрудничество с Барсави приносило взаимовыгодные плоды.

– Было бы обидно разрушить подобную гармонию, госпожа, – Разо позволил себе тонкую улыбку. – Но никто и не собирается этого делать. Лично я уважаю Тайный Договор, и, поверьте, моя ненависть к Барсави не послужит помехой. Я счел нужным оставить в силе все прежние договоренности и объявил об этом в ту самую ночь, когда пришел к власти.

– Да, я получила сообщения от своих агентов. Но должна признаться, что предпочла бы услышать это из ваших собственных уст... и гораздо раньше.

– Простите мою нерасторопность, госпожа Ворченца. Не буду спорить, я проявил неучтивость. Но позвольте мне загладить свою вину.

– И каким же это образом?

– Я был бы счастлив посетить праздник герцога в День Перемен, – признался Разо. – Уверен, что мои манеры и костюм вполне будут соответствовать уровню остальной публики. Представить меня можно как состоятельного господина из провинции – думаю, никто в Вороновом Насесте не знает в лицо капу Разо. Знаете ли, я с детства восхищался Пятью башнями Каморра, и мне хочется лично засвидетельствовать почтение нашей знати. К тому же я приду не с пустыми руками. У меня уже есть идея великолепного подарка.

– Боюсь, вы просите слишком много, – медленно прого-

ворила Ворченца. – Каждый из нас живет в своем мире, и они не пересекаются. Я же не прихожу на ваши воровские сходки!

– За вас это делают ваши агенты, – со смехом возразил Разо.

– Уже нет. Кстати, объясните, почему в качестве наказания для них вы избрали изгнание. Обычно в ваших кругах за такие дела полагается смерть. Чего уж проще – ножом по горлу...

– А вы предпочли бы видеть их мертвыми, донья Ворченца?

– Вряд ли. Но меня интересуют ваши мотивы.

– Хорошо, поясню. Слишком много хлопот – их многие знали. Я не мог оставить ваших агентов валяться под ногами, как это случилось с людьми Барсави. Мне не хотелось без нужды обижать вас. Поэтому я и решился на маленький дружеский жест.

– Хм-м.

– Послушайте, донья Ворченца, – веско произнес Разо. – Я отдаю себе отчет в том, что вы немедленно начнете работу по внедрению новых людей в мою организацию. Милости просим! Может, более умным повезет больше. Но мы отклонились от основной темы нашей беседы.

– Капа Разо, – осторожно начала Ворченца, – вы не выглядите нежным и ранимым человеком, поэтому я буду говорить с вами напрямик. Мы оба чтим Тайный Договор и

заинтересованы в сотрудничестве ради сохранения спокойствия в Каморре. Я также была бы счастлива видеть вас у себя при условии, что приглашение исходит от меня самой. Однако привести вас пред светлые очи герцога просто не в моих силах. Извините, но людей вашего положения туда не приглашают.

– Какое разочарование, – нахмурился Разо. – Тем более горькое, что, к примеру, Джанкано Мераджио будет присутствовать на празднике в качестве почетного гостя. Человек, который фактически пользуется плодами моих трудов. А также множество других людей – скажем, финансисты и владельцы торговых судов, которые тоже наживались на сотрудничестве с бандами Барсави. Да что там говорить – большинство каморрских аристократов в выигрыше от Тайного Договора! И в этом смысле я являюсь их верным слугой. Именно благодаря моим усилиям сохраняются денежки в их карманах. Неужели я настолько плох, что не могу тихонько постоять возле столика с напитками и посмотреть, как развлекается наша знать? Или полюбоваться на чудеса Небесного сада?

– Капа Разо, вы пытаетесь играть на струнах, которые в принципе не способны звучать, – твердо ответила Ворченца. – Не знаю, кто ввел вас в заблуждение по поводу Паука, но это не соответствует истине. Я просто не могу быть Пауком господина герцога – для этого я чересчур мягкосердечна. И давайте пока на этом остановимся. Не хотелось бы вас

обижать, но подумайте сами... Вы стали капой всего неделю назад, и я только начинаю составлять свое мнение о вас. Вот если вы продержитесь у власти хотя бы год, сумеете поладить с Правильными Людьми Каморра и сохраните Тайный Договор в неприкосновенности – тогда можно будет задуматься о вашем предложении.

– Это ваша позиция, донья Ворченца?

– Да, это моя позиция... во всяком случае, пока.

– Очень жаль, – наигранно вздохнул капа Разо. – Вы даже не можете представить, как огорчили меня своей отповедью. Я уже заготовил подарки для уважаемых лиц, которые не могут ждать до следующего года. При всем уважении к вам я вынужден отклонить ваш отказ.

– Что вы имеете в виду?

– Сокольничий...

Контрмаг стоял возле конторки, держа в руках перо и кусок пергамента.

– Донья Ворченца, – громко произнес он, что-то записывая на пергаменте – буквы у него выходили легкие и летящие. – Анджавеста Ворченца, если не ошибаюсь? Какое красивое имя... просто замечательное и, несомненно, *ПОДЛИННОЕ*.

В его левой руке появилась серебряная игла. Она запорхала над пергаментом, где стала проявляться странная светящаяся надпись – АНДЖАВЕСТА ВОРЧЕНЦА. Казалось, что по буквам пробегает магический голубой огонь. На дру-

гом конце комнаты раздался стон доньи Ворченцы. Она сидела, сжимая голову руками.

– Простите, что приходится использовать столь неподобающие средства, донья Ворченца, – мягко сказал капа Разо. – Но разве вы сами не видите, чего лишаете господина герцога? Вы хотите отобрать у него дары, которые я жажду нижайше сложить к его ногам?

– Я... я не знаю...

– О да, – раздался голос Сокольничего, – конечно же, вы будете очень рады убедиться, что капу Разо пригласили на праздник Дня Перемен.

Буквы на пергаменте вспыхнули еще ярче.

– Капа Разо, – медленно, неуверенно проговорила Ворченца. – Вы, несомненно... должны... посетить герцогский дворец.

– И вы не потерпите отказа, – продолжал внушать Сокольничий. – Капа Разо просто обязан принять такое приглашение.

– Я... не приму... вашего отказа.

– А я и не собираюсь отказываться, – ответил Разо. – Вы так добры, донья Ворченца! Просто чрезвычайно добры. Что же касается подарков... У меня есть четыре выдающихся изваяния, которые я хотел бы подарить господину герцогу. При этом мне совсем не хочется мешать веселью. Мои люди тихо доставят их на праздник и поставят где-нибудь в стороне, а господин герцог сможет разглядеть их попозже, когда будет

не так занят.

– Как чудесно, – подсказал Сокольничий. – Вы просто в восторге от этого предложения.

– Трудно придумать, что могло бы... порадовать меня больше. Это достойный поступок... капа Разо.

– Точно, – согласился Разо, – очень достойный поступок. Именно так.

С коротким смешком он поднялся из кресла и махнул своему помощнику.

– Донья Ворченца, – произнес тот, – вы получили огромное удовольствие от этой беседы. Вы с нетерпением ждете встречи с капой Разо на Дне Перемен и окажете ему всяческую помощь в доставке его замечательных подарков в герцогский дворец.

Он сложил пополам кусок пергамента и опустил его в карман камзола, затем сделал в воздухе несколько пассивных движений рукой, в которой держал серебряную иглу.

Донья Ворченца глубоко вздохнула и несколько раз моргнула.

– Капа Разо, вам вправду пора уходить? – спросила она. – Беседа с вами внесла такое приятное разнообразие в мои вечера...

– Я тоже совершенно очарован вашим гостеприимством, госпожа Ворченца, – Разо низко поклонился пожилой женщине, расшаркавшись при этом в лучшем придворном стиле. – Но дела есть дела. Мне пора заняться своими, а вас

оставить наедине с вашими.

– Ну, значит, так тому и быть, мой дорогой мальчик.

Ворченца принялась было подниматься из кресла, но он остановил ее вежливым жестом.

– Нет-нет, прошу, не беспокойтесь из-за нас. Мы и сами прекрасно найдем выход из вашей чудесной башни. Умоляю простить нас за беспокойство и вернуться к своим занятиям.

– О чем вы говорите! Никакого беспокойства, – возразила донья Ворченца. – Значит, мы увидимся на празднике у герцога? Вы принимаете мое приглашение?

– Конечно, – с очаровательной улыбкой ответил тот, останавливаясь у дверей солярия. – Я с радостью принял ваше приглашение. Увидимся в День Перемен, доня Ворченца, в Вороновом Насесте.

Интерлюдия. Дочери Каморра

Первая настоящая революция в преступном мире Каморра случилась задолго до появления капы Барсави, точнее, за пятьдесят лет до его возвышения. Причиной этой революции послужило прискорбное отсутствие самоконтроля у некого сутенера по имени Тревор Варгас и по прозвищу Громила.

У Громилы также имелось множество других прозвищ, употреблявшихся в узком кругу городских шлюх, которых опекал Тревор. И все они отражали нрав этого человека. Сказать, что он был невоздержанным кровожадным маньяком, значило бы смертельно обидеть большинство невоздержанных кровожадных маньяков. По сути, он представлял для своих подопечных куда большую опасность, чем те клиенты, которые расплачивались с ними медяками и серебряными тиринами. А если уж говорить о защите, то бедным шлюхам важнее всего было защититься от его пудовых кулаков – что они и делали, отдавая ему почти весь свой заработок.

И настал вечер, когда одна из девиц потеряла терпение. Надо сказать, что Тревор практиковал ежевечерние сеансы «расслабления», когда очередная жертва должна была его убажывать, стоя на коленях и активно работая языком, а он в это время мычал и нещадно драл ее за волосы. Не помня себя от боли, девица выхватила из-за корсажа нож и с раз-

маху всадила его в мужское достоинство мучителя – слева, как раз у основания. Затем, довершая содеянное, полоснула лезвием слева направо и начисто срезала ненавистному Громиле предмет его гордости. Потом, как водится, было море крови и поросячьего визгу. Попытка Тревора схватиться с мерзавкой потерпела провал, так же, как и попытка бежать – слишком уж быстро утекала жизнь из раны между ногами. И вот его собственная шлюха повалила бывшего повелителя на пол и уселась верхом, чтобы не дать ему уползти из комнаты. Ждать ей пришлось недолго – силы Громилы таяли на глазах, и очень скоро он скончался к бурной радости всех собравшихся девиц.

На следующий же вечер местный капа прислал замену Тревору. В женском царстве его встретили самыми очаровательными улыбками и тут же предложили «угоститься», естественно, на дармовщинку. Не иначе, вместо мозгов у парня была груда битого щебня, ибо он с радостью согласился. Шлюхи тут же принялись за дело: раздели нового начальника, разоружили... и закололи кинжалами, как свинью на заднем дворе. Естественно, подобный поворот дел не порадовал капу, и назавтра он отправил пять или шесть молодчиков разобраться с непокорными дамами.

Но за минувшую ночь положение коренным образом изменилось. Вдохновленные примером, еще несколько команд шлюх освободились от своих сутенеров. Они объединились и решили организовать независимый дом терпимости в се-

верной части Западни. Таким образом, когда люди капы прибыли на место, они обнаружили не шесть-семь перепуганных женщин, как им было обещано, а три десятка фурий, к тому же очень решительно настроенных. Девицы успели приобрести оружие, которым и встретили непрошенных гостей. Арбалеты – отличное средство уравнивать силы, особенно если применить их неожиданно и на близком расстоянии. В общем, карательный отряд так и не вернулся к своему капе.

Так в городе началась настоящая война. Разъяренные капы, лишившиеся доходного бизнеса и своих людей, прилагали усилия для исправления ситуации. С другой стороны, все больше женщин присоединялось к вспыхнувшему восстанию. Не рассчитывая на собственные силы, они наняли пару банд для поддержки своего дела, считая его безусловно правым. Под их защитой шлюхи открыли так называемые «дома наслаждений», где дела велись в соответствии с теми правилами, которые установили они сами. Теперь они оказывали услуги в удобных чистых кабинетах, и богатые клиенты предпочитали обращаться к ним, а не к их товаркам, работавшим по старинке. Деньги решили исход войны.

Каморрские проститутки организовали свою гильдию. Прошло менее года после истории с Громилой Тревором, и последние сутенеры убедились, подчас путем весьма жестоких уроков, что лучше поискать себе применения в других областях. Так будет безопаснее для их мужского достоинства.

Конечно, не обошлось без кровопролития. Десятки «ночных бабочек» сложили свои жизни на алтарь борьбы за независимость, несколько публичных домов было сожжено дотла. Однако каморрские шлюхи держались стойко и жестоко мстили обидчикам: за каждую такую смерть капам приходилось расплачиваться жизнью своих людей. Око за око – священный принцип, которого придерживались все преступные авторитеты города. В конце концов между враждующими сторонами было заключено перемирие.

Город оказался поделен на две части: западный конец Каморра отошел к Портовым дамам, в то время как на востоке заправляла гильдия Лилий. В районе же Западни, где работы было особенно много, прекрасно уживались обе компании. Дело продолжало процветать. Теперь женщины имели собственных телохранителей и перестали прибегать к услугам головорезов из чужих шаяк. И хотя их ремесло по-прежнему оставалось не слишком-то приятным, шлюхи, по крайней мере, занимались им в собственных заведениях и могли диктовать клиентам определенные правила.

Более того, они создали монополию и, в обмен на обещание не вмешиваться в прочие преступные расклады, выторговали у каморрских кап право жестоко расправляться с проститутками-одиночками, не входившими в их гильдии. Как водится, некоторые представители сильного пола проявили характерную тупость. Время от времени они пытались избить кого-нибудь из девиц, или надуть их с оплатой, или пре-

небрежь стандартами чистоты и трезвости, установленными жрицами любви. Но жизнь заставила их усвоить хорошие манеры. Очень скоро выяснилось, что трудно буйствовать, когда одна разгневанная шлюха держит твое достоинство в зубах, а вторая в это время приставила нож к твоему горлу.

Когда капа Барсави пришел к власти, сокрушив всех своих конкурентов, даже он не посмел нарушить равновесие, установившееся между каморрскими бандами и гильдией проституток. Он принял делегацию от Лилий и Портовых, причем встреча прошла в атмосфере взаимного уважения и понимания. В результате девицы сохранили свою автономию, а в благодарность согласились делать некоторые отчисления в пользу капы Барсави – кстати, гораздо меньшие, чем платили другие Правильные Люди.

Мудрый Барсави уяснил для себя одну важную вещь, которая оказалась недоступна многим мужчинам Каморра. Эта мысль получила развитие в его решении нанять для охраны небезызвестных сестер Беранджиас. И заключалась она в следующем: тот, кто недооценивает каморрских женщин, рискует окончить жизнь до срока.

Глава 15. Укус паука

1

– Хотелось бы надеяться, что вы с Жеаном проявите больше благоразумия, чем в последнюю неделю.

– Не забываетесь, мастер Ибелиус. Вы не наша матушка, а всего-навсего врач, – отозвался Локки. – За сегодняшний день я уже десять раз повторил вам, что и душой, и телом абсолютно готов для похода в Воронов Насест. Уверяю вас, со мной все будет в порядке. Я – сама осторожность.

– Сама осторожность? Тогда упаси меня боги встретиться с воплощением неосторожности!

– Оставь его в покое, Ибелиус, – пророкотал Жеан. – Ты пилишь Локки не хуже ворчливой жены.

Он сидел на своем тюфяке – всклочоченный, изможденный. Отросшая щетина еще больше подчеркивала неестественную бледность лица. Прошло совсем немного времени с его ночной схватки, и весь обнаженный торс Жеана был перемотан самодельными бинтами. Точно такие же громоздкие повязки скрывали его левое бедро и правое предплечье.

– Очень удобно иметь своего домашнего врача, Жеан, – продолжал Локки, поправляя искрящиеся манжеты на камзоле, прежде принадлежавшем Мераджио. – Но, думаю, в

следующий раз я предпочту заплатить подороже, но получить вариант поговорчивее.

– Ах так? Тогда сами перевязывайте свои раны, мой господин, и сами накладывайте компрессы! Хотя, на мой взгляд, самое разумное, что вы можете сделать – это взять лопаты и выкопать себе уютные могилки. Будет где спокойно переждать, пока ваши проблемы не утрясутся сами собой.

– Ну что вы, мастер Ибелиус, – произнес Локки, хватая старика за руки. – Мы с Жеаном чрезвычайно благодарны вам за помощь. Подозреваю, что, не вмешайся вы, нас обоих уже не было бы среди живых. И я собираюсь щедро вознаградить вас за то время, которое вы потратили на нас. В ближайшее время у нас на руках будет несколько тысяч крон, и часть этих денег перейдет к вам. Вы сможете уехать из Каморра и начать новую жизнь уже обеспеченным человеком. А оставшуюся сумму мы потратим на то, чтобы известить капу Разо. Порадуйтесь хотя бы тому, что Жеан уделал его проклятых сестриц!

– Да, это был подвиг, который я вряд ли смогу повторить в ближайшее время, – вздохнул его друг. – Поэтому береги себя, Локки. Я не смогу прибежать на помощь, если вечером что-то пойдет не так.

– Не сможет, но обязательно попытается, – съязвил лекарь.

– Не волнуйся, Жеан, это будет обычный праздник. Раз в год господин герцог собирает своих придурков-аристократов

в шестисотфутовой стеклянной башне. Что там может пойти не так?

– Твой сарказм звучит как-то неубедительно, – покачал головой Жеан. – Ты уверен, что горишь желанием пойти туда?

– Конечно, дружище. Если бы Цепп был жив, то повеселился бы от души. Представляешь, дать спектакль в присутствии самого господина герцога и его чертовой знати – всех этих де Марров, Фелуччия, старого Джаваррица... О, Святой Ловкач, да это действие станет венцом моей карьеры! При условии, конечно, что я отыграю все, как надо. А затем денежки окажутся у нас в кармане, и мы сможем отомстить!

– И когда ты должен быть в особняке у Сальвары?

– После двух. Кстати, мне надо торопиться, хватит тратить время попусту. Жеан, Ибелиус, как я выгляжу?

– Прекрасно, – ответил врач. – Трудно поверить, что совсем недавно этот человек лежал на смертном одре. Должен признать, Локки, что вы непревзойденный актер. То, что вы проделали со своим внешним видом... я даже не подозревал, что такое возможно.

– Это часть нашей работы, мастер Ибелиус, – приосанился Жеан. – Такое немногим под силу. Итак, вы смотрите великолепно, мастер Фервит. Теперь бы добраться без приключений до Дюроны. А путь туда не близкий, не так ли?

– И не говори, дружище, – вздохнул Локки. – Пожалуй, лучше я пересеку кладбище и затем пойду через Закуток.

Главное, ни с кем не столкнуться здесь, в Пепелище.

Он подобрал непромокаемый плащ одной из сестер Беранджиас, в котором Жеан вернулся со склада, и тщательно в него закутался. Ничего, что жарко, зато он скроет от любопытных глаз свой великолепный костюм... по крайней мере, пока не доберется до Холма Шепотов. Человек в вечернем наряде привлекает к себе нежелательное внимание, особенно среди обитателей трущоб.

– Все, я отправляюсь в Воронов Насест, – объявил он. – Увидимся позже. Отдыхай, Жеан. Мастер Ибелиус, не оставляйте его своими заботами. Надеюсь вернуться с добрыми новостями.

– Будет хорошо, если вы вообще вернетесь, – пробормотал себе под нос старый лекарь.

2

...Стоял семьдесят восьмой год Азы Гуиллы по теринскому календарю. И был День Перемен, знаменующий летнее солнцестояние. В этот день весь Каморр словно сошел с ума.

Для проведения Речных Игрищ выделили широкую округлую заводь посреди Плавучего рынка. В самом центре этой водной площадки разместилось поле для игры в ручной мяч, которое соорудили из сдвинутых вместе барж с плоскими палубами. Сюда по очереди поднимались команды, собранные из случайных игроков, и неумело мяли друг дру-

га к удовольствию шумной толпы болельщиков. Стоило какой-нибудь команде одержать победу, как к плавучему полю спешила маленькая лодочка с пивной бочкой и щедро оделяла победителей живительной влагой. Стоило ли удивляться тому, что с каждым разом игра становилась все более грубой и необузданной? Время от времени кто-то из игроков падал в воду, и его вылавливали спасатели из «желтых курток»: они усердно патрулировали мероприятие, хотя и не изъявляли желания вмешиваться в разгоравшиеся потасовки.

В День Перемен улицы Каморра заполонили толпы горожан с пивными жбанам и винными бутылками. Тут и там сами собой возникали пикники – на радость богам, взирающим сверху на это действо. Реки гуляющих текли по мостовым, сливались, объединялись и снова рассредоточивались. Они бродили по жилам города подобно отравленной крови в венах пьяницы.

Особо оживленно было в Западне. Здесь в празднование включались случайные элементы – моряки с иноземных кораблей и другие посланцы дружбы. Через несколько часов каморрского гостеприимства гуляки-чужестранцы оказывались не способны отличить собственную задницу от барабанной перепонки. Мощный прилив веселья, азарта и выпивки захватывал их, перехлестывал через их головы, и несчастные гости добровольно тонули, погружаясь в пучины Дня Перемен. Немногие корабли рискнули бы на следующие утро выйти из порта Каморра – где взять силы поднять флаги, не

говоря уже о парусах!

Не менее шумно было в Чертовом Котле, и в Муравейнике, и в Отстойнике – здесь люди капы Разо праздновали приход нового владыки. По его приказу по улицам разъезжали десятки повозок с бочками дешевого красного вина. Те члены банд, которые по каким-то причинам – по бедности либо по лености – не смогли добраться до центра веселья в Западне, пьянствовали прямо на ступеньках своих домов, что несколько не умаляло их удовольствия. Гарристы расхаживали по ленным владениям Разо с огромными корзинами и раздавали буханки хлеба всем желающим. О, это были не простые буханки! В каждую из них пекари вложили по кусочку меди или серебра. Когда эти тайные дары были обнаружены (иногда ценой сломанных зубов), весь хлеб как рукой смело. Ни одна из буханок не дошла до границ Храмового района.

Плавучая Могила распахнула свои двери для посетителей. Несколько банд во главе со своими гарристами развлекались здесь игрой в карты, принявшей поистине эпический размах. Число участников все росло, пока не достигло нескольких десятков. Все эти люди пили и перекидывались картами, ссорились и орали, расположившись прямо на палубе галеона, над темными водами Деревяшек, совсем недавно поглотившими капу Барсави вместе со всей его семьей.

Самого Разо не было видно – он занимался какими-то делами в северной части города. Лишь немногие доверенные

лица из личной охраны капы знали, что сегодня он намерен присутствовать на празднике у герцога и взирать на подвластный ему город с высоты Воронова Насеста.

В Храмовом районе День Перемен отмечали в более сдержанной манере. Обитатели каждого храма – как священники, так и молодые послушники – менялись местами со своими коллегами из соседних храмов. Отслужив службу, они переходили дальше и дальше в случайном выборе небесного покровителя. Служители Азы Гуиллы в черных рясах отправляли величественный ритуал на ступенях храма Ионо, в то время как их собственный дом отошел в пользование Повелителя алчных вод. Госпожа Эллиза и Азри, Моргайте и Нара, Гандоло и Сендовани – служители всех этих богов жгли свечи, возносили гимны к небесам и шли дальше. Особые, дополнительные молитвы произносились перед сгоревшим Домом Переландро – там, где в глубокой задумчивости стоял одинокий старик в белых одеждах. Он лишь недавно приехал из Ашмера и теперь растерянно обдумывал свой рапорт Верховному Служителю Переландро по поводу гибели храма. Как описать разрушения, царившие в подземном убежище из Древнего стекла... если до сего момента он даже не подозревал о его существовании?

А зажиточные пары из Северного Угла и Пояса Фонтанов направлялись в Серебристую рощу, чтобы заняться там любовью в канун летнего солнцестояния. Считалось, что если успеть сделать все, что надо, до прихода Лжесвета, сбудутся

все мечты родителей о счастье их будущего чада – плода ритуальной любви. Впрочем, большинство мужчин и женщин, уединявшихся на древних камнях рощи среди шелестящей листвы, меньше всего думали об еще не родившемся ребенке. Они страстно желали лишь одного – друг друга.

Вадранский фрегат «Сатисфакция» по-прежнему стоял на якоре в каморрской Старой гавани. Судно покачивалось на волнах с развевающимися желтыми флагами и желтыми фонарями, которые не гасили даже в дневное время. По палубе его расхаживало с десяток человек. Они спокойно и обстоятельно готовились к тому, что предстояло им ночью – установили на мачтах и замаскировали парусиной арбалеты, укрепили на верхней палубе антибордажное оснащение и заготовили ведра с песком на случай пожара. Если каморрцы все-таки решат обстрелять их с берега, то, скорее всего, будут использовать «алхимический огонь», а против него, как известно, вода не только бесполезна, но и вредна.

В темном же трюме под верхней палубой расположились еще три дюжины человек. Все они были живы-здоровы и с аппетитом обедали – когда настанет время действовать, желудки должны быть полны.

У подножия Воронова Насеста, резиденции каморрского герцога Никованте, собралось около сотни экипажей. Вокруг них бесцельно слонялась целая армия кучеров и охранников в ливреях; они перебрасывались незначущими фразами и потягивали освежающие напитки, которые доставляли им

герцогские слуги. Всем этим людям предстояло ждать своих хозяев до самого утра. День Перемен был единственным днем в году, когда вся каморрская знать, даже самые мелкие аристократы с Альсегрантских островов, не говоря уже о представителях Пяти семейств, собиралась вместе в башне герцога.

Они ели, пили, расточали друг другу комплименты и высказывали давние обиды, в то время как их стареющий повелитель восседал на троне и смотрел на них подслеповатыми слезящимися глазами. Это была давняя традиция, и с каждым годом седины у герцога прибавлялось, а искренность его подданных убывала. Раз от разу их поклоны и заверения в любви и верности становились все более фальшивыми, а разговоры за спиной герцога – все более ядовитыми. Слишком уж затянулось правление герцога Никованте...

В этот вечер подъемники Воронова Насеста работали особенно интенсивно. Шесть клетей беспрестанно поднимались и опускались на своих цепях, принимали внизу новую партию разряженных гостей и снова со скрипом ползли на вершину башни. Здесь гости высаживались, чтобы смешаться с толпой других приглашенных – придворных завсегдатаев и льстецов, могущественных банкиров и торговцев, опасных хищников и безобидных любителей погулять и выпить за чужой счет. Наверное, птицам, которые облетали башню в знойных лучах послеобеденного солнца, все эти люди казались стоящими в луже расплавленного серебра на вершине

колонны из белого огня.

Железная клеть, несущая Локки Ламору и чету Сальвара, не спеша поднималась вверх, рассекая жаркий воздух и направляясь к краю посадочной платформы Воронова Насеста.

3

– Святые Сущности, я никогда не видел ничего подобного! – воскликнул Локки. – Мне еще не случалось находиться так высоко в воздухе. И, клянусь Руками-под-Водами, я прежде ни разу не поднимался на такие высоты общества! Дон Лоренцо, донья София... надеюсь, вы простите меня, если я, словно утопающий, буду цепляться за вас обеими руками?

– Ничего страшного, – улыбнулся дон Сальвара. – Мы с Софией проделываем этот путь с детства. Каждый год, в назначенный день... Поверьте, страшно только первые десять-одиннадцать раз.

– Придется поверить вам на слово, мой господин!

Наверху их встретили слуги в серебристо-черных ливреях с россыпью блестящих на солнце серебряных пуговиц. Они распахнули дверцы и придержали клеть, пока гости высаживались на посадочную террасу. Мимо них промаршировал целый взвод «черных курток» в полном парадном облачении: на плече – боевая шпага в серебряных ножнах, на голове – высокая меховая шапка с медальоном, на котором сверкает

герб каморрских герцогов. Локки невольно пожалел солдат – легко ли часами вышагивать в таком наряде под палящими лучами солнца! Он и сам изрядно вспотел, пока поднимался на вершину башни. Но у них, по крайней мере, была возможность спрятаться внутри затененных помещений.

– Дон Лоренцо и донья София, если не ошибаюсь?

Человек, отделившийся от толпы и устремившийся в их сторону, был широкоплеч и очень высок – на целую голову выше остальных гостей. Резкие черты лица и особенно светлые волосы прямо-таки кричали о принадлежности к одному из старейших вадранских родов с чистой кровью. Предки этого человека явно жили на дальнем северо-востоке, может быть, в Астрате или Винтиле, то есть в самом сердце Королевства Семи Сущностей. Однако он носил черную форму Ночных Стекольщиков с серебряными капитанскими звездами на воротах и говорил на чистейшем каморрском языке без малейших признаков акцента.

– Вы не ошиблись, – кивнул дон Лоренцо.

– Я к вашим услугам, господин и госпожа Сальвара. Меня зовут Стефан Рейнарт. Уверен, донья Ворченца говорила вам обо мне.

– Ну конечно! – донья София протянула руку для поцелуя, и Рейнарт почтительно согнулся над ней в низком поклоне. – Очень приятно наконец-то с вами познакомиться, капитан Рейнарт. Как себя чувствует донья Ворченца?

– Она *ВЯЖЕТ*, госпожа, – рассмеялся Рейнарт, и в его

улыбке промелькнул намек на какую-то шутку, известную лишь им двоим. – Укрылась в одной из гостиных господина герцога. Вы же знаете, донья Ворченца не любит шумных компаний.

– Я обязательно разыщу ее, – сказала София. – Мне будет приятно с ней повидаться.

– Уверен, госпожа, что она тоже будет рада... А это, осмелюсь предположить, мастер Фервит, торговец из Вадрана? Мне говорили, что вы приведете с собой гостя, – капитан отвесил еще один поклон, на сей раз не такой низкий, и проговорил по-вадрански, но с сильным акцентом: – Да даруют вам Сущности сладость, а морская соль – покой, мастер Фервит!

– Да приведут вас Руки-под-Водами к великой удаче, – ответил Локки традиционным приветствием на своем безупречном вадранском, но затем из вежливости вновь перешел на теринский. – Полагаю, вы северянин, капитан Рейнарт? Как удивительно: один из моих земляков, и на службе у герцога Каморра!

– Вы безошибочно угадали мое происхождение, – кивнул Рейнарт. – Но так уж случилось, что я лишился родителей еще в раннем детстве. Это случилось здесь, в Каморре, где они находились с торговой миссией. Меня усыновила и вырастила донья Ворченца, хозяйка Янтарного Кубка – вон той башни, что сверкает чистым золотом. Своих детей у нее нет, и госпожа Ворченца перенесла на меня всю свою любовь. И

хотя формально я не наследую ни ее титула, ни состояния, это позволило мне занять пост в герцогской гвардии.

– Потрясающе! Должен сказать, что у вас очень впечатляющая внешность – прямо-таки король Семи Сущностей. Полагаю, господин герцог счастлив иметь на службе такого человека.

– От всего сердца надеюсь, что так оно и есть, мастер Фервит. Впрочем, моя скромная особа – едва ли интересная тема для беседы. Господин Сальвара, госпожа... прошу вас, проходите. Позвольте проводить вас...

– Всенепременно, – улыбнулась София. Наклонившись к Локки, она пояснила: – Донья Ворченца – просто чудо! Для всех альсегрантских дам она нечто вроде доброй тетушки: всегда решит и подскажет, как лучше поступить. Увы, сейчас она не слишком хорошо себя чувствует. Знаете ли, возраст берет свое... с каждым месяцем донья Ворченца все больше замыкается в себе и отдаляется от общества, но, слава богам, пока еще это не приняло необратимого характера. Вы обязательно должны с ней познакомиться.

– Буду ждать с нетерпением, госпожа Сальвара.

Рейнарт проводил их в самую башню, и Локки замер, пораженный открывшимся зрелищем.

Снаружи Воронов Насест смотрелся непроницаемой серебристой громадой, но изнутри он выглядел почти прозрачным. Казалось, будто в его стеклянных стенах обитает некий мглистый туман, незримый глазу – единственным его про-

явлением служило то, что ослепительный солнечный свет смягчился до щадящего глаза молочного полумрака. К северу от башни лежала холмистая равнина и широкая лента Анжеваны, а на юге вырисовывались острова нижней части города, которые с такой высоты казались развернутой географической картой. Локки неотрывно разглядывал сказочную панораму, невзирая на возникшее чувство головокружения.

Прямо у них над головами начинался Небесный сад – десятки горшков и кадок, в которых росли кусты и полноценные деревья. По слухам, на этой крыше скопилось не менее сотни тонн жирного чернозема. Плетви ползучих растений каскадом спускались через ограждения – прямо-таки тропический лес в миниатюре. Посреди этого леса в ветвях одного из деревьев было установлено деревянное сиденье, развернутое к Стальному морю. Оно служило высочайшей точкой города – выше не мог забраться уже ни один здравомыслящий человек. Как всегда, Небесный сад был полон детей. Именно здесь традиционно развлекались отпрыски каморрской знати, в то время как их родители выпивали и поддерживали светскую беседу у них под ногами.

Локки обнаружил, что они стоят на полукруглой террасе, занимающей примерно половину этажа. Приблизившись к ограждениям, он вцепился в перила и заглянул вниз. Там располагались еще четыре подобных террасы, разделенные расстоянием примерно в двадцать футов, и на каждой из них толпился народ. Головокружение с новой силой обрушилось

на Локки. С одной стороны – прозрачное стекло, сквозь которое можно рассмотреть землю где-то на глубине в восемьдесят футов; с другой – обширная панорама, расстилающаяся к югу. Казалось, будто мир накренился и вот-вот обрушится в неведомую даль... Но тут чья-то сильная рука сжала плечо Локки и вывела из этого неприятного состояния.

– Похоже, вам с непривычки дурно в Вороновом Насесте? – рассмеялся дон Лоренцо. – Вы вцепились в перила, будто в любимую женщину. Идемте отсюда, выпьем чего-нибудь освежающего. Со временем вы привыкнете к этому зрелищу, и оно будет казаться вам совершенно нормальным.

– О, господин Сальвара, хотелось бы верить, что вы правы. Действительно, пойдете к банкетному столу.

Молодой аристократ повел Локки сквозь толпу людей, облаченных в шелка и батист, тончайший кашемир и редкие меха. На ходу он кому-то кивал, кому-то махал рукой. Софии нигде не было видно, как и нового знакомого – капитана Ночных Стекольщиков.

Стол, накрытый льняными скатертями с серебряным шитьем, образовали цепочку длиной в пятьдесят футов. Не исключено, что это были всего лишь столы с закусками – на таких званых приемах закуска вполне сравнима с полноценным обедом в менее важных местах. Возле столов застыли в ожидании герцогские повара – сплошь мастера Гильдии восьми Прекрасных искусств, в парадных кремово-желтых одеждах и черных церемониальных шапочках, украшенных

свисающим на ухо золотым шнуром. У каждого из поваров, и мужчин и женщин, четыре пальца на каждой руке украшала сложная татуировка, отражавшая их принадлежность к одному из восьми Прекрасных искусств.

Дальний конец пиршественного стола был отведен под десерты (пятое Прекрасное искусство). Здесь были выставлены пирожные с вишневым кремом, заключенные в позолоченные раковины, которые, как ни удивительно, тоже были съедобными; пирожные из коричневого теста с медовым сиропом в виде целой флотилии маленьких корабликов, паруса которых были сделаны из марципана; груши, фаршированные кусочками речной дыни, пропитанной коньячным сиропом. Присутствовала здесь и речная дыня сама по себе – очищенная от зеленой кожуры, она привлекала гостей нежно-розовой мякотью. Искусные мастера воспроизвели на каждой дыне герб Каморра, а внутрь заключили алхимические шары, которые озаряли все изделие теплым розоватым светом.

На другом конце стола царило мясо. На каждом из серебряных подносов была выложена *фантазмавола*, то есть «невозможное блюдо». Каждое из этих кулинарных произведений имитировало некое фантастическое существо – брались две половинки различных животных и соединялись в процессе приготовления. Локки увидел жареного поросенка с головой осетра, покоящегося на ложе из черной икры. Рядом лежала свиная голова с болотным яблоком во рту, а к ней приделано тушеное туловище каплуна, политое соусом

из жженого сахара и винных ягод. Выглядело это столь соблазнительно, что рот Локки немедленно наполнился слюной. По его знаку один из поваров отрезал изрядный кусок свино-каплуна и положил ему на тарелку. Локки начал есть, помогая себе серебряной вилочкой. Ломтики мяса таяли у него во рту, смешиваясь со вкусом масла и соуса. Великолечно! Головокружительно! Он уже не помнил, когда в последний раз ел такую роскошь. Во всяком случае, ему самому понадобился бы не один час – да и то с полноценной помощью братьев Санца, – дабы приготовить нечто подобное у них на кухне...

Воспоминание о погибших друзьях сразу же погасило все удовольствие от еды, и Локки торопливо прикончил свою порцию. Пробовать кальмара с бычьей головой у него уже не было никакого желания.

В центре стола помещался шедевр кулинарного искусства – огромный, в восемь футов длиной, съедобный макет, изображающий Каморр в миниатюре. Альсегрантские острова, сделанные из сладкого дрожжевого теста, помещались на рифленых металлических противнях. Каналы между ними были заполнены ликером голубоватого цвета, который придавал особую реальность этой кулинарной диораме. Поварам удалось воссоздать из плавленного сахара все главные мосты – они как живые сверкали на солнце. Из него же были отлиты основные сооружения из Древнего стекла – от Расколотой башни на юге до Обители Хрустальных Роз на севере.

Особенно эффектно выглядели каморрские Пять башен, которые своим блеском и великолепием затмевали все остальное. Приглядевшись повнимательнее, Локки разглядел даже крошечный – не больше миндального ядрышка – шоколадный галеон, плавающий в кофейном пудинге Деревяшек...

– Ну как вы тут, Лукас?

Возле него остановился улыбающийся дон Сальвара с бокалом вина в руке. Подоспевший официант принял у Локки тарелку с остатками соуса и удалился, чтобы не мешать беседе высоких господ.

– Я просто ошеломлен, – признался Локки, нисколько не покривив душой. – Клянусь Руками-над-Водами, я не ожидал ничего подобного. Думаю, наш король Семи Сущностей тоже пришел бы в восторг. Ни один правитель не может похвастаться при своем дворе такой роскошью, как у герцога Никованте.

– Ваши слова – большая честь для нашего города. Мне так приятно, что вы решили присоединиться к нам с Софией! А я только что побеседовал со своими друзьями из знати, причем с одним из них у нас вышел очень долгий и серьезный разговор. Я очень надеюсь получить от него три тысячи крон для вас. Мне слегка неудобно в этом признаться, но по натуре он очень мягкий и внушаемый человек... и к тому же бесконечно доверяет мне.

– Лукас! – к ним подошла донья София в сопровождении Рейнарта. – Надеюсь, Лоренцо не слишком ленивый экскур-

совод?

– Госпожа Сальвара, я потрясен зрелищем этого пира! Осмелюсь заявить, что даже если бы ваш муж забыл меня где-нибудь в уголке этого зала, то и тогда я развлекался бы сверх всякой меры.

– Я никогда так не поступлю, – рассмеялся дон Лоренцо. – Знаешь, дорогая, я только что повстречался с доном Беллариджио. Он здесь со своим протезе-скульптором... с тем одноглазым парнем из Лашена, если помнишь.

В этот момент мимо них прошла целая команда ливрейных слуг: они несли на деревянных носилках какой-то тяжелый и громоздкий предмет. Вблизи выяснилось, что это пирамида из стекла и золота, увенчанная гербом Каморра. Очевидно, внутри нее размещались алхимические шары, поскольку все изваяние сияло приглушенным оранжевым светом. На глазах у Локки он поменялся на зеленый, затем на голубой, белый и снова вернулся к оранжевому.

– О боги, «бегущие огни»! – воскликнула донья София, которую вообще восхищало все алхимическое. – Как красиво! А эти еще вдобавок отлично отрегулированы. Как бы мне хотелось заглянуть и узнать, как там все устроено... Как ты думаешь, Лоренцо, сможет ли лашенец дона Беллариджио изготовить такое же для меня?

Тем временем прошествовали еще три процессии с изваяниями, и у каждого цветовая гамма немного отличалась от соседнего.

– Не знаю, не знаю, – покачал головой Рейнарт. – Эти предметы – подарок господину герцогу от одного... весьма необычного гостя. Они появились здесь по особому решению моего руководства. Не правда ли, чудо?

Локки снова повернулся к банкетному столу и вдруг увидел поблизости Джанкано Мераджио с обычной орхидеей на груди. Одна рука у него была занята серебряной тарелкой с едой, другая – роскошной красавицей в красном платье. Сначала банкир лишь мельком взглянул на Локки, но затем круто развернулся и уставился на его костюм. На его лице отразилась отчаянная борьба. Мераджио открыл было рот, собираясь что-то сказать, потом закрыл – и наконец все же решился.

– Прошу прощения, уважаемый, – заговорил он ледяным тоном, – но не могли бы вы...

– Какая встреча, мастер Мераджио! – воскликнул дон Сальвара, делая шаг вперед. При виде аристократа банкир снова умолк и вежливо, хотя и не слишком низко, поклонился.

– Дон Сальвара и очаровательная донна София! – произнес он. – Чрезвычайно рад видеть вас обоих. Мое почтение, капитан Рейнарт.

После этого он опять прочно устремил взгляд на Локки. Отступить было некуда.

– Какая удача, мастер Мераджио! Как приятно наконец-то с вами познакомиться! Бывая в банке, я столько раз видел

вас со стороны, но ни разу не решился подойти, чтобы выразить свое почтение.

– В самом деле? А я вот как раз хотел поинтересоваться... кто вы такой, господин?

– Мастер Мераджио, – вмешался дон Сальвара, – позвольте представить вам Лукаса Фервита, торговца из Эмберлина. Он – представитель знаменитой фирмы бел Аустеров и приехал в наш город обсудить некоторые возможности импорта тамошнего пива. Мне бы очень хотелось сравнить качество их товара с нашими лучшими сортами. Лукас, а это достопочтенный Джанкано Мераджио, хозяин крупнейшего банка, носящего его имя. В Каморре он известен – и не без причины – как герцог Белого Золота. Можно сказать, звезда нашего финансового мира.

– Ваш покорный слуга, господин, – почтительно склонился Локки.

– Из Эмберлина? – переспросил Мераджио. – Представитель бел Аустеров?

– Ну да, – подтвердила дона София. – Здесь, на пиру, Лукас наш почетный гость.

– Не сочтите за дерзость, мастер Мераджио, – вкрадчиво произнес Локки. – Как вы находите покроем моего камзола? И ткань?

– Забавно, но они кажутся мне до странности знакомыми, – нахмурился банкир.

– Иначе и быть не может, – широко улыбнулся Локки. –

Видите ли, по совету моих любезных друзей я решил обзавестись костюмом в каморрском стиле и обратился к портному с просьбой, чтобы тот взял за образец кого-нибудь, кто обладает отменным вкусом. И, как вы думаете, кого он мне посоветовал? Конечно же, вас! Так что, можно сказать, этот костюм полностью взят из вашего собственного гардероба! Надеюсь, я не покажусь нескромным, если скажу, что нахожу его исключительно удобным.

– Безусловно, – сконфуженно выдавил Мераджио. – И что же в этом нескромного? Напротив, я весьма польщен... весьма... Простите, мне что-то нехорошо. Жара, знаете ли... Пойду глотну немного пунша. Было очень приятно с вами познакомиться, мастер Фервит. Если позволите, донья София и дон Лоренцо, я вас покину.

И Мераджио двинулся прочь, поминутно оглядываясь на Локки и покачивая головой. «О, Лукавый Хранитель, ну ты и шутник!» – подумал Благородный Подонок.

– Вы уже достаточно насытились, Лукас? – обратилась к нему донна София.

– Да, пожалуй, мне лучше сделать небольшой перерыв.

– Вот и отлично! Почему бы тогда нам не отправиться на поиски доньи Ворченцы? По слухам, она занимается вязанием на одной из галерей. Если сегодня она пребывает в светлом рассудке, то обещаю, что вы будете без ума от этой дамы.

– Донья Ворченца? – восторженно воскликнул Рейнарт. – Она двумя этажами ниже, в самом северном конце западной галереи.

Вы знаете это место?

– Еще бы, – улыбнулась София. – Что скажете, Лукас? Давайте нанесем визит вежливости! А Лоренцо пусть пока займется нашими общими делами.

– Я помню об этом, дорогая, – с нарочитым раздражением бросил дон Лоренцо. – Надеюсь, мастер Фервит, сегодня вам повезет, и старушка помнит, как разговаривать по-терински. В противном случае вам покажется, что вы знакомитесь с каменной статуей. Или она так реагирует только на меня?

– Полагаю, все это не более, чем игра, дон Сальвара, – заметил Рейнарт. – Однако мне пора. Надо походить по залу и сделать вид, что я занимаюсь работой. Передайте мой поклон донье Ворченце.

– Конечно, капитан. Вы идете, Лукас?

София повела его по широкой лестнице из Древнего стекла с лакированными перилами. Каждая из ступенек подсвечивалась неяркими алхимическими светильниками в замысловатой оправе. После захода солнца это должно было выглядеть особенно эффектно.

Обстановка на следующем этаже в точности повторяла ту, что Локки уже видел: снова пятидесятифутовый стол, заставленный всяческой снедью, и рядом с ним – такая же пирамида из стекла и золота. «Любопытно», – подумал Локки.

– Госпожа Сальвара, – проговорил он, кивая в сторону изваяния, – может быть, перед уходом вы прикажете слугам захватить одно из этих чудес? Тогда у вас появится шанс удо-

влетворить свое любопытство.

– Ах, Лукас, если бы я только могла... Но негоже отвечать на гостеприимство герцога похищением его достопримечательностей. Пойдемте же, нам надо спуститься еще на один этаж... Лукас? В чем дело, Лукас?

Остолбнев, Локки смотрел на лестницу, куда его тянула собеседница. В данный момент по ней поднимался худощавый и ладный мужчина в сером камзоле, серых бриджах и серых перчатках. Его жилет и четырехугольная шляпа были черными, шейный платок – ярко-красным, а на левой руке, прямо поверх лайковой перчатки, блестел очень знакомый перстень, ранее принадлежавший Барсави – черная жемчужина капы Каморра.

Взгляды двух мужчин скрестились, и Локки почувствовал, что его сердце колотится, точно барабан на галере. Повелитель Правильных Людей Каморра тоже выглядел ошеломленным. На лице его застыло такое недоумение, что Локки даже возликовал. Затем на одно короткое мгновение недоумение капы уступило место откровенной ненависти: сжатые зубы, прищуренные глаза. Но в конце концов Разо удалось совладать с собой. Помахивая щегольской тросточкой – из лакированного ведьмина дерева, с золотым набалдашником, – он расслабленной походкой направился к Локки и доне Софии.

– Вы, конечно же, каморрская аристократка, – произнес он. – К сожалению, я не имел случая быть вам представленным, прекрасная незнакомка.

Сняв шляпу, он отвесил ей низкий поклон – идеально выверенный и прочувствованный.

– Я донья София Сальвара с острова Дюрона, – произнесла та, протягивая руку для поцелуя.

– Ваш вечный слуга, госпожа. Меня зовут Лучано Анатолиус. Очарован, госпожа, совершенно очарован. А ваш спутник? Мы знакомы?

– Не думаю, господин, – ответил Локки. – Ваше лицо кажется мне смутно знакомым... но нет, я бы наверняка помнил, если бы мы раньше встречались.

– Познакомьтесь, мастер Анатолиус. Это Лукас Фервит, эмберлинский торговец из дома бел Аустеров, – представила дона София. – Мой личный гость на празднике господина герцога.

– Торговец из Эмберлина? Очень приятно. Вы должны быть исключительно предприимчивым человеком, чтобы попасть в круг столь изысканных особ.

– Я делаю все, что должен, мой господин. Поверьте, делаю... У меня необыкновенно хорошие друзья здесь, в Каморре. Их дружба открывает передо мной неожиданные го-

ризонты.

– Нисколько не сомневаюсь. Так вы говорите, дом бел Аустеров? Знаменитые поставщики коньяка? Потрясающе! Я ценю хорошую выпивку, впрочем, как и любой мужчина, и, как правило, покупаю ее бочками.

– Да что вы говорите, господин! – Локки расцвел в улыбке. – Представьте себе, бочки – как раз наша специализация. Вы даже не подозреваете, сколько удивительных сюрпризов хранят наши бочки! Мы гордимся тем, что никогда не обманываем ожиданий клиентов и сполна возвращаем то, что получаем. Или, как говорят у нас в Эмберлине, платим той же монетой – если вы понимаете, о чем я.

– Вполне понимаю, мастер Фервит, – в свою очередь зловеще усмехнулся капа Разо. – Замечательный принцип... и весьма близкий моему сердцу.

– О! – воскликнул Локки. – Теперь я понял, отчего ваше лицо кажется мне таким знакомым, мастер Анатолиус. Скажите, нет ли у вас сестры? Или даже двух? Сдается мне, что мы с ними были знакомы. Надо сказать, вы очень похожи. Просто потрясающее сходство...

– Нет, – помрачнел капа Разо. – Боюсь, вы ошибаетесь, мой господин. У меня никогда не было сестер. Дона София, мастер Фервит, был чрезвычайно счастлив с вами познакомиться. К сожалению, я должен спешить. Дела, знаете ли... Желаю получить море удовольствия на сегодняшнем празднике.

– Заводить новые знакомства всегда приятно, мастер Анатолиус, – заметил Локки с обезоруживающей улыбкой, протягивая руку для прощания. – Возможно, мы с вами еще встретимся.

Капа Разо прожег взглядом протянутую руку – казалось, еще чуть-чуть, и она воспламенится, – но затем снова совладал с собой. Отказать в подобном жесте вежливости означало бы тяжкое оскорбление. Такой поступок предполагал серьезные основания... и не менее серьезные последствия. Поэтому его сильные пальцы сомкнулись на запястье Локки. Ответное пожатие было не менее твердым. Глядя в глаза убийце своих друзей, Локки почувствовал зуд в левой руке и порадовался, что его стилет запрятан глубоко в рукаве. Иначе искушение было бы непреодолимым.

– Вы мне очень понравились, мастер Фервит, – ответил Разо с неподражаемой выдержкой, – однако наша новая встреча видится мне сомнительной.

– Как сказать, мастер Анатолиус, как сказать... Познакомившись с этим городом, я понял, что Каморр полон неожиданностей. Желаю приятного вечера.

– И вам того же... господин эмберлинский торговец.

Он резко отвернулся и продолжил свой путь. Локки, не отрываясь, смотрел ему вслед. На ходу Разо обернулся, и на одно мгновение их глаза снова встретились... Затем капа исчез – лишь серый камзол мелькнул за поворотом лестницы.

– Лукас, – медленно произнесла донна София, – я что-то

пропустила?

– Пропустили? – Локки улыбнулся мягкой улыбкой Лукаса Фервита. – Не думаю, госпожа, не думаю. Просто этот человек очень сильно напомнил мне кое-кого.

– Какого-нибудь эмберлинского друга?

– О нет, отнюдь не друга. К тому же человек, о котором мы говорим, сейчас уже мертв. Абсолютно мертв, – внезапно Локки осознал, что цедит слова сквозь сжатые зубы, и постарался расслабиться. – Не пора ли нам отправиться на поиски вашей доньи Ворченцы?

– Разумеется, – встрепенулась София. – Идемте, Лукас, следуйте за мной.

Спустившись по лестнице, по которой только что ушел капа Разо, они вышли на следующую галерею, тоже заполненную представителями высшего общества Каморра – «голубая кровь и золотая кровь», как выразился бы отец Цепп. Здесь вместо банкетного стола был устроен бар. Две дюжины мужчин и женщин в ливреях сновали вдоль сорокафутовой стойки из полированного ведьмина дерева. За их спиной располагались столы и полки, уставленные тысячами красочных *бутылок*. Алхимические шары струили свет различных оттенков. По сторонам от стойки громоздились гигантские пирамиды из пивных и винных бокалов, отгороженные от публики широкими бархатными лентами. Оправданная предосторожность – одно неумелое движение, и все это сооружение из хрусталя, стоившее не одну сотню крон, рухнет

на пол. Для дополнительной защиты герцогского имущества был выставлен кордон из «черных курток», которые застыли возле своего сокровища в напряженном оцепенении. И, если уж речь зашла о пирамидах – на этом этаже тоже стояло великолепное светящееся изваяние. Его установили в нескольких футах от стойки бара, тоже за ограждением из бархатных лент.

Донья София уверенно направилась в левое крыло, мимо бара и длинной очереди гостей, ожидающих выпивки. Некоторые из них явно выстаивали эту очередь не в первый раз, поскольку хоть и держались на ногах, но уже не слишком твердо.

В самом конце галереи имелась тяжелая дверь из ведьмина дерева с серебряным гербом рода Никованте. Миновав эту дверь, они очутились в полукруглом холле, освещенном неярким серебристым светом алхимических фонарей. Здесь тоже было три двери. София подошла к самой дальней из них, той, что была в северной (если Локки не ошибался) стене.

– Ну вот, – с улыбкой обернулась София. – Знать бы еще, кого мы здесь обнаружим – донью Ворченцу или молодую парочку, занятую чем-нибудь недозволенным... – она слегка приоткрыла дверь, заглянула внутрь и потянула своего спутника за рукав. – Все в порядке, это она.

Вслед за ней Локки вошел в квадратную комнату со слегка искривленной внешней стеной. В отличие от галерей для

публики, здесь Древнее стекло было непрозрачным, поэтому деревянные ставни единственного окошка, выходящего на север, были распахнуты настежь, и вместе с солнечным светом сквозь них лился летний воздух.

Впрочем, в этой комнате все было в единственном числе: единственное кресло с высокой спинкой, а в нем сидела единственная пожилая дама. Она сгорбилась над сверкающими спицами, из-под которых выходило некое вязаное изделие непонятого назначения. Черный шерстяной клубок медленно разматывался у ног дамы. Одевание доньи Ворченцы производило весьма странное впечатление: черный мужской кафтан и темно-лиловые лосины, какие обычно носят кавалерийские офицеры. На ногах у нее были диковинные серебряные шлепанцы с загнутыми носами, которые живо напомнили Локки волшебные сказки. Взгляд старухи был намертво прикован к вязанию. Даже когда София вывела посетителя на середину комнаты, доня Ворченца не оторвалась от своего занятия.

– Госпожа? – позвала София, откашлялась и повысила голос: – Доня Ворченца? Это я, София... Я привела к вам познакомиться одного человека.

«Щелк-щелк», – продолжали свою бесконечную песню спицы доньи Ворченцы.

– Донья Анджавеста Ворченца, вдовствующая графиня Янтарного Кубка, – с огорченным вздохом представила ее София. – Она... как бы это сказать... то покидает реаль-

ный мир, то снова возвращается, – она повернулась к своему спутнику: – Могу я попросить вас остаться с ней на пару минут? Я схожу в бар за белым вином – донья Ворченца предпочитает его прочим напиткам. Возможно, бокал вина вернет ее к жизни.

– О чем разговор, донья София! – весело ответил Локки. – Почту за честь побыть в обществе доньи Ворченцы. Идите, куда надо.

– А вам что-нибудь принести, Лукас?

– Нет-нет, вы слишком добры, госпожа Сальвара. Возможно, я выпью чего-нибудь попозже.

София кивнула и покинула комнату. Дверь с легким щелчком захлопнулась за ее спиной. Локки прошелся взад-вперед, украдкой наблюдая за хозяйкой.

«Щелк-щелк», – по-прежнему слышалось из кресла, Приподняв одну бровь, Локки недоуменно разглядывал таинственный объект, выходящий из-под спиц доньи Ворченцы. Н-да... возможно, еще рано судить, наверняка изделие пока не оформилось. Вздохнув, он снова принялся мерить комнату шагами и в конце концов остановился перед окном.

Перед ним открылась впечатляющая панорама. К северу от города до самого горизонта тянулись зеленые холмы, среди них змеились ленты дорог, проглядывали разноцветные крыши домов и серо-голубое полотно Анжеваны. Весь пейзаж был залит ослепительным солнечным светом – по безмятежно-голубому небу не проплывало ни единого облачка...

И в этот момент разомлевший Локки ощутил пронизывающую острую боль – сзади, в левой части шеи.

5

Он резко развернулся и прихлопнул болезненное место – пальцы нащупали что-то влажное. Перед ним стояла донна Анджавеста Ворченца, вдовствующая графиня Янтарного Кубка. В руке она держала вязальную спицу, которой только что ткнула Локки в шею. Глаза графини за полукруглыми стеклами очков казались теперь очень живыми и молодыми, на лице расцвела улыбка, от которой вокруг глаз собрались лучистые морщинки.

– А-ах! – сосредоточившись на своей шее, Локки с трудом вспомнил о необходимом вадранском акценте. – Это еще что за гадость?

– Это горькая ива, мастер Бич, – спокойно ответила донна Ворченца. – Уверена, вы слышаны о ее ядовитом соке. Жить вам осталось всего несколько минут... и очень хотелось бы посвятить их содержательной беседе.

– Вы... вы...

– Да-да, я уколола вас в шею. И, должна сознаться, получила при этом огромное удовольствие. Могу сказать, молодой человек, что вы доставили нам немало хлопот.

– Но... но... Не понимаю, донья Ворченца. Неужели я чем-то вас обидел?

– Советую отбросить свой вадранский акцент. Он великолепен, но боюсь, что под действием этого средства вам недолго осталось улыбаться и морочить мне голову, мастер Бич.

Локки вздохнул и протер глаза.

– Донья Ворченца, если ваша иголка действительно так ядовита... то какого черта мне с вами разговаривать?

– Наконец-то разумный вопрос! – она порылась у себя под кафтаном и вытянула крошечную склянку с серебряной пробочкой. – Я приготовила противоядие – в обмен на ваше сотрудничество. Поверьте, вам лучше проявить благоразумие. Мы с вами находимся на высоте шестисот футов над землей, и все мои Полуночники собраны в этой башне, переодетые слугами и официантами. Если вы попытаетесь бежать, то не сделаете и десяти шагов по коридору, как вас схватят... а дальше, уж не обессудьте, поступят с вами соответствующим образом.

– Ваши... Полуночники? Вы хотите сказать... что вы и есть знаменитый Паук? Да нет, должно быть, это шутка!

– Именно так, – усмехнулась донья Ворченца. – И вы не представляете, как приятно объявить об этом человеку, способному по достоинству оценить мое признание.

– Но ведь Паук... – растерянно проговорил Локки. – Во всяком случае, я всегда считал, что Паук – это...

– Мужчина? О да, так считаете не только вы, мастер Бич, а еще полгорода. Я всегда говорила, что лучшая маскировка

– это чужие предрассудки. Вы не находите, мастер Бич?

– Хм-м, – Локки не мог удержать смеха, хотя и чувствовал, как от места укола во все стороны распространяется онемение – это ему точно не казалось. – То есть вы повесили меня на моей же веревке, донья Ворченца?

– Вы, должно быть, блестящий мошенник, мастер Бич. Отдаю вам должное. Прodelать такое, да еще столько лет водить за нос моих людей! О боги, как мне не хочется сажать вас в «воронью клетку»! Но, может, это и к лучшему... Зато у вас будут годы, чтобы все как следует обдумать. Как ощущения, мастер Бич? Странно, наверное, столкнуться с человеком, который перехитрил вас?

– Да нет, – Локки со вздохом опустил лицо в ладони. – Мне жаль вас разочаровывать, донья Ворченца, но в последнее время таких людей набралось до ужаса много.

– Не слишком приятно, – с пониманием кивнула она. – Но давайте вернемся к делу. Наверное, вы уже чувствуете себя нехорошо: дрожь в ногах и прочие признаки. Довольно упрямитесь, просто скажите «да». Если вы назовете место, где прячете украденные деньги, то я сумею сократить срок вашего пребывания во Дворце Терпения. Выдайте имена своих сообщников – и, я уверена, условия содержания будут весьма и весьма сносными.

– У меня нет сообщников, донья Ворченца, – произнес Локки через силу. – А если бы даже и были, то я никогда бы не назвал их имена.

– Как насчет Грауманна?

– Грауманн нанят на одну операцию. Он думает, что я действительно торговец из Эмберлина.

– А так называемые разбойники, напавшие на вас близ храма Благих Вод?

– Тоже наемники. Отработали и вернулись к себе в Талишем.

– А что вы скажете о подставных Полуночниках, которые заявили в дом дона Сальвары?

– Гомункулы. Знаете, госпожа, это действительно проблема, которая мучит меня долгие годы – каждое полнолуние они выползают у меня из задницы.

– Очень остроумно, мастер Бич! Ничего, горькая ива укоротит ваш язычок, и весьма надолго. Но на вашем месте я бы задумалась. От вас даже не требуется немедленно выкладывать все секреты – мне достаточно простого обещания. Скажите, что сдаетесь, и я выдам вам противоядие. А разговор мы сможем продолжить в другое время.

Несколько бесконечных секунд Локки разглядывал собеседницу. Он заглянул в ее древние глаза и увидел в них столь откровенное самодовольство, что пальцы на его правой руке сами собой сжались в кулак. Наверное, донья Ворченца так долго пользовалась привилегиями своего положения, что совсем позабыла о неудобствах преклонного возраста. А, может, у нее просто не укладывалось в голове, что воспитанный мужчина – пусть даже стоящий вне закона – способен

сделать то, что в следующий момент сделал Локки.

Он ударил ее прямо в лицо. Нанес крученный удар справа, не слишком сильный. . . Будь на ее месте женщина помоложе и покрепче, такой удар вообще смотрелся бы смехотворно, но донье Ворченце хватило и этого – голова ее отскочила, как мячик, глаза закатились, и старушка рухнула на колени. Локки вовремя подхватил ее, не дав упасть навзничь, осторожно разжал пальцы и выхватил заветную бутылочку, после чего водрузил маленькое сухонькое тельце обратно в кресло. Поспешно откупорив бутылочку, он вылил в рот ее содержимое. Тепловатая жидкость имела цитрусовый привкус. Проглотив ее, Локки отшвырнул прочь флакончик, затем, не теряя ни минуты, сорвал с талии нарядный пояс-шарф цвета стали и с его помощью прикрутил донью Ворченцу к спинке кресла.

Голова ее свесилась на грудь. Женщина застонала, и Локки успокаивающе похлопал ее по плечу. Поддавшись внезапному порыву, он пробежался пальцами по ее кафтану, стараясь делать это как можно деликатнее, и удовлетворенно хмыкнул, когда нащупал небольшой шелковый кошелек.

– Не совсем то, на что я рассчитывал, но ничего, – пробормотал он, ознакомившись с его содержимым. – Будем считать это небольшой компенсацией за ваш вероломный укол спицей.

Некоторое время Локки постоял в задумчивости, затем, будто на что-то решившись, снова обернулся к доне Ворчен-

це. Опустившись на колени, он заглянул ей в лицо.

– Поверьте, госпожа, мне самому не по душе столь жестоко обходиться с вами, – произнес он. – На самом деле я просто восхищен вашей пронизательностью и в другое время с удовольствием продолжил бы нашу беседу. Мне невероятно интересно узнать, где именно я прокололся, дав вам карты в руки. Но вы должны понять, что пойти с вами было бы для меня чистым безумием. Дворец Терпения мне никак не подходит. Так что благодарю вас за приятную встречу. Передавайте поклоны дону и донье Сальвара.

С этими словами Локки как можно шире распахнул ставни на окне и шагнул наружу.

Если внимательно приглядеться к внешней поверхности Воронова Насеста, то можно было заметить, что она не отличается идеальной гладкостью. Практически на каждом этаже вокруг всей башни шли небольшие выступы, своеобразные узкие полочки. Локки как раз выбрался на такой выступ шириной примерно шесть дюймов. Он замер, плотно прижавшись грудью к нагретой поверхности Древнего стекла, и стал ждать, когда утихнет стук крови в висках. Однако неприятное ощущение не отпускало: казалось, будто кто-то колотится в его голове, пытаясь пробить ее, как цыпленок яйцо.

– Нет, я просто король идиотов, – простонал Локки. – Всех долбанных идиотов на свете!

Чувствуя поддержку теплого ветра, который дул ему в спину, он медленно двинулся вправо. Через несколько шагов

выяснилось, что положение не так уж безнадежно: полочка заметно расширилась, к тому же отыскался новый выступ, за который можно держаться руками. Локки приободрился и, переведя дыхание, рискнул посмотреть вниз. Лучше бы он этого не делал!

При взгляде изнутри стеклянная поверхность стен, пусть и прозрачных, все же создавала некоторое ощущение преграды; наблюдатель чувствовал себя в какой-то степени защищенным. Здесь же, снаружи, казалось, будто весь мир рухнет и в своем падении захватывает маленькое человеческое существо. Под ногами у Локки было не шестьсот футов, а тысяча, десятки тысяч, миллион... некое фантастическое расстояние, вообразить которое под силу только богам. Он в панике зажмурил глаза и вжался в стену, будто желал слиться с ней, навечно стать ее частицей. Тело Локки сотрясала дрожь. Свинина и каплун в его желудке взбунтовались, совершая энергичные попытки извергнуться наружу, а его горло активно готовилось помочь им в этом.

«О боги, а что, если я снова нахожусь на прозрачном участке башни? – вдруг подумал Локки. – Хорошенькое зрелище получается! То-то, должно быть, веселятся гости...»

В этот момент до его слуха донесся странный скрежещущий звук. Посмотрев вверх, он замер от неожиданности. В его сторону двигалась одна из транспортных клеток. По расчетам Локки выходило, что она проплывет где-то на расстоянии трех футов от той точки, где он стоит.

Клеть была пуста.

– Лукавый Хранитель, – взмолился Локки, – я это сделаю. Сам сделаю! К тебе же у меня единственная просьба... ты слышишь, одна-единственная: сделай так, чтобы потом, когда все кончится, я об этом позабыл. Сотри эти воспоминания из моей памяти. А я никогда больше – до конца своей проклятой жизни! – не стану подниматься выше, чем на три фута. Умоляю тебя, Благодетель!

Клеть приближалась, поскрипывая на ходу – Вот она в десяти футах над его головой, теперь в пяти... наконец днище ее поравнялось с Локки. Дыша часто и неровно, как загнанный заяц, он развернулся так, чтобы оказаться спиной к стене, и снова волей-неволей увидел огромное небо и бездну у себя под ногами – о боги! Они были слишком необъятными, чтобы вместиться в его глаза. Он не хотел даже думать об этом! Клеть продвинулась еще немного, теперь она висела совсем рядом – в ожидаемых трех футах от Локки. А под ней было море пустоты...

С отчаянным криком Локки оттолкнулся от стеклянной поверхности башни и прыгнул. Соприкоснувшись с железными прутьями клетки, он так вцепился в них руками и ногами, как не цеплялся никогда и ни за что. Клеть сильно качнуло. На мгновение земля и небо поменялись местами, и Локки изо всех сил зажмурился, чтобы не видеть головокружительных кульбитов горизонта. В голове его билась одна мысль – надо добраться до дверцы клетки! Она, конечно

же, заперта в целях безопасности, но замок не может быть сложным. Он справится!

Пальцы онемели и тряслись, словно на улице стоял холод, от которого замерзает вода, но Локки удалось вытащить из петли запорный болт и сбросить его вниз. Затем он осторожно перебрался с внешней поверхности клетки внутрь, преодолевая мучившую его дурноту, потянулся и захлопнул за собой дверцу. Все, теперь можно передохнуть. Локки привалился к стенке клетки, чувствуя, как его трясет от пережитого напряжения... а, может быть, и в результате последствия яда.

– Что тут сказать? – прошептал он, переведя дыхание. – Это было омерзительно, хрен им всем в душу...

Справа навстречу ему двигалась еще одна клеть, везя наверх припозднившихся гостей. Удивленные пассажиры весьма странно посмотрели на Локки, и он счел нужным весело помахать им.

Больше всего на свете он боялся, что вот сейчас клеть остановится в воздухе, а затем пойдет обратно вверх. Тогда, хочешь, не хочешь, придется испытывать судьбу во Дворце Терпения. Но нет, клеть продолжала медленно опускаться. Судя по всему, донья Ворченца все еще отдыхала, привязанная к своему креслу.

Едва клеть коснулась земли, Локки выскочил из нее. Двое слуг в ливреях уставились на него, разинув рты от изумления.

– Простите, – выдавил из себя один, – но вы... разве вы были внутри этой клетки, когда она отошла от посадочной платформы?

– О да, приятель, – энергично кивнул Локки. – Ты, может, хочешь спросить, что там мелькнуло в воздухе, возле самой вершины башни? Так вот, это была птица. Чертовски огромная птица, доложу я вам. Представляешь, эта зараза чуть не нагадила мне прямо на голову! Кстати, здесь можно нанять какой-нибудь экипаж?

– Посмотрите во внешнем ряду, господин, – ответил лакей. – Из тех, что с фонарями и белыми флажками.

– Премного благодарен, – Локки поспешно вытряхнул на ладонь содержимое кошелька доньи Ворченцы. Неплохо – золото и серебро. Сунув по солону каждому из слуг, он уточнил: – Так вы поняли, ребята? Это была очень большая птица.

– Так точно, господин. Чертовски огромная птица!

6

Локки расстался с экипажем возле Холма Шепотов, вручив вознице куда больше обычной платы, чтобы тот позабыл, куда ездил и кого вез. Остаток пути до Пепелища он проделал пешком. Был, наверное, уже шестой час вечера, когда он добрался до их убежища. Откинув в сторону занавеску из парусины, Локки ввалился в комнату и с порога завопил:

– Жеан, у нас большие неприятности...

И замер. В центре комнаты стоял Сокольничий и с усмешкой смотрел на него. Локки потребовалась буквально пара мгновений, чтобы охватить картину в целом. Ибелиус неподвижно валялся возле дальней стены, а Жеан корчился от боли возле ног контрага.

На плече Сокольничего сидела Вестрис, пристально разглядывая вновь прибывшего своими золотистыми глазами. Внезапно она раскрыла ужасный клюв и издала победоносный вопль. Локки содрогнулся.

– Вы абсолютно правы, мастер Ламора, – подтвердил контраг. – Я бы даже сказал, что у вас охренительно большие неприятности, как вы любите выражаться.

Интерлюдия. Трон на пепелище

Некогда Терим Пел называли Жемчужиной Древних. Он был самым крупным и самым величественным из всех городов, которые построила эта раса таинственных существ, живших задолго до появления людей.

Терим Пел стоял в месте рождения Анжеваны – там, где ее многочисленные истоки пенистыми водопадами падают с отрогов гор и сливаются в полноводную реку. Город как будто притаился в тени могучих горных вершин, перенимая частицу их благородного величия. Со всех сторон Терим Пел окружали благодатные зеленые поля, тянувшиеся на расстоянии двухдневного конного перехода. С наступлением осени в этих полях наливались золотом колосья – щедрый дар природы столице империи.

Далеко на юг простиралась власть Теринского Престола. Сотни городов подчинялись ей. Чтобы связать между собой эти города, теринские инженеры проложили целую сеть дорог длиной во многие тысячи миль. А чтобы народ мог безопасно перемещаться из одного конца империи в другой, были созданы патрульные отряды, которые обеспечивали мир и порядок на дорогах. С той же целью в каждом населенном пункте – даже самом маленьком селе и городке – располагались военные гарнизоны. Таким образом, власти могли быть уверены, что ничто не мешает письмам и торговым ка-

раванам путешествовать по всей необъятной территории от Стального до Медного моря.

Картен и Лашен, Нессек и Талишем, Эспара и Ашмер, Иридайн и Каморр, Иссара и Балинель – в каждом из этих могущественных городов-государств сидели свои герцоги, получавшие серебряную корону из рук императора и правившие от его имени. Те правители, что держат эти города в нынешние времена, возможно, обладают не меньшей властью, но все они поднялись сравнительно недавно, уже после распада империи. Древние же династии, восходящие к временам Теринского Престола, давным-давно пресеклись.

Началом заката Теринской империи стало нашествие вадранских племен. Набеги этих безжалостных морских разбойников стали бичом для теринских провинций, расположенных на севере континента. В конце концов древние вадранцы совсем захватили эту часть империи и вполне обжились на новых землях. Семь главных рек, несущих свои воды в северное море, они в соответствии со своей мифологией назвали Семью Святыми Сущностями. Попытки Теринского Престола отвоевать утраченные земли потерпели крах: воинственные захватчики одну за другой разбили все армии императора. В конце концов обескровленная этой безуспешной борьбой Теринская империя сдалась. Она сильно уменьшилась в размерах, но все же продолжала существовать...

До той поры, пока в дело не вмешались контрмаги.

Первые из тех, кто так себя называл, появились в Кар-

тене. Очень скоро они организовали собственную гильдию, чья деятельность охватила всю империю. Их грозные и таинственные чары вызывали у императора понятное беспокойство; из Терим Пела один за другим начали поступать запретительные приказы, но они не произвели на контрмагов никакого впечатления. Тогда император попытался зайти с другой стороны. В своем очередном послании он поинтересовался, на каких условиях члены гильдии согласятся служить его августейшему величеству. Примечательно, что в качестве посланников он отправил своих личных придворных чародеев. Ответа не последовало – если не считать ответом факт поголовного истребления императорских посланников. Это был уже открытый вызов. Император снарядил несколько легионов и отправил их в Картен. Солдатам было приказано убивать всех магов – членов мятежной гильдии.

Увы, это оказалось опрометчивым шагом. Контрмаги не испугались войны и в свою очередь публично поклялись жестоко расправиться с любым, кто покусится на жизнь их собратьев.

За время карательного похода солдатам удалось убить восемнадцать человек, заподозренных в принадлежности к вражескому стану.

Когда наконец они подошли к восточной границе Картена, там их уже поджидал отряд из четырехсот контрмагов, настроенных весьма решительно. Менее чем за два часа они истребили треть всей теринской армии. Во время схват-

ки происходили странные вещи: от земли поднимался таинственный туман, затрудняющий действия несчастных солдат, со всех сторон их одолевали грозные призраки и миражи. Стрелы, выпущенные императорскими солдатами, зависали в воздухе и отказывались лететь в нужном направлении, а нередко и вовсе разворачивались и поражали самих лучников. Мало того, все войско охватило беспричинное безумие – солдаты нападали друг на друга, истребляя своих вчерашних боевых товарищей. Под действием смертельных чар контрмагов многотысячная теринская армия превратилась в скопище безвольных марионеток. Сам император пал от рук собственных телохранителей – они изрубили его в мелкие кусочки. Молва утверждает, что на погребальный костер сложили кучу ошметков, ни один из которых не превышал размера мизинца. После этой трагедии оставшаяся без руководства армия растерялась и ударилась в бегство до самого Терим Пела.

Однако этим дело не кончилось. Конклав контрмагов решил дать показательный урок всему миру – так, чтобы никому и никогда больше не пришлось в голову поднять руку на членов их гильдии.

Они замыслили ужасную кару для столицы Теринской империи.

При помощи своего таинственного чародейства контрмаги наслали на город смертоносный огненный смерч. Историки до сих пор избегают упоминать об этом ужасном собы-

тии. По слухам, это было не обычное пламя, а раскаленный добела ад – будто само солнце рухнуло на землю и поглотило несчастный Терим Пел. Колонна черного дыма поднялась так высоко в небо, что ее видели и в безбрежных просторах Стального моря, и в далекой северной Винтилии – столице молодого Королевства Семи Сущностей.

Любопытно, что даже этот смертоносный жар не сумел справиться с Древним стеклом – постройки Древних пережили катастрофу и остались нетленными. Но все остальное было уничтожено. Ненасытный огонь пожрал дерево и камень, известковую кладку и металл, не говоря уже о таких хрупких материях, как бумага и человеческая плоть. Терим Пел погиб – и сам город, и его культура, и его население. Все, что не успело скрыться до нападения проклятых чародеев, обратилось в пепел. Благодатная долина превратилась в выжженную пустыню, которая черным шрамом пролегла по лицу земли.

Горячий ветер вздымал в воздух тучи золы и пепла, которые оседали у подножия единственной уцелевшей вещи. Этой вещью, по замыслу контрмагов, стал трон Теринской империи. Он сохранился до наших времен и по-прежнему стоит там, где когда-то жил и звучал разноязыкой речью Терим Пел.

Годы и века пронесли над страшным пепелищем, дожди, ветра и солнце сбили золу в подобие черного застывшего асфальта. Ничто не растет в этом проклятом месте, и ни

один здравомыслящий человек не рискнет прийти к печальному монументу, возвестившему победу картенских контрамагов над великой Империей.

Именно их сила, их сверхъестественное адское пламя сокрушило Теринский Престол и ввергло все южные города в многовековую эпоху гражданских распрей и кровопролитных войн. Но странным образом катастрофа не затронула северные земли. Пока на юге гибли народы и государства, Королевство Семи Сущностей росло и крепло.

Гильдия добилась своего. Пустой имперский трон, одиноко стоящий посреди выжженного пространства... Этот ужасный, губительный образ возникает в уме любого человека, рискнувшего – только замыслившего! – пойти против кого-то из контрамагов.

Глава 16. Правосудие в красном

1

Сокольниковый легко пошевелил пальцами, и Локки Ламора упал на колени. Внутри его тела, в самой глубине костей возникла такая памятная обжигающая боль. Не имея сил бороться с нею, Локки скорчился на полу рядом с Жеаном.

– Какая радость, какое наслаждение вдруг узнать, что вы благополучно пережили маленькое приключение в Гулкой Дыре! – проговорил контрмаг. – Скажу честно, я впечатлен. Признаюсь, не ожидал от вас подобной живучести, мастер Ламора. Правда, меня предупреждали, что вы крепкий орешек, но я не верил. До сегодняшнего дня все мои усилия были направлены на поиски Жеана Таннена. А тут такой подарок судьбы!

– Ты злобное грязное животное! – Локки с трудом выплевывал слова.

– О нет, я далек от животной злобы, – покачал головой контр-маг. – Я просто выполняю заказ моего клиента. Который заключается в том, чтобы разыскать и предать смерти убийцу его любимых сестер, – он с удовольствием потянулся и хрустнул суставами пальцев. – Вы же, мастер Ламора, свалились на мою голову, как нежданное наследство.

Локки прямо-таки перекосило от гнева. Как ему хотелось рвануться вперед и, вопреки всему, дотянуться до ненавистного контрмага! Но тот пробормотал несколько невнятных слов – и жуткая парализующая боль усилилась по меньшей мере в десять раз. Спина Локки выгнулась дугой, мышцы окостенели и блокировали работу легких.

Прошло несколько бесконечных мгновений, прежде чем эта пытка окончилась. Задыхающийся, обезумевший от боли, Локки бесформенным кулем свалился на пол. Все плыло и кружилось у него перед глазами.

– Удивительно, как порой наши победы обращаются в наши же поражения! – продолжал контрмаг. – Взять хотя бы Жеана Таннена. Казалось бы, фантастический боец, раз сумел справиться с сестрами моего клиента. И вот, пожалуйста, он плачет и страдает перед вами. Поверженные враги нанесли ему удар из мира теней. Да уж, происходят настоящие чудеса, когда истинный чародей – вроде меня – получает в руки определенный материал, например, обрезки ногтей человека... его волосы... или каплю крови на конце ножа.

Скованный болью, Жеан мог лишь нечленораздельно стонать.

– Да-да, мой друг, я изрядно удивился, увидев, к кому привела меня та самая капелька крови, – блеснул улыбкой Сокольничий. – Как можно было проявить такую глупость? На твоём месте я бежал бы из Каморра без оглядки и забился в самый дальний уголок континента. Глядишь, мы и остави-

ли бы тебя в покое...

– Благородные Подонки не бросают друг друга в опасности, – с трудом прошипел Локки. – И не бегут, когда у них есть непоплаченные долги.

– Замечательный принцип, – ухмыльнулся контрмаг. – Именно поэтому сейчас они подымают у моих ног в грязной собачьей конуре.

Неожиданно Вестрис встрепенулась и перелетела с плеча хозяина на высокую полку в углу комнаты. Устроившись там, она стала злобно разглядывать Локки, поворачивая голову то так, то этак, словно примериваясь, как лучше напасть. Сокольничий залез за пазуху и достал кусок чистого пергамента, перо и маленькую бутылочку с чернилами. Разложив все это на спальном тюфяке, он откупорил чернильницу и дружелюбно улыбнулся Локки.

– Жеан Таннен, – произнес он. – Какое простое имя! Легко вышивать, а еще легче написать.

Перо забегало над пергаментом. Сокольничий вычерчивал красивые летящие завитки, и с каждой написанной буквой улыбка его становилась все шире и безмятежнее. Покончив с этой работой, контрмаг достал свою колдовскую нить – она, как живая, серебряной паутиной обвилась вокруг пальцев его левой руки. Пальцы задвигались в однообразном, почти гипнотическом ритме, и в такт этим движениям надпись на пергаменте разгорелась пульсирующим серебряным огнем.

– Жеан Таннен, восстань! – воззвал Сокольниковый. – Восстань, Жеан Таннен, у меня есть для тебя работа.

Содрогаясь всем телом, Жеан поднялся – сначала на колени, а затем и на ноги. Локки же по-прежнему не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

– Возьми свои топоры, Жеан Таннен, – приказал контрамаг. – Ты же любишь держать их в руках, правда? Вот и получи удовольствие!

Двигаясь, как лунатик, Жеан пошарил под тюфяком и вытащил на свет своих Злобных Сестричек. Привычно распределил их по рукам, и уголки рта у него поползли вверх.

– Тебе нравится ими работать, Жеан? – новое движение пальцев, новый узор на серебряной паутине. – Нравится ощущать, как они входят в человеческую плоть? Нравится смотреть на брызги крови? О да, я тебя понимаю, Жеан Таннен. Не беспокойся, мое задание, несомненно, порадует тебя, – он указал на Локки правой рукой, в которой держал надписанный пергамент. – Убей Локки Ламору!

По телу Жеана пробежала дрожь. Он нехотя шагнул к другу, но замер в нерешительности, нахмурился и закрыл глаза.

– Я называю твое истинное имя, Жеан Таннен! – провозгласил контрамаг. – Я называю твое истинное имя, которое ты получил при рождении... имя твоего духа. Я называю твое имя! Убей Локки Ламору. Возьми свои топоры и убей Локки Ламору.

Жеан сделал еще один нерешительный шаг, топоры на-

чали медленно подниматься. На лицо его было страшно смотреть: челюсти сжаты, в глазах мука, по правой щеке медленно ползет одинокая слеза. Он тяжело вздохнул и передвинулся еще на один шаг. Едва сдерживая рыдания, замахнулся Сестричками...

– Стой, – вдруг произнес Сокольничий. – Остановись. Подожди. Сделай шаг назад.

Жеан немедленно повиновался – отступил на добрый ярд и замер. Локки вздохнул с облегчением и вознес хвалу всем богам за то, что они избавили его от страшной участи. Однако радоваться было рано, поскольку контрмаг переключил свое внимание на него.

– Жеан, конечно, мягкий человек, – презрительно бросил он, – но ты, Локки Ламора, и вовсе тряпка! Ведь это ты умолял меня делать с тобой что угодно, лишь бы я оставил в покое твоих друзей. Ты молча позволил засунуть себя в эту проклятую бочку, хотя мог бы спастись – ценой предательства... Разве так поступает настоящий мужчина? Ничего, сейчас мы это исправим. Жеан Таннен, брось оружие.

Злобные Сестрички с глухим стуком упали на пол прямо у ног Сокольничего. Тот снова забормотал на своем непонятном языке, серебряный узор пришел в движение. С диким криком Жеан рухнул на землю и остался лежать, сотрясаясь в судорогах.

– Изменим расклад, – произнес контрмаг. – Думаю, будет гораздо правильнее, если ты убьешь Жеана, а не наоборот.

Вестрис издала громкий скрипучий крик – подлая тварь будто одобряла выбор хозяина и насмехалась над Локки.

«О черт! – лишь подумал он, не имея сил произнести. – Великие боги!»

– Мы, конечно, уже знаем, что твоя фамилия – не более чем пустой звук. Но знаешь ли, мне для моей магии и не требуется полного имени человека. Вполне достаточно небольшого, но истинного фрагмента. Вот увидишь, Локки. Обещаю, ты сам все увидишь.

Серебряная нить куда-то исчезла с его пальцев. Сокольничий снова взялся за перо и быстро что-то написал на пергаменте.

– Да, – удовлетворенно кивнул он. – Да-да, ты снова можешь двигаться.

В самом деле – таинственная сила, сковавшая Локки, куда-то испарилась. Он убедился в этом, пошевелив пальцами. Магическая паутина вновь материализовалась на руке контрмага, и Локки ощутил, как вокруг него сформировалось *нечто* – некое невидимое поле, давящее со всех сторон. Вновь написанные буквы на пергаменте ярко запылали.

– Теперь, – торжественно произнес Сокольничий, – я называю твое имя, Локки. Я называю твое истинное имя, полученное при рождении, имя твоего духа. Я взываю к тебе, Локки! – ударом ноги контрмаг подтолкнул к нему Злобных Сестричек. – Восстань! Восстань и возьми топоры своего друга. Восстань и убей Жеана Таннена.

Локки упал на колени, руки его сами собой потянулись к Сестричкам.

– Убей Жеана Таннена.

Дрожа, Локки взял один из топориков и пополз вперед, сжимая его в правой руке. Дыхание у него прерывалось, он не отводил взгляда от фигуры друга, который бессильно валялся на полу за спиной чародея. До него было фута три-четыре, при желании Локки мог разглядеть каждую черточку такого знакомого лица, перепачканного грязью и известкой.

– *УБЕЙ ЖЕАНА ТАННЕНА!*

Локки дополз до ног контрамага и замер. Он снова бросил взгляд на Жеана; губы того беззвучно шевелились, один глаз был приоткрыт, и в нем застыл смертельный ужас.

Неимоверным усилием Локки заставил себя встать на колени и поднять топорик. Из груди его вырвался натушный стон. Замахнувшись тупым концом топора с тяжелым набалдашником, он нанес удар – прямо в пах контрамагу. Тот задохнулся от боли, выронил нить и пергамент и, схватившись за свое мужское достоинство, рухнул на пол.

Локки тут же развернулся вправо, ожидая немедленной атаки со стороны скорпионьего сокола. К своему удивлению, он увидел, что птица – одновременно с хозяином – свалилась с насеста и теперь корчится на грязном полу. Крылья ее беспорядочно били по воздуху, из раскрытого клюва вырывались хриплые крики.

Сказочная картина! Локки поднялся на ноги. На губах его

играла улыбка, заставившая бы отшатнуться самого отъявленного душегуба.

– Вот оно как, да? – проговорил Локки с той же ужасной усмешкой, снова замахиваясь тупым концом топора. – Ты видишь ее глазами... и каждый из вас чувствует то же, что и другой, верно?

Ох, какое торжество ощутил он, произнося эти слова! Однако они едва не обернулись для него бедой. Сокольничий умудрился как-то собраться и сотворить очередное заклинание: скрючив пальцы наподобие звериных когтей, он пробормотал что-то себе под нос. Локки задохнулся от боли и отпрянул, едва не выронив топорик. Ему показалось, будто два раскаленных кинжала одновременно пронзили его почки. Боль была такая, что он потерял способность думать, не то что действовать.

Сокольничий попытался встать, но тут внезапно очнулся Жеан Таннен. Перекатившись к своему мучителю, он схватил его за грудки и так встряхнул, что тот снова осел. Глаза у него закатились, и контрмаг рухнул навзничь, изрядно приложившись лбом о грязный пол. Боль, скрутившая внутренности Локки, исчезла, а Вестрис издала еще один пронзительный крик.

С этой тварью следовало разобраться немедленно.

Размахнувшись, Локки обрушил тяжелый набалдашник на крыло птицы. Раздался противный влажный звук.

Сокольничий завопил и энергично засучил ногами и ру-

ками – того и гляди, вырвется из захвата Жеана. Вцепившись в его запястье, он продолжал кричать, в расширенных глазах плескалась боль. Не раздумывая ни секунды, Локки со всей силы ударил контрамага по лицу, и тот отлетел назад. Из его разбитого носа брызнула кровь.

– У меня к тебе только один вопрос, ты, грязная тварь! – обратился к нему Локки. – Ты верно подметил, что Ламора – не настоящая моя фамилия. Пока ты мне не объяснил, я даже не знал, что она означает. Такую кличку дал мне один торговец жареными колбасками, которому я вроде бы нравился – в Огневом районе, еще до эпидемии. Я был слишком мал, чтобы докапываться до смысла, мне просто понравилось, как это звучит. Но какого хрена ты решил... как вообще в твою долбаную башку закралась мысль, будто *ЛОККИ* – мое истинное имя, то самое, которым меня называли при рождении?!

Он снова вскинул топорик – на сей раз лезвием вниз – и с силой рубанул по шее птицы. Голова Вестрис отлетела в сторону.

Ее пронзительные скрежещущие крики оборвались, но их сменил дикий вопль Сокольникового. Он кричал, схватившись за голову и беспорядочно суча ногами. Нормальные люди не способны издавать такие звуки – это был вопль безумца, от которого у Локки с Жеаном по спине пробежала дрожь. Оба они вздохнули с облегчением, когда контрамаг наконец затих, провалившись в забытие.

Когда Сокольниковый пришел в себя, то обнаружил, что лежит распластанный на полу все той же заброшенной дыры в Пепелище. В воздухе витал противный медный запах – запах крови Вестрис. Колдун закрыл глаза и тихонько завыл.

– С ним все в порядке, мастер Ламора, – доложил Ибелиус. В полной мере ощутив на себе жестокие чары картенского контрмага, несчастный лекарь не стал мучиться этической проблемой, хорошо ли связывать бесчувственного человека – им необходимо было обездвижить это чудовище.

Порывшись в кучах мусора, они обнаружили несколько металлических кольев разной длины, которые и вколотили в земляной пол, затем изодрали на полосы простыню и с их помощью за руки и за ноги привязали картенца к заготовленным кольям. Теми же самыми полосами ткани они так перемотали пальцы колдуна, что он едва мог ими пошевелить.

– Отлично, – откликнулся Локки.

Жеан Таннен сидел на тюфяке и смотрел на распятого пленника тяжелым пустым взглядом. Зато в глазах Локки, стоящего в изножье, сверкала самая настоящая неприкрытая ненависть.

Ибелиус развел в стеклянной миске небольшой костерок и сейчас сосредоточенно прокаливал на огне лезвие кинжала.

– Вы полные идиоты, если решили убить меня, – выго-

ворил Сокольничий между стенами. – Подумайте о последствиях. Мои собратья разыщут вас и заставят пожалеть о содеянном.

– А кто сказал, что мы собираемся убивать тебя? – возразил Локки. – Лично я готовлюсь поиграть в одну забавную игру. Назовем ее так – «Ори от боли или отвечай на вопросы». Как тебе такой вариант?

– Можете делать что хотите, – гордо отозвался контрмаг. – Наш кодекс исключает предательство интересов клиента.

– Вот тут ты ошибаешься, козел паршивый: ты уже не работаешь на своего клиента. И никогда больше не будешь работать.

– Все готово, мастер Ламора, – подал голос Ибелиус.

Судорожно вытянув шею, Сокольничий попытался разглядеть, чем занимается старый лекарь. Заметно было, что его упорство – не более чем поза. На самом деле он отчаянно трусил – без конца нервно облизывал губы, рыскал глазами по комнате...

– В чем дело? – поинтересовался Локки, осторожно принимая из рук Ибелиуса раскаленный докрасна кинжал. – Ты боишься огня? С чего бы? Огонь милосерден, – зловеще усмехнувшись, он пояснил: – Он не позволяет жертве истечь кровью.

Жеан покинул тюфяк и опустился на корточки рядом с левой рукой контрмага. Прижав его запястье, он кивнул Локки. Тот медленно приблизился, держа топорик в одной руке

и раскаленный нож в другой.

– Э-э... позвольте мне удалиться, мастер Ламора, – попросил лекарь. – В теории я полностью одобряю ваши действия, но на практике...

– О чем разговор, мастер Ибелиус!

Парусиновая занавеска легко колыхнулась за спиной лекаря.

– Итак, – заговорил Локки, – я согласен, что убийство контрамага – это неудачный замысел. Мы и не станем убивать тебя, более того, отпустим тебя в Картен. Но так, чтобы это стало наглядным уроком твоим собратьям. На твоём примере все высокомерные, избалованные и злобные колдуны... все эти долбанные мерзавцы увидят, что случится с тем, кто посмеет поднять руку на Благородных Подонков из Каморра и их друзей.

Лезвие топорика просвистело и опустилось на оттопыренный мизинец колдуна. Раздался дикий вопль.

– Это тебе за Наццу, – жестко произнес Локки. – Помнишь Наццу?

Он снова размахнулся, и безымянный палец полетел в грязь следом за мизинцем. Брызнула кровь.

– А это за Кало.

Еще удар – и среднего пальца как не бывало. Сокольниковый корчился и извивался в своих путах, мотая головой из стороны в сторону.

– И за Гальдо тоже, – продолжал Локки. – Вы ведь слы-

шали все эти имена, господин контрамаг? Вы так любите истинные имена... Правда, для вас они – лишь слова, не более чем средства выполнения вашего хренова контракта. А вот для меня они ужасно реальны – это имена моих друзей. Теперь следующий пальчик – за Жука. На самом деле правильнее было бы посчитать за него мизинец... а впрочем, разница невелика!

Снова топорик поднялся и опустился – указательный палец контрамага присоединился к окровавленным обрубкам на полу.

– А остальные твои пальцы пойдут за нас с Жеаном.

3

Это была крайне утомительная работа. Каждый раз им приходилось заново раскалять кинжал, чтобы прижечь очередной отрубленный палец. К тому времени, как они закончили, Сокольничий находился уже на грани помешательства от боли и ярости. Он молча лежал, стиснув зубы и зажмурив глаза. В воздухе висел запах паленой человеческой плоти и жженой крови.

– Теперь настало время потолковать, – произнес Локки, усаживаясь на грудь поверженному врагу.

– Я не могу... – простонал контрамаг. – Не имею права выдавать секреты моего клиента.

– Расслабься, у тебя уже нет клиента, – усмехнулся Лок-

ки. – Ты больше не служишь капе Разо. Сам понимаешь, он нанимал на работу контрмага, а не беспалое дерьмо с дохлой птичкой в придачу. Удалив твои пальцы, я освободил тебя от всех обязательств перед Разо... по крайней мере, мне так кажется.

– Пошел к черту, – выплюнул Сокольничий.

– Отлично. Значит, ты решил выбрать путь потруднее, – Локки с усмешкой передал кинжал Жеану, который принялся снова прокалывать его на огне. – Если бы на твоём месте был любой другой мужчина, я бы взялся за его яйца и с удовольствием поучился бы делать евнухов. Но, полагаю, для тебя это не самое страшное наказание. Ты ведь не такой, как все мужчины, ты выше низменных желаний! Думаю, всего страшнее – так, чтоб проняло до самых потрохов – для тебя будет лишиться твоего поганого языка.

Контрмаг в ужасе уставился на Локки, губы его беззвучно шевелились.

– Пожалуйста, имей милосердие! – прошептал он наконец. – Во имя всех богов, сжался. Мой орден существует, чтобы служить клиентам... я выполнял условия контракта...

– Ты превысил свои полномочия, как только твой контракт коснулся моих друзей.

– Прошу тебя... – простонал контрмаг.

– Нет! Я это сделаю – вырежу твой грязный язык, пока ты вот так лежишь и корчишься от страха. Сделать тебя немым – отличное решение. Полагаю, без пальцев ты еще смог бы

творить кое-какие магические штучки, а вот как насчет языка?

– Пожалуйста!

– Говори. Расскажи мне то, что я хочу знать.

– О боги, простите мне мое отступничество! – всхлипнул Сокольниковый. – Спрашивай. Задавай свои вопросы.

– Имей в виду, если я поймаю тебя на вранье, то все-таки отрежу сначала яйца, а затем язык, – предупредил Локки. – Не испытывай мое терпение. Почему Капа Разо хотел убить нас всех?

– Из-за денег. Ему нужна была звонкая монета, которая хранилась в вашем тайнике. Однако это оказалось, так сказать, побочной выгодой, поскольку вначале мы ничего не знали о вашем богатстве. Я выяснил это лишь в ходе слежки за вами. Изначально Разо намеревался использовать расправу над вами в качестве отвлекающего момента, чтобы отвести глаза Капе Барсави. Но когда открылось, сколько у вас награблено денег, Разо, естественно, решил присвоить их. Ему надо было расплатиться со мной – ведь мне предстояло еще месяц трудиться на него, чтобы довести дело до благополучного завершения.

– Так ты лишил жизни моих друзей и пытался убить нас с Жеаном из-за горстки металла, которая хранилась в нашем подземелье?!

– Мы понимали, что вы вряд ли смиритесь с потерей денег, – прошептал контрмаг. – Забавно, да? По сути, это была

простая мера предосторожности: мы посчитали, что таких врагов лучше иметь мертвыми.

– Тут вы правы, – кивнул Локки. – Теперь насчет капы Разо, Серого Короля или как там еще величают этого гаденыша...

– Анатолиус.

– Это его настоящее имя? Лучано Анатолиус?

– Да. А откуда вы его узнали?

– Вопросы тут задаю я, Сокольничий. Значит, Анатолиус... И что же за дела у него были с Барсави?

– Все упирается в Тайный Договор, – пояснил контрмаг. – Как вы понимаете, подобное соглашение пришлось по вкусу не всем в городе. Не обошлось без войны и кровопролития. В то время жил один богатый торговец, который из своих источников выяснил, что именно замыслили Барсави и герцогский Паук. Поскольку сам он не принадлежал к знатному роду, ничего хорошего ему ждать не приходилось. В общем, старик очень сильно... расстроился.

– И Барсави убил его?

– Да. Этого человека звали Аврам Анатолиус, он был очень влиятельным купцом из Пояса Фонтанов. Барсави убил не только самого Аврама, но и его жену, а также троих младших детей – Лавина, Ариану и Маурину. Старшим же детям повезло – они бежали со служанкой, которая выдала их за своих детей, и укрылись в Талишеме.

– Ага... и звали их Лучано, Черина и Раиза.

– Именно так... тройняшки – мальчик и две девочки. Поймите, мастер Ламора, эти люди долгое время жили мечтой о мести. Что им ваши доводы, да и сама ваша жизнь! Они двадцать два года готовились к событиям последних месяцев. Черина и Раиза вернулись в Каморр под вымышленной фамилией еще восемь лет назад. Они стали прославленными контрареквиллами, поступили на службу к Барсави и сумели завоевать его доверие. Лучано же, в свою очередь... Он стал моряком и потратил долгие годы на приобретение навыков умелого бойца и командира, а заодно немалого состояния. Деньги ему требовались, чтобы нанять на службу контрамага.

– Так капа Разо – капитан торгового флота?

– Не совсем... Он стал пиратом. Но не тем грубым и примитивным разбойником, что бороздят воды Медного моря, а умным и весьма сведущим специалистом своего дела. Он долго и тщательно готовит операции, занимается разведкой, наводит справки. Подыскивает какой-нибудь эмберлинский фрегат с подходящим грузом и затем наносит молниеносный удар. Надо сказать, что он ни разу не оставил ни одного живого свидетеля, поэтому никто до сих пор не раскрыл его тайну.

– Проклятье! – взревел вдруг Жеан. – Так, выходит, он – капитан «Сатисфакции»!

– Да, так называемого зачумленного корабля, – подтвердил Сокольничий. – Даже смешно, насколько гладко все прошло. Трудно придумать лучшую уловку, если вы хотите, что-

бы никто не совал нос к вам на судно.

– А под видом «благотворительной помощи» Разо переправляет на корабль свои деньги? То есть те, которые он украл у нас и у Барсави.

– Да, – печально кивнул контрмаг. – Эти деньги принадлежат моему ордену – плата за мою службу.

– Насчет этого мы еще поглядим. А что происходит в настоящий момент? Несколько часов назад я видел твоего хозяина на празднике в Вороновом Насесте. Объясни, какого хрена он собирается делать дальше?

– Э-э... – Сокольничему явно не хотелось отвечать. Даже когда Локки легонько ткнул его топориком в шею, он лишь загадочно усмехнулся. – Ты хочешь убить его, Ламора?

– «*Na justiccavexcala*», – процитировал Локки.

– Твой древне-теринский вполне сносный, – снисходительно улыбнулся контрмаг, – но вот произношение никуда не годится. «Правосудие в красном», о да... Итак, ты жаждешь посчитаться с Разо? Хочешь, чтобы он кричал под твоим ножом?

– Для начала.

Неожиданно Сокольничий рассмеялся – запрокинул голову и разразился тонким, скрипучим смехом сумасшедшего. И это было не наигранное веселье – грудь его ходила ходуном, из глаз текли слезы.

– В чем дело? – снова ткнул его топориком Локки. – Прекрати валять дурака и отвечай на мои вопросы, хрен тебе в

душу!

– Я отвечу... ха-ха-ха... Я дам тебе даже два ответа, и уверен, что ни один из них тебе не понравится. Очень сильно не понравится... Который сейчас час?

– А какая тебе, в задницу, разница?

– Сейчас... сейчас все объясню, только скажи мне время.

– Полагаю, где-то половина восьмого, – вмешался Жеан, и контрмага вновь обуял приступ смеха. На лице у него расплылась блаженная улыбка, совершенно неуместная для человека, только что лишившегося всех пальцев.

– Что? Что за хрень? Отвечай сейчас же, пока не расстался еще с какой-нибудь частью тела.

– Думаю, сейчас Анатолиус уже вернулся на Плавучую Могилу, – отсмеявшись, выговорил Сокольничий. – Возле галеона стоит наготове ялик, на который можно попасть через потайной люк, пробитый еще Барсави. А дальше... следите за моей мыслью. С приходом Лжесвета «Сатисфакция» снимется с якоря, двинется на восток, обогнет Деревяшки с юга и выйдет в открытое море. Все люди Разо уже успели покинуть город и вернуться на судно – по одному, по двое на той самой лодке, которая доставляла продукты. Как известно, крысы бегут с тонущего корабля. Но сам Разо будет сидеть до конца. Это вполне в его характере – играть с опасностью. Он покинет город в самый последний момент – отплывет на своем ялике, и его подберут где-то возле южного берега Деревяшек.

– Говоря о «его людях», то имеешь в виду команду Серого Короля, которая помогла ему совершить переворот? – уточнил Локки.

– Именно. Таким образом, я дал тебе весь расклад. Анатолиус будет один, фактически без защиты. Рассчитай верно время, и ты почти наверняка сможешь захватить его до того, как он скроется из города.

– И что же в этом плохого? Я бы не сказал, что это сильно меня огорчает. Скорее наоборот – доставляет радость.

– Потому что это еще не все. Как ты понимаешь, «Сатис-факция» не просто так выходит в море... это часть одного большого плана.

– Что ты имеешь в виду?

– Пораскинь мозгами, Ламора, ты же не совсем идиот. Барсави вырезал семью Аврама – это верно. Но кто *ПОЗВОЛИЛ* ему это сделать? Здесь замешаны и другие люди.

– Ты говоришь о доне Ворченце? Герцогском Пауке?

– Бери выше, Ламора. Кто-то уполномочил ее принимать подобные решения.

– Неужели... герцог Никованте?

– Наконец-то, – обрадованно кивнул колдун. – И не он один. Подумай, кто стоит за Тайным Договором? Кто выиграл от него в ущерб разным Аврамам Анатолиусам?

– Каморрская знать?

– В точку! Их-то и хочет наказать Анатолиус.

– «Их»? Кого «их»?

– Всех ваших аристократов, мастер Ламора.

– Что за бред? Как такое возможно?

– Пирамиды, мастер Ламора. Вспомните четыре необычных изваяния, которые преподнес герцогу капа Разо. В данный момент они стоят на разных этажах Воронова Насеста.

– Пирамиды? Ну да, я видел эти штуковины – стекло, золото и «бегущие огни». Чудо алхимии. Кстати, твоя работа?

– Нет, – покачал головой Сокольничий. – Я такими вещами не занимаюсь. «Бегущие огни» – это эффектная забава, но и только. Однако внутри этих пирамид сокрыто нечто куда более удивительное... и неожиданное.

– Что именно?

– Алхимические запалы. В назначенное время они приведут в действие маленькие глиняные жаровни, спрятанные внутри пирамид.

– И что?

– А то, мастер Ламора, что Анатолиус потратил целое состояние на приобретение некоего редкостного и весьма дорогого вещества, – теперь контрмаг откровенно веселился.

– Хватит играть словами, Сокольничий! – рассердился Локки. – Выкладывай, что за дрянь ты имеешь в виду.

– Призрачный камень.

На несколько мгновений в комнате повисло тягостное молчание. В конце концов Локки недоверчиво помотал головой.

– Врешь, сволочь... я тебе не верю.

– В изваяниях спрятаны сотни фунтов Призрачного камня. Этого более чем хватит для того, чтобы лишить рассудка всю каморрскую знать, которая сейчас толпится возле праздничных столов. И самого герцога, и его Паука, и всех их друзей, родственников, слуг и детей. Что вам известно о Призрачном камне, мастер Ламора? Знаете ли вы, что его дым легче воздуха? Он будет подниматься вверх по этажам, проникнет через вентиляционные отверстия в Небесный сад, где сейчас резвятся детки аристократов. Уцелеют лишь те люди, что находятся на посадочных платформах. Шанс у них есть... хотя, на мой взгляд, весьма *ПРИЗРАЧНЫЙ*.

– И все это случится во время Лжесвета? – в глазах Локки застыл ужас, смешанный с недоверием.

– Точ-чно, – прошипел колдун. – Какой роскошный выбор, мастер Ламора! С приходом Лжесвета человек, которого вы мечтаете убить, будет сидеть совсем один на Плавучей Могиле – приходи и бери голыми руками. И в то же самое время целая толпа народу – шестьсот человек – веселится на вершине Воронова Насеста, не подозревая, что их ждет даже не смерть, а куда худшая участь. Ваши действия, мастер Ламора? Рассчитывать на своего друга Жеана вы не можете – судя по всему, сейчас он не способен на такие подвиги. Так что это исключительно ваш выбор... с чем я вас и поздравляю.

Локки порывисто встал и швырнул топорик обратно Жеану.

– Будь ты проклят, Сокольничий, но у меня нет выбора.

– Ты собираешься в Воронов Насест? – спросил Жеан.

– А как же иначе?

– Желая приятно провести время, – усмехнулся контрамаг. – Надеюсь, вы сумеете убедить стражников и собравшихся аристократов в искренности своих намерений. Но боюсь, это будет нелегко, поскольку донья Ворченца абсолютно убеждена в безвредности пирамид.

– Ладно, – ответно усмехнулся Локки. – Думаю, они обрадуются моему появлению. На сегодняшний день я стану самой популярной личностью в Вороновом Насесте.

– А как ты выберешься оттуда? – спросил Жеан.

– Пока не знаю, – честно признался Локки. – В нужный момент появится какая-нибудь идея. До сих пор эта тактика меня не подводила... Все, я побежал. Я знаю, Жеан, что ты все равно пойдешь к Плавучей Могиле, но во имя всех богов прошу тебя – спрячься где-нибудь поблизости и даже думать не смей туда соваться! Понял? Ты сейчас не в том состоянии, чтобы ввязываться в драку, – он обернулся к пленнику. – Что за боец капа Разо?

– Смертельно опасный, – еще шире ухмыльнулся контрамаг.

– Ясно... Так что, Жеан, не рискуй попусту. Я разберусь с ситуацией на празднике и попытаюсь успеть к Плавучей Могиле. Если не получится – значит, не судьба. Все равно мы рано или поздно его поймаем. Но если я успею... и если

он окажется на месте...

– Локки, это не шутки. Позволь мне, по крайней мере, пойти с тобой. Если Разо имеет хоть какие-то навыки обращения с клинком, он вмиг выпустит из тебя все потроха.

– Хватит спорить, Жеан. Все равно от тебя сейчас проку немного. Что касается меня, то я в нормальной физической форме, я ужасно зол и достаточно безумен для подобной авантюры. Так что поглядим, кто кого! Мне пора, – пожав руку Жеану, он направился к выходу, но у двери остановился. – А что до этого подонка, то отруби ему все-таки язык.

– Но ты же обещал! – завопил контраг. – Ты мне обещал!

– Послушай, ты, дерьмо... тебе я ничего не обещал! А вот своим мертвым друзьям, наоборот, дал вполне определенное обещание.

С этими словами Локки скрылся за парусиновой занавеской. Жеан снова взялся за нож и начал прокалывать его над огнем. Удаляясь по улице, Локки слышал затихающие вопли Сокольничего. Свернув на север, он легкой трусцой припустил к Холму Шепотов.

4

Время уже близилось к половине девятого, когда Локки снова остановился на каменной мостовой перед Пятью башнями. Ему нелегко далось это маленькое путешествие по го-

роду. С одной стороны – толпы перепивших гуляк с явно отключившимися чувствами и мыслительными способностями, с другой – чрезмерно бдительный патруль на входе в Альсегранте. В конце концов ему удалось-таки убедить стражников в том, что он законопослушный адвокат, спешащий на встречу с другом, приглашенным на герцогский праздник. Немалую роль в этом сыграл «подарочек по поводу летнего солнцестояния» – золотой тирин, который переключал из рукава Локки в карман алчного сержанта. Как бы то ни было, он все же добрался до Воронова Насеста. До Лжесвета оставалось чуть больше часа, небо на западе уже начинало алеть, а с востока наливалось предвещающей ночью синевой.

Не сбавляя темпа, Локки принялся прокладывать дорогу через скопище карет и паланкинов. Застоявшиеся лошади ржали и били копытами. Многие из них тут же облегалась, и нарядная площадь – самая большая и ухоженная в Каморре – была тут и там залита конской мочой. Кучера, лакеи и носильщики, сбившись в тесные группы, болтали, закусывали и то и дело поглядывали вверх на Пять башен, чьи стены из Древнего стекла полыхали в закатных лучах самыми причудливыми оттенками.

Локки был настолько поглощен раздумьями, как подольститься к слугам у подъемного механизма, что даже не заметил подошедшего Конте. Спихватился он лишь тогда, когда одна сильная рука – а Конте был намного выше и сильнее Локки – схватила его сзади за воротник, а другая приставила

нож к ребрам.

– Никак мастер Фервит? – произнес знакомый голос. – Благодарение богам за их милость! Не говори ни слова, заткнись и следуй за мной.

Конте грубо повел, почти поволок его к ближайшей клетке. Локки узнал черный лакированный ящик с плотно занавешенными окошками – несколько часов назад в этой самой клетке он поднимался на вершину башни в обществе супругов Сальвара.

Сейчас его грубо швырнули на одну из скамеек. Конте запер дверь и уселся напротив своего пленника, по-прежнему держа наготове стилет.

– Прошу вас, Конте, – заговорил Локки обычным голосом, отбросив вадранский акцент. – Мне необходимо поскорее попасть в башню. Все, кто там находится, в большой опасности.

Он даже не подозревал, что из сидячего положения можно нанести такой удар ногой! Однако Конте восполнил этот пробел в его образовании. Тяжелый башмак телохранителя послал Локки в дальний угол клетки. Он немедленно почувствовал вкус крови во рту – вот черт, похоже, язык прикусил! В голове звенело от удара о деревянную стенку.

– Ты, дерьма кусок, признавайся, где деньги!

– У меня их забрали.

– Звучит не слишком правдоподобно. Шестнадцать с половиной тысяч золотых крон?

– Вы неточны в своих подсчетах. Необходимо прибавить стоимость посещения Речных Игрищ – еда и всяческие развлечения...

Снова молниеносное движение тяжелого башмака, и Локки отлетел в противоположный угол клетки.

– Ради богов, уймись же, Конте! Нет у меня этих денег! Говорю вам, их украли у меня самого! Но сейчас это абсолютно неважно!

– Позвольте-ка мне кое-что объяснить вам, мастер черт-вас-побери-Фервит. Мне довелось побывать на Холме Богов. Это случилось давным-давно, я тогда был моложе, чем вы сейчас.

– Рад за вас, но у меня нет вре... – начал Локки – и схлопотал новый пинок. Нет, с этим человеком абсолютно невозможно разговаривать!

– Так вот, мне довелось побывать на Холме Богов, – продолжил Конте. – И я был тогда чертовски молод... наверное, самый молодой из копейщиков в войске герцога Никованте. Просто-напросто желторотый юнец, перепуганный насмерть, до мокрых подштанников. Нам там пришлось туго – со всех сторон нас обложили вераррцы и конница Безумного Графа. Мой командир оказался по уши в дерьме – без лошади, которая куда-то ускакала, с зеленым необстрелянным помощником. Большинство каморрских рыцарей попросту сбежало с поля боя, спасая свою шкуру. Собственно, так сделали все... за одним чертовым исключением.

– Послушайте, все это, конечно, интересно, – запротестовал Локки, поднимаясь со скамьи, – но сейчас...

Угрожающе взмахнув клинком, Конте заставил его сесть на место, после чего продолжил свой рассказ.

– Этим исключением был барон Иландро Сальвара. Он сражался, как черт, пока его лошадь не пала под ним. Барон получил четыре раны, с поля боя его утащили волоком, за ноги. И если все прочие аристократы обращались с нами, как с мусором, то Сальвара едва не сдох, пытаясь защитить своих солдат... После войны я несколько лет прослужил в городской страже, но очень скоро мне это надоело – кругом одна большая куча дерьма. И тогда я отправился к старому дону Сальваре и рассказал, что видел его на Холме Богов. Я сказал ему, что там, на Холме, он фактически спас мою долбаную жизнь... и остаток ее я хотел бы посвятить служению ему, дону Сальваре, если он, конечно, согласен. И он согласился и взял меня на службу. А когда старого барона не стало, я остался в доме с его сыном Лоренцо... Сидеть! Сделай еще только шаг к двери, и, клянусь, я выпущу из тебя всю твою наглость вместе с кровью! Теперь я присматриваю за Лоренцо... – в голосе старого слуги прозвучала неподдельная гордость. – Он, конечно, скорее деловой человек, чем воин. Но вот что я тебе скажу: этот парень сделан из того же теста, что и его отец. Как он ринулся в ту чертову аллею, где вы, дерьмецы, разыграли свой спектакль, с одной шпагой в руках! А ведь он верил, что на тебя, засранца, напали на-

стоящие разбойники, хрен вам всем в душу! И как, совесть не мучит? Отвечай: ты *ГОРДИШЬСЯ* своим поступком, падаль? Гордишься, что обвел вокруг пальца человека, который пытался спасти твою никчемную жизнь?

– Что сделано, то сделано, Конте, – ответил Локки с горечью, которая удивила его самого. – Я живу так, как считаю нужным. Что, твой Лоренцо святой, как сам Переландро? Нет, он обычный каморрский аристократ и тоже получает выгоду от Тайного Договора. Не исключаю, что его прапрадед перерезал не одну глотку, чтобы получить свой титул. А теперь Лоренцо каждый день стрижет с этого купоны и горя не ведает. Да знаешь ли ты, что пока ты чистишь своим хозяевам апельсины и утираешь им губы кружевными салфеточками, где-нибудь в Чертовом Котле люди заваривают золу на моче и поят этим чаем своих детей! Не надо мне говорить о том, что я сделал. Просто давай поедem в Воронов Насест. Немедленно!

– Нет, сначала ты мне ответишь, куда дел деньги, – возразил Конте. – И ответишь серьезно, без дураков. Иначе я буду бить тебя до тех пор, пока не выбью правду. Хочешь, попробуем? Гарантирую, что каждый кусок дерьма, который когда-либо выпадет из твоей задницы, будет носить отпечаток моего каблука.

– Послушай, Конте, всем, кто сейчас находится в Вороновом Насесте, грозит страшная опасность. Нам нужно попасть туда как можно скорее.

– Я тебе не верю, тварь! Я не поверил бы тебе, даже скажи ты, что мое имя Конте, что огонь горячий, а вода мокрая! Не знаю, что ты задумал на сей раз, но скажу наверняка: твой номер не пройдет.

– Подумай сам, Конте! Ну куда я сбегу с верхушки этой чертовой башни? Там собрались все ваши проклятые Полуночники... и Паук, и отряд Ночных Стекольщиков в полном составе. Я уж не говорю о трех сотнях каморрских аристократов. Я безоружен. Делай, что хочешь, хоть свяжи и волоком тащи, только отведи меня туда. Это необходимо! Нам надо успеть до Лжесвета, иначе будет слишком поздно.

– Слишком поздно для чего?

– У меня нет времени на долгие объяснения. Услышишь мой разговор с доньей Ворченцой и сам все поймешь.

– Что за ерунда? Какого черта тебе надо от этой старой карги?

– Похоже, я сам виноват, – вздохнул Локки. – Задал темп, к которому ты не готов. Но поверь, сейчас действительно некогда болтать. Пожалуйста, прошу тебя! Хочешь, на колени встану? Да, я не Лукас Фервит. Я всего-навсего презренный, треклятый вор. Хочешь, свяжи мне руки, приставь нож к моему горлу. Я готов на любые условия, только доставь меня в Воронов Насест. Все равно, как. Сам реши.

– Как твое настоящее имя?

– А какая, к черту, разница?

– Говори, – потребовал Конте. – И, может быть, тогда я

действительно свяжу тебе руки, позову стражников и попытаюсь провести тебя в башню.

Локки обреченно вздохнул.

– Меня зовут Таврин Каллас, – произнес он.

Несколько секунд Конте молчал, устремив на него тяжелый взгляд, затем проворчал:

– Ладно, мастер Каллас, вытяни руки вперед и не двигайся. Я тебя свяжу и обещаю сделать это так, что ты взвоешь от боли. А затем мы прогуляемся наверх.

5

На каждой посадочной площадке дежурили Ночные Стекольщики, которым уже раздали описания Локки. Естественно, они с ликованием встретили Конте, который гнал перед собой связанного пленника. Так они и пошли под одобрительный ропот – Конте сзади, Локки впереди и по «черной куртке» с каждой стороны.

– Пожалуйста, отведите меня к донье Ворченце, – попросил Локки. – Если не сможете ее найти, позовите кого-нибудь из супругов Сальвара. Или вашего капитана Рейнарта.

– Заткнись, дерьмо, – рявкнул солдат в черной куртке. – Иди, куда ведут.

Громко лязгнули цепи подъемного механизма, клеть изготовилась спускаться вниз. Десятки гостей обернулись и уставились на Локки, который неловко ковылял между трех че-

ловек. В первом же зале они натолкнулись на капитана Рейнарта. Он стоял, держа в руках тарелку, на которой нашли приют сразу несколько медово-коричневых корабликов. При виде необычной процессии глаза Рейнарта удивленно расширились. Он торопливо затолкал в рот один из марципановых парусов и передал тарелку проходящему мимо лакею.

– Во имя богов! – воскликнул капитан. – Где вам удалось отыскать его?

– Это не мы, – ответил один из «черных курток». – Нам привел его тот господин, что идет сзади. Он утверждает, что служит у господина Сальвары.

– Я схватил его возле карет, – пояснил Конте.

– С ума сойти, – покачал головой Рейнарт. – Сведите его вниз, в восточное крыло. Там можно найти кладовку без окон. Обыщите мерзавца, разденьте до белья и закройте там. Вы двое останетесь на страже. Допросим его попозже ночью, когда окончится праздник.

– Погодите, Рейнарт, – завопил Локки, отбиваясь от солдат, которые потащили его прочь. – Я вернулся по своей воле! Сам, понимаете? Всем, кто здесь находится, угрожает страшная опасность. Вы же можете разыскать свою приемную мать? Мне необходимо с ней поговорить!

– Я сам с тобой поговорю, когда придет время. В кладовку его, ребята.

– Рейнарт, нет! Изваяния! Загляните в эти долбаные изваяния!

Локки продолжал упираться и орать на весь зал. Многие гости оставили свои дела и с интересом наблюдали за разыгравшейся сценой. На горизонте замаячили новые «черные куртки». Чтобы пресечь скандал, Рейнарт резко ударил Локки по лицу.

– Будешь шуметь, покажу этим господам, какого цвета твоя кровь, – прошипел он.

– Я знаю, кто она, Рейнарт! Я знаю, кто такая донья Ворченца, и буду орать об этом на всех галереях, по которым вы меня протащите. Да-да, буду орать и отбиваться... и прежде чем вы запихнете меня под замок, об этом узнают все гости. Да проверьте же пирамиды!

– А что с ними такое?

– Проклятье! Вы сами увидите, что в них. Это заговор. Изваяния протащил сюда Капа Разо.

– Неправда, это подарок герцогу от одного уважаемого горожанина. Мое начальство тщательно их досмотрело.

– Ваше начальство тоже замешано в этом! Капа Разо нанял контрмага, а я-то знаю, какие номера откалывают эти деятели. Они могут внушить человеку что угодно.

– Просто смехотворно! – пожал плечами Рейнарт. – Сам не знаю, какого черта я слушаю твои нелепые сказки. Все, идите вниз! Хотя нет... сначала заткнем ему рот.

Он подхватил салфетку и начал ее комкать.

– Пожалуйста, прошу вас, Рейнарт – отведите меня к донье Ворченце! Как вы думаете, за каким бы хреном мне сю-

да возвращаться, если бы это не было так важно? Поверьте, если вы запретите меня в кладовке, всем, кто здесь собрался, настанет конец! Умоляю, отведите меня к Ворченце!

Несколько мгновений Рейнарт холодно рассматривал Локки, затем отшвырнул салфетку.

– Хорошо, мы пойдем к донье Ворченце, – бросил он, уставив палец ему в лицо. – Но если ты по дороге пикнешь хоть слово, берегись! Я собственными руками вколочу его обратно в твою глотку, затем избыю тебя до потери сознания и брошу в кладовку. Понятно?

Локки энергично закивал.

Рейнарт жестом подозвал еще нескольких «черных курток» – всего их набралось шесть человек – и повел пленника вниз по лестнице. Конте шел за ними следом. Вскоре они миновали все тот же полукруглый холл и очутились в комнатке, где Локки впервые увидал дону Ворченцу. Она по-прежнему сидела в своем кресле, у ног валялось забытое вязанье. Рядом хлопотала донья София с мокрыми тряпками. Дон Сальвара, забравшись на подоконник, обследовал наружные уступы. Все трое удивленно уставились на Локки, который с разбегу влетел в комнату, получив хорошего пинка от Рейнарта.

– Посторонних не допускать, – отдал распоряжение капитан и обернулся к Конте: – Простите, но к вам это тоже относится.

– Оставь его, Стефан, – подала голос донья Ворченца. – Он и так уже в курсе дел, пусть узнает все остальное.

Конте с поклоном вошел в кабинет и крепко вцепился в руку Локки. Пока Рейнарт возился с замками, супруги Сальвара молча, с абсолютно непроницаемыми лицами рассматривали своего так называемого компаньона.

– Привет, Лоренцо. Здравствуйте, София, – приветствовал их Локки на чистейшем теринском. – Приятно видеть вас в добром здравии.

Медленно поднявшись из кресла, донья Ворченца приблизилась к Локки и без всяких объяснений отвесила ему удар в челюсть – с правой руки, прямой, вполне приличный, принимая во внимание ее пол и возраст. Голова у Локки дернулась, вниз по шее пробежали волны боли.

– Ничего себе! – возмутился он. – Что это на вас нашло?

– За вами должок, мастер Бич.

– О да. А то, что вы укололи меня своей проклятой отравленной спицей, не в счет?

– Вы это заслужили, – непреклонно заявила донья Ворченца.

– И все равно так не... – заспорил было Локки, но договорить ему не дали. Крепкая рука Рейнарта резко развернула его, после чего последовал новый сокрушительный удар в челюсть. При всем уважении к способностям доньи Ворченцы следовало признать, что у Рейнарта это вышло намного убедительнее. На несколько секунд Локки выпал из окружающей действительности, а когда очнулся, обнаружил, что лежит у самой стены в кроткой позе зародыша. Ему казалось,

что в голове у него поселилось целое племя маленьких кузнецов, которые усердно колотят молоточками по наковальням.

– Я, кажется, упоминал, что донья Ворченца – моя приемная мать, – с невинным видом заметил капитан.

– О боже! – расхохотался Конте. – Мне все больше нравится эта вечеринка.

– Мило, – пробормотал Локки, с трудом пытаясь восстановить вертикальное положение. – Ну почему никому из вас не придет в голову поинтересоваться, какого хрена я вернулся в Воронов Насест... после столь непростого отступления?!

– Насколько я понимаю, – оживилась доня Ворченца, – вам пришлось прыгнуть с уступа в надежде зацепиться за проходящую клеть?

– Именно так. Этот способ выглядел самым безопасным для моего здоровья.

– Вот видите, Рейнарт! Я же говорила!

– Теоретически я допускал подобную возможность, – признался вадранец. – Но практически... мне даже думать не хотелось о таком варианте.

– Стефан не любит высоты, – рассмеялась доня Ворченца.

– И поступает весьма мудро, – вздохнул Локки. – Но речь не о том. Пожалуйста, я еще раз прошу – выслушайте меня! Я вернулся сюда, чтобы предупредить вас об этих проклятых пирамидах. Капа Разо недаром притащил сюда эти игрушки.

Поверьте, они представляют страшную опасность для всех, кто находится в башне.

– Пирамиды? – донья Ворченца посмотрела на него с искренним удивлением. – А что тут такого? Добропорядочный богатый господин преподнес герцогу роскошный подарок – четыре изваяния из золота и стекла. Честь и хвала ему за это, – мельком взглянув на Рейнарта, она добавила: – Кроме того, я уверена, что герцогская стража осмотрела пирамиды изнутри и убедилась в их полной безопасности. Честно говоря, сама я не вникала в это дело – просто по просьбе своих друзей помогла советом.

– Мое начальство убедило меня... – начал Рейнарт.

– Хватит морочить нам голову! – взорвался Локки. – Давайте называть вещи своими именами. Вы Паук, я Бич Каморра. А теперь скажите: вы встречались с капой Разо? Разговаривали с контрмагом по имени Сокольничий? Это они навязали вам изваяния?

Под изумленными взглядами четы Сальвара старая дама смешалась и смущенно закашлялась.

– Ах, извините, – с издевкой произнес Локки. – Я невольно выдал ваш маленький секрет. Судя по всему, дон Лоренцо и его супруга не в курсе вашей служебной деятельности. Для них вы были просто пожилой дамой, так сказать, другом семьи? Очень сожалею. Но сейчас мне позарез нужно поговорить с Пауком... да-да, именно с Пауком, а не с доньей Ворченцой. Дело в том, что как только наступит Лжесвет,

всем нам, присутствующим в башне, придет конец.

– Разве я тебе не говорила? – воскликнула донья София, вцепившись в руку мужа так крепко, что он даже поморщился. – Я знала это! Знала!

– Спокойнее, дорогая, – охладил ее пыл Лоренцо. – Я все еще сомневаюсь.

– Увы, он сказал чистую правду, – вздохнула донья Ворченца, – София права – я и есть Паук. Но если эта правда выйдет за пределы комнаты, кое-кому сильно не поздоровится.

Конте замер с открытым ртом, но в глазах его светилось странное одобрение. Локки наконец удалось подняться на ноги.

– Что же касается изваяний, то я лично могу поручиться за них, – продолжала донья Ворченца, – Это действительно подарок господину герцогу.

– Говорю вам, что существует заговор, – настаивал Локки. – Эти пирамиды – не что иное, как ловушка. Откройте одну из них, и сами все увидите! Капа Разо хочет уничтожить каморрскую знать – мужчин, женщин, детей. То, что он замыслил, хуже убийства.

– Вы напрасно клеветеете на капю Разо, – холодно заявила донья Ворченца. – Этот скромный и благородный человек откликнулся на мое приглашение и согласился ненадолго посетить наш праздник. Вы же, добиваясь собственных целей, занимаетесь грязными наветами.

– Конечно, хрен вам всем в душу! – взбесился Локки. – Сначала я с риском для жизни удрал, а затем снова приперся сюда, пробежав бегом через полгорода, дал себя избить, связать и притащить наверх – и все ради каких-то непонятных целей! Да раскройте же свои чертовы уши, услышите меня! В этих изваяниях Призрачный камень. Вы слышите, Ворченца? Призрачный камень!

– Не может быть, – ужаснулась донья София. – Откуда вы знаете?

– Ничего он не знает, – возразила Ворченца. – Просто лжет, и все. Пирамиды абсолютно безвредны.

– К чему спорить? – предложил Локки. – Есть простой способ все узнать. Загляните в одну из них и сами убедитесь. Только поскорее – скоро наступит Лжесвет, и они воспламятся.

– Даже не обсуждается, – отрезала донья Ворченца. – Это собственность господина герцога, и цена ей тысячи крон. Я не позволю портить изваяния только потому, что этого требует сошедший с ума преступник!

– Достойный размен, – с горечью уронил Локки. – Тысячи крон против сотен жизней. Неужели вы не понимаете, чем это грозит? С приходом Лжесвета вся каморрская знать превратится в слабоумных идиотов. Подумайте о детях, которые сейчас играют в Небесном саду. Неужели вы хотите увидеть их белесые, как у Кротких животных, глаза? – теперь он почти кричал. – Да-да, именно это ожидает нас всех! Мы ста-

нем Кроткими. Эта дрянь пожрет наши души!

– Так или иначе, проверить не помешает, – заметил капитан. – Хотя бы ради того, чтобы публично изобличить его ложь.

– Конечно, не помешает, Рейнарт, – Локки бросил на него благодарный взгляд. – Прошу вас, сделайте это!

Донья Ворченца сидела с закрытыми глазами, массируя виски, как при головной боли.

– Нет, это никуда не годится! – возмутилась она. – Стефан, уведите этого человека и запирайте до окончания праздника. В каком-нибудь помещении, где нет окон.

– Скажите, донья Ворченца, говорит ли вам что-нибудь имя Аврама Анатолиуса? – в отчаянии обратился к ней Локки.

Графиня смерила его ледяным взглядом.

– С какой стати мне отвечать на ваш вопрос?

– С такой, что двадцать два года назад капа Барсави убил Аврама Анатолиуса. И вы знали об этом. Более того, убийство произошло с вашего одобрения, поскольку Аврам представлял угрозу Тайному Договору.

– Не вижу никакой связи с нынешними событиями, – отрезала донья Ворченца. – И довольно об этом. Замолчите, или я навсегда заткну вам рот!

– Я все-таки закончу, – заторопился Локки, краем глаза уловив движение Рейнарта. – У Анатолиуса был сын, и он выжил, донья Ворченца. Его зовут Лучано Анатолиус... или,

иначе, капа Разо. Лучано отомстил Барсави за смерть отца и своей родни. А теперь он хочет добраться до вас... и всех каморрских аристократов.

– Все совсем не так, – упрямо проговорила графиня, снова потирая виски. – Я встретила с капой Разо, и мы отлично провели время. Он не мог задумать ничего плохого.

– А Сокольничий? – настаивал Локки. – Вы припоминаете человека по имени Сокольничий?

– Ну да... он пришел с Разо, – Ворченца говорила медленно, будто во сне. – Тоже очень милый человек... Тихий и благовоспитанный юноша.

– Он что-то сделал с вами, донья Ворченца! Я знаю, как он это делает... видел собственными глазами. Скажите, он произносил вслух ваше имя? Или, может быть, написал что-то на пергаменте?

– Я... я... не могу. Это... – донья Ворченца скривилась, точно от сильной боли; все ее лицо пошло морщинами. – Мне *ПРИШЛОСЬ* пригласить капю Разо... Было бы невежливо не пригласить его... на праздник... – старуха упала обратно в кресло и застонала.

Супруги Сальвара бросились ей на помощь, Рейнарт же сгрэб Локки за грудки и прижал к стене. Локки почувствовал, как ноги его болтаются в воздухе.

– Что ты сделал с ней, мерзавец? – ударил его по ушам разъяренный голос вадранца.

– Ничего, – выдохнул Локки. – Это чары контрмага. Смот-

рите сами, капитан – как только речь заходит об извояниях, у графини отказывает способность к здравым рассуждениям! Чертов колдун что-то сделал с ее разумом.

– Отпусти мастера Бича, Стефан, – раздался хриплый голос Ворченцы. – Он прав. Да-да, он говорит правду... Разо и Сокольничий... похоже, я что-то забыла. Вначале я не собиралась приглашать Разо на праздник. Но Сокольничий что-то такое сделал возле моего бюро, и я... я... – она снова поднялась, опираясь на руку Софии. – Говорите, Лучано Анатолиус? Значит, капа Разо – сын Аврама... Но как вы об этом узнали?

– Очень просто, – объяснил Локки, вновь обретая твердь под ногами, ибо Рейнарт наконец отпустил его. – Пару часов назад мне посчастливилось взять в плен контрмага. Я связал его и пытал. Чтобы вытянуть правду из этого мерзавца, мне пришлось отрубить ему все пальцы. После чего мы вырвали его поганый язык и прижгли рану раскаленным железом.

В комнате повисла гробовая тишина. Все в ужасе смотрели на Локки.

– А еще я назвал его козлом, – добавил он. – И, кажется, ему это не понравилось.

– Для контрмага это хуже смерти, – заметила дона Ворченца.

– В любом случае, мы его не убили. Просто заставили очень и очень раскаяться.

– Н-да... – графиня с сомнением покачала головой, но

вдруг встрепелулась: – Стефан, что там насчет пирамид? На этом этаже вроде бы есть одна... где-то возле бара?

– Так точно, – кивнул Рейнарт, направляясь к двери. – Что еще известно вам про эти изваяния, мастер Бич?

– Что в них алхимические запалы... и глиняные горшки с горючим маслом. С приходом Лжесвета произойдет самовозгорание, и вся башня заполнится дымом Призрачного камня. Анатолиус будет счастлив и сможет спокойно уплыть из Каморра.

– Лучано Анатолиус... – задумчиво повторила дона София. – Это он повстречался нам на лестнице?

– Он самый, – кивнул Локки. – Лучано Анатолиус. Он же капа Разо. Он же Серый Король.

– Если в этом деле замешана алхимия, наверное, будет лучше, если именно я осмотрю изваяния, – заявила София.

– Я пойду с тобой, – тут же откликнулся дон Сальвара. – Это может оказаться опасным.

– И я тоже, – поддержал его Конте.

– Отлично! Мы можем пойти все вместе, – Локки махнул связанными руками в сторону запертой двери. – Это будет даже забавно. Только, во имя всех богов, давайте поторопимся!

Первыми комнату покинули Рейнарт и Ворченца. Проходя мимо удивленных «черных курток», капитан жестом велел им следовать за собой. Локки плелся в самом хвосте под бдительным надзором Конте. Они миновали полукруг-

лый холл и вышли в главную галерею.

Толпы раскрасневшихся гостей почтительно расступались, провожая странную процессию недоуменными взглядами. Рейнарт решительно подошел к солдату, стоящему на страже горы хрустальных бокалов.

– Именем герцога этот конец бара временно закрыт, – распорядился он. – Проследите, чтобы все было организовано. Выставьте ограждение на расстоянии пятнадцати-двадцати футов и никого не пропускайте внутрь.

Тем временем дона София, поднырнув под бархатную ленту, приблизилась к светящейся пирамиде. Цветные огни продолжали мигать и переливаться за стеклянными окошками, вделанными в ее боковые поверхности. Пирамида имела два с половиной фута в основании и три – в высоту.

– Капитан Рейнарт, – воскликнула дона София, – кажется, я вижу у вас за поясом перчатки. Не могли бы вы их одолжить мне?

Рейнарт без возражений передал ей пару черных кожаных перчаток, София натянула их на руки и присела возле изваяния.

– Полагаю, особых проблем не должно возникнуть; контактные яды – достаточно простая вещь, – проговорила она, принимаясь ощупывать стенки пирамиды. Занималась она этим довольно долго, неоднократно переходя с места на место и внимательно оглядывая поверхность. Очевидно, проверка не дала желаемых результатов, так как с каждой мину-

той София все больше мрачнела.

– Не понимаю, – наконец призналась она, поднимаясь на ноги. – Никакого зазора во внешней оболочке, ни единого шва. Конструкция абсолютно непроницаема, и непонятно, каким образом дым мог бы просочиться наружу. Хотя... – она снова пробежалась пальцами по одному из оконцев. – Окошки выполнены из декоративного стекла – чрезвычайно тонкого и хрупкого материала. Оно совершенно не выдерживает нагревания. По этой причине мы никогда не используем его в лабораториях... да и в подобных конструкциях оно нечасто встречается. Постойте... – осененная внезапной догадкой, она резко обернулась к Локки. – Вы вроде бы упоминали горшки с горючим маслом?

– Я получил эту информацию от человека, который страшно не желал расставаться со своим языком.

– Что ж, такой алгоритм вполне возможен, – задумчиво произнесла дона София. – Масло возгорается и создает достаточное количество тепла внутри металлической конструкции. В подобных условиях стекло вмиг разлетится, и дым повалит наружу! Так, будьте добры, капитан, передайте мне свою рапиру. Попытаемся ее использовать...

Рейнарт опять беспрекословно повиновался, хотя, возможно, эта просьба и не обрадовала его. Он вытащил оружие и передал его молодой женщине. Критически оглядев серебряную рукоять, дона Сальвара удовлетворенно кивнула и с размаху ударила ею по стеклу. Во все стороны брызнули

осколки. С помощью лезвия София очистила раму от торчащих обломков и вернула рапиру капитану. По толпе, которая собралась вокруг – «черные куртки» едва сдерживали ее напор – прошел шум.

– Будь осторожна, София, – подал голос дон Лоренцо.

– Не учите моряка гадить в море, – проворчала себе под нос София, наклоняясь и заглядывая в трапециевидное окошко – внизу оно было примерно восемь дюймов в ширину, а сверху сужалось. Просунув внутрь руку в перчатке, она прикоснулась к алхимическому фонарю, ощупала его, затем аккуратно выкрутила и вытащила наружу.

– Даже ни к чему не подсоединяется, – пожалала она плечами, выкладывая фонарь на пол. Однако, заглянув в освободившееся окошко, София побледнела и в ужасе отпрянула.

– О боги! – воскликнула она, поднося руку ко рту.

– Что там? – строго спросила Ворченца, подходя к доне Сальвара.

– Действительно Призрачный камень, – дрожащим голосом ответила та. – Вся пирамида забита этой дрянью. Я ее вижу и чувствую запах... – София невольно передернула плечами, как это делают впечатлительные люди при виде крупного паука. – Этого хватит, чтобы отравить всех, кто здесь собрался. А ведь есть еще три изваяния. Похоже, ваш капа Разо решил перестраховаться.

Дона Ворченца выглянула в окно, выходящее на север. Там сгушались сумерки, во всяком случае, небо выглядело

куда темнее, чем полчаса назад, когда Локки только волокли на аудиенцию в уединенный кабинет.

– Что с этим делать, София? – встревоженно спросила графиня Янтарного Кубка. – Ты можешь как-то предотвратить возгорание?

– Сомневаюсь, – ответила дона Сальвара. – Алхимических запалов не видно – наверное, они заложены под Призрачным камнем. Если мы попытаемся добраться до них, они могут сработать от сотрясения. Поверьте, мне хорошо знакома эта схема, я сама могу собрать такую в своей лаборатории. Неизвестно, что опаснее – вмешаться или оставить все как есть.

– Нужно убрать пирамиды из башни, – предложил Рейнарт.

– Плохая мысль, – отвергла София. – Дым легче воздуха, он поднимается вверх. Сомневаюсь, чтобы мы успели далеко унести эти чертовы пирамиды. В результате, когда придет Лжесвет, вся башня окажется окутана ядовитым дымом. Лучше всего было бы утопить изваяния – дым Призрачного камня поглощается водой... не сразу, через несколько минут. То есть масло будет продолжать гореть, но дым не сможет подниматься вверх. Если бы только нам удалось забросить эту дрянь в Анжевену!

– Это сложно, – ответила дона Ворченца. – Однако... Можно поместить их в бассейн Небесного сада. В нем десять футов глубины и пятнадцать ширины. Сгодится?

– Вполне. Нужно немедленно отнести туда пирамиды!

– Стефан... – обернулась дона Ворченца, но тот уже и сам начал действовать.

– Дамы и господа, – проревел он, оборачиваясь к толпе. – Именем герцога нам срочно требуется ваша помощь. Стекольщики, ко мне! Срочно расчистить путь по лестнице. Прошу не обижаться, господа, но если вы будете мешать... Необходимо вынести эти штуки с галереи и перетащить их в Небесный сад, – с этими словами он ухватил за плечо одного из парней в черных куртках. – Беги на посадочную платформу и отыщи лейтенанта Разелина. Прикажи ему от моего имени срочно удалить всех посетителей из Небесного сада. Чтобы через пять минут там не осталось ни единого ребенка! Он знает, что делать. И пусть ни с кем не церемонится! Сейчас надо действовать, а все извинения позже.

– Освободите мне руки, – попросил Локки. – Эти устройства довольно тяжелые. Я, конечно, не великий силач, но моя помощь пригодится.

Донья Ворченца обратила на него заинтересованный взгляд.

– Что заставило вас вернуться, мастер Бич? Зачем было нас предупреждать? Вам-то самому ничего не угрожало!

– Я вор, донья Ворченца, – спокойно ответил Локки. – Мое дело – красть. Может быть, при необходимости я способен убить, но то, что замыслил Разо, уже за гранью добра и зла. Кроме того, у меня с ним личные счета. Для меня стало

делом чести расстроить его планы.

Он снова протянул вперед руки, и графиня, поколебавшись, кивнула.

– Работайте... но потом мы все равно должны объяснить-ся.

– Безусловно. Надеюсь, на сей раз обойдется без отравленных спиц. Конте, будь другом, освободи меня от этих веревок.

Телохранитель Сальвары полоснул ножом по веревкам, но счел нужным предупредить:

– Если ты попытаешься свалить дурака, я своими руками спущу тебя в бассейн и уложу сверху эти хреновины.

Локки, Конте, Рейнарт, дон Сальвара и несколько «черных курток», поднатужившись, подняли изваяние. После секундного раздумья София тоже решила присоединиться к ним и встала рядом с мужем.

– А я, пожалуй, разыщу герцога, – сказала дона Ворченца. – Ему тоже следует знать, что происходит.

И она поспешила прочь в дальний конец галереи.

– Не так уж и тяжело нести ввосьмером, но все же чертовски неудобно, – заметил Рейнарт. – Пока что мы поднялись всего на несколько ступеней.

И впрямь, они потратили не менее десяти минут, прежде чем миновали один лестничный пролет. На следующем этаже их дождался целый взвод «черных курток».

– Разыщите все пирамиды, – крикнул им капитан. – На

каждую из них по восемь человек. Найти их и перетащить в Небесный сад! Не стесняйтесь, именем герцога гоните всех, кто встанет у вас на пути. И, во имя всех богов, не уроните чертовы изваяния!

Через некоторое время три группы солдат, толкаясь и ругаясь, уже тащили наверх еще три пирамиды. Это была нелегкая работа. Локки весь вспотел и запыхался, его напарники выглядели не лучше.

– А что случится, если эта хрень все же упадет? – вполголоса поинтересовался один из «черных курток».

– Прежде всего мы сожжем руки алхимическим возгоранием, – ответила красная от натуги донна София. – Затем, не пройдя и шести шагов, потеряем сознание, а проснемся уже Кроткими. Ну а дальше... дальше будем жить безмозглыми дураками. Вот и все.

Они миновали последнюю галерею, нарушив безмятежное веселье пирующих. Слуги и охранники, как напуганные мыши, разбежались в стороны, уступая дорогу зловещей процессии. Поднявшись на самый верх Воронова Насеста, они остановились перед широкой мраморной лестницей, по спирали огибающей внутреннюю поверхность стены и ведущей в Небесный сад. Это был последний участок пути, но и времени оставалось совсем немного. Каморрские аристократы замерли поодаль и, затаив дыхание, следили за тем, как решается их судьба. Солнечный диск уже превратился в бледный медальон, едва виднеющийся из-за западного горизон-

та. За дымчато-прозрачной стеной мелькали какие-то зловещие темные силуэты, и Локки лишь через несколько секунд осознал, что это всего-навсего плети лиан, которые свешиваются через ограждение Небесного сада и раскачиваются на ветру.

По лестнице сбегали десятки детей разного возраста и роста. Все они, подгоняемые советами воспитателей и пинками «черных курток», торопились покинуть опасное место. Последнее усилие, и процессия вышла на плоскую площадку, которая многолетними усилиями герцогских садовников была превращена в настоящий лес. Заросли серебристых олив перемежались апельсиновыми деревьями и совсем непонятными растениями явно алхимического происхождения – их ярко-зеленые листья трепетали на теплом ветру под багровеющим безоблачным небом.

– Где этот проклятый бассейн? – спросил Локки. – Я же никогда раньше здесь не бывал.

– Нам надо в восточную часть сада, – махнул дон Лоренцо. – Бассейн там, я с детства помню большой водоем в той стороне.

И впрямь, пройдя под низко свисающими ветвями плакучих ив, они увидели некое подобие круглого пруда примерно пяти футов в поперечнике. Мужчины с облегчением сбросили в воду свою ношу. Раздался громкий всплеск – двоих солдат окатило с ног до головы, – и пирамида быстро ушла на дно. Через пару мгновений раздался глухой стук, на по-

верхность поднялось молочно-белое облако.

После этого в бассейн полетели остальные три изваяния – теперь вся поверхность воды покрылась белесой пленкой. Успели! Локки оглянулся. Вокруг него стояли десятки «черных курток».

– И что теперь? – спросил он.

– Нужно как можно быстрее очистить крышу, –скомандовала дона София. – Вода по-прежнему насыщена дымом Призрачного камня. Я не хочу, чтобы кто-нибудь приближался к нему... по крайней мере, в ближайшие несколько часов.

Наверное, еще ни один приказ не бывал встречен с такой готовностью. Через несколько секунд Небесный сад опустел.

6

Лжесвет уже начал набирать силу, когда они спустились на верхнюю галерею Воронова Насеста, где их поджидала донна Ворченца. В распахнутые двери можно было видеть потустороннее свечение, которое разгоралось вокруг башен из Древнего стекла. Тут собралось немало народу. Люди встревоженно переговаривались, в толпе сновали «черные куртки», то и дело натываясь на кого-нибудь из знати; до Локки доносились их приглушенные вежливые извинения.

– Суета, будто война началась, – вздохнула донна Ворченца, глядя на стоящих вокруг нее супругов Сальвара, Конте,

Рейнарта и Локки. – Впрочем, удайся план Разо, это стало бы хуже массовой резни. О боги, Стефан, у тебя впереди та еще ночь... Герцог Никованте собирает своих Ночных Стекольщиков.

– А что делать с Полуночниками?

– Выведи их отсюда – быстро и без шума. Пусть соберутся во Дворце Терпения и ждут. Они должны будут выступить по первому приказу герцога, а уж куда, пусть он сам решает. Мастер Бич, – обернулась она к Локки, – примите нашу благодарность за оказанную помощь. Вы сделали все, что могли, и теперь выходите из игры. Я распорядюсь доставить вас под стражей в мой Янтарный Кубок и устроить со всеми возможными удобствами – вы это заслужили. Но при всем при том прошу помнить, что вы мой пленник.

– Еще чего! – возмутился Локки. – Оставьте себе ваши удобства! Вы должны мне гораздо больше – я хочу получить Разо.

– В данный момент этого хочет пол-Каморра, – возразила графиня. – Сам господин герцог мечтает раздавить его, как вредное насекомое. В самое ближайшее время войска устроят облаву во всех заведениях, принадлежащих Анатолиусу, включая Плавучую Могилу.

– О боги, что за идиотский план! – воскликнул Локки. – Неужели вы не понимаете, что Разо использовал Правильных Людей Каморра, как ветошь для подтирки?! Плавучая Могила уже пуста – он бежал оттуда, пока мы здесь беседо-

вали. Ему нет никакой нужды становиться верховным капой Каморра – он добивался этого звания лишь затем, чтобы разделаться со своим заклятым врагом Барсави и каморрской аристократией.

– Откуда у вас такая уверенность в намерениях Разо?

– Потому что я уже сталкивался с ним. Разо воспользовался мной, чтобы заманить в ловушку капу Барсави – еще в то время, когда именовал себя Серым Королем. Однако это оказалось ловушкой и для меня тоже. По вине Разо я лишился трех лучших друзей и всех своих денег.

– *ВАШИХ* денег? – вспыхнул дон Лоренцо, сжимая кулаки. – Правильнее было бы сказать – *МОИХ* денег!

– Безусловно, – кивнул Локки. – А еще там были деньги, которые я вытянул у доны де Марр, дона Джаварриза и дона Фелуччия. Больше сорока тысяч крон – целое состояние. И все оно перешло в руки проклятого Разо. Я не лгал, когда говорил, что у меня ничего нет.

– В таком случае не понимаю, о чем с вами разговаривать, мастер Бич, – пожал плечам дон Ворченца. – Простите, но вы не представляете для нас никакого интереса.

– Подождите! Денег у меня в самом деле нет, однако я знаю, где они находятся. К тому же там припрятано и состояние капы Барсави, а это немалая сумма. Разо собирался расплатиться этими деньгами с контрагмом, а затем тихо улизнуть из города.

– Очень интересно, – насторожилась донья Ворченца. – И

где же находится упомянутый клад?

– Вы получите эти сведения в обмен на Разо, – твердо заявил Локки. – Я хочу, чтобы меня спустили на землю и предоставили свободу. Этот сукин сын убил троих моих друзей, и я не успокоюсь, пока не вырву у него сердце. Да за такую возможность мне не жаль отдать все белое золото Каморра!

– Мой дорогой, в этом городе людей вешают за кражу нескольких кусочков серебра, – нахмурилась доня Ворченца. – Вы же рассчитываете выйти на свободу после того, как присвоили несколько тысяч крон. Не думаю, что это возможно.

– Вам решать, донья Ворченца. Если вы желаете получить свои деньги обратно, я скажу, где они спрятаны. Вы сможете забрать все, включая состояние Барсави. Лично мне нужен только Разо! Если мы договоримся, то я беспрепятственно выхожу отсюда и убиваю человека, который хотел уничтожить весь цвет Каморра. Чего вам бояться? После того, как я раскрылся перед вами, моя воровская карьера окончена... по крайней мере, в этом городе.

– А не слишком ли много вы на себя берете, мастер Бич?

– Это как посмотреть, уважаемая донья. Будьте добры, ответьте на простой вопрос: кто спас сегодня каморрских аристократов? Может, это знаменитый Паук помешал капе Разо пронести в башню такое количество Призрачного камня, которого хватило бы на целый город? Нет, это был всего-навсе-

го Бич Каморра, спасибо ему большое! Вдумайтесь: каждый мужчина, каждая женщина и ребенок в этом здании сохранили свою жизнь и здоровье лишь благодаря *МОЕМУ* идиотскому самопожертвованию, а отнюдь не вашей бдительности. Так что, по чести, это вы задолжали мне! Отдайте мне Разо, а деньги можете забрать себе.

Донья Ворченца смерила Локки взглядом, каким впору обращать воду в лед.

– Что ж, если по чести... – выговорила она наконец. – Мастер Бич, за особые заслуги перед герцогом и каморрской знатью я освобождаю вас из-под стражи. Можете идти на все четыре стороны. Если вам повезет первым добраться до капы Разо – он ваш. В противном случае не обессудьте... И запомните: впредь, если вы попадетесь мне на пути, пощады не ждите. Это ясно?

– Куда уж яснее, – кивнул Локки. – Да, чуть не забыл – мне нужен клинок.

К его удивлению, капитан Рейнарт тут же отстегнул свою рапиру и передал ему.

– Примите как знак уважения с моей стороны, – склонил он голову.

– Теперь говорите, где деньги, – промолвила графиня, наблюдая, как Локки надевает перевязь с оружием поверх изысканного камзола Мераджио.

– На частных доках к северу от Каморрских Зубьев стоят три мусорные баржи. Ну, вы знаете, они собирают со всего

города дерьмо и прочие отходы, а затем вывозят на север, удобрять поля.

– Конечно, знаем, – подтвердила дона Ворченца.

– Так вот, Разо спрятал все, что награбил, в одной из этих барж. Сложил в деревянный сундук, обернул непромокаемой тканью – понятно, зачем – и оставил лежать до поры. Его план заключается в том, чтобы, завершив все дела в Каморре, добраться до баржи и изъять свои сокровища. Так что пока денежки там – под грудой помоев.

– Очень остроумно, – поморщилась дона Ворченца.

– Я же не обещал вам *ПРИЯТНОГО* ответа. Данный выбор делает честь хитрости Разо. Подумайте сами, много ли найдется охотников искать золото в подобном месте?

– Хм-м... А в которой из барж?

– Это мне неизвестно. Контрмаг сказал – в одной из них, а я слишком торопился сюда, чтобы уточнять.

Графиня обменялась взглядами со своим помощником.

– Что ж, – вздохнул Рейнарт, – именно для этих целей боги и создали подневольного солдата.

«Так, соберись! – скомандовал Локки сам себе. – Ты должен отыграть все как следует.»

– О черт! – воскликнул он, ощутив противный комок в горле. – Боюсь, дона Ворченца, что опасность еще не миновала.

– О чем это вы?

– Лодки, баржи, побег... Я вот все думаю: слишком уж

странно вел себя во время допроса этот Сокольниковый. То и дело смеялся, дразнился – будто знал что-то, о чем я и спросить не догадываюсь. До сих пор у меня не было времени как следует это обдумать, но сейчас я понял! Зачумленный корабль под названием «Сатисфакция»... Вы должны его затопить!

– С какой стати?

– Он принадлежит Разо, – пояснил Локки. – По словам Сокольникового, Анатолиус был в южных морях весьма удачливым пиратом. На этом деле он сколотил состояние, позволившее ему нанять контрмага, и вернулся в Каморр для мести. Так вот, «Сатисфакция» – это его корабль, однако Анатолиус почему-то не рассчитывает бежать на нем. Вместо этого он хочет плыть по Анжевене на север...

– И в чем хитрость?

– Видите ли, Сокольниковый говорил что-то про запасной план... Так вот, я уверен – этот зачумленный корабль и является его запасным планом. Дона Ворченца, они лгут, что судно забито мертвецами! Там на борту специальная команда из людей, переживших Черный Шепот – что-то вроде санитаров из герцогской Карантинной службы. А в трюмах полно животных: коз, овец, ослов... Сначала я думал, что Сокольниковый просто дразнится, но теперь меня осенило.

– Да, животные могут переносить Черный Шепот, – подтвердил Рейнарт.

– Именно, – кивнул Локки. – Сами они, может, и не по-

мрут, но станут переносчиками болезни, способными передать ее людям. Потопите этот чертов корабль, донья Ворченца! Не дайте Разо возможности нанести удар. Как только выяснится, что с каморрской знатью ничего не вышло, Анатолиус захочет отомстить всему городу. Это его последний шанс!

– Но это же безумие – мстить целому городу, – прошептала Ворченца, однако по лицу ее было видно, что она поверила.

– А то, что он попытался уничтожить всех аристократов, включая маленьких детей – не безумие? Это самый настоящий маньяк, графиня Янтарного Кубка! Как, на ваш взгляд, поступит такой человек в случае провала основного плана? Все, что ему требуется – направить корабль в Каморрскую бухту, предварительно освободив зараженных животных. Или просто забросить в город пару-тройку овец при помощи катапульты. Умоляю вас, потопите проклятый фрегат!

– Вы удивительно милосердны, мастер Бич, – задумчиво произнесла доня Ворченца. – Как-то даже странно для вора с вашими аппетитами.

– Видите ли, графиня, я побратим Безымянного Тринадцатого Бога, Лукавого Хранителя, Благодетеля. В некотором роде я священник. И я не для того спасал людей в этой башне, чтобы увидеть, как погибнет целый город. Молю вас, донья Ворченца, сделайте все, как подобает! Прикажите затопить этот проклятый корабль.

Несколько секунд графиня смотрела на Локки поверх очков – внимательным, испытующим взглядом, – затем обернулась к капитану.

– Стефан, – медленно проговорила она, – отправляйся на сигнальную станцию, что на посадочной платформе башни, и отправь послание в Арсенал и Отстойник, – в этом месте графиня запнулась и секунду размышляла, скрестив руки на груди, но затем продолжила: – Передай мой приказ: именем герцога Никованте потопить «Сатисфакцию» и расстрелять любого, кто попытается добраться до берега.

У Локки вырвался вздох облегчения.

– Благодарю вас, донья Ворченца! Теперь я могу ехать. Что там с моим подъемником?

– Ваш подъемник, мастер Бич... Конечно, мы же договорились. Клеть вам подадут без промедления. И если боги дадут вам шанс повстречаться с Анатолиусом раньше, чем его отыщут мои люди... пусть тогда те же боги даруют вам силу.

– Я буду вспоминать вас, донна Ворченца, – сказал Локки. – И вас тоже, господин и госпожа Сальвара. Простите, что по моей вине вам придется доставать свои деньги из-под кучи дерьма. Не держите на меня зла. Мне бы очень хотелось сохранить с вами дружеские отношения.

– Заявитесь еще раз в наш дом, и я сделаю из вас постоянный экспонат своей лаборатории, – пообещала донья София.

– Если только вам удастся дожить до этого момента, – прибавил Лоренцо.

– Вы бегать умеете, мастер Каллас? – завершил Конте. – Вот и бегите к своей клети со всех ног!

7

Посадочная платформа Воронова Насеста осветилась вспышками голубого света. Даже призрачное мерцание Лже-света не стало для них помехой – сигналы мгновенно заметили на передающей станции Дворца Терпения. Тут же все пришло в движение: оконные ставни распахнулись, перед сигнальными фонарями появились фокусирующие колпаки, и над улицами, заполненными толпами гуляк, понеслась срочная депеша в наблюдательные пункты Арсенала, Южного Утеса и Отстойника.

– Что за дерьмо... – патрульный сержант на вершине Южного Утеса удивленно хлопал глазами, не будучи уверен, что правильно прочел сообщение. Неужели напутал спьяну? На всякий случай он запихнул пронесенный тайком бурдюк вина (все-таки День Перемен!) под лавку.

– Ну и ну, сержант! – воскликнул его молодой напарник. – Похоже, с этой посудинкой не соскучишься.

У них на глазах «Сатисфакция», до того безмятежно качавшаяся на водах Старой Гавани, словно проснулась от долгого сна и начала готовиться к отплытию. Корабль медленно разворачивался влево, на реях фок-мачты и грот-мачты виднелись фигурки матросов, возившиеся с парусами. По палу-

бе, насколько позволял разглядеть Лжесвет и желтые бортовые фонари, тоже перемещались неясные темные силуэты.

– Смотрите, сержант, они снимаются с якоря! – возбужденно кричал молодой солдат. – Сейчас уйдут в море! Великие боги, и откуда они все повылезали?

– Понятия не имею, – пожал плечами старый служака. – Да это и не важно. Ты хоть видишь, какой сигнал нам передали? Милостивые Двенадцать, приказано потопить эту желтоглазую гадину!

По всей береговой линии Отстойника начали загораться крошечные оранжевые огоньки – это метательные орудия свидетельствовали о своей готовности. Со стороны Арсенала донесся барабанный бой, над городом поплыли заливистые свистки Карантинной службы, перекрывающие шум праздничных толп.

И вот одна из береговых катапульт сделала первый выстрел. Огромное каменное ядро просвистело над волнами Каморрского залива и, взметнув фонтан, обрушилось в воду всего в нескольких ярдах от правого борта судна.

На следующей башне сработала алхимическая пушка: в воздух взмыл бело-оранжевый огненный заряд и, описав широкую дугу на фоне чернильно-темного неба, пришел прямо на палубу «Сатисфакции». Дозорные на вершине Южного Утеса в священном ужасе наблюдали, как смертоносный снаряд взорвался ярким факелом, разбрасывая во все стороны брызги огня. Люди метались по палубе, многие из них

были охвачены пламенем. Один из матросов прыгнул за борт – со стороны казалось, что горящий уголек вылетел из печи и упал в лужу.

– О боги, это же горячее масло! – воскликнул молодой солдат. – Бедняга продолжает гореть даже в воде.

– Акулам тоже иногда полагается горячая пища, – хмыкнул сержант. – Н-да, сукиным детям не позавидуешь...

В этот момент еще одно каменное ядро врезалось в борт «Сатисфакции» – раздался оглушительный треск, во все стороны полетели щепки и осколки. Маленькие человеческие фигурки покатались по палубе, беспорядочно падая в воду. Огонь тем временем продолжал набирать силу. Несмотря на героические усилия команды, пытавшейся при помощи песка потушить пожар, пламя уже охватило такелаж и паруса. Второй алхимический заряд взорвался на юте, и было видно, как ревущее белое пламя немедленно охватило несчастных рулевых. Они даже крикнуть не успели...

Камни градом сыпались на обреченное судно, разрывая в клочья развернутые паруса и скрываясь в клубах дыма. Теперь корабль горел целиком – и корма, и нос, и середина. Разноцветные языки пламени – красные, оранжевые, белые – вперемешку с дымом вздымались до самого неба. Несчастное судно, безоружное и практически неподвижное... Его шансы выстоять против дюжины катапульта равнялись нулю. Не прошло и пяти минут после поступления сигнала с Воронова Насеста, как «Сатисфакция» превратилась в гигант-

ский факел, кроваво-красным пятном отразившийся в темных водах залива.

На причалах уже заняли позицию арбалетчики: они стояли, вскинув оружие, и готовились расстрелять в упор любого, кто попытается спастись на берегу. Но эта предосторожность стала излишней – огонь, морская пучина и таящиеся в ней прожорливые хищники сделали за людей всю работу.

8

Лучано Анатолиус – Серый Король, верховный капа Каморра, последний выживший член своей семьи – стоял на верхней палубе Плавучей Могилы. Порывистый и сырой Ветер Палача рвал и трепал шелковый навес над его головой, а еще выше в темных небесах угасал призрачный Лжесвет. Анатолиус стоял в полном одиночестве и наблюдал, как рушится его жизнь.

Он смотрел на запад, и в его немигающих глазах отражались оранжево-красные сполохи – там догорала «Сатисфакция». Затем он обращал взгляд на север и видел красно-белые сигнальные огни на вершине сумрачной громады Воронова Насеста. Но где же долгожданный столб дыма, вздымающийся вверх? Увы, он так и не появился.

Анатолиус стоял молча. Он не плакал, хотя, видят боги, в душе его скопились целые моря слез.

Черина и Раиза не заплакали бы, повторял он. И мать с

отцом не стали бы рыдать и стенать. Они и не плакали в ту страшную ночь, когда люди Барсави ворвались в их спальню. Отец молча сражался, защищая семью, закрывая жену и детей своим израненным телом... пока не упал замертво. Этого времени как раз хватило, чтобы старая служанка Гизелла схватила в охапку маленького Лучано и его двух сестер и вытолкнула их через заднюю дверь.

Анатолиус смотрел на догорающую «Сатисфакцию», но мыслями был там, в прошлом. Вот он, тринадцатилетний мальчишка, бежит через темный сад: очень торопится, оступается на знакомых тропинках, ветки хлещут его по лицу и высекают горячие слезы. А сзади, в родном доме звенят ножи, и детский голос отчаянно зовет маму... Крик поднимается до визга и внезапно обрывается.

Он слышит тихий голос Раизы в темном трюме корабля, который уносит их в Талишем.

«Мы никогда этого не забудем, правда, Лучано? – говорит она. – Мы никогда этого не забудем.»

«Никогда, – отвечает он, сжимая ее маленький горячий кулачок. – И мы еще вернемся. Обещаю тебе, Раиза – когда-нибудь мы вернемся.»

Рядом с ним спит вторая сестра, Черина – она неровно дышит во сне и время от времени всхлипывает. Воспоминания жгут Лучано, как огнем. Он пообещал...

И вот теперь он стоит на палубе галеона, некогда принадлежавшего Барсави, можно сказать, в самом сердце враже-

ской крепости... и беспомощно смотрит, как гибнет в водах Каморрского залива его корабль. И ничего не может поделать.

– Капа Разо? – раздался нерешительный голос за его спиной.

Анатолиус медленно обернулся и увидел парня из банды Пастушьих Псов – одного из тех гуляк, что с утра азартно резались в карты на нижней палубе.

– Капа Разо, только что доставили... Один из Лжесветных Забойщиков. Какой-то человек подошел к нему в Пепелище, дал тирин и велел передать сообщение лично вам в руки.

Парень протянул ему небольшой джутовый мешочек, на котором корявыми буквами было выведено: «РАЗО». Чернила, казалось, еще не успели высохнуть.

Взяв мешочек, Лучано нетерпеливо махнул Пастушьему Псу, чтобы тот удалился. Парень со всех ног бросился прочь – до того страшное выражение застыло в глазах хозяина.

Оставшись один, капа Каморра раскрыл посылку и невольно отшатнулся – там лежал обезглавленный скорпионий сокол. Анатолиус медленно перевернул мешочек и вытряхнул содержимое на пол: голова и тело Вестрис шлепнулись по отдельности и остались лежать застывшими грязно-серыми комочками. Сверху упал перепачканный кровью кусочек пергамента. Капа поднял его и прочитал: *«Мы уже идем. Ж.Т. и Л.Л.»*

Какое-то время Лучано тупо рассматривал послание –

пять секунд, а может быть, пять минут, – затем смял в кулаке и отбросил. Грязный комок покатился туда, где лежала мертвая голова Вестрис с остекленевшими глазами.

Что ж, пусть идут. Он не против. У него еще достаточно времени, чтобы разобраться с этим последним неоплаченным долгом и затем уже бежать из города.

Лучано спустился по скрипучей лестнице вниз, в просторную кают-компанию, где было светло и шумно. Там продолжалось праздничное гулянье.

В воздухе висел плотный запах табака и спиртного. Увидев проходившего капу, люди отрывались от карт и костей и приветствовали повелителя. Многие махали ему, поднимали кружки в его честь, но Разо молча прошел мимо и скрылся за дверью своих апартаментов, прежде принадлежавших Барсави.

Через несколько минут он снова вышел – на сей раз в одежде Серого Короля: потрепанный дымчато-серый кожаный камзол и бриджи, серые сапоги из акульей кожи с тусклыми серебряными пряжками, серые боевые перчатки, потертые на сгибах от долгой носки, серый плащ с накинутым капюшоном. Плащ взметнулся над его плечом от резкого движения, свет фонарей отразился от обнаженного лезвия рапиры.

Веселье мигом стихло.

– Все вон, – коротко велел капа. – Убирайтесь и держитесь подальше от этого места. Двери оставить открытыми, и

никакой стражи. Все слышали? Вон... пока я даю такую возможность!

На палубу посыпались брошенные карты, ненужные кости звонко прогремели по доскам. Мужчины и женщины бросали недопитые бутылки, поспешно вскакивали с мест и уносили ноги, уводя с собой перепившихся товарищей. Через несколько минут Серый Король в одиночестве задумчиво стоял посреди опустевшей Плавучей Могилы.

Он медленно прошел на правый борт галеона, где с потолка свисало несколько серебристых шнуров, дернул за один из них, и тут же ярко горевшие канделябры погасли. Рывок за другой шнур – тяжелые занавеси на высоких окнах поползли вверх. За ними открылся тронный зал Барсави. Наконец, последний шнур зажег алхимические фонари в глубоких нишах – открывшаяся комната превратилась в пещеру, озаренную пунцово-красным светом.

Лучано прошел в зал и уселся на трон, положив на колени обнаженную рапиру. Он сидел неподвижно, лишь поблескивали красным блеском глаза под надвинутым капюшоном.

Анатолиус терпеливо ждал, когда придут его враги – двое последних оставшихся в живых Благородных Подонков.

9

Часы пробили половину одиннадцатого, когда Локки Ламора появился на галеоне. Он остановился в дверях тронно-

го зала – рука на эфесе рапиры, взгляд устремлен на Серого Короля, сидящего на троне в тридцати ярдах от него. Дыхание у Локки прерывалось, но отнюдь не от усталости – большую часть пути он проделал верхом на украденной лошади.

Сжимая рукоять рапиры Рейнарта, он ощущал одновременно ужас и веселое возбуждение. Локки отдавал себе отчет, что как боец сильно уступает противнику, но ничего не мог с собой поделаться – кровь в жилах бурлила и толкала вперед. Он верил, что молодость, ловкость и праведный гнев помогут ему выстоять в предстоящем поединке.

– Серый Король, – произнес он, откашлявшись.

– Бич Каморра, – глухо отозвался Анатолиус.

– Какая приятная неожиданность... Я боялся, что вы уже покинули город. Впрочем, на чем бы вы это сделали? Наверное, мне следует извиниться – вы ведь так рассчитывали на свой фрегат, а я взял да и попросил свою приятельницу, графиню Янтарного Кубка, отправить его ко всем чертям на дно Каморрского залива.

– Вот как? Что ж, радуйтесь своей удаче, – тихим голосом сказал Серый Король. – Хотя, смею заверить, через несколько минут вам станет не до шуток. Кстати, а где Жан Таннен?

– Жан на подходе, – уверенно ответил Локки. – Совсем, совсем близко.

Он медленно двинулся вглубь комнаты, сокращая расстояние между собой и противником.

– Я говорил Сокольничему, что с Танненом шутки пло-

хи, – вздохнул Серый Король. – Но он, очевидно, не внял моим предостережениям. Отдаю должное вашей изворотливости, но должен заметить, что теперь вас с Жеаном ждет ужасное наказание. Думаю, что окажу вам большую услугу, если убью до того, как за вас возьмутся контрамаги.

– Вы, наверное, полагаете, что мы убили Сокольничего? – усмехнулся Локки. – Ошибаетесь, он жив... правда, вряд ли сможет играть на каком-нибудь музыкальном инструменте.

– Весьма интересно. Хотел бы я знать, как вам удалось это проделать. Может, объясните, почему Богиня Смерти до сих пор не плюнула в вашу сторону и не загасила, как два ненужных огарка?

– В гробу я видел твои хотения, Разо! Лучше ответь на мой вопрос: зачем *ты* все это сделал? Почему не попытался вступить с нами в честные переговоры? Мы вполне могли бы сойтись...

– «Могли бы»! – передразнил Серый Король. – Никаких «могли бы» не существует. Я не признаю сослагательного наклонения, когда речь идет о моих потребностях. У вас было то, в чем я остро нуждался, и вы представлялись мне слишком опасными, чтобы оставлять вас в живых. Уж что-что, а это вы вполне дали мне почувствовать.

– Но ведь ты мог обойтись простой кражей! Да я все бы отдал, только бы Кало, Гальдо и Жук остались в живых! Ты слышишь, все на свете!

– Очень сомневаюсь. Скажите сами, какой вор отдаст свое

добро без боя?

– Тот, у которого есть что-то большее. Ты плохо знаешь Благородных Подонков... Нам важнее красть, чем обладать украденным. Если бы богатство имело такую ценность, как ты говоришь, уж наверняка мы нашли бы ему применение вместо того, чтобы просто хранить в подземелье.

– Задним числом легко говорить, – усмехнулся Серый Король. – Будь ваши друзья сейчас живы, вы бы запели совсем иначе.

– Послушай, ты, сволочь... Мы же отбирали деньги исключительно у каморрской знати! Неужели ты не понял, что своим поступком оказал бесценную услугу тем самым людям, которых ненавидишь больше всего на свете?!

– Какое благородство, мастер Бич! Вы, значит, чистили кошельки аристократов и при этом еще избегали смертоубийства... Я, что, должен аплодировать? Называть вас братьями по духу? Деньги – это всего-навсего деньги. У них этого дерьма немеряно. Мало простой кражи, чтобы преподать подонкам-аристократам тот урок, которого они заслуживают.

– И все равно не могу понять, как ты решился на такое, Лучано! Ты, человек, переживший потерю близких, плывавший такой ненавистью к Барсави... как ты мог проделать со мной то же самое?

– То же самое? – Серый Король поднялся с трона, сжимая обнаженную рапиру. – Отнюдь не то же! Разве твои родите-

ли были убиты во имя предательского соглашения, мастер Ламора? Разве твои маленькие братья и сестры погибли от руки безжалостного убийцы, так и не получив шанса вырасти и отомстить обидчику?

– По твоей вине погибло трое моих друзей, – ответил Локки. – И едва не погиб четвертый. Мало того, посчитав, что со мной покончено, ты попытался убить еще сотни горожан. А ведь среди них были дети, Лучано! Дети, которые родились уже после смерти твоих родителей. Справедливое возмездие, о котором ты толкуешь – достойная вещь. Но по мне, то, что ты делаешь – не справедливость, а чистое безумие.

– Все эти люди кормятся за счет Тайного Договора. Они паразиты, отягощенные виной от самого рождения. Прибереги свои аргументы для проповеди, святоша! Неужели ты считаешь, что я не перебирал их в уме, лежа без сна все долгие двадцать два года? – Серый Король шагнул навстречу Локки, нацелив острие рапиры прямо ему в грудь. – Будь на то моя воля, я бы сравнял этот проклятый город с землей... и написал имена моих близких на его обломках.

– *Na justiccaveicala*, – прошептал Локки. Он тоже вытянул рапиру Рейнарта из ножен и сделал несколько шагов навстречу противнику – так, что в конце концов их разделяла всего пара ярдов.

– Воистину правосудие в красном, – Серый Король встретил Локки в стойке, которую каморрские фехтовальщики называют «выжидающий волк» – ноги полусогнуты в коленях,

острие рапиры смотрит в землю.

Локки бросился в атаку еще до того, как противник закончил говорить; его лезвие прочертило молниеносный зигзаг в воздухе. Однако Серый Король ловко парировал удар слабой частью клинка – от середины до острия – и сам перешел в наступление. Быстрота его реакции ужаснула Локки. Позабыв о достоинстве, он лягушкой скакнул назад. Ему посчастливилось не отбить себе копчик, а аккуратно приземлиться в полуприседе.

Локки тут же развернулся в направлении, откуда следовало ждать удара. Кажется, можно перевести дух... Он не без труда выпрямился. В руке его, словно из ниоткуда, появился длинный кинжал. Локки несколько раз поворачивал им в воздухе.

– О нет, – простонал Серый Король. – Надеюсь, мы не будем сражаться в тал-вераррской манере? Это так безвкусно!

– Пожалуйста, сражайся в том стиле, какой тебе больше нравится, – Локки вызывающе поводит перед собой кинжалом. – А я постараюсь не слишком залить кровью твой *стильный* прикид.

Со страдальческим вздохом Серый Король выхватил один из двух кинжалов, висевших у него на поясе. Взмахнул им – стальное лезвие зловеще блеснуло наподобие акульей пасти. Затем неожиданно прыгнул вперед – раз, другой...

Локки невольно переместил взгляд на ноги противника. Глаза его опустились всего на долю секунды, но это сыграло

роковую роль. Слишком поздно Локки понял, что враг на это и рассчитывал.

Его спасло только чудо. Невероятным броском Локки метнулся вправо, бессознательно выставив кинжал вперед. Чужое лезвие прошло в каком-то дюйме от его левого плеча. Он попытался провести контратаку, но безуспешно – казалось, противник заранее знает, куда он ударит. Черт, он был чуть ли не вдвое проворнее Локки!

Следующие несколько секунд были до предела насыщены действием. Двое мужчин непрерывно работали кинжалами; стальные лезвия сверкали в воздухе, оставляя за собой призрачные траектории – выпад, еще выпад... финт, ответный финт. Один атакует, другой парирует. Локки прилагал все усилия, чтобы уходить от сильных и хлестких ударов более тяжелого и мускулистого противника, Серый Король же с изумительной точностью отбивал все его атаки. Наконец они вернулись на исходные позиции и теперь стояли, тяжело дыша и глядя друг на друга с яростью бойцовых псов.

– Весьма поучительный пассаж, – прокомментировал Серый Король.

Он взмахнул своей рапирой – легко, как бы ненароком. Локки отпрянул назад и сделал паническую попытку парировать выпад. Это удалось ему с трудом – он едва-едва зацепил чужой клинок, будто мальчишка на первой неделе обучения. Глаза Серого Короля весело блеснули.

– Еще более поучительно, – заметил он. Новый небреж-

ный взмах, и снова Локки отскочил назад. – Судя по всему, ты не слишком искусный фехтовальщик, не правда ли?

– Весьма выгодное для меня заблуждение, можешь и дальше так думать.

– Ну нет... нет, мой друг! – Серый Король уже откровенно дразнился. Он решительным движением сбросил на пол плащ. На губах его появилась недобрая усмешка, от которой резкие черты худощавого лица еще больше заострились, а морщины углубились. – Все, Ламора, игры окончены. Твой блеф не пройдет.

И он стремительно бросился в атаку. О боги, Серый Король двигался с такой быстротой и наносил удары с такой жестокостью, каких Локки не видел никогда и ни у кого! Его действия подкреплялись двадцатилетней боевой практикой и подпитывались более чем двадцатилетней злейшей ненавистью.

Локки будто раздвоился. Он продолжал сражаться, но какая-то крошечная предательская часть его сознания холодно отмечала: ему не выстоять, он отчаянно не соответствует уровню противника. Раз за разом он не успевал, пропускал удары и чувствовал, как клинок Серого Короля пронзает его одежду и плоть. Сначала левое запястье, затем предплечье, бицепс...

Снова в его душе возникло холодное, отстраненное удивление, которое на какое-то время заслонило даже боль. Затем Локки почувствовал теплую струйку крови – она струи-

лась по вспотевшей разгоряченной коже и ужасно щипала. Откуда-то из глубины живота поднялась всепоглощающая волна тошноты, и кинжал выпал из его окровавленной левой руки.

– Вот так, – удовлетворенно бросил Серый Король, смахивая кровь с кончика лезвия. – Теперь, надеюсь, вы не станете притворяться, мастер Ламора? Прощайте.

Он вновь поднял рапиру, и в багрово-красном свете алхимических фонарей показалось, что весь клинок, от острия до гарды, перепачкан кровью.

– Аза Гуилла, помоги мне отомстить за смерть друзей, – шепотом взмолился Локки. – Не допусти, чтобы кровь моих братьев осталась без отмщения!

Голос его поднялся до крика. Локки в отчаянии нанес удар и промахнулся. Он снова и снова атаковал противника, вкладывая в эти попытки всю свою ненависть, весь свой страх... Ему казалось, что он орудует рапирой невероятно быстро – быстрее, чем когда-либо в жизни. Однако Серый Король без усилия отбивал его удары или просто уходил от них – г так, будто сражался с ребенком-несмышленником.

– Теперь вы чувствуете разницу между нами, мастер Ламора? – проговорил он между двумя пассажами. – Я, в отличие от вас, понимал, что делаю, когда остался дожидаться нашей последней встречи.

– Нет, – выдохнул Локки, – разница не в том. Просто я намерен отомстить за своих друзей...

В этот момент острая боль пронзила его где-то в районе левого плеча. Локки с ужасом посмотрел на клинок, который на три дюйма погрузился в его тело чуть выше сердца. Серый Король повернул лезвие, высвобождая его, послышался явственный скрежет стали о кость. Колени у Локки враз ослабели, он почувствовал, что сейчас упадет, и подсознательно выставил вперед левую, уже бесполезную для боя руку.

Увы, подсознание и здесь подвело Локки. Рука неуклюже подвернулась при столкновении с жестким полом, и кость, будучи не в силах выдержать веса обмякшего тела, с треском сломалась. Болевой шок был настолько силен, что Локки не смог даже закричать – просто упал беззащитный у ног Серого Короля. Тот развернулся и со всей силы пнул его в висок. Мир взорвался тысячей разноцветных пятен и безумным калейдоскопом закружился перед глазами. Горячие слезы хлынули по щекам Локки. Бесполезная рапира покатилась по деревянному полу.

Странно, но Локки не утратил четкости восприятия. Он чувствовал жесткие доски у себя под спиной, ощущал соленый вкус крови и слез, туманивших его зрение. А также отмечал волны жгучей боли, которые волнами расходились от сломанного запястья, и, что еще хуже – страшную, безнадежную муку, поселившуюся в его левом плече. Все кончено! Локки осознал весь ужас своего поражения, и это понимание породило в нем такой стыд, что даже заставило на время забыть о боли. Трое его друзей так и останутся не отмщен-

ными, их души обречены вечно скитаться по земле – а все потому, что засранец Локки Ламора *ПРОИГРАЛ*.

Он с шумом втянул в себя воздух, и этот полувздох-полувсхлип породил новую вспышку боли. Кажется, в груди... или в спине? Теперь Локки уже не мог обозначить источник боли – все его существо превратилось в единый сгусток бесконечных, невыносимых страданий. Кроваво-красное безумие захлестнуло его разум, но эта же багровая волна будоражила его, поднимала с полу. С мучительным нечленораздельным воем Локки подтянул ноги к животу и резко их выпрямил, метя в грудь Серому Королю.

Тот как раз готовился нанести последний смертельный удар поверженному противнику. Благодаря толчку Локки острое рапиры, метившее прямо в сердце, отклонилось и обрушилось на многострадальную левую руку. О, это был знатный удар! Анатолиус вложил в него всю свою силу и ярость. Стальное лезвие насквозь проткнуло не столь уж мощное предплечье Локки и вышло с другой стороны. Обезумев от боли, Локки рванул руку вверх, мешая освободить клинок. Он чувствовал, как зазубренные края рапиры ворочаются внутри его плоти, совершают свою ужасную работу – рвут мышцы, скребут кость, но не могут выйти наружу.

Но у Серого Короля оставался еще кинжал – Локки видел чужую руку, сжимающую рукоять. Спасительное звериное чутье подсказало ему использовать единственное доступное в таком положении оружие. Он впился зубами в пальцы Се-

рого Короля, ощутив на языке вкус чужой крови. Анатолиус вскрикнул и от неожиданности разжал кулак. Кинжал выпал и полетел на пол, по пути ударившись о левое плечо Локки. Серый Король с силой выдернул руку, а Локки выплюнул ему в лицо оставшиеся во рту кровь и ошметки кожи.

– Сдавайся! – заорал Король, нанося удары по лицу и по черепу противника. Здоровой правой рукой Локки ухватился за второй кинжал Анатолиуса, оставшийся в ножнах на поясе. Тот рассмеялся и ударил его по руке, пытаясь освободиться.

– Брось, Ламора! Что за чушь! Ты же все равно не сможешь победить! – каждая фраза сопровождалась градом ударов, но Локки словно оглох и потерял чувствительность. Он намертво вцепился в своего противника – так тонущий человек цепляется за оказавшееся поблизости бревно. Серый Король продолжал со смехом колотить его по лицу, ушам, плечам, несколько раз угодил по кровоточащей ране... – Ты... не в состоянии... меня побить!

– А мне и не нужно бить тебя, гнилой урод, – прошептал Локки. На лице его – со сломанным носом, с разбитыми в мясо губами – застыла блаженная улыбка сумасшедшего. Почти теряя сознание, он тем не менее продолжал повторять: – Мне не обязательно бить тебя... Нужно только продержаться на месте... пока сюда не доберется Жан.

Когда смысл этих слов дошел до Серого Короля, он усилил свой натиск. Удары один за другим сыпались на Лок-

ки, но, судя по всему, не производили никакого эффекта. Он лишь заливался безумным пронзительным смехом и все крепче сжимал хватку.

– Я должен просто удерживать тебя... пока не подоспеет Жан!

Злобно зашипев, Серый Король попытался оторвать от себя этого сумасшедшего. Ему пришлось выпустить правую руку Локки, и тот воспользовался моментом, чтобы незаметно вытряхнуть в ладонь золотой тирин, припасенный в рукаве. Последним усилием он швырнул его через плечо противника, и монета громко звякнула, ударившись об стену.

– А вот и он, гнусная тварь! – завопил Локки, разбрызгивая кровь на серую рубашку врага. – На помощь, Жан!

И Серый Король попался на эту нехитрую уловку. Напуганный неожиданным появлением Жеана Таннена, он резко развернулся, потащив за собой и Локки. Это заняло всего долю секунды – ту самую, о которой тот возносил отчаянные мольбы всем богам без разбору. Похоже, небесные покровители его услышали и подарили Локки это мгновение, которое стоило целой жизни.

Ламора протянул освободившуюся руку к кинжалу на поясе Серого Короля, выхватил его из ножен и глубоко, по самую рукоять погрузил под лопатку противника.

Спина Серого Короля выгнулась дугой, рот приоткрылся в беззвучном крике. Обеими руками он попытался оттолкнуть голову Локки, словно освободиться от этого маленько-

го коварного прилипалы означало бы перечеркнуть и полученное ранение. Однако освободиться не удалось: Локки по-прежнему держался насмерть. Тихим, почти загробным голосом он прошептал:

– За Кало Санцу, моего друга и брата.

Серый Король начал заваливаться назад. Но прежде, чем он упал, Локки успел выдернуть кинжал из его спины. Оказавшись в результате падения поверх своего соперника, он размахнулся и снова всадил в него кинжал – теперь уже в живот, в самое солнечное сплетение. Кровь брызнула во все стороны, и Серый Король забился, как жук, насаженный на булавку. И вновь раздался голос Локки Ламоры:

– За Гальдо Санцу, моего друга и брата.

Двигаясь уже скорее в предсмертной судороге, Серый Король обеими руками схватился за рукоять кинжала. Но Локки еще не закончил. Всклипывая и задыхаясь, он правой, здоровой рукой выдернул лезвие из живота врага, размахнулся и всадил его в горло Серому Королю. Собравшись с последними силами, он перерезал ему трахею и долго смотрел, как кровь вытекает из раны на дощатый пол. Тело Серого Короля содрогнулось в последний раз, и он умер. Глядя в его открытые глаза, Локки прошептал:

– За Жука. На самом деле его звали Бертилион Гладек. Он был моим учеником, братом и другом... – силы покинули Локки, он безвольно упал на тело своего врага и, уткнувшись носом в его окровавленную грудь, повторил: – Ты слы-

шишь... он был моим другом.

Но мертвый, как водится, ничего не ответил. Локки вдруг остро поразило это абсолютное безмолвие внутри человеческого тела – ни вдоха, ни удара сердца... Охваченный странной смесью горя и триумфа, он горько и безудержно разрыдался. Так он и лежал поверх трупа своего злейшего врага – содрогаясь всем телом от плача, разбавляя собственными слезами его застывающую кровь.

Не имея сил подняться, Локки остался в тронном зале Плавучей Могилы. Он лежал в свете красных алхимических ламп, наедине со своей победой... и со своей угасающей жизнью, которая вместе с кровью утекала из многочисленных ран.

10

Там его и нашел появившийся вскоре Жеан. Он стащил друга на пол, перевернул на спину и запричитал:

– О боги, ну что же ты за идиот несчастный! Проклятый чертов ублюдок... – он сжимал раны Локки, будто пытаясь вогнать кровь обратно в бесчувственное тело друга. – Ну почему ты меня не подождал? Неужели так трудно было подождать полчаса?

Локки приоткрыл мутные глаза, губы его изогнулись в страдальческой гримасе.

– Жеан... – с трудом прошептал он. – Ты... все равно не

смог бы сражаться. А Серый Король... он был такой сговорчивый. Не сумел мне отказать.

– Черт тебя побери, Локки Ламора, – прорычал Жеан. – Я ведь нарочно отправил ему послание! Надеялся задержать...

– Ты молодец, Жеан... Вот я... и достал мерзавца. Достал... и сжег его корабль.

– Ах, вот оно что! – кивнул Жеан. – А я-то думал, что за пожар... Я наблюдал за ним с того берега Деревяшек. Потом увидел, как ты идешь к Плавучей Могиле – спокойно так, словно к себе домой – и поспешил следом. Но ты, похоже, обошелся и без моей помощи.

– О нет, – Локки поморщился, проглотив скопившуюся во рту кровь. – Я как раз воспользовался тобой... вернее, твоей блестящей репутацией.

Жеан промолчал, но выражение, мелькнувшее в его глазах, заставило Локки похолодеть.

– Вот и свершилась наша месть, – пробормотал он.

– Да... – слезы снова навернулись на глаза Локки, и он помотал головой, чтобы не расплакаться. – Дерьмовое дело.

– Не стану спорить.

– Ты лучше... оставь меня здесь.

Стоявший на коленях Жеан отшатнулся, будто его неожиданно ударили.

– Что ты такое говоришь?

– Оставь меня, Жеан. Я все равно умру... через несколько минут. Они ничего от меня не узнают. А ты успеешь убежать.

Пожалуйста, друг... оставь меня.

Даже в свете красных фонарей было видно, как побагровело лицо Жеана. Брови поползли вверх, а все складочки и морщинки так затвердели, что Локки даже испугался. Это действительно было устрашающее зрелище: челюсти сжаты, скулы, будто два утеса, выступают над мягким овалом полных щек.

– И это все, что ты, засранец, хочешь мне сказать? – произнес он таким ровным и безжизненным голосом, какого Локки никогда у него не слышал.

– Прости меня, Жеан, – заторопился он. – Я совершил ошибку. Серый Король оказался слишком сильным противником. Он сделал меня... не дав и слова сказать. Хочу попросить тебя – обещай, что разыщешь Сабету и...

– Ты сам разыщешь ее, придурок несчастный – после того, как мы уберемся отсюда ко всем чертям.

– Жеан! – правой рукой Локки судорожно вцепился в отвороты куртки друга. – Прости меня, дурака, за то, что подставился. Уходи, пожалуйста... я не хочу, чтобы тебя арестовали. «Черные куртки» появятся здесь с минуты на минуту. Будет совсем хреново, если они тебя схватят. Просто оставь меня здесь и уходи... Ты же видишь, я не могу идти сам.

– Заткнись, идиот, – прошептал Жеан, смахивая злые слезы. – Тебе и не надо идти.

Действуя неумело, но быстро, он стащил плащ с мертвого Серого Короля и обернул вокруг себя, соорудив из

него нечто вроде кокона. Затем, поднатужившись, переложил своего хрупкого друга на плащ, подхватил под колени и, натягивая ткань, поднял на уровень груди. Локки застонал.

– Кончай ныть, мелочь нахальная, – проворчал Жеан, направляясь к выходу из галеона. – В тебе еще осталось, по крайней мере, с полстакана крови.

Однако Локки его не слышал. Сейчас он окончательно впал в беспамятство – то ли от боли, то ли от потери крови. Жеан не знал, но с опаской поглядывал на неестественно бледное лицо друга. Такого цвета кожи он не видел ни у кого и никогда. Глаза открытые, но незрячие, остекленевшие, а из разверстого рта тянется ниточка кровавой слюны...

Жеан понимал, что надо спешить. Он и спешил, как мог – шел, почти бежал, пошатываясь и оступаясь на неровной почве, зубами придерживая край плаща, чтобы не выронить друга...

А за их спиной на палубе Плавучей Могилы в свете красных фонарей осталось лежать тело Серого Короля – забытое, никому не нужное.

Интерлюдия. Небольшое пророчество

Отец Цепп сидел на крыше храма Переландро и смотрел на удивительно самонадеянного четырнадцатилетнего подростка, в которого превратился маленький заморыш, некогда проданный ему Делателем Воров.

– Когда-нибудь, Локки Ламора, – медленно произнес он, – ты так грандиозно влипнешь... Это будет сногшибательное, ошеломляющее зрелище, от которого небеса перевернутся, а боги начнут испражняться кометами. Я от души надеюсь оказаться где-нибудь поблизости, чтобы увидеть это собственными глазами.

– Да ладно вам, – отмахнулся Локки. – Такого никогда не случится.

Эпилог. Лжесвет

1

На дворе стояло влажное каморрское лето – было восемнадцатое Парфиса семьдесят восьмого года Азы Гуиллы. С утра весь город (а вместе с ним и небеса) маялся похмельем.

Шел теплый дождь. Косые искрящиеся струйки, подобно тонким полупрозрачным зеркалам, впитывали в себя призрачный Лжесвет и превращались в восхитительные, но недолговечные произведения искусства, которые на доли секунды зависали в воздухе. Только бы и любоваться, но люди все равно брюзжали – им не нравилось ощущать, что их волосы промокли.

– Сержант! Сержант Видрик! – орал часовой перед постом, расположенным в южной части Муравейника.

– В чем дело, сынок? – тощий немолодой Видрик высунулся в окно и немедленно был вознагражден ушатом воды, вылившимся ему на голову из водостока. Оглушительно прогремел гром.

Часовой по имени Констанцо, недавно устроившийся в патрульную службу Северного Угла, приблизился к зданию.

Он вел за собой Кроткого ослика, впряженного в повозку с открытым верхом. Сзади повозку конвоировали еще двое «желтых курток». Судя по всему, они являлись весьма чувствительными личностями, поскольку кутались в непромокаемые плащи и вообще имели жалкий вид.

– Мы тут кое-что нашли, сержант, – доложил Констанцо. – Кое-что довольно странное.

Совместные команды «желтых» и «черных курток» усиленно прочесывали южную часть города, выискивая злоумышленников – прошел слух, будто прошлой ночью была совершена попытка нападения на Воронов Насест. Одним богам известно, что, по мнению Паука, могли найти солдаты под камнями и корягами Отстойника и Пепелища... Впрочем, Видрик не привык задаваться такими вопросами. Велено, значит, надо делать.

– Что значит «довольно странное»? – поинтересовался он. Накинув свой непромокаемый плащ и опустив капюшон, он прошел под дождем к повозке, помахав по дороге «желтым курткам», один из которых на прошлой неделе проиграл ему два барона в кости и до сих пор не отдал долг.

– Да вы сами взгляните, – ответил Констанцо, откидывая мокрое одеяло, которым была накрыта повозка.

Под ним лежал молодой человек – худощавый, лысоватый, с отросшей щетиной на невероятно бледном лице. Одет он был в изысканный серый камзол с алыми отворотами, местами забрызганный кровью. Незнакомец был жив, но, похо-

же, совершенно не в себе. Он лежал на дне повозки, прижимая к щекам лишённые пальцев руки и устремив на сержанта абсолютно безумный взгляд.

– Ммэ-о-ы-ы, – промычал он. – Мэ-э-о!

Видрик разглядел, что язык незнакомца отрезан под корень; в глубине рта виднелся темный шрам, все еще сочащийся кровью.

– Э-ы-ы-ы-ы!

– Спаси и помилуй, святой Переландро! – отпрянул сержант. – У него на запястье... это то, что я думаю?

– Да, сержант, – кивнул Констанцо. – Он контрмаг. Вернее, был им...

Он снова накинул одеяло на свою находку и полез в карман форменной куртки.

– Тут есть кое-что еще, – проговорил он с заговорщицким видом. – Давайте пройдем внутрь, в помещение.

Видрик провел юношу в свою сторожку, где они по крайней мере смогли скинуть капюшоны. Констанцо протянул сержанту кусочек пергамента, сложенный пополам.

– Мы обнаружили его в Пепелище, на одной из заброшенных вилл, – пояснил он. – Это уже само по себе странно. Парень валялся на полу, а это лежало у него на груди.

Видрик развернул пергамент и прочитал: *«Просьба доставить лично Пауку господина герцога для возвращения в Картен»*

– О боги! – окончательно расстроился сержант. – Он и

в самом деле настоящий картенский контраг. Похоже, не слишком поладил с местной публикой.

– Что будем с ним делать, сержант?

С тяжелым вздохом Видрик сложил записку пополам и вернул ее молодому часовому.

– Самое правильное, что мы можем сделать – это поскорее сбить его с рук и позабыть о том, что видели. Тащите парня прямо во Дворец Терпения, и пусть начальство само ломает голову над этой загадкой.

2

Донья Анджавеста Ворченца, вдовствующая графиня Янтарного Кубка, стояла на набережной, кутаясь в меховой плащ, и наблюдала, как команда солдат орудует на барже. В руках у них были длинные деревянные шесты, которыми они методично тыкали в размокшую жижу под ногами. Как и следовало ожидать, запах стоял умопомрачительный.

– Мне очень жаль, госпожа, но мы установили, что на тех двух баржах ничего нет, – проговорил сержант, стоящий рядом с графиней. – Что же касается этой... мои люди копаются здесь уже битых шесть часов. Мы, конечно, можем продолжить и дальше, но я сильно сомневаюсь, что здесь найдется что-либо ценное.

Донья Ворченца тяжело вздохнула и бросила взгляд в сторону кареты, стоящей поодаль на набережной. Она освеща-

лась алхимическими фонарями гербовых цветов рода Ворченца. Внутри сидело трое пассажиров – супруги Сальвара и капитан Рейнарт. Ворченца кивком подозвала их к себе.

Первым подошел Рейнарт – одетый в непромокаемый плащ, он переносил проливной дождь с несгибаемой стойкостью. Лоренцо и София тоже были в плащах, а дон Сальвара дополнительно держал над головой жены широкий шелковый зонт.

– Позвольте, я угадаю, – сказал капитан. – В баржах одно дерьмо?

– Боюсь, что так, Стефан, – кивнула донья Ворченца. – Благодарю вас за потраченное время, сержант, можете отпустить своих людей. Не вижу смысла продолжать работу.

Обрадованные «желтые куртки» поспешили покинуть баржу, аккуратно неся на плечах перепачканные шесты. Донья Ворченца устало провела руками по лицу и вдруг согнулась пополам.

– Донья Ворченца? – бросилась к ней испуганная София. Мужчины осторожно поддержали старую графиню за плечи, но та внезапно выпрямилась и разразилась глухим, кудахчущим смехом. Не в силах сдержаться, она утирала слезы и махала сухонькими кулачками.

– О боги, – проговорила она наконец. – Нет, это уже слишком!

– В чем дело, донья Ворченца? – капитан Рейнарт взял ее за руку и заглянул в глаза.

– Деньги, Стефан, – промолвила графиня в перерывах между приступами смеха. – Капа Разо и не думал прятать здесь деньги! Этот мелкий поганец заставил нас копаться в дерьме исключительно ради своего удовольствия. Деньги же находились на борту «Сатисфакции».

– Почему вы так решили?

– А разве не ясно? Впрочем, меня тоже только что осенило... все идеально сходится. Легко быть умным задним числом. Помнишь, капа Разо передавал на зачумленный корабль воду и продукты?

– Ну да.

– Так вот, он занимался этим не из благотворительности, как все считали. Под ширмой помощи больным он переправлял на фрегат награбленные денежки.

– Куда? На зачумленный корабль? – изумилась донья София. – Но какой в этом прок?

– Да не было там никакой чумы! – воскликнула Ворченца. – Все это сплошное вранье.

– Но почему же Лукас так настаивал на уничтожении корабля? – спросил дон Лоренцо. – Это что, мелкая месть? Мол, раз мне не досталось, пусть никто не пользуется...

– Лукас – вымышленное имя, мой дорогой Лоренцо. На самом деле его звали Каллас. Таврин Каллас.

– Да как бы его ни звали! Согласитесь, сорок пять тысяч крон плюс все состояние Барсави – деньги немалые. Ради такого богатства любой бы постарался.

– Да, – медленно произнесла донья Ворченца. – И он ведь объяснил, почему так поступает. Буквально назвал вещи своими именами. А я, старая дура, не поняла!

– Прошу прощения, доня Ворченца, но мы не вполне улавливаем вашу мысль, – настаивала София.

– Бич обмолвился, что является священником Тринадцатого Бога, – пояснила графиня. – Может быть, вы слышали об этой ереси? Безымянный Тринадцатый, Лукавый Хранитель, покровитель воров и мошенников. Вспомните, что сказал Бич – «сделайте все, как подобает». И он не оговорился – именно *КАК ПОДОБАЕТ*, – она снова разразилась неудержимым хохотом. – О боги, ведь Анатолиус убил троих его друзей! В том-то все и дело. Никакой угрозы корабль не представлял, и Бич заботился вовсе не о спасении Каморра. Это была обычная «плата за смерть», Стефан... Ритуальная жертва.

В озарении капитан ударил себя, по лбу, и тут же с его капюшона хлынул целый дождевой водопад.

– Именно «плата за смерть», – повторила донья Ворченца. – И я, старая идиотка, помогла ему утопить эти деньги! Теперь они лежат на дне Каморрского залива, среди кровавых акул.

– Так значит... – на доня Лоренцо было жалко смотреть. – Значит, почти все мое состояние лежит в Старой Гавани на глубине трехсот шестидесяти футов?

– Боюсь, что так.

– И... и что же нам теперь делать?

Донья Ворченца задумалась на несколько секунд, затем глубоко вздохнула.

– Прежде всего, – начала она решительным тоном, – все подробности этого дела объявляются государственной тайной Каморра и не подлежат разглашению. Официальная версия такова: Бич Каморра – не более чем миф, деньги, которые он якобы украл, никогда не существовали, а герцогский Паук никогда не проявлял ни малейшего интереса к этой ерунде.

– Кстати, нам известно, каким образом Бич Каморра обеспечивал секретность своих операций, – вмешалась донья София. – Они сами рассказали об этом Лоренцо в тот раз, когда вломились в наш дом под видом Полуночников.

– Да-да, – поддержал ее муж. – По словам одного из лже-Полуночников, им в этом помогало извращенное чувство достоинства каморрских аристократов. Став жертвой ограбления, они не желали, чтобы кто-нибудь узнал об их конфузе, и тщательно все скрывали от других возможных жертв. По-моему, выглядит правдоподобно.

– По-моему, тоже, – согласилась донья Ворченца. – Но тем не менее мы вынуждены поступать именно таким образом. Когда-нибудь настанет время, и вы поймете, что государство, подобное герцогству Каморра, не имеет права быть слабым. Герцог Никованте платит мне за то, чтобы я сохраняла секретность, а не распространяла информацию.

Оба супруга Сальвара смотрели на нее, не произнося ни слова.

– Полно, что за печальный вид? – воскликнула графиня. – Я ведь еще не объявила о наказании, которое вы понесете за участие в этой истории. Сейчас мы вернемся в Янтарный Кубок и все подробно обговорим.

– Какое наказание, доня Ворченца?! – возмутился Лоренцо. – Мы и так потеряли почти семнадцать тысяч крон! Разве этого не достаточно?

– Отнюдь, – улыбнулась доня Ворченца. – Дело в том, что я наконец решила, кто же унаследует титул графа Янтарного Кубка после моей смерти, – сделав внушительную паузу, она поправилась: – Вернее, графа и графини Янтарного Кубка.

– Что? – взвизгнула София, как девятилетняя девчонка – особо визгливая, привыкшая все делать громко.

– Не думайте, что это подарок с моей стороны. Вам придется ох как потрудиться!

– Вы, должно быть, шутите, – недоверчиво покачал головой Лоренцо. – В Альсегранте найдется по крайней мере две дюжины семей, превосходящих нас знатностью. Господин герцог никогда не пропустит нашей кандидатуры.

– Наверное, я как-нибудь лучше знаю господина герцога, молодой человек, – возразила донья Ворченца. – Кроме того, это моя привилегия – выбрать себе наследника.

– Но... вы упомянули какую-то работу, – заметила донья Сальвара. – Не хотите же вы сказать...

– Именно это я и хочу сказать, милая София. Я ведь не вечная. Каждый раз, когда подобные хлопоты сваливаются мне на плечи, я думаю – не хочу жить вечно! Пусть роль Паука играет кто-нибудь другой. Много лет мы сознательно запутывали общественное мнение, внушая ему, что тайную полицию может возглавлять только мужчина. Пусть же теперь эту функцию выполняют *ДВА* человека.

Она подала руку Рейнарту и позволила проводить себя в карету.

– Стефан поможет вам в планировании операций, он прекрасно управляется с Полуночниками. Вы оба обладаете достаточно острым умом. Пройдет несколько лет, и, думаю, мне удастся сделать из вас вполне приличных руководителей тайной полиции.

– А потом? – спросила донна София.

– А потом, дорогая, все проклятые кризисы в этой стране станут *ВАШЕЙ* заботой. Разрешайте их, как хотите, – донья Ворченца вздохнула и продолжила: – Ничто в этом мире не исчезает бесследно. Все старые грехи имеют обыкновение всплывать на поверхность в самый неожиданный момент. Так что вам придется платить и платить из копилки своей совести – до тех пор, пока она окончательно не опустеет. Так-то, мои милые...

– Помилуйте, мастер Ламора! – причитал Ибелиус. – Нельзя ни в коем случае...

В разгорающемся Лжесвете море выглядело бескрайним переменчивым полем, в котором серые оттенки переплетаются с зелеными. Волны набегали одна на другую и разбивались о борт галеона «Золотая прибыль», следующего сначала в Талишем, а после – в Тал-Верарр. Этим вечером Каморрский порт покинули всего два корабля, и «Золотая прибыль» была одним из них. Ветер набирал силу, завывая в вантах и парусах старого галеона. Озабоченные матросы в непромокаемых плащах бегали туда-сюда по палубе, бормоча под нос молитвы великому Ионо, Повелителю алчных вод.

Локки Ламора, замотанный в несколько одеял, лежал на корме судна поверх кучи старых парусов и прочей снасти. Он был так плотно упакован, что наружу выглядывало лишь его бледное израненное лицо – словно сосиска в тесте. Рядом с ним сидел Жеан Таннен, тоже укутанный в непромокаемый плащ, хотя и не до такой степени, как его друг.

– Мастер Ибелиус, я десятки раз покидал Каморр, и всякий раз – по суше, – тихим измученным голосом произнес Локки, слегка гнусава из-за сломанного носа. – А тут такая возможность... нечто совершенно новое. Мне так хочется видеть все своими глазами!

– Мастер Ламора, вы были на волосок от смерти, – не уни-
мался старый лекарь. – Как можно после этого резвиться на
палубе, да еще в такую погоду!

– Ну знаешь, Ибелиус, – вмешался Жан, – если то, что
сейчас делает мой друг, называется «резвиться», тогда тру-
пы могли бы работать акробатами в цирке. Оставишь ты нас
когда-нибудь в покое или нет?

– Отлично! А я-то, осел старый, ночи напролет не сплю,
пытаясь спасти этому безумцу жизнь и приличную внеш-
ность! Ладно, молодые люди, наслаждайтесь морской про-
гулкой, но помните – все последствия на вашей совести!

И раздосадованный старик зашагал прочь. Он шел, поша-
тываясь, то и дело оступаясь на скользкой палубе – море бы-
ло решительно не для него.

Друзья же вновь устремили взгляды вдаль, туда, где остал-
ся их родной город. Каморр удалялся от них, скрываясь за
пеленой дождя, озаренный снизу Лжесветом, будто окутан-
ный таинственной аурой. На фоне темнеющих небес ярко
выделялись Пять башен, но и они становились все меньше,
постепенно уплывая за темный горизонт.

– Прости меня, Локки, – произнес Жан. – Мне очень
жаль, что я не смог помочь тебе в самом конце.

– Что за хрень ты несешь, дружище? Ты сделал почти
невозможное – убил Черину и Раизу. Ты вытащил меня с
Плавучей Могилы и принес к Ибелиусу, чтобы он смог снова
обмазать меня своим гадостным зельем. Опомнись, Жан, за

что тебе извиняться? Разве что за эту вонючую мазь...

– Все равно я виноват, – настаивал Жеан. – Я всю жизнь использовал свое настоящее имя и не подозревал, что это приведет к страшным последствиям.

– Ты о контрмаге? Да брось, Жеан, кто же знал? Если хочешь, возьми себе псевдоним там, куда мы приедем. Таврин Каллас отлично сгодится. И пусть эти уроды хоть весь город перевернут вверх дном. В конце концов, ордену Азы Гуиллы не повредит лишнее чудо.

– Но я пытался убить тебя, Локки. Мне так стыдно... я ничего не мог поделать.

– Чушь! Это не ты пытался убить меня, а Сокольничий. Ты же действительно не мог ему сопротивляться. О боги, у меня была сломана рука, проткнута грудная клетка, это не считая простых ран в мякоть, и если бы ты не появился... Все, довольно! Я не желаю больше слушать эти глупости.

Тем временем буря набирала силу. Где-то в небесах, за облаками раскатисто прогремел гром. Матросы забегали с удвоенной силой, с носа галеона донеслись отрывистые команды.

– Жеан, – тихо промолвил Локки, – ты лучший друг, чем я когда-либо мечтал встретить. Ты столько раз спасал мне жизнь, что и не сосчитать. Я скорее умру, чем соглашусь потерять тебя. В конце концов, ты – это все, что у меня осталось. Но дело не только в этом...

Жеан ничего не ответил. Некоторое время они сидели

молча, глядя на север, где пенистые волны накатывались одна на другую.

– Прости, – наконец прошептал Жеан. – Видимо, я совсем скис... Спасибо тебе, Локки.

– Выше нос, дружище! Не о чем горевать. Ты, по крайней мере, хотя бы перемещаешься сам – тебе завидуют все головастики на берегу пруда. А посмотри на меня в этой брезентовой крепости! – Локки горестно вздохнул. – Так что, считай, мы победили.

– Так и есть, – кивнул Жеан.

– И пошло оно все туда, куда и не выговорить! – тихо добавил Локки.

На несколько минут снова повисло молчание.

– Локки, – нерешительно произнес Жеан. – Да?

– Ты только не злись... но как твое настоящее имя?

– О боги! – криво усмехнулся Локки. – У меня, что, не может быть секретов?

– Но ты же знаешь *мое* имя.

– Ха, так оно же у тебя одно на все случаи жизни.

– Это нечестно!

– Хорошо, – сдался Локки. – Иди сюда.

Жеан подполз поближе к ложу из парусов и канатов, где лежал его друг, и склонился к нему. Когда Локки прошептал ему на ухо пять звуков, глаза Жеана изумленно расширились.

– Ничего себе! – протянул он. – Нет уж, лучше всю жизнь

именоваться Локки.

– Вот именно, – ухмыльнулся его друг.

Галеон продолжал двигаться на юг, и вскоре за горизонтом скрылись последние отблески Лжесвета. Двое Благородных Подонков навсегда покидали Каморр, а вокруг бушевал шторм, и дождь стоял сплошной стеной...